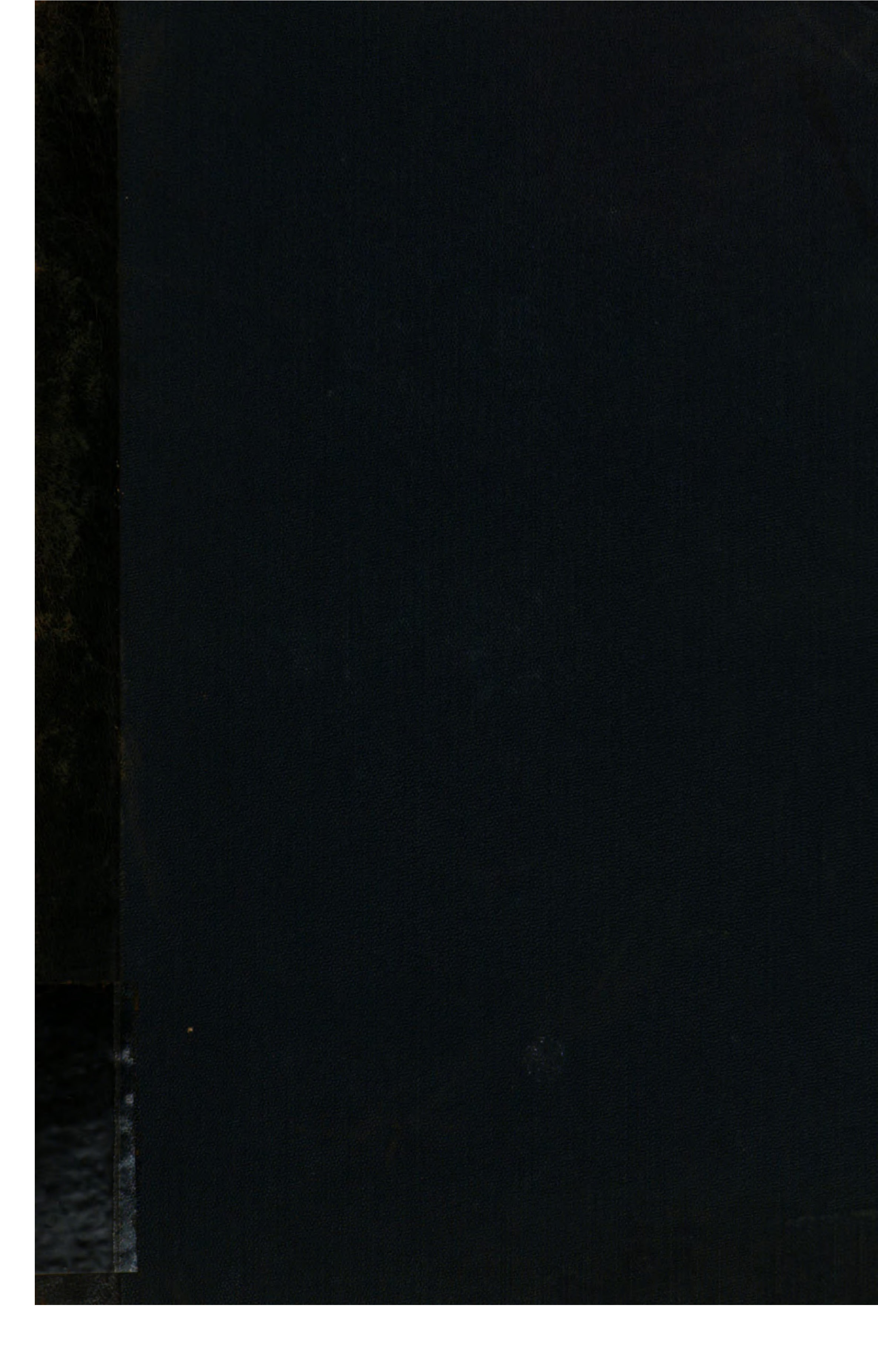
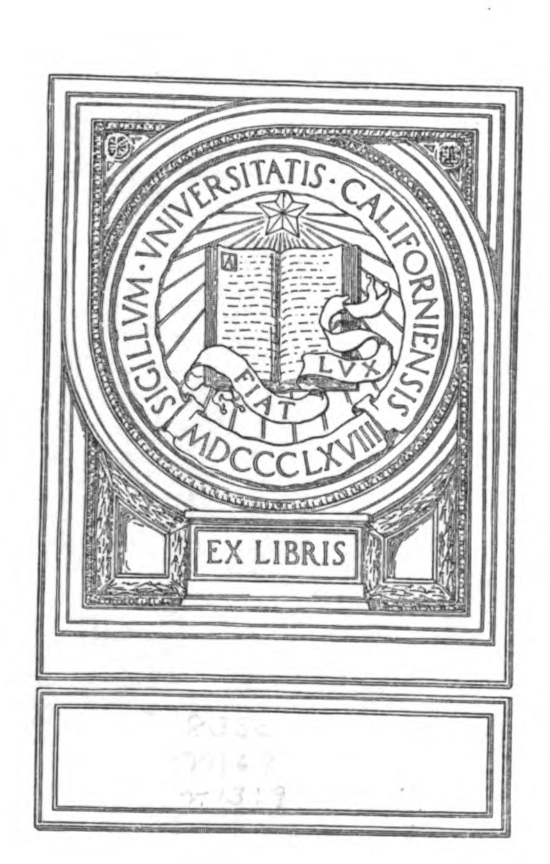



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIII-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Годъ XIII-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

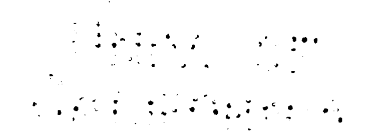
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 28-го августа 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



ОСНОВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

Проф. **Г. Челпанова.**

(Трансцендентальный идеализмъ и реализмъ, имманентная школа).

Статья 2-я.

Мы разсмотрѣли, какъ разрѣшается реализмомъ и идеализмомъ вопросъ о реальности познанія. По реалистическому ученію, внѣ сознанія существуютъ вещи, которыя оказываютъ воздѣйствіе на наше сознаніе, результатомъ чего являются наши представленія о вещахъ. Гносеологическій идеализмъ не допускаетъ никакой реальности внѣ сознанія. Онъ представляетъ собою рѣзко выраженное *монистическое* ученіе, потому что признаетъ только одно бытіе, именно бытіе сознанія, или бытіе сознаваемаго, между тѣмъ какъ реалистическая точка зрѣнія имѣетъ *дуалистическій* характеръ, потому что въ ней допускается какъ бытіе сознанія, такъ и чего-то такого, что находится внѣ сознанія.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть главнѣйшія модификаціи этихъ двухъ типовъ гносеологическихъ ученій, получившей начало отъ *Канта*.

Разсмотримъ предварительно взгляды самого Канта на вопросъ о реальности познанія.

Въ началѣ своей «Трансцендентальной эстетики» *) Кантъ ставитъ вопросъ: есть ли пространство что-либо *объективное*, т.-е. существуетъ ли оно какъ вещь, или оно есть что-нибудь *субъективное*. Постановка такого вопроса имѣла смыслъ потому, что нѣкоторые философы, современники Канта, считали пространство объективно реальнымъ, именно субстанціей, между тѣмъ какъ другіе считали пространство просто субъективнымъ отношеніемъ. Кантъ находитъ, что пространство имѣетъ исключительно субъективную реальность и объясняетъ это слѣдующимъ образомъ.

---

*) См. *Кантъ*. „Критика чистаго разума“. О Кантѣ: *Куно-Фишеръ*. „Исторія новой философіи“, т. IV. Спб. 1901 г. *Виндельбандъ*. „Исторія философіи“ Спб. 1898 г. § 41.

Какъ мы мыслимъ себѣ математическое пространство? Какъ нѣчто единое, въ родѣ сосуда, который содержитъ въ себѣ всѣ вещи. Пространство однородно, непрерывно. Но откуда мы получаемъ такого рода понятіе? Эмпирики находили, что понятіе пространства получается изъ опыта, потому что оно является результатомъ воспріятія частныхъ видовъ сосуществованія. Но Кантъ находитъ, что это понятіе мы не можемъ получить изъ опыта, изъ воспріятія сосуществованія вещей, ибо для воспріятія сосуществованія и вообще для воспріятія какой бы то ни было частной протяженности необходимо, чтобы въ основѣ его лежало уже понятіе пространства. Поэтому и нельзя сказать, что понятіе пространства получается изъ опыта, а напротивъ, оно само служитъ условіемъ опыта. Пространство изъ опыта не получается, потому что оно объективно не существуетъ, а напротивъ, имѣетъ субъективный характеръ. Это послѣднее доказывается, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что все полученное нами изъ опыта мы можемъ выбросить изъ нашего мышленія, а то, что является необходимымъ порожденіемъ нашего сознанія, мы не можемъ выбросить. Такъ мы можемъ выбросить изъ нашего мышленія «вещи», т.-е. мы можемъ мыслить пространство безъ вещей, но не можемъ мыслить вещей безъ пространства. Ясный знакъ того, что пространство субъективно, что оно неразрывно связано съ нашимъ сознаніемъ. Все то, что изъ опыта не получается, но является условіемъ опыта, Кантъ называетъ *формой* сознанія *).

Тѣ же самыя разсужденія, которыя я только что привелъ относительно пространства, вполнѣ примѣнимы къ понятію времени, причинности и др. Понятіе причинности, по мнѣнію Канта, изъ опыта не получается: оно есть субъективная форма, т.-е. не можетъ быть получено изъ воспріятія вещей, а составляетъ привнесеніе самого сознанія.

Итакъ, по Канту, пространство, время, причинность находятся въ нашемъ сознаніи, являются субъективными формами. Онѣ—необходимыя условія всякаго познанія: для того, чтобы предметы были предметами, мы должны представлять ихъ въ формѣ пространства, времени и причинной связи. Въ этомъ смыслѣ формы нашего сознанія являются условіями предметовъ, т.-е. предметы не были бы для насъ предметами, если бы мы къ ощущеніямъ не придавали формъ сознанія. То, что мы называемъ предметами, создается при помощи формъ нашего сознанія. Предметы и вещи, выражаясь грубо, являются результатомъ соединенія «ощущеній» съ «формами» сознанія.

Изъ этого объясненія видно, что формы сознанія привносятся самимъ сознаніемъ. Но откуда же въ такомъ случаѣ берутся ощущенія?

---

*) Объ этомъ см. мою статью „Философія Канта". „Міръ Божій" 1901 г. № 3, а также мою книгу „Проблема воспріятія пространства", ч. 2-я. Кіевъ. 1904г. Гл. 8-я.

Для объясненія возникновенія ощущеній Кантъ долженъ былъ допустить «вещи въ себѣ», существующія независимо отъ нашего сознанія и воздѣйствующія на него. «Вещи въ себѣ» являются причиной возникновенія въ насъ ощущеній или «матеріи познанія», какъ выражался Кантъ, сознаніе же въ этомъ случаѣ доставляетъ форму. Результатомъ воздѣйствія «вещей въ себѣ» и формъ сознанія и являются предметы. Если мы примемъ во вниманіе это разсужденіе Канта, то для насъ будетъ очень не трудно опредѣлить его отношеніе къ вопросу о реальности познанія. Канта мы должны признать *реалистомъ*, потому что онъ признаетъ существованіе «вещей въ себѣ», какъ чего-то такого, что существуетъ независимо отъ нашего сознанія. Но его точка зрѣнія совершенно отличается отъ точки зрѣнія наивнаго реализма, по которому вещи существуютъ именно такъ, какъ мы ихъ представляемъ; вещи похожи на наши представленія. По Канту, вещи въ себѣ не похожи на наши представленія; онѣ существуютъ абсолютно независимо отъ нашего познанія; онѣ не похожи на наши представленія потому, что они не пространственны, не временны и т. д. Такъ какъ онѣ находятся внѣ нашего сознанія, то ихъ существованіе мы должны признать трансцендентнымъ.

Но разсмотримъ ближе свойства «вещей въ себѣ», въ ихъ отношеніи къ познаваемости. Мы только что видѣли, что познаваемые нами предметы являются результатомъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, «формъ сознанія, съ другой стороны, ощущеній, которыя, въ свою очередь являются результатомъ взаимодѣйствія «вещей въ себѣ» на сознаніе. Слѣдовательно, въ «вещахъ въ себѣ» нѣтъ ни причинности, ни пространственныхъ отношеній, ни временныхъ отношеній. Мы не можемъ сказать, что «вещи въ себѣ» находятся ближе или дальше одна отъ другой, потому что онѣ внѣпространственны; о «вещахъ въ себѣ» нельзя сказать, что онѣ существуютъ раньше или позже, потому что онѣ внѣвременны. Точно также онѣ не могутъ находиться въ какой-нибудь причинной связи: онѣ внѣпричинны. По отношенію къ нимъ мы можемъ сказать, что онѣ внѣвременны, внѣпространственны, внѣпричинны, онѣ, поэтому, совершенно отличаются отъ міра *чувственнаго* и составляютъ особый міръ, который Кантъ называетъ міромъ *умопостигаемымъ* или *интеллигибельнымъ*. «Вещи въ себѣ», существующія абсолютно независимо отъ нашего сознанія, оказываютъ воздѣйствіе на наше сознаніе; результатомъ этого воздѣйствія являются предметы, причемъ «вещи въ себѣ» своимъ воздѣйствіемъ доставляютъ ощущеніе, сознаніе же къ этимъ ощущеніямъ присоединяетъ свои «формы».

Кажется, что теорія Канта должна насъ удовлетворять гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, теорія Беркли. Беркли отрицалъ существованіе вещей независимо отъ нашего сознанія. Это утвержденіе приводитъ въ затрудненіе наше мышленіе. Непонятно, какъ могутъ воз-

никать въ нашемъ сознаніи представленія, если на него не дѣйствуетъ что либо, внѣ его находящееся. Гораздо болѣе понятной представляется теорія Канта, по которой существуютъ «вещи въ себѣ», оказывающія воздѣйствіе на наше сознаніе.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло оказывается далеко не такъ просто. Въ утвержденіи Канта, что внѣ познающаго субъекта существуютъ «вещи въ себѣ», оказывающія воздѣйствіе на наше сознаніе, содержится самое очевидное противорѣчіе. Мы только что видѣли, что къ «вещамъ въ себѣ» нельзя примѣнить понятіе причинности; но въ то же время Кантъ утверждаетъ, что «вещи въ себѣ» оказываютъ воздѣйствіе на сознаніе. Но какъ же «вещи въ себѣ», будучи внѣпричины, могутъ оказывать воздѣйствіе на наше сознаніе? Вѣдь понятіе воздѣйствія предполагаетъ понятіе причинности, воздѣйствіе невозможно безъ причинности, а причинность не приложима къ вещи въ себѣ. Слѣдовательно, вещь въ себѣ не можетъ оказывать воздѣйствіе на наше сознаніе и созидать познаніе. Поэтому такое простое утвержденіе, какъ существованіе вещи въ себѣ, оказывающей воздѣйствіе на наше сознаніе, вполнѣ противорѣчиво. Нельзя понять, какъ могутъ существовать какія-либо вещи, которыя могутъ оказывать воздѣйствіе на наше сознаніе. Признаніе чего то трансцендентнаго, что находится внѣ нашего сознанія, но что тѣмъ не менѣе реально существуетъ, казалось совершенно непонятнымъ. На это противорѣчіе въ признаніи вещей въ себѣ впервые указалъ Фихте. Онъ именно указывалъ на невозможность оставаться въ предѣлахъ кантовской теоріи познанія, допуская существованіе вещей въ себѣ. По его мнѣнію, кантовскую теорію познанія можно построить, не допуская существованія какихъ бы то ни было «вещей въ себѣ».

Для того, чтобы устранить указанное только что противорѣчіе, кантіанцы придумали очень хитрое объясненіе, которое клонится къ тому, чтобы возможно было признать воздѣйствіе вещи въ себѣ на сознаніе. Вкратцѣ это объясненіе сводится къ слѣдующему. Въ основѣ каждой эмпирической вещи, которую мы познаемъ, напримѣръ, дерево, стопа, животное и т. д., лежитъ «вещь въ себѣ», которая, разумѣется, внѣпространственна, внѣвременна, внѣпричинна и т. д. Въ основѣ нашего познающаго ума тоже лежитъ «вещь въ себѣ». Такимъ образомъ получаются, съ одной стороны, эмпирическія вещи и явленія сознанія, съ другой стороны, трансцендентныя вещи или вещи въ себѣ. Первыя находятся въ пространствѣ, времени и причинномъ отношеніи другъ къ другу; ко вторымъ эти понятія отнюдь примѣнены быть не могуть.

Для того, чтобы у насъ получилось познаніе, необходимо, чтобы трансцендентныя вещи оказывали воздѣйствіе на трансцендентное сознаніе. Но о какомъ дѣйствіи можетъ быть рѣчь между трансцендентными вещами, о которыхъ было сказано, что онѣ внѣ причины?

Между трансцендентными вещами и трансцендентнымъ сознаніемъ не можетъ существовать причиннаго отношенія въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Между ними нужно допустить причинность совершенно особаго рода. Эту причинность Кантъ самъ называлъ *причинностью изъ свободы*. О природѣ этой причинности мы можемъ получить нѣкоторое представленіе, если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ въ нашей умственной жизни одни психическія состоянія вызываютъ другія. Онѣ, какъ извѣстно, вызываютъ, порождаютъ другія состоянія, не имѣя надобности ни въ пространствѣ, ни во времени. Какъ разъ такую причинность мы должны признать и для взаимодѣйствія вещей трансцендентнаго міра.

Казалось, что такимъ допущеніемъ вполнѣ разрѣшается интересующій насъ вопросъ о возможности воздѣйствія вещей въ себѣ на наше сознаніе. Но дѣло въ томъ, что такое объясненіе едва ли соотвѣтствуетъ взглядамъ самого Канта. Правда, Кантъ признавалъ существованіе особой причинности, именно причинности изъ свободы, но говорилъ о ней только въ примѣненіи къ человѣческимъ дѣйствіямъ.

Такимъ образомъ вопросъ о воздѣйствіи вещей въ себѣ на сознаніе оставался невыясненнымъ. Оставался также невыясненнымъ вопросъ о томъ, признавалъ ли Кантъ реальность вещей въ себѣ. На первый взглядъ кажется несомнѣннымъ, что Кантъ признавалъ существованіе трансцендентныхъ объектовъ, нечувственную причину нашихъ ощущеній. Однако можно вполнѣ сомнѣваться въ томъ, что Кантъ признавалъ такъ называемыя «вещи въ себѣ» реальными По крайней мѣрѣ, есть рядъ писателей, которые думаютъ, что «вещь въ себѣ» не есть что-либо реально существующее *)

По ихъ мнѣнію, кантовская «вещь въ себѣ» есть собственно фикція, что она на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Вещь въ себѣ, по ихъ толкованію, не есть что-либо трансцендентное, находящееся за предѣлами сознанія, а она есть только нѣчто «мыслимое». Такимъ образомъ нельзя признать существованіе чего-либо реальнаго, что какъ бы скрывалось за извѣстными качествами; какъ, напримѣръ, ядро орѣха скрывается за орѣховой скорлупой. Такое пониманіе вещи въ себѣ уже потому неправильно, что въ этомъ случаѣ вещь въ себѣ находилась бы въ пространствѣ. Скорѣе подъ «вещью въ себѣ» можно понимать *законъ* связи представленій. Именно въ нашемъ чувственномъ воспріятіи намъ даются отдѣльныя чувственныя качества, которыя и связываются въ одно цѣлое. Но для каждой вещи это связываніе будетъ совершенно своеобразнымъ, отличнымъ отъ связы-

---

*) См., напр,. *Lasswitz*. „Die Lehre Kant's von der Idealität des Raumes und der Zeit". 1883, стр. 121—30. *Cohen*. „Kant's Theorie d. Erfahrung". 1886, стр. 518 и т. д.

ванія въ другой вещи. Этотъ своеобразный комплексъ, или этотъ законъ будетъ представлять собой нѣчто мыслимое. Это мыслимое и есть «вещь въ себѣ». Она, конечно, не есть что-либо реальное. Реально существуютъ только отдѣльныя качества и предметы чувственнаго воспріятія. «Вещь въ себѣ» въ этомъ смыслѣ есть нѣчто независимое отъ чувственнаго воспріятія, она есть нѣчто мыслимое, разъ она представляетъ собою только законъ связи представленія, но она не есть что-либо *трансцендентное*, а нѣчто *эмпирическое*.

Такое толкованіе «вещи въ себѣ» мы находимъ у современныхъ представителей *трансцендентальнаго идеализма*. Они отвергаютъ существованіе какого бы то ни было трансцендентнаго бытія, которое должно было отражаться въ нашемъ познаніи. Однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей этого направленія является *Виндельбандъ* *). По его мнѣнію, при объясненіи познанія мы можемъ обойтись безъ допущенія «вещи въ себѣ». Наше познаніе не есть копія чего-либо существующаго. Задача теоріи познанія заключается въ томъ, чтобы объяснить познаніе, другими словами, указать условія истинности познанія. По наивному реализму, то познаніе мы должны считать истиннымъ, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительности, которое точно отображаетъ дѣйствительность. По мнѣнію Виндельбанда, можно предложить болѣе точный критерій истины. По этому критерію, впервые установленному Кантомъ, истиннымъ мы должны считать все то, что имѣетъ всеообщее или общеобязательное значеніе. Задача человѣческой науки состоитъ не въ томъ, чтобы точно отображать міръ, существующій независимо отъ человѣка: о такомъ отображеніи потому не можетъ быть рѣчи, что если бы, пользуясь имъ, мы пожелали опредѣлить истинность того или другого положенія, то для этого намъ пришлось бы представленіе сравнить съ вещами, а между тѣмъ вещь сама есть представленіе, а потому это сравненіе никакъ не могло бы осуществиться. Мы на самомъ дѣлѣ никогда не были бы въ состояніи опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли предметъ дѣйствительности или нѣтъ.

Предметъ, который мы желаемъ познать, есть только правило, по которому опредѣленные элементы представленія должны соединяться для того, чтобы они могли быть признанны общеобязательными. Мы знаемъ, что каждый индивидуумъ можетъ тѣ или другія представленія связывать по своему, но мы называемъ *предметомъ* только ту связь представленій, которая совершается по опредѣленному правилу или закону. Для поясненія этой мысли позвольте привести одинъ примѣръ причинной связи. Передъ нами кучка пороха, туда попадаетъ искра, порохъ воспламеняется и происходитъ взрывъ. Я формулирую эту причинную связь. Каждый изъ созерцающихъ это явленіе сказалъ

---

*) *Windelband*. „Praeludien", 1903, стр. 142—9; русскій пер. „Прелюдіи". Спб. 1904. Ср. *Koenig*. „Die Entwickelung des Causalproblems". 1888—90, B. II, 371—407.

бы, что сначала появилась искра, а затѣмъ порохъ воспламенился. Это значитъ, что всѣ люди при опредѣленныхъ обстоятельствахъ видятъ одинъ и тотъ же предметъ, потому что всѣ связываютъ представленія, получаемыя отъ предметовъ, въ опредѣленномъ временномъ слѣдованіи. Но допустимъ, что кто-либо изъ созерцающихъ указанныя явленія связалъ бы по другому правилу: именно въ его воспріятіи сперва происходилъ бы взрывъ, а затѣмъ уже появлялась искра; тогда онъ, конечно, не сказалъ бы, что искра есть причина взрыва. Связь въ его умѣ не имѣла бы общеобязательнаго значенія.

Такимъ образомъ то, что по обыкновенному предположенію есть предметъ, который долженъ отображаться въ мысли, то для Канта есть правило связи представленій. Есть ли предметъ что-либо большее, этого мы не знаемъ, да и не нуждаемся въ такомъ знаніи. Основывается ли это правило на абсолютной реальности, не зависящей ни отъ какого представленія, основывается ли оно на «вещи въ себѣ», мы не знаемъ. Познаніе можетъ быть объяснено безъ допущенія какихъ бы то ни было трансцендентныхъ предметовъ. Одного признанія такихъ связей, которыя имѣютъ общеобязательный характеръ, вполнѣ достаточно для этой цѣли. Вмѣсто «вещей въ себѣ» мы будемъ говорить о связи представленій, но, разумѣется, о такой связи представленій, которая имѣетъ общеобязательное значеніе.

Слѣдовательно, по мнѣнію сторонниковъ такого толкованія «вещи въ себѣ», подъ вещами въ себѣ мы должны понимать связь по извѣстному правилу, т.-е. извѣстный умственный синтезъ. Поэтому эмпирическіе элементы, связанные въ одно цѣлое, они называютъ также *ноуменомъ*, т.-е. мыслимой вещью. Для нихъ вещь въ себѣ есть только нѣчто умственное. Разумѣется, о существованіи чего бы то ни было внѣ связываемыхъ представленій не можетъ быть и рѣчи.

Тѣхъ послѣдователей Канта, которые не признаютъ существованія вещей въ себѣ, можно назвать *трансцендентальными идеалистами*. Правда, этимъ именемъ обыкновенно обозначаютъ также и тѣхъ, кто хотя и признаетъ существованіе вещей въ себѣ, однако не считаетъ возможнымъ примѣнять къ нимъ формы сознанія: пространства, времени, причинности, но мы будемъ называть трансцендентальными идеалистами вообще всѣхъ тѣхъ, кто не признаетъ трансцендентнаго міра вещей въ себѣ, въ противоположность къ *трансцендентальнымъ реалистамъ*, которые именно признаютъ такую реальность.

Трансцендентальный реализмъ также имѣетъ въ настоящее время выдающихся защитниковъ. Такимъ является, напримѣръ, *Гартманъ* *).

---

*) См. его: „Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus“; „Das Grundproblem d. Erkenntnisstheorie“, 1889; „Kirchmann's erkenntnisstheoretischer Realismus“; 1875. „Die Weltanschaunng d. modernen Physik“. 1900.

Разбирая ученіе Канта, Гартманнъ находитъ, что Кантъ долженъ былъ признать существованіе вещей въ себѣ, и что онъ на самомъ дѣлѣ признавалъ ихъ. Онъ находитъ, что въ критикѣ чистаго разума Кантъ обнаруживаетъ постоянную попытку отбросить субъективный идеализмъ просто и стремится стать на точку зрѣнія трансцендентальнаго реализма. Неправильно понимаютъ Канта тѣ, которые думаютъ, что изъ его ученія необходимо слѣдуетъ тотъ идеализмъ, которому училъ Фихте, и который, по мнѣнію Гартмана, правильнѣе было бы назвать иллюзіонизмомъ. Гартманъ не согласенъ съ утвержденіемъ Канта, что вещи въ себѣ не имѣютъ пространства, времени и причинности, что къ нимъ эти формы сознанія не примѣнимы. По его мнѣнію, пространственныя и временныя свойства нашихъ ощущеній могутъ быть объяснимы только тѣмъ, что на наше сознаніе дѣйствуютъ вещи въ себѣ съ такими свойствами. Если бы въ «вещахъ въ себѣ» ихъ не было, то не было бы ихъ и въ нашемъ сознаніи. Поэтому мы должны признать, что формы нашего сознанія: пространство, время, причинность существуютъ объективно. «Вещи въ себѣ» обладаютъ пространственностью: имъ, напримѣръ, присущи три измѣренія; въ «вещахъ въ себѣ» существуютъ реальныя временныя отношенія. «Вещи въ себѣ» обладаютъ совершенно своеобразной закономѣрностью, дающей начало нашему понятію причинности. Очевидно, что такъ какъ Гартманъ признаетъ существованіе особаго міра вещей въ себѣ, внѣ нашего сознанія, то онъ реалистъ, но онъ, конечно, не наивный реалистъ. Его отличіе отъ наивнаго реализма заключается въ томъ, что этотъ послѣдній признаетъ, что вещи существуютъ именно такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ; сознаніе воспринимаетъ ихъ, такъ сказать, пассивно, между тѣмъ какъ Гартманъ признаетъ, что наше сознаніе формируетъ ощущенія совершенно своеобразно, благодаря формамъ сознанія и вообще активности духа. Гартманъ признаетъ, что воздѣйствіе, которое оказывается на наше сознаніе вещами въ себѣ, подвергается своеобразному измѣненію со стороны послѣдняго; поэтому въ нашихъ впечатлѣніяхъ мы не имѣемъ точнаго отображенія міра дѣйствительности; они суть только лишь символы истинной реальности; при помощи ихъ мы и получаемъ только косвенное познаніе вещи въ себѣ. Для Гартмана существуютъ *двѣ* реальности: одна реальность—это міръ вещей въ себѣ, другая—это представленіе ихъ въ нашемъ духѣ.

Мы разсмотрѣли ученіе Канта о реальности и видѣли, что согласно его теоріи существуютъ вещи въ себѣ, дѣйствующія на сознаніе, результатомъ чего является представленіе явленій. Но, какъ мы видѣли, далѣе, нѣкоторые кантіанцы находятъ, что признаніе Кантомъ «вещи въ себѣ» не согласимо съ его основными взглядами. По ихъ мнѣнію, надо постараться построить теорію познанія безъ допущенія вещей въ себѣ. Вслѣдствіе такого отступленія отъ кантовской теоріи получилось двѣ группы ученій о реальности. Одна группа трансценденталь-

ныхъ *реалистовъ*, признающихъ вещь въ себѣ, и другая трансцендентальныхъ *идеалистовъ*, отрицающихъ эти вещи, какъ и вообще все, лежащее по ту сторону сознанія. Въ очень близкомъ родствѣ съ трансцендентальнымъ идеализмомъ находится то ученіе о реальности, которое въ настоящее время носитъ названіе *имманентной школы*. Главными представителями этого направленія являются *Шуппе*, *Шубертъ-Зольдернъ*, *Леклеръ*, *Ремке* и др. *).

Замѣтимъ сначала, что самое названіе этой школы объясняется ея основнымъ положеніемъ, не допускающимъ ничего трансцендентнаго, ничего такого, что было бы невоспринимаемымъ: все сводится у нихъ къ существованію представленій, къ тому, что не выходитъ за предѣлы сознанія, что имманентно сознанію. Хотя этотъ взглядъ уже раньше былъ высказанъ Берклеемъ, однако мы должны остановиться на разсмотрѣніи ученія имманентной школы, потому что она придала гносеологическому идеализму совершенно своеобразный характеръ.

Вульгарное мышленіе при объясненіи познанія держится дуалистическаго пониманія, предполагающаго существованіе сознанія и вещей, какъ чего-то совершенно другъ отъ друга отличныхъ, при-чемъ оно предполагаетъ, что сознаніе есть нѣчто существующее во мнѣ, а вещи нѣчто находящееся внѣ меня. Это признаніе *пространственнаго* различія между міромъ внутреннимъ и міромъ внѣшнимъ созидаетъ непреодолимыя трудности при объясненіи познанія.

Именно, мы никакъ не можемъ объяснить, какимъ образомъ вещи становятся предметомъ познанія. Какимъ образомъ вещи, которыя находятся внѣ насъ, становятся чѣмъ-то внутри насъ. Я вижу на небесномъ сводѣ звѣзду. Съ точки зрѣнія популярной теоріи познанія, остается непонятнымъ дѣйствіе этой отдаленной звѣзды на сознаніе, именно остается непонятнымъ, какимъ образомъ она становится предметомъ моего сознанія, какимъ образомъ эта отдаленная звѣзда, какъ «вещь», становится «представленіемъ» звѣзды. Правда, физіологъ скажетъ намъ, что лучи отъ звѣзды, попадая на сѣтчатку, раздражаютъ зрительный нервъ. Это раздраженіе отражается затѣмъ въ мозгу, частицы котораго приходятъ въ опредѣленное движеніе, результатомъ чего является представленіе звѣзды. Но при этомъ объясненіи остается непонятнымъ, почему въ то время, какъ возбужденіе находится въ мозгу, представленіе звѣзды мы локализируемъ въ пространствѣ, на мѣстѣ, находящемся далеко отъ насъ. На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ, что въ этомъ случаѣ происходитъ процессъ

---

*) *Schuppe*. Erkenntnisstheoretische Logik. 1878. Его же. „Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik", 1894. Его же. Zusammenhang von Leib und Seele. 1902; *Schubert-Soldern*. „Grundlagen einer Erkenntnisstheorie", 1884; *Leclair*. „Beiträge zu einer monistischen Erkenntnisstheorie", 1882: (русск. пер. „Къ монистической теоріи познанія", Спб. 1904); *Rehmke*. „Die Welt als Wahrnehmung und Begriff", 1880. Болѣе подробное изложеніе этого ученія см. въ „трудахъ" кіевской психологической семинаріи, т. I, вып. 1-й, Кіевъ, 1904.

проекціи, т.-е. перенесеніе представленій отъ мозга въ отдаленное пространство. Но такое *перенесеніе* представленій, подобное перенесенію матеріальныхъ вещей, является нелѣпостью.

Такимъ образомъ дуалистическое представленіе, отличающее сознаніе отъ вещей, т.-е. видящее коренное различіе между ними, совершенно не въ состояніи объяснить процесса воспріятія. Эта трудность устраняется при *монистической* точкѣ зрѣнія, т.-е. при допущеніи, что между бытіемъ и мышленіемъ существуетъ полное тождество.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого направленія— Шуппе, разсматривая отношеніе между бытіемъ и мышленіемъ, спрашиваетъ, можетъ ли быть мышленіе безъ вещей, т.-е. можетъ ли быть такое мышленіе, которое не имѣло бы своимъ содержаніемъ какихъ-либо вещей. Обыкновенно, когда мы желаемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, то мы употребляемъ такія выраженія, что можно подумать, что мы именно это допускаемъ. Такъ, напримѣръ, когда мы желаемъ обозначить процессъ мышленія, то мы говоримъ, что умъ «схватываетъ» тѣ или другія вещи, умъ «подходитъ», умъ «усваиваетъ», умъ «связываетъ». Когда мы употребляемъ эти выраженія, то у насъ поневолѣ является аналогія съ движеніемъ руки, которая можетъ схватывать, можетъ производить движеніе схватыванія, фактически ничего не схватывая. Мы можемъ представить себѣ то движеніе руки и пальцевъ, которое необходимо, чтобы схватить предметъ, и при этомъ не представлять предмета, который долженъ былъ бы быть схватываемъ. На основаніи этой аналогіи кажется, что можетъ существовать процессъ *чистаго* мышленія, т.-е. такое мышленіе, въ которомъ не мыслятся какія-либо конкретныя вещи. Если это допустить, тогда сдѣлается понятнымъ обычное предположеніе, что сознаніе, существующее само по себѣ, подходитъ къ вещамъ, схватываетъ ихъ и т. п.

Но этотъ взглядъ совершенно невѣренъ, потому что умъ не можетъ мыслить, не имѣя какого-либо содержанія. Мышленіе всегда должно быть мышленіемъ чего-либо, мышленіе всегда имѣетъ какое-нибудь содержаніе, т.-е. мышленіе всегда есть мышленіе вещей. Если я отброшу содержаніе или мыслимыя вещи, то мышленіе фактически окажется невозможнымъ: оно разрушится. Очутись мы передъ абсолютной пустотой, то мышленія не могло бы быть. Мышленіе нельзя считать дѣятельностью, которая не имѣла бы какого-либо опредѣленнаго содержанія. Однако, имманентная школа не остановилась на томъ, что показала невозможность мышленія безъ бытія. Она защищаетъ и обратное положеніе, именно, что *нѣтъ бытія безъ мышленія*, такъ что мышленіе и бытіе у нихъ неразрывно обусловливаютъ другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, изъ чего состоитъ любой предметъ, какъ не изъ формъ, цвѣта, тяжести, твердости и т. п.? Но, вѣдь, все это есть представленія кѣмъ-нибудь мыслимыя, это есть качества мыслимыя, и если бы этотъ «кто-нибудь» не существовалъ, то не существовало бы его мышленія указанныхъ качествъ, не существовало бы, слѣдо-

вательно и самого даннаго предмета. Всякое бытіе, такимъ образомъ по существу предполагаетъ сознаніе. Сознаніе въ этомъ смыслѣ является предикатомъ бытія. Если это признать, то сдѣлается яснымъ, что субъектъ и объектъ предполагаютъ другъ друга: одно безъ другого невозможно. «Я» и объективный міръ неразрывно связаны другъ съ другомъ. Одно изъ нихъ безъ другого тотчасъ превращается въ ничто. Одно полагается вмѣстѣ съ другимъ. Объективный міръ существуетъ только, какъ содержаніе сознанія, и ничто другое. Онъ необходимо принадлежитъ къ какому-либо «я». Мы не можемъ представить себѣ какое бы то ни было бытіе, безъ того, чтобы оно не являлось предметомъ мышленія или содержаніемъ мышленія. Это «бытіе» непремѣнно должно быть мыслимымъ. Мы можемъ, конечно, допустить бытіе, которое мы могли бы представлять существующимъ независимо отъ мышленія, но въ дѣйствительности это не такъ, потому что такое бытіе будетъ опять-таки «мыслимымъ бытіемъ».

Допущеніе, что возможно бытіе безъ мышленія и наоборотъ, объясняется тѣмъ, что при вульгарномъ мышленіи созидается противоположность между субъективнымъ и объективнымъ, между міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ; кажется, что есть состоянія исключительно субъективныя, напримѣръ, наши чувства, стремленія, желанія и т. д. Другія состоянія, напримѣръ, цвѣта, шероховатость, твердость, тяжесть и т. п., представляются существующими вдвойнѣ; одинъ разъ какъ нѣчто внѣ насъ, внѣ сознанія, а въ другой разъ какъ нѣчто внутри насъ.

Но это вульгарное противопоставленіе внутренняго внѣшнему совершенно неправильно. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ терминъ «*внѣ* сознанія»? Для сторонниковъ дуализма онъ равносиленъ термину «внѣ нашего тѣла»; въ такомъ случаѣ онъ совершенно неправиленъ, потому что сказать, что что-либо находится внѣ нашего тѣла, не все равно, что сказать, что оно находится внѣ сознанія. Далѣе, если сказать, что познаваемое бытіе было первоначально внѣ сознанія, а затѣмъ какимъ-то образомъ перешло въ сознаніе, то мы впадаемъ въ противорѣчіе, именно, если мы о какой-либо вещи говоримъ, что она раньше находилась внѣ сознанія, то мы уже тѣмъ самымъ, что мыслимъ эту вещь, уничтожаемъ это «внѣ сознанія». Вѣдь, разъ мы ее мыслимъ, то она находится въ сознаніи. Слѣдовательно, по мнѣнію Шуппе, не слѣдуетъ говорить о вещахъ внѣ сознанія, потому что всѣ вещи какъ таковыя мыслимы, а потому онѣ находятся въ сознаніи. Обычная ошибка всѣхъ другихъ гносеологическихъ направленій въ томъ именно и заключается, что они вмѣсто того, чтобы признавать, что мышленіе и бытіе представляютъ два неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ противоположныхъ члена одного и того же цѣлаго, обыкновенно считаютъ возможнымъ существованіе одного члена безъ другого; такъ, напримѣръ, ошибка матеріалистической гносеологіи, допускающей только существованіе такъ называемаго матеріальнаго

бытія и отрицающей существованіе такъ называемаго духовнаго бытія, заключается въ томъ, что она незаконно отбрасываетъ одинъ изъ двухъ членовъ противоположенія. Берклеевская теорія впадаетъ какъ разъ въ обратную крайность; она отбрасываетъ тотъ членъ, который мы называемъ бытіемъ. Чтобы избѣжать этихъ ошибокъ, слѣдовало бы эти два члена считать неразрывно другъ съ другомъ связанными.

Шуппе далѣе показываетъ несостоятельность понятія вещи въ себѣ, какъ оно употребляется въ обыкновенной дуалистической теоріи. Сторонники этой послѣдней обыкновенно говорятъ, что мы не знаемъ, какими свойствами обладаетъ вещь въ себѣ, но зато для насъ несомнѣнно, что она существуетъ. На это Шуппе замѣчаетъ, что если о вещи въ себѣ сказать, что она обладаетъ какими-либо непредставляемыми или же немыслимыми свойствами, то она собственно есть ничто; если же сказать, что она обладаетъ представляемыми или мыслимыми свойствами, то она перестанетъ быть вещью въ себѣ. Такимъ образомъ допущеніе вещей въ себѣ приводитъ къ противорѣчію.

Шуппе самъ становится на монистическую точку зрѣнія. Онъ именно отвергаетъ какъ возможность мышленія безъ вещей, такъ и возможность существованія вещей безъ мышленія. Оба эти члена неразрывно связаны другъ съ другомъ. Чтобы понять мысль Шуппе, мы должны обратить вниманіе на то, что, по его мнѣнію, то, что мы называемъ «міръ духовный» и «міръ матеріальный» — одно и то же, а не двѣ различныхъ сущности, какъ это понимаетъ обычное сознаніе, стоящее на дуалистической точкѣ зрѣнія.

Шуппе не матеріалистъ, ибо онъ не отрицаетъ существованіе того, что мы называемъ духовнымъ, но онъ и не спиритуалистъ, ибо не отрицаетъ и существованія того, что мы называемъ матеріальнымъ. Въ его взглядѣ существеннымъ является то, что онъ не видитъ различія между матеріальнымъ и духовнымъ. Они для него по существу одно и то же. Онъ не согласенъ съ тѣми метафизиками, которые думаютъ, что душа есть нѣчто отдѣльное отъ вещей, что отличіе отъ вещей заключается въ томъ, что эти послѣднія протяженны, въ то время какъ душа не протяженна. Для него душа не есть что-либо абсолютно непротяженное, нѣчто абсолютно отличное отъ всѣхъ другихъ вещей. Она есть вещь между другими вещами. Когда мы говоримъ о душѣ, то мы обыкновенно имѣемъ въ виду наше «я». Но что сказать о протяженности нашего «я»? Есть ли оно что-либо абсолютно непротяженное? Вѣдь если я обращу вниманіе на то, чтò я связываю съ представленіемъ своего «я», то я вижу, что прежде всего это есть представленіе о чемъ-то физическомъ, занимающемъ такое-то пространственное и временное положеніе, имѣющемъ такую-то одежду, имѣющимъ мысли о тѣхъ или другихъ протяженныхъ вещахъ и т. п. Входитъ ли въ составъ нашего представленія о «я» что-нибудь такое, что было бы абсолютно непротяженно, имѣло бы исключительно духовный характеръ? Конечно, нѣтъ. Представленіе о на-

шемъ «я» складывается изъ такихъ же элементовъ, изъ какихъ складываются и такъ называемыя матеріальныя вещи. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, напримѣръ, содержаніе представленія стѣны отличается отъ содержанія представленія нашего «я»? Можно прямо сказать, что ничѣмъ. Если по содержанію «я» не отличается отъ вещей, то и оно, слѣдовательно, такое же бытіе, какъ и всѣ другія вещи. Тогда всякая граница между субъектомъ и объектомъ исчезаетъ, ибо оно соткано изъ того же матеріала, изъ котораго сотканы и другія вещи. Поэтому Шуппе прямо говоритъ, что нѣтъ ни духа, ни матеріи, что она представляетъ собою одно и то же, ибо все духовное складывается изъ мыслимыхъ элементовъ, а вещи существуютъ только лишь постольку, поскольку онѣ мыслимы.

Такимъ образомъ все нами познаваемое мы можемъ раздѣлить на двѣ группы, которыя въ дѣйствительности совсѣмъ не отличаются другъ отъ друга кореннымъ образомъ. Вѣдь, какъ мы только что видѣли, и вещи, и представленія имѣютъ одно и то же содержаніе.

Если мы отношеніе между духовнымъ и матеріальнымъ будемъ понимать такимъ образомъ, что они составляютъ только части одного и того же цѣлаго, то всѣ указанныя выше трудности при объясненіи познанія отпадаютъ. Шуппе не станетъ спрашивать, какимъ образомъ мы ощущеніе переносимъ на горизонтъ, ибо онъ знаетъ, что душа и вещи одно и то же, поэтому онъ и не скажетъ, что ощущеніе находится въ мозгу, а скажетъ, что ощущеніе находится тамъ, гдѣ находятся предметы. Такъ, напримѣръ, ощущеніе звѣзды находится на горизонтѣ.

И такъ, согласно ученію имманентной школы, вещь и представленіе—одно и то же, но только разсматриваемое съ двухъ точекъ зрѣнія; никакой границы между субъектомъ и объектомъ нѣтъ, все познаніе сводится лишь только къ представленіямъ, внѣ которыхъ ничего не существуетъ, т.-е. все познаніе *имманентно*, и никакихъ вещей, отличныхъ отъ представленій, нѣтъ, потому что вещи представляютъ собою только совокупность представленій.

Имманентная школа сама сближаетъ себя съ наивнымъ реализмомъ, считаетъ свое воззрѣніе «естественнымъ міровоззрѣніемъ». Такъ какъ нельзя признавать какихъ бы то ни было реальностей помимо тѣхъ, которыя являются предметомъ нашего познанія, то слѣдовательно всѣ такъ называемыя вещи существуютъ именно такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ; такъ, напримѣръ, цвѣта, звуки и проч. существуютъ объективно именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ воспринимаемъ. Но какъ же въ такомъ случаѣ согласовать ея ученіе со взглядами современной физіологіи, показавшей, что ощущенію цвѣта въ нашемъ сознаніи объективно соотвѣтствуютъ волнообразныя колебанія эѳира? Изъ этого крайне затруднительнаго положенія Шуппѣ выходитъ слѣдующимъ образомъ. Онъ утверждаетъ, что дѣйствительно звукъ, цвѣтъ существуютъ реально, но только въ томъ смыслѣ, что они всегда пред-

полагаютъ сознаніе, которое воспринимало бы ихъ. По его мнѣнію, напримѣръ, нельзя качествамъ ощущеній приписывать только субъективное существованіе, напротивъ, они такъ же объективны, какъ и пространство. Нельзя считать эти ощущенія результатомъ взаимодѣйствія атомовъ внѣшней среды и нервной системы, потому что никакъ нельзя было бы понять, какимъ образомъ столкновеніе «беззвучныхъ и безцвѣтныхъ атомовъ» могло бы создать ощущеніе звука и цвѣта. Обыкновенно принято думать, что существуютъ атомы, которымъ не присущи какія-либо опредѣленныя качества, т.-е. которымъ не присущи цвѣта, твердость и т. п., и эти-то атомы внѣшняго міра и атомы нашего тѣла, приходя другъ съ другомъ въ столкновеніе, производятъ ощущеніе цвѣта, звука и т. п. Но такого рода допущеніе кажется Шуппе просто нелѣпымъ. Ему кажется, самымъ нелѣпымъ допущеніе, что бы «беззвучный мракъ атомнаго міра» представлялъ бы собою истинно сущее. Шубертъ — Зольдернъ также находитъ нелѣпымъ допущеніе атомовъ, которымъ не присущи никакія чувственныя качества. Если они не суть что-либо видимое, слышанное и если они вообще не принадлежатъ чувственному міру, то что же они такое? Да и какъ соединенное дѣйствіе атомовъ можетъ порождать то, что въ нихъ самихъ по себѣ не содержится? Поэтому нельзя говорить, что ощущенія не существуютъ объективно. Они объективны такъ же, какъ и пространство, но о нихъ, разумѣется, слѣдуетъ сказать, что они существуютъ только лишь какъ представленіе мыслящаго существа.

Этотъ выводъ кажется на первый взглядъ непонятнымъ, потому что, какъ мы видѣли, чувственныя качества имѣютъ исключительно субъективный хаактеръ; они существуютъ потому, что есть человѣкъ съ чувствующимъ аппаратомъ, устроеннымъ опредѣленнымъ образомъ. Для сторонниковъ этого взгляда, если не будетъ человѣка или существъ организованныхъ подобно ему, то не будетъ и чувственныхъ качествъ. Что же скажетъ въ отвѣтъ на это представитель имманентной школы, который утверждаетъ, что чувственныя качества существуютъ объективно и, разумѣется, должны будутъ существовать и въ томъ случаѣ, если погибнетъ родъ человѣческій и всѣ существа организованныя подобно ему? Имманентная школа находитъ, что и въ такомъ случаѣ эти качества будутъ существовать, но какое же сознаніе будетъ его мыслить? Это будетъ особое сознаніе, которое Шуппе называетъ родовымъ или *абстрактнымъ* сознаніемъ. Абстрактное или родовое сознаніе, какъ уже показываетъ самое названіе, есть такое сознаніе, для котораго наше индивидуальное сознаніе является видомъ. Отношеніе между этими двумя видами сознанія таково, что наше индивидуальное сознаніе можетъ существовать только лишь благодаря родовому.

Но что мыслитъ это родовое сознаніе? Предметомъ мышленія индивидуальнаго сознанія является то или иное индивидуальное содержаніе, предметомъ мышленія абстрактнаго сознанія должно являться какое-

нибудь *общее* содержаніе, представляющее собою абстракцію изъ индивидуальныхъ содержаній. Абстракціею изъ всевозможныхъ содержаній индивидуальныхъ сознаній будетъ, по мнѣнію Шуппе, вселенная. Такимъ образомъ существуетъ абстрактный или универсальный умъ, предметомъ мышленія котораго является вся вселенная. Поэтому всѣ вещи, даже если они не являются предметомъ человѣческой мысли, находятся въ сознаніи родового или абстрактнаго ума. Изъ этого еще разъ становится яснымъ, что если бы не было человѣческаго ума, то чувственныя качества были бы предметомъ мышленія этого родового сознанія.

Теперь обратимъ вниманіе еще на одинъ выводъ, который необходимо вытекаетъ изъ имманентной теоріи познанія. Именно, признавъ эту теорію, мы приходимъ къ *солипсизму*.

По общепринятой терминологіи, этимъ терминомъ обозначается теорія, по которой существуетъ только мое «я», а все остальное существуетъ только въ моемъ «я». Существую только «я» и весь міръ заключается въ моемъ «я». Въ нѣсколько отличномъ видѣ это понятіе является въ имманентной школѣ. Какъ мы видѣли, имманентная философія доказываетъ, что все существуетъ только постольку, поскольку оно является предметомъ нашего сознанія.

Что столъ существуетъ только какъ предметъ нашего сознанія— это можетъ не вызывать сомнѣнія, но что сказать о вашемъ существованіи, о существованіи вашего «я»? Если я скажу, что ваше «я» существуетъ только лишь какъ предметъ моего сознанія, то вы, разумѣется, будете протестовать противъ такого заявленія, потому что вы чувствуете, что вы существуете и независимо отъ моего мышленія о васъ, и вовсе не какъ только представленіе моего сознанія. Слѣдовательно, въ этомъ пунктѣ имманентная теорія терпитъ полное крушеніе. Она должна допустить, что, по крайней мѣрѣ, существованіе чужого «я» имѣетъ независимое отъ нашего сознающаго субъекта существованіе. На это сторонники имманентной теоріи познанія могутъ только отвѣтить, что они и не думаютъ утверждать, что въ мірѣ существуетъ только я одинъ, что никого болѣе нѣтъ. Это было бы метафизическимъ солипсизмомъ, котораго они не защищаютъ, но что гносеологическій солипсизмъ утверждаетъ нѣчто совсѣмъ иное. Онъ именно утверждаетъ, что я васъ знаю, какъ и все прочее, только лишь какъ состояніе моего сознанія. Слѣдовательно, о вашемъ существованіи я могу сказать то же самое, что о существованіи всякой другой вещи, именно, что вы существуете только лишь какъ предметъ моего сознанія.

Такимъ образомъ общій выводъ изъ теоріи имманентной школы будетъ тотъ, что все существующее существуетъ только лишь какъ предметъ моего сознанія. Существованіе чего-либо трансцендентнаго мы доказать и не можемъ, да въ такомъ доказательствѣ и надобности не имѣется.

РАЗЛИВЪ.

Паромъ, скрипя, ушелъ. Въ разливъ, по тусклой зыби,
Изъ-за лиловыхъ тучъ чуть свѣтится заря.
Надъ темнымъ кряжемъ горъ, въ ихъ сумрачномъ изгибѣ,
Померкнули въ лѣсу кресты монастыря.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянетъ,
Но и костеръ потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ... Темнѣй уже не станетъ,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Лишь нѣжно брезжитъ свѣтъ на взгорьяхъ сквозь верхушки,
Блеститъ, какъ ртуть, вода по лужамъ на пескѣ,
Дрожитъ въ разливѣ зыбь, да сонныя лягушки
Звенятъ чуть слышно въ тростникѣ.

Иванъ Бунинъ.

СВИСТАШКИНО СЧАСТЬЕ.

(Разсказъ).

Въ темной, плохо освѣщенной чадящею керосиновою лампочкою «теплушкѣ», — комнатѣ для прислуги гостинницы «Санъ-Франциско»,—собрался почти весь служебный персоналъ второго этажа.

Было сравнительно раннее еще утро, вся подготовка для «фриштыка» была уже выполнена, и потому въ «теплушку» могъ заглянуть на нѣсколько минутъ даже самъ Аггей Аггеичъ, шефъ близкой кухни, тучный и солидный человѣкъ съ медленными, вальяжными, точно актерскими движеніями и блѣднымъ одутловатымъ лицомъ.

Онъ стоялъ ближе къ двери, дабы въ случаѣ надобности немедленно принять участіе въ томъ, что происходило на кухнѣ подъ присмотромъ двухъ или трехъ его подручныхъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла горничная Маша, женщина лѣтъ тридцати, съ плоскою, какъ доска грудью, съ некрасивымъ лицомъ, черты котораго дали право окружающимъ прицѣпить женщинѣ названіе «клячи». Маша сидѣла на низенькомъ табуретѣ, почему то взявшись обѣими руками за бока.

За Машею, въ глубинѣ «теплушки», подъ самою висѣвшею на стѣнѣ лампочкою, толокся лакей желтаго корридора, Евстафій Ильичъ, иначе Свисташка. По привычкѣ, онъ точно отогрѣвалъ свою сгорбленную спину у гладкой поверхности облицованной кафлями печи, хотя на самомъ дѣлѣ печь была холодна, а въ комнатѣ было не только тепло, но прямо даже жарко—въ силу сосѣдства съ кухнею. Это не мѣшало, однако, Свисташкѣ прощупывать отъ времени до времени поверхность печи влажною и трепещущею костлявою рукою и потомъ точно такъ же машинально дуть на ладони, какъ будто обожженныя прикосновеніемъ къ раскаленной поверхности.

За Свисташкою, уже совсѣмъ въ тѣни, виднѣлась долговязая

фигура корридорнаго, поляка Станислава, сидѣвшаго въ привычной позѣ безнадежнаго унынія.

— Какъ кому пофартитъ! — медленно и вяло не говорилъ, а изрекалъ Аггей Аггеичъ, дѣлая плавный, вялый жестъ крупною бѣлою рукою.—Напримѣръ, скажемъ такъ: былъ у меня знакомецъ, поварокъ одинъ. Совсѣмъ плохонькій. Ничего не стоющій. По совѣсти, не завидуя, говорю. Хуже Акима моего, который сподручный. Ѣхалъ онъ изъ Одеста куда-то. По дорогѣ разговорился съ пассажиромъ. Помѣщикъ. Зоветъ. Поѣхалъ. Поступилъ. А самъ совсѣмъ плохонькій поварокъ, говорю. Однако, теперь шестой годъ живетъ. Письмо матери прислалъ, мать у него здѣсь; пофартило, пишетъ, каждый мѣсяцъ двадцать пять рублей въ книжку. Самъ, пишетъ, ни за холодную воду: все сподручные. Баринъ души не чаетъ. Поняли? А поварокъ онъ не стоющій. Только пофартило...

— А кому какъ не везетъ, такъ всю жизнь не везетъ!—буркнула Маша.

Всѣ вспомнили ея простую, несложную исторію: у нея былъ пьяница мужъ, который ее билъ, истязалъ, который пропивалъ весь ея заработокъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторги, Маша отпросилась у него и поступила на мѣсто въ гостинницу, сошлась съ добродушнымъ и трезвымъ корридорнымъ, зажила съ нимъ «по душѣ». Мужъ узналъ и сталъ пользоваться «по закону» своимъ счастьемъ: наложилъ на жену и ея сожителя оброкъ, который, взыскивая съ неумолимою аккуратностью, пропивалъ съ еще большею аккуратностью.

Полгода назадъ пьяница и истязатель утонулъ во время полой воды, и Маша дня три носилась, не чуя подъ собою ногъ отъ радости, такъ какъ впереди предстоялъ бракъ съ любимымъ и хорошимъ человѣкомъ. Но въ гостинницѣ остановился какой-то пріѣзжій, который слегъ на другой день. За нимъ слегъ и корридорный Иванъ. Пріѣзжій умеръ въ самой гостинницѣ, Иванъ— въ больницѣ, на грязной койкѣ.

— А кому какъ не везетъ, такъ всю жизнь не везетъ!—повторила еще глуше Маша и приняла почему-то совсѣмъ ухарскую позу, выпятивъ острые локти наружу и задравъ голову съ безцвѣтными глазами вверхъ.

— Опять же, ежели, такъ сказать,—заговорилъ послѣ минутной паузы Аггей Аггеичъ:—помнитъ кто съ номеромъ пятнадцатымъ дѣло? Ну? Что сказать можно? Евстафій Ильичъ тамъ прибиралъ. Переночевалъ какой-то пріѣзжій, «темный» (безъ паспорта), уѣхалъ. Утромъ—полиція. Жулябія. Бѣжавшій. Весь номеръ перерыли. Ничего. Съ тѣмъ ушли. Проходитъ время. Барыня остановилась. Клала въ столичекъ что-й-то. Трахъ, падаетъ

сверточекъ. Прилѣпленъ былъ воскомъ или чѣмъ-то къ крышкѣ, на воздухѣ висѣлъ. Заглядывали въ столикъ при обыскѣ «фараоны», ничего не знайшли. Потому, кому въ голову придетъ, что оно до горы дрыгомъ? Ну? А въ томъ сверточкѣ эти самые билеты и сторублевыя, и кольца три бриллiантовыхъ, и еще тамъ что. Все такое, которое онъ, жулябiя, изъ вагона тогда взялъ, баронессу какую-то прирѣзавши... Ну, помните?

Маша сдѣлала рѣзкiй жестъ худою рукою. Свисташка мотнулъ головою и меланхолически прощупалъ холодную поверхность печи.

Аггей Аггеичъ послѣ минутной паузы продолжалъ все тѣмъ же плавнымъ и полнымъ сознанiя собственнаго достоинства голосомъ:

— Вотъ, я и говорю: кому счастье. Эта самая прiѣзжая... Которая гувернантка. Дура-дурой. Ей Богъ послалъ, такъ скажемъ, а она—ахъ, ахъ, откуда это? Что это? Зачѣмъ это? Подняла крикъ. Станислава зоветъ, на весь корридоръ кричитъ... Скажемъ такъ: другой, у котораго думка есть въ головѣ... Онъ бы сразу сдогадался: Богъ посылаетъ... Тишкомъ, молчкомъ, по благородному... Да и Станиславъ дуракъ: онъ о своей Магдѣ, вѣрно, думалъ. У него въ головѣ, кромѣ его Магды, ничего нѣтъ. И не будетъ...

— Вы завсегда такъ!—отозвался Станиславъ безнадежно уныло и перемѣнилъ свою позу на другую, еще унылѣе...

— Не протестуйся. Я не въ обиду. А потому, будь ты съ пониманiемъ, сейчасъ бы сказалъ: не извольте безпокоиться, сударыня! Моей жены вещи!

А ты къ хозяину. Летишь, орешь... Ну, шумъ поднялся, полицiя... Кому теперь досталось все это? И билеты, и сторублевыя, и брильянты? Ну? Псу подъ хвостъ. Вотъ что! А ежели бы Евстафiй Ильичъ прибиралъ,—онъ бы съумѣлъ. И его номеръ. Да услали. А человѣкъ своего счастья лишился... Вотъ что!

— Опять же, какъ счастье,—отозвался Свисташка:—потому, съ этiими самыми билетами... А какъ оно записано? Про номера я говорю. Ну? Ты пошелъ ихъ размѣнять на мелочь, а тебя цапъ-царарапъ. Пропалъ человѣкъ. Ни за понюхъ табаку. Ни за цапову душу. Такъ, за пустяки!

— Съ умомъ ежели,—медленно и вальяжно проговорилъ Аггей Аггеичъ,—никогда не пропалъ. Который дуракъ, конечно, тому—каюкъ. А съ умомъ ежели...

— Нѣтъ, кому счастье. Вонъ, Ардальону Ивановичу сначала какъ везло? Сколько онъ зарабатывалъ?—вмѣшалась Маша.

— Конечно, дѣло такое... А только что за трудъ? Съѣздилъ, привезъ «штучку». Съ нея взялъ. Съ гостя взялъ...—сказалъ Свисташка.

— Тоже... работа! — пренебрежительно фыркнулъ Аггей Аггеичъ:—сводникъ. И только. И больше ничего...

— Я не къ тому, — отозвалась Маша:—я къ тому, что все везло, все везло. Какія деньги зарабатывалъ. Самъ гостинницу собирался открыть. Сколько разовъ было, вотъ здѣсь, въ теплушкѣ этой самой, разговоръ заводилъ. Меня приглашалъ кастеляншею. Ивана покойнаго—корридорнымъ... Ну, вотъ-вотъ самъ хозяиномъ станетъ... Трахъ, съ женою открылось...

Маша замолчала. У всѣхъ слушавшихъ промелькнуло воспоминаніе о драмѣ жизни одного изъ старѣйшихъ обитателей «Санъ-Франциско», Ардальошки, спеціальностью котораго было снабженіе пріѣзжихъ контрабандными винами, сигарами и болѣе интимныя услуги—рекомендація «рабынь веселья».

Онъ женился на молоденькой и красивой дѣвушкѣ, взявъ ее за красоту, берегъ ее, какъ зѣницу ока, ревновалъ до безумія, и проглядѣлъ, какъ и она, развращенная его же разсказами, его повѣствованіями о «работѣ», была сманена какимъ-то другимъ гостинничнымъ Ардальошкою и пошла по торной дорожкѣ...

Обманутый мужъ заболѣлъ острою формою душевнаго разстройства, долго пролежалъ въ больницѣ, вышелъ оттуда если не совсѣмъ сумасшедшимъ, то, во всякомъ случаѣ, съ большими странностями.

Помня былыя заслуги энергичнаго Ардальошки, владѣлецъ «Санъ-Франциско» предоставилъ ему право «работать» попрежнему въ гостинницѣ, но Ардальошка «работалъ» уже не по старому: онъ потерялъ нюхъ, чутье, онъ утратилъ былую способность виртуоза по своей щекотливой спеціальности, и съ нимъ уже нѣсколько разъ были скандалы. Гдѣ-то въ трущобѣ, куда онъ поѣхалъ за «товаромъ», его избили. Два раза его били гости, высказывая недовольство «услугою». Какъ-то даже въ полицію таскали...

Мосье Бертье, хозяинъ «Санъ-Франциско», каждый разъ послѣ этого ходилъ туча-тучею и отчитывалъ Ардальошку:

— Видихалься, Ардальошъ! Савсэмъ видихалься! Зматритъ, пришолься вигоняйтъ!

Пользуясь упадкомъ способностей Ардальошки, уже появлялись конкуренты. Даже мѣшкотный Станиславъ, все тоскующій по своей Магдѣ и мызѣ, и тотъ раза два пытался «сдѣлать дѣло» за спиною у Ардальошки, хотя и безъ успѣха. Свисташкѣ больше повезло, и онъ уже начиналъ мечтать о томъ, что мосье Бертье выгонитъ Ардальошку, а «дѣло» поручитъ ему, Свисташкѣ.

Объ этомъ онъ думалъ и дни, и ночи. Объ этомъ думалъ онъ и сейчасъ, сидя въ теплушкѣ и прислушиваясь безмолвно къ разговорамъ остальныхъ служащихъ «Санъ-Франциско» и къ

тому, какъ что-то,—отголосокъ толчковъ гдѣ-то далеко работающаго поршня насоса,—глухо лязгало въ колѣнчатой трубѣ канализаціи подъ его рукою

И, мечтая, онъ часто начиналъ взывать къ небу:

— Матерь Божія. Угодники святые. Помогите. Устройте...

— Графъ пріѣхалъ! Графъ Нордисъ пріѣхалъ!

Эта вѣсть облетѣла «Санъ-Франциско» пасмурнымъ осеннимъ днемъ. Она пронеслась по корридорамъ, спустилась въ кухню, гдѣ тучный Аггей Аггеичъ немедленно оживился, наградилъ подзатыльникомъ одного изъ кухонныхъ мальчишекъ и снизошелъ до того, что самъ вооружился шумовкою, крикнувъ совсѣмъ такъ, какъ кричалъ когда-то его учитель, французъ Риго:

— Мальшикъ. Шисты фартухъ! Витъ! Витъ!

Эта вѣсть пронеслась въ темной и холодной конторѣ, гдѣ сразу стало какъ-то свѣтлѣе, порхнула въ аппартаменты самого мосье Бертье, заглянула въ теплушку, разогнала оттуда собравшуюся опять потолковать о счастьѣ компанію, вихремъ пролетѣла по корридорамъ и заглянула даже въ гостинничныя конюшни и въ каретный сарай, гдѣ возился кучеръ Вавила.

— Графъ пріѣхалъ! Графъ Нордисъ пріѣхалъ.

Его встрѣчали, какъ владѣтельнаго принца. На подъѣздѣ стоялъ, подобострастно улыбаясь и держа на отлетъ украшенную галунами фуражку швейцаръ Сигизмундъ и какой-то кухонный мужикъ. На лѣстницѣ, сломя голову, несся навстрѣчу ему Свисташка, торопясь перехватить графскія вещи. Самъ мосье Бертье, придавъ своему начисто выбритому упитанному лицу фамиліарно-почтительное выраженіе, стоялъ на первой площадкѣ, дѣлая видъ готовности спуститься для встрѣчи почетнаго гостя и еще ниже, хоть до подъѣзда.

Графъ поднимался по мраморной лѣстницѣ, энергично переступая черезъ двѣ ступеньки стройными, мускулистыми ногами, затянутыми въ кавалерійскія рейтузы. На головѣ у него была военная фуражка австрійскаго покроя, словно чудомъ державшаяся на темени. Одѣтъ былъ графъ въ коротенькую дубленку, опушенную какимъ-то дорогимъ мѣхомъ и расшитую шнурами.

Выхоленное розовое лицо графа, его голубые глаза, его алыя губы—отъ всего этого дышало бодростью, безпечнымъ весельемъ, увѣренностью въ себѣ.

Графъ шелъ, ласково кивая головою.

— Здоровъ, Сигизмундъ? — окликнулъ онъ швейцара фамиліарно.

Сигизмундъ даже поперхнулся отъ избытка счастья и побагровѣлъ.

— А, Свисташка?! — кинулъ графъ лакею, и на блѣдномъ лицѣ Свисташки выступилъ румянецъ.

«Графъ не забылъ. Графъ помнитъ...»

— Какъ дѣла, мосье Бертье?—сказалъ графъ, обращаясь уже къ самому шефу: — что новаго? Какъ съ cette canaille de Д? А что Анри?

— Какой Анри? Ахъ, альтессъ, вы вспоминайль дѣло Дрейфуссъ? Гейнъ? Дрейфусъ—змѣнникъ. Анри—патріотъ. Настояшпи патріотъ!..

Въ корридорѣ навстрѣчу графу попалась успѣвшая нацѣпить на чахлую грудь розовый бантъ Маша.

— А... Машета?—кивнулъ ей графъ.—Ну, какъ дѣла? Когда мы замужъ выйдемъ, Машета?

И получивъ въ отвѣтъ подобострастную улубку, расплывшуюся на тонкихъ и холодныхъ губахъ Маши въ печальную гримаску, графъ прослѣдовалъ въ свой номеръ. На порогѣ графъ остановился, какъ бы вспомнивъ, что чего-то недостаетъ ему.

— А гдѣ же... Какъ его?! Да, этотъ... Ардаліонъ? Гдѣ вашъ «Ардальошъ», мосье Бертье? Отчего его нѣтъ? А?

Мосье Бертье, колыхая тучнымъ животомъ, изогнулся и доложилъ:

— Альтессъ, Ардальошъ... дѣлямъ бѣгіитъ.

Графъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ и занялся туалетомъ, предоставивъ разборку вещей старичку камердинеру, синьору Луиджи.

Свисташка неслышными шагами вбѣгалъ и выбѣгалъ изъ номера графа, приводя все въ порядокъ. Голова его неустанно работала, и работала все на ту же тему—возможности, близости, доступности счастья: вѣдь, стоитъ только понравиться графу, стоитъ угодить ему... Вонъ онъ какой добрый... Полгода не былъ въ «Санъ-Франциско», а всѣхъ помнитъ... Про Ардальошку вспомнилъ... Можетъ быть, можно ему вмѣсто Ардальошки услужить?

И, несясь сломя голову изъ номера или въ номеръ, Свисташка думалъ, кѣмъ можно услужить графу:

«Франьку привезти? Хорошенькая. Бѣсенокъ настоящій. Но... Но стянетъ что-нибудь. Непремѣнно стянетъ. Часы, портсигаръ, запонки... Нѣтъ, Богъ съ нею, съ этою Франькою. Бѣды наживешь только!..

«Маруську-цыганочку? Нѣтъ, не понравится. Графъ ухарей не любитъ. Ему скромненькая, тихая, какъ порядочная, нравится. Или ужъ француженка изъ кафе-шантана.

«Итальянку Меллисино? Горда больно. Уламывать придется. Выгнать можетъ... Пашу! Пашу-соловья! Вотъ кого. Или Регину? Пашу или Регинку?»

И Свисташка, переходя отъ рѣшенія къ отмѣнѣ его, отъ одного выбора къ другому, то падалъ духомъ, то вновь оживалъ.

— Вотъ оно, счастье! Вотъ она, судьба... Угоди только одинъ разъ. Сдѣлай удовольствіе, и все твое... Годъ, другой «поработаешь», а тамъ открывай свою гостиницу... Отчего не такъ? Ардальошка собирался? Чѣмъ онъ лучше? Этого самого Аггея Аггеича взять. Машу кастеляншею. Сигизмунда... Нѣтъ, Сигизмундъ полякъ. И Станиславъ полякъ. Это полячье такое гордое, все шушукаются, съ ксендзами водятся. Ну ихъ!.. Своихъ, русскихъ набрать можно. Конечно въ струнѣ держать надо. Чтобы не шамаркали. Чтобы свое дѣло дѣлали, а баклушъ не били... А только все можно поставить отлично, по заграничному... Только бы Богъ помогъ. Только бы угодить по первому разу графу кѣмъ-нибудь! Но кѣмъ? Пашею? Регинкою? Маруською? Кѣмъ же? Хоть бы Богъ помогъ... Счастье-то, счастье!

И Свисташка носился вихремъ, то ныряя въ кухню къ Аггею Аггеичу, то взлетая наверхъ въ контору, въ комнаты патрона, за китайскими вазами и японскими карликовыми деревцами, то заглядывая въ устраиваемый, отдѣлываемый на спѣхъ, какъ игрушка, номеръ графа.

Разъ или два въ корридорѣ навстрѣчу Свисташкѣ попадалась его жена Маруся, пришедшая сегодня по какому-то дѣлу.

Мосье Бертье не любилъ, чтобы жены его служащихъ отрывали ихъ отъ дѣла; почти каждый разъ, когда онъ видѣлъ когонибудь изъ домашнихъ лакеевъ, корридорныхъ или швейцара въ гостинницѣ, онъ сердился и допрашивалъ пришедшаго:

— Воровалъ приходилъ? Иштo таплилъ? Иштo карабшилъ?

Маруся знала это, и потому старалась поскорѣе сообщить Свисташкѣ о приведшемъ ее въ «Санъ-Франциско» дѣлѣ, чтобы уйти, не подвергаясь допросу со стороны мосье Бертье.

Она робко жалась въ корридорѣ, держась поближе къ дверямъ лакейской теплушки, чтобы нырнуть туда при первомъ звукѣ шаговъ мосье Бертье и спрятаться за пузатою холодною печкою, рядомъ съ постоянно журчащею и что-то выстукивающею въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ трубою канализаціи.

Когда Свисташка пробѣгалъ мимо нея, она робко вполголоса окликала его:

— Евстафій Ильичъ! Евсташа!

Разъ или два она даже рискнула придержать мужа за рукавъ фрака, но Свисташка, отмахнувшись отъ нея, какъ отъ назойливой мухи, уносился къ своей цѣли, крикнувъ на ходу:

— Ну, чего? Ну, погоди! Сгинь, пропади. Видишь, занятъ?! — и исчезалъ, весь заполненный думою: «Ахъ, кабы Господь... Кабы ухватиться... Счастье-то, счастье какое?!.»

Графъ выходилъ изъ номера въ корридоръ. Маруся при первомъ звукѣ его шаговъ спряталась въ теплушку. Но шаги приближались, и Маруся, зная, что это не мосье Бертье, что никакая опасность ей не грозитъ, рискнула выглянуть въ корридоръ. Ея еще дѣвически-тонкая, изящная фигурка выскользнула изъ темноты теплушки и остановилась на ея порогѣ, рисуясь свѣтлымъ, эффектнымъ пятномъ, словно портретъ Рейнольдса въ темной рамѣ...

Графъ мелькомъ взглянулъ на эту тонкую, хрупкую фигурку, и уже не могъ оторвать отъ нея глазъ. Не мигая, онъ въ упоръ смотрѣлъ на молодую женщину, безцеремонно разглядывая ее, скользя взглядомъ по плечамъ, прикрытымъ сползшимъ съ русой головы платочкомъ козьяго мѣха, по едва развившейся молодой груди съ тонкими, изящными очертаніями, по матово-бѣлымъ щекамъ. Взглядъ графа словно ожегъ Марусю. Растерявшаяся, безпомощно оглядывающаяся, она стояла на порожкѣ «теплушки», то подаваясь въ ея глубь, то выходя въ корридоръ, и, не отрываясь, испуганно глядѣла на безцеременно разсматривавшаго ее графа.

Это длилось всего нѣсколько секундъ, но этихъ секундъ для графа, цѣнителя и знатока женской красоты, было совершенно достаточно для того, чтобы мысль о встрѣченной имъ при этой странной обстановкѣ женщинѣ-полуребенкѣ засѣла въ его головѣ.

— Дѣтка! — энергично шепнулъ онъ Марусѣ. — Миленочекъ! Дуся! откуда ты?

Вспугнутая окликомъ Маруся стрѣлою метнулась мимо графа и исчезла за поворотомъ корридора. Графъ возвратился, улыбаясь, въ свой номеръ, покусывая крѣпкими бѣлыми зубами кончикъ рыжеватаго уса и звонко постукивая высокими каблуками.

Минуту спустя онъ крадущимися, кошачьими шагами подобрался къ двери и выглянулъ въ корридоръ. Разсчетъ его оправдался: Маруся снова проходила въ теплушку какъ разъ мимо распахнутой двери и едва не упала, когда лицо графа оказалось въ двухъ вершкахъ отъ ея лица, а пухлыя губы громко шепнули:

— Жизненочекъ! Прелесть моя! Дѣтка! Дусенокъ!

Четверть часа спустя графъ уходилъ. Свисташка, затормошившійся съ установкою и приборкою номера, не успѣлъ переговорить съ графомъ относительно замѣны услугъ Ардальошки, и теперь торопился наверстать упущенное. Онъ началъ перечислять предложенія графу еще въ номерѣ и послѣдовалъ за графомъ въ корридоръ.

— Есть артисточка одна. Русско-малорусская... Хохлушечка. Манею зовутъ! — шепталъ онъ, торопливо, припоминая, какъ въ такихъ случаяхъ рекомендовалъ своихъ кліентокъ Ардальошка.

— Есть дама одна порядочная. Двое дѣтокъ, такъ ради нихъ... А то бы ни за какія деньги... Есть полечка одна. Бѣсенокъ прямо...

Графъ шелъ, не слушая и чего-то ища своими зоркими голубыми глазами.

— Регину рыжую изволите помнить, ваше сіятельство? которую тогда Ардальошка предоставлялъ? Только мигните...

Но графъ, не слушая его, продолжалъ идти впередъ, къ лѣстницѣ. Вотъ и поворотъ, вотъ площадка. Графъ на секунду остановился и глазами показалъ на тонкую женскую фигурку, прижавшуюся между зеркаломъ и искусственною пальмою.

— Видишь? Вотъ, если эту...

Свисташка отшатнулся и побѣлѣлъ.

— Ну, возьмешься? Слышишь?

— По... Пом-милуйте... Н-ни... никакъ нельзя. Невозможно!

— Почему?

— М-м... м-моя .. моя... супруга-съ!

Графъ нѣсколько сконфузился. Огонекъ недовольства вспыхнулъ въ его голубыхъ глазахъ. Но онъ справился съ собою сейчасъ же и барскимъ жестомъ махнулъ рукою.

— Н-но... Прости, братецъ. Я и не того... И не подозрѣвалъ. А у тебя, шутъ гороховый, вкусъ есть. Губа не дура... Ха-ха! Ну, извини. Я не хотѣлъ того... оскорбить тебя. На, возьми. Это—реваншъ!

Графъ опустилъ въ руку ошеломленнаго Свисташки золотую монету и бодрыми, эластическими шагами спустился съ лѣстницы, перепрыгивая со ступеньки на ступеньку. У выходныхъ дверей онъ на секунду остановился и оглянулся. Увидѣть Марусю ему не удалось, потому что ее заслоняла спина Свисташки. Свисташка въ это время стоялъ передъ испуганною женщиною и шепталъ: Шляешься... мѣшаешь... паскудишь! У-у. Ну, погоди ты у меня!

Глава II.

Въ «Санъ-Франциско» графъ Нордисъ проводилъ время обычнымъ порядкомъ. Пріѣзжалъ изъ своихъ помѣстій въ городъ онъ съ извѣстною цѣлью и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ — «встряхнуться» и «освѣжиться» послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безвыходнаго пребыванія въ деревенской глуши, и «встряхивался» и «освѣжался», не жалѣя ни средствъ, въ которыхъ былъ скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ, ни времени, котораго все равно дѣвать было некуда, ни здо овья и силъ, съ которыми графъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать.

Въ «Санъ-Франциско» вся жизнь графа была, понятно, совер-

шенно на виду, да графъ и не находилъ нужнымъ скрывать хоть что-либо. Вѣдь онъ платилъ, и платилъ, не торгуясь. Значитъ, чего же стѣсняться?

И всѣ окружающіе его смотрѣли на это точно такимъ же образомъ: заплачено, значитъ чего же?

Маша, прибирая въ номерѣ, иногда осмѣливалась льстивымъ и мягкимъ голоскомъ выразить восхищеніе передъ побѣдами графа.

— Ахъ, васіясъ... Какая дамочка съ вами была вчера! Ангелъ! Я какъ увидавши, ну, думаю,—это не какая нибудь... Это ангелъ Божій!..

— А? Что? Блондиночка? Понравилась? — ронялъ, небрежно усмѣхаясь графъ, покусывая кончикъ сигары и искоса поглядывая на плоскую и некрасивую фигуру Маши холоднымъ взглядомъ, въ которомъ ясно читалась замѣтная и Машѣ мысль:

— Н-да, братъ, не тебѣ чета. На тебя кто польстится?

И Маша, чуть покраснѣвъ, слабо, незамѣтно вздохнувъ, продолжала все тѣмъ же восхищающимся голосомъ:

— Ахъ, васіясъ... Ну, и надѣлаете вы дѣловъ... Прямо, какъ въ романахъ...

Когда вечеромъ въ номерѣ графа слышался беззаботный женскій смѣхъ, когда графъ требовалъ Аггея Аггеича и самъ заказывалъ ему ужинъ, когда изъ погреба Свисташка при помощи Станислава таскалъ одну бутылку за другою, самъ мосье Бертье, важный, словно священнодѣйствующій, спускался изъ своихъ аппартаментовъ внизъ въ корридоръ, и торжественно прохаживался на цыпочкахъ мимо дверей графскаго номера.

Иногда графъ выглядывалъ въ корридоръ. Тогда его взоръ неизмѣнно ловилъ вальяжную фигуру мосье Бертье, торжественно маячущую по корридору.

Услышавъ скрипъ двери, мосье Бертье съ быстротою пружины оборачивался всѣмъ корпусомъ къ графу и дѣлалъ характерный и плавный жестъ выхоленною рукою, причемъ сверкали бриллiанты внушительныхъ перстней.

— Развлекайтесь, веселитесь, наслаждайтесь!—говорилъ этотъ главный жестъ.—Наслаждайтесь. А я... А я буду оберегать васъ... Я буду стеречь, чтобы никто не ворвался сюда, чтобы ничто не помѣшало... Развлекайтесь, наслаждайтесь... А я буду исполнять свои обязанности, свой долгъ...

У графа въ номерѣ мужчины бывали рѣдко. Иногда развѣ кто-нибудь изъ мѣстной золотой молодежи, да одинъ два изъ бывшихъ товарищей графа по полку. Зато женщины...

— Француженка прійшла!—заявляетъ около полудня въ «теплушкѣ» Станиславъ, не обращаясь ни къ кому. И всѣ собравшіеся въ теплушкѣ понимаютъ, что рѣчь идетъ о шансонетной

пѣвичкѣ, именующей себя «королевою огня», о той, портреты которой красуются въ витринахъ всѣхъ фотографовъ, лежатъ на окнахъ магазиновъ и кондитерскихъ, изображены на афишахъ, висящихъ на заборахъ и столбахъ... Та самая, которая выходитъ на сцену кафе-шантана какъ бы совершенно обнаженной, въ обливающемъ ея тѣло парижскомъ трико, и принимаетъ одну позу рискованнѣе другой на глазахъ у тысячи зрителей...

— Эта, которая... Ну, офицерша... Шмыгъ въ корридоръ! — разсказываетъ около обѣда Свисташка. — Какъ крыса! Ей-Богу. Какъ Сигизмундъ прозѣвалъ? Потому, долго ли до грѣха? У графа Шура-молдаванка сидитъ, пѣсни поетъ а тутъ эта офицерша... Сцѣпятся какъ кошки. Будетъ шелесту... Ну, выпроводили. Богъ помогъ..—Барыню изъ театра привезъ графъ,—поздно ночью сообщаетъ Свисташкѣ Маша, встрѣтившая пріѣзжихъ съ реверансами.

— Новенькая какая-то. Сама идетъ, дрожитъ, упирается... Такъ, чиновница какая-нибудь... Тоже, соблазнила нашего орлика.

Больше всѣхъ о графѣ и его «развлеченіяхъ» зналъ Свисташка, и Свисташка волновался ужасно. Всего только разъ, одинъ лишь разъ графъ разрѣшилъ ему «рекомендовать» кліентку, а когда Свисташка, не чуя ногъ отъ радости, привезъ къ графу модистку Фесю, у графа уже сидѣла «королева огня» Жанна д'Обри и графъ распорядился: Фесю отпустить, давъ ей «десятку», Свисташкѣ—пять рублей на чай.

Свисташка былъ не въ убыткѣ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ волновался и не спалъ всю ночь. На француженку съ этого момента онъ не могъ глядѣть безъ ненависти. И когда та вихремъ проносилась по корридору, волоча огромный трэнъ дорогого платья и бойко постукивая неимовѣрно высокими каблучками бронзовыхъ французскихъ туфель, напѣвая вполголоса:

— Oh, la la! Свисташка избѣгалъ попадаться ей навстрѣчу, потому что чувствовалъ себя способнымъ прорваться: обругать Жанну, наступить ей на шлейфъ, облить ее.

Возвращаясь домой въ обѣденный перерывъ, онъ устраивалъ сцену за сценою своей миловидной женѣ. По большей части, — рѣчь шла о бѣдности, о томъ, что онъ, Свисташка, погубилъ себя, женившись на безприданницѣ.

Маруська, боящаяся мужа, трепещущая передъ нимъ, не протестовала, когда Свисташка измывался надъ нею. Она только блѣднѣла или краснѣла да тихо, тихо, какъ ребенокъ, плакала, глотая слезы.

— Изъ-за чего погибаю? — шипѣлъ Свисташка, колотя себѣ въ грудь костлявыми кулаками въ нитяныхъ перчаткахъ.

— Изъ-за чего все пропадомъ пропало? Изъ-за тебя, подлая. Изъ-за тебя, паскуда. Я, можетъ, на какой богатой женился бы.

Собственную отель завелъ бы. Понимаешь? А ты... Ахъ, ты... Нѣтъ, нѣ-этъ, меня не обманешь. Я, братъ, на три аршина сквозь землю вижу. Я, братъ, все знаю: не чисто дѣло тутъ. Опоили меня. Окормили меня...

— Бога побойтесь, Евстафій Ильичъ? Опомнитесь, кто васъ опаивалъ?!—отзывалась жена Свисташки, оскорбленная въ самыхъ тайникахъ женской души.

— Кто опоилъ? Кто окормилъ? Гады! Вотъ кто. Деревенскіе гады! Крокодилы! Знаю, все знаю. Развѣ это могло быть? Человѣкъ образованный, человѣкъ интеллигентный, можно сказать, коммерсантъ, на линіи, чтобы свою отель завести... Человѣкъ иной разъ три и пять цѣлкашей въ день заработаетъ.. У человѣка только зацѣпки недостаетъ, чтобы значитъ выплысть... Ему какихъ невѣстъ сватали? А онъ, собачій сынъ, на деревенской дѣвкѣ женился. Какъ это понимать надо? Ну? Развѣ безъ колдовства было? Развѣ безъ вѣдьмовства было? Ну?...

Маруся не отвѣчала. Она сама начинала бояться, не было ли чего сверхъестественнаго въ томъ, что она, простая деревенская дѣвушка, наймычка, сирота, которой всѣ помыкали, которую била «тетя» и билъ «дядя»—ее пріютившіе, которой предстояла участь быть соблазненною какимъ-нибудь деревенскимъ сердцеѣдомъ и быть брошенною, стать «мірскою бабою»,—что она обратила на себя вниманіе пріѣхавшаго въ деревню на побывку Евстафія Ильича, что она не поддалась, когда Свисташка уговаривалъ ее, сбивая «на грѣхъ».

— Знаю, все знаю. Почему подъ periною была у меня рыбья чешуя? Колдовалъ кто-то. Почему тамъ сору было насыпано? Ну? Вѣдьмовалъ кто-то. Почему гречихины зерна были дорожкою насыпаны? Даромъ, что ли?—изводился Свисташка, вспоминая обстоятельства женитьбы.

— Господи. Господи!..

— А, теперь Господа зовешь?! А тогда дьявола призывала, чтобы мнѣ глаза отвести?! Подлая, подлая!.. Почему, что ни стаканъ возьму, на донышкѣ водкою пахнетъ? Знаю. Все знаю. У васъ въ кабакѣ сколько пьяницъ ни было, ото всѣхъ сливки сливались, да мнѣ въ стаканъ, чтобъ васъ... Потому, колдовка твоя тетка. Вотъ что. Колъ бы ей осиновый. И ты такая же...

— Господи! Мать Пресвятая Богородица...

— Богородицу зовешь? А тогда кто мнѣ въ чуланъ съ летучей мыши грабельки и вилочку подкидывалъ? Кто листья любистка насыпалъ? Ну? У-у-у...

И Свисташка съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе «заѣдался». До побоевъ дѣло еще не дошло. Онъ еще ни разу не

тронулъ Марусю, но молодая женщина уже начинала бояться побоевъ, видя надъ своею головою занесенные кулаки.

— Да чего вамъ отъ меня нужно? Да чего вы хотите, Евстафій Ильичъ?—спрашивала она, теряясь передъ разъяреннымъ мужемъ, не понимая причины его гнѣва.

Свисташка остывалъ, успокаивался и, ворча, уходилъ обратно въ «Санъ-Франциско», а Маруся, вдоволь наплакавшись, принималась хлопотать по хозяйству.

— А, знаешь, Свисташка, что я тебѣ скажу?—обратился както утромъ къ суетившемуся лакею графъ Нордисъ.

Было это за «фриштыкомъ».

Свисташка подавалъ графу завтракъ. Графъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и ласково шутилъ. Старику Луиджи онъ только что подставилъ ногу, и тотъ чуть не упалъ, разсыпавъ по полу номера щетки, гребешки, кисточки, баночки—предметы туалета графа.

Машу графъ заставилъ отнимать у него полуимперіалъ:

— Разожмешь пальцы—твой будетъ.

И Маша обломала себѣ ногти, тщетно пытаясь вытянуть изъ выхоленныхъ, нѣжныхъ, и вмѣстѣ стальныхъ пальцевъ графа монетку, зажатую словно клещами. Впрочемъ, графъ все же подарилъ ей эту монету, когда Маша, чуть не плача, отказалась отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Свисташку графъ хлопнулъ по тощему плечу, но такъ, что Свисташка долго потомъ подергивалъ плечомъ, словно натягивая сползающій фракъ.

— А знаешь, Свисташка, что я тебѣ скажу? Ты, вотъ, мнѣ всю голову прожужжалъ. Все съ Феською да съ Регинкою лѣзешь... Все какую-то шваль рекомендуешь... А себѣ, небось, королевскій кусочекъ отхватилъ... Не понимаешь? Шалишь, братецъ. Шалишь, шельма. Скажи, гдѣ такую кралю подхватилъ? Не понимаешь? Отлично понимаешь. Про жену твою говорю. Марусею зовутъ. Мнѣ сказали. Девятнадцать лѣтъ. Хохлушечка. Дѣвочка совсѣмъ... Видишь, я все знаю. Конечно, если бы она была не жена тебѣ...

Свисташка вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Онъ стоялъ, не шевелясь и впиваясь въ лицо графа воспаленными глазами.

— Если бы не жена... Я бы за такую ничего не пожалѣлъ. Слышишь? Чуръ, не обижайся: я тебѣ ничего не предлагаю. Я, братъ, понимаю. Жена—дѣло святое. И можешь быть спокоенъ: если бы хотѣлъ сманить твою Марусю, другого бы кого-нибудь попросилъ. А я тебѣ говорю, потому что знаю: не такой ты, чтобы

женою торговать... А, знаешь, три «катеринки» бы выбросилъ. Понимаешь? Даже... Даже пять. Тысячу, чортъ ее дери. Ты не обижайся: я, вѣдь, такъ, въ шутку...

Свисташка стоялъ, не спуская горящихъ глазъ съ графа и блѣднѣя все сильнѣе и сильнѣе.

— Шу... шутить изволите!—шепталъ онъ блѣдными губами.— Грѣхъ вамъ...

— Конечно, шучу. Грѣхъ? Ну, конечно... А я, знаешь, тысячи не пожалѣлъ бы, Свисташка. Если, понятно, она была бы не женою твоею. Понимаешь?

— Ты... тысячи?—охнулъ Свисташка.

— Да, тысячи!

— Сударь... Ваше сія...

— Ну?

— Грѣхъ вамъ. Большой грѣхъ... Стыдно вамъ!—прохрипѣлъ Свисташка и выскочилъ изъ комнаты.

Въ корридорѣ страшная слабость охватила его. Ноги тряслись и отказывались нести его дальше, руки безсильно повисли, какъ плети, воспаленные глаза сверлили воздухъ корридора... Опустивъ руку, Свисташка не замѣчалъ, что съ рукою онъ опустилъ тарелочку, на которой лежалъ лимонъ. Лимонъ упалъ, мягко и глухо стукнулся о полъ и покатился, мелькая желтымъ клубкомъ, куда-то въ уголъ.

— Тысячи... Тысячи! Грѣхъ-то, грѣхъ какой! И стыда нѣту. Ай, грѣхъ-то, стыдъ-то какой...

Дня черезъ два Свисташка ночевалъ дома. На разсвѣтѣ жена проснулась и спросила:

— Чтой-то вы не спите, Евстафій Ильичъ? Все ворочаетесь и ворочаетесь? Болитъ что у васъ?

— Болитъ! Сильно болитъ.

— Что болитъ?

— Сердце. Огнемъ горитъ.

— Компрессъ бы поставить?

— Компрессъ? Въ середку? Умна ты!..

Потомъ, отвернувшись къ стѣнѣ, глухимъ, монотоннымъ голосомъ Свисташка вдругъ вымолвилъ:

— Готовься... Все лучшенькое надѣнь. Какъ барыня чтобы... Къ восьми часамъ чтобы готова была... Духи тамъ, къ парикмахеру сходишь... Все такое...

Думая, что мужъ бредитъ, Маруся покорно промолвила:

— Хорошо, голубчикъ Евстафій Ильичъ. Только вы лягте, не волнуйтесь. Дайте, я скипидаромъ потру. Или горчишникъ?

— Я самъ за тобою пріѣду. Чтобы все въ порядкѣ было.

Понимаешь? И чтобы безъ всякихъ разговоровъ. Эйнъ, цвей, дрей...

— Куда же, голубчикъ, Евстафій Ильичъ?

— Куда? Къ чорту на рога. Вотъ куда.

Мгновенье помолчавъ, Свисташка вдругъ выкликнулъ:

— Къ графу. Слышишь, шкура? Слышишь, подлая?

И, обернувшись къ Марусѣ, онъ костлявою рукою схватилъ ее за горло, затрепетавшее подъ его пальцами:

— А только, если ты... подлая, еще съ кѣмъ-нибудь... Слышишь? Казню. На части разорву. На кусочки пошматую. Слышишь? Чуешь? Ну? У, подлая, подлая...

* * *

Днемъ Свисташка навѣдался домой. При первомъ взглядѣ на Марусю, онъ увидѣлъ, что везти ее сегодня къ графу безполезно: молодая женщина прорыдала навзрыдъ весь день, ея лицо потеряло всю свою миловидность, было обезображено слезами.

Свисташка почти часъ ругалъ жену, подбирая самые язвительные, самые колющіе эпитеты и выраженія. Дома онъ не ночевалъ, а явился утромъ.

— Ну, наревѣлась? Образумилась? — спросилъ онъ Марусю угрюмо.

— Надумалась? Поняла? Ну?

Маруся молчала. Свисташка подошелъ къ ней и положилъ руку на плечо. Этого было достаточно, чтобы слезы снова хлынули изъ глазъ молодой женщины и все ея тѣло затряслось.

— Убью! Убью и отвѣчать не буду!—вскрикнулъ Свисташка и занесъ руку надъ русою головою жены. Маруся не отвѣчала. Припавъ къ столу головою, подставивъ ударамъ мужа свою хрупкую спину,—она лежала, содрогаясь отъ рыданій и не думая о самозащитѣ. Свисташка опустилъ руку, постоялъ молча, скрипя зубами, и вышелъ.

— Дня три спустя Свисташка на заявленіе графа:—Скучно мнѣ. Понимаешь? Отвѣчалъ:

— Дозвольте разстараться?

Едва ли прошелъ часъ, какъ Свисташка привелъ къ подъѣзду гостинницы стройную молодую женщину съ закрытымъ вуалью лицомъ.

Она шла робко, нерѣшительно, словно выжидая момента, чтобы броситься бѣжать назадъ, но шла и шла, опустивъ внизъ русую голову. Лица ея не было видно подъ сѣткою густого синяго вуаля. Были видны только блѣдныя пухлыя губы, которыя чуть слышно шептали:

— Пустите! Пустите меня, Евстафій Ильичъ. Не надо, Евстафій Ильичъ! Мать пресвятая Богородица!.. Отпустите меня, Евстафій Ильичъ!..

Свисташка шелъ молча, не отвѣчая ни звукомъ, ни движеніемъ на робкую мольбу Маруси.

— Стой! Куда прешь? — окликнулъ Свисташку швейцаръ Сигизмундъ.

— Къ графу.

— Птичку привелъ? Ха-ха. Ахъ, Свисташка, Свисташка. Не везетъ тебѣ, братецъ! Гнилое твое счастье, Свисташка! Заработать думалъ? Ха-ха!

— Чего ржешь, поляцкая морда? — озлился Свисташка:—Извѣстно птичка! Графъ приказалъ...

— Приказалъ? Это когда было? Часъ назадъ? А? А теперь у него француженка. Гогочетъ. Уже за шампанскимъ два раза посылали... Отпусти свою пташку!

Но Свисташка не хотѣлъ слушать. Онъ повелъ Марусю въ корридоръ и, вызвавъ Луиджи, попросилъ доложить графу, что онъ «порученіе исполнилъ». Графъ вышелъ въ корридоръ. Онъ былъ уже почти пьянъ и нетвердо держался на ногахъ. Увидѣвъ Свисташку, онъ засмѣялся.

— Опоздалъ ты, братецъ! Прозѣвалъ. А кого... Кто пришелъ? Н-ну? Покажи сюда. Красоточка. Миленочекъ! Идите сюда!

Маруся стояла, прижавшись къ стѣнѣ. Графъ подошелъ къ ней и сорвалъ съ ея лица вуаль. Видъ смертельно блѣднаго миловиднаго личика, взглядъ испуганныхъ голубыхъ глазъ съ расширенными зрачками нѣсколько отрезвилъ графа.

Онъ понуро взглянулъ на Свисташку.

— Жену... привелъ?

— Тысячу... Какъ изволили обѣщать! — прошепталъ зловѣще Свисташка.

Графъ покачнулся на каблукахъ и оперся о стѣну.

— Пошелъ вонъ, Свисташка!—произнесъ онъ глухо:—Денегъ нѣтъ. Деньги фюить... Всѣ Жанна забрала. Опоздалъ ты. Черезъ часъ уѣзжаю!.. Понимаешь? Слышишь? Вотъ, на...

И графъ швырнулъ на полъ къ ногамъ Свисташки нѣсколько измятыхъ бумажекъ и горсть серебряныхъ и золотыхъ монетъ.

Свисташка, не спуская горящихъ ненавистью глазъ съ розоваго лица графа, проговорилъ медленно и раздѣльно:

— Денегъ нѣтъ? Какъ же это? Какъ же... Какъ же это? — и грубо дернувъ за руку Марусю, повелъ ее изъ корридора, внизъ, по лѣстницѣ, вонъ, на улицу. По дорогѣ онъ наступилъ на захрустѣвшую подъ ногами бумажку, потомъ на какую-то монету,

которая слабо звякнула, подпрыгнула и покатилась въ сторону. Свисташка не обращалъ на нихъ вниманія.

Спустившись со своею дрожащею спутницею съ лѣстницы, Свисташка у подъѣзда гостинницы остановился, держа за руку Марусю. Потомъ потянулъ ее въ сторону. Маруся не сопротивлялась. Сдѣлавъ шаговъ десять отъ подъѣзда, Свисташка взялъ правую руку Маруси своею лѣвою рукою и грубо повернулъ женщину къ себѣ лицомъ.

— Ну?—сказалъ онъ какъ будто спокойнымъ голосомъ.

Марусѣ показалось, что онъ радъ, и она улыбнулась слабою, робкою, дѣтскою улыбкою.

— Богъ спасъ, Евсташа!—пролепетала она.

— Богъ спасъ? Отъ тысячи? Отъ своего счастья? Отъ своего отеля? Да? Богъ спасъ?

Маруся, все такъ-же робко, по дѣтски улыбаясь, кивнула головою и сказала:

— Пойдемте домой, Евстафій Ильичъ! Пойдемте, милый, голубчикъ...

Въ этотъ моментъ Свисташка взмахнулъ кулакомъ и опустилъ его на лицо жены. Что-то хрястнуло подъ ударомъ кулака, что-то охнуло...

Маруся подалась назадъ и стала падать, какъ-то присѣдая, словно не рѣшаясь, навзничь или на грудь упасть. Кулакъ Свисташки еще разъ мелькнулъ въ воздухѣ и ударилъ по головѣ женщины. Сзади кто-то закричалъ, и еще, и еще...

М. Первухинъ.

ВЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(Изъ лѣтнихъ впечатлѣній).

I.

Уральскъ.

Подъ нестерпимо-палящимъ солнцемъ поѣздъ узкоколейной дороги медленно взбирается на пологія, почти сливающіяся со степью, высоты Общаго Сырта. Картина необъятнаго простора, поражавшая по дорогѣ уже на югѣ Самарской губерніи, становится еще болѣе широкою,—начинаетъ чувствоваться огромное многоземелье, при которомъ человѣкъ лишь кое-какъ используетъ, а то и вовсе не используетъ, находящіяся въ его распоряженіи земельныя богатства. Изъ окна вагона на десятки верстъ видны лишь необъятныя степныя пастбища, на которыхъ кое-гдѣ нагуливаются табуны лошадей или стада рогатаго скота; изрѣдка только, по пологимъ уваламъ Сырта, среди пожелтѣвшей отъ зноя степи, виднѣются блѣдно-зеленыя пятна посѣвовъ пшеницы или темные квадраты заросшихъ бурьяномъ залежей. Мѣстами прихотливо извиваются, среди зеленовато-желтыхъ степныхъ пастбищъ, какія-то длинныя, вытянувшіяся иногда на нѣсколько верстъ, но узенькія, нерѣдко не болѣе десятка саженъ, ярко-желтыя ленты; это уже созрѣвшая озимь, какъ бы спрятавшаяся въ едва замѣтныя для глаза «падушки», чтобы найти здѣсь хоть немного весенней влаги.

Изрѣдка виднѣется и человѣческое жилье. Вотъ большая казачья станица, съ ея правильною распланировкой и просторными, крѣпкими домами, съ тесовыми, а то и желѣзными крашеными крышами; то тутъ, то тамъ—мелкіе саманные или глинобитные хутора рядового казачества, изрѣдка огромныя усадьбы, съ десятками хозяйственныхъ построекъ, представителей казачьяго капитализма. А по станціямъ вы видите вездѣ малиновые околыши уральскихъ казаковъ, ихъ добродушно-энергичныя физіономіи, съ окладистыми русыми бородами, и слышите характерное пришепетываніе, которое не оставляетъ уральца, даже прошедшаго черезъ горнило университетскаго или военнаго образованія. И вездѣ,—на станціяхъ, на деревенскихъ улицахъ, на хуторахъ, въ открытомъ полѣ, въ глаза бросаются жнеи, косилки, конныя и паровыя молотилки,—вездѣ вы видите двухъ-и трехъ-этажные хлѣбные ам-

бары—характерный аттрибутъ того пшеничнаго царства, которое протянулось сплошь отъ Волги до Урала.

Вотъ, однако, какъ бы въ маревѣ, показывается Уральскъ: линія блѣдно-розовыхъ и блѣдно-желтыхъ домовъ, церкви и кругомъ—обширныя рощи, такъ ласкающія глазъ среди безлѣснаго степного простора. Поѣздъ, видно, пришелъ на добрый часъ раньше времени... Пассажиры начинаютъ поспѣшно собирать и увязывать разбросанныя дорожныя вещи,—но скоро оказывается, что это было и въ самомъ дѣлѣ только марево—одна изъ тѣхъ шутокъ, которыя такъ любитъ шутить горячее степное солнце.

А вотъ и дѣйствительно Уральскъ. Вдоль полотна дороги—съ десятокъ паровыхъ мельницъ, по дорогѣ отъ вокзала къ городу—цѣлая улица лѣсныхъ дворовъ и складовъ, — и вы въ самомъ центрѣ города, на сносно вымощенной, просторной улицѣ, обстроенной почти подрядъ казенными домами. Однако, такая улица—единственная въ своемъ родѣ. Весь остальной Уральскъ, несмотря на его многомилліонную торговлю, главнымъ образомъ хлѣбомъ, скотомъ и рыбой,—не болѣе, какъ большая казачья станица, да и станица-то не изъ важныхъ, гораздо хуже тѣхъ, которыя виднѣлись по пути изъ окна вагона, съ немощеными пыльными улицами, отъ которыхъ, подъ вечеръ, въ воздухѣ стоитъ сплошная мгла, съ какими-то необыкновенно-жалкими, покосившимися фонарными столбами, съ маленькими, обмазанными глиной домами и домишками. Въ полдень, когда почти вертикально-палящее солнце даетъ до 50° по Реомюру, жизнь на этихъ улицахъ почти замираетъ: всякій, кому не до зарѣзу нужно, спѣшитъ укрыться въ «холодкѣ»; во многихъ домахъ, для защиты отъ солнца, окна изнутри вымазаны синею краской, а многіе, чтобы спастись отъ жары и пыли, въ теченіе всего лѣта не выставляютъ наглухо замазанныхъ двойныхъ рамъ.

Малиновые околыши въ Уральскѣ не даютъ прохода. На углахъ стоятъ малиновые полицейскіе, у «части» малиновые пожарные возятся съ трубой и бочками, малиновые ребятишки играютъ въ бабки или чехарду; даже гимназисты, и тѣ носятъ тотъ-же малиновый околышъ и малиновый лампасъ на шароварахъ. И въ отличіе отъ сибирскихъ, амурскихъ, даже оренбургскихъ казаковъ, которые производятъ впечатлѣніе мужиковъ въ форменныхъ фуражкахъ, уральскіе казаки и внѣ службы сохраняютъ какой-то особенный видъ, по которому вы сразу узнаете военнаго человѣка. Преобладаніе въ Уральскѣ казачьяго элемента выражается, конечно, не въ однихъ малиновыхъ околышахъ: реальное училище въ Уральскѣ—«войсковое»; войсковое хозяйственное правленіе занимаетъ огромное, высокое, казеннаго вида зданіе на главной улицѣ, тогда какъ высшее гражданское управленіе областью ютится гдѣ-то на боковой улицѣ, въ небольшомъ наемномъ домѣ. Извозчикъ, если вы его спросите, гдѣ живетъ губер-

*

наторъ, придетъ въ нѣкоторое недоумѣніе, а когда сообразитъ, въ чемъ дѣло, объяснитъ вамъ, что «у насъ больше атаманскимъ домомъ зовутъ».

На окраинѣ города, за татарскою слободкой, довольно обширное мѣсто обнесено глухимъ заборомъ, и надъ воротами его красуется не особенно вразумительная для непосвященнаго надпись: «войсковой складъ строительныхъ матеріаловъ для учуга», а немного дальше вы можете видѣть и самый ýчугъ. Издали вы видите лишь узенькій пѣшеходный мостикъ на столбахъ, съ косыми бревнами въ видѣ ледорѣзовъ, почему-то подставленными однако, *не сверху* по теченію, какъ приличествуетъ ледорѣзамъ, а *снизу*. Но поднявшись по нѣсколькимъ ступенькамъ, вы видите, что суть дѣла вовсе не въ мостикѣ: и мостикъ, и косыя бревна только поддерживаютъ противъ сильнаго теченія сплошную желѣзную рѣшетку, перегораживающую Уралъ отъ одного берега до другого. Эта рѣшетка, составленная изъ часто вбитыхъ въ дно рѣки дюймовыхъ прутьевъ, выкрашенныхъ масляною краской, ежегодно снимается осенью и ежегодно-же ставится вновь послѣ окончанія весенняго ледохода. Ея цѣль—задержать поднимающуюся вверхъ по теченію рыбу и не пустить ее уйти въ верхнюю часть рѣки, уже не состоящую въ обладаніи войсковой общины.

Рыболовство въ Уралѣ, или, какъ здѣсь выражаются, «рыболовства»,—монополія уральскаго войска, и казачество строго и ревниво блюдетъ эту монополію. Ради сохраненія запасовъ рыбы на Уралѣ не допускается устройство пароходства; по всему вообще Уралу, ниже учуга, въ неназначенное для лова время запрещено даже плыть на лодкѣ или ловить рыбу удочкой; на мѣстѣ такъ называемаго «презентнаго багренія», откуда икра и осетры идутъ въ «презентъ» къ высочайшему столу, стоитъ особый постъ, оберегающій спокойствіе нагуливающейся рыбы. Вся рыба въ Уралѣ — собственность войсковой общины, къ которой принадлежитъ все войско, кромѣ четырехъ сѣверныхъ, илецкихъ станицъ. Никакихъ дѣленій нѣтъ внутри этой огромной общины; каждый казакъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, участвуетъ въ зимнемъ «бáгреньѣ» рыбы подъ Уральскомъ, участвуетъ въ осенней «плáвнѣ» въ низовьяхъ рѣки, участвуетъ, гдѣ ему угодно, и въ другихъ, второстепенныхъ «рыболовствахъ». Еще не такъ давно рыбный промыселъ былъ первенствующимъ источникомъ благосостоянія уральскихъ казаковъ. Теперь ему уже трудно удерживать за собою первенство, которое оспаривается у него скотоводствомъ и земледѣліемъ. Тѣмъ не менѣе въ «рыболовства» уралецъ и сейчасъ болѣе всего вкладываетъ свою душу. Земледѣліе, скотоводство—это для него заработокъ или источникъ барыша; бáгренье или плáвня—вѣками укоренившаяся «охота». Если вы хотите знать, какъ велика роль «рыболовствъ» въ жизни города Уральска, прочтите только

печатныя правила пользованія городскою (вѣрнѣе — тоже войсковою) телефонною сѣтью: даже телефонъ бездѣйствуетъ въ первые два дня бàгренья, и открывается только послѣ 4-хъ часовъ, когда наступившая темнота заставляетъ прекратить ловлю.

Мнѣ лично не довелось видѣть ни одного изъ уральскихъ «рыболовствъ». Но по разсказамъ судя, бàгренье—увлекательная картина. Разбитые на небольшія артели, ловцы по пушечному выстрѣлу, «удару», бросаются на высмотрѣнныя еще съ лѣта мѣста, гдѣ рыба залегла на зимнюю спячку; съ необыкновенною быстротой каждый въ одиночку продалбливаетъ небольшую прорубь, сквозь нее небольшимъ багромъ нащупываетъ бѣлугу или осетра и возгласомъ «скоро!» созываетъ артельщиковъ, которые помогаютъ ему вытащить на ледъ огромную рыбу. Словно муравьи копошатся на льду тысячи людей, и въ немного часовъ ледъ покрывается массивными осетровыми или бѣлужьими тушами. Не менѣе эффектна, говорятъ, и «плàвня», когда, тысячи промышлениковъ тоже по «удару», въ одинъ моментъ сбрасываютъ въ воду свои утлыя ладьи и спѣшать съ сѣтями, каждый на заранѣе намѣченное для лова мѣсто.

Рыболовство—та область хозяйственной жизни казачества, гдѣ въ наибольшей чистотѣ сохранились старые общинные порядки, хотя, надо замѣтить, и въ этой области общинное самоопредѣленіе въ значительной мѣрѣ вытѣснено распоряженіемъ казачьяго начальства. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ процессѣ производства, другими словами, въ моментъ самого лова, въ наибольшей чистотѣ сохранился принципъ первобытной, до-передѣльной общины:—«каждому по его трудамъ», осложненный, конечно, и другимъ принципомъ: каждому по его удачѣ. Каждый казакъ, будь онъ рядовой или полковникъ, только лично можетъ принимать участіе въ багреньѣ или плавнѣ. Наемные работники на «рыболовства» не допускаются вовсе, и къ найму дозволяется прибѣгать только въ позднѣйшій моментъ—при раздѣлкѣ и посолкѣ рыбы. Капиталъ проникъ пока только въ область сбыта продуктовъ рыболовства, и напримѣръ вся рыба съ низовыхъ промысловъ цѣликомъ скупается десятью или двѣнадцатью рыботорговцами.

Гораздо сильнѣе выражается дифференціація и вліяніе капитала въ другихъ отрасляхъ казачьяго землевладѣнія и хозяйства — въ земледѣліи и особенно скотоводствѣ. Такъ, размѣръ запашки каждаго казака ограниченъ опредѣленнымъ числомъ десятинъ, которое въ нѣсколько разъ повышается для офицеровъ и чиновниковъ, и запахивающій сверхъ этой пропорціи обязывается вносить «акцизъ» въ войсковую кассу. Но акцизъ вносится весьма неисправно, и богачи, засѣвающіе сотни и тысячи десятинъ, предпочитаютъ пользоваться разнаго рода обходными путями, стоющими гораздо дешевле, нежели стоилъ бы акцизъ. Весьма строго регулированы и порядки пользова-

нія покосами: въ первые три дня «валового» покоса каждый казакъ можетъ косить лишь самъ, безъ наемныхъ рабочихъ, и только офицерамъ дозволяется ставить за себя наемныхъ замѣстителей. Въ слѣдующіе три дня дозволяется нанимать по одному работнику, позже уже по два и больше, и такимъ образомъ обычай, не установляя безусловнаго равенства въ пользованіи покосомъ (да въ этомъ не было бы и необходимости, потому что покосовъ пока хватаетъ съ избыткомъ на всѣхъ), однако обезпечиваетъ и бѣдняку возможность накосить сколько ему нужно сѣна. Но богачи скупаютъ паи у бѣдняковъ, и такимъ образомъ накашиваютъ тысячи копенъ. Наконецъ, и право выпаса на войсковыхъ степяхъ ограничено, на каждаго казака, опредѣленнымъ числомъ головъ скота, и за каждую лишнюю скотину тоже полагается «акцизъ»; но мнѣ называли одного казака-скотопромышленника, властвующаго въ районѣ одной изъ уральскихъ станицъ, который ежегодно скупаетъ и нагуливаетъ на войсковыхъ степяхъ до полусотни тысячъ головъ скота, оплачивая акцизомъ какую-нибудь десятую долю этого количества.

Вообще, едва ли гдѣ-либо такъ сильна дифференціація, такъ велика власть богачей и ихъ вліяніе на общественныя дѣла, какъ въ казачьихъ общинахъ и въ частности въ уральской. И, пожалуй, правы тѣ мѣстные люди, которые приводятъ это явленіе въ прямую связь съ полувоенною казачьею общественною организаціей. Станичный или поселковый атаманъ—это офицеръ или въ худшемъ случаѣ урядникъ, воздѣйствующій на рядового казака не только своею выборною властью, но и авторитетомъ своего военнаго чина; а между тѣмъ станичная казачья власть, какъ и сельская власть у крестьянъ, всегда имѣетъ болѣе тяготѣнія къ сильнымъ, богатымъ элементамъ, нежели къ заурядной массѣ казачества.

II.

Зауральская степь.

Въ воздухѣ не менѣе 50 градусовъ. По горячему песку больно ступать въ тонкой обуви, а желѣзные поручни тарантаса, если къ нимъ нечаянно прикоснуться, даютъ впечатлѣнія ожога. Раскаленный воздухъ дрожитъ и колеблется, и на горизонтѣ то тамъ, то сямъ появляется марево: передъ глазами путника разстилаются фантастическія озера; среди нихъ плаваютъ какія-то неясныя очертанія, какъ потомъ оказывается мнимыми, юрты или верблюды, или стога сѣна, а надъ озерами повыше горизонта мерещится сплошная полоса высокаго лѣса. Впрочемъ, иллюзія лѣса иногда является и безъ марева. «На степи,—говоритъ киргизская поговорка,—сурокъ съ сурчатами — что́ верблюдъ съ верблюжатами»; всѣ предметы, выдающіеся надъ ровною поверхностью степи, кажутся издали несоразмѣрно-огромными, и

сплошь и рядомъ вы примете насыпанные сусликами курганы за киргизскія юрты, а поросшій по залежи бурьянъ—за высокую лѣсную заросль.

Начало іюля мѣсяца. А жгучее солнце и горячій вѣтеръ, несущійся изъ средне-азіатской пустыни, съ начала мая не перестаютъ высушивать степь, вытягивая изъ почвы послѣдніе слѣды весенней влаги. Лишь кое-гдѣ, узкою полосою, прошелъ случайный ливень, и такую полосу можно сразу узнать по густой, высокой, ярко-зеленой травѣ или по роскошно наливающемуся хлѣбу. Гдѣ не случилось ливня, тамъ выжженная степь переливаетъ всевозможными комбинаціями бѣдныхъ и тусклыхъ, желтоватыхъ и буроватыхъ тоновъ, рѣзко контрастирующихъ съ ярко-голубымъ, безоблачнымъ небомъ. Палево-желтый ковыль, съ его серебрящимися на косомъ вечернемъ солнцѣ метелками, смѣняется то ярко-желтыми кисточками или султанчиками типца, то сѣро-сизою, некрупною полынью-джусанъ, то приземистою, буроватою майкарà *), изъ-подъ которой выступаетъ бѣлесоватая, не то известковатая, не то солонцеватая почва. Кое-гдѣ на этомъ тускломъ фонѣ, то узкими, извилистыми ложбинками «саями», то широкими «лиманами», выдѣляются блѣдно-зеленыя пятна сѣнокосовъ или темно-зеленые квадраты излюбленнаго киргизами проса. Отъ посѣвовъ, большею частью, остались лишь слѣды, сиротливо выдѣляющіеся на сѣромъ или буромъ фонѣ начисто выжженныхъ полей; но гдѣ земля была вспахана съ осени и посѣвъ произведенъ самою раннею весной, тамъ хлѣбъ, несмотря на засуху, стоитъ сплошною стѣной и обѣщаетъ обильный урожай.

На первыхъ перегонахъ отъ Уральска (я ѣду на Темиръ и Муголжары, пересѣкая Уральскую степь съ сѣверо-запада на юго-востокъ) поминутно встрѣчаются длинные телѣжные обозы, на быкахъ и верблюдахъ, и караваны вьючныхъ верблюдовъ, съ ихъвытянутыми, безобразными шеями и большими умными глазами. Изъ степи обозы и караваны везутъ огромныя кипы шерсти, рѣже кошмы и ковры; въ степь—чугунные котлы, полосовое желѣзо, тюки съ мануфактурою, ящики съ бакалеей, зеркала, рѣшетчатые остовы для киргизскихъ юртъ. Попадаются навстрѣчу и большія отары барановъ, съ полуголыми, темно-бронзовыми погонщиками-киргизами.

Подальше отъ Уральска обозы исчезаютъ, почти не попадается гуртовъ, и на широкой караванной дорогѣ, съ ея десятками параллельно проторенныхъ верблюжьихъ тропъ и колесныхъ слѣдовъ, лишь изрѣдка встрѣчается верховой киргизъ, трусящій своею излюбленною «ходóю».

Гдѣ дорога идетъ лѣтовками, степь десятками верстъ пустынна, и ея мертвое однообразіе нарушается только хищными птицами да

*) Киргизское названіе нѣкоторыхъ видовъ полыни.

сусликами. Рыжевато-бурые звѣрьки, этотъ будущій бичъ развивающагося въ степи земледѣлія, съ любопытствомъ высовываются изъ своихъ норокъ, слѣдятъ за приближающимся экипажемъ, а затѣмъ, быстро и граціозно, ныряютъ обратно въ свои подземныя жилища.

Гдѣ дорога пересѣкаетъ долину рѣчки или большого «сая», или гдѣ она тянется вдоль такой долины, — мѣстность принимаетъ болѣе оживленный видъ. Вдоль рѣчекъ и ручьевъ, рѣдкою цѣпью, разбросаны, то по одной, то небольшими группами, киргизскія зимовки: жилые дома изъ саманнаго кирпича или дерна, съ плоскими земляными крышами, съ вынутыми на лѣто оконными рамами и дверьми, и такіе-же, тоже саманные или дерновые, только без крышъ, загоны для скота; возлѣ многихъ зимовокъ уже стоятъ большіе стога сѣна, и около каждой зимовки—коническія кучки кизяка: у сѣверныхъ киргизовъ кизякъ — единственное топливо, и только дальше къ югу онъ замѣняется одеревенѣлыми корнями кокпека и нѣкоторыхъ видовъ полыни.

Тутъ же, около зимовокъ или немного поодаль, стоятъ киргизскіе аулы, прикочевавшіе на время сѣнокоса. Это группы круглыхъ войлочныхъ юртъ, или, какъ ихъ называютъ киргизы—кошей, съ куполообразнымъ кровомъ, однѣ наглухо закрытыя, другія съ приподнятыми, для провѣтриванія, боковыми полами и пріоткрытымъ сверху «тюндюкомъ». Юрты—то большія, бѣлыя, изъ совершенно свѣжихъ, чистыхъ войлоковъ или кошемъ, то потемнѣе и посѣрѣе, обыкновенно при этомъ и поменьше, то совсѣмъ маленькія, покрытыя до крайности изодранными, заплатанными, почти черными, лоснящимися отъ жира и просвѣчивающими отъ вѣтхости тряпками, утратившими, можно сказать, всякое подобіе кошмы. Около юртъ играютъ до-нельзя грязныя, полуголыя ребятишки и копошатся киргизскія женщины, однѣ въ бѣлыхъ платкахъ, другія въ бѣлыхъ же—обязательно бѣлыхъ—тюрбанообразныхъ головныхъ уборахъ, одѣтыя то въ длинные, неуклюжіе капоты, то въ какія-то шаровары или брюки. Одна моетъ чугунный котелъ—универсальную посуду, служащую и для варки пищи, и для стирки бѣлья, и для формовки кизяка; другая мѣшаетъ въ кожаной сабѣ кумысъ, этотъ національный киргизскій напитокъ; третья что-то чинитъ или штопаетъ; четвертая подтыкаетъ и подтягиваетъ расшатанную вѣтромъ юрту. Ихъ супруговъ и повелителей не видно: кто вынужденъ работать, тотъ пасетъ скотъ гдѣ-нибудь на недалекой лѣтовкѣ, кто можетъ себя избавить отъ этой непріятности—кейфуетъ въ юртѣ, а то уѣхалъ куда-нибудь въ гости, попить кумыса и подѣлиться свѣжими новостями.

Нестерпимо хочется пить. Мы подъѣзжаемъ къ группѣ особенно бѣлыхъ и чистыхъ кошей.

— Кмызъ баръ (кумысъ есть)? — спрашиваю я стоящую у одной изъ юртъ довольно молодую женщину, въ ослѣпительно-бѣломъ головномъ уборѣ и рѣдкостно-чистой, почти европейскаго покроя одеждѣ.

— Пожалуйста, зайдите,—отвѣчаетъ она на чистомъ русскомъ языкѣ съ едва замѣтнымъ киргизскимъ акцентомъ: — отдохните съ дороги, покушайте кумысу.

Я, удивленный, всматриваюсь—лицо какое-то необычное для киргизки, и глубокая скорбь въ темныхъ глазахъ.

И обстановка въ юртѣ не совсѣмъ обыкновенная: къ одѣвающимъ юрту извнутри коврамъ приколото нѣсколько картинокъ, въ томъ числѣ портреты Пушкина и еще кого-то изъ писателей; а изъ пріоткрытаго сундука выглядываетъ нѣсколько книжекъ или брошюръ.

— Откуда,—спрашиваю я, жадно выпивъ первую чашку кумыса,— вы такъ хорошо по-русски говорите?

— Училась въ прогимназіи.

— А потомъ?

— Потомъ, вотъ видите, замужъ вышла, въ степи живу.

Еще пара чашекъ кумыса, и въ путь.

— Не знаешь, чья жена,—спрашиваю я ямщика, обѣднѣвшаго уральскаго казака?

— Какъ не знать... Баймухамета Иманбаева *), третья. Не впрокъ ей наука-то пошла,—сталъ разсказывать ямщикъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ.—Въ городу-то въ пансіонѣ жила, другую жисть увидала, хлѣбъ выучилась ѣсть. Кончила ученье—ужъ въ грязи да во вшахъ не глянется. Да это бы еще ничего... А то, пока она въ книжкахъ училась, отецъ ее продалъ Дюсенбаю—это у Баймухамета братъ былъ, во вторыя жены. А Дюсенбай года два пожилъ, да и померъ, а она, по ихнему закону, къ Баймухамету перешла. Она, сказываютъ, и въ рѣкѣ топилась, и бѣгала отъ мужа. Губернаторъ тутъ проѣзжалъ—я и везъ его,—вставилъ ямщикъ не безъ гордости,—она къ нему, такъ при всемъ народѣ, съ прошеніемъ: вы, говоритъ, меня въ школѣ учили, такъ я, молъ, не могу по старому заведенію жить. А онъ что можетъ?! Я, говоритъ, противъ вашего закона не могу идти,—пошто́ тебя отецъ въ емназію отдавалъ!..

— А этотъ Баймухаметъ богатый?

— Какъ не богатый! Ужъ коли три жены, значитъ богатый. Лошадей у него, должно, ста три, да рогатыхъ сотъ пять будетъ; деньги въ банкѣ есть; хлѣба тоже сталъ помногу сѣять.

— А это весь аулъ его?—спрашиваю я, указывая на исчезающую на горизонтѣ группу въ четыре или пять кошей, стоявшихъ полукругомъ около обширной и аккуратно построенной, крытой тесомъ зимовки, окруженной обширными хлѣвами и огромными ометами сѣна.

— Его. Вонъ, въ трехъ кошахъ самъ живетъ—у нихъ, вѣдь, у кого двѣ али три жены, у каждой своя юрта. А тамъ вонъ двѣ ки-

*) Имена и названія мѣстностей здѣсь и въ дальнѣйшемъ вымышлены.

битки,—онъ указалъ при этомъ на двѣ маленькихъ, черныхъ, ободранныхъ юрты,—байгуши.

— Чтò это за байгуши?—спрашиваетъ мой спутникъ, которому въ первый разъ довелось быть въ киргизской степи.

— А которые вовсе бѣдные, скота не имѣютъ; вотъ, они около богатыхъ и живутъ. У киргизъ на этотъ счетъ лучше нашего: который бѣдный—за него богатый и подати платитъ; дастъ ему богатый коровенку или двѣ,—съ того онъ и питается; барана богатый зарѣжетъ—байгушъ костями пользуется. А ужъ они у него—чтò твои, сказываютъ въ Расеѣ были, крѣпостные. Онъ вотъ себѣ откочуетъ на лѣтовку, кумысъ жрать да барановъ ѣсть, а байгуши ему и зимовку укараулятъ, и сѣно накосятъ, и хлѣбъ сожнутъ.

Нигдѣ, можетъ быть, имущественная дифференція не ведетъ за собою такого рѣзкаго соціальнаго разслоенія, какъ среди кочевниковъ. Безскотные киргизы—байгуши или джатаки—это въ полномъ смыслѣ слова паріи, илоты, которые живутъ милостями богатаго «бая» и которыми онъ, дѣйствительно, распоряжается, какъ крѣпостными. Богачи-баи, богатство которыхъ исчисляется тысячами головъ скота и десятками, а то и сотнями тысячъ денегъ,—это «бѣлая кость», маленькіе князьки, власть которыхъ надъ рядовою киргизскою массой усугубляется сохранившимися еще традиціями родового быта и памятью о тѣхъ временахъ, когда эти баи или ихъ отцы были султанами-правителями или дистанціонными начальниками, съ довольно большою административною властью.

Припоминается мнѣ мой визитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ нѣкоему Нурали Асанову, властвующему гдѣ-то невдалекѣ, кажется, отъ города Петропавловска. Раньше прошедшій цѣлый рядъ должностей по киргизскому управленію, потомокъ султановъ, Нурали въ то время не занималъ никакого оффиціальнаго положенія. И тѣмъ не менѣе, когда мнѣ понадобилось ѣхать въ степь, объ этомъ, кромѣ казенныхъ предписаній и открытыхъ листовъ, было написано частное письмо Нурали Асанову, и мнѣ было настоятельно рекомендовано посѣтить его зимовку.

Я не преминулъ исполнить этотъ совѣтъ. Зимовка оказалась обширнымъ каменнымъ домомъ въ 12 комнатъ, и на крыльцѣ этого дома меня встрѣтилъ типичный, полуграмотный киргизъ, но въ очкахъ, въ какой-то полуполицейской формѣ и съ вереницею медалей и чуть ли не орденовъ на шеѣ. Не помню уже, чѣмъ онъ угостилъ меня къ обѣду—на столѣ стояла цѣлая батарея разнообразныхъ бутылокъ и вереница не менѣе разнообразныхъ закусокъ; знаю только, что пріемъ для меня былъ второго, а то третьяго разряда,—кого нужно, Нурали встрѣчаетъ съ оркестромъ музыки, и шампанское льется рѣкою. Послѣ обѣда Нурали ушелъ въ свою юрту (Нурали тоже лѣтуетъ!), разбитую въ полусотнѣ шаговъ отъ дома, а черезъ полчаса я пошелъ туда-же, отда-

вать ему визитъ. Огромная, бѣлая юрта, увѣшанная внутри дорогими текинскими коврами и уставленная горами ящиковъ, въ красиво расшитыхъ войлочныхъ чехлахъ; немного сбоку—широкая желѣзная, позолоченная кровать, съ пружиннымъ матрацомъ, а надъ кроватью къ деревяннымъ «кереге» кибитки подвѣшенъ на длинной лентѣ старшій орденъ Нурали. На почетномъ мѣстѣ, на грудѣ подушекъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ Нурали, уже не въ полицейской формѣ, а въ тонкомъ шелковомъ бешметѣ, и творилъ судъ среди своихъ вѣрнопреданныхъ киргизовъ: попарно, съ низкими поклонами, подходили къ нему тяжущіеся, нѣкоторые—пріѣхавшіе за сотню верстъ; длинно и многословно они излагали сущность своей тяжбы, и Нурали, задавъ два-три вопроса, изрекалъ свои рѣшенія—рѣшенія болѣе крѣпкія, нежели приговоры оффиціальнаго «народнаго суда».

О самомнѣніи и чванствѣ Нурали разсказываютъ не мало анекдотовъ.

«Пріѣзжаетъ какъ-то,—разсказывалъ мнѣ одинъ мѣстный обыватель,—Нурали къ намъ въ городъ, узнаетъ, что пріѣхалъ предсѣдатель суда. Сейчасъ мундиръ, медали—съ визитомъ къ предсѣдателю. Тотъ съ нимъ поговорилъ о томъ, о семъ, а на прощаніе спросилъ, гдѣ онъ остановился. Значитъ, визитъ будетъ отдавать... Нурали сейчасъ домой, облекся въ халатъ, дожидаться визита. Сидитъ часъ, два, три—нѣтъ предсѣдателя. Наскучило ему сидѣть, посылаетъ чавара *) спросить его -ство, можетъ ли онъ, Нурали, отлучиться изъ дому, или долженъ дожидаться визита; тотъ ему въ отвѣтъ--сейчасъ, молъ, буду. А Нурали какъ услыхалъ, что предсѣдатель будетъ—чавара на базаръ; согнали сотни двѣ киргизовъ, кто только подъ руку попался: «смотрите-молъ, какъ меня начальство почитаетъ»...

Вліяніе Нурали даетъ, однако, пищу далеко не одному только его тщеславію и властолюбію. Нечего уже говорить о томъ, что его огромныя стада вытравляютъ десятки тысячъ десятинъ пастбищъ, которыхъ хватило бы для сотни кибитокъ рядовыхъ киргизъ—это, при киргизскихъ порядкахъ землепользованія, совершенно нормально. Но, вѣдь, всѣ тѣ тяжущіеся, которыхъ разбираетъ Нурали, не являются къ судьѣ съ пустыми руками—и правый, и виноватый несетъ ему «бійлыкъ»... Изрядную часть своего скота Нурали раздаетъ на зиму своимъ «кунакамъ», которые кормятъ скотъ, а къ веснѣ возвращаютъ его своему высокому покровителю. И last not least—разсказываютъ о чемъ-то въ родѣ настоящаго сбора даней, которыя Нурали взимаетъ—неизвѣстно за чтò--съ такихъ киргизовъ, которымъ, казалось бы, до Нурали нѣтъ никакого дѣла.

---

*) Родъ конныхъ разсыльныхъ, которыхъ держатъ при себѣ киргизскія должностныя лица и просто богатые киргизы.

«Посылаетъ Нурали чавара съ письмомъ въ Кентыпскую, скажемъ, волость: «милые мои кентыпцы, я о васъ соскучился и ѣду къ вамъ въ гости»; цѣлый мѣсяцъ ѣздитъ изъ аула въ аулъ, и глядишь—ѣдетъ домой, а за нимъ большой табунъ скота гонятъ: это все ему понадавали подарковъ»...

Да не посѣтуетъ на меня читатель, что я столько времени занималъ его личностью Нурали. Нурали—это не только личность, это собирательный типъ. Такіе Нурали, то болѣе крупные, то помельче, одни въ халатахъ и съ какою-нибудь маленькою медалью, другіе, пожалуй, въ сюртукахъ и даже съ дипломами, раскинули сѣть своего не основаннаго ни на какомъ писанномъ правѣ, но крѣпкаго господства по всей необъятной киргизской степи. Это они скрываются за тою «борьбою партій», которая такъ разлагаетъ общественную жизнь киргизовъ, и проводятъ на якобы выборныя должности управителей, аульныхъ старшинъ и народныхъ судей своихъ сыновей, племянниковъ или просто зависящихъ отъ нихъ людей. Это они время отъ времени появляются въ Петербургѣ въ богатыхъ, съ золотыми галунами, халатахъ и тысячныхъ поясахъ, въ качествѣ «представителей киргизскаго народа», собирая съ рядовыхъ киргизъ десятки тысячъ рублей «на ходатайство» и отстаивая, подъ фирмою «народныхъ», интересы малочисленнаго, но вліятельнаго богатаго класса. Это они первые пустили въ киргизскую степь русскихъ поселенцевъ, сдавая имъ въ аренду огромныя пространства самовольно присвоенной ими общественной земли, и они-же теперь главные противники русской колонизаціи: теперь земля отводится переселенцамъ правительствомъ, и богачи уже не имѣютъ отъ этого никакой выгоды; а подъ заселеніе отдаются тѣ земельные излишки, въ которыхъ рядовой киргизъ, съ его парою десятковъ головъ скота, вовсе не заинтересованъ, но которые необходимы богатому «баю» для его огромныхъ табуновъ.

Вечерѣетъ. Жаръ начинаетъ спадать. Неподалеку, въ вечерней дымкѣ, виднѣется какая-то рѣчка, вдоль нея—густая цѣпь зимовокъ кое-гдѣ около самихъ зимовокъ—кучки куполообразныхъ юртъ и какихъ-то палатокъ, а по степи, то тамъ, то сямъ, пасутся огромныястада.

Отъ одной изъ зимовокъ отдѣляется фигура верхомъ и вскачь несется намъ на перерѣзъ. Оказывается—взъерошенный, до крайности оборванный киргизъ, съ двумя длинными, только что начавшими подживать, ранами или царапинами на лицѣ и шеѣ. Быстро и взволнованно онъ что-то разсказываетъ по-киргизски, все время показывая то въ сторону зимовокъ, то на пасущіеся табуны.

— Чтó такое?—спрашиваемъ ямщика.

— Адаевцы,—отвѣчаетъ тотъ:—стали на лугахъ, все вытравили—вонъ скота какая сила!.. Стали ихъ сживать, а они драться; ишь какъ его ножами исполосовали...

Черезъ посредство ямщика мы объясняемъ израненному киргизу, что не можемъ ничѣмъ помочь его бѣдѣ. Киргизъ потихоньку плетется назадъ, а мы ѣдемъ своею дорогою.

— Сладу нѣтъ съ этими адаевцами,—продолжалъ ямщикъ:—придутъ съ табунами и станутъ, хоть тебѣ тутъ покосъ, хоть что̀. Станутъ имъ чего говорить, а они: не троньте, молъ, насъ, драться будемъ. И ничего съ ними подѣлать не могутъ: здѣшніе волостные ихъ не знаютъ, а кого и знаютъ—боятся. А пока до уѣзднаго дойдетъ—они и откочуютъ—ищи ихъ!..

Вотъ и Уилъ—бывшее Уильское укрѣпленіе. Въ центрѣ небольшая, совсѣмъ новая каменная церковка; справа—крестьянскій поселокъ Шиповскій, съ правильно расположенными, домами крытыми то тесомъ или желѣзомъ, то соломою; еще правѣе—обнесенная валикомъ старая крѣпость, гдѣ и сейчасъ помѣщается небольшая казачья команда. Слѣва--обширная ярмарочная площадь, а посреди нея—большое каменное зданіе съ помѣщеніями для управленія ярмарки и для многочисленнаго, съѣзжающагося на ярмарку, начальства.

Мы заѣзжаемъ въ это зданіе, и какой-то не то сторожъ, не то писарь начинаетъ хлопотать о самоварѣ.

— Ярмарка удачно прошла?—спрашиваемъ.

— Ничего... Народу больше всѣхъ годовъ съѣхалось—киргизъ тысячъ за пятьдесятъ было, торговцевъ тоже много. Хохлы вотъ въ поселкѣ большія деньги нажили.

— На чемъ нажили?

— Какъ на чемъ! Они на ярмаркѣ и хлѣбомъ торгуютъ, и яйцами. Брали за хлѣбъ по восемь да по десять копеекъ фунтъ, за десятокъ яицъ по сорока да по пятидесяти копеекъ. Хорошее имъ житье!.. Имъ бы и хлѣба сѣять не надо: одними ярмарками да базарами будутъ сыты...

— А все-таки сѣютъ?..

— Сѣютъ. Только плохо здѣсь для пашни: кругомъ-то все подъ ярмарку отведено, а крестьянскій надѣлъ въ одну сторону въ семи верстахъ, въ другую—всѣ десять. И земля тоже: тамъ вотъ—собесѣдникъ нашъ показалъ рукою въ одну сторону—песокъ гольный, а тамъ—горы да глина. Опять же и отъ адаевцевъ плохо: того и гляди все вытравятъ. Много хлопотъ тутъ съ этими адаевцами,—продолжалъ нашъ собесѣдникъ: то у нихъ съ торговцами-татарами джанджалъ *) выйдетъ,—ноньче вотъ изъ-за возжи такое вышло... еле торговцевъ отбили!—то со здѣшними киргизами, то съ крестьянами изъ-за потравы. Ну, а хохлы, тѣ ужъ тоже спуску не даютъ: изловятъ у адаевца скотъ на потравѣ—вдесятеро сдерутъ: и за себя, и за другихъ. Много начальству возни съ адаевцами—ни одна ярмарка не пройдетъ,

*) Скандалъ, драка по-киргизски.

чтобы казаковъ не вывели. Въ прошедшемъ годѣ вышла у нихъ такая драка съ хохлами... мы располагали, намъ всѣмъ конецъ пришелъ; вѣдь казаковъ-то полсотни, да еще кони у нихъ на травѣ ходили,— а ихъ вонъ какая сила!..

— Ну, и что́ же?

— Да ничего,—пронесъ Господь.

Адаевцы—это больной вопросъ и для киргизъ средней полосы Уральской области, и для русскихъ поселенцевъ, гдѣ такіе есть, и для мѣстнаго начальства. И корень этого больного вопроса—въ столкновеніи двухъ культуръ: первобытной кочевой, типичными представителями которой являются адаевцы, и осѣдло-земледѣльческой, сдѣлавшей уже большіе успѣхи на сѣверѣ и въ средней части Уральской области.

Еще не такъ давно вся милліонная масса киргизъ свободно кочевала по необъятному пространству степей, отъ рѣки Чу и озера Зайсана до границъ Тобольской губерніи, и отъ Оренбурга и Троицка до Сыръ-Дарьи и хивинскихъ владѣній. Киргизы не имѣли постоянной осѣдлости и даже зиму проводили въ юртахъ, для теплоты обкладывая ихъ снѣгомъ и навозомъ. Земледѣлія вовсе не было. Скотоводство имѣло совершенно первобытный характеръ: киргизы не заготовляли сѣна, и скотъ зиму и лѣто оставался на подножномъ корму. На зиму киргизъ-кочевникъ уходилъ на югъ—на Чу, на Сыръ-Дарью, въ хивинскія владѣнія, гдѣ легче было перетерпѣть сравнительно мягкую зиму, а главное—гдѣ скотъ легко могъ добывать изъ-подъ неглубокаго снѣга отросшую послѣ осеннихъ дождей траву. При первыхъ признакахъ весны, въ мартѣ или въ февралѣ, киргизъ снимался съ зимового стойбища, навьючивалъ свой скарбъ на верблюдовъ и вмѣстѣ со своимъ скотомъ спѣшилъ на сѣверъ, чтобы воспользоваться, при перекочевкѣ, свѣжею весеннею травою и остатками снѣговой воды на безводныхъ и безплодныхъ въ теченіе всего лѣта степяхъ и пустыняхъ, отдѣляющихъ лежащіе на югѣ зимовочные районы отъ тучныхъ ковыльныхъ пастбищъ сѣверной степи. Здѣсь, на сѣверѣ, киргизы проводили два, три, четыре лѣтнихъ мѣсяца, а съ приближеніемъ осени откочевывали на югъ, чтобы во время осеннихъ дождей перейти обратно голодныя степи и пустыни и во-время добраться до песковъ, гдѣ киргизы охотнѣе всего становились на зимовку.

Въ тѣ времена вся степь представляла собою одинъ, для всѣхъ открытый кочевой путь, необъятный и безпредѣльный: каждый киргизъ могъ кочевать въ любомъ направленіи и пасти свой скотъ, гдѣ ему было угодно и удобно,—и только привычка и соображенія чисто практическаго удобства заставляли каждаго держаться какого-нибудь одного пути и останавливаться на лѣтовку на однихъ и тѣхъ-же урочищахъ: на своемъ обычномъ пути киргизъ зналъ, гдѣ найти воду

и удобное мѣсто для ночлега, гдѣ искать корма; главное же—на этомъ пути онъ могъ всегда найти своихъ родовичей, а потому чувствовалъ себя не такимъ одинокимъ среди необъятнаго степного простора.

Теперь совсѣмъ не то. Отчасти благодаря примѣру русскихъ, съ которыми киргизы приходили все въ болѣе близкое соприкосновеніе, главнымъ же образомъ подъ вліяніемъ прироста населенія и сокращенія прежняго безграничнаго земельнаго простора, киргизы стали усваивать земледѣліе и параллельно съ этимъ переходить къ осѣдлымъ формамъ быта. У громаднаго большинства киргизъ сѣверныхъ областей — формы быта у сыръ-дарьинскихъ киргизъ пока совершенно иныя — теперь есть постоянныя зимнія жилища—зимовки, и при нихъ крытыя, болѣе или менѣе теплыя, помѣщенія для скота; громадное большинство киргизъ коситъ сѣно на зиму, и все болѣе и болѣе среди киргизъ распространяется земледѣліе. У значительной части киргизъ все это пока — на зачаточной ступени: зимовки — жалкія землянки, напоминающія жилища троглодитовъ; помѣщенія для скота—легкіе шалаши, на зиму обкладываемые дерномъ и снѣгомъ; сѣно косится только для дойныхъ кобылицъ и рогатаго скота; весь остальной скотъ круглый годъ содержится на подножномъ корму, и только больные и слабые экземпляры кое-какъ подкармливаются сѣномъ; земледѣліе—ничтожные посѣвы проса на кое-какъ поцарапанной, допотопнымъ омачемъ, землѣ. Но во многихъ мѣстностяхъ эволюція киргизскаго хозяйства ушла уже значительно дальше. Возьмите хотя бы среднюю часть Актюбинскаго уѣзда, Тургайской области. Проѣзжая по Илеку, вы видите здѣсь сплошную цѣпь киргизскихъ селеній, съ аккуратно сложенными саманными домами, съ такими же теплыми хлѣвами, и каждая усадьба окружена огромными стогами сѣна и ометами обмолоченной соломы. Сѣна каждый домохозяинъ накашиваетъ тысячи пудовъ, и сотни тысячъ пудовъ проса продаются киргизами на ближайшихъ базарахъ. Параллельно идутъ и глубокія измѣненія во всемъ хозяйственномъ и домашнемъ быту киргизовъ: хлѣбъ, правда не печеный (хлѣба печь киргизы еще не выучились!), а въ видѣ похлебки или лепешекъ, становится предметомъ первой необходимости; кумысъ, съ сокращеніемъ коневодства, замѣняются айраномъ — кислымъ коровьимъ молокомъ, разбавленнымъ водою; въ обиходъ киргизовъ все больше проникаютъ фабричныя ткани, и гдѣ-нибудь по близости Уральска не рѣдкость увидѣть на киргизѣ русскую жилетку: среди киргизъ, особенно среди богатыхъ и вліятельныхъ, уже не мало такихъ, которые тяготятся верховою ѣздою, предпочитая ѣздить въ «ходкѣ» или крытомъ тарантасѣ, а для перекочевокъ и для перевозки кладей, вмѣсто вьючныхъ верблюдовъ, употребляются арбы или телѣги, запряженныя верблюдами или быками. И что́ особенно важно—совершенно измѣняется самый характеръ, такъ сказать, размахъ перекочевокъ. Киргизъ, кося-

щій сѣно и сѣющій хлѣбъ, уже не можетъ откочевывать за сотни и тысячи верстъ отъ своихъ зимовокъ, покосовъ и полей: въ апрѣлѣ онъ долженъ пахать и сѣять, а въ концѣ іюня начинается покосъ, который, чередуясь съ уборкою хлѣба, затягивается до поздней осени. Свободны отъ полевыхъ работъ какіе-нибудь два мѣсяца, которые киргизъ и проводитъ на ближнихъ лѣтовкахъ, въ тридцати, много пятидесяти верстахъ отъ своей зимовки. Къ началу сѣнокоса киргизъ уже прикочевываетъ къ зимовкамъ и покосамъ,—и только у богатыхъ часть скота остается на лѣтовкѣ, какъ прежде, до глубокой осени.

Попутно съ этимъ процессомъ осѣданія киргизовъ идетъ процессъ освоенія отдѣльныхъ участковъ степи, ранѣе составлявшей общее киргизское достояніе. Исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ ауловъ, этихъ мельчайшихъ ячеекъ киргизскаго общежитія, а то и просто отдѣльныхъ семей, становятся прежде всего мѣста подъ зимовками и прилегающія къ нимъ площади овечьихъ пастбищъ; затѣмъ—сѣнокосы, которыхъ сравнительно мало и которыми, поэтому, дорожатъ несравненно болѣе, нежели простою пастбищною степью и даже чѣмъ землею, годною для распашки. Необъятная степь мало-по-малу испещряется безконечнымъ множествомъ отдѣльныхъ усадебныхъ, пахатныхъ, покосныхъ владѣній,—и этимъ сильно затрудняется кочеваніе даже и по тѣмъ необъятнымъ пространствамъ, которыя продолжаютъ еще пока числиться общимъ достояніемъ. Чуть распустить табунъ—онъ забредетъ на чью-нибудь пашню или сѣнокосъ, а потому, вмѣсто прежней вольной пастьбы, поневолѣ приходится держать скотъ подъ постояннымъ надзоромъ пастуховъ.

Адаевцы—одно изъ самыхъ многочисленныхъ киргизскихъ племенъ—послѣдніе могикане стараго, чисто кочевого быта и хозяйства. Еще не зная постоянныхъ зимнихъ жилищъ, они круглый годъ живутъ въ юртахъ или даже джуламейкахъ — небольшихъ двускатныхъ войлочныхъ палаткахъ. Превосходные овцеводы и коневоды—адаевскія лошади на славѣ въ Оренбургѣ и Уральскѣ!—они до сихъ поръ не сѣютъ хлѣба и не косятъ сѣна, а потому, въ поискахъ подножнаго корма и воды, до сихъ поръ продолжаютъ совершать тысячеверстныя перекочевки: къ зимѣ—въ пески и камыши Аральскаго побережья и Закаспійской области, къ началу лѣта—на ковыльныя и полынныя степи средней полосы Уральской области; здѣсь, на ярмаркахъ въ Уилѣ и Темирѣ, они обмѣниваютъ скотъ и шерсть на тѣ немногіе покупные продукты, которые уже вошли въ кругъ ихъ несложнаго потребленія. И вотъ, все болѣе съ каждымъ годомъ, имъ приходится сталкиваться съ новыми формами хозяйства и владѣнія землею: гдѣ еще недавно была общая лѣтовка,—тамъ, оказывается, выросла чья-нибудь зимовка, распахана пашня, поставлены стоги. Увѣренные въ своемъ исконномъ правѣ, адаевцы все же разбиваютъ свои

джуламейки на мѣстахъ, гдѣ лѣтовали ихъ дѣды и отцы; самый скотъ ихъ, не привыкшій къ стѣсненіямъ, разбредается, не разбирая ни пашенъ, ни покосовъ. Отсюда безконечныя потравы, непрерывныя распри, въ которыхъ всегда вооруженные, смѣлые, какъ истые кочевники, адаевцы не останавливаются и передъ насиліемъ, а ихъ полуосѣвшіе сородичи охотнѣе обращаются къ защитѣ подлежащаго начальства. И не трудно предвидѣть, чѣмъ кончится эта борьба. Уже теперь адаевцы ходатайствуютъ объ отводѣ мѣстъ подъ зимовки,— и можетъ быть, черезъ немного лѣтъ и они сдѣлаются такими-же полуосѣдлыми полуземледѣльцами, какими сдѣлались уже киргизы средней полосы Уральской и Тургайской области.

Изъ Темира—жалкаго степного поселенія съ нѣсколькими сотнями жителей—я ѣду къ Мугоджарскимъ горамъ. Благодаря любезности путейскаго начальства, я попадаю въ рабочій поѣздъ строющейся Ташкентской желѣзной дороги, въ единственный «классный» вагонъ III класса, въ отдѣленіе, предназначенное, какъ гласитъ надпись, для построечной аристократіи: «для старшихъ агентовъ и подрядчиковъ» строющейся дороги. Кромѣ насъ, однако, въ отдѣленіи помѣщаются и другія лица, не принадлежащія къ этому почтенному сословію: какой-то господинъ въ полицейской формѣ и два или три господина въ фуражкахъ съ гражданскими кокардами. Поѣздъ довольно быстро мчится, энергично потряхивая по небалластированному пути. Изъ оконъ, по обѣимъ сторонамъ, видна все та-же сѣро-желтая, слегка увалистая степь; какъ будто только больше сѣро-сизаго джусана и сѣро-бурой май-кара̀, съ проглядывающею изъ-подъ нея бѣлесоватою почвой. Навстрѣчу поѣзда, по «времянкѣ», иногда попадаются верховые киргизы, по одиночкѣ или небольшими группами, но киргизы уже не въ жилеткахъ и низкихъ татарскихъ шапкахъ, какъ въ окрестностяхъ Уральска, а въ четыреугольныхъ остроконечныхъ шапочкахъ или ушастыхъ малахаяхъ и въ пестрыхъ, яркихъ цвѣтовъ, бухарскихъ халатахъ. Поравнявшись съ поѣздомъ, киргизъ останавливается и провожаетъ глазами «шайтанъ-арбу», а то заворачиваетъ лошадь и скачетъ нѣкоторое время въ перегонку съ «чортовою таратайкой».

— Ишь, мерзавцы, бездѣльники—негодуетъ господинъ въ полицейской формѣ:—нажрались кумысу въ гостяхъ и скачутъ, подлые...

— Чѣмъ это они, Петръ Васильичъ, такъ васъ разгнѣвали?—недоумѣваетъ одинъ изъ господъ съ кокардами, какъ потомъ оказалось— врачъ:—вѣдь это довольно невинное удовольствіе, немножко проскакать въ перегонку съ поѣздомъ, а вы кипятитесь, точно ни вѣсть что!..

— Какъ чѣмъ-съ!—вспыхнулъ Петръ Васильевичъ.—Вы вотъ здѣсь вновѣ, не знаете, что̀ за народъ: лѣнтяи, лодыри! Только у нихъ и дѣла, что кумысъ лакать да въ гости ѣздить! Вы посмотрите только, какъ онъ, мерзавецъ, работаетъ: взмахнетъ раза два косой—и отды-

хать! трава и достаивается до осени, а что въ ней тогда толку? все равно, что солома... Или пашни ихнія—вѣдь срамъ смотрѣть, какъ они землю ковыряютъ. Воры всѣ—поголовные: ни одного нѣтъ, кто бы лошадь не укралъ, если подвернется, или не помогъ бы конокраду перевести лошадь!..

— Ну, знаете ли, насчетъ воровства, пожалуй, что вы немного и того!.. Первое дѣло—вѣдь не всѣ же киргизы, въ самомъ дѣлѣ, конокрады или укрыватели; а потомъ, конокрадство—это вѣдь особь-статья. Киргизъ до сихъ поръ душою кочевникъ; для него лошадь не только «живой инвентарь», а спортъ, охота; увести лошадь—не безчестное дѣяніе, а проявленіе удали, смѣлости, память о временахъ вооруженной баранты; это его излюбленная месть за всякую обиду и несправедливость. Возьмите у насъ голубиную охоту: какой завзятый голубятникъ постѣснится переманить чужого голубя? такъ и у киргиза насчетъ лошадей... Знаете ли вы,—продолжалъ господинъ съ кокардой,—я какъ-то разъ попалъ въ лечебницу для душевно-больныхъ въ Казани и видѣлъ тамъ одного киргиза—настоящая «бѣлая кость»; такъ знаете, какъ онъ всѣмъ рекомендуется? «я,—говоритъ,—внукъ султана Аблайхана и извѣстный конокрадъ»... Ну, а въ другомъ, пожалуй, нѣтъ народа честнѣе, нежели киргизы. Вѣдь у него въ юртѣ ничего не запирается: отлучается куда-нибудь семья—перевяжутъ поперекъ двери арканъ, и все тутъ: ни одинъ киргизъ никогда не войдетъ въ юрту. Вы можете у бѣднѣйшаго киргиза оставить тысячную сумму—ни копейки не пропадетъ. Вотъ, положимъ, каравай хлѣба или конецъ веревки—это ужъ не оставляйте: больше не увидите!.. Или вотъ вы все твердите: лѣнтяи да лѣнтяи. А откуда здѣшнему кочевнику-киргизу было взять привычку пахать и косить? Вѣдь онъ и сейчасъ только балуется пашней, а давно ли они и не косили? А возьмите на казачьей линіи: кто на казака работаетъ? все киргизъ: казакъ знай себѣ киргиза поругиваетъ: лѣнтяй, да лодырь, да орда нехрешшоная,— а то и «тварью» обзоветъ; а киргизъ ему и пашетъ, и коситъ, и молотитъ, и за скотомъ ходитъ. Напротивъ, знаете ли, поражаться надо, какъ быстро они пріучаются къ земледѣлію!..

— И очень жаль, что пріучаются,—съ новымъ жаромъ подхватилъ господинъ въ полицейской формѣ:—для киргиза земледѣліе—не благо, а зло-съ; не способствовать надо развитію земледѣлія, а всемѣрно препятствовать! Пока киргизы были скотоводами, за ними ни недоимокъ не было, ни этихъ кормежекъ имъ не устраивали—жили себѣ безбѣдно, а то и богато. А теперь вотъ новыя вѣянія—земледѣліе насаждать, русскую культуру... Вѣдь съ развитіемъ земледѣлія скотоводство упадетъ, а сохраненіе киргизскаго скотоводства—дѣло общегосударственное-съ! Откуда теперь лошадей берутъ для оголодавшихъ мужиковъ? Откуда мы будемъ брать ремонтъ для кавалеріи? Все изъ киргизской степи-съ! А разведемъ земледѣліе—въ урожай еще больше завалимъ

рынки хлѣбомъ, а въ неурожай — пожалуйте продовольственныя ссуды-съ!..

— Ну, и это тоже подъ большимъ сомнѣніемъ. Вы вотъ, Петръ Васильичъ, все съ волостными управителями имѣете дѣло да съ богатыми баями, такъ съ ихъ голоса—простите меня—и поете. Кто благоденствуетъ при кочевомъ быту? Вѣдь только богачъ со своими тысячными табунами; а бѣдняки—сами знаете, какъ они живутъ, чѣмъ питаются—хуже собаки! Знаете и то, чтò значитъ киргизская безнедоимочность: богачъ внесетъ впередъ за весь аулъ, а потомъ и выбираетъ съ бѣдноты, вдвойнѣ да втройнѣ. А главное—про куянжилы * забыли?., Хороша устойчивость хозяйства! придетъ куянъ, настанетъ гололедица—и бывшій богачъ, если не поспѣлъ отогнать скотъ куда-нибудь за тридевять земель, становится чуть не байгушомъ—у цѣлыхъ ауловъ скотъ до-чиста вываливается...

Я не знаю, чѣмъ кончился споръ у моихъ случайныхъ попутчиковъ. На станціи Мугоджары я долженъ былъ сходить, чтобы верхомъ проѣхать немного въ горы, а потомъ посмотрѣть прилегающую степь Горы по величинѣ игрушечныя — въ теченіе двухъ часовъ, верхами, мы взобрались на три вершины и перебрались через четыре или пять переваловъ. Тѣмъ не менѣе это настоящія горы: голыя скалы, поросшія лишаями самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; лишь кое-гдѣ горная порода немного вывѣтрилась, и въ такихъ мѣстахъ до самаго верху всползаетъ тотъ самый ковыль и тѣ самыя полыни, которыя такъ наскучили намъ на ровной степи. Среди скалъ—множество глубоко врѣзавшихся извилистыхъ долинокъ, гдѣ какъ-то успѣлъ образоваться толстый слой чернозема, съ прекраснымъ травянымъ покровомъ, а кое-гдѣ и съ мелкою лѣсною порослью.

По одной изъ такихъ долинокъ выбираемся на слегка всхолмленную степь и скачемъ къ виднѣющимся вдали, какъ бы оторвавшимся отъ Мугоджаровъ, скаламъ. Съ нами нѣсколько киргизовъ, между ними волостной управитель, почти интеллигентный человѣкъ, окончившій не то учительскую, не то фельдшерскую школу.

Скакать приходится по неширокой долинѣ ручья Тасъ-Булакъ, т.-е. «каменный ручей» большая часть киргизскихъ названій мѣстностей—не что иное, какъ описаніе ихъ характерныхъ признаковъ. Это—сплошь роскошный лугъ. По всему лугу разсыпаны косящіе или гребущіе сѣно киргизы, а по окраинѣ долины, на небольшихъ интервалахъ, стоятъ зимовки—у каждаго киргиза среди освоеннаго имъ сѣнокоснаго участка.

---

*) Куянжилъ—годъ зайца,—каждый 12-ый годъ по киргизскому лѣтосчисленію; приблизительно въ 12-лѣтніе промежутки времени повторяются страшныя безкормицы, особенно обостряемыя „джутомъ“—гололедицею и буранами; скотоводство въ такіе годы сокращается, въ общихъ итогахъ, на половину и болѣе, а затѣмъ постепенно возстановляется до слѣдующаго куянжила.

*

Поднимаемся по отлогому увалу на степь. Степь то суглинистая, съ джусаномъ и май-кара, то супесчаная, поросшая типчакомъ или рѣдкимъ ковылемъ. Кое-гдѣ, исключительно по супесчаной почвѣ, мѣстами чуть не на сыпучемъ пескѣ, небольшія полоски, засѣянныя просомъ или брошенныя въ залежь послѣ двухъ или трехъ посѣвовъ.

— Отчего это у васъ все по песку посѣвы?—спрашиваетъ управителя мой товарищъ-агрономъ.—Вѣдь глинистыя земли куда лучше?

— Глину вовсе пахать нельзя... У насъ считаютъ—гдѣ песокъ, тамъ пашня, а глину не годится пахать; да и какъ ее вспахать нашими омачами!.. Вотъ на глинѣ зато корма хороши! больно хороши!

— Какіе же корма?—восклицаемъ мы.—Одна полынь!

— Помилуйте! какъ не корма?—Вотъ посмотрите, майкарà,—и нашъ управитель показалъ рукою на буроватую, рѣдкую полынь:—ее всякій скотъ хорошо ѣстъ, нагуливается.

— И лошади?—спрашиваемъ мы, привыкшіе къ тому, что лошадей можно кормить только самою лучшею травой.

— Лошади-то и ѣдятъ. А то вотъ кокъ-пекъ, чагыръ—тоже всякій скотъ хорошо кушаетъ. Вотъ посмотрите—это эбелекъ, показалъ намъ управитель на сѣровато-зеленыя шапки какого-то колючаго бурьяна: —адаевскія лошади все больше имъ отъѣдаются—лучше овса!

Я слѣзаю съ лошади, срываю пару такихъ шапокъ, которыя чуть не колютъ руки, и подношу своей лошади; лошадь, дѣйствительно, ѣстъ съ величайшимъ аппетитомъ.

— Чортъ знаетъ чтò такое!—негодуетъ товарищъ-агрономъ.—Вотъ тутъ и основывайся на ученіи о кормовыхъ средствахъ, когда у нихъ скотъ всякую мерзость ѣстъ! Недалеко тутъ съ нашею агрономіей уѣдешь!

Вотъ, однако, и «гнилыя скалы»—Котуръ-тасъ. Точно остатки какихъ-то доисторическихъ укрѣпленій, выдаются невысокія гряды скалъ, образуя что-то въ родѣ правильнаго прямоугольника, отъ котораго во всѣ стороны отбѣгаютъ каменныя ребра, едва выдающіяся надъ поверхностью земли.

На Котуръ-тасѣ кипитъ жизнь: заготовляется камень для желѣзной дороги, и нѣсколько артелей каменьщиковъ-туляковъ разбили свои землянки у ручья, протекающаго у подножья скалы.

Мы останавливаемся у землянокъ—отдохнуть и утолить томящую жажду. Одинъ изъ каменьщиковъ приноситъ изъ ручья холодной, кристально-чистой воды. Завязывается разговоръ—прежде всего, конечно, о работѣ и заработкахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, каменьщики работаютъ задѣльно, на отрядъ.

— А почемъ на день заработаете?

— Да рубля по два выйдетъ на брата.

— Два рубля!—восклицаетъ киргизскій управитель.—Вѣдь это шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ! Въ Темирѣ чиновники меньше получаютъ жалованья...

— А прожить-то намъ чего стоитъ! Вѣдь здѣсь ничего не достать: за хлѣбъ отдай по четыре да по пяти копеекъ фунтъ, за барана— сколько вашъ братъ киргизъ заломитъ, столько и отдай. Половину заработка проѣдаемъ. А работа-то какая! ваши вотъ киргизы возятъ камень, сколько зарабатываютъ,—а это дѣло легкое. А вотъ поломали бы себѣ горбы камень тесать—поглядѣли бы...

— А киргиза,—спрашиваю,—можно выучить камень тесать?

— Выучишь его! Лѣнивъ онъ—не станетъ, за двадцать верстъ убѣжитъ.

— А захотѣлъ бы, можно бы выучить?

— Какъ не можно! И медвѣдя учатъ! Вотъ, кабы приходилось ему ренду платить, какъ нашему брату, по двадцать рублевъ за десятину, тутъ бы и камень тесать выучился. А сейчасъ чего ему—степь вольная, владѣй сколько хочешь...

Пока каменотесъ-тулякъ коротко и отчетливо излагалъ такимъ образомъ формулу экономическаго прогресса, наши киргизы заинтересовались небольшимъ точильнымъ камнемъ, который между дѣломъ обтесалъ кто-то изъ каменотесовъ. Одинъ изъ киргизовъ нечаянно выплеснулъ на камень остатки воды, которую камень жадно впиталъ въ себя.

— Ой-бо-о-о-ой!—воскликнулъ изумленный киргизъ. И всѣ киргизы, въ томъ числѣ и почти интеллигентный, видавшій виды управитель, присѣли на корточки, вокругъ камня, и съ дѣтскимъ любопытствомъ, съ возгласами «ой-бо-о-ой», подливали воду на камень, покачивая головами и изумляясь диковинному явленію...

III.

Бродячая Русь.

Путь нашъ лежитъ вдоль пологаго увала, вытянувшагося вдоль рѣки Хобды. Ковыльная степь съ рыхло-супесчаною, темнобурою почвой; кое-гдѣ небольшія пятна чего-то въ родѣ солонца—бѣлесоватая почва, едва прикрытая рѣдкою полынью. Мѣстами неширокія, безпорядочно раскиданныя полосы киргизскихъ пашенъ, съ выжженными засухою посѣвами проса; затѣмъ, опять на много верстъ, цѣлинная пастбищная степь, на которой въ это время не видно ни киргизовъ, ни ихъ стадъ. Затѣмъ, картина сразу измѣняется: по обѣ стороны дороги, на нѣсколько верстъ, тянутся сплошныя пашни, уже не узкими полосками, а широкими «холстами» или «стеклами»; просо теряется въ сплошномъ морѣ пшеницы-кубанки, которая мало пострадала даже отъ одолѣвшей край засухи.

— Киргизскія пашни?—спрашиваемъ мы ѣдущаго съ нами волостного управителя.

— Нѣтъ, русскія; этотъ участокъ имъ въ аренду сданъ.

— Что же это, самую лучшую землю имъ сдали, что хлѣбъ такой хорошій?

— Земля, пожалуй, не лучше, а только они съ осени пашутъ подъ перегаръ, да рано весной сѣютъ,—вотъ хлѣбъ у нихъ и взялъ силу до большихъ жаровъ. А наши киргизы поздно посѣяли, хлѣбъ у нихъ и посохъ.

Вотъ, однако, и Джиренькупинскій базаръ: большой каменный волостной домъ, довольно обширная базарная площадь, а въ сторонѣ— русскій самовольный поселокъ, возникшій лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ, съ непреклонною вѣрой въ конечный успѣхъ, добивающійся и земельнаго надѣла. Сначала самовольцевъ было всего четырнадцать семей — все больше мелкіе торговцы, ютившіеся около базара и скромно арендовавшіе у мѣстнаго аульнаго общества нѣсколько десятковъ десятинъ пахатной степи. Къ 1895 году набралось ихъ уже до полусотни семей, опять-таки всякаго сброда, сошедшагося со всѣхъ концовъ русской земли,—и они уже начинаютъ ходатайствовать объ отводѣ имъ, распоряженіемъ правительства, земельнаго надѣла. Имъ отказываютъ; киргизы, которымъ наскучили постоянныя распри и которые были бы рады избавиться отъ непрошенныхъ гостей, рѣшительно отказываются сдавать имъ землю въ аренду, — тѣмъ не менѣе поселенцы сидятъ и посейчасъ, и поселокъ разроссяуже чуть не до трехсотъ домовъ. Мѣстное начальство не перестаетъ внушать крестьянамъ, что они не могутъ разсчитывать на отводъ земельнаго надѣла. Но поселенцы—живые люди; имъ нельзя дать подохнуть съ голоду—и то-же начальство вынуждено всякими мѣрами склонять киргизовъ сдавать переселенцамъ, хотя бы на короткій срокъ, необходимую имъ землю подъ посѣвъ. Это—исторія десятковъ, если не сотенъ русскихъ самовольныхъ поселеній, раскинувшихся то поодиночкѣ, то группами, по всей сѣверной полосѣ киргизскихъ степей. Въ областяхъ Акмолинской и Тургайской переселенцы, въ концѣ концовъ, уже добились своего: имъ отведены или отводятся земельные надѣлы, и русская колонизація вошла въ болѣе или менѣе правильное русло. Не подлежитъ сомнѣнію, что то-же будетъ и въ Уральской области, и что Джиренькупа изъ киргизскаго базара сдѣлается большимъ русскимъ поселеніемъ.

Омывъ съ себя дорожную пыль и грязь, мы пошли бродить по площади. Вотъ рядъ войлочныхъ и досчатыхъ лавокъ, гдѣ торгуютъ въ одной—лукомъ и огурцами, въ другой—паласами (ковры безъ ворса) и кошмами, въ третьей—дегтемъ, въ четвертой—просомъ и мукою, а въ концѣ—небольшой щепной рядъ съ оглоблями, колесами, осями и всякою лѣсною мелочью. По широкой улицѣ, между лавокъ, бродятъ джиренькупинскіе поселенцы-крестьяне въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о сбродномъ характерѣ населенія; казаки-оренбуржцы изъ пограничныхъ станицъ,

въ фуражкахъ съ синими околышами; киргизы верхами то подъѣзжаютъ къ лавкамъ, купить какую-нибудь мелочь, то, больше, стоятъ посреди улицы живописными верховыми группами и оживленно разговариваютъ, обмѣниваясь новостями. Нѣсколько въ сторонѣ скотскій базаръ—неогороженная площадь, гдѣ такіе-же киргизы, кристьяне и казаки продаютъ кто лошадь, кто корову, жестоко запрашивая и сопровождая торгъ безконечными рукобитьями. И надъ всѣмъ этимъ жесточайшая пыль, запорашивающая глаза и покрывающая все сѣроватымъ налетомъ.

— Какъ у васъ ноньче хлѣба? — спрашиваю я, подходя къ небольшой группѣ крестьянъ.

— Да разно, ваше почтеніе. Вотъ старожители—тѣ во-время посѣяли—у нихъ ничего хлѣба, можетъ, видали по дорогѣ...

— Видалъ. А какіе это старожители?

— А сорокъ семь-то семей. У нихъ вотъ ужъ семой годъ пятьсотъ десятинъ въ арендѣ; ну, они, значитъ, во-время и спахали, и посѣяли. Ну, а насъ, новенькихъ, семей до двухсотъ; намъ киргизцы вовсе не хотѣли земли сдавать. Спасибо уѣздному начальнику—самъ на ихній сходъ пріѣзжалъ, насилу уломалъ; да и то только на годъ согласились сдать триста десятинъ — по полторы, значитъ, десятины на брата. Всю осень этакъ мы съ ними пробились,—пахать, значитъ, пришлось весной, посѣвъ поздный, ну, хлѣбъ безъ мала что весь и пропалъ... Только кто частно у киргизца землю укупилъ, да во время спахалъ, у того и хлѣбъ есть.

— Ну, а потомъ что будете дѣлать?

— Да что Господь дастъ, ваше почтеніе. Киргизцы уходить велятъ, опять же и начальство объясняетъ, чтобы уходили, надѣла, молъ, не будетъ. Видно придется намъ куда на другое мѣсто уходить, гдѣ правительство земли отводитъ.

А глаза моего собесѣдника такъ лукаво поблескиваютъ изъ-подъ густыхъ бровей...

— А можетъ и милость отъ начальства выйдетъ,—вмѣшивается въ разговоръ другой крестьянинъ, ранѣе молчавшій:—они, вѣдь, чтó? нехристи, орда, а мы царскіе, въ солдатахъ служимъ, всѣ тяготы несемъ, не миновать того, что намъ землю отведутъ; храмъ тоже Божій построили, неужто киргизцамъ оставлять?!

— А много васъ сейчасъ здѣсь сидитъ?

— Да не сочтешь настояще; которые приходитъ, а многіе и поуходили—позорились вовсе: когда засуха ударитъ—не родится хлѣбъ; когда сусликъ повредитъ, аль кобылка, а когда и такъ случится, что сдадутъ киргизцы землю — частно значитъ, потому по приговорамъ они не стали сдавать, а потомъ и назадъ отберутъ.

— А глянется вамъ,—спрашиваю,—здѣшнее мѣсто?

— Чего тутъ глянется—худое здѣсь вовсе мѣсто:—глина да соло-

нецъ! вотъ который ужъ годъ сидимъ, а хлѣба настоящаго не видали. Какое здѣсь житье! вотъ только тѣмъ и живешь, что около базара кой-чего промыслишь, а то кладь какую свезешь, кой-что заработаешь.

— Зачѣмъ же вы здѣсь сидите, хлопочете о надѣлѣ, когда мѣсто такое худое? Шли бы въ Кустанайскій уѣздъ, гдѣ землю отводятъ!

— Да и поразошлись которые! Вонъ ихъ сколько на чугункѣ живетъ—зарабатываютъ. А которымъ все-таки жалко; землянки поскладали, какія ни на есть, опять же храмъ Божій...

Подхожу къ другой небольшой группѣ поселенцевъ. Опять тѣ-же вопросы: давно ли живутъ, какой хлѣбъ, какіе урожаи.

— Да больно тоже не похвалишь здѣшнія мѣста! Слабый грунтъ: два раза кубанку посѣешь,—на третій годъ она ужъ и не поднимается: приходится русскую сѣять, а на четвертый годъ развѣ ужъ только рожь родится *). Вотъ для проса—ужъ чего говорить!—хороша земля: по три года кряду падалица родится, по сту пудовъ даетъ, а то и больше.

— А пшеница?

— Да въ добрый годъ сотню пудовъ дастъ съ сороковой десятины, а то и сто двадцать.

— И что̀ ты врешь!—вмѣшиваются другіе крестьяне, прислушивавшіеся къ нашему разговору:—ты что-ль, Петруха, по сту пудовъ намолачивалъ?! Вотъ люди по десятку лѣтъ живутъ, а все голодаютъ, по сороку десятинъ которые сѣютъ, а все хлѣба нѣтъ! Тридцать да сорокъ пудовъ—вотъ здѣшніе урожаи, да еще въ добрый годъ!..

— Оно конечно,—начинаетъ выпутываться сконфуженный Петруха, сообразившій, что онъ попалъ не въ тотъ тонъ, котораго слѣдовало держаться съ наѣзжимъ, невѣдомо по какимъ дѣламъ, бариномъ:—земля здѣсь жидкая, слабая; вотъ у казаковъ—у тѣхъ земля! и урожаи у нихъ не нашинскіе!

— Ладно, разсказывай,—вмѣшивается стоящій тутъ-же синій околышъ.—грунтъ одинъ, да еще здѣсь свѣжая земля, вѣковѣчная, а у насъ на линіи ужъ сколько ее, матушку, ковыряютъ.

Проходятъ мимо киргизъ и крестьянинъ, оживленно разговаривающіе по-киргизски.

— Всѣ у васъ по киргизски говорятъ?

— Всѣ-то не всѣ: изъ стариковъ мало которые выучились, а молодяжникъ, пожалуй, что и всѣ говорятъ по ихнему. Нельзя—живемъ съ ними, какъ не говорить... Кунаки у которыхъ есть—они на это охочи: придетъ—сейчасъ давай чаю да кренделей. Ну, вѣстимо, и самъ угоститъ, коли къ нему пріѣдешь,—они на этотъ счетъ просты:

---

*) Такіе четыре посѣва подрядъ возможны, конечно, лишь при большомъ плодородіи почвы. *Авт.*

и барана зарѣжетъ! Можно съ ними жить-то! Конечно, сдастъ онъ тебѣ землю, ну, ужъ тутъ отъ него не отдѣлаешься: то тѣмъ угости, то того дай; а не угодишь—отниметъ землю, и нѣтъ на него управы, потому частно мы у нихъ арендуемъ, безъ бумаги. Ну, конечно, и мы тоже: заплотишь ему за пять десятинъ или за десять, а кто ихъ мѣрилъ, десятины-то! Вотъ только сейчасъ опасаться стали—землю молъ подъ поселокъ отнимутъ; ну, и норовятъ—какъ бы насъ выжить...

Еще группа крестьянъ, какого-то неопредѣленнаго обличья—не то хохлы, не то великороссы: оказывается—нѣчто среднее: хохлы, успѣвшіе пожить и «на донщинѣ», и «въ самарѣ», и на господскомъ участкѣ въ Оренбургскомъ войскѣ. Опять тѣ же разговоры: земля, урожаи, храмъ Божій, надежды на милость начальства. Одинъ изъ разговаривающихъ все время не перестаетъ въ меня внимательно всматриваться.

— Ровно, ваше благородіе, я тебя ужъ видалъ, — говоритъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ: — ты въ Боровскомъ поселкѣ, подъ Кустанаемъ, когда бывалъ?

— Бывалъ,—отвѣчаю я: дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ я объѣзжалъ поселки Кустанайскаго уѣзда, изучая земельныя отношенія русскихъ поселенцевъ.

— Ну, вотъ стариковъ ты звалъ, насчетъ земли говорить, — и я тутъ былъ, тебѣ обсказывалъ.

— Такъ ты и въ Боровскомъ поселкѣ тоже успѣлъ пожить,—изумляется мой товарищъ по поѣздкѣ, ранѣе уже выслушавшій длинное повѣствованіе о скитаніяхъ нашего собесѣдника.—Когда это ты поспѣлъ?!

— Да вѣдь мнѣ, ваше благородіе, шестой десятокъ доходитъ, а съ отцовщины-то меня еще дѣдъ увелъ, махонькій былъ. Я еще и въ Кустанаѣ жилъ, въ вольномъ городѣ *)—изъ первыхъ жителей былъ, какъ начальство накликъ дѣлало Кустанай населять.

— Чтó же, хорошо было въ вольномъ городѣ?

— Больно хорошо!.. Народу первое время мало было, киргизы вовсе были просты, землю нипочемъ отдавали: угостишь его маломало, дашь ему тамъ зеркальце аль чегó другого — онъ тебѣ земли безъ мѣры отведетъ—паши на здоровье. Выгонъ тоже городской пахали—въ первые года недѣленый былъ, у кого сколько силы было, столько и запахивалъ. Ну, опять же и воля была: начальства никакого не было; изъ писарей только кокой-то былъ, Ивановымъ

---

*) Кустанай—нынѣ уѣздный городъ Тургайской области, въ 300 верстахъ южнѣе Челябинска. Городъ возникъ въ 1878 году, по иниціативѣ мѣстной администраціи, и сдѣлался центромъ самовольной русской колонизаціи сѣверной Тургайской степи. Исторію его см. въ моей книгѣ „Переселенцы-арендаторы Тургайской области“, Спб., 1896.

звали, — ну, мы его въ староста выбрали, онъ у насъ всѣми дѣлами и правилъ. Потомъ ужъ стали начальство присылать: судью прислали, изъ киргизцевъ, потомъ лѣсничаго, уѣздный сталъ наѣзжать,— ну, тоже, и на нихъ мало глядѣли. Какъ чтó съ киргизцами выйдетъ—сейчасъ въ дреколья, аль тамъ чего. Народъ тоже всякій былъ: съ каторги которые попали, бѣглые значитъ. Киргизцы-то — какъ стали споры насчетъ земли выходить—къ лошадямъ нашимъ стали подбираться: какъ на межѣ чего выйдетъ—глядишь, лошадей десятка аль полуторыхъ какъ не бывало. Ну, наши тоже спуску не давали: на кого подумаютъ—безъ суда вѣшали да въ колодцахъ топили, которыхъ, ужъ правду сказать, пожалуй, и занапрасно. Троихъ киргизцевъ у судьи въ оградѣ убили—самъ едва живой ушелъ: ты, молъ, самъ изъ нехристей, конокрадовъ укрываешь... Лѣсъ рубить въ Ары *), бывало, по сотнѣ подводъ заразъ выѣзжало—полѣщикъ и подступиться не смѣлъ—развѣ на какого одинокаго нападетъ, опишетъ. Лѣсничій пріѣхалъ, сталъ лѣсъ продавать, а народъ на него: гдѣ, молъ, у тебя царская грамота?! Хорошо судья подъѣхалъ, улестилъ народъ, а то бы и лѣсничаго, пожалуй, порѣшили... а пока судъ да дѣло—лѣсъ-то весь по дворамъ растащили—такъ лѣсничій ни съ чѣмъ остался. На уѣзднаго разъ насѣли—за попомъ послалъ, тотъ съ иконой вышелъ; насилу угомонился народъ!.. Ну, потомъ ужъ того не стало: казаковъ въ Кустанаѣ поставили, уѣздный на жительство перешелъ. Ну, тоже не сразу смирились: только съ голоднаго году — вотъ тому десятокъ лѣтъ былъ, аль поболѣ—присмирѣли: поразбрелись тоже которые: кто на Ишимъ ушелъ—знаешь небось, подъ Кочетовомъ **) городомъ—тамъ нашихъ мнó-ого; кто въ Ташкентъ, кто въ поселки да на хутора—безъ мала что половина народу поразбѣжалась...

— И ты въ то время ушелъ изъ Кустаная?..

— Нѣтъ, я-то пораньше, годовъ за пять: шесть лѣтъ я прожилъ въ Кустанаѣ. Утѣсненіе стало, городскую землю всю выпахали, хлѣбъ не сталъ родиться, ну, которые у киргизцевъ покортомили землю,—а я такъ себѣ расположилъ, что лучше въ деревнѣ жить. Въ тѣ поры Игнатій Семеновъ—можетъ припомнишь, ваше благородіе, онъ тоже къ тебѣ приходилъ, какъ ты народъ опрашивалъ—сталъ народъ собирать на Боровое озеро. Ну, я домъ свой продалъ—хорошій барышъ взялъ, потому въ то время народу много приходило еще въ Кустанай, да и перешелъ на Боровое.

— Ну, чтò же, тамъ какъ жилось?

— Да ничего—годовъ десятокъ прожилъ. По началу общество-то маленькое было. Я какъ пришелъ, домовъ десятка три засталъ, съ пяткомъ, пожалуй. Ну, ладовъ тоже большихъ не было: по началу-то,

*) Аракарагайскій боръ, недалеко отъ Кустаная.

**) Кокчетавъ, Акмолинской обл.—одно изъ переселенческихъ эльдорадо.

сказываютъ, было тихо-смирно: наши-то, пока въ умаленьѣ были, киргизцевъ не трогали, аренду платили, да и киргизцы нашимъ тоже уважали. Много народу тоже киргизы пускать не хотѣли: себѣ, молъ, земля нужна. А вотъ, какъ изъ Кустаная Худяковы перешли—пять семей ихъ было,разомъ пятьдесятъ рублей за пріемъ заплатили,—киргизцы-то, какъ такія деньги увидѣли, ровно сбѣсились: кто придетъ—переночевать не даютъ—деньга̀, молъ, надо; кто переночуетъ—утромъ ужъ приходятъ: давай деньги за пріемъ, не то ступай вонъ. Которые изъ нихъ поумнѣй—пытали унимать, а они хоть бы что̀: «земля,—говорятъ,—много, сдавай больше». Опять-же и Игнатій Семеновъ своею волею тоже принимать сталъ народъ; ни общества не спрашивалъ, ни киргизцевъ, а такъ, самовольно: могарыча возьметъ, тамъ пятерку или десятку, и пишетъ въ списокъ; въ два года эдакъ за сто семей напринимали. Ну, тутъ ужъ киргизцы видятъ, дѣло плохо, большое село стало, да и наши тоже имъ спуску давать не стали. Почали киргизцы насъ выживать: озеро купцу Поспѣлову сдали—тотъ насъ и водой сталъ тѣснить, и моху не сталъ давать, аль рыбки половить—спасибо уѣздному: Поспѣлова прогналъ и озеро намъ велѣлъ сдать. Пришелъ срокъ нашимъ усадьбамъ—у насъ подъ усадьбы-то мѣсто на десять лѣтъ было окортомлено, отъ общества ихняго: киргизцы говорятъ: не станемъ больше вамъ сдавать, ступайте себѣ, куда хотите. Ну, опять уѣздный выѣзжалъ: сходъ ихній собралъ, и такъ ихъ и этакъ—и кричалъ на нихъ, и добромъ говорилъ—ну, сдали опять мѣсто подъ поселокъ да подъ выгонъ. А сейчасъ, сказываютъ, имъ ужъ и настоящая нарѣзка вышла,—землемѣры пріѣзжали, года два ходили.

— Ну, а ты-то что̀ же?

— Да я, баринъ, не сталъ жить: тоже, какъ земля повыпахалась, изъ Борового много народу поразошлось: кто на Ишимъ-же ушелъ, кто по ауламъ сталъ жить у киргизъ, исполу пахать, кто подъ хуторъ окортомилъ землю. Ну, я тоже пошелъ,—на Аульекулѣ озерѣ года два пожилъ.

— Это что̀ за озеро?

— А за Арами, по Тургайскому тракту. Школа тамъ волостная была, киргизцы подъ нее землю отвели. Ну, крестьяне про это провѣдали и стали проситься на жительство. Пошли къ инспектору, который насчетъ училищъ,—а тотъ говоритъ: «проситесь у губернатора». Ну, тѣ губернатора сождали, какъ онъ ѣхалъ,—стали прошеніе подавать. А тотъ имъ: «ладно,—говоритъ,—селитесь, коли инспекторъ дозволитъ; а только,—говоритъ,—насчетъ земли сходитесь съ киргизцами по согласію, надѣла, молъ, вамъ не будетъ». Ну, мы опять къ инспектору,—тотъ бумагу далъ къ учителю,—учитель и отвелъ мѣста подъ усадьбы, на самой межѣ участка. По началу туговато пришлось: хлопотали насчетъ выгону да полевой земли—къ уѣздному начальнику

прошенія подавали, губернаторъ проѣзжалъ,—ничего не выходитъ: «я,—говоритъ,—жить вамъ дозволилъ на участкѣ, ежели вамъ глянется, а насчетъ земли ничего не могу—земля киргизская». А киргизцы земли сдавать не хотятъ, мы ихъ и такъ и этакъ—не даютъ приговора на землю, да и только: не хотимъ, молъ, а то у насъ землю подъ поселокъ возьмутъ. Такъ и жили—кто частно сниметъ сколько ему надо, кто изъ третьей части съ киргизцами пашетъ. А дождались-таки своего: въ третьемъ годѣ и на Аульекуль землемѣръ пріѣхалъ, надѣлъ сталъ отводить. Только неладно каково-то отвелъ: пашня далеко, покоса нѣтъ, къ самому поселку казенный лѣсъ подошелъ,—я и не сталъ тамъ жить: услыхалъ про Жиренькупу, продалъ домашность, да и пошелъ сюда...

— А много здѣсь, въ Джирень-купѣ, кустанайцевъ?

— Есть которые—со всего свѣту здѣсь народъ сошелся. Вонъ мужичокъ стоитъ—тотъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ жилъ, на Новоуральскомъ хуторѣ.

— А родомъ ты откуда,—обратился я къ указанному мнѣ, довольно молодому, здоровенному мужику въ красной кумачной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ.

— Отецъ-то Тульской губерніи былъ. Да я ужъ на хуторѣ родился, въ въ Уфимской губерніи, — башкирскій участокъ наши отцы купили да хутора построили. Только не пожилось имъ тамъ: пока земля была непаханая—хорошо родился хлѣбъ; а какъ повыпахалась—хоть сѣй, хоть нѣтъ. Продали землю и пошли по арендамъ жить: кто у башкиръ-же покортомилъ землю, а кто—офицерскіе участки; мой вотъ родитель—онъ не больно справный былъ, такъ онъ пошелъ на линію, у казаковъ землю снималъ, въ Орскомъ уѣздѣ. Пожилъ годовъ съ десятокъ—тоже житья не стало, станичники прижимать начали; и за усадьбу подай, и за скотину, и за водопой, и за то, и за другое, а подъ конецъ отъ ихняго начальства приказъ вышелъ: вовсе не сдавать земли иногороднимъ. Поглядѣлъ мой родитель, да и пошелъ жить въ Новоуральскій хуторъ.

— Какъ же онъ туда попалъ?

— А ходатель сговорилъ. Отецъ-то, какъ выжили его изъ станицы, съ мѣсяцъ въ Орскомъ городѣ прожилъ — мѣсто призыскивалъ. Ну, еще съ однимъ мужичкомъ сговорились, да и высмотрѣли мѣсто на киргизской землѣ. Киргизцы—тѣ ничего: живете, молъ, земли у насъ достаточно. Восемь кибитокъ ихъ было. Вотъ, и сдѣлали наши условіе: поселку быть не болѣе пятнадцати домовъ, подъ жилье да огороды мѣсто на самомъ Уралѣ, подъ хлѣбопашество сколько нужно; плата—двѣсти рублевъ въ годъ. Написали условіе—къ уѣздному пошли просить дозволенія. Да не тутъ то было: «ты,—говоритъ,—мнѣ приговоръ отъ аульнаго схода подай, а то я почемъ знаю, кто вамъ землю отдаетъ—можетъ, и не его земля». Собрали сходъ—шесть дней поили и

кормили выборныхъ, подарки имъ давали—безъ мала полтысячи рублей приговоръ сталъ.

— Что же, пятнадцать дворовъ набрали?

— Какое тебѣ пятнадцать!.. одинъ за однимъ—за полсотни набралось. Много изъ-за этого спору было въ обществѣ: условіе-то съ киргизцами на шестерыхъ хозяевъ было писано—они и принимали новенькихъ; а прочимъ-то обидно—зачѣмъ молъ эти шестеро пріемными деньгами да магарычами пользуются,—ренду, молъ, всѣ собчà платимъ. До уѣзднаго доходило, тотъ велѣлъ деньги промежъ всѣхъ дѣлить. Съ киргизцами тоже много было дѣловъ. Какъ отъ нашихъ они деньги получили за первый годъ—не подѣлили какъ-то промежъ себя, пошли споры да тяжбы,—до того дѣло дошло, аулъ надвое раздѣлился. А въ поселкѣ набралось много народу—земли-то, которую спервоначатія окортомили, и не хватило. Стали киргизовъ улещать—еще земли чтобы сдали; четверо киргизцевъ согласились, а четверо—нѣтъ. Бились-бились—нѣтъ промежъ ихъ согласія. Подѣлили киргизцы землю напополамъ—четверо свою землю намъ отдали,—а Берестанъ Баймуратовъ да еще трое такъ и не сдали, а земля-то ихняя подъ самый поселокъ подошла: потравы тутъ всякія пошли. Берестанъ съ прошеніями до губернатора доходилъ: наши у нихъ скотъ загоняютъ, они у нашихъ посѣвы травятъ; ну, побились, побились, да и пошли прочь — отецъ мой, значитъ, да еще которые. Потомъ, слыхать, у нихъ и суды были, и бои выходили—не дай Богъ.

— А вы что же, прямо сюда?

— Нѣтъ, еще на хуторѣ пожили годовъ пятокъ, за Актюбой, Каргала есть рѣчка—больно хороши тамъ мѣста!.. Впятеромъ сняли землю у киргизцевъ. Ну, тутъ спокойно жили, хорошо: товарищи собрались спокойные, хорошіе. Киргизцы тоже смирные попались, земля—отдай все и мало.

— Что же вы не остались жить?

— Да отъ начальства запрещеніе вышло: мы-то, какъ контрактъ отошелъ, ладили было оставаться и условіе написали, аульный сходъ угостили—все честь-честью. Пошли къ уѣздному начальнику,—анъ-нѣтъ: новые, говоритъ, порядки вышли: землю арендовать отъ волостного схода. Посудили мы—порядили, потолковали съ тѣмъ да съ другимъ—выходитъ несходное дѣло: волостному управителю дай, да писарю дай, да всѣмъ выборнымъ по пятеркѣ, да угощать ихъ, а киргизы, чья земля значитъ, тоже несогласны: «наша,—говорятъ,—земля,— не позволимъ волостному сходу нашу землю сдавать». Побились-побились, да и пошли прочь...

Александръ Кауфманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО ЯПОНІИ.

(*Продолженіе* *).

Разложеніе абсолютизма.

13.

Въ теченіе XVII вѣка и матеріальная, и духовная культура Японіи сразу сдѣлали большіе успѣхи. Послѣ долгаго періода безплодныхъ войнъ и умственнаго застоя во всѣхъ отрасляхъ жизни шла усиленная работа. И всѣмъ этимъ страна была обязана относительному порядку и благоустройству, водворившемуся въ ней вмѣстѣ съ династіей Токугавы. Для даннаго времени централизованная монархія, заступившая мѣсто феодальной анархіи, была выгодна для страны. Но была одна черта въ новомъ строѣ, благодаря которой значеніе его для страны со временемъ стало мѣняться, и мѣняться настолько, что положительныя его стороны превратились въ отрицательныя и вмѣсто несомнѣнной пользы онъ сталъ приносить явный вредъ. Черта эта— его косность, именно то, что въ глазахъ его основателей придавало ему главную цѣну.

Когда строй этотъ только созидался, онъ отвѣчалъ потребностямъ страны, онъ далъ возможность развиваться ея естественнымъ силамъ. Но когда эти силы развились до нѣкотораго предѣла, онѣ въ немъ же встрѣтили препятствіе, мѣшавшее ихъ дальнѣйшему росту.

Прежде всего это явленіе сказалось въ экономической области. Формы экономическихъ отношеній, закрѣпленныя даннымъ строемъ, сначала вполнѣ удовлетворяли существовавшимъ потребностямъ, но потомъ, съ развитіемъ самихъ потребностей, тѣ же самыя формы оказались стѣснительными. А между тѣмъ, какъ и все въ этомъ строѣ, онѣ отличались совершенной косностью, нерастяжимостью. Всѣ тѣ успѣхи, которые могутъ быть сдѣланы въ рамкахъ натуральнаго хозяйства, были уже достигнуты, а естественный переходъ къ денежному хозяйству не могъ совершиться на почвѣ даннаго строя. Получился заколдованный кругъ, изъ котораго страна не могла выбиться, не разбивъ связывавшихъ ея путъ.

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ 1904 г.

Земледѣльческое населеніе, оправившееся и отдохнувшее послѣ водворенія мира, стало быстро расти. Между тѣмъ, изъ той же земли, при тѣхъ же пріемахъ хозяйства нельзя было извлечь больше. Въ то же время дайміосы, обремененные всевозможными обязательными расходами, старались всячески увеличить обложеніе, такъ что мѣстами оно доходило до невѣроятной высоты. Были мѣстности, гдѣ земледѣлецъ долженъ былъ выплачивать владѣльцу 80% сбора. Приходилось забирать подъ обработку неудобныя земли, а на нихъ трудъ земледѣльца иногда пропадалъ почти даромъ. Происходили неурожаи, еще больше подрывавшіе народное хозяйство. Между тѣмъ, улучшить технику, завести болѣе выгодныя культуры, напримѣръ, чайныя или шелковичныя плантаціи, и тѣмъ увеличить производительность той же земли, было невозможно. Не только у земледѣльческаго населенія, но даже у самихъ дайміосовъ, для которыхъ это тоже было бы выгодно, не хватало на это денегъ. Слѣдствіемъ этого было почти повсемѣстное разореніе сельскаго населенія и въ зависимости отъ этого обѣднѣніе всей страны.

Въ области обрабатывающей промышленности шелъ подобный же процессъ. Ремесленная форма производства достигла полнаго расцвѣта и уже дальше не могла удовлетворять назрѣвшимъ потребностямъ. Окаменѣвшія формы гильдій, охраняемыхъ всевозможными исключительными законами, не давали никакого простора частной иниціативѣ, мѣшали введенію техническихъ усовершенствованій, расширенію производства. Гильдіи, достигшія высшаго расцвѣта къ концу XVIII вѣка, начали клониться къ упадку. Онѣ не могли конкурировать съ проникавшими въ страну, несмотря на всѣ запрещенія, европейскими и американскими товарами, онѣ не могли удешевить своего производства. Въ то же время дайміосы и правительственные чиновники старались тянуть съ нихъ возможно больше, а разоренное населеніе представляло собой плохого покупателя. На эти затрудненія гильдіи могли отвѣчать только однимъ—требованіемъ и отъ дайміосовъ, и отъ правительства все большихъ привилегій, все большей защиты своего монопольнаго характера. Весь восемнадцатый вѣкъ наполненъ настойчивыми петиціями гильдій, просившихъ разныхъ льготъ,—главнымъ образомъ, запрещенія частнымъ лицамъ заниматься тѣми же производствами и наивозможно болѣе высокихъ пошлинъ на ввозимые изъ Китая и Кореи товары. Этимъ онѣ могли, по крайней мѣрѣ, охранить себя отъ конкуренціи, и если не понизить стоимости производства, то, по крайней мѣрѣ, держать въ своихъ рукахъ цѣны на товары и произвольно повышать ихъ. Правительство и дайміосы, въ значительной степени зависѣвшіе отъ нихъ,—такъ какъ налоги съ нихъ служили главнымъ источникомъ доходовъ,—не имѣли возможности отказывать имъ. Издавались законы, строго каравшіе за занятіе разными ремеслами лицъ, не принадлежавшихъ къ гильдіямъ, а на иностранные товары

налагались почти запретительныя пошлины. Ввозившіяся изъ Китая шелковыя ткани, напримѣръ, облагались такими таможенными пошлинами, что онѣ должны были продаваться на 200—300% дороже своей нормальной цѣны. Конечно, онѣ, также какъ другіе предметы роскоши, могли покупаться только исключительно богатыми людьми и то въ рѣдкихъ случаяхъ и не могли составить конкуренціи гильдіямъ. Предметы же общаго потребленія почти совершенно не могли ввозиться изъ Китая въ это время. Торговля европейскими товарами, происходившая черезъ посредство голландцевъ въ Дешимѣ, была поставлена въ еще болѣе стѣснительныя условія. Вся она находилась въ рукахъ одной Нагасакской гильдіи. Помимо нея никто не могъ непосредственно покупать товары у голландскихъ купцовъ. Нагасакская гильдія скупала ихъ всѣ и потомъ уже по собственному произволу назначала цѣны.

Такимъ образомъ, гильдейское законодательство, вмѣсто того, чтобы, уступая требованіямъ времени, ослабѣвать, крѣпло еще болѣе. А отъ этого страдало и населеніе, такъ какъ цѣны на всѣ товары страшно росли, и вся страна, такъ какъ ея производительныя силы не имѣли выхода—свободныя руки не находили работы, и естественныя богатства не эксплуатировались. Словомъ страна опять остановилась въ своемъ развитіи: она не только не богатѣла, но даже стала бѣднѣть.

И отдѣльные дайміосы, и правительство испытывали постоянный недостатокъ денегъ, но въ своихъ поискахъ за ними только еще ухудшали и безъ того трудное экономическое положеніе страны. Съ одной стороны, чтобы пользоваться доходами съ гильдій, они увеличивали ихъ привилегіи и тѣмъ убивали возможность дальнѣйшаго промышленнаго развитія страны. Съ другой—когда доходовъ все-таки оказывалось недостачно, они пробовали непосредственно увеличить количество денегъ.

Уже съ половины XVIII вѣка шогуны, испытывая постоянныя финансовыя затрудненія, начинаютъ прибѣгать къ такимъ же финансовымъ опытамъ, какіе продѣлывались около этого времени и въ Европѣ. Они начинаютъ произвольно выпускать значительныя количества бумажныхъ денегъ и такимъ путемъ увеличивать количество денежныхъ знаковъ, не обезпеченныхъ имѣющимся у государства золотомъ. Впрочемъ, въ то же самое время среди японскихъ ученыхъ возникаетъ экономическая школа, сильно возстающая противъ этого. Самый видный изъ этихъ ученыхъ, извѣстный японскій экономистъ XVIII вѣка Араи-Куми, въ своихъ трудахъ по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ упорно доказывалъ, что денежные знаки не представляютъ собой богатства, и что въ концѣ концовъ обиліе ихъ приведетъ къ обезцѣненію ихъ, къ еще большему уменьшенію полноцѣнныхъ денегъ и къ еще большимъ экономическимъ неурядицамъ. По его выраженію, «худыя деньги прогоняютъ хорошія». Дѣйстви-

тельность вполнѣ оправдала его предсказанія. Бумажныя деньги быстро наводнили страну, на югѣ, напримѣръ, одно время обращались почти исключительно бумажки, потомъ онѣ стали страшно падать, вызывая большія экономическіе затрудненія, такъ что въ концѣ концовъ пришлось отмѣнить закономъ эту неудачную финансовую мѣру. Араи-Куми былъ призванъ управлять финансовымъ вѣдомствомъ, и на время снова было возстановлено правильное денежное обращеніе. Но потомъ новыя финансовыя затрудненія заставили забыть первый урокъ и снова стали повторяться попытки поправить финансовыя дѣла, надѣлавъ побольше денежныхъ знаковъ. Хуже всего то, что подобные опыты производились не только центральнымъ правительствомъ, но даже отдѣльными наиболѣе крупными даймiосами, сохранившими отъ прежнихъ временъ право чеканки монеты. Это, конечно, еще больше увеличивало экономическую неурядицу; такъ, въ разныхъ мѣстахъ стали обращаться разныя деньги, имѣвшія разную цѣнность. Правительство видѣло это зло, но не въ силахъ было помѣшать ему.

Вообще по мѣрѣ осложненія экономическаго положенія страны и ухудшенія государственныхъ финансовъ положеніе правительства стало постепенно расшатываться. Явилось слишкомъ много недовольныхъ элементовъ, съ которыми ему трудно было справиться. Дѣйствительно, почти всѣ слои общества имѣли теперь причины для неудовольствія. Самую реальную причину имѣло, конечно, сельское населеніе, несшее на себѣ страшный экономическій гнетъ. Земли у него было мало, на его шеѣ сидѣли непроизводительные классы—даймiосы и самураи, съ него же тянуло и государство. Кромѣ того, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка Японію посѣтилъ цѣлый рядъ неурожаевъ, а съ 1833 года они стали почти хроническими. Сельское населеніе отвѣчало на это глухимъ ропотомъ и частичными возмущеніями. Въ началѣ XIX вѣка въ разныхъ концахъ имперіи начали вспыхивать крестьянскіе бунты. Но, конечно, это были чисто стихійныя вспышки, не направленныя ни къ какой сознательной общей цѣли, и поэтому справиться съ ними враздробь не представляло особенной трудности. И крупные даймiосы, если это происходило на ихъ земляхъ, и правительство безъ труда усмиряли взбунтовавшуюся рабочую силу, и пулями внушали ей уваженіе къ законному порядку.

Нѣсколько труднѣе было справиться съ горожанами. Они были и сознательнѣе, и богаче земледѣльцевъ и потому представляли элементъ, съ которымъ надо было обращаться болѣе осторожно и бережно. Мы уже видѣли, что торговое и промышленное населеніе городовъ, организованное въ гильдіи, часто вступало даже въ торгъ съ правительствомъ и урывало у него значительныя льготы. Правительство волей-неволей шло на такія сдѣлки, невыгодныя, конечно, для страны, такъ какъ оно чувствовало свою зависимость отъ разбогатѣвшихъ горожанъ. Этимъ путемъ, оно, съ одной стороны, пользовалось дохо-

дами съ гильдій, а съ другой—обезпечивало себѣ ихъ молчаливую поддержку.

Но рядомъ съ гильдіями въ городахъ пачиналъ возникать еще слой населенія, не находившій въ данномъ обществѣ никакого приложенія для своихъ силъ. Слой этотъ образовался изъ различныхъ элементовъ, оказавшихся, такъ сказать, за штатомъ, благодаря черезчуръ уже неподвижнымъ, негибкимъ формамъ соціальныхъ отношеній. Прежде всего тутъ были младшіе сыновья ремесленниковъ и торговцевъ, не получившихъ доступа въ гильдіи и промышлявшихъ самыми разнообразными способами, въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, разносчиковъ или фокусниковъ, актеровъ и т. п. Постепенно и изъ деревни стали выдѣляться люди, присоединявшіеся къ нимъ же. Земля уже не въ силахъ была прокормить всего живущаго на ней населенія, и часть его, по большей части тоже младшіе сыновья, не получавшіе доли въ отцовскомъ наслѣдіи, уходила искать какого-нибудь заработка на сторону. Пробавлялись они какой-нибудь тяжелой ручной работой, постояннаго заработка въ большинствѣ случаевъ не имѣли и представляли вмѣстѣ съ первыми низшій слой городского населенія, тоже недовольный своимъ положеніемъ, но тоже мало сознательный и ничѣмъ не объединенный и поэтому болѣе опасный для общественной тишины и спокойствія, чѣмъ для государственнаго порядка. Въ случаяхъ возникавшихъ волненій, которыя съ начала XIX вѣка опять стали вспыхивать то тутъ, то тамъ, они представляли готовый элементъ для безпорядковъ, но самъ по себѣ этотъ городской пролетаріатъ не составлялъ въ то время силы.

14.

Несравненно болѣе сильно и болѣе сознательно въ массѣ было въ ту эпоху высшее сословіе. Но оно тоже очень дифференцировалось къ этому времени. Чтобы яснѣе представить себѣ ходъ дальнѣйшихъ событій, намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на отношеніи къ правительству различныхъ группъ, на которыя оно распалось.

Высшій слой привилегированнаго сословія состоялъ изъ бывшихъ независимыхъ феодаловъ-дайміосовъ, оставшихся и при новомъ строѣ во главѣ своихъ владѣній, и изъ бывшихъ личныхъ вассаловъ шогуна—фудай-дайміосовъ.

Все первое время правленія шогуновъ изъ рода Токугавы было, какъ мы видѣли, наполнено борьбой съ независимыми дайміосами сначала съ помощью оружія, потомъ путемъ законодательства. Къ концу XVII вѣка сопротивленіе дайміосовъ было сломлено. Изъ «перваго—между равными», какимъ былъ вначалѣ шогунъ, онъ превратился въ полновластнаго монарха, обращавшагося съ дайміосами, какъ со своими подданными. Его безчисленные шпіоны, разсѣянные по всей странѣ,

слѣдили за малѣйшими проявленіями недовольства и доносили ему, и страшное наказаніе—перемѣна дѣдовскаго владѣнія на какой-нибудь отдаленный участокъ или даже смертная казнь и уничтоженіе самой фамиліи провинившагося не заставляли себя ждать. И власть, и сила была въ рукахъ шогуна, и онъ широко пользовался ими. А дайміосы смирялись. Смирялись, но, конечно, не забывали ни своей прежней силы, ни своего прежняго значенія. Шогунъ въ ихъ глазахъ олицетворялъ собою паденіе ихъ прежняго могущества, и, подчиняясь ему поневолѣ, они ненавидѣли его. Онъ въ ихъ глазахъ былъ узурпаторомъ, силою отнявшимъ власть, принадлежавшую прежде имъ, и еще притомъ отнявшимъ ее даже не на законномъ основаніи. Шогунъ вѣдь не былъ государь, онъ былъ только первый министръ, а между тѣмъ онъ пользовался всѣми правами верховной власти. Быть можетъ, микадо, если бы онъ держалъ въ своихъ рукахъ управленіе страной, не довелъ бы до такой степени подчиненіе знати. Испытывая на себѣ постоянный тяжелый гнетъ, исходившій непосредственно отъ шогуна, дайміосы забывали, что шогунъ опасенъ для нихъ именно, какъ представитель центральной власти, и что если бы правительственная власть не передовѣрялась шогуну, а находилась непосредственно въ рукахъ микадо, положеніе отъ этого нисколько не измѣнилось бы. Разница была бы только въ томъ, что тогда правитель, боровшійся съ ними, назывался бы микадо, а теперь онъ назывался шогунъ. Но во всякомъ случаѣ такъ, какъ исторически создалось положеніе, носителемъ центральной власти былъ шогунъ, а микадо стоялъ гдѣ-то въ сторонѣ, какъ какая-то невѣдомая, быть можетъ и благодѣтельная сила. Пока центральное правительство въ лицѣ шогуна было сильно, до тѣхъ поръ эти мысли, если они и бродили въ чьихъ-нибудь головахъ, на дѣлѣ не проявлялись. Но когда финансовое положеніе правительства пошатнулось, когда его реальная сила, опиравшаяся на благосостояніе страны стала убывать, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда это бываетъ, и сами носители власти стали мельчать и вырождаться, теряя личный авторитетъ, тогда эта затаенная ненависть начала выбиваться наружу и стало оживать заглушенное стремленіе къ независимости. Послѣдніе ничтожные шогуны уже не осмѣливались, какъ прежде, круто расправляться съ дайміосами, опасаясь, что въ случаѣ открытаго возмущенія, они не въ состояніи будутъ тотчасъ же подавить его. Дайміосы чувствовали это и пользовались. Они снова прочнѣе осѣдали въ своихъ владѣніяхъ, безконтрольнѣе пользовались властью надъ населеніемъ, заводили подъ рукой запрещенныя сношенія съ иностранными купцами, начавшими опять появляться у береговъ Японіи, и втайнѣ мечтали свергнуть ненавистное иго шогуна и опять стать независимыми. Но, конечно, они понимали, что страна не можетъ распасться на рядъ совершенно обособленныхъ владѣній, беззащитныхъ въ виду сильныхъ сосѣдей. Какое-нибудь единство было необходимо. Оно въ ихъ

глазахъ олицетворялось въ образѣ далекаго отъ міра микадо, который всѣхъ объединитъ, но никого не подавитъ. Поэтому, укрѣпляясь въ своихъ владѣніяхъ, дайміосы въ то же время начинаютъ тайно заводить сношенія съ забытымъ дворомъ въ Кіото. Уже съ конца XVIII вѣка начинаются, несмотря на строгія запрещенія шогуна, попытки наиболѣе крупныхъ дайміосовъ войти въ непосредственное общеніе съ микадо. Шогунъ всѣми силами борется противъ этого, повторяетъ запрещенія осквернять священную землю Кіото, гдѣ можетъ налагаетъ наказанія, но ничто не помогаетъ. Между дайміосами и Кіото ѣздятъ гонцы, а порой и сами болѣе рѣшительные дайміосы отваживаются вступать на священную землю, гдѣ ихъ присутствіе, конечно, никого не оскорбляетъ.

Микадо, давно отрѣшившійся отъ дѣлъ и отвыкшій отъ мысли играть какую-нибудь роль за границами своего заколдованнаго царства, подъ вліяніемъ новыхъ союзниковъ вспоминаетъ о своей забытой власти, понемногу входитъ во вкусъ политики и заодно со своими взбунтовавшимися подданными начинаетъ интриговать противъ своего полномочнаго довѣреннаго. Онъ тоже давно забылъ, что этотъ довѣренный правитъ въ сущности его именемъ и отъ его лица покоряетъ центральной власти феодаловъ. Онъ, также какъ и они, начинаетъ видѣть въ немъ узурпатора, поработившаго и его также, какъ ихъ.

Недовольство, зародившееся въ Кіото,—не столько, можетъ быть, у самого микадо, сколько у его придворныхъ, пожелавшихъ на дѣлѣ проявить то значеніе, которое принадлежало имъ по рангу, наноситъ сильный ударъ шогуну. Онъ могъ бороться съ дайміосами, чувствуя за собой опору верховной санкціи микадо. Теперь у него подрываютъ эту опору и положеніе его сразу становится болѣе шаткимъ, хотя Кіото и не имѣетъ за собой никакой реальной силы. Дѣйствительно получается двусмысленное положеніе. Шогунъ представитель верховной власти въ странѣ, а самъ носитель верховной власти, тотъ, отъ кого по идеѣ онъ ее получилъ, начинаетъ отказывать ему въ довѣріи. Конечно, это вначалѣ ничего не мѣняетъ въ соотношеніи силъ, такъ какъ реальная власть и всѣ ея органы попрежнему находятся въ рукахъ шогуна, но это очень облегчитъ со временемъ борьбу съ нимъ.

Органы эти, весь административный механизмъ былъ устроенъ именно съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы при помощи централизованной бюрократіи сосредоточить всю власть въ рукахъ шогуна.

И первое время своего существованія она исполняла свою роль ко благу обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. она внесла несравненно больше порядка, благоустройства и законности въ жизнь населенія и явилась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Но бюрократія—вездѣ бюрократія. Ея отрицательныя стороны скоро заслонили нѣкоторую долю пользы, принесенную ею вначалѣ. Не связанная никакими интересами съ мѣстнымъ населеніемъ, она стремилась только

выжимать изъ него все, что возможно, не заботясь нисколько о поднятіи его благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она все разросталась, дѣлопроизводство ея все усложнялось, все дальше удаляясь отъ реальныхъ нуждъ населенія и все больше превращаясь въ мертвую канцелярщину съ безконечнымъ бумагомараньемъ вмѣсто насущнаго дѣла. Стоимость ея содержанія тоже, конечно, постепенно возрастала и ложилась тяжелымъ бременемъ все на то же населеніе. Въ XVIII в. на жалованье чиновникамъ уходило болѣе $^{2}/_{3}$ всего государственнаго бюджета Японіи.

По мысли Іеязу всѣ правительственныя должности должны были замѣщаться исключительно личными вассалами шогуна, высшія—фудаидайміосами, низшія—простыми самураями. Сдѣлано это было, конечно, для того, чтобы не передавать правительственныя функціи въ руки непокорныхъ дайміосовъ и ихъ вассаловъ и чтобы поручать ихъ людямъ, привыкшимъ къ личному повиновенію главѣ рода Токугавы. При этомъ правительственные чиновники назначались и смѣщались по волѣ шогуна или соотвѣтствующихъ властей, поставленныхъ имъ же. Но съ теченіемъ времени это отличіе чиновниковъ отъ дайміосовъ, дѣлавшее ихъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, стало понемногу исчезать. Наслѣдственный характеръ всѣхъ вообще занятій сталъ распространяться и на чиновничьи функціи. Высшія должности—намѣстниковъ въ провинціяхъ и даиквановъ—стали сначала удерживаться пожизненно, а потомъ и переходить по наслѣдству, т.-е. въ то время, какъ шогунъ старался превратить независимыхъ дайміосовъ въ своихъ намѣстниковъ, его собственные чиновники стремились превратиться въ самостоятельныхъ сатраповъ, доводя до минимума свою отвѣтственность передъ центральнымъ правительствомъ. Ихъ существенное отличіе отъ дайміосовъ заключалось въ томъ, что они не имѣли никакихъ правъ на землю управляемаго ими населенія и не имѣли собственныхъ земельныхъ владѣній. Къ началу XIX в. эти высшіе чиновники, подражая и въ этомъ феодаламъ, мѣстами перестали даже лично исполнять свои функціи; они поручали ихъ довѣреннымъ, а сами предпочитали спокойно проживать въ Іедо или въ другихъ крупныхъ городахъ свои доходы, такъ что очень многія должности превратились просто въ почетныя наслѣдственныя синекуры. Усердно работали только низшіе чиновники. Но дѣла отъ этого не ускорялись, такъ какъ по всякому отвѣтственному вопросу имъ приходилось сноситься со своимъ начальствомъ, а то обыкновенно не торопилось съ отвѣтомъ.

Прекрасную иллюстрацію японской бюрократіи этого времени можно найти въ книгѣ Головнина «Въ плѣну у японцевъ». Въ 1811 г. русскій капитанъ Головнинъ былъ захваченъ въ плѣнъ японцами. Чуть не съ перваго момента японцы убѣдились, что захватъ его былъ въ сущности основанъ на недоразумѣніи,—капитанъ Головнинъ не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Оставалось

только отпустить его, что они въ концѣ концовъ и сдѣлали, совершенно добровольно, не причинивъ ему ни малѣйшаго зла. Но произошло это почти черезъ три года. Все это время было занято безконечной канцелярской волокитой. Дѣло его разсматривалось въ іерархическомъ порядкѣ всѣми властями, доходило до центральнаго правительства шогуна и снова возвращалось на мѣсто для новой безконечной переписки. Несмотря на это, капитанъ Головнинъ даетъ безпристрастную и почти во всѣхъ частностяхъ правильную характеристику тогдашняго государственнаго строя Японіи *).

Такая бюрократія уже не могла быть твердой опорой для центральной власти. Государственный строй, казавшійся такимъ незыблемымъ два вѣка назадъ, заколебался. Снова страна переживала двоякій—и экономическій, и политическій кризисъ. Но только положеніе теперь было несравненно сложнѣе, чѣмъ въ концѣ XVI вѣка. Тогда вся страна нуждалась въ одномъ—въ объединеніи и порядкѣ какой угодно цѣной. Цѣна оказалась дорогая, но цѣль была достигнута. Теперь жизнь общества очень усложнилась, и потребности различныхъ группъ населенія нельзя уже было свести къ одному знаменателю. Недовольство существующимъ строемъ было общее, обусловливалось оно совершенно различными причинами. Низшіе слои населенія, вся народная масса нуждалась въ раскрѣпощеніи, въ личной и экономической свободѣ, а привилегированныя группы его—и дайміосы, и гильдіи требовали возвращенія назадъ—еще большихъ привилегій для еще большей эксплуатаціи того же самаго населенія. Но роль феодализма давно уже была сыграна, мечты феодаловъ заранѣе были обречены на гибель, и, помогая расшатывать полицейское правительство, они подготовляли вмѣстѣ съ нимъ и свою собственную окончательную гибель.

Конечно далеко не все высшее сословіе было проникнуто такими ретроградными взглядами. Среди самураевъ, самой многочисленной и самой просвѣщенной части его, господствовало, въ общемъ, совершенно иное настроеніе. Положеніе самураевъ въ новыхъ общественныхъ условіяхъ совершенно измѣнилось. Во времена расцвѣта феодализма самураи составляли все тогдашнее общество—его силу, его цвѣтъ. Теперь, съ измѣненіемъ соціальныхъ условій и роль самураевъ измѣнилась. Самый смыслъ ихъ существованія исчезъ, а между тѣмъ форма осталась и постепенно наполнилась другимъ содержаніемъ. Прежде это были воины, всегда носившіе два меча, постоянно готовые пустить ихъ въ ходъ и почти постоянно имѣвшіе къ тому случай. Теперь мечи—знакъ благороднаго происхожденія—у нихъ остались, но законныхъ поводовъ пускать ихъ въ ходъ уже не было. Два вѣка въ странѣ царилъ миръ. Постоянныя военныя упражненія, наполнявшія прежде ихъ

*) „Записки В. М. Головнина въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 гг.". Спб. 1851 г.

досуги въ промежуткахъ между походами, теперь потеряли свой смыслъ и постепенно отходили въ область прошлаго. Заниматься какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ—промышленностью, торговлей—для нихъ попрежнему считалось унизительнымъ, да и гильдейская организація и той и другой не давала имъ туда доступа. Нѣкоторая, небольшая часть ихъ, какъ мы уже упоминали выше, прежніе вассалы даймiосовъ, осѣла на своихъ участкахъ и превратилась въ помѣщиковъ. Большинство считалось на службѣ у даймiосовъ и у шогуна, составляло ихъ войска и получало отъ нихъ жалованье рисомъ. Жалованья этого имъ обыкновенно не хватало, такъ какъ платить много даймiосы не могли, а благородное званіе обязывало къ извѣстнымъ расходамъ, и потому самураи были по большей части въ такомъ же долгу у купцовъ, какъ и сами даймiосы. Наконецъ, многіе изъ самураевъ теряли и эту прицѣпку къ жизни. Даймiосамъ не было никакой надобности, да не было и возможности увеличивать свои войска, и безъ того ихъ содержаніе обременяло ихъ неблестящіе финансы. Между тѣмъ, естественный приростъ населенія происходилъ и здѣсь, и опять младшіе сыновья оказывались за бортомъ. Они уходили изъ своихъ мѣстъ и тоже искали себѣ пропитанія. Прежде они шли, главнымъ образомъ, въ буддійскіе монастыри и дѣлались монахами, теперь они шли въ города и дѣлались учителями, врачами, писателями, учеными. Но и жившіе по своимъ провинціямъ самураи, не имѣвшіе въ сущности никакихъ обязательныхъ занятій, тоже мало-по-малу принялись за книгу. Это было единственное занятіе, которымъ они, не унижая себя, могли наполнять свои невольные досуги. Громадное большинство, почти всѣ литераторы и ученые, которыми такъ богаты XVIII и XIX вв. въ Японіи, происходили изъ среды самураевъ. И изъ этой же среды возникла первая сознательная оппозиція существующему строю. Изъ военной аристократіи, поддерживавшей феодольный строй, самураи постепенно превратились въ самый просвѣщенный и самый прогрессивный въ массѣ слой населенія—интеллигенцію страны, взявшую на себя починъ борьбы съ полицейскимъ государствомъ.

Сознательнѣе, чѣмъ кто-либо, относились эти лучшіе изъ самураевъ къ переживаемому моменту. Они видѣли бѣдствія разореннаго народа, его унизительное безправіе и горячо сострадали ему; они видѣли экономическія неурядицы, грозившія разорить страну; они видѣли слабость правительства и разрозненность общества, грозившія, въ случаѣ перваго столкновенія, предать родину въ руки болѣе сильнаго непріятеля, и въ нихъ пробуждался горячій и отважный патріотизмъ; они чувствовали на себѣ оскорбительный гнетъ полицейски-шпіонскаго режима, и въ нихъ загоралось возмущеніе и желаніе во что бы то ни стало найти выходъ.

Не весь, конечно, классъ самураевъ былъ охваченъ подобными

мыслями. Правильнѣе, пожалуй, даже будетъ сказать, что въ массѣ онѣ едва только зарождались, а были, конечно, и такіе, которые совсѣмъ не задавались подобными вопросами, тупо довольствуясь настоящимъ. Изъ нихъ впослѣдствіи вышли приверженцы реакціонныхъ дайміосовъ. Но рядомъ съ ними тутъ и тамъ работала свободная мысль, стремясь найти способы помочь родинѣ.

Революціонная эпоха.

15.

Еще съ начала XVII вѣка среди высшаго сословія Японіи, въ особенности же среди самураевъ стали широко развиваться занятія разными отраслями науки и литературой. Отчасти благодаря стараніямъ правительства, отчасти благодаря тому, что въ средніе вѣка Японія сильно отстала въ умственномъ отношеніи отъ Китая, первоначально вся ея научная дѣятельность развивалась, какъ мы уже говорили, подъ сильнымъ вліяніемъ китайщины. Научныя сочиненія писались на китайскомъ языкѣ, литература заимствовала образцы изъ Китая, а философскія ученія цѣликомъ переносились съ азіатскаго материка. Въ философіи вліяніе Китая продолжало безраздѣльно царить до самаго момента реставраціи, но въ другихъ областяхъ противъ него довольно скоро началась оппозиція, постепенно пріобрѣтавшая все болѣе широкое вліяніе.

Зародышъ этой оппозиціи былъ положенъ внимательнымъ изученіемъ родной исторіи, начатымъ еще при жизни Іеязу. Изъ историковъ начала XVIII вѣка особенно извѣстенъ Хакусеки, впервые написавшій не эпизодическую исторію Японіи, а давшій общій очеркъ развитія страны за 2.000 лѣтъ, останавливаясь преимущественно на моментахъ внутреннихъ кризисовъ и революцій. Этотъ же Хакусеки издалъ цѣлый рядъ экономическихъ трудовъ: «О принципахъ финансовъ» «О денежномъ обращеніи» и т. п. Жилъ онъ съ 1657—1715 г. Первые историческіе труды писались еще обыкновенно на китайскомъ языкѣ, но постепенно авторы, изучавшіе древніе памятники, написанные, конечно, по-японски, стали и сами употреблять родной языкъ. Вмѣстѣ съ этимъ изученіе родной старины пробуждало въ нихъ и національную гордость, вызывало стремленіе избавиться отъ чужеземнаго вліянія и стать на свои ноги въ умственномъ отношеніи. Мало-по-малу изъ этого выросло широкое националистическое теченіе, поставившее своимъ лозунгомъ борьбу съ китайщиной во всѣхъ ея проявленіяхъ и пропаганду родного языка, родной религіи—Шинто, и родной науки. Позднѣе къ этому присоединился и національзмъ въ политикѣ.

Родоначальникомъ этого націоналистическаго движенія считается

Кеитчіу, самурай по происхожденію, ушедшій въ ранней молодости въ монастырь, чтобы всецѣло посвятить себя научнымъ занятіямъ. Всю свою жизнь онъ занимался собираніемъ памятниковъ древней письменности. Онъ написалъ нѣсколько трудовъ по изученію древней японской литературы, не потерявшихъ значенія и до послѣдняго времени. Кромѣ того, онъ и самъ былъ поэтомъ, слагая стихи въ духѣ народной поэзіи. Умеръ Кеитчіу въ 1701 г., но оставилъ по себѣ цѣлую школу своихъ учениковъ, продолжавшихъ работать въ томъ же направленіи и передававшихъ дальше его завѣты.

Самымъ знаменитымъ изъ его дальнѣйшихъ послѣдователей былъ Мотоори Норинага, родившійся въ 1730 г. Онъ тоже происходилъ изъ самураевъ. Его предназначали къ медицинской карьерѣ, но его влекло въ другую сторону. Онъ рано натолкнулся на труды Кеитчіу и съ тѣхъ поръ занятія родной исторіей и родной литературой заслонили для него все. Всю свою жизнь онъ работалъ въ этой области и издалъ болѣе 100 томовъ своихъ сочиненій. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣетъ разборъ древнѣйшей японской лѣтописи «Койики». Кромѣ цѣлаго ряда трудовъ по древней японской исторіи, литературѣ и по изученію самого языка, онъ написалъ еще нѣсколько полемическихъ трактатовъ противъ китайщины,—китайскаго языка и китайской литературы.

Мотоори, первый изъ ученыхъ націоналистовъ, ввелъ въ свои историческіе труды элементъ политики и коснулся современнаго положенія вещей. Одно его сочиненіе, «Тама Кусиге» посвящено спеціально выясненію причинъ тяжелаго положенія его родины. Онъ описываетъ въ немъ бѣдствія земледѣльческаго населенія и выражаетъ глубокое сочувствіе ему. Онъ считаетъ, что аграрные бунты, начавшіеся уже въ ту эпоху, вполнѣ понятны и служатъ скорѣе обвиненіемъ противъ дайміосовъ и правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ противъ голодающаго и невѣжественнаго населенія. Но онъ еще не доходитъ до мысли о коренномъ переустройствѣ всего государственнаго строя. По его мнѣнію, главное зло происходитъ отъ обилія чиновниковъ и отъ ихъ злоупотребленій. Поэтому надо скорѣе приступить къ реформамъ, клонящимся къ уменьшенію количества и улучшенію качества чиновниковъ.

Несмотря на такую умѣренность его политическихъ чаяній, правительство шогуна, всегда очень внимательное къ малѣйшимъ проявленіямъ неудовольствія со стороны подданныхъ, обратило вниманіе на литературную дѣятельность Мотоори. Въ 1778 г. одно изъ его сочиненій было запрещено. Съ этихъ поръ правительство, раньше всячески покровительствовавшее наукѣ и литературѣ, начинаетъ относиться и къ той и къ другой подозрительно. До тѣхъ поръ оно видѣло въ нихъ скорѣе отвлеченіе отъ опасныхъ воинственныхъ склонностей феодальнаго дворянства, пріятное времяпрепровожденіе въ часы досуга, а иногда и полезное занятіе, изъ котораго правительство можетъ

извлечь для себя выгоду. Теперь оно почувствовало въ этомъ какую-то новую силу, не поддающуюся его власти, ускользающую отъ всѣхъ его полицейскихъ скорпіоновъ. Но примириться съ этимъ оно, конечно, не могло. И вотъ въ Японіи начинается эра цензурнаго гнета и политическихъ преслѣдованій, падающая только вмѣстѣ съ режимомъ.

Историческія сочиненія, цѣлыя философскія системы, несогласныя съ видами правительства, запрещаются или уничтожаются. Авторы ихъ высылаются въ отдаленныя провинціи, лишаются права печатать что бы то ни было, заключаются въ тюрьмы. Еще въ концѣ XVIII вѣка шогунъ Іенари запретилъ распространеніе всѣхъ философскихъ теорій, противорѣчившихъ принятому въ Японіи конфуціанскому ученію, Чу-хи или Чузи. Конфуціанизмъ въ изложеніи Чу-хи освящалъ существующій строй, слѣдовательно, всякое колебаніе его авторитета, всякое сомнѣніе въ его неопровержимости должно быть признано опаснымъ. Между прочимъ, подвергалась запрещенію идеалистическая философія Уангъ-янгъ-мина, стремившагося поднять значеніе личности.

Такой же строгой цензурѣ подвергались и историческія сочиненія, изъ которыхъ многія такъ и не увидѣли свѣта, но зато усердно распространялись въ рукописныхъ спискахъ. Конечно, преслѣдованіе правительства шогуна не только не прекратило распространеніе идей, которыя оно считало вредными, но наоборотъ, еще усилило ихъ.

Прежде историческія сочиненія казались опасными только своимъ націонализмомъ, своей борьбой съ китайщиною въ области науки и литературы, теперь они объявили борьбу существующему строю, самому правительству. Тотъ гнетъ правительства, который просвѣщенные люди замѣчали и прежде, теперь они ощутили на самихъ себѣ, а это, конечно, придало остроту ихъ настроенію. Они теперь не только понимали, но и чувствовали все зло современнаго строя. Они обращались къ прошлому, къ исторіи уже съ новыми запросами. Они искали тамъ иного, болѣе справедливаго, менѣе угнетающаго строя и имъ казалось, что они находили его. Смягченное временемъ прошлое всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто притягательное. А тутъ въ этомъ прошломъ они находили черты рѣзко противоположныя ненавистному настоящему и уже по этому одному симпатичныя имъ. Особенно привлекательнымъ казался для нихъ древнѣйшій періодъ японской исторіи и больше всего эпоха реформъ таиква. Весь соціально-экономическій строй того времени казался имъ основаннымъ на началахъ равенства и справедливости. Не было богатыхъ и бѣдныхъ, всѣ имѣли одинаковую долю въ эксплуатаціи главнаго богатства страны—земли; частной собственности на землю не существовало совсѣмъ и даже владѣніе ею было общиннымъ. Всѣ были равны между собой и передъ отеческой властью микадо. Теперь все измѣнилось. Глубокая соціальная рознь расколола общество на паріевъ и привилегированныхъ, а во главѣ всталъ деспотическій произволъ шогуна. Точно также какъ

и даймiосы, они не отдавали себѣ яснаго отчета, что шогунъ угнеталъ страну и ихъ не какъ шогунъ изъ рода Токугавы, а какъ представитель деспотическаго абсолютизма вообще, и что если бы та же самая власть находилась непосредственно въ рукахъ микадо, то дѣло обстояло бы не лучше. Они видѣли, что страшное усиленіе центральной власти началось со времени водворенія Токугавы и свою ненависть къ деспотизму вообще переносили на шогуновъ. По отношенію къ данному моменту они были правы, такъ какъ вся власть, дѣйствительно, олицетворялась шогуномъ, въ будущемъ же время научило ихъ расширить свои идеалы.

Въ противовѣсъ ненавистному и такому реальному шогуну они выдвигали далекаго идиллическаго микадо, который нѣкогда какъ отецъ правилъ своимъ народомъ, всѣмъ доступный и всегда справедливый. Въ лицѣ микадо они олицетворяли иной, лучшій, болѣе справедливый въ экономической области и болѣе свободный въ политическомъ отношеніи строй. И они страстно мечтали о низложеніи шогуна и о воцареніи вновь микадо. Въ этомъ пунктѣ націоналисты романтики встрѣтились съ даймiосами и нѣкоторое время пошли съ ними рука объ руку, иногда увлекая нѣкоторыхъ изъ нихъ за собой, а иногда допуская ради нихъ нѣкоторые компромиссы. И тѣмъ, и другимъ ненавистенъ былъ шогунъ, и тѣ, и другіе мечтали о возстановленіи микадо. Конечно, и причины ихъ ненависти, и цѣли возстановленія правъ микадо были у нихъ совершенно разныя, но до поры до времени пути ихъ сходились, а тамъ время показало, за кѣмъ долженъ былъ остаться перевѣсъ.

Для правительства обѣ группы—и идеалисты-романтики, и реакціонные даймiосы — были одинаково опасны. Но съ могущественными даймiосами было, конечно, труднѣе бороться, чѣмъ съ самураями, будь они писатели, ученые или просто политическіе заговорщики. Съ 20-хъ годовъ XIX вѣка число политическихъ процессовъ и цензурныхъ изъятій особенно увеличивается. Въ 1836 г. подвергается запрещенію историческое сочиненіе извѣстнаго японскаго ученаго Хираты, въ которомъ онъ доказывалъ, что шогуны не болѣе, какъ узурпаторы, незаконно захватившіе власть, и что истинные монархи Японіи—микадо должны быть возстановлены въ своихъ правахъ. Въ 1841 г. самъ Хирата былъ высланъ въ свою родную провинцію Дева и ему было запрещено печатать что бы то ни было. Въ 1843 г. одинъ изъ рода даймiосовъ провинціи Мито, Наріаки, былъ арестованъ по подозрѣнію въ противоправительственной агитаціи и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ до 1853 г. Но эти мѣры ни къ чему не приводили, запрещенныя сочиненія переписывались и читались съ еще большимъ увлеченіемъ, и движеніе росло, несмотря на всѣ преграды. Особенно сильно было оно въ южныхъ провинціяхъ.

Молодежь, та самая молодежь, изъ которой впослѣдствіи вышли

главные дѣятели переворота, теперь училась, волновалась текущими событіями и строила смѣлые планы. Одинъ изъ такихъ кружковъ описываетъ біографъ едва ли не самаго замѣчательнаго дѣятеля переворота 1868 г. — Окубо. Окубо Тосимисти происходилъ изъ самураевъ провинціи Мито. Съ дѣтства онъ отличался большими дарованіями, крайней любознательностью и замѣчательной твердостью и прямотой характера. На своихъ товарищей онъ всегда оказывалъ огромное вліяніе. Въ ранней молодости вокругъ него образовался кружокъ друзей, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ вмѣстѣ выступилъ впослѣдствіи на арену общественной дѣятельности. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ Нагунама Кахе, Каіедо Набунози и Саиго Такамори. Съ послѣднимъ Окубо съ дѣтства связывала особенно тѣсная дружба. Рука объ руку вступили они на путь политической борьбы, но впослѣдствіи жизнь далеко развела ихъ, они стали непримиримыми политическими противниками. Но въ сороковые годы ни малѣйшаго диссонанса не звучало еще въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. «Они имѣли обыкновеніе по вечерамъ собираться у одного изъ друзей. За чаемъ велись безконечные разговоры, иногда читали. Давались торжественныя обѣщанія никогда не забывать этихъ собраній. Друзья изучали сначала Чузи, но скоро Окубо увлекъ ихъ перейти къ Ито Мосмону, излагавшему философію Уангъ-Янгъ-Мина. Чузи—рабъ традиціи, сторонникъ объективной реальности—не привлекъ ихъ; но теоріи Уангъ-Янгъ-Мина, идеалиста съ оттѣнкомъ стоицизма, воодушевляли ихъ. Большое значеніе, придаваемое совершенствованію своего «я» и воспитанію воли приводило въ восторгъ юношей, мечтавшихъ о великихъ подвигахъ. Въ это время ученіе Уангъ-Янгъ-Мина было запрещено правительствомъ, какъ еретическое. Это придавало собраніямъ ароматъ конспираціи. Конечно, во время этихъ собраній обсуждались событія дня. Скоро политика властно вторглась въ ихъ жизнь и разсѣяла ихъ золотыя мечты и безкорыстные планы» *)...

Переворотъ.

16.

Коренной переворотъ, измѣнившій цѣликомъ весь соціально-политическій строй Японіи, совершился, конечно, не въ одинъ годъ, хотя его и принято называть переворотомъ 1868 г. Въ 1868 г. произошло лишь окончательное низложеніе шогуна, уже раньше потерявшаго дѣйствительное значеніе. Начало его нужно отнести къ тому времени, когда дайміосы стали впервые открыто выказывать неповиновеніе

*) M. Gourant. „Okoubo“, Paris, 1904 г., стр. 45. Изъ серіи „Ministres et hommes d'état“.

шогуну, а дворъ въ Кіото явно выказалъ неодобреніе ему,—т.-е. къ концу пятидесятыхъ годовъ. Окончаніе же его произошло лишь въ 1889 году, когда утвержденіемъ конституціи былъ завершенъ новый государственный строй Японіи. Интересно, что первый періодъ, имѣвшій цѣлью реставрацію законнаго микадо, былъ наполненъ кровопролитіемъ, носилъ революціонный характеръ; второй же, заключавшійся въ измѣненіи всѣхъ основъ государственнаго строя, протекалъ, въ общемъ совершенно мирно. Въ первомъ періодѣ во главѣ движенія стояли крупные даймiосы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи организованныя силы; во второмъ періодѣ они постепенно отступаютъ на второй планъ, руководство же движеніемъ переходитъ въ руки самураевъ, не игравшихъ первое время никакой самостоятельной роли.

Къ шестидесятымъ годамъ девятнадцатаго вѣка положеніе дѣлъ въ странѣ запуталось до послѣдней степени. Неурожаи слѣдовали за неурожаями, разоряя населеніе и истощая казну; крестьяне отвѣчали на нихъ бунтами. Даймiосы роптали и открыто ѣздили въ Кіото, пренебрегая запрещеніями шогуна. Люди всѣхъ сословій, не находившіе себѣ работы, бродили по странѣ и увеличивали смуту. Правительство бросалось во всѣ стороны, въ безплодныхъ попыткахъ заткнуть то тѣ, то другія дыры. Въ 1841 г. оно попыталось было даже уничтожить гильдіи, чтобы дать выходъ безпокойнымъ элементамъ, не находившимъ себѣ мѣста, и понизить цѣны на продукты, достигшія невѣроятной высоты. Но эта мѣра такъ противорѣчила всему крѣпостническому строю общества и вызвала такой ропотъ среди крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ, что пришлось очень скоро отмѣнить ее. Для поправленія финансовъ оставались только новыя попытки усиленнаго выпуска денегъ, но онѣ въ итогѣ вносили еще больше смуты и безпорядка, не улучшая положенія казны.

Въ довершеніе всего уже съ начала XIX вѣка торговыя суда разныхъ европейскихъ странъ снова начинаютъ попытки завязать торговыя сношенія съ Японіей, а при неудачѣ не стѣсняются даже пускать въ ходъ силу. Съ сѣвера тревожатъ русскіе, владѣнія которыхъ подходятъ къ сѣвернымъ границамъ страны, съ востока американцы, съ юга, главнымъ образомъ, англичане. Еще въ 1805 г. русское посольство съ Рѣзановымъ во главѣ пріѣзжало въ Нагасаки и пыталось побудить правительство Японіи вступить въ договорныя отношенія съ Россіей, но попытка эта не привела ни къ чему. Предложеніе Рѣзанова было рѣшительно отклонено. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1806 г. русскій лейтенантъ Хвостовъ съ двумя судами дѣлаетъ рядъ нападеній на Сахалинъ и Курильскіе острова, грабитъ жителей прибрежныхъ селеній, захватываетъ два японскія торговыя судна, забираетъ съ нихъ всѣ цѣнные товары и уводитъ въ плѣнъ нѣсколькихъ японцевъ. Это возбуждаетъ такой страхъ и недовѣріе въ японцахъ, что, когда четыре года спустя къ тѣмъ же берегамъ пристаетъ уже дѣйствительно съ мир-

ными намѣреніями капитанъ Головнинъ, они заманиваютъ его въ ловушку и берутъ въ плѣнъ.

Съ конца сороковыхъ годовъ открытіе нѣкоторыхъ китайскихъ гаваней и начавшаяся въ Калифорніи золотая горячка особенно увеличиваютъ торговое движеніе по Великому океану, отъ американскаго къ азіатскому берегу. Японскіе острова, лежащіе какъ разъ на дорогѣ, представляютъ единственную станцію, необходимую на такомъ длинномъ пути. Попытки остановокъ тамъ происходятъ чуть не ежегодно. Положеніе правительства еще ухудшается. Съ одной стороны, основной законъ Имперіи не допускаетъ присутствія иностранцевъ, населеніе относится къ нимъ съ недовѣріемъ, и гильдіи всѣми силами протестуютъ противъ ввоза иноземныхъ товаровъ. Съ другой стороны оно не имѣетъ силъ помѣшать имъ, такъ какъ у него не хватаетъ средствъ, чтобы улучшить войско и вооруженіе, и кромѣ того оно не можетъ разсчитывать на единодушную поддержку могущественныхъ дайміосовъ.

Въ 1853 году происходитъ событіе, заставляющее правительство принять хоть въ этомъ вопросѣ какое-нибудь окончательное рѣшеніе. 8-го іюля въ бухту Іедо входитъ американская военная эскадра, состоящая изъ четырехъ большихъ судовъ, подъ командой коммодора Перри. Она не проявляетъ, впрочемъ, никакихъ воинственныхъ намѣреній. Коммодоръ Перри желаетъ только передать письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ правителю Японіи—шогуну. Сначала ему въ этомъ отказываютъ, такъ какъ иностранцы не имѣютъ права приставать къ японскимъ гаванямъ, и всѣ сношенія съ ними могутъ происходить только при посредствѣ голландцевъ. Но коммодоръ настаиваетъ, и его аргументы—въ видѣ четырехъ военныхъ судовъ—такъ убѣдительны, что не остается ничего другого, какъ принять письмо президента и обѣщать отвѣтъ на него до истеченія года. Коммодоръ Перри удовлетворяется пока этимъ и уходитъ въ Китай.

Письмо президента не заключало въ себѣ ни угрозъ, ни неисполнимыхъ требованій. Въ самой любезной формѣ оно предлагало правителю Японіи вступить въ дружественныя сношенія съ Соединенными Штатами, какъ подобаетъ двумъ сосѣднимъ странамъ. Отъ этого можетъ произойти только обоюдная выгода. Для себя Соединенные Штаты желаютъ лишь дозволенія ихъ судамъ останавливаться въ какихъ-нибудь японскихъ гаваняхъ, чтобъ возобновлять запасы угля и прѣсной воды. Пункты будущаго договора предоставляется выработать коммодору Перри совмѣстно съ уполномоченными японскаго правительства.

Какъ ни были умѣренны желанія американцевъ, для Японіи удовлетвореніе ихъ представляло вопросъ большой важности. Допустить американцевъ въ какія-нибудь другія гавани, кромѣ Дешимы, значило

впустить въ страну европейскіе товары, значило подорвать гильдіи, значило пошатнуть весь экономическій строй и, кромѣ того, нарушить всѣ традиціи.

Какъ разъ во время обсужденія всѣхъ этихъ вопросовъ, 25-го августа 1853 г. умеръ шогунъ Іеяши. Хотя бюрократическая машина была настолько налажена, что смѣна одного правителя другимъ не представляла событія особенно большой важности, но все-таки водвореніе новаго шогуна было по традиціи связано съ большими расходами, а для казны въ то время даже такое напряженіе имѣло значеніе. Шогуномъ былъ провозглашенъ сынъ Іеяши—Іезада.

Вслѣдъ за этимъ въ Нагасаки появилась русская эскадра адмирала Путятина, въ составѣ судовъ которой находился, между прочимъ, и фрегатъ «Паллада». Путятинъ съ своей стороны предложилъ шогуну установить дружественныя торговыя сношенія съ Россіей. Англійская эскадра, хотя и не входила въ бухты, но крейсировала въ китайскихъ водахъ, и каждый моментъ могла явиться съ подобными же требованіями.

Все это не содѣйствовало спокойному обсужденію важныхъ предложеній президента Соединенныхъ Штатовъ. Хотя иноземныя эскадры и не имѣли повидимому враждебныхъ намѣреній, но едва ли могло быть сомнѣніе, что въ случаѣ отказа онѣ пустятъ въ ходъ силу для подкрѣпленія своихъ желаній. А что могло противоставить имъ правительство шогуна? Плохо вооруженное войско, внутреннія неурядицы и пустую казну.

13-го февраля 1854 года коммодоръ Перри явился за отвѣтомъ и естественнымъ образомъ правительство безъ дальнѣйшихъ промедленій приступило съ нимъ къ выработкѣ проекта договора, стараясь только по возможности съузить рамки правъ, даваемыхъ вновь иностранцамъ. 31-го марта проектъ былъ выработанъ и посланъ на утвержденіе въ Вашингтонъ. Договоръ состоялъ изъ XII статей, сущность которыхъ сводилась къ слѣдующему: Японія и Соединенные Штаты вступаютъ въ мирныя, дружественныя сношенія. Японія открываетъ для американскихъ судовъ двѣ гавани—Шимода на восточномъ берегу Нипона немедленно, и черезъ годъ Хакодате—на Іезо. Въ этихъ гаваняхъ суда могутъ покупать всѣ необходимые для нихъ запасы, но исключительно черезъ правительственныхъ чиновниковъ. Торговля иностранными товарами будетъ подчинена японскимъ законамъ. Въ Шимодѣ можетъ жить американскій консулъ и агенты. Американцы, живущіе въ обоихъ указанныхъ портахъ, могутъ безпрепятственно выѣзжать за черту ихъ и подлежатъ охранѣ мѣстныхъ законовъ. Договоръ вступаетъ въ силу черезъ 18 мѣсяцевъ по подписаніи.

Немедленно по заключеніи этого договора англійскій, русскій и голландскій адмиралы явились въ Нагасаки просить и для своихъ странъ такихъ же привилегій. Отказать имъ не было ни повода, ни

возможности. Напротивъ, пришлось еще къ первымъ двумъ портамъ прибавить третій—Нагасаки.

Какъ только вѣсть о подписаніи договора распространилась, въ странѣ началось сильное волненіе. Многіе дайміосы были рѣшительно противъ допущенія иностранцевъ, другіе, особенно въ южныхъ провинціяхъ Мито, Кошу, Сатсума, Тоза и др., видѣли въ этомъ удобный предлогъ для открытаго возмущенія противъ шогуна. Какъ! Шогунъ принимаетъ такое важное рѣшеніе, нарушающее основные законы безъ вѣдома страны, безъ вѣдома законнаго монарха. Онъ ведетъ переговоры съ иностранцами отъ своего имени, не давая имъ даже заподозрить, что онъ только уполномоченный, а настоящій монархъ—микадо. По существу во всемъ этомъ не было ничего незаконнаго, такъ какъ по смыслу закона микадо передовѣрялъ всю свою власть шогуну, и тотъ управлялъ страной совершенно самостоятельно, не испрашивая никогда разрѣшенія микадо на отдѣльные акты.

Тѣмъ не менѣе и самъ шогунъ не былъ уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, увѣренъ въ своей силѣ. Чтобъ заглушить неудовольствіе, онъ написалъ микадо письмо, въ которомъ сообщалъ ему о предстоящемъ черезъ $1^1/_2$ года открытіи гаваней и приводилъ ему свои резоны. Микадо сухо отвѣтилъ ему, что онъ можетъ поступать, какъ находитъ нужнымъ, но микадо не одобряетъ его.

Такой отвѣтъ еще болѣе возбудилъ враговъ шогуна, хотя они все еще не рѣшались дѣйствовать силой. Только споры становились все ожесточеннѣе, и лозунгъ «почитай микадо и изгоняй варваровъ» уже сталъ раздаваться то тутъ, то тамъ. До иностранцевъ тоже достигли отголоски этихъ волненій, и они впервые узнали, что шогунъ, котораго они считали полновластнымъ монархомъ, не всѣми въ Японіи признается законнымъ главою правительства. Для нихъ это имѣло большое значеніе, такъ какъ подвергало сомнѣнію заключенные ими договоры. Во всякомъ случаѣ они рѣшили дѣйствовать, не принимая этого во вниманіе. Въ августѣ 1856 года представитель Соединенныхъ Штатовъ Гаррисъ явился, какъ было условлено, въ Шимоду. Правительство, хотя и съ большими колебаніями, разрѣшило ему поселиться тамъ и даже въ слѣдующемъ году шогунъ принялъ его въ аудіенціи. Сэръ Гаррисъ понималъ шаткость положенія правительства, видѣлъ враждебное отношеніе къ иностранцамъ двора въ Кіото и торопился какъ можно скорѣе упрочить положеніе американцевъ. Пользуясь слабостью шогуна, онъ добился отъ него заключенія новыхъ торговыхъ договоръ, по которымъ права иноземныхъ купцовъ были очень расширены. Между прочимъ имъ предоставлялось право вести торговлю въ Іедо и Осакѣ. Теперь уже проявились и реальныя послѣдствія открытія портовъ, хлынули иностранные товары, производя цѣлую революцію въ цѣнахъ и разоряя мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ, и положеніе иностранцевъ стало до-

вольно-таки рискованнымъ. Начались тайныя убійства пріѣзжихъ купцовъ. Правительство шогуна чувствовало всю опасность этого, но не въ силахъ было положить конецъ безпорядкамъ.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ шогунъ Іезада, человѣкъ еще молодой и здоровый, внезапно умеръ. Прямыхъ наслѣдниковъ у него не было, и послѣ долгихъ пререканій среди самого правительства шогуномъ объявленъ былъ одинъ его родственникъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Регентомъ же до его совершеннолѣтія назначенъ былъ Ии-Камонъ-но-Ками, человѣкъ очень энергичный, сразу ставшій главой партіи шогуна. Онъ уже раньше игралъ главную роль при заключеніи вторичнаго договора съ сэромъ Гаррисомъ, и теперь его назначеніе регентомъ показалось въ Кіото прямымъ вызовомъ. Преданные микадо дайміосы собирались въ Кіото и побуждали микадо дѣйствовать рѣшительнѣе и требовать отъ шогуна изгнанія варваровъ. Но правительство зашло слишкомъ далеко, чтобы отступать назадъ, и Ии-но-Ками былъ не такой человѣкъ, чтобы признать себя побѣжденнымъ. 23-го марта 1860 года онъ былъ убитъ фанатическими приверженцами старины въ Іедо, передъ окнами дворца шогуна. Для правительства это было громаднымъ ударомъ. Его престижъ настолько упалъ, что оно не могло даже наказать его убійцъ, съ тріумфомъ понесшихъ его голову въ резиденцію провинціи Мито.

Пользуясь замѣшательствомъ, наступившимъ въ Іедо, микадо самъ назначилъ опекуномъ къ малолѣтнему шогуну одного изъ преданныхъ ему даймiосовъ.

Между Іедо и Кіото водворилось временное перемиріе. Молодой шогунъ былъ привезенъ въ Кіото и представленъ микадо; вслѣдъ затѣмъ его женили на сестрѣ микадо.

Но все это было совсѣмъ не на руку крупнымъ даймiосамъ, которые мечтали вовсе не о примиреніи между микадо и шогуномъ, а о полномъ низложеніи шогуна. Какъ только молодой шогунъ вернулся въ Іедо, между двумя правительствами снова начались недоразумѣнія. Теперь уже въ странѣ, дѣйствительно, господствовало двоевластіе, и никто не могъ разобрать хорошенько, кто можетъ повелѣвать и кто обязанъ повиноваться. Изъ обѣихъ столицъ исходили указы, часто противорѣчивые, иногда взаимно уничтожающіе другъ друга. Снова возобновились нападенія на иностранцевъ. Въ январѣ 1861 г. былъ убитъ секретарь американскаго консульства, въ іюлѣ было совершено открытое нападеніе на англійское консульство. А между тѣмъ, послѣ первыхъ пертурбацій, вызванныхъ появленіемъ иностранныхъ товаровъ, оживленіе торговли стало сказываться и положительнымъ образомъ. Пустующая казна шогуна быстро наполнялась, благодаря международной торговлѣ, развивавшейся въ его городахъ. Правительство укрѣпилось въ намѣреніи энергично защищать принятое имъ въ отношеніи иностранцевъ рѣшеніе и не обращать вниманіе на неудовольствіе въ Кіото.

Взаимныя отношенія двухъ властей снова обострились.

Въ этотъ моментъ нѣкоторые изъ дайміосовъ, опасаясь новаго усиленія шогуна, рѣшили пустить въ ходъ силу и принудить шогуна къ повиновенію. Въ Кіото съѣхалось нѣсколько крупныхъ дайміосовъ, а съ юга изъ Сатсумы тронулось цѣлое войско подъ предводительствомъ Шимадзы. На совѣщаніи въ Кіото рѣшено было послать Шимадзу въ Іедо и требовать отъ шогуна настоятельно изгнанія иностранцевъ. Посольство это не имѣло успѣха, правительство шогуна стояло на своемъ. Но на обратномъ пути Шимадзы случилось обстоятельство, ускорившее развязку запутавшагося узла.

Невдалекѣ отъ Іедо торжественный поѣздъ Шимадзу встрѣтилъ небольшую кавалькаду европейцевъ, катавшихся въ окрестностяхъ Іокогамы. По японскому этикету всѣ путники, встрѣчающіе поѣздъ дайміоса, должны уступать ему дорогу и сторониться. Англичане, не зная этого, спокойно продолжали путь. Но когда они поравнялись съ паланкиномъ Шимадзы, возмущенные такимъ неуваженіемъ самураи окружили ихъ, размахивая мечами, и одинъ изъ нихъ смертельно ранилъ м-ра Ричардсона. Остальные англичане отдѣлались легкими пораненіями и благополучно ускакали въ Іокогаму. Это случилось въ сентябрѣ 1862 г.

Англійское консульство немедленно потребовало отъ правительства удовлетворенія въ видѣ примѣрнаго наказанія виновнаго и денежнаго вознагражденія въ размѣрѣ 100.000 фунт. стерл. отъ правительства и такой же суммы отъ дайміоса Сатсумы. Шогунъ отвѣтилъ, что съ своей стороны онъ уплатитъ свою долю, но наказать виновнаго и взыскать пеню съ непокорнаго дайміоса онъ не въ состояніи. Послѣ долгихъ переговоровъ англійская эскадра въ составѣ семи военныхъ судовъ направилась къ Сатсумѣ и подвергла бомбардировкѣ резиденцію дайміоса—Кагошиму, на южномъ берегу Кіу-Сіу. Всѣ новые сатсумскіе корабли были захвачены и потоплены. Требуемыя деньги послѣ того были немедленно уплочены.

Приблизительно въ это же время въ сѣверной части Кіу-Сіу произошло другое обстоятельство, тоже имѣвшее серьезныя послѣдствія. Еще на съѣздѣ дайміосовъ въ Кіото лѣтомъ 1862 года было рѣшено въ случаѣ неповиновенія шогуна изгнать собственными силами иностранцевъ. Срокомъ для исполненія этого было назначено лѣто 1863 г. Но къ этому времени микадо и большинство дайміосовъ оставили этотъ планъ, находя его во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, и только одинъ дайміосъ провинціи Чоши рѣшилъ за свой страхъ привести его въ исполненіе. Провинція Чоши была расположена по обѣимъ берегамъ Симоносекскаго пролива, и вотъ, когда 25-го іюня 63 года по Симоносекскому проливу проходилъ небольшой американскій торговый пароходъ, съ берега его стали обстрѣливать изъ пушекъ. Онъ успѣлъ уйти безъ большого вреда. Но черезъ нѣсколько дней то же самое

произошло съ французскимъ пароходомъ, а еще черезъ день съ голандскимъ.

Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Іокогамы, оттуда тотчасъ же было послано американское военное судно, чтобы немедленно наказать за оскорбленіе американскаго флага. Къ нему присоединилось французское и голандское военныя суда, и соединенными силами они совершенно уничтожили береговыя укрѣпленія Симоносекскаго пролива и обратили жителей въ бѣгство. Вмѣстѣ съ этимъ иностранные консула потребовали у правительства въ вознагражденіе за убытки громадную сумму въ 3 милліона долларовъ.

Пока переговоры объ этомъ шли въ Іедо, около Кіото разыгрывался новый актъ борьбы. Родъ Чошу рѣшилъ попытаться силою принудить микадо къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ шогуна. Собравъ значительное войско не только изъ своихъ самураевъ, но и изъ бродячихъ рониновъ, дайміосъ Чошу направился къ Кіото. Но въ Іедо своевременно узнали объ этомъ и ему навстрѣчу были посланы болѣе значительныя военныя силы шогуна и нѣсколькихъ вѣрныхъ ему дайміосовъ. Войска Чоши послѣ жестокой битвы были разбиты на голову, и бѣглецы скрылись въ своей провинціи. Враги шогуна притихли. Тайные сторонники рода Чоши были по распоряженію шогуна изгнаны изъ Кіото и лишены своихъ званій.

Почти одновременно съ неудачной битвой на сѣверѣ, на югѣ силы Чошу тоже потерпѣли большой уронъ. 5-го сентября 1864 г. соединенная эскадра, состоявшая изъ 9 англійскихъ, 4 голландскихъ, 3 французскихъ и одного американскаго судна, совершенно разгромила Симоносеки и принудила дайміоса пойти на всѣ уступки.

Двойная бомбардировка Симоносеки и Кагошимы показала дайміосамъ южныхъ провинцій все превосходство европейскаго оружія и военнаго строя. Съ этихъ поръ на югѣ началась дѣятельная подготовка къ будущимъ военнымъ дѣйствіямъ противъ шогуна, безъ которыхъ, очевидно, нельзя было обойтись. Шогунъ все еще былъ слишкомъ силенъ, чтобы его можно было низложить однимъ декретомъ микадо. Со своей стороны недовольные элементы стягивались на югъ, тамъ формировалось войско по новымъ образцамъ, спѣшно закупались и изготовлялись орудія и снаряды. Подготовлялась серьезная междоусобная война.

Всѣ эти приготовленія сильно тревожили иностранныхъ представителей. Несмотря на побѣду, одержанную шогуномъ, они чувствовали, что силы его убываютъ, и что недалеко время, когда Кіото можетъ оказаться сильнѣе его. Въ виду этого, они считали необходимымъ добиться санкціи своихъ договоровъ отъ микадо, пользуясь тѣмъ моментомъ, когда шогунъ пріобрѣлъ надъ нимъ временный перевѣсъ.

Во главѣ правительства шогуна стоялъ въ это время регентъ Хитотсубаши, смѣнившій Ии-но-Ками. Хитсотсубаши ясно понималъ всю

*

невозможность нарушить договоры съ иностранцами и съумѣлъ убѣдить микадо не отказывать имъ въ ихъ просьбѣ, такъ какъ иначе ему же придется нести послѣдствія этого. Иностранцы могутъ направить свои силы и противъ Кіото. Микадо, лишенный поддержки своихъ друзей, согласился, и 23-го октября 1866 года далъ, наконецъ, просимую санкцію.

На югѣ, между тѣмъ, уже поднималось возстаніе. Во главѣ его стоялъ Саиго Такамори изъ рода Шимадзы. Посланныя шогуномъ войска терпѣли пораженія, и мятежники, стремившіеся возстановить власть законнаго монарха, подвигались все ближе и ближе къ сѣверу. Весь югъ страны былъ охваченъ жестокой междоусобной войной.

Въ это время, 13-го октября 1866 года, восемнадцатилѣтній шогунъ умеръ такъ же скоропостижно, какъ и его предшественникъ, не назначивъ себѣ никакого наслѣдника. Естественнымъ образомъ выборъ палъ на его родственника Хитсотсубаши, завѣдывавшаго и при жизни его всѣми дѣлами. Микадо одобрилъ этотъ выборъ, и 6-го января 1867 года Хитсотсубаши былъ провозглашенъ шогуномъ. Онъ извѣстенъ болѣе подъ китайскимъ именемъ Кеики.

Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ умеръ царствовавшій въ то время микадо Комеи и на престолъ вступилъ его сынъ Мутсо-Гито, царствующій въ Японіи и до сихъ поръ. Въ то время ему было 14 лѣтъ. Ко двору въ Кіото снова съѣхались главные дайміосы въ сопровожденіи лучшихъ изъ своихъ самураевъ.

Долгое время они совѣщались о томъ, какимъ способомъ положить конецъ внутреннимъ безпорядкамъ, разорявшимъ страну и обезсиливавшимъ ее въ виду болѣе сильныхъ враговъ. Наконецъ, даймiосъ Тозы предложилъ сдѣлать послѣднюю попытку окончить дѣло миромъ.

Онъ написалъ длинное и откровенное письмо шогуну, убѣждая его поступиться своею властью для блага страны. «Причина нынѣшнихъ безпорядковъ,—писалъ онъ,—заключается въ томъ, что управленіе исходитъ изъ двухъ центровъ, и очи, и уши страны должны быть обращены въ два противоположныя направленія. Ходъ событій привелъ къ революціи, и старая система не можетъ долѣе существовать. Вы должны вернуть власть въ руки монарха и положить тѣмъ основаніе, стоя на которомъ Японія можетъ сдѣлаться равной другимъ странамъ».

Что подѣйствовало въ данномъ случаѣ на Кеики, сознаніе ли безнадежности его положенія, или дѣйствительно желаніе блага родины, или просто личная слабость, но только, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, онъ послѣ нѣкотораго колебанія послалъ микадо свое отреченіе. Онъ заявилъ, что отнынѣ и навсегда онъ слагаетъ съ себя званіе шогуна и передаетъ свою власть въ руки микадо. Впредь до установленія новаго управленія страной онъ предлагалъ нести на себѣ всѣ заботы по управленію дѣлами, только уже не въ качествѣ шогуна. Это произо-

шло 19-го ноября 1867 г. Одновременно съ этимъ въ посланіи къ своимъ вассаламъ и приверженцамъ онъ объяснилъ мотивы своего поступка именно тѣми аргументами, которые приводилъ въ своемъ письмѣ дайміосъ Тозы.

Въ Кіото отреченіе шогуна произвело громадный эффектъ. Немедленно же были приняты всѣ мѣры, чтобы укрѣпить создавшееся положеніе и не дать шогуну возможности одуматься.

Дворцовая охрана, находившаяся въ рукахъ преданныхъ шогуну дайміосовъ, была передана родамъ Сатсумы, Тозы, Овари и Ечизенъ. Родъ Чошу, бывшій въ опалѣ съ 63 г., получилъ амнистію, также какъ и придворные, пострадавшіе одновременно съ нимъ. Званіе шогуна и все правительство шогуна было объявлено несуществующимъ. И наконецъ было учреждено временное правительство, состоявшее изъ придворныхъ (куге) и преданныхъ микадо дайміосовъ, вѣдавшихъ съ этого момента всѣ дѣла управленія.

Декретъ объ упраздненіи шогуната былъ подписанъ 3-го января 1868 г. Этотъ день считается поворотнымъ пунктомъ японской исторіи.

Въ Японіи съ этого момента считается новая эра, называемая эрою Меиджи (т.-е. эпоха просвѣщеннаго мира). Въ дѣйствительности новая эра наступила далеко не такъ внезапно,—прошло еще много времени, раньше чѣмъ новое правительство совершенно обезпечило себя извнѣ и окончательно организовалось внутри.

Среди приверженцевъ шогуна вѣсть о его отреченіи вызвала неописуемое смятеніе и негодованіе. Они далеко еще не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ, и такой преждевременный отказъ отъ борьбы казался имъ просто трусостью.

Со всѣхъ сторонъ приверженцы шогуна съѣзжались въ Осаку, куда пріѣхалъ и Кеики послѣ своего прощальнаго визита въ Кіото. Всѣми силами они старались возбудить честолюбіе Кеики и убѣдить его вернуть свои права. Въ концѣ концовъ они достигли своего. Кеики далъ имъ разрѣшеніе собрать войска и двинуться вмѣстѣ съ нимъ въ Кіото. Когда въ Кіото узнали объ этомъ, тамъ рѣшили сдѣлать еще одну миролюбивую попытку. Дайміосы Овари и Ечизена были посланы къ бывшему шогуну для переговоровъ. Они предлагали ему пріѣхать въ Кіото одному и занять мѣсто въ формируемомъ правительствѣ. Кеики соглашался, но подъ условіемъ, чтобы молодой микадо удалилъ отъ себя «дурныхъ совѣтниковъ», т.-е. это значило, чтобы онъ снова изгналъ изъ Кіото преданныхъ ему дайміосовъ и окружилъ себя сторонниками шогуна. На это посланные не могли, конечно, согласиться. Они уѣхали въ Кіото ни съ чѣмъ, и оттуда было послано предписаніе южнымъ провинціямъ послать свои войска для защиты микадо.

Встрѣча враждебныхъ силъ произошла на дорогѣ отъ Осаки къ Кіото. Войска шогуна были гораздо многочисленнѣе, но европейское оружіе и четыре года упражненій въ новыхъ военныхъ пріемахъ

склонили перевѣсъ на сторону южанъ. Три дня, съ 27-го по 30-е января 69 г. длилась ожесточенная битва, и, наконецъ, войска шогуна были обращены въ безпорядочное бѣгство. Противники преслѣдовали ихъ до самой Осаки, и тамъ Кеики едва успѣлъ спастись, сѣвъ на корабль. Разбитый и уничтоженный, вернулся онъ въ Іедо. Его первый министръ настаивалъ, чтобы онъ произвелъ надъ собой харакири, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, честь дома Токугавы. Но онъ не согласился на это. Тогда его министръ самъ покончилъ съ собой этимъ же способомъ.

Въ Іедо къ бывшему шогуну прибыли посланные микадо самураи Катзу и Окубо. Кеики далъ имъ торжественное обѣщаніе, что не подниметъ больше меча противъ своего законнаго монарха. Съ этихъ поръ онъ удалился въ частную жизнь и не дѣлалъ больше ни одной попытки нарушить внутренній миръ въ своей родинѣ.

Но приверженцы его не такъ скоро смирились. Междоусобная война длилась еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но войска шогуна нигдѣ не встрѣчали сочувствія и поддержки, такъ что имъ пришлось, наконецъ, удалиться на Іезо, гдѣ они провозгласили республику. 27-го іюня 69 г. силы ихъ были окончательно разбиты войсками микадо и республика уничтожена.

17.

Съ момента окончательнаго пораженія послѣднихъ сторонниковъ Кеики имя шогуна, больше двухъ вѣковъ наводившее трепетъ на страну, совершенно исчезаетъ изъ японской исторіи. Приверженцы старины еще не разъ пытаются силою остановить могучее теченіе, начавшееся въ Кіото, но они принуждены пользоваться другими лозунгами. Шогунъ умеръ и уже не можетъ воскреснуть.

Шогунъ—вѣнецъ всего крѣпостническаго строя, шогунъ—глава разорительной бюрократіи, шогунъ—деспотъ, отравившій страну ядомъ шпіонства, конечно, былъ по справедливости ненавистенъ всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ въ Японіи. Для нихъ онъ былъ символомъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ ихъ строя. Пораженіе его было не только торжествомъ враждебныхъ ему дайміосовъ, оно было торжествомъ всѣхъ, страдавшихъ подъ гнетомъ деспотическаго строя, всѣхъ сознавшихъ вредъ его.

Между тѣмъ въ данный моментъ существованіе шогуната оказалось очень выгоднымъ для прогрессивной партіи въ Японіи. Всѣ отрицательныя стороны крѣпостничества и доспотизма были по традиціи связаны съ шогуномъ. Съ именемъ микадо связывалось представленіе о чемъ-то неопредѣленномъ, но благодѣтельномъ. Положимъ, это благо понималось различно различными элементами, ненавидѣвшими шогуна и участвовавшими въ сверженіи его. Но во всякомъ случаѣ съ поня-

тіемъ о микадо не были по традиціи связаны представленія объ исключительныхъ привилегіяхъ однихъ и объ крѣпостническомъ порабощеніи другихъ. Съ какимъ соціально-политическимъ строемъ сольется далѣе понятіе микадо, зависѣло отъ взаимоотношенія реальныхъ интересовъ общества и отъ сознательной воли группы людей, составлявшихъ въ данный моментъ правительство.

Какъ мы уже не разъ говорили, реальные интересы различныхъ группъ населенія были или казались въ тотъ моментъ далеко не одинаковы. Въ то время какъ эгоистическій интересъ однихъ требовалъ еще большей исключительности и закрѣпощенія, для другихъ не только выгодно, но прямо необходимо было уничтоженіе всѣхъ крѣпостническихъ путъ и извѣстныя гарантіи, обезпечивающія личности возможность свободнаго развитія своихъ силъ.

Повидимому, эти интересы настолько противоположны, что столкновенія между ними должны были быть неизбѣжны. А между тѣмъ все созиданіе новаго соціально-политическаго строя направляется съ перваго момента въ сторону раскрѣпощенія и гарантій для личности, и противоположныя тенденціи, хотя и прорываются иногда въ формѣ мѣстнаго ропота или даже бунтовъ, ни разу не получаютъ преобладанія. Въ общемъ коренное переустройство общества происходитъ совершенно мирно.

Причина этого заключается въ томъ, что измѣненіе строя въ сторону болѣе прогрессивныхъ началъ соотвѣтствовало, во-первыхъ, интересамъ громаднаго большинства населенія, а слѣдовательно внутреннимъ интересамъ всей страны; во-вторыхъ, оно обезпечивало единство государства и, слѣдовательно, его цѣлость извнѣ и, въ-третьихъ, оно соотвѣтствовало взглядамъ и идеаламъ передовой части тогдашняго общества—лучшихъ изъ самураевъ.

Дайміосы начали борьбу съ шогуномъ ради возвращенія своихъ привилегій. Первымъ поводомъ для этой борьбы послужило допущеніе иностранцевъ, которыхъ они боялись, какъ всего новаго, могущаго подорвать основные устои выгоднаго для нихъ строя. Но какъ только они достигаютъ цѣли и свергаютъ шогуна, — событія оказываются сильнѣе ихъ, и движеніе развивается въ направленіи прямо противоположномъ тому, о какомъ они мечтали вначалѣ.

Паденіе шогуна касалось не ихъ однихъ. Все, что было лучшаго въ странѣ, радовалось и ликовало вмѣстѣ съ ними. Пали ненавистныя оковы, связывавшія свободную мысль, и она неудержимой волной хлынула впередъ. Все, что запрещалось и преслѣдовалось прежнимъ строемъ, теперь естественнымъ образомъ казалось дозволеннымъ. Всѣ, кто прежде вынуждены были молчать, а послѣднее время съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ совершающіяся событія или съ оружіемъ въ рукахъ принимали въ нихъ участіе, теперь заговорили. Переводились и печатались иностранныя сочиненія, издавались собствен-

ныя книги, брошюры, писались проекты, возникла первая японская газета. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ обсуждалось значеніе происшедшихъ событій, обсуждался павшій режимъ и высказывались пожеланія относительно будущаго. Вмѣстѣ съ шогуномъ подвергался безпощадной критикѣ и весь созданный имъ строй. Указывалось на вредъ крѣпостного режима, мѣшавшаго свободному развитію производительныхъ силъ страны, указывалось на опасность раздробленія ея на отдѣльныя феодальныя владѣнія съ независимыми владѣтелями во главѣ. Эти мысли и раньше были у многихъ, но только теперь онѣ властно вылились наружу и дѣйствительно охватили всѣхъ лучшихъ людей въ странѣ.

Правительство не имѣло ни силъ, ни желанія положить конецъ этому празднику освобожденной мысли.

Во-первыхъ, ему предстояло немедленно разрѣшить нѣкоторыя настоятельныя задачи, и оно не могло разрѣшить ихъ иначе, какъ въ направленіи желательномъ для прогрессивной партіи, во-вторыхъ, лучшіе изъ представителей этой партіи съ перваго же момента очутились въ рядахъ новаго правительства и очень скоро заняли въ немъ главныя мѣста.

Временное правительство, учрежденное тотчасъ же по низложеніи шогуна, т.-е. въ январѣ 1868 года, состояло изъ президента, которымъ былъ назначенъ членъ императорской фамиліи принцъ Арисугава, двухъ вице-президентовъ, тоже изъ рода микадо, 4-хъ членовъ отъ придворной знати и 6 членовъ отъ даймiосовъ. Младшими помощниками имъ были назначены самураи: Окуба, Саиго, Кидо, Гото, Хирозава, Ито, Имухе Курода.

Черезъ нѣсколько времени область вѣдѣнія верховнаго совѣта дифференцировалась, изъ него выдѣлились министерства, вѣдавшія каждое особой отраслью управленія. Членами верховнаго совѣта и министрами назначались исключительно даймiосы и придворные, самураи же не могли получать мѣста выше помощниковъ. Но при этомъ однимъ изъ первыхъ постановленій новаго правительства было, что повышенія даются только за заслуги. Къ 1871 году всѣ важнѣйшіе посты были заняты самураями, ни одинъ изъ даймiосовъ не сохранилъ своего первоначальнаго положенія. Одинъ этотъ фактъ достаточно говоритъ за то, на чьей сторонѣ была лучшая подготовка и способности.

Прежде всего новому правительству предстояло урегулировать свои отношенія съ иностранными державами. Пока рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ шогуна, даймiосы съ легкимъ сердцемъ совѣтовали ему прогнать иноземцевъ. Теперь, когда власть перешла въ ихъ руки, они убѣдились, что сдѣлать это не такъ-то легко. Во всякомъ случаѣ при теперешнемъ состояніи казны и войска и при господствующихъ еще въ странѣ безпорядкахъ объ этомъ и думать было нельзя. Напротивъ, надо было постараться убѣдить иностранныхъ представителей, что

новое правительство относится къ нимъ съ полнымъ дружелюбіемъ и готово выполнить всѣ принятыя ранѣе обязательства. Въ доказательство этого рѣшено было, что молодой микадо приметъ въ аудіенціи консуловъ, и имъ было послано приглашеніе на 23-е марта.

Но если дворъ въ Кіото такъ быстро измѣнилъ свою тактику, то народъ не могъ такъ же скоро отказаться отъ своихъ предубѣжденій. Эта аудіенція сразу нарушала двѣ привычныхъ идеи,—во-первыхъ, что иностранцы—ненавистные варвары, во-вторыхъ, что микадо недоступенъ дли простыхъ смертныхъ, а тѣмъ болѣе для варваровъ.

Молодое правительство рѣшило съ перваго момента не давать закабалять себя отжившимъ предразсудкамъ. Аудіенція состоялась, но на пути во дворецъ на англійскаго консула напало нѣсколько фанатиковъ, не причинившихъ ему, къ счастію, серьезнаго вреда. На слѣдующій же день былъ изданъ декретъ, въ которомъ микадо заявлялъ, что всякое нападеніе на иностранцевъ есть оскорбленіе ему, такъ какъ онъ взялъ ихъ подъ свою отвѣтственность, и потому будетъ наказываться по всей строгости законовъ.

Принявъ эти первыя неотложныя мѣры, правительство рѣшило немедленно же, раньше чѣмъ приступать къ необходимымъ реформамъ, узнать мнѣніе страны, или по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто могъ считать себя участникомъ въ переворотѣ, т.-е. дайміосовъ. Немедленно же было послано предложеніе всѣмъ дайміосамъ прислать двухъ представителей изъ каждаго хана. 17-го апрѣля 1868 г. микадо является въ верховный совѣтъ и въ присутствіи всѣхъ придворныхъ и временнаго правительства произноситъ клятву передъ богами неба и земли: «искать способныхъ людей, искоренять злоупотребленія, предоставлять каждому безъ различія классовъ устраивать жизнь согласно своему желанію, объединить имперію одними законами и управлять согласно съ общественнымъ мнѣніемъ»*).

Уже эта клятва при всей своей неопредѣленности давала почувствовать, какими идеями проникнуто новое правительство и въ какомъ направленіи оно намѣрено развивать свою дѣятельность. Несомнѣнно, что имъ руководятъ уже не реакціонные дайміосы, такъ какъ объединеніе страны подъ одними законами и разрѣшеніе всякому устраивать жизнь сообразно своимъ желаніямъ, далеко не соотвѣтствовало ихъ интересамъ. Возражать противъ этого теперь, когда отъ единства страны зависѣла ея цѣлость и независимость извнѣ, было, конечно, немыслимо.

Но микадо шелъ еще дальше. Рядомъ съ объединеніемъ страны онъ обѣщалъ управленіе ею согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Никакого формальнаго обѣщанія въ этомъ не было, тѣмъ не менѣе эти слова показываютъ, что рядомъ съ юнымъ микадо съ перваго дня

*) Gourant „Okoubo“, стр. 123.

его воцаренія стояли люди, имѣвшіе въ виду болѣе свободное государственное устройство, быть можетъ еще не принявшее въ ихъ сознаніи вполнѣ опредѣленной формы. Во главѣ этой опредѣленной прогрессивной партіи внутри самого правительства стоятъ Окубо и Кидо. Оба они люди вполнѣ подготовленные къ той выдающейся роли, которую имъ приходится теперь играть. Они хорошо изучили тяжелое положеніе своей родины и знаютъ, чего ей недостаетъ, оба получили серьезное японское образованіе и оба не чужды западно-европейской цивилизаціи, съ которой они успѣли ознакомиться со времени перваго открытія гаваней. Съ Мутсо-Гито они сблизились еще при жизни его отца. Въ то время, когда дайміосы завязали сношенія съ Кіото, они постоянно посылали туда вмѣсто себя своихъ самураевъ, выбирая, конечно, наиболѣе образованныхъ изъ нихъ. Такъ что будущая прогрессивная группа была въ постоянныхъ отношеніяхъ и завоевала довѣріе будущаго императора, когда онъ былъ еще мальчикомъ.

Съ перваго момента реставраціи всѣ усилія ихъ и окружающей ихъ группы заключаются въ томъ, чтобы дать своей странѣ такой государственный строй, при которомъ всѣ ея богатыя природныя силы могли бы свободно развиться. Потребность въ этомъ ощущалась уже давно, отъ нихъ зависѣло, насколько быстро и безболѣзненно совершитъ страна переходъ отъ старыхъ отжившихъ формъ къ новымъ назрѣвшимъ.

Положеніе этой прогрессивной группы было трудное. Сознательно на ея сторонѣ стояла лишь нѣкоторая наиболѣе просвѣщенная часть самураевъ, изъ которыхъ происходили они сами. Громадная масса населенія, въ интересахъ которой они дѣйствововали, была еще совершенно невѣжественна и не могла оказать имъ никакой поддержки. Большинство дайміосовъ и приверженныхъ имъ самураевъ были опредѣленно враждебны имъ. Юный микадо съ самаго начала сталъ на сторону молодой прогрессивной группы и тѣмъ значительно облегчилъ ея положеніе. Во всякомъ случаѣ имъ предстояла громадная работа и трудная борьба. Но они приступили къ ней съ глубокой вѣрой въ ея необходимость и съ свѣтлой надеждой на успѣхъ. Ихъ главнымъ союзникомъ должна была быть жизнь, доказывающая на дѣлѣ всю необходимость и плодотворность предпринятыхъ ими реформъ. И этотъ союзникъ ни разу не измѣнялъ имъ, несмотря на всѣ частичныя неудачи и разочарованія, постигавшія ихъ.

Первый же шагъ, предпринятый ими на встрѣчу къ общественному мнѣнію, принесъ имъ жестокое разочарованіе. — 17-го апрѣля было торжественно открыто собраніе дайміосовъ и ихъ представителей для обсужденія важныхъ вопросовъ управленія.

Микадо снова открылъ его рѣчью, въ которой онъ давалъ слѣдующія торжественныя обѣщанія:

«1. Должно быть организовано совѣщательное собранiе, и всѣ мѣры будутъ вырабатываться согласно съ общественнымъ мнѣнiемъ.

«2. Принципы политическаго и соцiальнаго строя должны внимательно изучаться какъ высшими, такъ и низшими классами нашего народа.

«3. Каждый членъ общества долженъ пользоваться защитой и помощью въ достиженiи всѣхъ хорошихъ цѣлей.

«4. Всѣ нелѣпые обычаи прежнихъ временъ должны быть оставлены и въ основу дѣятельности должна быть положена справедливость и безпристрастiе.

«5. Умъ и способности должны быть привлекаемы со всѣхъ концовъ страны для прочнаго возведенiя основъ государства» *).

Но когда перешли къ обсужденiю отдѣльныхъ вопросовъ, результатъ оказался прямо противоположный выставленнымъ въ рѣчи микадо тезисамъ. При рѣшенiи вопросовъ объ отмѣнѣ разныхъ отжившихъ обычаевъ, въ родѣ ношенiя привилигерованными классами традицiонныхъ двухъ мечей и т. п., громадное большинство высказалось отрицательно, т.-е. стояло за сохраненiе ихъ. Вообще собранiе, какъ и слѣдовало ожидать по его составу, оказалось не только консервативнымъ, но прямо реакцiоннымъ. Очень скоро оно было распущено, не достигнувъ никакого результата. Черезъ нѣсколько времени оно было созвано вторично при участiи чиновниковъ, но результатъ получился точь-въ-точь такой же.

Въ этомъ, конечно, не было ничего удивительнаго, такъ какъ оба раза совѣщательныя собранiя состояли исключительно изъ представителей привилегированныхъ группъ населенiя, которымъ вовсе не выгодно было уничтоженiе привилегiй, выдѣляющихъ ихъ въ особую касту. Тѣ же классы населенiя, которые были по существу наиболѣе заинтересованы въ предположенныхъ правительствомъ реформахъ, не имѣли никакихъ органовъ для заявленiя своихъ желанiй, и ихъ мнѣнiе не могло доходить до правительства.

Прежде чѣмъ спрашивать ихъ мнѣнiе, надо было дать имъ возможность сформировать его и способъ высказать его. Сколько бы правительство ни повторяло, что оно будетъ руководствоваться общественнымъ мнѣнiемъ и привлекать къ управленiю страной умъ и способности изъ всѣхъ классовъ общества, все это должно было остаться пустыми словами, пока общество дѣлилось на благородныхъ и неблагородныхъ, на господъ и рабовъ. До тѣхъ поръ въ странѣ не могло быть свободнаго общественнаго мнѣнiя, пока земледѣлецъ или ремесленникъ долженъ былъ падать ницъ при проходѣ даймiоса, и самурай могъ за малѣйшее оскорбленiе безнаказанно срубить ему голову своимъ благороднымъ мечемъ. Прежде надо было уничтожить

*) D. Murray. „Japan". 1904 г. стр 380.

крѣпостническій строй, одинаково развращающій и высшихъ, и низшихъ, а потомъ уже призывать общество къ выраженію своего мнѣнія по вопросамъ государственнаго управленія. Необходимѣйшія соціальныя реформы должны предшествовать политическимъ. Молодое правительство сейчасъ же почувствовало это и отложило на нѣкоторое время обращенія къ странѣ.

Къ этому времени уже значительная часть перваго состава верховнаго совѣта измѣнилась, дайміосы почти всѣ отстранились, хотя и не безъ борьбы, а изъ придворныхъ остались только Ивакура и Санджо. Всѣ остальные были самураи. Но молодежь, окружавшая микадо, чувствовала еще на себѣ гнетъ придворной атмосферы, царившей въ Кіото и мѣшавшей имъ отдѣлаться отъ стѣснительныхъ традицій. Въ началѣ 1869 года Окубо вноситъ смѣлое предложеніе перенести столицу изъ Кіото. Монархъ долженъ стоять лицомъ къ лицу со своимъ народомъ, говоритъ онъ, а здѣсь его отдѣляетъ цѣлая стѣна придворной знати и вѣковыхъ предразсудковъ. Предложеніе это выслушивается вначалѣ съ ужасомъ. Оставить Кіото, гдѣ болѣе тысячи лѣтъ безвыѣздно жилъ микадо, это было равносильно величайшей революціи. Но Мутсо-Гито согласился. Въ Кіото это рѣшеніе произвело сильнѣйшее волненіе. Когда наступилъ день выѣзда, тысячная толпа собралась у дворца и съ рыданіями умоляла монарха не покидать священную землю. Но молодой микадо былъ непоколебимъ. Онъ приказалъ нести свои носилки, не обращая вниманія на фанатиковъ, кидавшихся подъ ноги носильщиковъ. Изъ Кіото Мутсо-Гито отправился въ Осаку, провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ посѣтилъ Іедо и снова вернулся въ Кіото, чтобы жениться на принцессѣ Гарукѣ, нынѣшней императрицѣ Японіи. Послѣ свадьбы онъ окончательно переселился въ Іедо, переименованный съ этого момента въ Токіо.

Въ новой обстановкѣ подготовительная работа правительства пошла еще болѣе ускореннымъ темпомъ, не связанная стѣснительными рамками традиціоннаго этикета. Идеи, одушевлявшія кружокъ, работавшій въ Токіо, стали все шире распространяться въ странѣ, завоевывая все больше сторонниковъ. Даже среди дайміосовъ многіе стали приходить къ убѣжденію, что время феодализма уже прошло и что имъ не вернуть своихъ прежнихъ привилегій. Въ сущности въ экономическомъ отношеніи ихъ феодальныя владѣнія уже давно были имъ скорѣе въ тягость. Почти всѣ они были въ долгу у крупныхъ купцовъ и при современномъ положеніи хозяйства не въ силахъ были улучшить положеніе ни свое, ни народное. Кромѣ того, столкновеніе съ европейцами на югѣ показало имъ, до какой степени они безсильны въ одиночку противъ западныхъ государствъ, и убѣдило ихъ въ томъ, что объединеніе страны—первое условіе ея силы и независимости.

Вообще одушевленіе, стремленіе на дѣлѣ послужить родинѣ коснулось и ихъ, по крайней мѣрѣ лучшихъ изъ нихъ. 5-го мая 1869 года

четыре крупныхъ даймiоса Сатсумы, Чоши, Тозы и Хизенъ представили микадо заявленіе, въ которомъ они отказывались отъ всѣхъ феодальныхъ правъ на свои земли и живущее на нихъ населеніе.

Конечно, уничтоженіе остатковъ феодализма висѣло въ воздухѣ, это былъ первый необходимый шагъ къ свободному развитію страны, но все это не отнимаетъ нравственную цѣнность поступка четырехъ даймiосовъ. Они еще такъ недавно свергли ненавистную власть шогуна, что могли въ извѣстной степени считать себя хозяевами положенія и попытаться воспользоваться этимъ, чтобы хоть на время удержать за собой свои привилегіи. Можетъ быть, это и не удалось бы имъ, но, во всякомъ случаѣ, это поглотило бы много времени и силъ, а быть можетъ и много крови. Ихъ великодушный порывъ избавилъ страну отъ многихъ бѣдствій.

Примѣръ самыхъ могущественныхъ изъ даймiосовъ подѣйствовалъ заразительно и на остальныхъ. Волна великодушныхъ чувствъ поднялась въ странѣ и заставила принести эгоистическія соображенія въ жертву общему благу. 241 даймiосъ единодушно заявили микадо отказъ отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ. Только 17 человѣкъ упорно не хотѣли добровольно отказаться отъ своего положенія и ждали, пока ихъ принудили закономъ.

Казалось, что даймiосамъ было легче отказаться отъ своихъ, хотя и не всегда выгодныхъ, но, во всякомъ случаѣ, существенныхъ правъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ привилегій, за сохраненіе которыхъ они такъ упорно стояли на собраніяхъ въ Кіото.

Теперь правительству предстояло урегулировать новый порядокъ вещей въ бывшихъ владѣніяхъ даймiосовъ. Въ теченіе года даймiосы еще оставались на мѣстахъ, управляя дѣлами. Въ это время въ Токiо вырабатывался новый порядокъ управленія. 21-го августа 1871 г. правительственнымъ декретомъ всѣ ханы были объявлены уничтоженными и страна раздѣлена на 75 провинцій или кеновъ съ правительственными чиновниками во главѣ. Даймiосамъ правительство обязалось въ вознагражденіе за понесенные ими убытки выплачивать около $^1/_{10}$ части ихъ прежнихъ доходовъ. Впослѣдствіи эта рента капитализуется и имъ предлагается сначала добровольно, а потомъ и принудительно получить вмѣсто пожизненной ренты опредѣленныя суммы единовременно.

Въ томъ же самомъ году былъ изданъ еще рядъ указовъ, освободившихъ общество отъ остатковъ крѣпостничества.

Уничтожены неблагородныя и нечистыя касты и всѣ занятія признаны одинаковыми. Разрѣшены браки между лицами разныхъ сословій. Уничтожены сословныя привилегіи и всѣ подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Всѣмъ людямъ разрѣшено заниматься какими угодно профессіями, въ томъ числѣ всѣми отраслями торговли и промышленности. Всѣ привилегіи гильдій такимъ образомъ были уничтожены.

Этимъ крупнымъ реформамъ, измѣнившимъ въ корнѣ весь соціальный строй, сопутствовалъ рядъ болѣе мелкихъ указовъ, уничтожавшихъ традиціонныя привилегіи высшихъ классовъ, въ родѣ ношенія двухъ мечей, установленныхъ формъ одежды и привѣтствій и т. п.

Весь этотъ рядъ крупныхъ и мелкихъ реформъ произвелъ въ странѣ цѣлую революцію, съ восторгомъ встрѣченную одними и съ глубокимъ неодобреніемъ другими. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ реакціонные элементы на время совсѣмъ стушевываются. Могучій стихійный освободительный порывъ, разбившій подгнившіе устои прежняго строя, заставилъ ихъ примолкнуть и выжидать событій. Но какъ только жизнь входитъ постепенно въ болѣе спокойное русло, и новые порядки начинаютъ пускать корни въ жизни, такъ они наталкиваются то тутъ, то тамъ на слѣпое недовѣріе или даже на прямое сопротивленіе. Къ естественному страху передъ новизной тутъ примѣшивались и экономическія причины. Дайміосы, согласившіеся на всѣ предложенія правительства подъ вліяніемъ охватившаго ихъ одушевленія, находили теперь, что они заключили очень невыгодную сдѣлку. Обязательный выкупъ ренты на неособенно выгодныхъ условіяхъ, объявленный въ 1873 г., болѣе всего раздражилъ ихъ. На югѣ опять начинается броженіе, но на этотъ разъ уже не въ пользу микадо, а противъ него, или, лучше сказать, противъ прогрессивнаго большинства правительства. Въ 1874 году вспыхиваетъ возстаніе въ Сагѣ, въ 1876—въ Чошу, въ 1877—въ Сатсумѣ. Два послѣднія изъ нихъ отличаются особымъ ожесточеніемъ. Во главѣ ихъ стоятъ прежніе предводители южныхъ войскъ—Шимадзу и Саиго Такамори. Саиго уже давно отдѣлился отъ правительства, не сочувствуя его лихорадочно реформаціонной дѣятельности. Но правительство и особенно его близкій другъ Окубо были увѣрены въ его лойяльности, и Саиго былъ назначенъ главнокомандующимъ части вновь организованныхъ войскъ.

Тяжелымъ ударомъ для Окубы было извѣстіе, что на югѣ снова поднимается реакціонное знамя, и что во главѣ фанатиковъ стоитъ его другъ—Саиго. Противъ него тотчасъ же были посланы императорскія войска подъ предводительствомъ генерала Кавамуры. 24-го сентября 1877 года произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ войско Саиго было разбито на голову. Самъ онъ получилъ тяжелую рану и, чтобы не достаться живымъ въ руки непріятелей, попросилъ одного своего лейтенанта отрубить ему голову.

Силы реакціи были сломлены окончательно. Больше уже она не проявлялась открыто. Только еще одинъ жестокій ударъ нанесла она прогрессивному движенію. Двое фанатическихъ приверженцевъ Саиго рѣшили отмстить правительству за его смерть. 14-го мая 1878 года въ глухомъ переулкѣ Токіо они напали на Окубо и убили его.

Для прогрессивной группы правительства это была тяжелая потеря,

тѣмъ болѣе тяжелая, что незадолго передъ тѣмъ умеръ и другой выдающійся государственный дѣятель—Кидо.

Но направленіе правительственной дѣятельности было уже твердо опредѣлено и эти печальныя потери не могли серьезно отозваться на немъ. На смѣну выбывшимъ явились другіе. Одна изъ главныхъ ролей выпала теперь на долю Ито.

Правительству предстояло еще много серьезныхъ задачъ. Оно должно было свести въ систему раздробленное ранѣе судебное законодательство, оно должно было упорядочить податную систему, оно должно было реформировать войско, оно должно было поставить на новыхъ началахъ систему народнаго образованія, и наконецъ, оно должно было завершить тотъ государственный строй, который оно имѣло въ виду съ перваго момента реставраціи.

Во все продолженіе 70-хъ и 80-хъ годовъ въ Токіо идетъ интенсивная работа, выражающаяся въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ упроченію новаго строя. Вводится всеобщая воинская повинность, вырабатывается новый уголовный кодексъ, вводится система подоходнаго налога, вся страна покрывается сѣтью правительственныхъ и частныхъ школъ. Но въ разгарѣ всѣхъ этихъ многообразныхъ работъ молодое правительство ни на минуту не забываетъ своей основной задачи, выставленной имъ еще въ первой торжественной рѣчи микадо. Оно не забываетъ, что дало обѣщаніе управлять страной согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Постепенно оно развернуло эту неопредѣленную формулу въ опредѣленное намѣреніе передать управленіе страной въ руки народа.

Еще съ 1875 года въ Токіо была образована постоянная коммиссія для выработки основъ будущей конституціи. Членами этой коммиссіи были Окубо, Кидо, Ито и Итагаки. Эта коммиссія сразу выработала нѣсколько очень существенныхъ мѣръ. Прежде всего она постановила учредить высшую судебную инстанцію—Шинчъ-инъ и строго провести раздѣленіе судебной и административной власти на всѣхъ ихъ ступеняхъ. Далѣе она проектировала высшее законодательное учрежденіе—Генро-инъ (сенатъ) и урегулировала съѣзды провинціальныхъ чиновниковъ.

Но самая важная реформа, предложенная ею, касалась мѣстнаго управленія. До тѣхъ поръ все провинціальное управленіе было сосредоточено въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, т.-е. новое правительство опиралось въ сущности на ту же бюрократію, какъ и шогунъ. Теперь рѣшено было ввести въ провинціяхъ выборное самоуправленіе. Въ выборахъ могли принимать участіе всѣ жители провинціи, платившіе не менѣе 5 іенъ налогу. Избранные представители населенія составляли собраніе, собиравшееся разъ въ годъ, вотировавшее годовой бюджетъ провинціи и избиравшее свои постоянные органы для завѣдыванія мѣстными дѣлами. Законъ, утверждавшій это

мѣстное самоуправленіе, былъ подписанъ 22-го іюля 1878 года. Съ этого момента мѣстное управленіе стало постепенно реформироваться. Все большее число функцій переходило изъ рукъ правительственныхъ чиновниковъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ избирательныхъ органовъ.

Этотъ законъ былъ крупнымъ шагомъ на пути къ коренной реформѣ центральнаго управленія. Населеніе или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая его часть стала привыкать къ идеѣ самоуправленія, явились органы, которые хоть до нѣкоторой степени могли служить выразителями общественнаго мнѣнія страны.

12-го октября 1881 года правительственнымъ декретомъ было формально подтверждено обѣщаніе даровать странѣ конституцію. Съ этихъ поръ принимался рядъ подготовительныхъ мѣръ для осуществленія этого обѣщанія.

Наконецъ, 11-го февраля 1889 года микадо торжественно объявляетъ учрежденіе конституціонной формы правленія и первый присягаетъ въ вѣрности конституціи.

Немедленно же назначаются общіе выборы и въ слѣдующемъ 1890 г. открывается первая сессія японскаго парламента.

Этимъ моментомъ заканчивается «эпоха великихъ реформъ» въ Японіи. Страна окончательно входитъ въ новый фазисъ государственнаго и общественнаго развитія.

Мы перейдемъ далѣе къ характеристикѣ тѣхъ формъ, въ какія вылилась при новыхъ условіяхъ ея соціальная и политическая жизнь. Конечно, онѣ еще не могли до сихъ поръ установиться окончательно и въ новыхъ учрежденіяхъ практика показала много существенныхъ недочетовъ, но это нисколько не уменьшаетъ значенія того, что уже сдѣлано...

Т. Богдановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ МІРѢ БЕЗМОЛВІЯ И МРАКА.

Разсказъ.

Переводъ съ финскаго. **А. Ярнефельдъ.**

Однажды вечеромъ много насъ, веселаго народа, собралось въ избѣ богатаго Антила. Туда же забрелъ случайно слѣпой и глухой старикъ. Слухъ свой онъ потерялъ сорока лѣтъ, а зрѣніе—и все по какимъ-то несчастнымъ случайностямъ—на десять лѣтъ позже. Старикъ безъ просьбы съ нашей стороны сталъ намъ разсказывать о себѣ. И хотя его разсказъ былъ длиненъ, мы прослушали его съ напряженіемъ до конца.

Онъ говорилъ такъ:

Я ничего не вижу. Предо мною всегда то, что вы называете тьмою или пустотою. Попробуйте представить себѣ мое положеніе,—закройте свои глаза.

Я также и не слышу ничего. Вокругъ меня всегда полная тишина, та тишина, которую вы называете могильною. Итакъ, безконечная пустота и глубокая, глубокая тишина.

Единственное, при помощи чего я могу еще вступать въ общеніе съ вами—это даръ рѣчи, которой я не забылъ, хотя и не слышу своего голоса и не могу узнать ничьихъ отвѣтовъ. Могу только просить, послѣ чего мнѣ приходится терпѣливо ожидать, пока не нащупаю въ рукѣ то, что мнѣ даютъ. Или постепенно бросить ожидать, если не даютъ.

Для людей я лишнее бремя. Мнѣ приходится много ходить изъ дома въ домъ. Но и здѣсь я безпомощенъ. Слѣпой и глухой, я никуда не могу пройти одинъ. Чаще обыкновеннаго я чувствую, что кто-нибудь дернетъ меня сердито за рукавъ или за край одежды. Тогда я догадываюсь, что впереди произошло слѣдующее:

— Ступай ты, Ату, провожать этого калѣку въ другой домъ!

— Нѣтъ не пойду, заставьте Пекку вести его.

Коромысло взмахиваетъ.

Послѣ этого меня дергаютъ. Это значитъ:

— Ну, иди ужъ, калѣка!

И мы начинаемъ ковылять впередъ. Я—въ тягость людямъ. Я старая вещь, отжившая свой вѣкъ, которую надо выбросить прочь. Если

бы даже я видѣлъ, мнѣ все же было бы тяжело подымать черезъ пни свои ноги, особенно при такой скорости, которая требуется.

Много, много тѣхъ рукъ, которыя своимъ нетерпѣливымъ дерганьемъ рвали мнѣ рукава и края одежды.

И много, много тѣхъ уловокъ, какія я долженъ былъ пускать въ ходъ, чтобы какой-нибудь маленькій бродяга не убѣжалъ во свояси и не поставилъ бы меня въ безвыходное положеніе. Мнѣ очень нужны эти уловки.

Двѣ изъ нихъ я считаю наиболѣе дѣйствительными.

Я обѣщаю различныя награды.

Я держу при себѣ, въ карманѣ различныя металлическія вещицы, которыя я усердно чищу о свои шершавыя брюки. Онѣ блестятъ и привлекаютъ сердца моихъ провожатыхъ. «Посмотри сюда! Вотъ это получишь ты, когда дойдемъ до конца! Иди, иди!»

Если обѣщанія не помогаютъ, я притворяюсь сердитымъ, угрожаю и кричу. Беру въ руки какую-нибудь плеть, и когда чувствую, что провожатый отдѣлился отъ меня, начинаю бить ею по землѣ: «Вернешься ли ты назадъ? Вотъ я тебѣ покажу, когда мы дойдемъ до конца!» Тогда шельмецъ, боясь моей плетки, протягиваетъ мнѣ въ руки длинный прутъ. Я хватаюсь за прутъ, и онъ ведетъ меня, держась поодаль, чтобы я не досталъ до него.

Попадаются и такіе, на которыхъ ни обѣщанія, ни угрозы не дѣйствуютъ.

Такъ недавно кто-то взялся за мой рукавъ и повелъ меня изъ одного двора. Я скоро убѣдился, что провожатый мой былъ не дурной, скромный мальчикъ! Но онъ былъ горячаго, безпокойнаго нрава. Его рука была горячая и дрожащая. Я узнаю ихъ всѣхъ вскорѣ послѣ перваго прикосновенія. Когда мы были въ дорогѣ, я досталъ руками до его волосъ. Голова его была въ уровень съ моими плечами. Ахъ, какъ мягки были эти вьющіяся, дышавшія молодостью кудри. Но Боже мой, какъ онъ торопился! Не то, чтобы онъ меня дергалъ,—нѣтъ, а просто онъ, видимо, забывалъ свое дѣло изъ-за какого-то другого, которое привлекало все его вниманіе. Тутъ мало могли бы помочь блестящія бездѣлушки, и всякая угроза была бы страшной грубостью.

Онъ свернулъ, повидимому, съ ровной дороги на какую-то тропинку, потому, что кочкамъ, камнямъ и пнямъ не было конца. Я предоставилъ все на волю судьбы и шелъ, не успѣвая подымать своихъ неуклюжихъ ногъ и опуская ихъ куда ни попало.

Дорога, казалось, все время поднималась въ гору. Я съ трудомъ передвигалъ ноги, ежеминутно спотыкаясь, но вотъ въ лицо мнѣ пахнулъ легкій вѣтерокъ, и я догадался, что мы находимся на открытомъ мѣстѣ, что наступилъ уже вечеръ и солнце зашло.

Съ ужасомъ ожидалъ я момента, когда мальчикъ броситъ меня и

я останусь подъ вечеръ одинъ. Можете ли вы представить себѣ, въ какомъ положеніи оказался бы глухо-слѣпой, котораго оставилъ его провожатый? Онъ не видитъ и не слышитъ людей, для того чтобы вовремя позвать ихъ на помощь. Онъ зоветъ, когда кругомъ нѣтъ никого, и умолкаетъ, когда, быть можетъ, мимо него проходитъ кто-нибудь. Онъ можетъ прокричать цѣлую ночь и лечь спать, когда люди просыпаются.

Я бы замедлилъ свой ходъ, потому что сильно усталъ, но теперь какъ разъ еще большее безпокойство овладѣло моимъ провожатымъ. Его рука безпокойно дрожала въ моей, какъ бы стараясь освободиться. Я догадался, что онъ видитъ и слышитъ, и я видѣлъ и слышалъ вмѣстѣ съ нимъ яснѣе, чѣмъ даже въ тѣ дни, когда не былъ слѣпымъ и глухимъ, когда, какъ и онъ, полный молодыхъ силъ, бродилъ по цвѣтущимъ долинамъ прекраснаго міра. Я знаю, что онъ видитъ. Онъ видитъ внизу подъ собою большую деревню. Въ лучахъ заходящаго солнца виднѣются окрашенныя закатомъ стѣны строеній и блещутъ окна. По деревенской улицѣ идетъ толпа молодежи, и гармонія наигрываетъ мотивъ знакомаго танца. Вотъ они уходятъ дальше и дальше. Боже, они уйдутъ, они оставятъ!

И только что я подумалъ объ этомъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ, что мой провожатый отдѣлился отъ меня.

— Слушай, слушай, стой!—куда ты?

Мною овладѣваетъ безпокойство и страхъ. Я нащупываю вокругъ себя, но поймать его уже не могу.

— Послушай, я разскажу тебѣ то, чего ты никогда еще не слышалъ. Я открою тебѣ великія тайны.

Такъ въ безпокойной тревогѣ я сталъ говорить ему.

Мнѣ пришлось на скоро придумывать, чѣмъ бы привлечь и остановить его. Я долженъ былъ пустить въ ходъ весь свой опытъ, все свое умѣнье.

— Послушай-ка! Я разъясню тебѣ вопросы жизни и смерти,—двери рая открою для тебя.

«Разъясню ли, открою ли—это мы увидимъ потомъ,—подумалъ я про себя.—Теперь же суть въ томъ, чтобы привлечь его вниманіе. Если говорю напрасно, это небольшой трудъ, но если онъ возвратится, то, вѣдь я тогда все выигралъ». И я началъ говорить ему, сидя на горѣ и не зная, слушаетъ ли онъ меня или нѣтъ.

— Слушай же внимательно,—сказалъ я,—и я разскажу тебѣ, что будетъ, когда ты умрешь. Послѣ смерти,—слушай-же,—ты придешь въ большой, большой залъ. Онъ такъ великъ, что стѣнъ его не видно, и нѣтъ въ немъ ни пола, ни потолка. Онъ такъ великъ, что ни миріады звѣздъ, ни милліоны зажженныхъ солнцъ не могутъ его освѣтить, и кончины міровъ проходятъ тамъ незамѣченными. Ты увидишь, что на небѣ нѣтъ ничего доступнаго зрѣнію и слуху. Только однѣ

*

невидимыя силы духа могутъ парить тамъ, среди отдаленныхъ звѣздъ, исполняя волю вѣчнаго Бога въ этой безконечной тишинѣ.

Но подожди. Вотъ какъ будто стая вѣстниковъ небесъ пролетаетъ, мимо тебя и чудные звуки лиры доносятся до твоего сознанія. «Стойте!—кричишь ты.—Подождите!» И вотъ послѣдній ангелъ останавливается, чтобы выслушать тебя.—«Дайте и мнѣ работы,—говоришь ты,—я не хочу одинъ оставаться здѣсь безъ дѣла».—«Дѣлай, что и мы дѣлаемъ», отвѣчаетъ ангелъ.

«Что же вы здѣсь дѣлаете?» «Мы творимъ новые міры и создаемъ новыя формы жизни изъ вѣчности въ вѣчность».—«Такъ это и я съ удовольствіемъ дѣлалъ бы», отвѣчаешь ты. «Хорошо, иди вмѣстѣ съ нами, и мы покажемъ тебѣ, что надо дѣлать». И съ ужасною быстротою ты летишь въ ихъ дивномъ обществѣ, чрезъ безконечныя пространства, пока они не покажутъ тебѣ небольшую звѣзду. «Ступай на эту звѣзду,—скажутъ они,—и научи ея жителей любить другъ друга, чтобы тамъ создалось царство Божіе, чтобы всѣ слились въ одно и между ними процвѣтало бы счастье. Это твое первое небесное дѣло отъ самого Бога!»—Ты летишь, счастливый и радостный тѣмъ, что и на твою долю выпало дѣло Божіе, что и ты можешь дѣйствовать во имя Его самого. И ты думаешь: «эту заповѣдь любви я слышалъ уже давно и осуществить ее мнѣ не трудно». Но можно ли изобразить твое удивленіе, когда, прилетѣвъ, ты увидишь, что пришелъ обратно на тотъ же земной шаръ, откуда ты вышелъ! Все тебѣ здѣсь знакомо. Все тѣ же враждующіе, о себѣ только думающіе люди. «Вотъ горе,—думаешь ты:—я же, вѣдь, духъ. У меня нѣтъ рукъ, которыми я могъ бы водить ихъ, нѣтъ плети, которой я могъ бы принудить ихъ къ добрымъ дѣламъ, нѣтъ ничего блестящаго, чѣмъ бы я привлекалъ ихъ, у меня нѣту даже голоса, чтобы говорить съ ними и предостерегать ихъ. Не поможетъ ничто». Ты долженъ употреблять тотъ способъ, которымъ ты владѣешь: ты можешь говорить въ ихъ мысляхъ, въ ихъ совѣсти. Ты долженъ пользоваться всѣми возможными случаями, когда они останавливаются въ своихъ дѣлахъ, когда они на минуту утихаютъ, когда они вечеромъ успокаиваются или утромъ встаютъ и не успѣли еще приняться за дѣла и сдѣлаться глухими къ твоему голосу.

Вотъ въ этомъ именно и заключается небесное дѣло души.

«Однако, я навѣрное говорю напрасно,—подумалъ я.—Провожатаго моего нѣтъ уже здѣсь». Но чтобы испробовать, я все же еще прибавилъ:

— Теперь ты навѣрное хочешь узнать, откуда я, слѣпой и глухой, отжившій вѣкъ старикъ знаю такія дѣла. Пойми же тогда, что я стою ближе къ небу, чѣмъ ты. Ты же знаешь, что я ничего не вижу и не слышу. Смотри, вокругъ меня уже и теперь эта безконечная тишина неба, и я стою на порогѣ того безконечнаго зала, въ которомъ не

видно стѣнъ, въ которомъ нѣтъ пола и потолка. Ты долженъ еще многое утратить, прежде чѣмъ придешь на небо. Мнѣ же надо потерять только одинъ голосъ, который ты еще слышишь; и скоро, скоро я не буду уже въ состояніи обращаться къ тебѣ иначе, какъ черезъ твои же мысли.

Окончивъ этотъ разсказъ, я вдругъ почувствовалъ, какъ мягковолосая головка прижалась къ моей груди и нѣжныя руки обвились вокругъ меня. И хотя я не слышалъ, что̀ говорилъ онъ, но въ этой ласкѣ я могъ ясно прочитать его мысли: онъ представлялся мнѣ какъ бы слѣпымъ, который ищетъ защиты у зрящаго.

И мы пошли внизъ, подъ гору, рядомъ, опираясь другъ на друга. И послѣ долгихъ, долгихъ странствованій онъ привелъ меня въ эту теплую избу.

Такъ какъ я ничего не вижу и не слышу, я не знаю, много ли здѣсь въ избѣ людей и слушалъ ли кто-нибудь меня. Но если вы слушали, то я скажу вамъ: прекратите хоть на минуту ваши рѣчи, закройте глаза и прислушайтесь къ тому сокровенному духу, который говоритъ въ вашихъ сердцахъ. Сдѣлайте все, что можете, чтобы его воля на этой землѣ исполнилась возможно скорѣе, потому что многіе изъ отбывшихъ на небо должны были вновь возвратиться назадъ, чтобы духомъ сдѣлать то, чего не могли сдѣлать, будучи людьми.

Перевелъ **Э. Торніайненъ.**

СЫНЪ СВѢТА И СЧАСТЬЯ.

Разсказъ.

Переводъ съ финскаго. **А. Ярнефельдъ.**

Уже завывали послѣ лѣтнихъ бездождій первые осенніе порывы вѣтра. Лѣсъ шумѣлъ. Высокія лѣсныя ели съ бѣшенствомъ махали своими вѣтвями и густыя вершины сосенъ клонились по вѣтру. Сухіе и дуплистые стволы ломались и съ трескомъ валились на землю.

Маленькія лѣсныя мыши, жившія возлѣ старой сосны заботливо спрятались въ гнѣзда. Подъ сосною лежала груда обросшихъ мохомъ камней—прекрасное мѣсто для мышинаго гнѣзда,—а еще глубже, (дъ землею, между вѣтвями корней, проходили по всѣмъ направленіямъ тысячи извилистыхъ ходовъ. Грохотъ бури въ лѣсу доносился туда лишь слабыми отголосками гула, а глубже замирали и эти отдаленные звуки. Тамъ стоялъ постоянно одинаковый шумъ, какъ будто никакой бури и не было. Съ визгомъ гонялись мыши другъ за другомъ, когда заходила сюда какая-нибудь чужестранка изъ сосѣдняго гнѣзда. Въ этихъ мелкихъ раздорахъ съ чужими, но зато въ нѣжной любви къ своимъ время проходило у мышей незамѣтно и весело.

Нѣкоторый диссонансъ въ эту полную мирнаго довольства обстановку вносили тѣ мыши, которыя были еще слишкомъ молоды для того, чтобы думать о семейной жизни, но слишкомъ стары, чтобы оставаться дѣтьми. Отъ нечего дѣлать онѣ бѣгали по чужимъ гнѣздамъ, съѣдали чужіе запасы и были причиною постоянныхъ схватокъ. Всѣхъ хуже въ этомъ смыслѣ былъ одинъ мышонокъ, котораго можно было бы назвать «Храбрый». Откуда бы ни слышался шорохъ, можно было всегда съ увѣренностью сказать, что «Храбрый» тамъ. Онъ былъ крупнѣе и сильнѣе другихъ. Его легко было узнать еще и потому, что въ дракѣ онъ потерялъ какъ-то одно ухо. Однако, «Храбрый» былъ все же полезнымъ членомъ мышинаго царства, потому что онъ первый всегда узнавалъ и первый извѣщалъ объ общей опасности.

Соединительнымъ звеномъ между отдѣльными семьями была одна старая, почти умирающая беззубая полу-мышь, полу-крыса. Когда она разсказывала о своей молодости, всѣ мыши какъ бы сливались въ

одну семью и превращались въ одинъ слухъ. Она видѣла когда-то человѣческій міръ.

Можно отчасти догадываться, что значитъ для мыши человѣческая жизнь. Это что-то значительное, могучее, непонятное. Человѣкъ для мыши—это самое высокое, что только можно себѣ представить, это для нея Богъ. И человѣческій міръ, гдѣ блещутъ храмы своими золотыми куполами, гдѣ освѣщаемыя огнями ночи превращаются въ свѣтлые дни, гдѣ милліоны разумныхъ созданій безстрашно, не боясь никого, живутъ при свѣтѣ солнца, принадлежа къ одному и тому же огромному гнѣзду—это былъ міръ самаго высокаго счастья, какое мышь способна себѣ представить. Это былъ рай. И сердца мышей сжимались и трепетали, когда онѣ слышали разсказы объ этомъ мірѣ, затмевавшіе самое пылкое мышиное воображеніе. Въ такія минуты шумъ схватокъ умолкалъ и, сидя на заднихъ лапкахъ, враги и друзья, чужія и родныя, молодыя и старыя мыши всѣ вмѣстѣ слушали разсказъ. И въ наиболѣе интересныхъ мѣстахъ разсказа ихъ головы поворачивались и онѣ, выражая общее удивленіе, глядѣли другъ другу въ глаза.

Въ такихъ разсказахъ прошла и эта бурная ночь.

Время шло такъ быстро, что мыши и не замѣтили, какъ смолкъ грохотъ бури и все въ лѣсу затихло.

Вдругъ, какъ помѣшанная, вбѣгаетъ, не помня себя отъ испуга, одна изъ мышей, которая успѣла побывать наверху. Отъ нея не могутъ добиться ни слова, она такъ потрясена, сердце бьется такъ сильно, что она едва держится на ногахъ и въ изнеможеніи падаетъ въ уголъ.

«Храбрый» посылается наверхъ, чтобы разобраться въ причинѣ вызваннаго переполоха. Но и одноухій «Храбрый» возвращается назадъ и не скрываетъ, что и его бѣловатая грудь сильно волнуется. «Храбрый» не можетъ ничего объяснить, потому что ничего подобнаго никогда не видѣлъ и ничего не понимаетъ.

Страхъ обуялъ все общество. Мыши начинаютъ безпокойно шевелиться и всѣ требуютъ, чтобы старая мышь сама отправилась узнать, какая грозитъ имъ опасность. И можно ли изобразить общее удивленіе, когда эта старая мышь возвращается и сообщаетъ, что тамъ человѣкъ.

Человѣкъ! Охваченныя страхомъ мыши съ быстротою молніи разсыпаются по закоулкамъ и сидятъ въ своихъ гнѣздахъ, не шевелясь и чуть дыша.

Въ царствѣ мышей мертвая тишина.

Въ это время полумѣсяцъ выходитъ изъ-за тучъ и бросаетъ слабый свѣтъ на успокоившійся лѣсъ. Такъ же слабо освѣщается и мѣсто вокругъ старой сосны.

Тутъ былъ дѣйствительно человѣкъ.

Онъ едва-едва шевелится. Онъ какъ будто стоитъ на самой верхушкѣ каменной груды, наклонивъ голову на бокъ, и, погруженный въ глубокія думы, тихо покачивается.

Время идетъ.

Любопытство мышей, наконецъ, побѣждаетъ страхъ. И онѣ, робко слѣдуя одна за другой, приближаются къ выходу изъ гнѣзда. Бѣловатыя груди ихъ блестятъ при свѣтѣ мѣсяца. Онѣ подымаютъ свои тонкія лапки, нюхаютъ воздухъ, вглядываются вдаль своими черными глазами и, когда первое любопытство удовлетворено, поддаются снова страху и бросаются назадъ. Но лишь только хвостъ одной теряется въ темнотѣ, какъ острый носъ другой уже снова выдвигается впередъ. И пользуясь каждой щелью, каждымъ отверстіемъ, мыши съ любопытствомъ разсматриваютъ человѣка, желая узнать, каковъ изъ себя въ дѣйствительности этотъ сказочный сынъ свѣта и счастья.

Нѣкоторыя осмѣливаются даже приблизиться къ нему. Одна за другой оставляютъ онѣ темный выходъ гнѣзда и, то присѣдая, то уклоняясь въ стороны, подбѣгаютъ ближе, становятся на заднія лапки, вытягиваясь въ длину и стараясь понюхать ноги человѣка. Но до ногъ имъ не достать.

Но смотрите, однако, что дѣлаетъ, «Храбрый!»

Онъ взбирается вверхъ, по шероховатому стволу сосны, затѣмъ поворачиваетъ по первому же суку и вотъ онъ надъ головою человѣка. Не думаетъ ли онъ оттуда прыгнуть внизъ на голову человѣка? Нѣтъ, ему не надо прыгать. Онъ спускается по какому-то тонкому, едва замѣтному стержню осторожно внизъ. Это веревка. И теперь «Храбрый» уже на головѣ человѣка.

Скоро весь стволъ сосны былъ полонъ ползущихъ наверхъ мышей. Всѣ онѣ идутъ по той же дорогѣ, лѣзутъ по суку, спускаются по веревкѣ на голову, оттуда на плечи, потомъ на руки, обходятъ пальцы, ноги или подымаются обратно на плечи, на лицо и на уши, потому что всякій хочетъ самымъ подробнымъ, обстоятельнымъ образомъ изслѣдовать и какъ можно ближе осмотрѣть, каковъ изъ себя человѣкъ, этотъ сынъ свѣта и счастья, о которомъ до сихъ поръ имѣли такое смутное представленіе.

Перевелъ **Э. Торніайненъ.**

---

* * *

Точно видѣлъ я счастье чужое,
Бѣдный странникъ, въ хоромы взглянулъ:
Блескъ и море подъ нимъ голубое,
Тишина и ласкающій гулъ...
Кипарисы, какъ стройныя дѣвы,
Замечтались у моря и горъ...
Были чужды мнѣ моря напѣвы
И краса, ослѣпившая взоръ!
Тщетно сердце забыться хотѣло,
И отъ вѣчно цвѣтущей земли
Безпокойная мысль улетѣла
На покинутый сѣверъ вдали.
Все знакомое встало предъ взоромъ:
Неподвижная сѣрая высь,
Слезы медленно льются надъ боромъ,
Сосны жалобно стонутъ: «вернись»...

А. Лукьяновъ.

ПРИРОДА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ **А. М. Ѳедорова.**

(*Продолженіе* *).

Глава V.

Прошла пасхальная недѣля съ ея утомительно болтливымъ, скучно-бездѣльнымъ и безпорядочнымъ церковнымъ звономъ, съ пестрой, крикливой, шумной, праздной толпой, съ хмѣльнымъ, грубымъ ликованіемъ, со всей этой безтолковой суетой, въ которой Вѣтвицкій не видѣлъ и тѣни поэзіи, оправдывающей трогательное значеніе этого весенняго праздника.

Онъ почти всю недѣлю не выходилъ изъ дому: его оскорбляла и пугала эта толпа, не знающая, что ей дѣлать, куда направить свои бродящія отъ весенняго хмѣля и отъ непривычной бездѣятельности силы.

Всѣ необходимыя по случаю свадьбы хлопоты взялъ на себя Полозовъ. Эта новая для него дѣятельность не только занимала его, но и забавляла. Онъ даже оставилъ на время карточную игру и всѣхъ увѣрялъ, что отъ этой свадьбы больше всѣхъ выигрываетъ онъ, такъ какъ не играетъ. Но, несмотря на этотъ апокрифическій выигрышъ, его собственныя дѣла были очень плохи. Онъ не обращался за ссудой къ Вѣтвицкому, а между тѣмъ деньги теперь нужны были какъ никогда въ виду предстоящей свадьбы.

Требовалось и заплатить портному за новый фракъ, и поднести дорогой букетъ невѣстѣ. Всѣмъ этимъ обстоятельствамъ онъ придавалъ самое серьезное значеніе. Его удивляло и даже обижало, что Вѣтвицкій такъ равнодушно относится къ этимъ хлопотамъ, точно его не касались всѣ неизбѣжныя обстоятельства, сопряженныя съ близкимъ торжествомъ.

Если бы было возможно, Вѣтвицкій съ удовольствіемъ отказался бы отъ всѣхъ этихъ внѣшнихъ проявленій торжества, но

---

*) См. „Міръ Божій", № 8, августъ 1904 г.

онъ зналъ, что это огорчило бы Ирину, лишивъ ее красиваго очарованія свадебнаго празднества и еще болѣе огорчило бы ея мать, привыкшую къ извѣстнымъ традиціямъ.

— Скорѣе бы все это кончилось,—не разъ говорилъ онъ, брезгливо хмурясь, когда Полозовъ волей-неволей требовалъ его участія.

Эти дни онъ болѣе, чѣмъ когда-либо жилъ одиноко, цѣлыми часами ходилъ у себя наверху по большой пустынной залѣ, заложивъ за спину руки, отдаваясь странной тягучей тоскѣ.

Онъ любилъ Ирину. Она проникла въ его душу почти съ первой встрѣчи. Этотъ бракъ былъ неизбѣженъ. Но въ его домъ войдетъ другой человѣкъ, съ другой душой, въ которой останется всегда своя тайна, и войдетъ не только въ его домъ, но въ его жизнь, съ какими-то неестественными, но узаконенными правами на его мысль и душу. И даже въ эти послѣдніе часы его одинокой свободы, какъ-то сами собою, вплетались новыя цѣпкія нити, неустранимыя путы этой жизни. Онъ старался не думать о тысячѣ другихъ мелочей, которыя будутъ отлагаться отъ ихъ совмѣстнаго существованія, съ каждой минутой наслоянсь и твердѣя все болѣе и болѣе, пока не образуютъ тѣсную, крѣпкую раковину, оторваться отъ которой безъ смертельной боли, безъ потери самого себя, почти невозможно.

Эта раковина займетъ свое маленькое обособленное мѣсто въ жизни, въ этомъ океанѣ, гдѣ шумятъ волны вѣчной стихіи. Правда, онъ лично брезгливо сторонился этой жизни, не принималъ въ ней непосредственнаго участія, но его сближало съ ней искусство, тѣсно связанное съ его независимостью, съ его одиночествомъ.

Утромъ, въ день свадьбы, онъ, прежде всего, былъ обрадованъ тѣмъ, что нѣтъ мигрени. Ужъ одно это обстоятельство освѣжило его настроеніе; всѣ его сомнѣнія, опасенія и тоска потеряли свою жгучесть и остроту.

Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ портрету Ирины, глядѣлъ на него съ глубокой нѣжностью и тогда ему иначе представлялись новыя стороны этой будущей совмѣстной жизни, которыя не только не грозили нарушить теченіе его жизни, но, наоборотъ, обѣщали въ нее влить новыя, родственныя, свѣжія струи.

И день былъ пророчески улыбающійся, свѣтлый. Прозрачно шелковистая синева неба нѣжила глазъ, на морѣ кипѣла сильная, веселая жизнь, и въ густыхъ сочныхъ краскахъ воды уже чувствовалось присутствіе тепла, и въ полдень тепломъ вѣяло отъ нагрѣвшихся оконъ. Между двойными стеклами большихъ рамъ онъ случайно замѣтилъ пестренькую бабочку; она безпомощно то поднималась, ударяясь о стекла, то, сжавъ крылышки, припадала внизу. Вѣтвицкій поспѣшилъ открыть внутреннюю раму. Бабочка

влетѣла въ комнату прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выпустить ее на свободу, влетѣла и красивымъ золотистымъ пятнышкомъ замелькала подъ высокимъ матовымъ стекляннымъ потолкомъ комнаты, налитой хохочущимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Вѣтвицкій никогда не былъ суевѣренъ, но эта бабочка показалась ему настолько свѣтлымъ предзнаменованіемъ, что онъ рѣшилъ про себя:

«Непремѣнно скажу Иринѣ объ этомъ сегодня же. Она любитъ такія мелочи».

И эта черта въ ней, раньше вызывавшая насмѣшливую улыбку, на этотъ разъ пробудила трогательное и нѣжное чувство.

Полозовъ явился къ завтраку, до того тщательно подстриженный, торжественный и благоухающій какими-то новыми и дорогими духами, что Вѣтвицкій не могъ не улыбнуться.

— Я очень радъ, что вижу тебя такимъ веселымъ,—взволнованно проговорилъ Полозовъ, какъ будто пріятелю предстояло отправиться на войну.

Онъ сталъ болтливо сообщать ему о городскихъ толкахъ по поводу этой свадьбы, о волненіяхъ и приготовленіяхъ товарищей.

— Боюсь только, что въ церкви нестерпимо будетъ пахнуть бензиномъ отъ журавлиныхъ фраковъ и сюртуковъ,—замѣтилъ онъ.—Полунинъ сочиняетъ эпиталаму, Симоновъ, по секрету тебѣ, готовитъ сюрпризъ—чучело журавля. Всѣ роли распредѣлены самымъ строгимъ образомъ мною.

Маленькій маркизъ поднялся на такіе высокіе каблуки, что сталъ похожъ на каррикатуру Пизанской башни или на висячій камень. Онъ во что бы то ни стало мечтаетъ нести шлейфъ невѣсты, но я рѣшительно противъ этого: можетъ споткнуться на своихъ каблукахъ и сѣсть на шлейфъ; при этомъ такъ стучитъ какъ будто идетъ статуя командора.

Онъ едва не испортилъ жениху настроенія, сообщивъ, что церковь навѣрно будетъ полна самымъ избраннымъ обществомъ.

Вѣтвицкаго и безъ того смущала Богъ вѣсть откуда заползавшая смутная тревога, безпокоило безпричинное ожиданіе какой-то непріятной случайности.

Онъ высказалъ это Полозову.

— Э! Это всегда такъ думается! Когда на поѣздѣ дѣлаешь послѣдній перегонъ, непремѣнно ждешь, что какъ разъ на носу, у самой цѣли будетъ крушеніе. Ба!—вспомнилъ онъ.—У тебя есть фрачная рубаха?—Помнишь исторію съ Левинымъ?

Вѣтвицкій серьезно направился въ спальню, чтобы еще разъ убѣдиться, что у него необходимое готово. Полозовъ суетливо и озабоченно послѣдовалъ за нимъ.

Все было аккуратно развѣшано, разложено, въ строго обду-

манномъ порядкѣ, и бѣлая рубашка, съ вставленными уже въ нее запонками, блестѣла, какъ фарфоръ.

Вѣтвицкій взялъ товарища подъ руку и повелъ его по всѣмъ комнатамъ. Въ нихъ много было внесено новаго, деликатно-комфортабельнаго, расчитаннаго на женскій вкусъ; но чувствовалось, что женщина сюда еще не вошла.

Бывшая комната Полозова была обтянута мягкой матеріей такого же тона, какъ фонъ ея портрета.

Взглянувъ на свое прежнее убѣжище, преображенное до неузнаваемости, Полозовъ не могъ сдержать глубокаго вздоха.

Ему вспомнились эти же стѣны, пустыя и холодныя, когда онъ жилъ здѣсь,—и стало ихъ жаль. Онъ оставлялъ тутъ часть самого себя, своей души, своихъ мыслей, много дней и ночей своей ускользающей молодости, ни разу не согрѣтыхъ настоящей глубокой и чистой лаской...

«Гм...—подумалъ онъ про себя,—будь я на его мѣстѣ, никогда бы не устроилъ здѣсь будуара для своей жены».

Не желая поддаваться грустнымъ мыслямъ, онъ встряхнулся, взглянувъ на часы и комически воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Мнѣ пора! А хорошо все-таки быть женщиной!

Вѣтвицкій обѣдалъ одинъ, хотя почти ни къ чему не прикасался, и только изъ привычки не хотѣлъ нарушать обычнаго порядка.

До вѣнчанья оставалось два часа. За нимъ долженъ былъ заѣхать Николай.

Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь, неизбѣжной при этомъ шутливой вульгарностью, нарушилъ его возвышенно-чистое настроеніе.

Онъ медленно тщательно одѣлся для вѣнца и вышелъ изъ дому.

Церковь, въ которой онъ долженъ былъ вѣнчаться, стояла на окраинѣ города.

Онъ пѣшкомъ пошелъ по направленію къ этой церкви, умышленно избирая глухія улицы, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Былъ праздникъ. Чаще всего здѣсь ему попадались солдаты, то группами, то въ одиночку. Изъ открытыхъ оконъ высокаго облупленнаго дома, неожиданно выросшаго передъ нимъ, вырывались на воздухъ нестройные звуки пробуемыхъ духовыхъ инструментовъ, причемъ особенно смѣшно и отчетливо выдѣлялся звукъ мѣдной трубы, похожій на ржаніе жеребенка.

Пересѣкая пустырь, онъ вдали увидѣлъ полинявшій зеленоватый куполъ церкви и старую наивную колокольню. Хотя еще было рано, его потянуло туда. За оградой церкви нѣжно зеленѣлъ маленькій, топорщившійся садикъ. У открытой низенькой

калитки стояла группа бѣдно одѣтыхъ людей. На скамьѣ сидѣла старая женщина съ длиннымъ сверткомъ, прижатымъ къ груди. Проходя въ калитку, онъ замѣтилъ, какъ изъ свертка свѣтятся двумя влажными точечками младенческіе глазки, раздѣленные маленькимъ малиновымъ носикомъ.

Въ сердцѣ его дрогнуло что-то мягкое, нѣжное, чего онъ не испытывалъ никогда.

Церковь была еще заперта. Онъ обошелъ ее кругомъ и присѣлъ на низенькой лавочкѣ внутри садика.

Солнце закатывалось въ плотное облако на западѣ, оторачивая его золотой каймой. Небо вверху было водянисто-зеленое, и солнце, скользнувъ поверхъ облака послѣднимъ лучомъ, вонзилось въ край золоченаго креста и зажгло его, какъ уголекъ.

По широкой лѣстницѣ на паперть карабкался ребенокъ, воспользовавшись тѣмъ, что старая нянька его дремала. Онъ неотступно стремился къ какой-то цѣли; наконецъ, вкатившись на паперть, грузно поднялся и, переваливаясь на своихъ мягкихъ коротенькихъ ножкахъ, направился къ широкой желѣзной двери, и розовымъ неувѣреннымъ пальчикомъ сталъ цѣлить въ большую замочную скважину. Пальчикъ попалъ. Блѣдненькій ребенокъ въ своей сѣрой шубкѣ свѣтлымъ пятнышкомъ плотно прильнулъ къ огромной почернѣлой двери, съ любопытствомъ слѣдя за своей работой.

Русый широкобородый сторожъ, лоснящійся, точно весь облитый масломъ, степенно поднялся на паперть, позвякивая тяжелыми ключами и грузно стуча огромными сапогами по каменнымъ обтоптаннымъ плитамъ. На паперти онъ остановился, положилъ широкую ладонь на пушистый сѣрый капоръ ребенка, немного примявъ его, и ласковымъ басомъ прогудѣлъ:

— Ну, ты, машинистъ!

Машинистъ съ испугомъ взглянулъ на бородатое лицо, растерялся; пальчикъ въ замочной скважинѣ застрялъ и раздался тоненькій жалобный плачъ. Очнувшаяся нянька осовѣлыми глазами стала искать ребенка и бросилась къ нему.

Сторожъ медленно и значительно раскрылъ дверь, которая заныла въ униссонъ дѣтскаго плача.

Вѣтвицкому показалось, что тихій весенній вечеръ съ молитвеннымъ благоговѣйнымъ спокойствіемъ первый вошелъ въ открытый храмъ.

Группа людей отъ калитки двинулась къ церкви.

— Сейчасъ батюшка придетъ и окреститъ,—сказалъ сторожъ, пропуская ихъ.

Для Вѣтвицкаго этотъ обрядъ таинственно сочетался съ тѣмъ, что ждало его. Это было какъ бы благословеніе новой жизни.

Онъ пошелъ за ними. И когда вошелъ въ церковь, ему стало неловко, почти совѣстно: онъ боялся проявить фальшь, обидную для этого мѣста. Царскія ворота и весь амвонъ сіяли ярко притягательнымъ золотымъ свѣтомъ, но въ маленькомъ придѣлѣ, куда понесли ребенка, было по вечернему печально.

Вошелъ священникъ съ дѣловымъ озабоченнымъ лицомъ, и въ то время какъ у свѣчного столика записывались прибывшіе, онъ быстро прошелъ въ алтарь и тамъ снялъ съ себя верхнее платье. Затѣмъ вышелъ въ парадной шелковой рясѣ и эпитрахили; оглянулъ хозяйскимъ глазомъ церковь, люстры съ новыми свѣчами, оцѣпленными большими нитками и, на ходу дѣлая распоряженія, прошелъ торопящейся походкой въ придѣлъ, по дорогѣ бросивъ записывающимся:

— Скорѣй! Скорѣй!

Въ это время въ церковь внесли еще ребенка и за нимъ еще...

— Эка ихъ!—досадливо-удивленно буркнулъ дьякону священникъ.—И откуда только берутся? Ну, живѣй становитесь въ рядъ!

Бабы, спѣшно и путаясь въ тряпкахъ, развертывали младенцевъ и отдавали на руки крестнымъ, державшимся съ достоинствомъ, но не безъ испуга. Особенно этотъ испугъ выражался на лицѣ худого чахоточнаго извозчика, въ длинномъ широкомъ армякѣ, цѣплявшемся за его ноги.

Священникъ, дѣлая строгія лаконическія внушенія участвующимъ, торопливо бормоталъ молитвы и скоро три сморщенныхъ маленькихъ тѣльца бултыхнулъ одинъ за другимъ въ воду.

Вода, поблескивая, стекала съ этихъ безпомощныхъ жалкихъ тѣлецъ, которыя мягкими комочками съ ладони священника опрокидывались на пеленки.

Вѣтвицкій съ трогательнымъ любопытствомъ слѣдилъ за этими барахтающимися попискивающими тѣльцами. Особенно останавливало его взглядъ одно изъ нихъ, покрытое пушкомъ, какъ только что вылупившійся гусенокъ. Это было совсѣмъ крошечное существо, и Вѣтвицкому съ грустью вспомнилось, что онъ родился семимѣсячнымъ, и себя представилъ онъ такимъ же жалкимъ.

На хорахъ задвигались, зашуршали листы нотъ и пробно откашлялась октáва, наполняя пустоту храма густымъ гудѣніемъ. Въ церковь постепенно прибывалъ народъ.

Посрединѣ церкви, передъ аналоемъ, на четырехъугольномъ низенькомъ столикѣ, лежали парадые вѣнцы, и тутъ же стояла серебряная маленькая чаша съ виномъ. Передъ этимъ столикомъ служители разстилали большой коверъ.

Вѣтвицкій вышелъ изъ церкви.

Ту скамеечку, гдѣ онъ сидѣлъ, занимала теперь пара: гимназистъ и молоденькая дѣвушка съ счастливыми лицами тихо

бесѣдовали между собой. Ворота раскрыли настежъ, и около нихъ появились городовые и околоточный съ туго-перетянутымъ животомъ и съ недовольно-брезгливымъ видомъ.

Вѣтвицкій прошелъ на другую сторону и около красненькаго церковнаго домика съ цвѣтами на окнахъ и бѣлыми занавѣсками сѣлъ на скамью, неподалеку отъ которой, на сухой землѣ, босые мальчики играли въ перышки, стукая ихъ о деревянный заборъ. Онъ рѣшилъ здѣсь, незамѣчаемый входящими въ церковь, ждать начала церемоніи.

Ему видно было, какъ подъѣзжали кареты къ паперти и прямо на сухія каменныя плиты, вслѣдъ за черными лакированными ботинками, выпархивали легкія ножки въ свѣтлыхъ башмачкахъ.

Онъ видѣлъ нѣсколькихъ своихъ товарищей, подъѣхавшихъ на извощикѣ къ воротамъ и группой сбиравшихся у церкви, и между ними Лосьева, который ему показался блѣднѣе и строже обыкновеннаго.

Когда пріѣхалъ Полозовъ, онъ пошелъ ему на встрѣчу. Полозовъ, пропустивъ свою даму въ церковь, удивленно воскликнулъ:

— Какъ, ты уже здѣсь? А Николай рветъ и мечетъ, ждетъ у тебя дома.

— Пустяки. Пошли свою карету къ нему.

Онъ сдержанно поздоровался съ товарищами и пошелъ въ церковь. Лосьевъ холодно, почти недоброжелательно взглянулъ ему вслѣдъ, направился къ своей каретѣ и уѣхалъ за невѣстой.

Церковь сразу приняла нарядный торжественный видъ. Пылали свѣчи, и лики иконъ казались еще темнѣе въ своихъ витіеватыхъ сверкающихъ рамахъ и ризахъ.

Пестрѣли живые цвѣты въ букетахъ, пестрѣли свѣтлые цвѣта легкихъ платьевъ, блестѣли влажные молодые глаза. И запахъ живыхъ цвѣтовъ, духовъ и воска дѣлалъ воздухъ прянымъ и густымъ; и въ этотъ воздухъ вливался легкій угаръ отъ угля, разжигающаго ладонъ.

Отъ нарядной свѣтлой толпы, стоявшей особнякомъ, отъ темной толпы любопытныхъ и отъ пѣвчихъ, съ хоръ и отъ тихой бесѣды священника съ дьякономъ въ алтарѣ, шелъ мѣрный, колеблющійся родственный этому воздуху гулъ.

Вѣтвицкій хотѣлъ эти послѣднія минуты остаться незамѣченнымъ въ церкви и стоялъ одиноко въ углу, въ придѣлѣ, гдѣ полчаса тому назадъ крестили дѣтей.

Товарищи понимали его настроеніе и не подходили.

Но вдругъ въ церкви все стало ярче, все задвигалось и притихло, къ нему быстро взволнованно подошелъ Полозовъ и сказалъ:

— Иди.

Онъ двинулся къ двери, которую сразу широко распахнули. Вошла она, и призывно и нѣжно грянулъ хоръ:

«Гряди! Гряди!»

И сразу смолкъ, точно взрывъ голосовъ куда-то провалился. И пока тамъ, въ глубокомъ куполѣ, еще гудѣло эхо дружнаго и мощнаго хора голосовъ, два чистыхъ дѣтскихъ голоса, переплетаясь, какъ два ручейка, и нѣжно звеня, носились въ этомъ пряномъ воздухѣ:

«Отъ Лива-а-на невѣста».

Что-то дрогнуло, всколыхнулось у Вѣтвицкаго въ груди, и, почти не различая ея лица, видя передъ собой только легкое, бѣлое трогательное видѣніе, онъ подалъ ей руку.

Такъ они прошли среди тѣснившихся по обѣ стороны и жадно осматривавшихъ ихъ любопытныхъ, которые, не глядя другъ на друга, вслухъ дѣлали замѣчанія.

Священникъ, еще молодой, съ одутловатымъ лицомъ и мягкой рѣдкой бородкой, одѣтый въ нарядное облаченіе, пошелъ имъ на встрѣчу. Женихъ всталъ не съ той стороны; онъ вѣжливо перевелъ его и, соединивъ ихъ руки, подвелъ къ аналою.

Вѣтвицкій ждалъ трогательныхъ словъ молитвы и былъ непріятно пораженъ, когда услышалъ слащавый голосъ священника, въ пухлыхъ губахъ котораго какъ бы застрявали слова.

Священникъ протянулъ кольца, чтобы одѣть ихъ на руки жениха и невѣтты. Вѣтвицкій растерянно зашевелилъ всѣми, пятью пальцами, не зная, который палецъ подставить.

Священникъ сказалъ:

— Трижды обмѣняйтесь.

Они неловко мѣнялись кольцами, боясь, какъ бы не выронить ихъ изъ дрожащихъ и путающихся пальцевъ.

Искоса взглядывая на Ирину, онъ замѣчалъ, какъ у нея то приливала къ лицу, то отливала кровь, оставляя на щекахъ розовыя пятна. Отъ пережитаго дня онъ чувствовалъ усталость и покой сбывшагося ожиданія. Священникъ съ придыханіями тянулъ неясныя слова, и Вѣтвицкій нетерпѣливо ждалъ, чтобы эта церемонія скорѣе кончилась.

Она же съ благоговѣніемъ внимала священнику и пѣвчимъ, большими сосредоточенными глазами смотря куда-то въ безпредметную даль, какъ бы въ самую глубь творившагося таинства.

Священникъ, стряхнувъ ризу съ пухлой руки въ блестящемъ нарукавникѣ, торжественно поднялъ вѣнецъ и, благословивъ имъ жениха, простеръ надъ головой жениха вѣнецъ, принятый Николаемъ. И затѣмъ, взявъ другой вѣнецъ и, благословивъ имъ

болѣе заботливо и мягко невѣсту, передалъ вѣнецъ надъ ней въ руку Лосьева. Хоръ грянулъ:

«Возложилъ еси на главы ихъ вѣнцы».

Плечи невѣсты вздрогнули, пламя ея свѣчи колыхнулось и густая струйка воска медленно потекла на бѣлый цвѣтокъ, украшавшій свѣчу.

По щекамъ ея катились крупныя чистыя слезы.

Въ чужой толпѣ раздался шопотъ:

— Невѣста плачетъ.

Онъ услышалъ это, съ удивленіемъ взглянулъ на Ирину и угломъ глаза замѣтилъ руку Лосьева, твердо державшую вѣнецъ надъ ея головой.

Лосьеву казалось, что, участвуя въ этомъ торжествѣ, онъ совершаетъ непоправимое преступленіе по отношенію самого себя. Съ отравленнымъ наслажденіемъ отдавался онъ этой мысли, переполнявшей его глухимъ предчувствіемъ, что ему никогда, никогда не суждено будетъ пережить того, что переживаетъ тотъ, стоящій рядомъ съ ней.

Онъ злобно взглянулъ на блѣдный, тонкій профиль Вѣтвицкаго съ синеватыми кругами, въ которые запали его усталые глаза, и перевелъ взглядъ на коронку флеръ-д'оранжа, украшавшую ея бѣлокурые пушистые волосы, на ея круглую высокую шею, сквозившую изъ-подъ вуаля и горѣвшія отъ волненія уши. Вся ея тонкая бѣлая фигурка подъ паутиною тюля обозначалась легкими, волнующимися контурами.

Она была, какъ бы окутана весеннимъ утреннимъ паромъ, и сквозь него онъ видѣлъ печально мерцавшую свѣчу въ ея рукѣ, а также священника, который казался призрачнымъ и воочію творившимъ таинство.

Онъ былъ такъ близокъ отъ нея, что самъ видѣлъ, какъ иногда отъ его дыханія шевелилась эта воздушная паутинная ткань, и вся она представлялась ему такой слабой, что онъ испытывалъ къ ней глубокую жалость и беззавѣтное желаніе пожертвовать для нея всей своей силой.

Въ эти послѣдніе дни онъ раза два видѣлъ ее, заходя къ Николаю, и каждый разъ замѣчалъ тревожное вниманіе ея къ себѣ, внушавшее ему какую-то отдаленную и смутную надежду, нисколько не противорѣчившую, однако, тому здоровому чувству, которое все сильнѣе и сильнѣе внушала ему Уника.

Однажды онъ въ разговорѣ съ Ириной, какъ бы случайно, но многозначительно уронилъ ничего не значущую фразу: «Самые важные поступки въ нашей жизни чаще всего бываютъ опрометчивы, потому что все важное неожиданно и непредвидимо».

Она пристально на него взглянула и съ внезапно вспыхнув-

шей въ лицѣ краской сказала: «вы... недобрый человѣкъ», на что онъ съ страстной искренностью возразилъ: «никто въ мірѣ не желаетъ вамъ добра такъ, какъ я!»

Она молча посмотрѣла на него, сдѣлала движеніе уйти, но потомъ повернулась и сказала, почти умоляя: «Если вы правду сказали... вотъ эти послѣднія слова... Не говорите ничего такого, что говорили раньше... Это жестоко»... И ушла.

Ему стало стыдно, какъ будто онъ отнялъ у ребенка игрушку. Теперь, вспоминая эту сцену и недоразумѣніе съ букетомъ, онъ чувствовалъ непонятное раздраженіе на себя, недовольство собою. И тутъ отчасти была замѣшана Уника.

— Хочешь, я тебя смѣню? — шепнулъ Полозовъ Лосьеву, который даже не перемѣнилъ руку, несмотря на то, что она начинала у него уставать.

Онъ только отрицательно покачалъ головою и замѣтилъ при этомъ, что Николая уже смѣнилъ самый высокій изъ журавлей— Виртъ.

Пѣвчіе запѣли «Исаія ликуй», и священникъ, взявъ руки жениха и невѣсты, повелъ ихъ вокругъ аналоя. Шафера неловко, бокомъ послѣдовали за ними, держа вѣнцы надъ ихъ головами.

Вѣтвицкій замѣтилъ впереди толпы опять знакомую юную пару. Прижавшись другъ къ другу, они завистливо-восторженными глазами глядѣли на шествіе.

На него пахнуло прежнимъ весеннимъ тепломъ и онъ тихо пожалъ пальцы Ирины и ощутилъ отвѣтное пожатіе, легкое, какъ трепетъ.

При поворотѣ у Ирины завернулся шлейфъ. Маркизъ бросился поправить его, но едва не потерялъ равновѣсіе, благодаря своимъ высокимъ каблукамъ, страшно сконфузился и съ ненавистью посмотрѣлъ на товарищей.

Товарищи сдержанно засмѣялись, а букеты дамъ поднялись къ лицу, чтобы скрыть невольныя улыбки.

Лосьевъ осторожно слѣдовалъ нѣсколько сбоку за Ириной. Иногда ея серебрящійся шлейфъ, шурша, ложился ему на ноги и онъ испытывалъ жуткій холодокъ, который отъ ногъ мгновенно охватывалъ его тѣло. Было что-то мучительно знакомое въ этомъ ощущеніи. Что оно напоминало ему? Что? Онъ силился вспомнить. И его тянуло за нею томительно и неумолимо, и иногда казалось, что онъ такъ будетъ слѣдовать за нею вѣчно, а когда откажутся ноги, поползетъ на колѣняхъ, цѣлуя этотъ снѣжный, змѣящійся шлейфъ ея платья.

Но тутъ же пронизывала его мысль, что скоро все это кончится, и ея хрупкое тѣло, принадлежащее сейчасъ только одной природѣ, составляющее съ нею одно цѣлое, какъ цвѣтокъ, рас-

цвѣтшій на деревѣ,—оно будетъ оторвано, и осуждено на гибель, на увяданіе.

«Она не должна! Не должна была за него выходить замужъ! Это несчастная ошибка! Ложь!» кричало въ немъ сердце, въ первый разъ съ такой безпощадной ясностью, когда они еще мѣнялись кольцами, и острая ревность и негодованіе закипали въ немъ съ невыносимою горечью. Онъ желалъ и ждалъ какой-то неожиданной катастрофы, молніи, пожара, землетрясенія, чего-нибудь страшнаго, что спасло бы ее и, можетъ быть, его самого или, по крайней мѣрѣ, его счастье.

На чемъ создалась эта ложь? Неужели на искусствѣ? Но его искусство—ветошь, фальшь, которой мѣсто въ архивѣ. Неужели она не поняла, что въ его искусствѣ нѣтъ ни одного зерна для 9удущаго! И оно могло подкупить ее, приблизить къ нему! Но тогда это не искусство, а старая подрумяненная сводня, которая губитъ неопытныя души, принижаетъ ихъ. И какъ никто ей не объяснилъ этой правды? Отчего онъ не сдѣлалъ этого самъ? «Но развѣ она повѣрила бы мнѣ?» спросилъ онъ себя. «Нѣтъ, нѣтъ! Да и къ чему бы это привело?»

Но теперь онъ уже не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ такъ опредѣленно, какъ за часъ назадъ.

Онъ очнулся, когда священникъ взялъ у него изъ рукъ вѣнецъ. Лосьевъ понялъ, что съ этимъ отошла послѣдняя заря его юности.

Когда всѣ поздравляли новобрачныхъ, онъ замѣшался въ толпу и, незамѣченный, вышелъ на паперть. Звѣздъ не было. Небо, скрытое облаками, низко осѣло; пахло дождемъ. Молодой садъ притаился въ темнотѣ и, растопыривъ чуткія, тонкія вѣточки, чего-то ждалъ. Можетъ быть, первой грозы.

— Да, да, будетъ гроза, — услышалъ онъ за собою голосъ Полунина.—Я всегда это чувствую, какъ тревогу передъ своими новыми стихами. Это вы, Лосьевъ? — подался онъ къ нему въ темнотѣ.—Поѣдемте вмѣстѣ. Вотъ и Перовскій съ нами. Освѣжимся немного, прежде чѣмъ отправиться туда. У меня въ глазахъ рябитъ отъ этихъ свѣчъ и кружится голова отъ пѣнія и церковнаго воздуха. Ну, что, братъ? — неопредѣленно и ласково обратился онъ къ Перовскому, когда они сѣли въ коляску.

Перовскій снялъ шляпу, провелъ по волосамъ и не сразу отвѣтилъ своимъ грустнымъ глуховатымъ голосомъ.

— Каждый разъ, какъ я присутствую при этой увертюрѣ человѣческаго счастья, мнѣ грустно до слезъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, откинувъ назадъ голову.

Полунинъ поднялъ на него глаза изъ-подъ высокихъ набѣгающихъ вѣкъ, и тотъ, какъ бы понявъ его взглядъ, задумчиво продолжалъ:

— Помнишь, братъ, какъ мы съ тобой, ночью, пріѣхали въ Фицъ-Нау, чтобы съ зарей подняться на Риги-Кульмъ смотрѣть восходъ солнца? Ночь была темная, похожая на эту. Мы смотрѣли вдаль, стараясь въ темнотѣ разглядѣть контуры величественныхъ горъ. Мы бесѣдовали о чистыхъ снѣжныхъ вершинахъ, которыя солнце цѣлуетъ, какъ невѣстъ, своими первыми лучами. На фонѣ неба вырисовывались грандіозные черные провалы и мы съ паѳосомъ, со слезами радости въ голосѣ говорили: «Вотъ они, эти вѣчные дѣвственные алтари природы! Завтра мы будемъ тамъ, на вершинѣ, близко къ небу». Отъ волненія ожиданія мы не спали всю ночь. А на разсвѣтѣ... — горько протянулъ онъ,—мы увидѣли, что горы отъ насъ далеко. Мы убѣдились, что нѣмецъ, указавшій намъ этотъ путь, тупо подшутилъ надъ нами. И попали мы не въ Фицъ-Нау, а совсѣмъ въ другую сторону.

Глава VI.

Когда они пріѣхали въ домъ Падариныхъ, все общество было тамъ въ сборѣ. И всѣ трое вошедшихъ, молча переглянувшись, уже на порогѣ гостиной почувствовали всю неестественность и ненужность этого празднества.

«И зачѣмъ только я пришелъ сюда!—упрекнулъ себя Лосьевъ. «Уйти развѣ?» Но какое-то неестественное любопытство удержало его и онъ вошелъ въ залъ въ то самое время, какъ одна изъ подругъ Ирины, пѣвица съ типично красивымъ лицомъ артистки, стоя у рояля, пѣла арію изъ «Аиды» сильнымъ молодымъ голосомъ, наполняя звуками ярко освѣщенную комнату.

Онъ сталъ искать глазами Ирину и увидѣлъ ее сквозь отворенную дверь въ сосѣдней комнатѣ; она тихо разговаривала съ матерью, у которой были заплаканные глаза, но веселое лицо, въ то время какъ Вѣтвицкій съ отцомъ ея стояли въ углу залы, и по лицамъ ихъ было видно, что они говорили о вещахъ посторонныхъ и не интересныхъ для нихъ.

Остальные гости, и молодыя дѣвушки, и дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ, и мужчины въ черныхъ фракахъ, дѣлали видъ, что со вниманіемъ слушаютъ пѣвицу, и было ясно, что, когда окончится пѣніе, они не будутъ знать, что имъ дѣлать, и всѣмъ поневолѣ придется лгать каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ.

Художники какъ-то стѣснились въ одну группу и чувствовали себя особенно неловко среди чужого и чуждаго имъ общества.

Бугаевъ, весь красный, съ головой напряженно торчащей изъ бѣлыхъ тугихъ воротничковъ, не выдержалъ, наконецъ, и, искоса взглянувъ въ столовую, пробормоталъ, обращаясь къ Плотникову:

— Хоть бы водки скорѣе дали!

Тотъ шевельнулъ ноздрями и простодушно отвѣтилъ:

— Гм... да, дурацкое положеніе. Что, братъ, Симонеско?— подтолкнулъ онъ Симонова, который поддразнивалъ пестраго попугая, съ недоумѣніемъ оглядывавшаго круглыми умными глазами толпу.

— Да вотъ смотрю: хорошо бы изъ него чучело сдѣлать.

Это развеселило товарищей. И Николай увѣрялъ, что, даже глядя на ту хорошенькую, граціозную барышню въ голубомъ платьѣ, танцующую съ маркизомъ, Симоновъ думаетъ только одно: «хорошо бы изъ нея чучелу сдѣлать».

Во время танцевъ маркизъ поразилъ всѣхъ своей неутомимостью. Его маленькая, изящная фигурка въ черномъ фракѣ сливалось то съ розовымъ, то съ зеленоватымъ, то съ сиреневымъ фономъ. Онъ даже подходилъ къ танцамъ своею элегантностью. Только одинъ Соловковъ желчно утверждалъ, что у всѣхъ танцующихъ мужчинъ неизбѣжно глупыя лица и что имѣютъ право танцовать только военные.

Полозовъ, увлеченный этимъ ритмическимъ движеніемъ, переливами красочныхъ пятенъ и рефлексовъ на шелковыхъ тканяхъ, увлекъ и товарищей своимъ восторгомъ.

— Чортъ возьми! — говорилъ онъ.—Я вижу, что для передачи движенія нужны не столько позы, сколько красочныя отношенія. Положительно все чаще и чаще мнѣ приходитъ въ голову, что въ техникѣ живописи должна произойти коренная реформа.

— Да, да,—возбужденно подтвердилъ Виртъ.—Я вѣрю, что въ краскахъ можно будетъ передавать даже музыку, эти звуки, порхающіе здѣсь, какъ стаи невидимыхъ птицъ или пестрыхъ веселыхъ бабочекъ! И тогда мы будемъ давать нашимъ картинамъ не литературныя, а музыкальныя названія.

— Опоздалъ. Уистлеръ уже давно сдѣлалъ это.

— Ну, сперва краски-то умѣй передавать, какъ надо, а въ музыку нечего забираться.

Лосьевъ встрѣтился глазами съ Ириной, которая стояла въ дверяхъ, вся взволнованная и притворно улыбающаяся.

Она обвела глазами комнату и, когда встрѣтила его взглядъ, улыбка сразу погасла на ея лицѣ.

Онъ черезъ всю залу направился къ ней осторожной, какъ будто хищной походкой.

Музыка умѣряла и тушевала послѣдніе звуки вальса.

Ирина догадалась о его намѣреніи и испугалась. Но въ это время молодой человѣкъ съ длинными, гибкими ногами, съ бле-

стѣвшимъ отъ усердія лбомъ, съ поднятыми руками скользнулъ къ таперу и съ выраженіемъ ужаса въ лицѣ задыхающимся голосомъ воскликнулъ:

— Продолжайте! Продолжайте!

И самъ на лету подхватилъ пѣвицу и закружился съ ней.

Ирина неохотно положила тонкую руку на плечо Лосьева и ощутила на таліи его осторожно, увѣренно прижатые пальцы.

Онъ началъ медленнымъ темпомъ, говоря ей независимо отъ своихъ движеній, въ которыхъ она сразу почувствовала увлекающую плавность.

— Я не поздравилъ васъ, но я имѣю обыкновеніе поздравлять вѣнчающихся, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ.

Она инстинктивно сдѣлала движеніе отъ него, продолжая въ то же самое время вальсъ, но твердое кольцо его руки приковывало ея талію.

Она шевельнула губами и почувствовала, что губы ея стали сухими, беззвучными, и ощутительно до ясности на нее пахнулъ ароматъ присланныхъ имъ когда-то цвѣтовъ, которыми она такъ обманчиво упивалась въ постели. Въ ту же минуту она мимолетно уловила устало - вопросительный взглядъ мужа и, сдѣлавъ усиліе, оборвала движеніе танца какъ разъ подлѣ него, и шлейфъ ея платья снова окуталъ ноги Лосьева. И какъ только она остановилась подлѣ мужа, на губахъ ея опять появилась та же принужденная улыбка, въ то время какъ все ея лицо и глаза выражали смущеніе, застѣнчивость и желаніе, чтобы поскорѣе окончилось все это, не идущее и даже оскорбительное для такого возвышеннаго и чистаго событія, веселье.

Они ни однимъ словомъ не обмѣнялись по этому поводу, наоборотъ, старались дѣлать видъ, что принимаютъ этотъ обычай, какъ должное. Только наканунѣ онъ какъ-то вскользь выразилъ ей сожалѣніе, что нѣтъ вечерняго поѣзда, на которомъ они тотчасъ же послѣ вѣнца могли бы уѣхать заграницу.

А впереди еще ждалъ ужинъ съ неизбѣжными шампанскимъ, тостами и разными плоскими традиціонными приговариваніями и даже прибаутками.

Прежде чѣмъ молодые уѣхали домой, Лосьевъ однимъ изъ первыхъ вышелъ на воздухъ. Голова его была тяжела отъ выпитаго въ большомъ количествѣ шампанскаго.

Вино никогда не веселило его, а только усиливало и обостряло настроеніе, въ которомъ онъ находился, когда пилъ.

Къ этому еще примѣшивалось недовольство собой за тѣ слова, вырвавшіяся у него, между прочимъ, въ рѣчи, которыя онъ сказалъ, раздраженный банальными тостами.

Счастье—творчество. Но чтобы быть счастливымъ, надо помимо таланта имѣть удачу. Надо въ натурѣ найти полнозвучный отвѣтъ на самого себя.

Ему было одиноко и томительно, какъ будто онъ несъ въ себѣ всю эту ночь съ черными тучами и давящей тишиной. Хотѣлось грозы или слезъ. Но онъ никогда не плакалъ ни отъ тоски, ни отъ страданій.

Онъ запрокинулъ голову и почувствовалъ каплю на своей щекѣ.

—Ужъ не плачу - ли я?—насмѣшливо, вслухъ спросилъ онъ самъ себя.

Упала другая капля, третья, небо дохнуло на него влагой гой и полилъ дождь. Первый весенній, частый, крупный дождь, грозившій превратиться въ ливень.

Ему пришла мысль укрыться, но потомъ, онъ, съ какой-то досадной горечью сказалъ самъ себѣ: «пускай», и съ болѣзненнымъ наслажденіемъ ощутилъ, какъ холодныя капли побѣжали по лицу, заползая за воротникъ рубашки.

Дождь застучалъ по желѣзнымъ крышамъ, зашумѣлъ въ вѣтвяхъ, вздрагивавшихъ отъ него деревьевъ; зашлепалъ по землѣ и обливалъ Лосьева съ головы до ногъ, струясь по полямъ его шляпы, ощутительно проникая къ тѣлу.

Откуда-то донесся сдавленный, отчаянный голосъ:

— Извозчикъ!

Гдѣ-то затрещали колеса, и стукъ ихъ тоже казался мокрымъ.

Тонкія ботинки скоро промокли; платье отяжелѣло и оттягивало плечи; тѣло ощущало влажную сырость, и онъ съ раздраженіемъ и злобой думалъ: «Хорошо бы теперь заболѣть, потерять сознаніе и бредить въ горячкѣ тропическими цвѣтами, необыкновенными птицами и ея любовью!» Онъ не хотѣлъ обладанія ею; онъ хотѣлъ только ея близости, ея голоса, ея глазъ, ея улыбки, той особенной чистоты и мягкости, которой онъ никогда не зналъ и ни въ комъ не видѣлъ, кромѣ нея. Именно этого недоставало для его жизни, даже для его искусства.

«Да, да, именно этого».

Онъ всегда угадывалъ этотъ недостатокъ въ своей работѣ и напрасно добивался придать глинѣ и мрамору то, чего ему самому не давала судьба.

Онъ былъ увѣренъ, что въ ней не можетъ не быть отвѣта на эти чувства, которыя стонали и клокотали въ немъ. Онъ предчувствовалъ это уже тогда, когда только что увидѣлъ ея портретъ, но ему помѣшало повѣрить своему предчувствію то разлагающее, живущее въ самой его крови, что всегда становилось на его пути, мѣшало ему всецѣло повѣрить въ ту природу, ко-

торую онъ призывалъ, могущество которой онъ чувствовалъ и тайну которой исповѣдывалъ.

Онъ, гордый и свободный въ своихъ желаніяхъ, былъ спутанъ какой-то непостижимой силой, привитой ему, враждебной той природѣ, властной и непоколебимой, которой онъ поклонялся.

Она его раздражала, но она въ немъ жила.

Онъ съ удивленіемъ и восторгомъ встрѣтилъ въ Уникѣ эту цѣльность и стихійную непреодолимость.

При воспоминаніи объ Уникѣ, онъ почувствовалъ какъ бы нѣкоторое равновѣсіе и сдѣлалъ усиліе стряхнуть съ себя этотъ гнетъ. Онъ даже остановился, стиснулъ зубы и закрылъ глаза, чтобы собраться съ силами, какъ будто этотъ гнетъ былъ не въ немъ самомъ, а на немъ.

Но тутъ же отъ неопредѣленной тревоги, открывъ глаза, онъ невольно попятился въ сторону.

Въ темнотѣ, прямо передъ нимъ, у высокой чугунной рѣшетки моста стояла мало похожая на человѣка фигура—кошмарный образъ Гофманской фантазіи. Онъ стоялъ передъ нимъ, согнувшись, какъ корявый сукъ, почти касаясь длинными, безпомощно висѣвшими руками земли. Судя по его вздымавшейся и опускавшейся спинѣ, онъ задыхался, а дождь слышно упадалъ на его скрюченную фигуру, точно хотѣлъ смыть его съ поверхности въ черную щель узкой смрадной улицы, шедшей глубоко внизу, прямо къ морю. Съ этого моста не разъ бросались внизъ самоубійцы, разбиваясь о мостовую, и въ предупрежденіе подобныхъ несчастій поставили по обѣ стороны тонкую, въ ростъ человѣка рѣшетку.

Лосьевъ узналъ этотъ мостъ, а затѣмъ узналъ и этого несчастнаго старика, который и тринадцать лѣтъ тому назадъ бродилъ по городу, согнутый ужасной болѣзнью, задыхающійся и нищій.

Онъ перевелъ дыханіе съ досадой на острую жалость, которой укололь его старикъ; чтобы отвязаться отъ этой жалости, сунулъ ему въ руку деньги и пошелъ своей дорогой, дрожа отъ внезапно охватившаго его холода и слабости.

Домъ его весь былъ въ темнотѣ, и въ вѣтвяхъ деревьевъ ливень шумѣлъ и гудѣлъ, какъ море. Онъ рѣшилъ пройти черезъ мастерскую, чтобы не безпокоить прислугу. Ключъ лежалъ въ боковомъ карманѣ пальто, слипшемся отъ дождя. Онъ съ трудомъ извлекъ его оттуда и ощупью сталъ искать замочную скважину. Руки его дрожали и, даже попавъ ключомъ въ скважину, онъ отъ нетерпѣнія не сразу могъ открыть дверь.

У двери направо, на тумбѣ, онъ зналъ, лежала коробочка спи-

чекъ и стояла свѣча! Онъ нащупалъ ее, чиркнулъ спичку и зажегъ свѣчу.

Пламя разгорѣлось не сразу. Онъ стоялъ, тупо глядя на него и слушая, какъ дождь настойчиво и мѣрно барабанитъ о желѣзную крышу, и вся она содрогается и гудитъ отъ него, и кажется, что стая испуганныхъ птицъ бѣгаетъ по ней и стучитъ твердыми клювами и хлопаетъ широкими крыльями.

Онъ оглянулъ мастерскую и прежде всего остановилъ глаза на работѣ, окутанной мокрыми тряпками, но тотчасъ же перевелъ ихъ направо, разслышавъ не то вздохъ, не то стонъ.

Въ углу широкаго дивана онъ увидѣлъ стоящую на колѣняхъ и въ порывѣ изумленія, почти испуга, замершую Унику.

Она ждала его, можетъ быть задремала, и теперь, разглядѣвъ его въ такомъ видѣ, пораженная не могла сразу придти въ себя.

— Что съ тобою? Что съ тобою? Съ тебя льетъ вода! Ты промокъ подъ дождемъ? Ты боленъ!—внѣ себя говорила она, дотрогиваясь до его промокшаго платья, до его рукъ и лица.

На нее пахнуло запахомъ вина и мелькнуло подозрѣніе, что онъ опьянѣлъ.

— Раздѣнься, скорѣе раздѣнься! У тебя жаръ. Я побѣгу за докторомъ.

Она стягивала съ него отяжелѣвшее мокрое платье, отъ котораго образовывались цѣлыя лужи на полу... Пальто, фракъ, который также промокъ... Ея руки, дрожа и путаясь, снимали съ него все, а онъ покорно повиновался, чувствуя, какъ голова его теперь тяжелѣла совсѣмъ уже не отъ вина, подъ кожей разливался ноющій и шумящій жаръ, а ноги стали какъ деревянныя.

Онъ силился что-то вспомнить, что-то установить, но вмѣсто мыслей хваталъ обрывки клубящихся и путающихся разноцвѣтныхъ лентъ и огненныхъ, безконечно и стремительно вытягивающихся нитей. Воображеніе его въ то же время отдаленно требовало чего-то настойчиво упорно. Да,. да, именно! Миндальнаго пирожнаго... Онъ понялъ почему.

— Миндальнаго пирожнаго,—пробормоталъ онъ, но она его не поняла, и онъ на время забылъ о немъ.

«Я либо пьянъ, либо простудился», равнодушно подумалъ онъ, но все же у него достало силы воли и мысли, чтобы сказать ей:

— Зачѣмъ доктора! Не надо, не надо. Это хорошо.

Онъ закрылъ глаза и двинулся за ней, обхвативъ ея талію, и ему представлялось, что онъ закружился съ ней въ вальсѣ и понесся куда-то въ вышину съ захватывающей духъ быстротой

подъ музыку, все стремительнѣй и бѣшенѣй путающихся разноцвѣтныхъ лентъ и огненныхъ нитей, бормоча пересыхающимися губами:

«Такъ хорошо... Хорошо... Но такъ поздно... ночью... здѣсь... Дома о тебѣ будутъ тревожиться».

Она успокоила его, хотя знала, что дома, дѣйствительно, придется лгать не для себя, а чтобы не огорчать домашнихъ. Ложь вообще была ей въ корнѣ противна, она не лгала бы даже изъ гордости, но лгать для этого ей нисколько казалось не стыдно.

Она заботливо, съ трудомъ, сняла съ него промокшую обувь и онъ отдавался этому съ дѣтской безпомощностью, покорностью и удовольствіемъ.

Она даже нашла водку и, когда растерла его сильными и ловкими руками и уложила его въ постель, отъ которой пахло свѣжимъ бѣльемъ, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ растроганнымъ, расплавленнымъ, маленькимъ, какъ ребенокъ и острая горечь его растворилась въ этомъ разливающемся по всему тѣлу пріятномъ томленіи.

Она то рукой, то губами притрогивалась къ его лицу и съ расширенными, какъ бы уходящими въ слухъ глазами, говорила:

— У тебя жаръ, положительно жаръ... Неужели нѣтъ термометра? Я завтра принесу, а пока дай пульсъ.

Она взяла его за кисть руки, но, тревожась, долго не могла нащупать пульсъ, и, когда подъ ея пальцами стало слышно біеніе его крови, она мысленно, въ страхѣ повторяла:

«Боленъ, боленъ!»

Онъ съ признательнымъ вниманіемъ слѣдилъ за измѣненіями ея лица и блѣдностью, нѣсколько удлинявшею и облагораживавшею ея оваль. При этомъ чуть-чуть намѣчались ея скулы, и онъ думалъ:

«Это надо не забыть».

И поднявъ свою руку, съ которой сползъ къ локтю незастегнутый рукавъ его бѣлой тонкой рубашки, онъ провелъ пальцами по ея лицу, чтобы фиксировать это впечатлѣніе въ осязаніи.

Она ласково погладила его побѣлѣвшую отъ этого движенія руку и нѣжно сказала:

— Ахъ, какая это...—но не найдя словъ, чтобы выразить кровную близость съ этой гладкой мужественной рукой, провела отъ кисти до локтя легкими, нѣжащими губами.

Онъ взялъ ея ладонь и долго держалъ на своихъ сухихъ, горячихъ губахъ, ощущая свѣжесть, какъ отъ прикосновенія молодого весенняго листика. Ея близость давала ему физическое

успокоеніе, и это онъ замѣчалъ уже не въ первый разъ. Она какъ бы уравновѣшивала его природу.

Особенно ощутительна и внятна была ему необходимость этой близости послѣ ихъ сильныхъ и гордыхъ ласкъ, между тѣмъ какъ раньше, послѣ подобныхъ ласкъ, женщина становилась ему чужой и непріятной.

Уника то и дѣло касалась его головы и считала пульсъ, который возбуждалъ въ ней безпокойный холодокъ. Видя его сохнущія губы, она спросила:

— Тебѣ не надо ли чего-нибудь? Хочешь, я сварю тебѣ чаю?

— Нѣтъ, ничего... Будь со мною.

Тогда она вспомнила непонятыя ею въ горячахъ его слова и спросила.

— О какомъ миндальномъ пирожномъ ты поминалъ давеча, когда только что пришелъ?

Онъ, обрадованный этимъ напоминаніемъ, кивнулъ ей головою и торопливо отвѣтилъ, весь озаряясь растроганной и нѣсколько лукавой улыбкой:

— Ахъ, да! Вотъ именно... Именно... Миндальное пирожное. Мнѣ ужасно какъ хочется миндальнаго пирожнаго.

Ее разсмѣшилъ этотъ капризъ.

— Почему именно миндальнаго пирожнаго?.. Ты такъ любишь?

— Нѣтъ... Слушай... Это удивительно... Вотъ видишь ли... Надо тебѣ сказать, что мой отецъ и мать были ужасные бѣдняки... Ну, вотъ... Одинъ разъ, когда я пришелъ съ матерью въ булочную, я увидѣлъ, какъ мальчикъ тамъ купилъ миндальное пирожное и ѣлъ его съ наслажденіемъ... И мнѣ мучительно захотѣлось того же... Я сталъ умолять мать купить мнѣ, но купить было не на что и, чтобы отвязаться отъ меня, она сказала: «Перестань капризничать. Ты не больной...»—«А если бы былъ больной, купила бы?» «Ну, купила бы, купила бы»... Я сталъ мечтать о болѣзни, и когда дѣйствительно заболѣлъ и въ лихорадкѣ, въ полубезсознательномъ состояніи, пришелъ домой изъ школы, я прежде всего, потребовалъ у матери купить мнѣ миндальное пирожное. Понимаешь...

Она все время, пока онъ разсказывалъ это, повторяла съ глубокой нѣжностью, гладя его руку:

— Бѣдный... милый... бѣдный...

И была тронута до того, что на глазахъ у нея блестѣли слезы.

Подъ этой тихой лаской онъ закрылъ глаза, и опять передъ нимъ поплыли разноцвѣтныя, путающіяся ленты и обрывающіяся огненныя нити. И среди этой пестроты и блеска клубился легкій, душистый туманъ, въ которомъ отрывочно и несвязно мерцали

знакомыя черты. Онъ проникался ожиданіемъ чего-то и хотѣлъ собрать въ одинъ свѣтлый образъ эти разрозненныя черты и боялся, что та, которая держитъ его руку, помѣшаетъ ему. Онъ шевельнулъ рукой.

Она осторожно приняла руку, думая, что онъ засыпаетъ, и даже боясь особенно пристально глядѣть на него и пошевелиться.

Какъ только она сняла свою руку, его тѣло стало слабѣть... слабѣть и сдѣлалось такимъ легкимъ... легкимъ, что эти колебанія свѣтящагося тумана стали колыхать его и отдѣлять отъ осязаемой ткани. Онъ поплылъ навстрѣчу мерцающимъ манящимъ чертамъ, гдѣ-то въ глубинѣ себя чувствуя смутное опасеніе, какъ бы *та* не узнала объ этомъ.

Замѣтивъ, что онъ спитъ, она приблизила къ нему свое лицо, слѣдя за трепетаніемъ вѣкъ. Рѣсницы ложились на глазныя впадины, чуть-чуть прорѣзанныя морщинами.

Она въ первый разъ разглядывала это лицо, стараясь уяснить себѣ, въ чемъ именно для нея заключается сила его очарованія. Она старалась найти тѣ черты, которыя заставляли ее любить это лицо. Передъ нею былъ смугловатый твердый лобъ съ надбровными выпуклостями, образовавшими двѣ легкія разбѣгающіяся кверху черты; прямой красивый носъ съ нѣсколько темными впадинами у глазъ, рѣзко очерченный ротъ, мало прикрытый усами, правый уголъ котораго, изогнутый не симметрично съ лѣвымъ, указывалъ на вспыльчивость и упрямство; у уголковъ глазъ, къ покраснѣвшимъ суховатымъ скуламъ, протянулись замѣтныя морщинки, возбуждавшія въ ней особенную нѣжность. Глядя на его почти прямыя брови, она поняла теперь, почему кажется, что глаза его видятъ дальше того, на что онъ смотритъ. И ей вспомнилось, что такой очеркъ глазъ она въ зоологическомъ саду видѣла у страуса—птицы пустыни. Но все-таки того, что ей открыло бы, за что она его любитъ, она найти не могла.

Это ее весело удивляло. Слыша его ровное дыханіе, она успокоенная, тихо одѣлась и вышла черезъ мастерскую, заперевъ тяжелую дверь имѣвшимся у нея ключемъ.

И только выйдя на насыщенный дождевой влагой воздухъ, брезжившій разсвѣтомъ, она вспомнила о томъ ревнивомъ чувствѣ, которое заставило ее изъ церкви придти сюда и одной всю ночь прождать его возвращенія. И это ревнивое чувство снова всколыхнулось и замутило ея покой.

Передъ остротой и значеніемъ этихъ отравленныхъ мыслей были ничтожны упреки и разспросы, даже слезы матери, которая ожидала ее дома.

ЧАСТЬ III.

Глава I.

Съ самаго ранняго утра, въ день вернисажа, залы выставки гудѣли отъ лихорадочнаго движенія художниковъ.

Съ часу дня двери должны были открыться для избранныхъ представителей общества и печати, но, какъ всегда бываетъ у художниковъ, въ эти послѣдніе часы, имъ предстояла самая большая и напряженная работа. Мѣста, надъ которыми они такъ много думали, къ которымъ они такъ долго примѣривали полотна, о которыхъ такъ много спорили и шумѣли, оказывались никуда негодными. На картину Полозова не тотъ падалъ свѣтъ; картина съ сдержанными тонами Плотникова проигрывала отъ близости съ слишкомъ сильнымъ, яркимъ, красочнымъ сосѣднимъ полотномъ Соловкова. Находились сотни мелочей дѣйствительныхъ и мнимыхъ, волновавшихъ художниковъ до отчаянія.

Два служителя усталые, потные, ошалѣлые отъ бѣготни и труда, не успѣвали услуживать всѣмъ и тѣмъ создавали еще большій шумъ и содомъ.

Секретарь общества художниковъ Антонъ Антоновичъ, сухой, длинный и гнущійся во всѣ стороны, какъ ліана, прозванный Львомъ только потому, что онъ рѣшительно ничѣмъ не походилъ на льва, хлопалъ себя длинными узловатыми руками по поджарымъ ляжкамъ и бранился:

— Черти, о чемъ же вы думали раньше! Чего же вы смотрѣли? И всегда одно и тоже, и всегда одно и тоже.

Онъ съ сокрушеніемъ взглянулъ на паркетъ, надъ которымъ такъ много наканунѣ трудились полотеры, потомъ на часы и съ отчаяніемъ схватившись длинными руками за свои рѣдкіе, прямые волосы, вопилъ:

— Идолы! Идолы!

Паркетъ былъ обшмыганъ, обшарпанъ и исцарапанъ; тамъ и здѣсь валялись гвозди и Богъ вѣсть откуда взявшіяся бумажки. Все это онъ съ отчаяніемъ и бранью подбиралъ и совалъ по карманамъ.

— Въ конюшнѣ вамъ устраивать выставки, а не въ музеѣ.

На его вопли и брань никто не обращалъ вниманія. Художники, уже парадно одѣтые, но растрепавшіеся, сосредоточенно хватались за послѣднюю возможность исправить свою оплошность. Самый живой и суетливый изъ журавлей—Симоновъ—то и дѣло вскакивалъ на стулья, поправляя косо висѣвшія картины.

Плотниковъ, съ топорщившимися въ разныя стороны, усами стоялъ посрединѣ залы и безумно тревожнымъ взоромъ смотрѣлъ

на свою нѣжную и задумчивую пастель, прищуривая глаза и даже иногда безнадежно закрывая ихъ.

Полозовъ, разставивъ ноги, съ сдвинутымъ на затылокъ цилиндромъ и дорогой сигарой въ зубахъ, засунувъ руки въ карманы, недовольно разсматривалъ своими калмыцкими глазами эффекты ночныхъ огней; надъ передачей ихъ онъ упорно бился вотъ уже цѣлый годъ. «Не то, не то», съ раздраженіемъ думалъ онъ, глядя на эти пронизывающія сумракъ ракеты, разсыпавшіяся разноцвѣтными звѣздами, на эти фонари и бенгальскіе огни, среди которыхъ колебались фигуры толпы. И сохраняя на широкомъ мясистомъ лицѣ внѣшнее спокойствіе, онъ съ болью готовъ былъ ногой проткнуть это полотно.

Но когда Цвѣтаевъ, точно угадавъ его настроеніе, тихо подошелъ къ нему и, мягко пошевеливая своими шершавыми бровями, сказалъ:

— Это интересно. Тутъ много новаго.

Полозовъ сразу ему повѣрилъ и, обрадованный, пожалъ ему руку, взглянувъ на картину совсѣмъ другими глазами.

Самъ Цвѣтаевъ, посѣдѣлый въ такихъ переживаніяхъ, все же волновался не меньше, чѣмъ они и, взявъ Полозова подъ руку, повелъ его къ своей картинѣ мягко говоря:

— Вотъ и меня мучитъ кое-что въ моей «Сирени».

Полозовъ съ явнымъ удовольствіемъ и любовнымъ уваженіемъ взглянулъ на картину своего учителя и у него мелькнула ревнивая мысль: «Вотъ ему ничего не надо выдумывать. Какъ все это легко и свободно», и вслухъ сказалъ:

— Эту картину долженъ пріобрѣсти музей.

Цвѣтаевъ въ отвѣтъ на это вздохнулъ, снисходительно покачалъ головой и, потрепавъ руку Полозова, отошелъ въ глубь залы, унося въ памяти только сейчасъ замѣченное имъ въ своей картинѣ слащавое пятно.

Онъ опустился на мягкій бархатный диванчикъ и своими изощренными зоркими глазами вглядывался въ это розоватое мѣсто съ такимъ недовольствомъ и упорствомъ, точно хотѣлъ вобрать взглядомъ непріятную слащавость.

«Нѣтъ,—подумалъ онъ,—теперь бы я не такъ написалъ».

Впродолженіи тридцати лѣтъ своей работы онъ неизмѣнно переживалъ одно и то же: окончивъ работу, онъ находилъ, что это лучшее изъ всего, что онъ сдѣлалъ, но проходило немного времени и работа переставала ему нравиться, и онъ неизмѣнно думалъ одно и то же. «Нѣтъ, теперь бы я написалъ иначе». И онъ неутомимо искалъ новыхъ красокъ, новыхъ пріемовъ, но въ этихъ исканіяхъ не было ничего суетнаго, ничего ложнаго.

Симоновъ перебѣгалъ отъ одного художника къ другому, то

одѣвая пенснэ, то сбрасывая его движеніемъ бровей и жестикулируя, какъ итальянецъ. Онъ, глядя на чужія картины восторженно восклицалъ:

— Это необычайно! Это удивительно! Это настоящее искусство. Это... Это... — онъ сдѣлалъ въ воздухѣ движеніе рукой и даже подпрыгнулъ.

Всѣ картины казались ему великолѣпными, кромѣ его собственной картины, работы шпателемъ, на которую онъ даже смотрѣть боялся, такъ она казалась ему аляповатой и грубой.

Тѣ, которые или удовлетворились, наконецъ, своими мѣстами, или, махнувъ рукой, отдались на волю судьбы, еще болѣе увеличивали сумятицу и подливали масла въ огонь своими прошенными и непрошенными совѣтами и вмѣшательствомъ.

Одинъ только Залѣсскій, постоянно горделиво встряхивая свою пышную шевелюру, волоча за собою небрежно, какъ шлейфъ, длинныя, томныя ноги, съ счастливыми глазами, самоувѣренной походкой подходилъ то съ одной, то съ другой стороны къ своему холсту и, запрокинувъ нѣсколько на бокъ самодовольную голову, любовался своими полотнами, изображавшими то его собственную дачу, то его собственную жену, то, наконецъ, самого себя, написаннаго въ зеркало.

Иногда онъ одобрительно кивалъ головой и вскользь бросалъ суетливо пробѣгающему мимо него товарищу:

— Неправда ли удачно?

Тотъ съ ненавистью и завистью къ его самоувѣренности и спокойствію на мгновеніе останавливалъ на немъ свои глаза и вдругъ, очнувшись, устремлялся по своимъ дѣламъ, думая попутно: «Вѣдь вотъ пошлетъ же Богъ человѣку счастье! Что ни сдѣлаетъ, всѣмъ доволенъ. И успѣхъ обезпеченъ у публики»!

— Завидуетъ,—скрививъ губы, рѣшалъ Залѣсскій и, засунувъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за жилетъ, шелъ къ своему сосѣду, чтобы сравнить его картину со своею.

Больше всѣхъ были недовольны экспоненты, избиравшіе мѣста для своихъ картинъ уже послѣ членовъ общества.

Они и держались особнякомъ, шипя на журавлей и жалуясь другъ другу на ихъ несправедливость и обиды. Еще мѣста тудасюда, но многихъ возмущало то, что не всѣ ихъ произведенія были приняты журавлями. Они грозили имъ между собою чуть ли не судомъ исторіи, а пока—тѣмъ, что будутъ жаловаться въ печати, и таскали другъ друга въ «мертвецкую», большую полутемную комнату, гдѣ въ безпорядкѣ былъ сваленъ хламъ, забракованный на баллотировкѣ жюри художниковъ.

Тутъ они громко другъ другомъ восхищались, сравнивая эти забракованныя полотна съ произведеніями журавлей, конечно, да-

леко не въ пользу послѣднихъ, причемъ выходило такъ, что забракованныя вещи и были самыми лучшими, самыми талантливыми работами.

Особенно горячилась одна высокая, худая дама, теребившая свой носовой платокъ, который она постоянно роняла, а кто-нибудь изъ тутъ же присутствовавшихъ обиженныхъ художниковъ услужливо поднималъ его.

Въ сосѣдней комнатѣ, на простомъ непокрытомъ столѣ стоялъ самоваръ, водка, вино, закуски на бумажкахъ. Сюда художники забѣгали иногда, чтобы подкрѣпить себя стаканомъ вина и бутербродомъ, такъ какъ ни одному изъ нихъ не приходило въ голову идти домой завтракать.

Изъ залы доносился стукъ молотка и шмелиное гудѣніе изъ сосѣдней комнаты.

Баронъ, стоя у окна, жевалъ бутербродъ съ икрой, которая липла у его на усахъ, и онъ то и дѣло выпячивалъ нижнюю губу, чтобы снять прилипшее, заикаясь говорилъ Апостоли одному изъ отдавшихся на волю судебъ.

— Собственно говоря, если хотите, это довольно неделикатно: пригласили гостей и такъ далѣе, а между тѣмъ, такъ сказать, не готовы. Какъ хотите, это неудобно. Я долженъ былъ повѣсить свое панно внизу, такъ какъ, собственно говоря, верхъ занятъ.

Апостоли, при каждомъ словѣ наклоняясь впередъ, озабоченно и вкрадчиво говорилъ тоже о своемъ.

— Ну да, Володя, я бы тоже успѣлъ смягчить свою раму: она слишкомъ блеститъ и убиваетъ тонъ.

Онъ вытягивая длинную шею и крутя головой, поправилъ туго накрахмаленный воротничокъ, въ которомъ, по выраженію Николая, чувствовалъ себя не лучше, чѣмъ изюмъ въ пряникѣ и тяжело вздохнулъ.

Въ это время «Левъ» спиной отворилъ дверь, пятясь отъ дамы художницы, которая, наступая на него, говорила:

— Но вѣдь это несправедливо, поймите! Самъ великій Рѣпинъ восхищался моими миніатюрами. Въ Парижѣ онѣ имѣли громадный успѣхъ.

— Сударыня, это меня не касается. Здѣсь жюри.

На лбу его выступилъ потъ, онъ полѣзъ въ карманъ за платкомъ, вмѣсто него вытащилъ одну изъ засунутыхъ туда бумажекъ и, не замѣчая своей ошибки, мазнулъ ею по лбу и тутъ же, при всеобщемъ смѣхѣ, разсердясь, бросилъ ее на полъ и раздраженно сказалъ дамѣ:

— Я ничего сдѣлать для васъ не могу. Жюри здѣсь рѣшаетъ. Жюри!

— Но вы возьмите на свою отвѣтственность,—заискивающе умоляла дама.

Секретарь только взглянулъ на товарищей и безнадежно мотнулъ руками.

Она уже больше не поминала ни о Рѣпинѣ, ни о Парижѣ, а съ растеряннымъ лицомъ, готовая заплакать, сказала, понизивъ тонъ:

— Поймите же, вѣдь эти маленькіе портреты—мой хлѣбъ.

Присутствующіе смущенно опустили глаза. «Левъ», по добротѣ своей не выносившій никакихъ жалобныхъ сценъ, вопросительно взглянулъ на художниковъ.

Она, поймавъ этотъ взглядъ, снова забормотала:

— Вѣдь тамъ же есть свободное мѣсто. Я видѣла. Ну, что стоитъ повѣситъ одну-двѣ мои миніатюры!

Но «Левъ», вспомнивъ объ этомъ мѣстѣ, поднявшись на носки и всплеснувъ руками, въ отчаяніи воскликнулъ:

— Это мѣсто Кича, сударыня, Кича, не доставившаго еще своей картины! Вѣдь вашу вещь уже одну приняли.

— Но это не миніатюры.

— Ничего сдѣлать, сударыня, не мо-гу!

Дама, оправившись отъ своихъ унизительныхъ просьбъ, бросила гордый взглядъ поверхъ пенснэ на присутствующихъ и направилась въ мертвецкую.

Оставшіеся переглянулись между собой, какъ бы желая сказать другъ другу: «Ну, что съ ней говорить объ искусствѣ. Есть свободное мѣсто; вотъ и все искусство».

— Однако, собственно говоря, это довольно странно, что Кичъ до сихъ поръ не доставилъ своей вещи. Да не только Кичъ, и Лосьевъ еще не доставилъ своего «Спрута».

— Можетъ быть, онъ не удостоитъ насъ своимъ участіемъ,—язвительно замѣтилъ Виртъ.

— Какъ не удостоитъ. Какъ не удостоитъ!—завопилъ «Левъ».—Да вѣдь онъ въ каталогѣ стоитъ.

И секретарь поспѣшилъ въ залъ, чтобы послать кого-нибудь изъ служителей къ Лосьеву и Кичу, но, войдя туда, онъ услышалъ за большими окнами тяжелый, медленный стукъ колесъ и, подойдя къ окну, увидѣлъ остановившіяся дроги и на нихъ, на матрасѣ, закутанную массу, поддерживаемую двумя людьми. За ними на извозчикѣ подъѣхалъ Лосьевъ.

Секретарь послалъ на помощь служителей и самъ пошелъ туда же, встрѣчая спокойно распоряжавшагося Лосьева словами:

— Ну, слава Богу, очень радъ, очень радъ. Поспѣли во-время. Теперь только одного Кича не достаетъ.

Въ это время Кичъ, запершись у себя въ мастерской, одѣтый и совсѣмъ уже готовый къ выставкѣ, стоялъ передъ своей картиной, растерянный, утратившій всякую способность разбираться въ своемъ впечатлѣніи. Эта работа, въ которую онъ вложилъ всю свою душу, все свое искусство и надежды, ставила его втупикъ до того, что онъ не могъ рѣшить: хорошо этоили дурно.

Работая надъ ней, онъ ясно и глубоко вѣрилъ, что эта работа положитъ начало его успѣху, опредѣлитъ путь, по которому онъ долженъ идти.

У воротъ уже давно дожидался извозчикъ, но онъ все не могъ рѣшиться повезти картину. И не разъ ему приходило въ голову не везти ее совсѣмъ. Имъ овладѣлъ страхъ, настоящій страхъ неизвѣстнаго, но рокового.

Онъ на минуту оторвался отъ картины, подошелъ къ открытому окну. Вдали синѣло море, ближе—сквозила колокольня церкви, окруженная разноцвѣтными крышами домовъ; надъ ними кое-гдѣ тянулся дымокъ и высоко въ небѣ рѣяли бѣлые голуби, иногда, турманомъ, бросаясь внизъ.

Глядя въ эту высь, онъ проникся къ Кому-то молитвеннымъ чувствомъ, съ ребяческой безпомощностью прося совѣта и ободренія.

Въ дверь раздался стукъ: съ выставки явились за его картиной.

Тутъ ужъ онъ смирился передъ неизбѣжностью и, отдавъ въ руки служителю свою картину, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на улицу и сказалъ ему:

— Пусть тамъ повѣсятъ.

Самъ на выставку не пошелъ.

Лосьевъ установилъ въ небольшой боковой комнатѣ свою работу и сталъ ее раскутывать. Художники одинъ за другимъ потянулись взглянуть на его группу.

Онъ осторожно снялъ съ зеленовато-сѣрой глины послѣдній покровъ и, вскользь оглянувъ ее совсѣмъ новыми глазами, небрежно отошелъ въ сторону.

Группа сразу поразила и захватила художниковъ. Они не сдерживали своего восторга и громко выражали Лосьеву свое одобреніе.

— Это замѣчательно!

— Дивная вещь!—нараспѣвъ восторгался Симоновъ.

— Ловко, ловко!—подтверждалъ Бугаевъ, забывшій о своемъ ревнивомъ чувствѣ.

— Хорошо! Сильно!—похвалилъ Соловковъ, вглядываясь острымъ, пытливымъ взглядомъ въ тѣло удивительной красоты, опутанное мягкими, въѣдчивыми щупальцами спрута.

*

И по мѣрѣ того, какъ онъ проникалъ въ творческій замыселъ художника, глаза его испытующе-остро вкось обращались на скульптора. И, тяжело поднявъ голову, онъ многозначительно протянулъ:

— Л-ло-о-вко!

Его замѣчанія еще никто не понялъ, но въ общее впечатлѣніе стало проникать что-то смутное и безпокойное.

Обнаженное прекрасное тѣло уже само по себѣ приковывало взглядъ. Всѣ догадывались, что это Уника, но черты лица ея были измѣнены и въ ея взглядѣ сквозило отдаленное сходство съ глазами Ирины.

Это было замѣчено уже гораздо позже, да и то благодаря совсѣмъ другому обстоятельству, и это другое обстоятельство, несмотря на всю свою невѣроятность, внушало невольное подозрѣніе художникамъ, но они не только не повѣряли другъ другу этого подозрѣнія, все яснѣе и яснѣе, однако, оправдывавшагося въ ихъ глазахъ, но боялись повѣрить себѣ.

Казалось невѣроятнымъ это сходство мягкотѣлаго, липкаго чудовища, надѣленнаго вьющимися цѣпкими лапами, съ человѣкомъ

Въ чемъ было это сходство?

Въ вкрадчивомъ ли движеніи, въ выраженіи ли глазъ? Его нельзя было опредѣлить. Оно шло откуда-то извнутри. Но чѣмъ больше вглядывались они въ эту группу, тѣмъ настойчивѣе вставалъ передъ ними хорошо знакомый образъ, и когда Лосьевъ по ихъ молчанію понялъ то, что они угадываютъ, онъ, скрестивъ руки, прямо, даже нѣсколько вызывающе обратилъ къ нимъ свое лицо и вопросительно взглянулъ, ожидая словъ.

Этимъ взглядомъ онъ еще больше подтвердилъ подозрѣніе ихъ, и имъ стало неловко.

Обидно не только за оскорбленнаго товарища, который отсутствовалъ, но и за искусство, униженное непонятнымъ, мстительнымъ чувствомъ.

Каждый изъ нихъ старался замять эту неловкость. Николай спохватился первымъ и, взглянувъ на часы, засуетился:

— Господа, сейчасъ открытіе выставки. Да гдѣ же маркизъ?

Это развязало напряженное молчаніе и всѣ, переговариваясь о постороннихъ вещахъ, направились въ залъ съ дружескимъ безпокойствомъ за Кича.

Всѣ знали, что на эту картину онъ возлагалъ огромныя фатальныя надежды.

Картина Кича висѣла на мѣстѣ. Она уже издали трогательно звала къ себѣ своими свѣжими, тихими тонами.

— Ого!—съ ревнивымъ одобреніемъ промычалъ Соловковъ и, устремившись всѣмъ тѣломъ впередъ, быстро направился къ картинѣ.

Художники еще не разглядѣвъ ее, издали уже угадывали въ этихъ краскахъ, смягченныхъ стекломъ, интересную, удавшуюся вещь. Имъ, послѣ неожиданно отравленнаго впечатлѣнія отъ «Спрута», искусство улыбнулось чистой и ясной душой.

Они шли навстрѣчу съ братской улыбкой и радостнымъ облегченіемъ.

Живой, восторженный Симоновъ первый воскликнулъ:

— Ай да маркизъ! Молодецъ! Гдѣ онъ? Это чудо, что такое! Я долженъ расцѣловать его лысину!

Его восклицанія сразу прорвали молчаніе художниковъ и они, перебивая другъ-друга, хоромъ заговорили:

— Браво! Браво! Наконецъ-то маркизъ нашелъ самого себя! Онъ весь сказался тутъ.

— Я ужасно радъ за него!

— Собственно говоря, если хотите, я даже не ожидалъ, что онъ можетъ написать такую вещь.

— Но гдѣ же маркизъ? Надо его поздравить.

— Господа, видѣлъ ли эту вещь Цвѣтаевъ? Что скажетъ онъ?

Николай побѣжалъ искать его по заламъ и нашелъ внизу съ Антономъ Антоновичемъ. Цвѣтаевъ спрашивалъ у него—гдѣ Кичъ?

Тотъ, недоумѣвая, пожималъ плечами и говорилъ, что получена картина, но самого художника нѣтъ.

— Чудакъ! Чудакъ! Онъ боится. Это хорошо. Это очень хорошо.

Въ передней появились первыя фигуры посѣтителей. Цвѣтаевъ тревожно нахмурился и взявъ подъ руку Николая потянулъ его наверхъ.

Начиналось самое безпокойное и тяжелое: общеніе съ публикой.

Сейчасъ эти картины утратятъ въ глазахъ художниковъ свою цѣломудренную чистоту. Ихъ будутъ критиковать, расцѣнивать, захватаютъ безцеремонными взглядами, черезъ нихъ будутъ пролѣзать въ душу художника, рѣдко, рѣдко щадя и постигая ту возвышенную тайну, которая вѣнчаетъ природу съ его душой. И прежде, чѣмъ природа перевоплотится, одухотворится и явится яснымъ откровеніемъ для тѣхъ, кто самъ не могъ ее постигнуть, онъ пройдетъ черезъ мучительный лабиринтъ колебаній, сомнѣній ясновидѣнія, которое брежжетъ маленькой искрой въ этой тайнѣ, окутывающей природу.

Большинство пройдетъ мимо этихъ картинъ равнодушное, холодное, занятое своими дѣлами, придавленное буднями. И въ своемъ поверхностномъ сужденіи не только не выкажетъ вниманія и любви, но даже и уваженія къ душѣ художника.

Первымъ явился художественный рецензентъ мѣстной газеты

Ступинъ,—онъ былъ и театральный рецензентъ,—длинный господинъ въ черномъ сюртукѣ съ шелковыми лацканами, съ нѣсколько потертымъ насмѣшливымъ лицомъ и не то небрежными, не то развинченными движеніями.

Онъ вошелъ, слегка припадая на обѣ ноги и по дорогѣ вооружая пенснэ постоянно безпокойно бѣгающіе глаза, которые онъ старался сдержать принужденной холодностью.

Ему повидимому было очень некогда. Съ дѣловымъ видомъ, раскрывъ каталогъ, прежде чѣмъ оглянуть залу, онъ сталъ выискивать выдающіяся имена и подчеркивать карандашомъ номера. Но отведя глаза отъ каталога, увидѣлъ группу художниковъ и направился къ нимъ.

— Поздравляю! Поздравляю!—снисходительно говорилъ онъ еще на ходу, простирая къ нимъ изъ подъ бѣлаго обшлага красную, костлявую руку.

Онъ считалъ себя въ правѣ покровительственно относиться къ художникамъ, такъ какъ уже далъ о выставкѣ двѣ поощрительныя статейки.

— Флагъ поднятъ, ярмарка открыта,—вихляя жилистой кистью руки въ воздухѣ, провозгласилъ онъ.—Ну, хвалитесь, хвалитесь.

Художники смущенно заулыбались, отвѣчая на его рукопожатіе. Внутренно они презирали его невѣжество, но все же равнодушно относиться къ тому, что онъ о нихъ напишетъ, они не могли.

Вѣжливость обязывала показать ему выставку, а главное хотѣлось представить работы въ настоящемъ свѣтѣ. Но каждый боялся показаться заискивающимъ, выскочкой, и они неловко мялись на мѣстѣ. Глаза всѣхъ обратились на Перовскаго. Соловковъ подтолкнулъ его; тотъ понялъ и предложилъ рецензенту осмотрѣть выставку.

Въ это время на лѣстницѣ послышался мягкій громкій голосъ, и всѣ узнали голосъ Махалова, мѣстнаго богача-мецената.

Въ дверяхъ залы появился высокій, плечистый, красивый старикъ, сѣдой, но съ розовымъ лицомъ и смѣющимися глазами. Рядомъ съ нимъ въ мягкихъ замшевыхъ сапогахъ, съ трудомъ передвигая больныя ноги, шелъ художникъ Молотовъ, бывшій профессоръ академіи, покинувшій ее изъ ненависти къ рутинѣ. Но всѣ попытки его самого выбиться изъ этой рутины, найти что-нибудь новое, не удовлетворили его. Онъ самъ давно бросилъ кисти, но всегда съ жадностью слѣдилъ за всѣми молодыми порывами живописи.

Художники боялись его рѣзкаго прямого суда, но не могли не уважать его.

Отъ его орлиныхъ глазъ, глубоко запавшихъ подъ сухимъ

пергаментнымъ лбомъ съ неизмѣнной прядью на немъ сѣдыхъ волосъ, не укрывалась ни малѣйшая фальшъ.

Всѣ богатые покровители живописи, пріобрѣтая картины, почтительно просили его совѣта.

Онъ говорилъ глуховатымъ раздраженнымъ голосомъ, который удивительно шелъ къ его изможденному иконописному лицу.

Художники поздоровались съ вошедшими и разсѣялись по залѣ съ безпечнымъ видомъ, но съ тревожнымъ напряженіемъ слуха, стараясь уловить слова Молотова.

Это не было подслушиваніе, такъ какъ онъ говорилъ безъ всякаго стѣсненія, громко, но гордость, а главное присутствіе мецената держало ихъ въ отдаленіи.

— Плохо рисуютъ,—раздраженно говорилъ Молотовъ.—Это недостатокъ всѣхъ молодыхъ художниковъ; они гонятся за красками, за колоритомъ, но безъ скелета нельзя создать ничего живого.

Это была его манера, — начинать свои отзывы съ порицаній. При этомъ, скользнувъ опытнымъ взглядомъ по стѣнамъ, онъ остановился на самыхъ плохихъ вещахъ.

— Что это за картина? Развѣ это картина? Это мѣщанское одѣяло—указалъ онъ на одно изъ большихъ пестрыхъ полотенъ и отошелъ дальше.

— А-а! Господинъ Залѣсскій!—воскликнулъ онъ, щуря глаза на другія картины.—Ловко пишетъ! Опасный человѣкъ для искусства. Носъ, по вѣтру, техника—по верху! Я-бы его не пустилъ на эту выставку. Самодовольство! Мастерство! Развратъ! Самая опасная штука.

Ступинъ, услышавъ его голосъ, поспѣшилъ заискивающе поздороваться съ художникомъ.

Молотовъ, вбокъ, не сгибая ладони, холодно сунулъ ему руку и больше не обращалъ на него никакого вниманія.

Но рецензенту важны были мнѣнія этого свѣдущаго, а главное, злого человѣка. Хвалить онъ могъ общими фразами, но для порицанія нужно было знать тѣ тонкости искусства, которыя были ему совершенно недоступны. Особенно внимательно, держась вблизи, онъ ловилъ чисто техническія выраженія художника, которыя тотчасъ же заносилъ въ свою записную книжку, въ то же самое время какъ бы разсматривая съ сосредоточеннымъ вниманіемъ сосѣднюю картину; и ему немножко было досадно, что сопровождающій его Перовскій, во-первыхъ, мѣшаетъ ему, а во-вторыхъ, онъ завтра узнаетъ въ его статейкѣ слова Молотова, которыя, конечно, долетятъ и до него.

Между тѣмъ, залъ постепенно наполнялся избранной публикой, одѣтой какъ на театральные премьеры, — съ биноклями и лорнетами въ рукахъ.

Появился рецензентъ другой газеты, старикъ съ изысканными манерами и благородными аристократическими чертами, которымъ его совершенно сѣдые, слегка вьющіеся волосы придавали артистическій видъ.

Онъ былъ не присяжный газетчикъ, а диллетантъ-художникъ, страстный любитель живописи, тонко чувствующій ея поэзію и волновавшійся до слезъ умиленія при взглядѣ на истинно художественные проблески.

— А, нашъ испанскій дворянинъ пришелъ!—съ улыбкой сказалъ Николай и пошелъ къ нему навстрѣчу.

Нѣкоторые художники просто подошли къ нему, какъ къ своему собрату, не боясь быть дурно понятыми.

Онъ радостно, ласково жалъ имъ руки, нетерпѣливо поглядывая на картины, и, наконецъ, не выдержавъ, сказалъ:

— Извините, господа, я, какъ старая боевая лошадь при звукахъ музыки, не могу стоять спокойно при видѣ этихъ красокъ.

Онъ изысканнымъ движеніемъ снялъ съ лацкана сюртука роговое пенснэ на широкой черной лентѣ и, тщательно одѣвъ его на красивый прямой носъ и увидѣвъ издали картину Цвѣтаева, висѣвшую на видномъ мѣстѣ, воскликнулъ:

— Узнаю его, дорогого! Узнаю!

Онъ, слегка выгнувъ спину, направлялся къ полотну на сухихъ легкихъ ногахъ и замеръ на минуту передъ картиной.

— Это улыбка природы, грустная улыбка вечера, такая же кроткая и тихая, какъ душа самого творца, — меланхолически затянулъ онъ.

— Эту вещь долженъ пріобрѣсти музей, — повторилъ Полозовъ.

— Гдѣ онъ? Дайте мнѣ его обнять за эту высокую радость!—восторженно, съ пафосомъ говорилъ старикъ.

Художники, зная витіеватость его языка, какимъ онъ и писалъ свои длинныя диллетантскія статьи, добродушно улыбались.

Увидѣвъ Цвѣтаева, сидѣвшаго на томъ же диванчикѣ, онъ рванулся къ нему, издали вытянувъ руки, остановившись передъ нимъ, сбросилъ пенснэ и со слезами на глазахъ сталъ цѣловать смущенно улыбавшагося художника.

— Спасибо, дорогой! Это праздникъ для меня. Истинный праздникъ! Чувствуешь, какъ молодѣешь, глядя на эту безсмертную кисть. Я вложу всю силу и убѣдительность въ свое перо. Они будутъ подлецы, если не пріобрѣтутъ эту вещь для музея.

Замѣтивъ, что на нихъ обращаетъ вниманіе публика, Цвѣтаевъ дружески взялъ его подъ руку и тихо сказалъ:

— Пойдемте. Мы что... Мы уже старики... А я вамъ покажу «кое-что».

Онъ не докончилъ фразы и многозначительно повертѣлъ въ воздухѣ пальцемъ.

Нѣкоторые, слыхавшіе ихъ бесѣду, нерѣшительно двинулись за ними.

У картины Кича уже стояли Молотовъ и Махаловъ, окруженные публикой, слушавшей, что говорилъ Молотовъ, игнорирующій присутствующихъ.

— Ну да, это вещь. Вѣдь вотъ можно же сочетать рисунокъ съ колоритомъ. Когда я смотрю на картину художника, я долженъ видѣть его самого съ ногъ до головы. Я долженъ чувствовать его темпераментъ, характеръ. За этими красками я долженъ видѣть глаза, которые смотрятъ на природу, чтобы, при встрѣчѣ съ нимъ, узнать его. Несмотря ни на какіе недостатки, а ихъ здѣсь не мало, я остановлюсь передъ картиной, я предпочту ее хорошо сдѣланнымъ, но безразличнымъ полотнамъ, которыя могли написать и Иванъ Петровичъ и Петръ Ивановичъ и которыя годятся только для украшенія торговыхъ конторъ да вокзаловъ. Тамъ никому никакого нѣтъ дѣла, что вы любите и куда вы стремитесь!—Сердясь закончилъ онъ.

Успѣхъ картины Кича былъ обезпеченъ.

— Къ этому ничего нельзя добавить, — шепнулъ Цвѣтаеву критикъ.

— А какъ называется эта картина? — съ глубокомысленнымъ видомъ роясь въ каталогѣ, спросилъ Ступинъ.

Старый критикъ презрительно высокомѣрно взглянулъ на него.

Кто-то сказалъ:

— На первый балъ.

Махаловъ и Молотовъ пошли дальше, и нѣкоторые изъ толпы послѣдовали за ними.

Ступинъ, размашистымъ движеніемъ карандаша, въ своемъ каталогѣ отмѣтилъ: «гвоздь» выставки.

Старый критикъ продолжалъ:

— Пора перестать считать картины какими-то иллюстраціями Унизительная роль живописи—служить иллюстраціей исторіи или литературы—кончилась. Живопись сама является теперь законодательницей направленія.

— Но это парадоксъ, — нерѣшительно замѣтилъ кто-то изъ публики.

— Нѣтъ-съ, это вполнѣ естественно, потому что глазъ наиболѣе чуткій восприниматель впечатлѣній.

— Но вѣдь эти впечатлѣнія не идутъ дальше отраженія природы и внѣшнихъ явленій?—вставилъ Ступинъ.

— Живопись не отраженіе, а толкованіе, — строго прервалъ его старикъ.—Великій Гёте сказалъ: «Если живописецъ напишетъ

мнѣ мопса моей возлюбленной, у меня будетъ два мопса, но ни одного художественнаго произведенія».

Ступинъ со снисходительной улыбкой къ чудачеству старика, стараясь, однако, намотать себѣ на усъ удачную фразу о мопсѣ, отошелъ къ группѣ Молотова.

На пути Ступина перехватили двое отверженныхъ, жалуясь на обиду.

— Въ вѣнскомъ Sessecion'ѣ моя картина имѣла огромный успѣхъ.

— А я за свою получилъ званіе художника,—перебивалъ его другой.

— Подите посмотрите сами, господинъ Ступинъ.

— Хорошо, господа. Послѣ, послѣ, — отбояривался онъ отъ обиженныхъ.

Старикъ продолжалъ сантиментально:

— Нуженъ ли ярлыкъ этой картинѣ, которая сама за себя говоритъ! По ней можно изучать духъ времени. Здѣсь не только дѣвушка, впервые надѣвшая бальное платье, но даже этотъ цвѣтокъ впиталъ въ себя характеръ комнаты съ ея вазой, часами, мебелью. Суть, конечно, не въ стильности, а въ этой внутренней связи, во всемъ, чего не подберешь, не выдумаешь, что дается только творческимъ прозрѣніемъ художника!

Высокая дама, съ прической modern, въ платьѣ новаго стиля, сильно обтягивающемъ ея узкія бедра, поигрывая перламутровымъ лорнетомъ, просила Николая прежде всего показать ей декадентскія картины.

— Все старое такъ надоѣло, — горделиво капризно роняла она слова.

Николай съ улыбкой провелъ ее въ комнату, увѣшанную картинами самыхъ дерзкихъ импрессіонистовъ. Тутъ же висѣлъ одинъ изъ его послѣднихъ опытовъ въ этомъ родѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ были похожи на вышивки шерстью; на другихъ краски лежали густо и ярко, какъ эмаль; тутъ были самые головоломные опыты для передачи солнечнаго свѣта.

Публика, смотрѣвшая на эти картины, только пожимала плечами, смѣялась и сыпала веселыя замѣчанія.

— Это совсѣмъ не такъ смѣшно, какъ они думаютъ, — обиженно прошепталъ Николай своей спутницѣ.—Тутъ много сильнаго и интереснаго. Конечно, это только исканіе. Для передачи солнечнаго свѣта нѣтъ красокъ. Надо создавать комбинаціи, чтобы добиться.

Дама все-таки не удовлетворилась этими картинами.

— Нѣтъ, вы мнѣ покажите совсѣмъ, совсѣмъ декадентское,—

настаивала она, волоча за собой тонкій, змѣящійся и свистящій шлейфъ.

Публика прибывала, залы наполнялись народомъ, вызывая праздничное оживленіе у художниковъ, мелькавшихъ то тамъ, то здѣсь, среди движущейся, шумящей толпы.

Одна изъ дамъ beau mond'a, высокая, тонкая, съ маленькой изящной головкой, учившаяся живописи въ Парижѣ, впервые экспонировавшая свои вещи на выставкѣ, въ нарядномъ черномъ шелковомъ платьѣ, шла рядомъ съ военнымъ генераломъ. У генерала было бритое лицо и обвисшія щеки, подрагивающія въ тактъ отрывистаго звона его шпоръ; подъ этотъ звонъ журчалъ ея слабый мелодичный голосъ:

— Вы знаете, это совсѣмъ европейская выставка. Они нисколько не ниже салона. И потомъ—столько національнаго.

Увидѣвъ невдалекѣ Плотникова, она умышленно громко говорила, какъ бы не замѣчая его и указывая на его картину:

— Вы посмотрите, эти милыя родныя березы. Какъ онѣ стыдливо отражаются въ нашихъ родныхъ тихихъ водахъ.

— Charmant...—дребезжащимъ хриплымъ голосомъ одобрилъ генералъ, внутренно не довѣряя «пророкамъ своего отечества», но все-таки сдѣлавъ изъ старческихъ рукъ подобіе бинокля, пытался найти въ картинѣ то національное и то достойное, о чемъ говорила его сосѣдка.

— Вамъ, конечно, какъ говорится, и книги въ руки. Но я, признаться, не поклонникъ картинъ природы. Насъ, такъ сказать, не удивишь этими березками, да ручейками. Видѣли мы ихъ не мало въ походахъ. Вотъ живопись Васнецова я люблю. Серьезная живопись!—убѣжденно проговорилъ онъ.

Она улыбнулась, какъ артистка, которую можетъ только позабавить подобное непониманіе, и обернувшись и точно неожиданно увидѣвъ Плотникова, дружески кивнула ему, издали протягивая руку, какъ бы призывая его этимъ къ себѣ, и сказала вслухъ:

— Мы говоримъ съ генераломъ о васъ. Позвольте представить—авторъ этой картины, m-eur Плотниковъ.

Генералъ, протягивая ему мягкую, дряблую руку, покровительственно пробрюжжалъ:

— Кисть мастерская, что и говорить! Но отчего бы вамъ не заняться серьезной живописью? Вотъ какъ Васнецовъ. Какъ посмотришь на его святыхъ,—совѣстно дѣлается, что самъ такая свинья.

Она, испугавшаяся первыхъ словъ генерала, обращенныхъ къ художнику, при послѣднихъ раскатилась заразительнымъ смѣхомъ.

Плотниковъ тоже не могъ не улыбнуться.

Генералъ, нисколько не обидѣвшись, сталъ вторить ей своимъ дребезжащимъ голосомъ.

— Я хочу купить этотъ schef d'oeuvre, — все еще улыбаясь, обратилась она къ Плотникову. — Сколько?

Тотъ покраснѣлъ и, сконфуженно поводя плечами, забормоталъ:

— Двѣсти, кажется, что ли? Я, право, не знаю. Тамъ... у секретаря. Я узнаю, если хотите. Да, именно двѣсти.

— Только-то, а я уже приготовилась торговаться. Картина за мной.

Обращаясь къ генералу, она добавила:

— Въ Парижѣ такая вещь художника съ именемъ, какъ m-eur Плотниковъ, стоитъ не менѣе двухъ тысячъ франковъ.

— По рукамъ!—фамильярно обратилась она къ художнику и хлопнула своей маленькой ладонью по его широкой рукѣ.

Когда они отошли, Плотниковъ грустный остался у своей картины. Ему пріятно было, что онъ продалъ ее въ хорошія руки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы утрачивалъ что-то дорогое и свѣтлое, что было связано съ этимъ кусочкомъ полотна.

Онъ особенно пристально, какъ при разлукѣ съ дорогимъ существомъ, вглядывался въ эти черты и краски. Конечно, въ нихъ была только крупица того пережитого чувства, которое наполняло его въ тотъ вечеръ, когда онъ глядѣлъ на эти березы, на эту воду и какъ бы видѣлъ это въ первый разъ.

Ему казалось такъ легко и просто передать все, все, что онъ видитъ и чувствуетъ, кистью, а между тѣмъ, на полотнѣ, какъ всегда, сколько онъ ни мучился и ни бился, оставалась только крупица пережитого.

Художники ни между собою, ни съ посѣтителями ничего не говорили о группѣ Лосьева и даже нѣсколько избѣгали той комнаты, гдѣ она стояла какъ-то совсѣмъ особнякомъ.

Лосьевъ среди публики почти не появлялся.

Вначалѣ вернисажа къ нему пристапъ Залѣсскій съ преувеличенными комплиментами по поводу его работы, за которыми такъ и виднѣлось желаніе вызвать интересъ къ своимъ картинамъ и похвалу себѣ. Вскользь онъ не преминулъ со злобой помянуть о Молотовѣ, отзывъ котораго о своихъ картинахъ онъ приписывалъ зависти и отсталости его.

Чтобы отъ него отвязаться, Лосьевъ взглянулъ на его картины и сказалъ нѣсколько банальныхъ фразъ.

Ему было не по себѣ. Его не могло не задѣть отношеніе художниковъ и, что всего непріятнѣе, онъ сознавалъ, что въ этомъ отношеніи къ нему была доля правоты. Онъ испытывалъ зудъ совѣсти.

Сдѣлалъ ли бы онъ это, если бы заранѣе зналъ, что сходство

будетъ замѣчено? Да, сдѣлалъ бы. Пусть даже было тутъ мстительное чувство, но повредило ли оно его идеѣ? Онъ готовъ былъ смѣло отвѣтить: нѣтъ! Но, даже несмотря на этотъ сильный, оправдывающій его доводъ, онъ не могъ успокоиться. И еще больше усиливалась его тревога тѣмъ, что *тотъ* отсутствовалъ и не подозрѣвалъ объ этомъ.

Его потянуло къ портрету Ирины.

Хотя портретъ висѣлъ въ главной залѣ, гдѣ было много публики, возлѣ него никого не было, и ничто не мѣшало Лосьеву сосредоточенно вглядываться въ ея лицо.

Передъ нимъ на полотнѣ были удивительно точно переданныя черты Ирины, на него смотрѣли ея глаза, отъ которыхъ онъ ждалъ отвѣта на мучившее его безпокойство, но за ними онъ не видѣлъ того, что онъ зналъ въ Иринѣ, что онъ съ такой легкостью, однимъ намекомъ далъ въ своей работѣ, и, помимо того, что творилось въ его душѣ, это обстоятельство вызывало въ немъ сознаніе своего превосходства.

Сзади него раздался женскій голосъ:

— Это молодая Вѣтвицкая. Вотъ похоже!

Мужской голосъ тономъ знатока прибавилъ:

— Да, портретъ живетъ! Сколько экспрессіи!

— А какъ хорошо передано платье! Я его знаю, это платье! Мы шьемъ съ ней у одной портнихи. Удивительно! Удивительно!

Лосьевъ, боясь оглянуться на говорившихъ, отошелъ съ ощущеніемъ тоски, вдругъ пролившейся черезъ всѣ остальныя его чувства.

Цвѣтаевъ, утомленный своимъ волненіемъ, шумомъ, суетой толпы и безпрерывнымъ говоромъ восторженнаго критика, отъ котораго онъ едва избавился, зашелъ въ комнату, гдѣ стояла работа Лосьева, и вдругъ ощутилъ трепетный легкій холодокъ, сразу напомнившій ему пустую комнату Капитолія въ Римѣ, гдѣ въ первый разъ онъ увидѣлъ статую Венеры.

Посреди комнаты, на возвышеніи, задрапированномъ темно-малиновымъ бархатомъ, въ замершемъ воздухѣ, съ руками, простертыми вверхъ, въ изнемогающемъ, побѣжденномъ порывѣ, стояла нагая женская фигура, съ присосавшимся сладострастно къ ногамъ ея спрутомъ; длинные щупальцы обвивали ея ноги и тянулись къ бедрамъ. Ея широко открытые, но какъ бы устремленные внутрь себя глаза, съ жуткимъ томленіемъ прислушивались къ подтачивающимъ ея волю, таинственнымъ и непобѣдимымъ ощущеніямъ.

Какъ-то невольно сдерживая шумъ своихъ движеній, Цвѣтаевъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ группу и первое, что онъ подумалъ, было: «это талантъ».

Стараясь объяснить себѣ символъ, онъ въ то же самое время вглядывался въ детали и скоро, пораженный, тоже уловилъ неопредѣленное, но явное сходство.

— Случайность это или умыселъ?—встревоженный, онъ задалъ себѣ вопросъ, пытаясь проникнуть въ эту загадку.

Войдя въ комнату, Лосьевъ увидѣлъ Цвѣтаева, сидѣвшаго передъ его группой и задумчиво глядѣвшаго на нее.

Безпокойство снова овладѣло имъ, онъ хотѣлъ повернуть и выйти незамѣченнымъ изъ комнаты, но въ это время Цвѣтаевъ вопросительно поднялъ на него свои глаза.

Лосьевъ принужденно скривилъ губы въ улыбку и обратился къ нему:

— Я жду вашего приговора.

— Что же,—смущенно отвѣтилъ Цвѣтаевъ,—вы сами знаете что это хорошо.

— Но я чувствую за этими словами какое-то «но»?

Тотъ вмѣсто отвѣта, только поднялъ изъ-подъ своихъ шершавыхъ нависшихъ бровей строгіе, честные глаза, которые говорили: «и это вы сами знаете».

Замѣтивъ смущеніе скульптора, онъ смягчилъ въ глазахъ строгость:

— Видите ли, мы — художники разнаго толка, — уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Я понимаю васъ, но въ искусствѣ всѣ средства хороши для выраженія идеи. Je prends mon bien, où je le trouve,—развязно закончилъ Лосьевъ, сразу почувствовавъ всю неумѣстность этого тона, особенно подчеркнутаго затасканной французской фразой.

У группы Лосьева появились постороннія фигуры.

Ему стало нестерпимо быть среди людей, хотѣлось остаться одному, но онъ не могъ уйти такъ. Въ эту минуту у него мелькнуло преувеличенное опасеніе: «а что, какъ Цвѣтаевъ не подастъ мнѣ руки?», но онъ тотчасъ же подошелъ къ нему и съ холоднымъ лицомъ протянулъ руку, въ то время какъ ему хотѣлось мягко и искренно сказать ту тайну, которая была выше оправданій.

Цвѣтаевъ также холодно отвѣтилъ на пожатіе, не выказывая чувства, вызваннаго чуткимъ пониманіемъ того, что происходитъ въ душѣ Лосьева.

Въ дверяхъ Лосьевъ встрѣтился съ Махаловымъ и Молотовымъ, за которыми шла примкнувшая къ нимъ публика.

Любопытство къ мнѣнію Молотова шевельнулось у Лосьева. Онъ нерѣшительно пріостановился, но не въ силахъ былъ оставаться долѣе въ толпѣ и вышелъ.

Съ этой минуты все чаще и чаще въ залахъ, среди публики,

повторялось имя скульптора и послѣдняя обособленная комната осаждалась заинтересованной публикой.

Еще черезъ комнату, въ залѣ, Лосьевъ замѣтилъ знакомую женскую фигуру. Вглядѣвшись, онъ узналъ Унику.

Умышленно скромно одѣтая въ черное гладкое платье съ бѣлымъ высокимъ воротничкомъ, всѣмъ своимъ видомъ она напоминала курсистку и явилась ему совершенно въ новомъ свѣтѣ.

Поднявъ голову, отягченную волосами, она смотрѣла на портретъ Ирины, не подозрѣвая о приближеніи къ ней Лосьева.

Хотя она никогда не говорила ему о своей ревности, о своихъ подозрѣніяхъ, онъ почему-то былъ убѣжденъ, что она догадывается о двойственности его чувства, и въ томъ, что она такъ жадно разглядывала портретъ, нашелъ этому подтвержденіе.

Онъ поморщился не оттого, что засталъ ее передъ портретомъ. «Какъ она могла придти сюда, когда здѣсь толпа разглядываетъ ея обнаженное тѣло!.. И притомъ художники знаютъ навѣрно, кто былъ моделью».

У него явилось желаніе тотчасъ же увести ее отсюда. Онъ быстро приблизился къ ней и жестко сказалъ:

— Зачѣмъ ты здѣсь?

Уника отъ неожиданности вздрогнула и обернулась. Она казалась растерянной оттого, что онъ засталъ ее врасплохъ; лицо ея стало блѣднѣе и оттого еще красивѣе. Они видѣлись два часа тому назадъ и она ничего не говорила о своемъ намѣреніи придти сюда.

Стараясь подавить смущеніе, она на его вопросъ пожала плечами, съ той дѣтской неумѣлостью, которая всегда обличала самое невинное ея притворство, и отвѣтила:

— Странный вопросъ! Я хочу видѣть выставку. Это праздникъ для меня, такой же, какъ и для тебя. Почему же ты хочешь отравить его мнѣ? Почему же мнѣ нельзя быть здѣсь?

— Ты отлично знаешь почему.

Она перестала притворяться и высокомѣрно сказала:

— Хорошо! Но кому до этого дѣло? Развѣ мало извѣстныхъ художниковъ брали натуру съ своихъ женъ, возлюбленныхъ. Или это тебя шокируетъ?

— Перестань говорить глупости. Здѣсь дѣло не во мнѣ.

— Обо мнѣ не безпокойся, я готова всѣмъ крикнуть, что я твоя любовница.

Задѣтая его непонятнымъ раздраженіемъ, не кстати помянула она это слово, но изъ страннаго упорства еще разъ повторила его съ какимъ-то новымъ для нея выраженіемъ, расширяя глаза:

— Лосьевская любовница! Да.

Эта вспышка его удивила, и онъ, стараясь быть равнодушнымъ, замѣтилъ:

— Какъ хочешь.

Тогда она заговорила горячо, шопотомъ:

— Вѣдь ты же самъ говорилъ когда-то, что образъ красоты долженъ быть общественнымъ достояніемъ! Что тутъ не только нѣтъ ничего унизительнаго, а наоборотъ!

Видя ея упорную настойчивость, онъ, подавляя раздраженіе, сказалъ:

— Уника!

— Да наконецъ тамъ есть мое тѣло, но нѣтъ моей души,— ревниво, искоса скользнувъ взглядомъ по портрету Ирины, добавила она, понизивъ голосъ.

Это было послѣдной каплей для него. Слушая ее онъ все съ большей и большей досадой думалъ: «Какія пошлости способна она говорить!» и вслухъ сказалъ:

— Ну, все равно. Если хочешь уйти, идемъ со мной; не хочешь, я уйду одинъ.

Въ ея глазахъ на минуту блеснулъ испугъ, но она по своему поняла его раздраженіе и, не глядя на него, упрямо отвѣтила:

— Я останусь.

Лосьевъ рѣзко повернулся и ушелъ.

Отъ незаслуженнаго оскорбленія слезы прихлынули къ ея глазамъ, она съ трудомъ удержала ихъ и пошла вдоль стѣнъ, останавливаясь передъ картинами, которыхъ она совсѣмъ не видѣла.

Оттого, что ей нѣсколько разъ приходилось душить подступавшія къ глазамъ слезы, на скулахъ и около глазъ появились красноватыя пятна.

Вдали показался Николай съ Полововымъ. Ихъ обогнала тщедушная нервная фигура, неряшливо одѣтая въ сѣрый поношенный костюмъ, который при каждомъ движеніи безпомощно болтался на ней. Изъ-подъ отложного синяго воротника мягкой рубашки вытягивалась сухая, красноватая шея, съ большими впадинами, идущими отъ ушей. Онъ нервно, порывисто взбрасывалъ головой съ безпорядочно торчащими жесткими волосами, скользящими пронзительными глазами останавливался на нѣкоторыхъ картинахъ, какъ бы ища и не находя того, что могло бы остановить его вниманіе, и снова весь сжимался и, согнувшись, бѣжалъ впередъ, напоминая собой охотничью собаку, розыскивающую птицу. Но, несмотря на его внѣшнюю запущенность и лихорадочную непріятную суетливость, въ немъ чувствовалось какое-то артистическое благородство.

Ему попадались навстрѣчу знакомыя лица, но онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ, чтобы не нарушить впечатлѣнія.

Полозовъ шепнулъ Николаю:

— Взгляни на эту фигуру, точно созданную фантазіей Калло. Онъ умышленно избѣгаетъ насъ. Не будемъ его смущать и повернемъ.

— Интересно, что этотъ чудакъ теперь пишетъ? Уже нѣсколько лѣтъ онъ ничего не выставляетъ.

— Мнѣ кажется, онъ когда-нибудь удивитъ чѣмъ-нибудь громаднымъ или безумнымъ. Въ послѣднихъ вещахъ его замѣчалось что-то дикое и въ краскахъ, и въ мотивахъ, — отвѣтилъ Полозовъ.—Смотри! Смотри, вонъ Уника, пойдемъ къ ней.

Но Уника, замѣтивъ ихъ, явно избѣгая встрѣчи, тихо скрылась въ боковую комнату.

— Что за чортъ!—воскликнулъ Николай. — И она избѣгаетъ.

— Это вполнѣ естественно,—отвѣтилъ Полозовъ.—И то, что она пришла сюда, бравада съ ея стороны.

— Она вѣрно живетъ съ Лосьевымъ?

— Разумѣется.

Уника, желая скрыться отъ нихъ, лицомъ къ лицу столкнулась съ Бугаевымъ.

— Можно жить на свѣтѣ!—встрѣтилъ онъ ее веселымъ восклицаніемъ.—Сейчасъ продалъ двѣ картины.

Но, увидѣвъ ея лицо, сразу осѣкся и, взявъ ее ласково за руки, тихо спросилъ:

— Уника, чего это вы?

Слезы опять наполнили ея большіе глаза. Видя, что она готова разрыдаться, Бугаевъ, предлагая ей руку, сказалъ:

— Идемте, я вамъ покажу выставку.

Уника слабо отвѣтила:

— Нѣтъ, я пойду домой.

— Такъ я васъ провожу.

Она молча кивнула головой.

Проходя по заламъ, она искала глазами Лосьева, но его уже не было.

Глава II.

Лосьевъ вышелъ съ выставки, пересѣкъ широкую асфальтовую улицу и очутился на приморскомъ бульварѣ.

Былъ тотъ тихій весенній предзакатный часъ, когда солнце теряетъ свою лучистость и воздухъ замираетъ, стараясь сохранить, какъ воспоминаніе всего, тепло и нѣжность. Контуры становятся мягче и только на вершинахъ деревьевъ еще рѣетъ его блескъ, золотя и сливая ихъ послѣднія легкія вѣточки, покрытыя молодой, желто-зеленой, не успѣвшей еще запылиться, пахнущей листвой.

Среди этой молодой зелени почти черными пятнами темнѣли плотныя купы туй и сосенокъ.

На бульварѣ было мало публики. Еще весенній сезонъ не начался, еще не играла музыка и потому толпа предпочитала гулять по главной улицѣ мимо магазиновъ съ зеркальными стеклами, наслаждаясь вмѣсто запаха моря, ароматами гастрономическихъ и другихъ лавокъ.

Только у большой площади и памятниковъ, передъ которыми пестрѣли высаженные въ клумбы цвѣтущіе гіацинты, играли дѣти, подъ присмотромъ нянекъ и скромно одѣтыхъ мамашъ, да на лавочкахъ сидѣли одинокія унылыя фигуры, разсѣянно смотрѣвшія на море.

Лосьевъ также присѣлъ на скамеечку и закурилъ папироску.

Изъ порта доносилось посвистываніе паровоза, глухое громыханіе биндюговъ и рѣзкій металлическій звонъ лебедокъ. Вмѣстѣ съ гуломъ портовой жизни эти звуки составляли дѣятельный и дружный хоръ труда.

Въ одномъ мѣстѣ мачты судовъ рябили въ воздухѣ, длинныя, тонкія, какъ пики. Чернѣли трубы пароходовъ русскихъ и иностранныхъ, и море, какъ небо, было такое же притаившееся, ласковое, и пароходъ, огромный, огибавшій молъ съ длиннымъ чернымъ султаномъ дыма, далеко тянувшимся въ воздухѣ отъ его трубы, оставлялъ на водѣ легкій, разбѣгающійся слѣдъ.

У Лосьева защемило сердце.

«Уѣхать бы куда-нибудь! — подумалъ онъ.—Въ пустыню, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ рѣютъ миражи и въ безконечной дали, на горизонтѣ, кажутся скованными золотистыя грани неба и песка».

Онъ услышалъ сзади себя торопливые шаги и прежде чѣмъ успѣлъ обернуться, раздалась сухая отрывистая рѣчь Лозинскаго.

— Ну да, это всегда такъ бываетъ. Достаточно мнѣ о комъ-нибудь настойчиво думать и я встрѣчаю его.

— Послушайте, — сурово обратился Лозинскій къ Лосьеву, слегка опѣшившему отъ неожиданнаго появленія:—работа ваша интересна, талантлива! Это вамъ говоритъ Лозинскій. Ну да, этотъ чудакъ, этотъ безумецъ Лозинскій!—Онъ зло разсмѣялся.— Они меня такъ зовутъ. Ну и пускай! Да, интересна. Но это не то, а вы можете дѣлать то, что надо,—безъ связи говорилъ онъ, глядя куда-то вбокъ мимо Лосьева и только изрѣдка бросая на него острые, пронзительные взгляды.

— Лозинскій не станетъ говорить комплиментовъ. Онъ скажетъ правду, настоящую правду. Не имъ... не имъ!..—высокимъ голосомъ протянулъ онъ, пренебрежительно помахивая въ чью-то сторону растопыренными пальцами.

Имъ этой правды не надо. Она имъ не поможетъ.

Онъ снова отрывисто расхохотался, и смѣхъ его приходилъ и уходилъ какъ-то совершенно неожиданно и безслѣдно.

— Но вы, — требовательно обратился онъ къ Лосьеву, — въ васъ это есть, и я хотѣлъ это вамъ сказать. Больше ничего.

Онъ поджалъ губы и, глядя въ землю, потрясъ головой, повидимому собираясь уходить.

Лосьевъ не зналъ, что сказать въ отвѣтъ на эту судорожную, страстную рѣчь. Захваченный этой страстностью, онъ не хотѣлъ отпустить его, и когда тотъ, поворчавъ что-то и тряхнувъ головой въ сторону въ старой помятой шляпѣ, сдѣлалъ движеніе уйти, онъ обратился къ нему:

— Постойте.

— Ну?

— Спасибо. Мнѣ дорогъ вашъ отзывъ, тѣмъ болѣе, что я самъ знаю, что это не то. И это меня мучитъ.

Ему хотѣлось найти другое русло своей тоски, своего раздраженія, и онъ ухватился за это неожиданное открытіе.

— А, мучитъ!—обрадовался Лозинскій, глядя на него во всѣ глаза.—Такъ это и должно быть у всѣхъ, у кого есть тутъ!— Онъ громко постучалъ въ свою плоскую грудь.

— Этотъ пылающій уголь, который жжетъ! Ну,—неожиданно прервалъ онъ себя,—что мы будемъ тутъ стоять! Я не люблю... тамъ, гдѣ люди приходятъ, чтобы ничего не дѣлать... Хотите, пойдемъ. Вечеръ... Ну, и я хочу пить.

— Пойдемте,—согласился Лосьевъ.

Онъ зналъ, что Лозинскій пилъ, и ему самому хотѣлось выпить, забыться, а главное его притягивалъ къ себѣ этотъ странный, одинокій человѣкъ, о жизни котораго ходили цѣлыя легенды, талантъ котораго вызывалъ хохотъ у невѣждъ, а у художниковъ— недоумѣніе и ожиданіе чего-то необыкновеннаго.

Начинало вечерѣть, когда они вышли съ бульвара на широкую улицу, освѣщенную круглыми шарами электрическихъ фонарей, которые казались сами собой висящими въ воздухѣ, такъ какъ проволокъ было не видно. И на свѣтло-лиловомъ фонѣ неба эти фонари свѣтились вереницей улетающихъ куда-то въ даль зеленовато-голубыхъ звѣздъ.

Лозинскій, бокомъ, быстро шелъ впередъ, не оборачиваясь къ своему спутнику. Имъ перерѣзала дорогу пара лошадей, пронесшаяся такъ близко отъ него, что колеса на резинахъ едва не задѣли его, но онъ даже не сдѣлалъ движенія отъ нихъ въ сторону и только погрозилъ въ слѣдъ палкой.

Они поднялись вверхъ по площади къ театру, миновали шумную улицу, оглушаемую звономъ конокъ и грохотомъ экипажей, и, свернувъ куда-то во дворъ, попали въ прокуренную нѣмецкую

пивную, нѣсколько напоминающую мюнхенскіе Bier-halle средняго разбора.

Эта пивная обыкновенно посѣщалась иностранцами и, главнымъ образомъ, моряками коммерческихъ пароходовъ.

Загорѣлые, съ грубыми, обвѣтренными лицами, они курили здѣсь свои трубки и сигары, играли въ кости и пили пиво съ тѣмъ равнодушіемъ и спокойствіемъ, которое имъ одинаково сопутствовало и въ Индіи, и на берегахъ Таити.

Они изрѣдка перекидывались односложными замѣчаніями, рѣдко смѣялись и еще рѣже ссорились. Но зато, когда дѣло доходило до ссоръ, вытаскивали Богъ вѣсть откуда свои короткіе морскіе ножи и пускали ихъ въ ходъ.

Тутъ никому не было другъ до друга дѣла, и оттого Лозинскій любилъ эту пивную.

Его хорошо знала прислуга, говорившая на всѣхъ языкахъ, и почти одновременно съ тѣмъ, какъ онъ сѣлъ на клеенчатый диванъ, передъ нимъ появилась большая кружка пива.

Лосьевъ потребовалъ такую же кружку себѣ. Лозинскій крѣпко взялъ кружку, чокнулся съ Лосьевымъ, поворачивая голову въ другую сторону, и сталъ тянуть пиво, не отрываясь до тѣхъ поръ, пока кружка не опустѣла. Тогда онъ тяжело поставилъ ее на столъ, обсосалъ усы, смоченные пѣной, и только тутъ, послѣ долгаго молчанія, сталъ говорить, какъ будто продолжая бесѣду:

— Да, Лозинскій не станетъ кривить душой. Я ни въ комъ не нуждаюсь. Если я подошелъ и сказалъ, такъ это... ну... ну, это—талантъ!.. Мучитъ! А какъ же иначе!

Кельнеръ подалъ ему новую кружку, онъ отхлебнулъ на этотъ разъ половину и продолжалъ съ еще большимъ нервнымъ напряженіемъ и безсвязностью:

— А развѣ, какъ они... такъ... быть довольнымъ!—Онъ злорадно разсмѣялся.—Ну да, имъ нужны деньги. Они хотятъ имѣть хорошую квартиру, жену, семью и еще тамъ... ха-ха-ха.

Онъ вдругъ съежился, уходя головой въ плечи, принялъ жалкій видъ и опять высокимъ раздраженно-насмѣшливымъ тономъ протянулъ:

— Лозинскому ничего не надо. Онъ будетъ жить, какъ нищій. Бѣгать по урокамъ, но онъ не станетъ продавать себя. Нѣтъ, не станетъ!—торжествуя, докончилъ онъ и опорожнилъ кружку.

Лосьевъ допилъ свое пиво и потребовалъ себѣ еще.

— Мучитъ! Какъ же не мучить? Развѣ искусство забава!—строго и гордо спросилъ онъ и глаза его сверкнули.—Искусство религія. Искусство исповѣдь. А Лозинскій не торгуетъ Богомъ!

Онъ заражалъ Лосьева своей нервностью и подавлялъ той фанатической суровостью, которая сказывалась въ его безсвязныхъ

рѣчахъ и дѣлала слова жгучими, какъ искры, казалось вылетавшія прямо изъ сердца.

Несмотря на то, что Лосьевъ былъ недоволенъ художниками, черезъ чуръ рѣзкія порицанія Лозинскаго заставили его выступить на защиту ихъ. Въ ту же минуту онъ чувствовалъ, что не можетъ говорить, какъ говорилъ всегда, что Лозинскій такъ подчинилъ его, что и его рѣчь будетъ похожей на рѣчь того.

— Такъ... такъ...—отвѣтилъ онъ.—Это ваша правда, именно ваша, но это несправедливо. Они ищутъ. Они не торгаши, но, вѣдь, они люди.

— Ахъ,—съ досадой морщась, перебилъ тотъ, дѣлая угловатый отрицательный жестъ рукою съ своими растопыренными пальцами.—Люди! Ищутъ!

Онъ стиснулъ зубы такъ, что у него зашевелились височныя кости, и нѣсколько разъ тяжело и прерывисто просопѣлъ носомъ.

— Какъ можете вы такъ говорить? Люди! Люди! Это вотъ они люди,—указалъ онъ безцеремонно на толпу, наполнявшую залъ.—А художники, тѣ, у кого горящій уголь въ груди... Да, вотъ этотъ уголь, который мучитъ! Они должны быть выше. Они должны быть боги. Это вамъ говоритъ Лозинскій!—глухимъ и торжественнымъ голосомъ закончилъ онъ, поднимая голову, освѣщенную горячимъ взглядомъ его темныхъ и мрачныхъ глазъ. Затѣмъ онъ вдругъ точно опомнился, взглянулъ на кружку и крикнулъ прибѣжавшему кельнеру:

— Ну, развѣ не видишь?

— Ищутъ,—понизивъ голосъ, точно про себя повторилъ онъ.— Нельзя искать ночью дороги въ лѣсу, имѣя вотъ этотъ огонь,— онъ снова постучалъ себя въ грудь... И въ то же самое время расходовать этотъ огонь. Ну да, просто расходовать за тѣмъ, чтобы сварить себѣ ужинъ.

Несмотря на подавленность, натура Лосьева возставала противъ этого жестокаго осужденія.

— Это аскетизмъ!—воскликнулъ онъ.—Суровый и страшный аскетизмъ. Онъ не законъ художникамъ, онъ даже не правило. По вашему художникъ долженъ оторваться отъ всѣхъ радостей жизни?

— Да... да!—настойчиво и страстно подхватилъ Лозинскій.— Онъ долженъ запереться у себя въ мастерской и творить. Онъ долженъ отшвырнуть все, за что эти люди цѣпляются, какъ собаки.

— Но для кого же творить? Вы ненавидите людей.

— А! И въ васъ сказывается то же, что въ нихъ! Берегитесь! Въ этомъ гибель. Для кого творить? Для себя! Для искусства! Для Бога! Ненавижу людей? Нѣ-ѣтъ. Они... Ну, они для

меня—камень, дерево... облако... книга... Они получатъ свое. Есть люди и есть человѣчество... вотъ! Ну, вотъ и все.

— Нельзя творить съ ненавистью къ людямъ,—упорно и съ раздраженіемъ повторилъ Лосьевъ.

— Я вамъ сказалъ. Чтó мнѣ они? Они получатъ свое отъ меня... черезъ меня... Я?.. Ну, я тотъ дубъ, на который падаетъ съ неба молнія. Онъ самъ сгоритъ, но дастъ огонь людямъ. Не надо горѣть!

У Лосьева тяжелѣла голова отъ выпитаго пива, отъ ѣдкаго дыма и больше всего отъ этихъ неожиданныхъ свинцовыхъ словъ. Онъ напряженно и съ трудомъ хваталъ его слова и подъ ними билась придавленная ими мысль.

— Нельзя творить съ ненавистью къ людямъ! — машинально повторилъ онъ застрявшую въ его умѣ фразу, потомъ затрясъ головою и почти закричалъ:—нѣтъ! Нѣтъ!

— Да!—перебилъ его Лозинскій. — Да! Я вамъ говорю—да! —съ жестокой нетерпимостью повторилъ онъ, точно желая вбить въ него свое убѣжденіе. — Люди стали другіе, не то, что сто, тысячу лѣтъ тому назадъ. Совсѣмъ другіе! Развѣ вы не видите этого? И все... и природа стала другой. О, о! — неожиданно разсыпался въ воздухѣ его сухой торжествующій смѣхъ. — Я же это вижу... И я покажу это! И въ васъ это есть... Я понялъ, я сразу понялъ! Вы тоже можете видѣть и угадать. А у нихъ... У нихъ не свои, а вставные глаза. Они смотрятъ прошлымъ. Они боятся настоящаго... Вѣдь тогда надъ ними станутъ смѣяться, какъ смѣются надо мной, какъ смѣялись надъ Колумбомъ, когда онъ говорилъ, что тамъ, гдѣ-то тамъ—земля! Это не то... но это все равно! Вы понимаете.

У Лосьева сохло во рту отъ этого враждебнаго ему упорства, тянувшаго его отъ свѣтлой природы въ какую-то бездонную, черную пропасть, и что ужаснѣе всего, гдѣ-то въ глубинѣ его другого «я» жило смутное тяготѣніе къ этой пропасти, оттого такъ больно вонзались въ него и опутывали его рѣчи этого мрачнаго фанатика.

Онъ выпилъ пиво залпомъ, отставилъ кружку и, слегка ошеломленный напиткомъ, ударившимъ ему въ голову, враждебно смотрѣлъ на Лозинскаго, который тянулъ свое пиво, запрокинувъ голову, причемъ его сухая, жесткая шея, покрытая гусиной кожей, напряглась и еще рѣзче выступили на ней тугія, какъ проволоки, жилы и впадины.

Лосьевъ видѣлъ, какъ пиво лилось ему въ ротъ и заставляло ходить хрящеватый кадыкъ. Онъ видѣлъ въ раккурсѣ его лицо, его поднявшуюся бороду, такую жесткую и густую, что, казалось, на нее можно поставить кружку, и въ эту минуту Лозинскій

возбуждалъ въ немъ враждебное чувство, смѣшанное съ невольнымъ удивленіемъ передъ силой этого человѣка, который будто отнималъ у него что-то пріятное ему и вмѣстѣ съ тѣмъ выросталъ передъ нимъ въ грознаго обличителя и судью.

Лосьевъ думалъ: «Что же онъ дастъ самъ? чѣмъ онъ можетъ доказать, что онъ лучше видитъ правду?»

Ему хотѣлось увидѣть работу Лозинскаго, чтобы понять разницу между нимъ и тѣми художниками. Но Лозинскій никому не показывалъ своихъ картинъ. Однако, Лосьевъ рѣшился просить его.

Если онъ такъ искренно говорилъ съ нимъ, можетъ быть покажетъ и картины. Онъ высказалъ ему это.

— Хорошо, — хмурясь, отвѣтилъ тотъ, послѣ долгаго раздумья,—идемъ. Теперь ночь, это будетъ не то. Но вы поймете, вы художникъ... талантъ.

Заплативъ за пиво, они вышли на улицу. Была совсѣмъ ночь и вѣрно очень поздно, потому что на панели появились тѣ случайныя или отверженныя фигуры, которыя урываютъ куски своего существованія, когда другіе люди отдыхаютъ послѣ трудового дня.

Лозинскій опять стремительно понесся впередъ, не говоря ни слова и, когда они проходили мимо фонарей, тѣнь, отбрасываемая, его фигурой, была страшно уродлива, но до того типична въ своихъ движеніяхъ, что Лосьевъ узналъ бы его по этой тѣни. Онъ поворачивалъ за нимъ изъ улицу въ улицу и досадовалъ, что они не взяли извозчика, такъ какъ идти было очень далеко.

Наконецъ, вошли они въ глухой переулокъ, пролѣзли въ маленькую калиточку, продѣланную въ воротахъ, и очутились на широкомъ пустырѣ.

Лосьевъ сначала не соображалъ, гдѣ онъ, но знакомый широкошумный и величавый гулъ сразу открылъ ему, что онъ снова у моря.

«Какъ славно, что тутъ вездѣ море», подумалъ онъ.

— Не попадите въ яму,—остерегъ его Лозинскій и, взявъ за руку, повелъ за собою въ темнотѣ.

Они спустились внизъ къ небольшому дому, который стоялъ у самаго моря среди холмовъ, мѣстами покрытыхъ кустарникомъ и согнутыми бурей корявыми деревьями. Море шумѣло тутъ, внизу, печальное и черное, во мракѣ только бѣлѣлись гребни волнъ, какъ крылья огромныхъ бѣлыхъ птицъ, которыми они тяжело и гулко хлопали по водѣ и несмѣтной стаей рвались къ берегу.

Въ отдаленіи отъ этого домика были разбросаны заколоченныя дачи, и онъ стоялъ здѣсь въ жуткомъ одиночествѣ и весь гудѣлъ отъ морского шума и вѣтра, какъ раковина.

Большимъ ключомъ Лозинскій отперъ огромный висячій замокъ на двери и ввелъ гостя въ сѣни. Тутъ была другая дверь, которую онъ отперъ другимъ ключомъ и пригласилъ его войти, а самъ захлопнулъ и приперъ на крючекъ сѣнную дверь.

Лосьева сразу поразилъ особенный воздухъ въ комнатѣ; чувствовался запахъ пыли и старины.

Лозинскій чиркнулъ спичку и красноватый пугливый огонь освѣтилъ небольшое пространство комнаты и какіе-то странные предметы въ ней.

Лозинскій не далъ погаснуть спичкѣ и сначала зажегъ свѣчу въ старомъ бронзовомъ подсвѣчникѣ въ видѣ львиной лапы, а затѣмъ зажегъ большую, тяжелую, тоже старинную лампу.

Къ удивленію своему, Лосьевъ увидѣлъ высокую и большую комнату, снизу до верху сплошь заставленную и заваленную старинными предметами.

Тутъ было древнее оружіе: стрѣлы, колчаны, сабли, пищали, старая бронза, древнія книги въ кожаныхъ переплетахъ, издавшія запахъ плѣсени и воска, цѣлыя и полуразбитыя вазы, почернѣлыя картины въ обветшалыхъ рамахъ и старыя гравюры, матеріи и ковры и разрозненная мебель разныхъ эпохъ, частью поломанная. Все это напоминало скорѣе лавку антикварія, чѣмъ квартиру художника.

Повидимому, когда-то, давно, можетъ быть, самъ хозяинъ, а можетъ быть и чьи-нибудь другія руки пытались украсить это жилище и придать ему живописный видъ. Слѣды этого порядка замѣчались то на стѣнѣ, обитой дорогимъ персидскимъ ковромъ, съ красиво развѣшаннымъ на немъ оружіемъ, то въ углу, гдѣ стояло подобіе жертвенника, съ старинными канделябрами по бокамъ, то въ простѣнкѣ между окнами, гдѣ висѣлъ изумительной красоты женскій портретъ въ круглой плюшевой рамѣ съ приколотой къ ней миртовой вѣткой. Но эти черты, эти намеки на порядокъ совершенно уничтожались грудами тамъ и здѣсь наваленнаго хлама, который вѣнчалъ то старый шлемъ, то обрывокъ пыльной, выцвѣтшей матеріи.

Вещи валялись не только на столахъ и диванахъ, но и прямо на полу, такъ что нужно было осторожно ступать между ними, чтобы не раздавить что-нибудь.

Лосьевъ замѣтилъ, какъ Лозинскій непріятно поморщился, когда онъ остановилъ глаза на портретѣ.

Въ связи съ этимъ портретомъ во всей комнатѣ было что-то такое, что указывало на давно свершившуюся драму, и чувствовался отлетѣвшій отсюда духъ, который когда-то оживлялъ эти стѣны и, можетъ быть, заботился объ ихъ порядкѣ.

Хозяинъ на минуту оставилъ его одного, предоставляя ему

отдаваться размышленіямъ и догадкамъ объ этой тайнѣ, а самъ ушелъ въ дверь, покрытую тяжелой портьерой, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда и, исподлобья глядя на Лосьева, видимо сильно волнуясь и, можетъ быть, раскаиваясь, что онъ завелъ Лосьева къ себѣ, пробормоталъ ворчливо:

— Ну идемте, что ли. Это все хламъ, старый хламъ, — сказалъ онъ, скользнувъ по комнатѣ глазами.

— Тутъ много драгоцѣннаго,—замѣтилъ Лосьевъ, не ожидавшій встрѣтить ничего подобнаго въ жилищѣ художника, который самъ себя называлъ нищимъ.

— Да... да, — съ дѣланной небрежностью отвѣтилъ Лозинскій, — я люблю... Я люблю это старье... Есть кое-что, есть... Надо умѣть это купить... Люблю!

Онъ кивнулъ головой и, открывъ портьеру, пропустилъ гостя въ другую комнату, такую же большую, какъ первая, что было неожиданно для этого домика, казавшагося снаружи совсѣмъ небольшимъ и тѣснымъ.

Это была мастерская художника и вмѣстѣ съ тѣмъ его спальня, такъ какъ за ширмами узкая желѣзная кровать съ тонкимъ матрасомъ.

Мастерская была сильно освѣщена большой лампой, висѣвшей посреди комнаты, и другой, на высокомъ металлическомъ стержнѣ, съ сильнымъ рефлекторомъ.

Тутъ также много было цвѣтныхъ драпировокъ, яркихъ матерій, валявшихся на скамьяхъ и висѣвшихъ на экранахъ. На простыхъ деревянныхъ полкахъ вдоль стѣнъ бѣлѣли гипсовыя ноги, руки, торсы, а въ углу стоялъ манекенъ, также задрапированный красивыми матеріями и производившій съ перваго взгляда впечатлѣніе сумасшедшей женщины, забившейся въ уголъ.

Стояли мольберты разнаго фасона и размѣра. На скамейкѣ валялась большая палитра съ цѣлыми буграми красокъ на ней. Палитра, повидимому, рѣдко чистилась, и непонятно было, какъ художникъ разбирается въ краскахъ, наваленныхъ одна на другую. Зато всѣ кисти были чисты и торчали изъ японской вазы.

Пахло скипидаромъ, масломъ и красками.

Около большого, закрытаго ставнями окна, стояло огромное полотно, занимавшее почти всю стѣну и окруженное другими полотнами, то стоящими на мольбертахъ, то прямо на полу.

Съ большого полотна Лосьеву прежде всего бросилось въ глаза что-то похожее на кровавое зарево пожара.

Лозинскій съ лихорадочной поспѣшностью взялъ его за руку сухой и холодной рукой, въ которой чувствовалось присутствіе большой силы, и тономъ рѣзкаго приказанія сказалъ:

— Отсюда... Смотрите отсюда!

Самъ онъ быстро отошелъ въ уголъ, гдѣ стояла желѣзная печь, съ идущей черезъ весь потолокъ желѣзной трубою, и, весь съежившись, забившись въ уголъ, глядѣлъ оттуда не на картину, а на Лосьева свѣтящимся и пронзительнымъ взглядомъ.

Лосьева сначала ошеломило это море огня, разлитое по картинѣ и на немъ бѣлыя, безпомощныя птицы. Онъ не сразу разобралъ ея содержаніе, но когда первое ошеломленіе и, пожалуй, невыгодное для картины впечатлѣніе сгладилось, онъ почувствовалъ, какъ волосы начинаютъ шевелиться на его головѣ и все существо охватываетъ трепетъ, идущій отъ этой картины, льющійся изъ этихъ потрясающихъ глазъ, отъ которыхъ какъ бы загорались глаза другихъ фигуръ, утопавшихъ въ пучинѣ огня.

На Лосьева смотрѣло Отчаяніе. Ему становилось страшно и холодно. За этими дикими, безумными красками онъ видѣлъ душу Одиночества, которую всегда угадывалъ разлитою въ сотняхъ тысячъ, въ милліонахъ глазъ, встрѣченныхъ имъ въ теченіе своей жизни.

И эти глаза, это озаренное пожаромъ лицо, полное безнадежнаго спокойствія, гдѣ-то вдали отъ сознанія, объясняло, освѣщало ему безконечно многое и таинственное, въ немъ самомъ и въ людяхъ, съ которыми онъ сталкивался.

Трагедія человѣческаго духа, закованнаго въ тѣлесную оболочку и томящагося по своей предвѣчной стихіи, съ геніальнымъ могуществомъ была заключена въ эти краски.

Ему хотѣлось бѣжать отъ этой картины. То враждебное чувство, которое вызывали въ немъ слова художника, возставало теперь съ какимъ-то бьющимъ упорствомъ. Онъ какъ бы забывалъ, что передъ нимъ всего только произведеніе искусства, а не что-то живое, властное, почти непобѣдимое, съ чѣмъ долженъ былъ бороться, съ чѣмъ онъ боролся всегда. Онъ его ненавидѣлъ, удивлялся ему и преклонялся въ эту минуту передъ человѣкомъ, который стоялъ въ углу, сжавшись въ одинъ дрожащій комокъ нервовъ.

Но когда онъ взглянулъ туда, самъ не вѣря тому, что это великое полотно могла создать та маленькая тщедушная и дергающаяся фигурка, онъ не узналъ его.

Лозинскій какъ-то нѣсколькими движеніями очутился около Лосьева, точно весь преображенный и выросшій, полный таинственнаго мрачнаго величія, которое лилось изъ его глазъ, изъ каждой морщины, изъ каждой черты гордаго и суроваго лица.

— Да, это сдѣлалъ Лозинскій!—вдругъ, неожиданно тонкимъ, визгливымъ голосомъ выкрикнулъ онъ и опять въ глазахъ Лосьева превратился въ маленькаго, злого, нервнаго человѣка, такъ что ему все это показалось кошмаромъ.

Онъ сразу почувствовалъ себя страшно усталымъ и уже раз-

сѣянно слушалъ дальнѣйшія его выкрикиванія и слова, которыя уже не волновали и не трогали его, и звучали однообразно, какъ стихнувшій шумъ моря снаружи, глухо отзывавшійся въ этихъ стѣнахъ.

Лосьевъ вышелъ.

Едва онъ переступилъ порогъ, какъ его охватила кроткая свѣжесть весенняго разсвѣта. Еще на холмахъ лежали тѣни ночи, еще въ небѣ сіяла необыкновенно большая, водянистая утренняя звѣзда, но ужъ на морѣ было розово-свѣтло. На востокѣ горѣла заря, и море мѣстами отливало золотисто-красными тонами, какъ будто заря вышла изъ него.

Черные камни въ спокойномъ заливчикѣ отражались такъ отчетливо, точно это были не отраженія, а тѣ же самые, но только опрокинутые камни, подъ тонкимъ розовымъ стекломъ.

И земля, и красныя скалы, и заколоченныя дачи, все было покрыто матомъ росы.

Въ сторонѣ отъ дома, въ розовато-сѣромъ воздухѣ возвышалась голубятня, и пара бѣлыхъ голубей на узкомъ выступѣ голубятни около окошечка прижались другъ къ другу.

Надъ моремъ вдругъ пронеслась чайка и, одна призывая другую, пронизали воздухъ чистымъ утреннимъ крикомъ.

Лосьевъ, точно разбуженный отъ тяжелаго сна, взглянулъ вокругъ съ чувствомъ такой большой и новой радости, какъ будто все это онъ видѣлъ въ первый разъ, и разсвѣтъ, и море, и камни, и чаекъ.

Онъ пошелъ по росистой травѣ; ему пріятно было чувствовать ея влажную свѣжесть сквозь кожу ботинокъ, и даже это ощущеніе проникало въ него, какъ радость.

Онъ невольно расправилъ свои члены, растянувъ руки назадъ и чувствуя такую легкость въ груди и во всемъ тѣлѣ, что ему хотѣлось крикнуть, чтобы убѣдиться, что онъ живетъ.

Заря на востокѣ разгоралась цѣлымъ заревомъ, клубясь, вспыхивая и дыша въ облакахъ, сгрудившихся на горизонтѣ. И вдругъ небо точно взорвало тамъ. Серебряныя искры разсыпались въ аломъ пламени зари. Облака просвѣтлѣли и стали разсѣиваться надъ моремъ стаями бѣлыхъ голубей. Взошло солнце. Голубоглазый день раскрылъ рѣсницы.

— Эй-о-о!—протяжно и звучно крикнулъ онъ, торжествуя побѣду надъ другимъ заревомъ.

Напуганные этимъ крикомъ голуби, взмыли съ голубятни въ вышину и замелькали двумя бѣлыми облачками. Проходя мимо зеленаго куста, онъ сорвалъ съ него цѣлую горсть молоденькихъ листьевъ, влажныхъ и душистыхъ, и приложивъ ихъ къ своему разгоряченному безсонницей лицу, сразу освѣжилъ его ихъ невинной и бодрой влагой.

Глава III.

Случилось то, что должно было случиться, о чемъ Лосьевъ не думалъ, вѣрнѣе, не желалъ думать и ужъ меньше всего могъ говорить объ этомъ съ Уникой, хотя это-то именно и было самымъ важнымъ, самымъ неотвратимымъ въ ихъ отношеніяхъ.

Въ послѣднее время эти отношенія стали нѣсколько мутиться. Можетъ быть, виноватъ въ этомъ онъ былъ самъ, его настроеніе. Началось съ выставки и даже раньше, съ того дня, съ того часа, какъ онъ полусознательно придалъ работѣ то сходство.

Движеніе его мысли, души, особенно его творчества, все это какъ будто было чѣмъ-то заражено.

Отношеніе товарищей только еще болѣе все опредѣлило. Такъ иногда человѣкъ глотнетъ изъ стакана вино и чувствуетъ, что въ винѣ было что-то неладное, и вдругъ ему откроютъ, что въ стаканѣ была муха.

Когда Николай, одинъ изъ всѣхъ товарищей не перемѣнившійся къ нему, какъ-то вскользь сообщилъ ему, что Вѣтвицкіе, думавшіе пробыть за границей все лѣто, на-дняхъ возвращаются, это его ужасно взволновало и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовало.

Встрѣча съ Вѣтвицкими должна была уничтожить одну изъ нитей, опутывавшихъ Лосьева въ этомъ событіи. Вѣтвицкій, конечно, уже зналъ все и Лосьеву скорѣе хотѣлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нимъ, и также съ ней.

Догадывалась ли Уника или нѣтъ, но она на это не намекала, не разспрашивала. Ревнуя его ко всѣмъ новымъ знакомымъ женщинамъ и даже къ натурщицамъ, она никогда не упоминала имя Вѣтвицкой и ни разу не проговорилась, что была въ церкви во время вѣнчанія.

То, что она таила въ своей ревности къ Иринѣ, она усердно наверстывала на другихъ. Доходило до того, что она то умоляла, то приказывала Лосьеву не знакомиться съ женщинами, которыя почему-либо казались ей опасными.

Все это его сначала смѣшило, потомъ стало угнетать и даже раздражать, казалось вульгарнымъ и грубымъ и являлось нѣкоторымъ покушеніемъ на его свободу.

По временамъ его начинала утомлять и страсть ея, которой недоставало очарованія стыдливости.

Гордая признанной имъ красотой, она слишкомъ откровенно прибѣгала къ ласкамъ, зная, что власть ея наготы, ея тѣла, можетъ быть, единственно, что къ ней его привязываетъ.

Онъ ее зналъ всю, со всей ея красотой, со всѣми ея порывами, пѣснями и любовью, но это какъ будто еще болѣе увеличивало какую-то недоговоренность между ними. Въ ихъ связи

все было закончено, все использовано. Она, по существу, не имѣла никакихъ внутреннихъ перспективъ, по крайней мѣрѣ—для него, и вопросъ о продолженіи этой связи никогда не возникалъ передъ нимъ; она могла и кончиться завтра, и тянуться года. Но все же тутъ у него не могло быть того безразличія, какъ въ прежнихъ поверхностныхъ связяхъ. Именно то, что она съ такой ясной свободой и безкорыстіемъ отдавала ему свою любовь, молодость, налагало на него неуловимое обязательство.

Въ день встрѣчи съ Николаемъ и даже дня за два до его прихода, эта недоговоренность, особенно осложнилась и превратилась въ натянутое ожиданіе чего-то неизбѣжнаго и остраго.

Онъ замѣчалъ въ глазахъ Уники испуганно-вопросительное выраженіе, совсѣмъ новое для него.

Всегда спокойная въ своихъ посѣщеніяхъ, она, казалось, въ эти дни приходила только за тѣмъ, чтобы прослѣдить, что у него никого нѣтъ. Тревожно-ревниво осматривала мастерскую, комнату и, убѣдившись, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ присутствія другой женщины, переходила въ другую крайность — нѣжности и, даже, угодливости, и въ несчетный разъ задавала одинъ и тотъ же вопросъ.

— Вѣдь ты меня любишь? Любишь?

— Ну, да, люблю.

— Зачѣмъ ты говоришь: «ну да»? Вѣдь любящіе такъ не отвѣчаютъ. Ты прежде прямо говорилъ «люблю».

— Ну, конечно, люблю. Ты же понимаешь, что ничего не измѣнилось! Ты осталась такой же красивой.

— И опять говоришь «ну», «конечно». Прежде ты прямо говорилъ «люблю», и я слышала это въ твоемъ голосѣ, видѣла въ твоихъ глазахъ, а сейчасъ этого нѣтъ. А именно теперь, именно теперь,—съ удареніемъ повторяла она, блѣднѣя, кладя ему руки на плечо, отдѣляя лицо его и всматриваясь въ него жадными глазами,—именно теперь мнѣ нужно знать это. Мнѣ важно знать. Пойми, я ничего не требую отъ тебя, никакихъ обязательствъ... ничего. Но мнѣ надо знать, что ты меня любишь.

Тогда онъ вмѣсто отвѣта притягивалъ ее къ себѣ, цѣловалъ и она уходила послѣ этихъ поцѣлуевъ такъ же неожиданно быстро, какъ ушла въ первый разъ.

И онъ каждый разъ послѣ этого чувствовалъ назойливое безпокойство, которое не могъ подавить даже работой, и безпокойство это происходило не отъ ея ревности и не отъ его охлажденія, а отъ смутнаго предчувствія катастрофы.

И въ этотъ вечеръ она появилась въ дверяхъ такъ-же неожиданно, какъ въ первый разъ. Онъ увидѣлъ въ ея лицѣ то же рѣшительное выраженіе и ту же блѣдность.

Ему стало ясно, что сейчасъ случится что-то непріятное и важное въ его жизни.

Вспомнилось, какъ въ горахъ на Кавказѣ онъ проѣзжалъ опасной дорогой: съ одной стороны была бездна, съ другой — нависшія надъ нимъ глыбы снѣга. Это было время снѣжныхъ обваловъ. Въ угрожающей тишинѣ лошади шли, тревожно пофыркивая и прядая ушами. Ямщикъ осетинъ, блѣдный и неподвижный, какъ изваяніе, держалъ туго натянутыя вожжи. И вдругъ случилось что-то дикое: лошади рванули съ страшной силой и понесли коляску надъ пропастью, и въ ту же минуту гдѣ-то, какъ будто въ небесахъ, что-то загудѣло, задрожало: обвалъ упалъ у нихъ за спиной. Онъ былъ спасенъ чудомъ, вѣрнѣе, инстинктомъ животныхъ.

Теперь у него надежды на такое чудо не было. Онъ ожидалъ такой же стихійной случайности, чувствовалъ, что она неотвратима, что вотъ-вотъ упадетъ какая-то лавина, глыба, которая преградитъ ему путь.

Прежде, чѣмъ сдѣлать движеніе навстрѣчу Уникѣ, онъ выжидающимъ взглядомъ торопилъ ее высказаться.

Но ей точно доставляло удовольствіе мучить его и даже въ глазахъ ея было что-то злое и мстительное.

«Ну, да,—говорилъ этотъ взглядъ, — тебѣ будетъ это непріятно, потому что у тебя нѣтъ настоящей любви ко мнѣ, и сама природа тебѣ мститъ за это».

Онъ не выдержалъ этого напряженнаго поединка взглядовъ и спросилъ:

— Что случилось?

Она сухо и жестко отрѣзала:

— Я беременна.

И при этомъ острый и злой огонекъ въ ея глазахъ сталъ еще пронзительнѣй. Она хотѣла заглянуть ему въ самую душу, чтобы сразу охватить все, все понять и знать, на что ей можно надѣяться. Ей нужна была не защита его, не покровительство; она не боялась ни позора, ни униженія, которые ожидали ее. Она ни на минуту не расчитывала на то, что онъ на ней женится; ей только нужна была его любовь.

Испугавъ, ошеломивъ его этой неожиданностью, она хотѣла такимъ образомъ выпытать у него настоящую правду.

Эти слова были именно то, чего онъ ожидалъ, но въ ожиданіи они казались ему страшнѣе; и прежде всего ему стало жаль ее и стыдно за свой страхъ.

Онъ взялъ ее за обѣ руки и глядя въ ея глаза смягченнымъ и ласковымъ взглядомъ, стараясь ободрить ее улыбкой, въ которой засвѣтилась настоящая нѣжность и жалость къ ней, онъ при-

влекъ ее къ себѣ и обнялъ ея талію рукою, не сводя съ нея глазъ.

У нея заколотилось сердце, и вся надуманная злоба и мстительность сразу схлынули, глаза залились слезами раньше, чѣмъ она почувствовала, что плачетъ, и, опустившись на кушетку, прижавши свою голову къ его плечу, она стала рыдать, смочивъ его шею и кончикъ уха слезами.

— Ну полно, полно, моя дѣвочка, моя родная,—пытался онъ успокоить ее голосомъ, въ которомъ слышалась непривычная нѣжность и, выдернувъ шпильку изъ ея шляпы, сбившейся на сторону и придававшей ей жалкій и растрепанный видъ, онъ гладилъ ея красивые волосы.

Подъ вліяніемъ его ласкъ, она зарыдала сильнѣе. Онъ хотѣлъ тихо освободиться и принести ей воды, но она не отпускала его и бормотала сквозь слезы, не поднимая головы:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не уходи... только не уходи. Мнѣ страшно, я боюсь.

— Успокойся, успокойся. Тутъ нѣтъ ничего страшнаго, — твердилъ онъ, начиная вѣрить самъ въ то, что говоритъ.—Все будетъ хорошо. Мы все это обсудимъ, рѣшимъ.

Онъ самъ не зналъ, какъ онъ рѣшитъ, но ея страдальческое, жалкое положеніе такъ его размягчило, что въ эту минуту онъ готовъ былъ на все.

Она не дала ему высказаться вполнѣ, не дала вырваться тѣмъ словамъ, которыя для него могли бы быть роковыми.

Если бы не эта его нѣжность, она бы желала слышать отъ него именно тѣ слова, но то, что онъ проявилъ сейчасъ къ ней, стало его побѣдою надъ ея естественными и законными желаніями. Поднявъ голову, съ мокрымъ, покраснѣвшимъ лицомъ, которое стало некрасивымъ, но почти полнымъ счастья, она заговорила, глядя на него влажными глазами съ смокшимися и топорщившимися рѣсницами:

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай ничего, не надо. Это то, чего я хотѣла. Взгляни, ты видишь, я счастлива, я горда. Теперь ты будешь всегда со мною... я тебя чувствую здѣсь. Вотъ у меня подъ сердцемъ. Твою любовь, твои ласки, твою кровь!

Она поднялась, торжественная и почти величавая въ своей радости, въ сознаніи своего материнства. И въ напряженной дрожи ея голоса, въ лучистомъ сіяніи, которое струилось изъ ея влажныхъ глазъ сквозь смокшіяся рѣсницы, ему открылась изумительная красота и глубина, которая заставляла ее побѣдоносно отдаваться своимъ чувствамъ.

Ее послала природа, и она смѣло выполнила ея велѣніе, какъ выполняютъ ихъ цвѣты. И то, что было въ ней человѣческаго,

то-есть трусливаго и сомнѣвающагося, все это тонуло въ общей гармоніи и въ плавномъ движеніи ея чувства. Смѣлая и гордая, она пришла къ нему въ первый разъ и такою же стояла передъ нимъ сейчасъ, сознавая святость и величіе своего назначенія.

Онъ чувствовалъ благоговѣйный экстазъ и удивленіе и испугъ за свою слабость и раздробленность. Всѣ его житейскія соображенія о послѣдствіяхъ, мелкая трусость за то, что онъ называлъ своей свободой и эти слова «обсудимъ» и «рѣшимъ», — все это показалось ему такой пошлостью, ненужностью.

Онъ былъ благодаренъ ей, что она такъ просто и естественно освободила его отъ того, что, въ сущности, не жило въ немъ, что онъ самъ презиралъ, какъ искаженіе человѣка.

Онъ въ первый разъ чувствовалъ радость особенной высокой близости къ ней, пріобщенія къ тайнѣ безсмертія, которая такъ удивительно проявилась между ними.

Онъ глядѣлъ на нее, на ея лицо, на ея фигуру, вызывавшую теперь трогательное вниманіе въ немъ и желаніе проникнуть въ это глубокое блаженство тѣла и крови, которое носитъ въ себѣ и непонятно и чудно творитъ другое существо. Онъ видѣлъ во всемъ этомъ праздникъ молодости, праздникъ жизни и у него вырвался короткій ликующій смѣхъ.

— Уника! Уника!—восклицалъ онъ, сжимая и цѣлуя ея руки, не находя словъ, чтобы высказать то, что переполняло его. — Это такъ нужно. Это огромно. Безъ этого нельзя!

Она притихла съ застывшей улыбкой кроткаго внутренняго сіянія, впивая въ себя его пробужденное ею гордое ликованіе.

Сомнѣнія и тревоги сразу провалились куда-то и передъ нею открылись свѣтъ и даль.

Онъ отъ избытка новыхъ чувствъ не могъ сидѣть и, порывисто поднявшись съ дивана, большими и легкими шагами сталъ ходить по мастерской, откидывая въ сторону руки, вздрагивая ими въ воздухѣ, какъ птица крыльями, и восторженно потряхивая головой, всѣмъ этимъ безсознательно выражая наплывъ неизвѣданныхъ, торжествующихъ чувствъ.

Она съ веселымъ изумленіемъ слѣдила за его порывистыми, скользящими движеніями, которымъ, по ихъ размаху, мала была діагональ этой комнаты, и когда онъ вдругъ остановился передъ ней, глядя куда-то въ невѣдомую прозрачную безконечность, съ полуоткрытымъ ртомъ и разставленными ногами, она не выдержала и громко разсмѣялась. Онъ опомнился, застигнутый врасплохъ на чемъ-то несвойственномъ ему, и неожиданно покраснѣлъ и спросилъ ее:

— Чего ты?

— Ты былъ сейчасъ ужасно смѣшной...

Онъ обидчиво приподнялъ брови, но она, взявъ двумя нѣжными ладонями его лицо, продолжала, съ тѣми же короткими искрами смѣха:

— И милый, удивительно милый и чудный, какимъ я никогда тебя не видѣла! Совсѣмъ, какъ мальчишка. Скажи мнѣ, что ты думалъ?

Онъ развелъ руками, стараясь припомнить, но, пожавъ плечами, разсмѣялся и, блестя крѣпкими, влажными зубами, отвѣтилъ:

— Не помню... кажется, ничего... да, именно, рѣшительно ничего не думалъ.

— Почему же ты дѣлалъ такъ руками?—показала она.

— Да? Я такъ дѣлалъ руками? Я этого не зналъ. Вѣроятно, потому, что мнѣ было легко, такъ легко, что хотѣлось полетѣть. Уника!—восторженно закричалъ онъ, схвативъ ее на руки и свободно сдѣлавъ съ ней нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Но вдругъ онъ остановился съ испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ и бережно поставилъ ее на полъ, бормоча:

— Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ! Я забылъ... я повредилъ тебѣ! Навѣрно повредилъ?

— Глупый, но милый, чудный! — снисходительно-ласково говорила она.

Она чувствовала теперь свое превосходство надъ нимъ, сообщаемое ей ея материнствомъ, и лицо ея пріобрѣло новое выраженіе того высокаго благородства, которое вызывается присутствіемъ новой, внутренней, таинственной жизни.

А. Өедоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторiи съ соцiологической точки зрѣнiя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Удѣльная Русь (XIII, XIV. XV и первая половина XVI вѣка).

(*Продолженiе* *).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Сѣверо-восточная Русь съ XIII до половины XVI вѣка.

Глава первая.

Природа и населенiе сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI вѣка.

Переходя ко второму отдѣлу нашего изложенiя исторiи удѣльнаго перiода, — къ Руси сѣверо восточной, — мы должны прежде всего точнѣе опредѣлить предѣлы территорiи, подлежащей нашему изученiю. Съ сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока эта территорiя граничила съ владѣнiями Великаго Новгорода, отмѣченными уже въ предшествующемъ отдѣлѣ. Теперь остается поэтому указать только западныя, юго-западныя, южныя, юго-восточныя и восточныя ея границы. На западѣ и юго-западѣ граница сѣверо-восточной Руси шла отъ Волоколамска нѣсколько западнѣе Можайска къ Окѣ до Алексина (нынѣ уѣздный городъ Тульской губ.), затѣмъ она поворачивала на сѣверовостокъ по Окѣ до Коломны, а отъ Коломны спускалась почти прямой линiей къ верховьямъ Дона до южныхъ предѣловъ нынѣшней Рязанской губернiи. Отсюда граница опять поднималась на сѣверо-востокъ до средняго теченiя рѣки Цны, шла по этой рѣкѣ до впаденiя ея въ Оку, а затѣмъ по Окѣ до Нижняго-Новгорода. Далѣе территорiя сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время, выдвинувшись на востокъ къ теченiю рѣки Суры, сливалась съ вятскими владѣнiями Новгорода и съ поселенiями зырянъ. Можно такимъ образомъ сказать, что область, подлежащая сейчасъ нашему изученiю обнимала слѣдующiя нынѣшнiя губернiи: восточную и юго-восточную часть Тверской губ., почти всю Московскую, всю Ярославскую, восточную часть Новгородской съ примыкающими къ ней южными окраинами Олонецкой губернiи, юго-западную часть Вологодской губернiи, большую часть губернiи

*) См. „Мiръ Божiй“, № 8, августъ 1904 г.

Костромской, всю Владимірскую губернію, сѣверо-западную часть Тамбовской и, наконецъ, всю почти Рязанскую губернію. Къ этому можно бы еще прибавить русскія поселенія по верхнему теченію Камы, которыя становятся замѣтными въ XV вѣкѣ, но такъ какъ прикамская область не играла еще въ удѣльное время важной роли, то удобнѣе разсматривать ея исторію уже при изученіи слѣдующаго періода.

Намъ уже извѣстенъ рельефъ восточно-европейской равнины, почему теперь нѣтъ нужны останавливаться на его характеристикѣ. Въ климатическомъ отношеніи очерченная сейчасъ территорія характеризуется, какъ переходная отъ суроваго сѣвера къ благодатному югу: климатъ здѣсь континентально-умѣренный, причемъ рѣзкихъ различій на всемъ пространствѣ между отдѣльными частями области не наблюдается. Подобно тому, какъ по климату сѣверо-восточная Русь представляетъ собою нѣчто среднее между двумя крайностями. существующими на равнинѣ, такимъ же среднимъ она является и въ отношеніи орошенія и почвы. Намъ уже извѣстно, что сѣверо-западъ равнины — область новгородскихъ пятинъ—можно признать типичнымъ болотно-озернымъ краемъ, изобилующимъ водою; наоборотъ, юго-восточная окраина отличается бѣдностью орошенія,—малымъ количествомъ рѣкъ и озеръ и скудостью атмосферическихъ осадковъ. Изучаемая нами область не бѣдна ни рѣками, ни озерами, даже богата ими въ очень большой мѣрѣ, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи области вольныхъ городовъ. Самыми важными водными артеріями являются Волга, Ока и Москва. Переходъ отъ скудныхъ почвенныхъ условій сѣвера и сѣверозапада къ южному чернозему совершается въ сѣверо-восточной Руси съ большой постепенностью: сначала, въ сѣверной части области, наблюдается преобладаніе болотной почвы и подзола, потомъ, по мѣрѣ приближенія къ Волгѣ, на первый планъ выступаютъ песчаныя и суглинистыя почвы, господствующія на всемъ пространствѣ между Волгой и Окой и перемежающіяся кое-гдѣ сѣрыми лѣсными землями, а также—по берегамъ рѣкъ—аллювіальными почвами; наконецъ, за Окой, въ нынѣшней Разанской губерніи, начинается полоса настоящаго сплошного чернозема.

Одной изъ отличительныхъ чертъ природы сѣверо-восточной Руси слѣдуетъ признать чрезвычайное обиліе лѣсовъ, почти сплошь покрывавшихъ всю область въ теченіе удѣльнаго періода. Объ этомъ обиліи свидѣтельствуютъ единогласно акты, житія святыхъ и извѣстія иностранныхъ наблюдателей. Такъ, по актовому матеріалу, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ лѣса занимали не менѣе 45% всей площади; Комельскій лѣсъ, находившійся на границахъ нынѣшнихъ Вологодской и Костромской губерніи, былъ непроходимъ по житіямъ святыхъ конца XV вѣка. О громадныхъ лѣсахъ въ Костромскомъ, Галицкомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ имѣемъ свидѣтельства для XIV вѣка въ житіи св. Пахомія, а для начала XVI—въ сочиненіи Герберштейна. По житію св. Адріана,

*

еще въ 40-хъ годахъ XVI вѣка въ Пошехонскихъ предѣлахъ былъ «дикій лѣсъ» и т. д. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Рязанскій край уже тогда былъ менѣе лѣсистъ, а въ нѣкоторыхъ центральныхъ уѣздахъ, по крайней мѣрѣ въ XV в., наблюдалось уменьшеніе лѣсной площади; такъ, житіе св. Сергія Радонежскаго, составленное именно въ XV столѣтіи, сообщаетъ, что св. Сергій поселился въ пустынѣ и лѣсахъ, и только при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ (XIV в.) «сотвориша пустыню яко поля чиста многа, *якоже и нынѣ нами зрима суть*». Лѣса имѣли большое значеніе въ качествѣ естественныхъ преградъ, раздѣлявшихъ бассейны разныхъ рѣкъ.

Переходя къ зоологическимъ богатствамъ, нельзя не отмѣтить, что въ этомъ отношеніи сѣверо-восточная Русь удѣльнаго времени далеко уступала и Руси кіевской, и владѣніямъ вольныхъ городовъ XIII—XVI вѣковъ. Правда, не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается многочисленными указаніями источниковъ обиліе всякаго рода рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы къ концу періода это обиліе сколько-нибудь замѣтно уменьшилось; правда, и здѣсь—особенно въ XIII и XIV вѣкахъ—водилось много бобровъ и такихъ звѣрей, какъ медвѣди, волки, лисицы, серны, буйволы, зубры, лоси, но, во-первыхъ, количество такихъ звѣрей постепенно сокращалось, и, во-вторыхъ, мы тщетно стали бы искать здѣсь пушныхъ звѣрей, доставлявшихъ наиболѣе цѣнные мѣха,—соболей, куницъ, песцовъ и проч. Даже лучшія породы лисицъ, по свидѣтельствамъ иностранцевъ, уже не встрѣчались въ XV и XVI вѣкахъ на территоріи сѣверовосточной Руси.

Заслуживаютъ, наконецъ, упоминанія нѣкоторыя минералогическія богатства, сдѣлавшіяся извѣстными въ изучаемое время. Такъ, область Устюжны и вообще среднее теченіе Шексны (такъ называемая Улома или Уломна) извѣстны были своимъ желѣзомъ, а соль водилась въ XIV и XV вѣкахъ въ Сольгаличѣ, Нерехтѣ, въ Переяславскомъ и Ростовскомъ озерахъ (Сольгаличъ и Нерехта въ нынѣшней Костромской губерніи, Переяславское озеро во Владимірской губерніи, а Ростовское въ Ярославской).

Опредѣленіе—хотя бы приблизительное—количества населенія въ удѣльной сѣверо-восточной Руси является попрежнему невозможнымъ за недостаткомъ данныхъ. Источники позволяютъ намъ, однако, представить себѣ съ достаточной ясностью процессъ колонизаціи, открывающій въ свою очередь нѣкоторую возможность судить и о степени плотности населенія. Колонизація сѣверо-восточной Руси съ XIII до половины XVI вѣка является непосредственнымъ продолженіемъ того интенсивнаго и массоваго передвиженія населенія изъ бассейна Днѣпра въ область Оки и верхней Волги, который намъ приходилось наблюдать въ концѣ кіевскаго періода въ XII столѣтіи. Мы начнемъ поэтому обзоръ колонизаціи съ южныхъ окраинъ, чтобы затѣмъ постепенно приблизиться къ центру и сѣверу.

Наши источники зарегистрировали въ XIII вѣкѣ послѣднія проявленія колонизаціоннаго теченія съ юга Россіи: извѣстно, что именно въ этомъ столѣтіи появились Руза (нынѣ уѣздный городъ Московской губ.), Гороховецъ, Стародубъ и Ярополчъ (всѣ три въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губ.), наконецъ, Нижній-Новгородъ (осн. въ 1221 г.). Быть можетъ, не безъ вліянія этого притока населенія съ юга возникли и два рязанскихъ монастыря также въ XIII столѣтіи — Богословскій къ сѣверу отъ Рязани и Ольговъ-Богородицкій къ юго-востоку отъ нея. Но если въ XIII вѣкѣ совершенно несомнѣннымъ надо признать воздѣйствіе со стороны на ходъ колонизаціоннаго процесса въ сѣверо-восточной Руси, особенно въ южныхъ ея окраинахъ, то XIV, XV и особенно первая половина XVI столѣтія представляютъ собою въ отношеніи колонизаціи уже совсѣмъ другую картину: въ это время заселеніе пустыхъ мѣстъ въ изучаемой нами территоріи происходитъ исключительно подъ вліяніемъ естественнаго прироста населенія. Самая южная изъ областей сѣверо-восточной Руси — земля Рязанская—въ XIV, XV и XVI вѣкахъ отличалась уже весьма значительной населенностью, что видно какъ изъ небольшого числа вновь появляющихся внѣ городовъ монастырей, такъ и изъ отсутствія пустошей въ составѣ поселеній и изъ значительнаго количества селъ, деревень и починковъ: въ XIV столѣтіи былъ основанъ только одинъ внѣгородской монастырь—Солотчинскій, а въ XV также одинъ—Богоявленскій на Боркахъ; Ольговъ монастырь пріобрѣлъ во второй половинѣ XIV вѣка 5 погостовъ, въ которыхъ считалось тогда 1.010 семей; у Солотчинскаго монастыря въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія совершенно не было пустошей, а были только села, деревни и и починки *).

Нынѣшняя Московская губернія съ сѣверными частями Калужской и Тульской представляетъ собою на югѣ окраинную область, а въ сѣверной своей части центральную. Повидимому, въ XIV и даже въ XV вѣкахъ эта область не отличалась такою плотностью населенія, какъ Рязанская, и потому здѣсь населеніе росло ускореннымъ темпомъ, можетъ быть, приливало и изъ сосѣднихъ областей сѣверо-восточной Руси. Самымъ яркимъ признакомъ такого ускореннаго роста и происходящаго отсюда заселенія свободныхъ земель является основаніе цѣлаго ряда внѣгородскихъ монастырей: построенные въ XIV вѣкѣ монастыри, какъ Высоцкій (около Серпухова), Троицкій-Сергіевъ, Хотьковъ, Стромынскій (къ сѣверу отъ Богородска), Саввинъ-

---

*) Основаніе внѣгородскихъ монастырей важно по той причинѣ, что они обыкновенно появлялись въ незаселенной мѣстности и были исходными пунктами дальнѣйшей колонизаціи. Пустоши—покинутыя поселенія, указывающія на отливъ населенія; починки, какъ новые поселки, свидѣтельствуютъ о приливѣ населенія; большое число селъ и деревень—признакъ плотности населенія.

Сторожевскій (къ западу отъ Звенигорода) и Николо-Угрѣшскій (къ юго-востоку отъ Москвы) какъ бы намѣтили своимъ положеніемъ западные, южные, восточные и сѣверные предѣлы области, а послѣдующая монастырская колонизація заполнила эти предѣлы: XV вѣкъ далъ московской землѣ не менѣе десяти новыхъ внѣгородскихъ монастырей *); въ то же время появляется новый городъ Бронницы. Но уже къ концу этого вѣка наблюдается нѣкоторое равновѣсіе между приливомъ населенія и его отливомъ: всѣ свободныя мѣста, болѣе удобныя для поселенія, уже заняты, и колонизаціонный процессъ входитъ въ нормальное русло, потому что достигнута извѣстная степень плотности населенія, подходящая къ условіямъ даннаго историческаго момента. Это видно изъ того, что въ большей части актовъ конца XV столѣтія нѣтъ ни починковъ, ни пустошей. Тѣ же отличительныя черты характеризуютъ колонизацію Московской земли и въ первой половинѣ XVI вѣка, когда здѣсь появляется всего только два новыхъ внѣгородскихъ монастыря (Давидовъ-Вознесенскій къ сѣв.-вост. отъ Серпухова и Медвѣдевъ-Богородицкій къ сѣв.-зап. отъ Дмитрова), а актовый матеріалъ отмѣчаетъ, при небольшомъ вообще числѣ пустошей и починковъ, незначительное преобладаніе послѣднихъ надъ первыми и очень большое число селъ и деревень; для примѣра отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ дмитровскихъ имѣніяхъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка считалось 129 деревень, 17 починковъ (11,3%) и 4 пустоши (2,3%).

Схема колонизаціоннаго процесса, установленная нами сейчасъ для Московской земли, характерна и для другой центральной области, именно Владимірской: и здѣсь XIV вѣкъ какъ бы намѣчаетъ предѣлы будущей колонизаціи основаніемъ монастырей, какъ Борисоглѣбскій на Ушнѣ (около Мурома), Киржачскій (къ сѣв.-зап. отъ Покрова), Успенскій-Дубенскій (къ сѣв.-зап. отъ Александрова), Мохрищскій-Троицкій (къ югу отъ Александрова) и Василіевъ-Мячковскій (къ сѣв.-вост. отъ Гороховца), XV столѣтіе—время наиболѣе напряженной колонизаціи, а въ XVI достигается извѣстный предѣлъ населенности, колонизація входитъ въ норму и отличается умѣренностью. Въ XV вѣкѣ наблюдаемъ и здѣсь появленіе новыхъ монастырей **) и умноженіе починочныхъ поселеній, а для XVI типическимъ примѣромъ, взя-

---

*) Высоцкій-Покровскій (близъ Боровска), Изосиминъ-Успенскій (къ юго-зап. отъ Клина), Іосифовъ-Волоколамскій, Троицкій-Бѣлопесоцкій (къ юго-вост. отъ Серпухова), Соловецкій-Марчуговскій (къ востоку отъ Бронницъ), Рождественскій-Богородскій (около Малоярославца), Пятницкій-Берендѣевъ (къ сѣверу отъ Звенигорода), Пафнутіевъ-Боровскій, Лужецкій (къ сѣверу отъ Можайска) и Левкіевъ (къ юго-зап. отъ Волоколамска).

**) Таковы: Николаевскій-Шартоминскій (къ сѣверу отъ Шуи), Козьминъ-Успенскій-Яхромскій, Сновицкій (къ сѣв.-зап. отъ Владиміра), Михайловскій (въ 12 в. отъ Коврова).

тымъ изъ цѣлаго ряда другихъ, ему подобныхъ, являются владѣнія митрополита въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ въ 1520 году: здѣсь было 79 селъ и деревень, 6 починковъ (6,7%) и 4 пустоши (4,4%). Вполнѣ понятно, почему потомки первыхъ поселенцевъ, которымъ стало тѣсно на новыхъ мѣстахъ послѣ переселенія ихъ отцовъ съ юга, стремились охватить область пошире: ихъ старыя хозяйственныя привычки къ хищнической добывающей промышленности, первобытному скотоводству и подсѣчному земледѣлію вынуждали ихъ на это. Позднѣе приходилось отступать отъ старины, сжиматься тѣснѣе, заселять промежуточныя между ранѣе захваченными мѣстами пространства. Схема колонизаціоннаго процесса вскрываетъ такимъ образомъ и основную движущую его причину.

Естественно поэтому, что и въ третьей центральной области сѣверовосточной Руси—въ Ярославской землѣ—можно наблюдать появленіе въ XIV вѣкѣ внѣгородскихъ монастырей на окраинахъ: на южной окраинѣ, къ сѣверо-западу отъ Ростова, въ 1303 г. основанъ былъ Борисоглѣбскій монастырь, а на крайнемъ сѣверо-востокѣ области, близъ нынѣшняго Любима, появился Воскресенскій-Обнорскій монастырь. Затѣмъ въ XV вѣкѣ, опять согласно указанной схемѣ, колонизація обращается внутрь области и идетъ чрезвычайно быстро и горячо: умножаются монастыри *), увеличивается число починковъ **). Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. движеніе входитъ въ норму: монастыри появляются вновь въ видѣ исключеній и опять на окраинахъ, потому что центръ уже заселенъ, между пустошами и починками устанавливается приблизительное равновѣсіе. Такими новыми окраинными монастырями Ярославскаго края въ первой половинѣ XVI вѣка являются Адріановъ-Успенскій къ юго-востоку отъ Пошехонья и Спасо-Геннадіевъ къ юго-востоку отъ Любима. Для примѣра относительнаго количества поселеній разнаго рода въ XVI вѣкѣ можно указать на владѣнія Троицкаго-Сергіева монастыря въ Ростовскомъ уѣздѣ: они состояли изъ 110 селъ и деревень, 2 починковъ (1,7%) и 5 пустошей (4,2%).

Намъ остается теперь остановить свое вниманіе на колонизаціи окраинъ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени,—западной, т.-е. Тверской земли, сѣверной, т.-е. Бѣлозерской области, съ одной стороны, и Вологодской—съ другой, наконецъ, восточной окраины, состоявшей изъ земель Костромской и Нижегородской. Тверская область уже въ XII и XIII вѣкахъ достигла значительной плотности населенія,

---

*) Воскресенскій въ Корашѣ (къ югу отъ Ростова), Златоустовъ-Райскій (къ сѣв. отъ Мологи), Кассіановъ-Учемскій (къ сѣв-вост. отъ Углича), Николаевъ-Улейминскій (къ юго-вост. отъ Углича), Покровскій-Паисіевъ (къ юго-зап. отъ Углича), Троицкій-Сергіевъ Варницкій (къ сѣверу отъ Ростова).

**) Напр., у митрополита въ XV в. въ Рост. уѣздѣ было 209 дер. и 25 починковъ, пустошей же не было совсѣмъ.

бо́льшей, чѣмъ Московская въ то же время. Поэтому въ послѣдующее время заселеніе ея не отличается интенсивнымъ характеромъ, идетъ послѣдовательно и ровно: внѣгородскіе монастыри въ XV и XVI столѣтіяхъ появляются въ небольшомъ количествѣ *), а починки обыкновенно нѣсколько преобладаютъ надъ пустошами, при многочисленности селъ и деревень: такъ по тверской писцовой книгѣ 1540 г. считалось 2.542 села и деревни, 327 починковъ (10,7%) и 187 пустошей (6,1%).

Несравненно слабѣе были населены сначала сѣверныя окраины. Наиболѣе населенною частью Бѣлозерскаго края до XVI вѣка были, по всѣмъ признакамъ, берега Шексны, южный берегъ Бѣлоозера и мѣстности на югъ и востокъ отъ послѣдняго: такъ-по Шекснѣ лежали неоднократно упоминаемыя въ актахъ XV вѣка Череповская волость, волость Ѳедосьинъ городокъ, Улома. По многимъ притокамъ Шексны, какъ Бородава, Сярсь, Чурава, также были уже въ XV вѣкѣ довольно значительныя поселенія. Наконецъ, берега озеръ, лежащихъ между Бѣлоозеромъ и Шексной, съ одной стороны, и Кубенскимъ озеромъ—съ другой, равно какъ и берега рѣкъ, текущихъ въ эти озера, также были заселены довольно плотно до XVI столѣтія. Мѣстные монастыри, появившіеся въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, всѣ находились къ югу и юго-востоку отъ Бѣлоозера: таковы Троицкій-Устьшехонскій, Кирилловъ-Бѣлозерскій, Ѳерапонтовъ, Никитскій, Благовѣщенскій-Ворбозомскій монастыри. Только одинъ монастырь XV вѣка, основанный св. Мартиніаномъ, ученикомъ Кирилла Бѣлозерскаго, выдвинулся на сѣверъ,—на островъ озера Воже. И вообще къ сѣверу отъ Бѣлоозера населеніе было несравненно слабѣе. Такое расположеніе поселеній XIII, XIV и XV вѣковъ показываетъ, что населеніе шло сюда изъ бассейна Волги, изъ Тверской и Ярославской земли. Но и въ первой половинѣ XVI вѣка въ наиболѣе населенной части Бѣлозерскаго края оставались еще пустыя мѣста, привлекавшія поселенцевъ, какъ то видно изъ основанія сдѣсь ряда новыхъ монастырей **) и изъ появленія новыхъ, прежде не существовавшихъ волостей по Шекснѣ. Въ то же время колонизація подвигалась все далѣе къ сѣверу: починки въ актахъ попадаются очень часто и въ бо́льшемъ количествѣ, нежели пустоши.

Наиболѣе населенной частью Вологодской земли до XVI вѣка надо признать ту, которая непосредственно примыкала къ Бѣлозерщинѣ,—именно берега Кубенскаго озера, рѣкъ, въ него впадающихъ и изъ него вытекающихъ. Здѣсь въ XIII, XIV, XV вѣкахъ появилось много

*) Спасо-Ренскій и Рябово-Троицкій въ XV в., Успенскій-Иваницкій и Раковъ-Покровскій монастыри—въ XVI в.

**) Новоезерскій, Илоозерскій, Воронина пустынь, Горицкій—Воскресенскій монастырь, Даниловъ монастырь.

монастырей: Спасо-Каменный, Александровъ-Куштскій, Спасо-Евѳиміевъ Сянжемскій, Спасо-Прилуцкій, Діонисіевъ-Глушицкій, Григоріевъ Пельшемскій и т. д. Другая группа вологодскихъ монастырей, основанныхъ въ XIV и XV вѣкахъ, лежала отдѣльно отъ только что перечисленныхъ, по сосѣдству съ Костромскимъ краемъ и отчасти съ Ярославскимъ, въ такъ называемомъ Комельскомъ лѣсу. То были Павловъ-Обнорскій, Сергіевъ-Нуромскій, Корниліевъ-Комельскій, Иннокентіевъ Спасо-Преображенскій монастыри. Два послѣднихъ монастыря возникли только въ самомъ концѣ XV вѣка, что, на ряду съ указаніями житій святыхъ на непроходимость мѣстныхъ лѣсовъ, свидѣтельствуетъ о слабой населенности этой мѣстности въ то время. Болѣе сильное колонизаціонное теченіе замѣтно здѣсь только въ первой половинѣ XVI столѣтія, когда появляется рядъ новыхъ волостей, и строятся монастыри, какъ Стефановъ-Никольскій, Авнежскій, Арсеніевъ - Ризположенскій и т. д. Все только что сказанное убѣждаетъ, что первоначальные русскіе поселенцы проникли въ Вологодскій край изъ Бѣлозерской земли, и лишь позднѣе замѣтной становится колонизація края изъ Ярославской и Костромской земель. Третій важный колонизаціонный районъ Вологодскаго края—это Устюжская область, въ которой сталкивались два встрѣчныхъ колонизаціонныхъ потока—новгородскій и приволжскій. Здѣсь населеніе еще и въ XV и XVI вѣкахъ было, однако, сколько нибудь плотнымъ только по теченію Сѣверной Двины съ ея притоками. Остальная же часть края представляла собою, по выраженію актовъ, «черный лѣсъ» или «дикія мѣста», въ которыя лишь отдѣльными разбросанными единицами проникали одинокіе поселенцы.

Костромской край въ XIV вѣкѣ заселялся, повидимому, даже быстрѣе Вологодскаго: въ это время возникаетъ здѣсь не менѣе семи внѣгородскихъ монастырей, разбросанныхъ на очень большомъ пространствѣ, очерчивающихъ огромную территорію *). Гораздо рѣже попадаются новые монастыри въ XV **) и первой половинѣ XVI вѣка ***), и въ то же время, на ряду съ селами, деревнями и починками, въ костромскихъ актахъ появляется много пустошей, причиной чего надо считать внѣшнія опасности, угрожавшія краю съ появленіемъ Казанской орды на Волгѣ.

Одинаковую съ Костромскимъ краемъ участь въ этомъ отношеніи переживалъ и Нижегородскій край: ему много приходилось терпѣть въ концѣ удѣльнаго періода отъ хищничества казанскихъ татаръ, задерживавшихъ своими набѣгами приливъ населенія и вынуждавшихъ пра-

*) Таковы монастыри Троицкій-Сыпановъ, Паисіевъ-Успенскій, Аврааміевъ-Покровскій, Аврааміевъ-Успенскій, Бабаевскій-Николаевскій, Желѣзноборовскій-Предтеченскій и Ипатьевскій.

**) Ихъ два: Крестовоздвиженскій-Николаевскій и Александровъ-Спасскій.

***) Только одинъ—Жуково-Богородицкая пустынь.

вительство выдвигать на защиту поселенцевъ аванпосты въ видѣ укрѣпленныхъ городовъ, какимъ былъ, напр., построенный въ 1523 г. Васильсурскъ. Однако, татары не были въ силахъ вполнѣ уничтожить колонизаціонный процессъ въ Нижегородской и Костромской земляхъ; они только на время его замедлили.

Произведенныя сейчасъ наблюденія надъ процессомъ колонизаціи русскаго сѣверо-востока даютъ возможность сдѣлать нѣсколько очень важныхъ общихъ выводовъ. Прежде всего мы видѣли органическую связь изслѣдованнаго сейчасъ процесса съ движеніемъ населенія въ кіевскій періодъ. Затѣмъ мы наблюдали дальнѣйшее развитіе его подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ условій, вслѣдствіе роста населенія. Далѣе: каждая обширная область, «земля» или «великое княженіе» удѣльной Руси опредѣлилась въ своихъ будущихъ предѣлахъ именно благодаря процессу колонизаціи, потому что поселенцы сразу захватывали возможно болѣе обширный районъ, и потомъ уже начиналось движеніе внутрь или вглубь отдѣльныхъ намѣченныхъ вначалѣ областей; наконецъ, самый ходъ колонизаціи находился въ сильной зависимости отъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ въ разныхъ направленіяхъ страну, а также отъ лѣсовъ, ее покрывавшихъ: поселенцы двигались именно по рѣкамъ и обыкновенно замыкались въ бассейнѣ той рѣки, гдѣ осѣдали, будучи изолированы отъ своихъ сосѣдей непроходимыми лѣсами, занимавшими водораздѣлы между разными бассейнами. Послѣднее замѣчаніе является отвѣтомъ на одинъ изъ основныхъ вопросовъ,—о вліяніи природы страны на ея колонизацію. Мы опять видимъ, что это вліяніе не велико, проявляется скорѣе въ подробностяхъ, чѣмъ въ главномъ, дѣйствуетъ черезъ второстепенныя сравнительно свойства природы, каковы орошеніе и ботаническія богатства. Напротивъ, климатъ и почва оказываются безсильными повліять сколько-нибудь замѣтно на процессъ заселенія бассейна Оки и верхней Волги.

При изученіи колонизаціи была намѣчена и основная ея движущая причина въ изучаемый періодъ—привычка къ старымъ хозяйственнымъ пріемамъ и къ господствовавшимъ въ кіевской Руси отраслямъ производства, требовавшимъ захвата возможно болѣе обширныхъ пространствъ для хозяйственной эксплуатаціи. Этимъ опредѣлился, такъ сказать, широкій размахъ движенія въ XIII и XIV вѣкахъ, его экстенсивный характеръ: намѣчены были обширные предѣлы, отнюдь не заполненные населеніемъ. Но мы видѣли, что вслѣдъ за этимъ ясно выразилось въ XV и XVI вѣкахъ другое явленіе: колонизаціонное теченіе внутрь и вглубь широко очерченныхъ вначалѣ областей. Въ это время колонизація приняла, слѣдовательно, болѣе интенсивный характеръ, сдѣлалась болѣе глубокой и прочной. Чѣмъ вызвана была такая перемѣна? Почему такъ существенно измѣнился характеръ колонизаціи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ точно и правильно, необходимо обратиться къ изученію народнаго хозяйства въ удѣльной сѣверо-восточной Руси.

Глава вторая.

Народное хозяйство удѣльной сѣверо-восточной Руси.

Изучая первый основной вопросъ хозяйственной исторіи,—вопросъ объ относительномъ значеніи отдѣльныхъ отраслей промышленности въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время,—мы уже на основаніи извѣстныхъ намъ изъ предшествующаго изложенія данныхъ можемъ сдѣлать заключеніе о преобладаніи въ началѣ періода, въ XIII вѣкѣ, добывающей промышленности на всемъ пространствѣ русскаго сѣверо-востока. Въ самомъ дѣлѣ: мы видѣли, чѣмъ по преимуществу было вызвано массовое передвиженіе русскаго населенія въ XII вѣкѣ изъ Поднѣпровья въ бассейнъ Оки и верхней Волги: оно было вызвано, главнымъ образомъ, стремленіемъ остаться при старыхъ хозяйственныхъ привычкахъ, при занятіяхъ охотой, бортничествомъ, первобытнымъ скотоводствомъ, требовавшихъ обширной свободной территоріи. Естественно, что и на новыхъ мѣстахъ поселенцы не бросили этихъ занятій, продолжали посвящать имъ почти все свое время. Это подтверждается и сдѣланными только что наблюденіями надъ развитіемъ колонизаціи въ XIII вѣкѣ: потребность въ обширныхъ пространствахъ для охоты, пчеловодства и скотоводства вызвала, какъ мы видѣли, широту размаха при колонизаціи, быстрый захватъ громадныхъ областей. Но если такъ было въ XIII вѣкѣ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что преобладаніе добывающей промышленности сохранилось и въ XIV, XV и тѣмъ болѣе въ первой половинѣ XVI вѣка. Чтобы освѣтить эту сторону дѣла, необходимо анализировать относящійся сюда матеріалъ, изданный и еще въ большей степени не изданный, хранящійся въ архивахъ, потому что одного изданнаго матеріала недостаточно для правильныхъ и обоснованныхъ выводовъ. Изучая этотъ матеріалъ, состоящій изъ разнаго рода актовъ или грамотъ—договорныхъ между князьями, духовныхъ, купчихъ, данныхъ, закладныхъ, жалованныхъ и т. д., а также изъ писцовыхъ книгъ, мы убѣждаемся, прежде всего, въ томъ, что *рыболовство* въ теченіе всего изучаемаго періода и на всемъ пространствѣ сѣверо-восточной Руси продолжало играть прежнюю весьма важную роль: рыбныя ловли, езы (приспособленія для зимней рыбной ловли), тони, озера, воды попадаются постоянно и на югѣ, какъ въ Рязанской землѣ, и на западѣ—въ Тверской, и на востокѣ—въ Нижегородской и Костромской земляхъ и на рѣкѣ Сурѣ, и на сѣверѣ—въ земляхъ Бѣлозерской, Вологодской, Устюжской, и, наконецъ, въ такихъ центральныхъ областяхъ, какими являются Московская, Владимірская и Ярославская. Никакого уменьшенія въ количествѣ рыбныхъ ловель къ половинѣ XVI вѣка незамѣтно. Это совершенно естественно въ виду тѣхъ поразительно громадныхъ рыбныхъ богатствъ, какими изобиловали въ то время рѣки и озера. Тѣми же естественными причинами, только въ этомъ случаѣ причинами климатическими, объ-

ясняется состояніе *пчеловодства* на русскомъ сѣверо-востокѣ въ удѣльный періодъ. О бортникахъ и оброкѣ медовомъ въ Московской землѣ говоритъ, напр., такой древній документъ, какъ духовная грамота Ивана Калиты, относящаяся къ 1328 году. Цѣлый рядъ актовъ XIV, XV и первой половины XVI вѣка, относящихся къ Коломенскому, Можайскому, Рузскому, Звенигородскому, Суздальскому, Владимірскому уѣздамъ, упоминаетъ о бортяхъ, бортныхъ соснахъ и дубахъ и о бортникахъ совершенно согласно съ завѣщаніемъ Калиты и тѣмъ подтверждаетъ, что пчеловодство въ центрѣ удѣльной Руси было, какъ и раньше, очень важной отраслью хозяйственной дѣятельности. Рязанскіе монастыри, какъ Ольговъ и Солотчинскій, владѣли въ XIV и XV вѣкахъ обширными бортными ухожаями на югѣ, и въ то же время пчеловодство встрѣчается на крайнемъ востокѣ и сѣверо-востокѣ,—на рѣкѣ Сурѣ и въ Костромскомъ краю. Зато мы тщетно стали бы искать бортей и бортниковъ на сѣверѣ—въ областяхъ Бѣлозерской, Вологодской и Устюжской: суровыя климатическія условія препятствовали развитію здѣсь пчеловодства, которое такимъ образомъ ограничивалось въ своемъ хозяйственномъ значеніи географически, не вліяло на складъ народнаго производства въ сѣверныхъ областяхъ. Этого мало: существуетъ еще одинъ признакъ того, что по крайней мѣрѣ мѣстами пчеловодство въ удѣльный періодъ стало терять первостепенное значеніе; такимъ признакомъ служитъ появленіе спеціалистовъ-бортниковъ, отличающихся отъ остальной массы крестьянства, хотя, конечно, эту спеціализацію нельзя понимать слишкомъ строго, не слѣдуетъ думать, что бортники только однимъ пчеловодствомъ и занимались. Однако, тутъ важно именно то обстоятельство, что, повидимому, значительные круги сельскаго населенія, даже главныя его массы, перестали заниматься пчеловодствомъ: иначе не появилась бы группа лицъ, которой усвоено было спеціальное названіе «бортники» или, какъ выражается житіе одного святого, «древолазцы». Итакъ, изученіе пчеловодства въ бассейнѣ Оки и верхней Волги приводитъ къ заключенію, что, хотя оно существовало и играло видную роль, но привлекало уже не всѣхъ жителей и даже не бóльшую ихъ часть, не говоря уже о томъ, что оно было распространено не повсемѣстно.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находилась въ то время *охота* за звѣремъ и птицей (звѣроловство и птицеловство). Безъ сомнѣнія, въ изучаемый періодъ были на русскомъ сѣверо-востокѣ мѣстности, въ которыхъ охота во всѣхъ ея видахъ составляла одно изъ главныхъ занятій жителей. Когда мы читаемъ, напримѣръ, лѣтописныя извѣстія, что въ 1417 году устюжане заплатили двинянамъ 8.080 соболей, а въ 1425 году—50.000 бѣлокъ и 240 соболей, когда въ актахъ того же Устюжскаго уѣзда въ XVI вѣкѣ намъ попадаются путики, перевѣсища, тетеревиныя ловли, а въ XV и XVI столѣтіяхъ путики и перевѣсы упоминаются въ Бѣлозерской области, когда, -на

конецъ, узнаемъ изъ житія св. Кассіана Учемскаго, что въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка около Углича «біяху звѣри много, лоси и елени и зубри же и буиволы и лисицы и серны, волцы же и медвѣди», то становится яснымъ, что весь сѣверъ изучаемаго нами пространства былъ въ очень еще значительной мѣрѣ охотничьей страной даже въ концѣ удѣльнаго періода. Картина значительно мѣняется по мѣрѣ приближенія къ югу. Правда, и въ центрѣ, и на западѣ, и на востокѣ, и на югѣ охота не въ качествѣ только забавы, но и какъ серьезное дѣло не исчезла изъ хозяйственнаго обихода и не потеряла всей важности, но, во-первыхъ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Владимірскій, Суздальскій, Дмитровскій, Рязанскій, Курмышскій (на рѣкѣ Сурѣ), акты отмѣчаютъ все время только бобровые гоны и перевѣсища, не указывая путиковъ, а во-вторыхъ, даже и бобровые гоны съ перевѣсищами встрѣчаются рѣже и рѣже, причемъ птичья охота мѣстами спеціализируется, какъ и пчеловодство,—появляются особые сокольники. Все это—очень важныя наблюденія, убѣждающія насъ въ томъ, что времена почти безраздѣльнаго господства добывающей промышленности безвозвратно миновали, что значеніе не только пчеловодства, но и охоты сильно уменьшилось.

Этотъ общій выводъ, касающійся положенія всей добывающей промышленности, не смягчается даже тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ уже намъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверо-восточной Руси въ XIV—XVI вѣкахъ существовало солевареніе; соль добывалась во Владимірской землѣ—въ Переяславскомъ и Ростовскомъ озерахъ,—а также въ Нерехтѣ и Сольгаличѣ, лежавшихъ въ предѣлахъ Костромской земли. Въ области Устюжны и по среднему теченію Шексны добывалось желѣзо. Однако, эти отрасли добывающей промышленности—особенно послѣдняя, т. е. добываніе желѣза,—были такъ мало развиты, что принимать ихъ въ разсчетъ при общемъ опредѣленіи относительно значенія разныхъ отраслей промышленности почти не приходится.

Оговорившись, что нельзя отрицать важность добывающей промышленности въ удѣльной сѣверо-восточной Руси, если эту промышленность взять самое по себѣ, замѣтимъ, что *первенствующую хозяйственную роль въ данное время начинаетъ играть та отрасль промышленности, которая была второстепенной въ кіевскій періодъ и не выдвинулась на первый планъ даже въ вольныхъ городахъ,—именно сельское хозяйство и—что особенно важно—не скотоводство, а земледѣліе.* Пожни, луга, сѣнокосы, наволоки (заливные луга), конюшенные и коровьи дворы, стада скота, правда, то и дѣло попадаются въ нашихъ источникахъ и теперь, но ошибочно было бы на этомъ основаніи выдвигать скотоводство на первый планъ сравнительно съ земледѣліемъ. Безъ сомнѣнія, были мѣстности, гдѣ самой природой и большей рѣдкостью населенія обусловлена была нѣкоторая распространенность ското-

водственныхъ занятій, но въ то же время рядъ наблюденій надъ источниками убѣждаетъ насъ въ преобладаніи земледѣлія, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ это преобладаніе становится замѣтнѣе. Само собой разумѣется, къ сѣверной окраинѣ это замѣчаніе примѣнимо менѣе, чѣмъ къ центру и югу, здѣсь можно предполагать такое же равновѣсіе между добывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, какое намъ приходилось наблюдать въ новгородскихъ пятинахъ. Но даже на сѣверѣ важность земледѣлія не можетъ подлежать сомнѣнію: еще въ XIII вѣкѣ основатель великоустюжскаго Архангельскаго монастыря Кипріанъ былъ, по мѣстному лѣтописцу, «земледѣлатель», а въ XV вѣкѣ тотъ же лѣтописецъ заботливо отмѣчаетъ годы неурожаевъ и цѣны на хлѣбъ. Въ источникахъ XIV, XV и XVI вѣковъ содержится рядъ указаній на первенствующее значеніе земледѣлія въ центральныхъ и южныхъ областяхъ сѣверо-восточной Руси. Объ этомъ прежде всего свидѣтельствуютъ житія мѣстныхъ святыхъ: поселившіеся здѣсь монахи, въ противоположность основателямъ сѣверныхъ монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соли, а воздѣлывали землю, занимались полевымъ, земледѣльческимъ хозяйствомъ. Типическими примѣрами монаховъ-хлѣбопашцевъ являются такіе святые, какъ Сергій Радонежскій, Стефанъ Махрищскій, Пахомій, основатель Сыпанова монастыря,—всѣ жившіе въ XIV вѣкѣ. О томъ же перевѣсѣ земледѣлія надъ другими отраслями народнаго труда свидѣтельствуютъ многочисленные акты, государственные и частные. Такъ, въ 1391 году митрополитъ Кипріанъ далъ уставную грамоту, опредѣляющую повинности крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ монастырей; характеръ этихъ повинностей не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преобладающемъ значеніи земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ: что это за повинности? Главныя изъ нихъ заключаются вотъ въ чемъ: «игумнову долю пашни пахать, сѣять и жать, сѣно косить, рожь молоть, хлѣбы печь, солодъ молоть, на сѣмя рожь молотить». Наконецъ, отъ конца XV и первой половины XVI вѣка до насъ дошло много отрывковъ изъ писцовыхъ книгъ по митрополичьимъ, монастырскимъ, иногда и частновладѣльческимъ имѣніямъ. Читая эти книги, легко убѣдиться, что земледѣліе стало главнымъ занятіемъ жителей почти во всей сѣверо-восточной Руси: послѣ подробнаго перечня поселеній, дворовъ въ нихъ и взрослаго мужского населенія указываются угодья, между которыми часто встрѣчаются рыбныя ловли, рѣдко борти и бобровые гоны, почти никогда перевѣсы и *всегда* пашня въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. При этомъ пашня въ описаніи выдвигается постоянно на первый планъ, а всѣ остальныя угодья описываются, какъ дополнительные, второстепенные придатки къ основному хозяйственному фонду имѣнія.

Извѣстія нашихъ источниковъ объ *обрабатывающей промышленности* въ сѣверо-восточной Руси чрезвычайно отрывочны, такъ что не мо-

гутъ дать полное и точное представленіе о предметѣ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и въ изучаемой періодъ эта отрасль народнаго труда имѣла сравнительно-ничтожное значеніе, по прежнему слабо развивалась, дѣлала лишь робкіе шаги впередъ. Къ числу наиболѣе распространенныхъ вѣтвей обрабатывающей промышленности принадлежало производство издѣлій изъ дерева, что̀, конечно, и естественно въ странѣ лѣсной: о плотникахъ говорится, напр., въ житіи св. Сергія Радонежскаго, затѣмъ въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка въ имѣніи Спасо-Прилуцкаго монастыря въ Вологодскомъ уѣздѣ; ложечники, упоминаемые въ городѣ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ 1520 году, вѣроятно, выдѣлывали свои ложки также изъ дерева, были токарями; посолъ германскаго императора Сигизмундъ Герберштейнъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Московіи» сохранилъ для насъ извѣстіе, что въ Калугѣ дѣлали деревянные кубки, искусно украшенные рѣзьбой, и другія деревянныя вещи, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ. Кузнецы, котельщики, гвоздочники, ковшечники, оловяничники, серебряники не разъ попадаются въ актахъ XV и XVI вѣковъ, что̀ указываетъ на разныя отрасли металлическаго производства. Духовныя завѣщанія московскихъ великихъ князей XIV и XV вѣковъ подтверждаютъ эти наблюденія, отмѣчая въ составѣ имущества князей много серебряныхъ и золотыхъ вещей: блюдъ, чашъ, кубковъ, ложекъ, цѣпей, шкатулокъ и т. д. Въ 1245 году итальянецъ Плано-Карпини видѣлъ при дворѣ татарскаго хана русскаго золотыхъ дѣлъ мастера. Въ Москвѣ въ 1410 году существовала даже особая пошлина съ серебрянаго литья. Есть—далѣе—указанія на гончарныя издѣлія. Наконецъ, сельское хозяйство въ обоихъ своихъ главныхъ отрасляхъ—земледѣліи и скотоводствѣ—доставляло значительный матеріалъ для текстильнаго производства,—для суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій,—а также для производства кожевеннаго. Это видно изъ такихъ извѣстій, какъ, напр., сообщеніе житія св. Февроніи Муромской, что она приготовляла холстину, или лѣтописная замѣтка 1365 года, что княгиня Василиса жила въ монастырѣ, «тружаяся рукодѣліемъ»; на то же указываетъ матеріалъ обычной тогда русской одежды,—всѣхъ этихъ епанчей, корзнъ, охабней или однорядокъ, обыкновенныхъ крестьянскихъ сермягъ изъ овечьей шерсти, шерстяныхъ и валяныхъ шляпъ; св. Сергій Радонежскій, какъ извѣстно, шилъ кожаные сапоги на братію, а грамоты удѣльнаго періода отмѣчаютъ неоднократно существованіе въ разныхъ мѣстахъ кожевниковъ, сѣдельниковъ и овчинниковъ. Но два обстоятельства заставляютъ насъ не преувеличивать значенія всѣхъ этихъ, на первый взглядъ довольно многочисленныхъ, промысловъ: во-первыхъ, каждый разъ какъ мы видимъ описаніе цѣльнаго хозяйства, приходится наблюдать, какъ лица, занимающіяся обрабатывающей промышленностью, тонутъ въ общей массѣ населенія: такъ, напр., въ рядѣ дошедшихъ до насъ

описаній митрополичьихъ имѣній конца XV вѣка чрезвычайно рѣдко мелькаютъ передъ нашими глазами «мастеровые люди» и всегда въ очень небольшомъ количествѣ; во-вторыхъ, всѣ лучшія издѣлія изъ металловъ, сукна, шерсти и даже кожи получались изъ-за границы.

Переходя къ характеристикѣ *торговли*, внутренняго и внѣшняго обмѣна, необходимо прежде всего поставить внѣ всякихъ сомнѣній тотъ фактъ, что *хозяйство сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ продолжало быть натуральнымъ*, разсчитаннымъ не на сбытъ, а на собственное потребленіе производителей хозяйственныхъ благъ. Въ этомъ убѣждаетъ прежде всего натуральный характеръ владѣльческихъ оброковъ за землю: эти оброки состояли или въ уплатѣ хлѣба въ извѣстномъ количествѣ четвертей съ прибавкой разнаго рода другихъ продуктовъ—мяса, баранины, яицъ, льну и пр.,—или въ уступкѣ крестьяниномъ землевладѣльцу доли урожая, обыкновенно половины; половничество особенно часто встрѣчается въ это время въ сѣверныхъ частяхъ изучаемой территоріи. Затѣмъ такъ называемый «кормъ», т.-е. вознагражденіе, получаемое отъ жителей областными правителями вмѣсто обычнаго теперь казеннаго жалованья, въ XIII и XIV вѣкахъ состоялъ обыкновенно изъ натуральныхъ же приношеній, и только въ XV стали дозволять замѣну ихъ деньгами, причемъ, однако, нормальнымъ считался все-таки поборъ натурой. Типическимъ примѣромъ этого являются слѣдующія постановленія одной грамоты Троицкаго-Сергіева монастыря, относящейся къ пятидесятымъ годамъ XV столѣтія: крестьяне Радонежскихъ имѣній монастыря обязаны были давать въ видѣ корма съ каждыхъ двухъ плуговъ княжескому намѣстнику на Рождество Христово полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, 10 хлѣбовъ, «а не любъ полоть, ино два алтына, а не любъ мѣхъ овса, ино алтынъ, а не любы хлѣбы, ино за ковригу по дензѣ». Если къ этому прибавить, что государственные денежные налоги были немногочисленны, окладъ ихъ невеликъ и притомъ не установился прочно, постоянно мѣняясь, главное же значеніе принадлежало натуральнымъ повинностямъ, въ родѣ, напр., городового дѣла, т.-е. обязанности жителей строить укрѣпленія, то станетъ понятнымъ, что масса населенія имѣла въ рукахъ своихъ даже къ концу періода совершенно ничтожныя денежныя суммы, очевидно по той причинѣ, что добыть ихъ было неоткуда, такъ какъ торговля была слабо развита, большинство населенія не было втянуто въ торговый оборотъ. Послѣдующее изложеніе будетъ, такимъ образомъ, посвящено лишь указаніямъ на перемѣны, несомнѣнно уже намѣчавшіяся въ процессѣ хозяйственнаго развитія русскаго сѣверо-востока сравнительно съ кіевской Русью и свидѣтельствующіе не о переходѣ къ денежному хозяйству, а о томъ лишь, что періодъ господства хозяйства натуральнаго не представляетъ собою чего-либо неподвижнаго, разъ навсегда даннаго, постояннаго, а является мѣняющимся во времени

процессомъ. Только въ этомъ, очень ограниченномъ смыслѣ и можно понимать положеніе, что торговля, особенно внутренняя, постепенно развивалась въ удѣльное время сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Первымъ признакомъ развитія внутреннихъ мѣновыхъ сношеній надо признать установленіе чеканной монетной единицы, подобно тому какъ это случилось и въ вольныхъ городахъ въ XV вѣкѣ. Такой единицей сталъ рубль, состоявшій изъ 10 гривенъ или 200 денегъ (такъ наз. московскихъ денегъ или московокъ, на которыхъ изображался великій князь съ мечомъ, и которыя отличались отъ новгородскихъ денегъ или новгородокъ, на которыхъ чеканилось изображеніе великаго князя съ копьемъ, почему онѣ назывались также копейными деньгами или копейками; копейки были вдвое болѣе денегъ, ихъ въ рублѣ считалось 100). Мы видѣли въ свое время, что въ кіевской Руси не было внутренней торговли между областями различныхъ городовъ. Теперь дѣло стало мѣняться, между такими областями появились зачаточныя торговыя связи: такъ, въ концѣ XV вѣкѣ жителямъ Переяславль-Залѣсскаго уѣзда случалось ѣздить торговать въ Нижній-Новгородъ; въ 1543 году крестьяне Троицкаго-Сергіева монастыря изъ села Новаго, *Ростовскаго* уѣзда, торговали въ *Переяславлѣ-Залѣсскомъ*; уже въ XV вѣкѣ въ Суздальскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ производилась офенями мелкая торговля; появился, наконецъ, и рядъ мелкихъ мѣстныхъ торжковъ и болѣе или менѣе крупныхъ ярмарокъ, каковы ярмарки въ Старомъ Холопьѣ городкѣ на Мологѣ, на Бѣлоозерѣ или торжки въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ—въ волости Углѣ и на Волочкѣ Славянскомъ. Рязань и Тверь въ договорахъ съ Москвою ограждаютъ свои торговые интересы въ Московскомъ княжествѣ. Въ болѣе значительныхъ городахъ появляются, наконецъ, не только торговыя площади, но и обширные ряды съ торговыми помѣщеніями, каковы въ Москвѣ ряды суконный и сурожскій. Это послѣдніе названіе переводитъ наше вниманіе уже въ область внѣшней торговли: дѣло въ томъ, что Сурожъ (или Судакъ въ Крыму) былъ немаловажнымъ рынкомъ для русскихъ купцовъ, занимавшихся внѣшней торговлей. Кромѣ Сурожа, русскіе купцы посѣщали съ коммерческими цѣлями другой крымскій торговый центръ—Кафу, ѣздили также и въ Грецію. Въ Крымъ, не считая прислуги, иногда отправлялось разомъ по 120 купцовъ. При посредствѣ крымскихъ рынковъ Венеція и Генуя еще въ XIV вѣкѣ получали изъ Руси рыбу и воскъ, а русскіе покупали на тѣхъ же международныхъ рынкахъ соль, вина и ткани итальянскаго и восточнаго производства,—бумажныя и шелковыя. Армянскіе и нѣмецкіе купцы упоминаются въ Москвѣ въ XIV и XV в. По Дону и Воронежу татары доставляли въ Московское княжество множество лошадей на продажу. Въ татарской столицѣ Сараѣ, по словамъ Плано Карпини, русскіе купцы торговали съ востокомъ, причемъ покупали оружіе и соль, а сбывали, главнымъ образомъ, мѣха. По Рижской дол-

говой книгѣ, въ XIII и XIV вѣкахъ въ Суздалѣ постоянно проживали нѣмецкіе купцы, какимъ, напр., былъ въ XIII вѣкѣ Люббертъ. Чтобы закончить рѣчь о внѣшней торговлѣ сѣверо-восточной Руси, остается указать на коммерческія связи съ вольными городами, съ одной стороны, и съ западной и юго-западной Русью—съ другой. Еще отъ XIII столѣтія дошло до насъ лѣтописное извѣстіе о пребываніи новгородскихъ купцовъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Хлѣбъ, воскъ, ленъ, хмель, продукты скотоводства шли въ Новгородъ, главнымъ образомъ, по Окѣ или по Москвѣ рѣкѣ и волоку на Ламу и Шошу, потомъ по Волгѣ черезъ Тверь и далѣе на Торжокъ. О торговлѣ съ западной Русью свидѣтельствуетъ прежде всего лѣтопись, сообщающая о прибытіи въ Переяславль-Залѣсскій въ 1216 году смоленскихъ купцовъ, затѣмъ договоръ тверского князя Бориса Александровича съ Литвой въ 1393 году, гдѣ сказано, что тверскіе купцы торговали издавна въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Кіевѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ; наконецъ, и отъ XV вѣка сохранились данныя о коммерческихъ сношеніяхъ русскаго сѣверо-востока со Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Вязьмой, Кіевомъ, Полоцкомъ, Вильной, Путивлемъ.

Сводя теперь въ одну общую формулу наблюденія надъ относительнымъ значеніемъ разныхъ отраслей промышленности въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи, мы должны признать, что *первенствующее мѣсто заняло въ это время сельское хозяйство, въ частности земледѣліе*; *второе мѣсто по значенію принадлежало добывающей промышленности, все болѣе слабѣвшей*; *затѣмъ слѣдовала торговля, не успѣвшая, однако, превратить хозяйство изъ натуральнаго въ денежное*; *наконецъ, мало замѣтную роль играла обрабатывающая промышленность*.

Перевѣсъ сельскаго хозяйства и въ частности земледѣлія оказалъ чрезвычайно сильное вліяніе на *формы землевладѣнія*. Земледѣліе требуетъ уже нѣкоторой, довольно значительной сравнительно съ добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждается въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: не трудно и ничего не стоитъ устроить тенета для звѣря, обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы собрать воску и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новь, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно, предполагаютъ у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса, извѣстныхъ средствъ для пропитанія; кромѣ того, операціи эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ

орудій—плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятна настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ. Эта нужда и была исходнымъ пунктомъ чрезвычайно важныхъ перемѣнъ въ формахъ землевладѣнія.

Въ началѣ удѣльнаго періода, когда добывающая промышленность и въ сѣверо-восточной Руси подавляла собою всѣ другія отрасли производства, здѣсь такъ-же, какъ и на сѣверѣ и въ области вольныхъ городовъ, господствовало крестьянское складническое владѣніе землей. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и позднѣе добывающая промышленность продолжала играть первенствующую роль въ экономической жизни, сябринное владѣніе сохранилось вполнѣ и притомъ въ видѣ нераздѣльнаго веденія хозяйства, при дѣлежѣ лишь продукта. Такъ было, напр., еще въ XVI вѣкѣ въ Сольгалицкомъ уѣздѣ, гдѣ основной отраслью народнаго производства продолжало быть издревле заведенное солевареніе. До насъ дошелъ рядъ любопытныхъ актовъ о сябринномъ или складническомъ владѣніи варницами и соляными колодезями. Вотъ любопытный образецъ, относящійся къ 1577 году и взятый наудачу изъ множества ему подобныхъ: «Я, Иванъ Петровъ сынъ Мичуринъ, съ сыномъ Ѳедоромъ дали въ Троицкій-Сергіевъ монастырь четверть варницы у Соли-Галицкой на посадѣ съ преномъ *) и со всякой варничной порядою **), да разсолъ въ Карабкинскомъ колодезѣ половину получетверти колодезя ***). А въ шабрахъ та варница съ Осипомъ Киселовскимъ да съ Ѳедоромъ Рыловымъ, а колодезь въ шабрахъ съ Осипомъ же да съ Ѳедоромъ, да съ Дурашемъ Успленскимъ, да съ Иваномъ Семеновымъ и съ иными товарищами». Въ числѣ разныхъ предметовъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ «варничной поряды или порядни», значится часто и земля, причемъ иногда прямо указывается, что она «съ шабры не въ дѣлу». Надо думать, что и въ бассейнѣ Оки и верхней Волги, какъ и на сѣверѣ и въ Новгородско-Псковскомъ краѣ, совершался извѣстный уже намъ процессъ разложенія складническаго землевладѣнія, но теченіе этого процесса здѣсь было ускорено торжествомъ земледѣлія и проистекшей отсюда нуждой крестьянской массы въ капиталѣ. Въ сѣверо-восточной Руси въ удѣльное время капиталъ былъ несравненно менѣе распространенъ въ массѣ населенія, чѣмъ это было даже въ области Новгорода и Пскова. Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала, поэтому, сколько-нибудь достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли

*) Пренъ—сковорода, употреблявшаяся при солевареніи.
**) Т.-е. со всѣми принадлежностями для солеваренія.
***) Т.-е. 1/16 колодезя.

за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежащую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными, капиталистами, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ крестьяне, обезпеченными матеріально были въ то время прежде всего князья—великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія каѳедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконецъ, бояре. Въ ихъ рукахъ и сосредоточилась постепенно вся масса земельнаго богатства области между Окой и Волгой, произошло такъ называемое «окняженіе» и «обояреніе» земли. Стоитъ только открыть любое изъ завѣщаній московскихъ великихъ князей XIV и XV вѣковъ, чтобы убѣдиться въ необыкновенной быстротѣ, съ какою росли княжескія «купли», «села купленыя». Даже черная земля, т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемѣна въ землевладѣльческомъ правѣ: сущность ея сводится къ тому, что не только боярскія, княжескія-дворцовыя, монастырскія и архіерейскія, но и черныя земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободнаго распоряженія землей, ея продажи, залога, даренія и завѣщанія, то право, которое составляло такой отличительный признакъ складническаго или сябриннаго землевладѣнія. Монастыри и архіерейскія каѳедры пріобрѣтали земли не только путемъ покупки и пріема въ залогъ, но и по завѣщаніямъ и по дарственнымъ актамъ или «даннымъ грамотамъ», т.-е. путемъ вклада въ церковь со стороны отдѣльныхъ лицъ. Понятны причины, вызывавшія такой вкладъ: примитивныя нравственно-религіозныя понятія, унаслѣдованныя народной массой, даже всѣмъ русскимъ обществомъ сверху до низу отъ предшествующаго историческаго періода, приводили къ мысли, что матеріальное пожертвованіе въ пользу церкви само по себѣ, независимо отъ раскаянія и нравственнаго исправленія, приведетъ къ душевному спасенію, дастъ царство небесное; между тѣмъ денежные вклады, сколько-нибудь значительные по размѣрамъ, были экономически невозможны вслѣдствіе господства натуральнаго хозяйства; земля была почти единственной значительной цѣнностью, почему ею по преимуществу и можно было дѣлать вклады въ монастыри. Вліяли тутъ и соображенія въ родѣ того, что богатый монастырь всегда могъ и долженъ былъ оказывать вліятельную поддержку своимъ вкладчикамъ, заступаться и ходатайствовать за нихъ передъ органами свѣтской власти. Какихъ громадныхъ размѣровъ достигли къ концу удѣльнаго времени земельныя владѣнія церковныхъ учрежденій,—это всего яснѣе видно изъ примѣра митрополичьихъ вотчинъ: къ концу XV вѣка митрополиту принадлежало болѣе 530 селъ и деревень съ 1.825 дворами, къ которымъ тянуло болѣе 57 сохъ пахотной земли. Въ Тверскомъ уѣздѣ въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка церковной и монастырской пахотной земли считалось болѣе 48.000 четвертей, т.-е. по меньшей мѣрѣ 24.000 десятинъ.

Но перемѣны въ землевладѣльческомъ правѣ въ сѣверо-восточной Руси не ограничились обезземеленіемъ крестьянъ и образованіемъ крупнаго землевладѣнія князей, церковныхъ учрежденій и бояръ. Дѣло въ томъ, что сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ чрезвычайно слабо развитъ, находился въ зачаточномъ состояніи: натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленнымъ. Вотъ почему, несмотря на господство крупнаго *землевладѣнія,* нельзя было вести крупное земледѣльческое *хозяйство,* такъ какъ для такого хозяйства необходимъ обширный и свободный рынокъ, а такого рынка нѣтъ и быть не можетъ при системѣ натуральнаго хозяйства. Притомъ вотчины были слишкомъ обширны, чтобы можно было за всѣмъ услѣдить самому хозяину. Отсюда возникаетъ потребность въ раздачѣ крупныхъ имѣній по частямъ посредникамъ, третьимъ лицамъ, которыя занимали бы промежуточное положеніе между крестьянами, съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами, съ другой. И вотъ прежде всего князь удѣльнаго періода начинаетъ раздавать свои земли во временное и условное владѣніе сначала своимъ несвободнымъ слугамъ, необходимымъ ему въ его хозяйствѣ въ качествѣ приказчиковъ или «тіуновъ», какъ тогда выражались. Это удобно и для этихъ слугъ, создавая имъ въ извѣстной степени обезпеченное существованіе, и для князя, такъ какъ даетъ ему возможность, не затрачивая дорогого и рѣдкаго въ то время денежнаго капитала, вознаграждать своихъ слугъ землей, не теряя послѣдней, потому что ее всегда можно взять обратно. Такъ въ сферѣ княжескаго дворцоваго землевладѣнія и хозяйства зародилась и воплотилась въ дѣйствительность идея *помѣстья,* т.-е. временнаго владѣнія землей подъ условіемъ службы и съ правомъ того, кто пожаловалъ землю, отобрать ее у временнаго владѣльца или помѣщика. Слѣды помѣстья на княжеской землѣ наблюдаются впервые, по нашимъ источникамъ, въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Вотъ что сказано въ этомъ документѣ: «а что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Воркову, иже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметъ ли служити дѣтемъ моимъ, село отнимутъ». Мы видимъ, что это—временное владѣніе подъ условіемъ службы. Но помѣстная система настолько органически связана съ системой натуральнаго хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на однихъ несвободныхъ, хозяйственныхъ слугъ князя, но также на его свободныхъ, военныхъ слугъ, т.-е. бояръ и дворянъ. Такъ, напр., Василій Темный въ своей духовной грамотѣ 1462 года говоритъ о себѣ, что онъ «давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтямъ боярскимъ свои села *въ жалованье*» (=въ помѣстье). Мало того: и архіереи, и монастыри, и даже отдѣльныя лица служилаго класса, обладавшія обширными землями, стали раздавать значительную часть своихъ владѣній въ помѣстное владѣніе. Это можно

наблюдать въ XV и XVI вѣкахъ на земляхъ митрополита московскаго, у архіепископа рязанскаго, у Солотчинскаго монастыря въ Рязанской землѣ, наконецъ, у бояръ и другихъ служилыхъ людей по уцѣлѣвшей писцовой книгѣ Тверского уѣзда за первую половину XVI вѣка. Въ результатѣ оказалось, что главную массу земель въ сѣверо-восточной Руси къ концу удѣльнаго періода составляли именно помѣстья: по тверскимъ писцовымъ книгамъ 1540 и 1548 годовъ одной пахотной земли за помѣщиками числилось въ уѣздѣ около 200 тысячъ четвертей, тогда какъ въ вотчинахъ ея было всего около 78 тысячъ четвертей. Уже изложенныя сейчасъ данныя источниковъ и основанныя на нихъ соображенія достаточно показываютъ, что историческихъ корней помѣстнаго землевладѣнія надо искать въ общихъ экономическихъ условіяхъ эпохи, въ относительномъ значеніи разныхъ отраслей производства. Это лишній разъ подтверждается и исторической аналогіей: на западѣ Европы въ началѣ среднихъ вѣковъ подъ такими же вліяніями, какъ то хорошо доказано въ исторической литературѣ, сложилась форма землевладѣнія, тожественная съ нашимъ помѣстьемъ и усвоившая даже названіе, по смыслу одинаковое съ другимъ отмѣченнымъ выше названіемъ помѣстья: мы видѣли, что помѣстье называлось еще *жалованьемъ*, на западѣ оно называлось *бенефиціемъ* (beneficium).

Относительное значеніе разныхъ отраслей производства въ хозяйственной жизни страны чрезвычайно сильно отразилось и на *формахъ хозяйства*. Говоря о формахъ хозяйства въ добывающей промышленности, мы прежде всего встрѣчаемся съ явленіемъ, намъ уже давно и хорошо знакомымъ, — съ домашней или семейной формой предпріятій, когда отдѣльная семья работаетъ сама, пользуясь трудомъ своихъ членовъ, обыкновенно безъ примѣси наемнаго элемента. Безъ сомнѣнія, охота, рыболовство, пчеловодство весьма часто еще отливались въ такую примитивную форму въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ удѣльный періодъ. Но на ряду съ этимъ можно наблюдать уже и много новаго вслѣдствіе перемѣнъ, какія совершились въ добывающей промышленности. Намъ уже извѣстно, къ чему сводились эти перемѣны: появилось солевареніе, а значеніе старыхъ отраслей добывающей промышленности стало постепенно уменьшаться, потому что дары природы, освоеніе которыхъ составляетъ предметъ этой промышленности, начали оскудѣвать съ ростомъ населенія. Вслѣдствіе такого оскудѣнія увеличилась трудность добыванія, а это вызвало къ жизни новыя формы хозяйства: отдѣльныя семьи и лица стали группироваться въ болѣе крупныя цѣлыя, въ артели или товарищества: намъ извѣстны, напр., еще въ XIV вѣкѣ рыболовныя «ватаги». Съ другой стороны, разложеніе древнихъ кровныхъ союзовъ, осложнявшихся постоянно примѣсью чужеродныхъ элементовъ, задерживалось, какъ мы имѣли случай недавно убѣдиться, подъ вліяніемъ добываю-

щей промышленности: солевареніе, напр., по самой своей сущности исключало возможность чисто-домашней, семейной формы, такъ какъ требовало слишкомъ сложной и относительно-дорогой «варничной поряды» и довольно значительнаго числа рабочихъ рукъ, — и потому тамъ, гдѣ оно существовало и тѣмъ болѣе преобладало, складническая или сябринная форма хозяйства господствовали почти всецѣло. Наконецъ, съ образованіемъ крупнаго княжескаго и боярскаго землевладѣнія появились зародыши предпринимательской, болѣе крупной, въ извѣстной степени капиталистической формы добывающей промышленности: лучшимъ указаніемъ въ этомъ смыслѣ являются данныя духовныхъ и иныхъ грамотъ московскихъ князей о появленіи такъ называемаго «ловчаго пути», т.-е. особой отрасли княжескаго дворцоваго управленія, вѣдавшей охоту, — подъ начальствомъ ловчаго находились псари и сокольники, или наемные, или большею частью несвободные слуги князя. Переходя отъ формъ добывающей промышленности къ изученію формъ сельскохозяйственнаго производства, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросѣ о барской запашкѣ. Пересматривая относящійся сюда матеріалъ, не трудно убѣдиться, что въ XIV, XV и XVI вѣкахъ боярская запашка кое-гдѣ, иногда даж нерѣдко, попадалась и на земляхъ бояръ и слугъ вольныхъ, и во владѣніяхъ церковныхъ учрежденій и, наконецъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ князей, но никогда въ черныхъ волостяхъ. Такъ, боярскую пашню встрѣчаемъ въ 1533 году въ имѣніи Овцына Рузскаго уѣзда, въ 1544 г. — въ имѣніи Ларева въ Коломенскомъ уѣздѣ; у Кокошкина-Глѣбова въ его дмитровскомъ селѣ Перемиловѣ барская пашня составляла болѣе $16^{1}/_{2}$% всей запашки. У митрополита собственная запашка упоминается еще въ уставной грамотѣ 1391 года, попадается и въ 1520 году въ его земляхъ во Владимірскомъ уѣздѣ. Наконецъ, въ дворцовомъ селѣ Буйгородъ Волоколамскаго уѣзда великокняжеская «десятинная пашня» была въ 1544 году. Наряду со всѣмъ этимъ встрѣчаются, однако, неоднократныя указанія на отсутствіе барской запашки въ имѣніяхъ разныхъ владѣльцевъ, напр., въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ 1490 году у Саввина-Сторожевскаго монастыря, въ суздальскомъ имѣніи митрополита въ концѣ XV вѣка, въ Вологодскомъ уѣздѣ у Діонисіева-Глушицкаго монастыря въ 40-хъ годахъ XVI столѣтія и т. д. Вообще можно сказать, что чѣмъ раньше, тѣмъ рѣже и меньше размѣрами была барская запашка, и даже въ концѣ періода она не была распространеннымъ явленіемъ. Это вполнѣ естественно: при господствѣ натуральнаго хозяйства, при чрезвычайной слабости спроса на хлѣбъ, не было нужды въ сколько-нибудь обширной собственной запашкѣ, напротивъ, она могла при такихъ условіяхъ только тяготить землевладѣльцевъ. По той же причинѣ нельзя предполагать существованіе обширной холопской пашни въ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени: правда, въ завѣщаніяхъ и другихъ документахъ

XV и XVI вѣковъ у служилыхъ землевладѣльцевъ нерѣдко встрѣчаются «люди» и «холопы», но, во-первыхъ, они не всегда имѣли свою запашку, а часто или не пахали совсѣмъ, не были «холопами-страдниками», какъ тогда говорилось, или обрабатывали ту самую барскую пашню, о которой у насъ сейчасъ шла рѣчь; во-вторыхъ, въ дворцовыхъ селахъ, черныхъ волостяхъ, въ монастырскихъ и архіерейскихъ имѣніяхъ холоповъ на пашнѣ мы обыкновенно совсѣмъ не встрѣчаемъ; въ-третьихъ, наконецъ, и у служилыхъ землевладѣльцевъ общее число холопскихъ дворовъ было не велико, какъ показываетъ примѣръ Тверского уѣзда въ 1540 году: здѣсь, по писцовой книгѣ, считалось въ помѣстьяхъ 256 дворовъ помѣщичьихъ, 4.861 дворъ крестьянскій и всего 498 дворовъ холопскихъ, что̀ составляетъ лишь 8,8% общаго числа дворовъ. Естественно также, что при слабой распространенности барской пашни, крестьяне при арендѣ владѣльческой земли обязывались въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не барщиной, а оброкомъ. Барщина или издѣлье встрѣчается рѣдко: о ней говоритъ уставная грамота митрополита Кипріана 1391 года; она упоминается затѣмъ въ 1531 г. въ Переяславль-Залѣсскомъ уѣздѣ, въ 1541 г. въ Волоколамскомъ, въ 1520 году въ уѣздѣ Владимірскомъ. Но мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, ставящихъ внѣ всякаго сомнѣнія преобладаніе оброчной системы надъ издѣльемъ: въ Суздальскомъ уѣздѣ въ концѣ XV вѣка у митрополита «пашня дана христіаномъ на оброкъ», то же было въ 1490 году у Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ сороковыхъ годахъ XVI вѣка въ вологодскомъ имѣніи Діонисіева-Глушицкаго монастыря, наконецъ, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ,—а такихъ, какъ мы знаемъ, было подавляющее большинство, — гдѣ не существовало барской запашки. Чтобы закончить рѣчь о формахъ сельскохозяйственнаго производства, остается отмѣтить существованіе въ сѣверо-восточной Руси уже встрѣчавшихся намъ во владѣніяхъ вольныхъ городовъ наемныхъ рабочихъ, получавшихъ вознагражденіе натурой,—подворниковъ, а также половниковъ, состоянія переходнаго отъ аренды чужой земли къ найму на работу. Эти явленія, характерныя для натурально-хозяйственнаго періода, попадаются не только въ уѣздахъ близкихъ къ сѣверу, какъ Вологодскій и Бѣлозерскій, но и южнѣе, напр., въ Костромскомъ и Тверскомъ уѣздахъ.

Какъ ни скромно было значеніе обрабатывающей промышленности въ народномъ хозяйствѣ сѣверо-восточной Руси, все же, какъ мы видѣли, эта отрасль народнаго труда, если ее взять самое по себѣ, безъ отношенія къ другимъ вѣтвямъ промышленности, дѣлала нѣкоторые успѣхи сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. Это отразилось неминуемо и на формахъ обрабатывающей промышленности. Двѣ первоначальныхъ ея формы—домашнее производство для собственнаго потребленія и мелкое кустарное производство на небольшой мѣстный рынокъ или ремесло, существовавшія еще въ кіевской Руси, продолжали сохраняться и въ изучаемый періодъ. Примѣровъ того и другого

можно найти не мало въ актахъ, писцовыхъ книгахъ и житіяхъ святыхъ. Когда мы читаемъ извѣстія о женской домашней работѣ—о выдѣлкѣ холстовъ, напр.,—когда видимъ изъ житія св. Сергія Радонежскаго, что онъ шилъ кожаные сапоги на братію, то мы имѣемъ передъ собою примѣры чистѣйшаго домашняго производства. Отмѣченныя уже въ свое время данныя объ отдѣльныхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ среди чисто земледѣльческаго населенія плотникахъ, кузнецахъ, сапожникахъ, ложечникахъ, овчинникахъ, сѣдельникахъ и т. д. свидѣтельствуютъ о существованіи ремесленной формы или, что то же, формы мелкихъ кустарныхъ промысловъ. На эту же форму указываютъ и извѣстія о торговлѣ крестьянъ въ сосѣднихъ городахъ на базарахъ, потому что, безъ сомнѣнія, при этомъ сбывались не исключительно продукты земледѣлія и скотоводства, но также и кустарныя издѣлія хотя бы въ небольшомъ количествѣ и не вездѣ. Но къ двумъ первоначальнымъ, издавна существовавшимъ формамъ обрабатывающей промышленности въ концѣ удѣльнаго періода въ сѣверо-восточной Руси присоединилась еще третья, новая,—такъ называемое товарно-кустарное производство, сущность котораго сводится, какъ извѣстно, къ тому, что кустарь производитъ продуктъ на обширный рынокъ, иногда даже на заграничный, но сбываетъ онъ ихъ потребителямъ не самъ, а черезъ посредство капиталиста-скупщика, такъ что, хотя производство все еще остается мелкимъ, но сбытъ товаровъ организуется уже капиталистически. Намъ уже извѣстно сообщеніе Герберштейна о томъ, какого большого значенія достигло въ Калугѣ и ея уѣздѣ въ первой четверти XVI вѣка производство издѣлій изъ дерева, посуды, мебели и другихъ домашнихъ вещей. «Отсюда», прибавляетъ Герберштейнъ, «онѣ вывозятся въ Московію, Литву и другія сосѣднія страны». Вотъ яркій примѣръ товарно-кустарнаго производства, разсчитаннаго не только на обширный внутренній сбытъ, но и на заграничные рынки.

Появленіе капиталистовъ-скупщиковъ само по себѣ указываетъ, что въ формахъ торговли сравнительно съ кіевскимъ періодомъ наблюдаются значительныя измѣненія, нѣсколько сближающія сѣверо-восточную Русь съ вольными городами. Сближеніе становится еще болѣе замѣтнымъ, если обратить вниманіе на зародышъ нѣкоторыхъ корпоративныхъ связей въ средѣ богатаго купечества: извѣстны, напр., «гости», «суконники», «сурожане», напоминающіе намъ новгородскія купеческія компаніи. Русскіе купцы, отправлявшіеся въ Крымъ, иногда и торговали въ складчину. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что корпоративная организація купечества далеко не была развита въ такой степени, какъ то было въ вольныхъ городскихъ общинахъ, и самое число крупныхъ торговцевъ было на сѣверо-востокѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Причина этого заключается, конечно, въ меньшемъ развитіи торговли, особенно крупной, въ бассейнѣ Оки и верхней Волги сравнительно съ сѣверо-западной частью русской земли въ удѣльное время.

Обращаясь къ изученію *системы или техники хозяйства* въ удѣльной сѣверо-восточной Россіи, мы не будемъ останавливаться на техникѣ обрабатывающей промышленности и торговли, потому что въ этомъ отношеніи нельзя прибавить ничего новаго къ сказанному при изученіи соотвѣтствующихъ вопросовъ въ исторіи вольныхъ городовъ. То же почти приходится сказать и о техникѣ скотоводства: передъ нами рисуется хорошо знакомая уже картина настоящаго экстенсивнаго скотоводства, когда мы въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (въ концѣ XV вѣка) читаемъ, что онъ «имяше супругъ воловъ», которыхъ «въ лѣтнее время пометаху въ частинѣ лѣса», т.-е. оставляли исключительно на одномъ подножномъ кормѣ. Однако уже здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку: въ болѣе крупныхъ скотоводственныхъ хозяйствахъ, становившихся хотя бы отчасти на капиталистическую ногу, замѣтны были уже и нѣкоторыя улучшенія въ прокормѣ скота и вообще въ уходѣ за нимъ: у монастырей и архіереевъ чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще встрѣчаются «конюшенные и коровьи дворы», князья организуютъ особое дворцовое вѣдомство—«конюшій путь». Параллельныя явленія можно наблюдать и въ техникѣ добывающей промышленности. Правда, и здѣсь остатки старины были весьма многочисленны, но княжеская охота, напр., была уже болѣе или менѣе правильно организована съ образованіемъ «ловчаго и сокольничаго путей». Затѣмъ: по прежнему преобладало бортничество, хищническое лѣсное пчеловодство, но на ряду съ нимъ появляются въ отдѣльныхъ случаяхъ и ульи: такъ «трои пчелы», т.-е. три улья, упомянуты въ завѣщаніи нѣкоего Патрикія конца XIV или начала XV вѣка. Если обратить, наконецъ, вниманіе на систему земледѣлія, то и въ этой отрасли производства особенно въ мѣстностяхъ близкихъ къ сѣверу легко подмѣтить существованіе подсѣчной, огневой или лядинной системы полевого хозяйства. По житіямъ святыхъ, въ XIV вѣкѣ Стефанъ Махрищскій «лѣсъ сѣчаше и нивы насѣяваше»; при основаніи монастыря Григоріемъ Пельшемскимъ въ началѣ XV вѣка «дѣлатели древіе истребиша и огню предаша»; въ 1524 году въ какихъ-нибудь 60-ти верстахъ отъ Вологды нѣкій Гавріилъ «посѣче лѣсъ и многа древеса, хварастіе оно огнемъ запаливъ и раломъ взоравъ, нивы насѣяше», а потомъ, снявъ жатву, бросилъ поле и ушелъ на другое мѣсто. «Сѣча» и «палъ», засѣваемые пшеницей, попадаются даже въ Суздальскомъ уѣздѣ въ 1516 году. Наряду съ такими образцами примитивной земледѣльческой техники можно наблюдать появленіе и развитіе переложной и даже трехпольной системъ полевого хозяйства. Характернымъ примѣромъ перехода отъ господства переложной системы къ недоразвитому трехполью является одно имѣніе Кириллова монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ 1542 году: здѣсь считалось 12 четвертей пашни и столько же перелогу въ каждомъ изъ трехъ полей; когда перелогъ равняется размѣрами своими пашнѣ, тогда онъ уже не можетъ возстановлять свои производительныя силы путемъ простого отдыха, тре-

буетъ удобренія, слѣдовательно, обращается уже въ паръ, что и служитъ характернымъ признакомъ паровой-зерновой системы земледѣлія съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ. Эта послѣдняя система засвидѣтельствована несомнѣнными данными для ряда уѣздовъ сѣверо-восточной Руси къ концу удѣльнаго періода. «Паренинное поле» или «паренина» встрѣчаются, напр., въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ началѣ XVI вѣка или въ Суздальскомъ уѣздѣ въ 1462 и 1516 годахъ; въ 1544 году возятъ навозъ на паровое поле въ Волоколамскомъ уѣздѣ; тверскія писцовыя книги 1540 и 1548 годовъ указываютъ также на преобладаніе трехпольной системы. Наконецъ, косвеннымъ указаніемъ въ томъ же смыслѣ надо считать вообще высокій размѣръ запашки на крестьянскій дворъ въ изучаемый періодъ. Нормальной крестьянской запашкой считалась тогда выть, не имѣвшая до половины XVI вѣка пространственной опредѣленности, а бывшая, подобно новгородской обжѣ, участкомъ земли, который могъ обработать одинъ рабочій на одной лошади. Что это дѣйствительно такъ, — видно изъ актовъ, по которымъ, съ одной стороны, 32 выти приравнены сохѣ, а съ другой—$^{1}/_{32}$ сохи названа «однокольцемъ»; одноколецъ — владѣлецъ одной «колышки», т.-е. телѣги, слѣдовательно, тотъ же рабочій, пашущій на одной лошади. Выть позднѣе приравнена была 10 четвертямъ хорошей земли въ каждомъ изъ трехъ полей. Конечно, такое пространственное опредѣленіе выти сложилось подъ вліяніемъ реальныхъ хозяйственныхъ условій, соотвѣтствовало дѣйствительнымъ размѣрамъ пашни, распахивавшейся средне-состоятельнымъ, нормальнымъ крестьянскимъ дворомъ. А это указываетъ на значительность размѣровъ запашки на дворъ. Такое заключеніе оправдывается и наблюденіями надъ данными писцовыхъ книгъ: въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1540 году на дворъ въ среднемъ приходилось около $8^{1}/_{2}$ четвертей въ каждомъ полѣ; въ Дмитровскомъ въ 1543 г. даже по 10 четвертей.

Для завершенія экономической исторіи сѣверо-восточной Руси остается изслѣдовать только *распредѣленіе хозяйственныхъ благъ*. Мы примемъ при этомъ во вниманіе только земледѣліе, такъ какъ оно было главнымъ источникомъ средствъ существованія народной массы, да и учетъ доходовъ и расходовъ въ среднемъ хозяйствѣ сдѣлать удобнѣе по отношенію къ земледѣльческому производству, чѣмъ къ какой-либо другой отрасли народнаго труда. Методъ вычисленія будетъ принятъ такой же, какой примѣнялся въ свое время при изученіи распредѣленія хозяйственныхъ благъ въ вольныхъ городахъ. Средняя запашка на крестьянскій дворъ нами опредѣлена для сѣверо-восточной Руси въ 4—5 дес. (8—10 четвертей) въ каждомъ изъ трехъ полей. Полагая урожайность въ 6 нашихъ современныхъ четвертей ржи и въ 8 четвертей овса съ десятины и принимая во вниманіе, что древняя четверть была вдвое менѣе современной, получаемъ общую сумму сбора съ нормальнаго участка въ 48—60 четвертей ржи и въ 64—80 четвертей овса (четверти тутъ древнія). Вычислимъ теперь расходы крестьянина,

принимая во вниманіе сначала чисто натурально-хозяйственную систему оброковъ и государственныхъ повенностей. Владѣльческій оброкъ равнялся обыкновенно половинѣ урожая, причемъ землевладѣлецъ принималъ на себя и уплату государственныхъ налоговъ. Это составитъ 24—30 четв. ржи и 32—40 четв. овса. Затѣмъ необходимо было оставить сѣмена для посѣва на слѣдующій годъ—по 2 четв. ржи и по 4 четв. овса на десятину или въ общей сложности 8—10 четв. ржи и 16—20 четв. овса. Наконецъ, для потребленія средней крестьянской семьи надо было minimum 13 четв. ржи и 4 четв. овса. Такимъ образомъ весь расходъ равняется 45—53 четв. ржи и 52—64 четв. овса, такъ что въ результатѣ получается остатокъ въ 3—7 четвертей ржи и въ 12—16 четв. овса. Вотъ наглядный признакъ того, что земледѣліе играло въ изучаемой области чрезвычайно видную хозяйственную роль. При переводѣ хлѣбнаго оброка и натуральныхъ государственныхъ повинностей на деньги, приходимъ къ тому же приблизительно результату. Въ самомъ дѣлѣ: въ 1490 году Саввинъ Сторожевскій монастырь получалъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ оброку со своихъ крестьянъ по 5 алтынъ или 30 денегъ съ десятины, не считая мелкаго побора масломъ, творогомъ, овчинами и яйцами. Это составитъ на нормальный крестьянскій участокъ въ 4—5 дес. сумму въ 120—150 денегъ. Общая сумма государственныхъ налоговъ съ монастырской сохи въ 600 четвертей (= 300 десятинъ) въ каждомъ полѣ равнялась, какъ это опредѣлено въ литературѣ, для конца XV и начала XVI вѣка $7^1/_2$ рублямъ. На десятину это составитъ 5 денегъ, а на участокъ 20—25 денегъ. Такимъ образомъ крестьянинъ уплачивалъ землевладѣльцу и государству всего 140—175 денегъ въ годъ. Четверть ржи продавалась въ то время по 4 деньги, а четверть овса по 2 деньги. Переводя на деньги весь урожай въ 48—60 четв. ржи и 64—80 четв. овса, получаемъ общую цѣнность урожая въ 192—240 денегъ для ржи и въ 128—160 дес. для овса или всего въ 310—400 денегъ. Выходитъ, слѣдовательно, что крестьянинъ, если не считать натуральнаго мелкаго побора, натуральныхъ повинностей и трудности денежной реализаціи урожая, отдавалъ землевладѣльцу и государству нѣсколько менѣе половины возможнаго для него денежнаго валового дохода. Въ общемъ нельзя не признать, что *нормальное* крестьянское хозяйство могло обходиться своими средствами при обычныхъ условіяхъ, когда не нужно было никакихъ затратъ на земледѣльческій капиталъ. При наличности какихъ-либо хозяйственныхъ невзгодъ или необходимости болѣе или менѣе значительныхъ затратъ равновѣсіе легко, однако, могло нарушиться. По сравненію съ вольными городскими общинами удѣльнаго періода положеніе сѣверо-восточнаго крестьянина было, конечно, лучше, но сравнительно со смердомъ кіевскаго періода онъ получалъ гораздо меньшее количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ.

Количество денежныхъ капиталовъ въ изучаемое время значительно возросло сравнительно съ кіевскою Русью, и притомъ эти капиталы

распространились шире, среди большаго числа лицъ. Новгородъ и Псковъ въ этомъ отношеніи, впрочемъ, значительно опередили сѣверо-восточную Русь, что видно изъ высоты процента при займѣ; мы видѣли, какъ низокъ былъ процентъ въ вольныхъ городахъ, какъ сильно развиты тамъ были кредитныя операціи; рядъ указаній источниковъ убѣждаетъ въ томъ, что въ бассейнѣ Оки и верхней Волги въ удѣльное время обычная высота процента при займѣ была 20%: «а ростъ на пять шестой, тако пошло», читаемъ въ закладныхъ грамотахъ. Насколько рѣдокъ все-таки былъ капиталъ,—лучше всего видно изъ цѣнности рубля XV и начала XVI вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему рублю: рубль того времени стоилъ на наши деньги не менѣе 94 рублей, т.-е. тогда на рубль можно было купить столько же необходимыхъ и полезныхъ предметовъ, сколько теперь покупается на 94 рубля.

Чтобы закончить рѣчь о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ, остается только прибавить, что, какъ и въ области вольныхъ городовъ, на сѣверо-востокѣ появилась и стала расти земельная рента. Въ первой половинѣ XVI вѣка средняя цѣна одной десятины земли равнялась приблизительно 3/10 рубля того времени или нѣсколько болѣе 28 рублей на наши деньги. Относительно это довольно значительная цѣна, чѣмъ еще разъ подчеркивается то обстоятельство, что къ концу удѣльнаго періода главная масса удобной земли на территоріи русскаго сѣверо-востока была уже занята и подверглась хозяйственной эксплуатаціи.

Въ изложеніи данныхъ, относящихся къ системѣ хозяйства и къ распредѣленію хозяйственныхъ благъ, былъ оставленъ въ тѣни вопросъ о генетической связи этихъ процессовъ съ другими сторонами экономической жизни. Мы должны теперь пополнить этотъ преднамѣренно сдѣланный пробѣлъ. Почему, прежде всего, сохранились нѣкоторые старые техническіе пріемы хозяйственной дѣятельности и появились на ряду съ нимъ новые? Сохраненіе старыхъ пріемовъ, очевидно, было возможно именно потому, что условія, ихъ когда-то создавшія и поддерживавшія, не исчезли совершенно, продолжали еще оказывать болѣе или менѣе сильное вліяніе. Такими условіями были въ кіевскій періодъ преобладаніе добывающей промышленности и вольное землепользованіе. Мы знаемъ уже, что добывающая промышленность продолжала играть важную, хотя уже далеко не такую, какъ прежде, господствующую роль,—и это, на ряду со слабымъ развитіемъ обрабатывающей промышленности и торговли, сохраняло жизнь примитивнымъ пріемамъ хозяйственной техники. Однако, вольное землепользованіе въ изучаемый періодъ отошло уже въ прошлое, исчезло изъ хозяйственнаго обихода, и это было однимъ изъ условій, создавшихъ техническое развитіе, появленіе новыхъ, менѣе экстенсивныхъ системъ хозяйства. Само по себѣ торжество замледѣлія не дѣлаетъ еще обязательнымъ переходъ къ переложной системѣ и трехполью, хотя и подготовляетъ его; онъ становится необходимымъ именно вслѣдствіе появленія новыхъ, болѣе

прочныхъ и опредѣленныхъ юридическихъ отношеній лица къ землѣ и особенно вслѣдствіе основного не экономическаго условія,—роста населенія и увеличенія его плотности. Такимъ образомъ, уже въ сферѣ хозяйственной техники, на ряду съ чисто экономическими вліяніями—относительнымъ вѣсомъ разныхъ отраслей производства и формами землевладѣнія,—пришлось признать непосредственное воздѣйствіе со стороны такого естественнаго фактора, какъ ростъ населенія. То же самое можно наблюдать и по отношенію къ распредѣленію хозяйственныхъ благъ. Нѣкоторое уменьшеніе количества реальныхъ цѣнностей въ рукахъ народной массы, несомнѣнно, было отчасти непосредственнымъ результатомъ увеличивавшейся плотности населенія, хотя на ряду съ этимъ вліяніемъ и, можетъ быть, не меньше его здѣсь отразилось и торжество земледѣлія, вызвавшаго необходимость капитальныхъ затратъ, и переходъ земли въ руки высшихъ слоевъ общества, заставившій крестьянскую массу удѣлять часть своего дохода на оплату арендныхъ правъ. Въ результатѣ оказалось неравномѣрное распредѣленіе не только денежныхъ капиталовъ, но и реальныхъ хозяйственныхъ благъ. Такія явленія, какъ ростъ земельной ренты и пониженіе цѣны на капиталъ, созданы также въ значительной степени увеличеніемъ населенія, развитіемъ торговли и земледѣлія и новыми формами землевладѣнія и хозяйства.

Соціологическія обобщенія, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе экономической исторіи сѣверо-восточной Руси въ удѣльный періодъ, во многомъ сходны такимъ образомъ съ подобными-же обобщеніями, сдѣланными при изученіи исторіи хозяйства вольныхъ городскихъ общинъ: старыя формулы, уясняющія механизмъ хозяйственнаго процесса въ его отдѣльныхъ составныхъ элементахъ, оказываются подтвержденными и укрѣпленными, и сверхъ того для второго момента въ развитіи натуральнаго хозяйства указано новое непосредственно вліяющее условіе—ростъ населенія. Но этимъ не ограничиваются новые общіе выводы. Сверхъ того, конкретная характеристика второй стадіи въ развитіи натуральнаго хозяйства пополнилась новыми чертами, обогатилась отсутствовавшими раньше подробностями и особенностями. Мы видимъ теперь, что на ряду съ тѣмъ типомъ хозяйственнаго развитія, который столь ярко и характерно представленъ вольными городами, во второй стадіи развитія натуральнаго хозяйства образуется еще другой, намѣтившійся на сѣверо-востокѣ Россіи. Этотъ другой типъ характеризуется преобладаніемъ земледѣлія, развитіемъ прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній къ землѣ и образованіемъ вторичныхъ условныхъ и несвободныхъ формъ землевладѣнія, господствомъ оброчныхъ формъ хозяйства, первоначальными техническими успѣхами и меньшею равномѣрностью въ распредѣленіи реальныхъ хозяйственныхъ благъ. Въ свое время, когда изученіе всего удѣльнаго періода будетъ закончено, мы остановимся еще на вопросѣ о причинахъ образованія установленныхъ двухъ типовъ хозяйственнаго развитія. Теперь, въ заключе-

ніе настоящей главы, остается только поставить внѣ сомнѣнія то обстоятельство, что изслѣдованныя нами сейчасъ явленія не представляютъ собою чего-либо единичнаго, совершенно - индивидуальнаго, что параллельные имъ факты наблюдаются и въ исторіи другихъ странъ.

Всѣ страны европейскаго запада въ VI, VII, VIII, IX и X вѣкахъ переживали ту же самую вторую стадію въ развитіи натуральнаго хозяйства, характеризующуюся преобладаніемъ земледѣлія. Соотвѣтственно этому шло сосредоточеніе земли въ рукахъ военнослужилаго класса и церковныхъ учрежденій, причемъ особенно выдвинулись на первый планъ монастырскія и архіерейскія владѣнія и упомянутыя нами уже въ свое время бенефиціи, соотвѣтствовавшіе нашему помѣстью. Далѣе: оброчная система, вслѣдствіе слабости хлѣбной торговли, преобладала надъ барщиной, хозяйственная техника не возвышалась надъ уровнемъ земледѣльческаго трехполья, ручного труда въ ремеслѣ и ярмарочно-караванной системы въ торговлѣ; наконецъ, распредѣленіе хозяйственныхъ благъ характеризовалось тѣмъ, что въ рукахъ народной массы оставалось небольшое число потребительныхъ цѣнностей. Эти основныя черты хозяйственнаго быта эпохи, предшествовавшей полному расцвѣту западно-европейскаго средне-вѣковаго строя, выяснены теперь весьма хорошо въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ трудовъ, каковы, напр., труды Рота, Вайца, Лампрехта, Инама-Штернега, Мэтленда, Сибома, Виноградова и Ковалевскаго. Поразительная близость ихъ съ тѣми, которыя сейчасъ опредѣлены нами для удѣльной сѣверо-восточной Россіи, бросается въ глаза всякому. Въ вышедшей еще въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка книгѣ Тишендорфа о ленномъ строѣ въ мусульманскихъ государствахъ соотвѣтствующія явленія отмѣчены и для арабскаго халифата со временъ Османа и особенно при халифахъ изъ династіи Омайядовъ. То же помѣстье подъ именемъ «проніи» и «харистикіи» наблюдается въ Византійской имперіи. Вездѣ одинаковыя условія приводятъ къ тожественнымъ результатамъ совершенно независимо отъ какихъ-либо воздѣйствій со стороны, иностранныхъ вліяній.

Нѣтъ такимъ образомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что процессъ хозяйственнаго развитія, совершавшійся въ бассейнѣ Оки и верхней Волги съ XIII до XVI вѣка, является типическимъ, общимъ для цѣлаго ряда странъ. Изучая этотъ процессъ, мы тѣмъ самымъ, слѣдовательно, на конкретномъ примѣрѣ можемъ уяснить себѣ общіе законы хозяйственнаго развитія человѣческихъ обществъ, переживающихъ вторую стадію эволюціи натуральнаго хозяйства.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СТАРОЙ АНГЛІИ.

(ЖЕЛТЫЙ ФУРГОНЪ).

Романъ **Ричарда Уайтинга.**

Переводъ съ англійскаго **Л. Сердечной.**

(*Продолженіе* *)

Глава 16.

Господа уѣхали въ городъ. Замокъ былъ запертъ, но для Слокума явился новый интересъ—выборы его перваго приходскаго совѣта. Въ началѣ не возникало даже сомнѣнія, что побѣда будетъ на сторонѣ консервативной партіи, но новыя стремленія, новыя надежды расцвѣли послѣ проѣзда желтаго фургона. Не стоило и скрывать, что Малый Слокумъ былъ начиненъ предосудительной литературой о деревенскихъ правахъ. Виновникомъ являлся Джорджъ, это было всѣмъ извѣстно. Пискодъ много разъ приносилъ въ полицію цѣлыя пачки опасныхъ листковъ, собранныхъ имъ по живымъ изгородямъ. Дурные элементы набрались смѣлости. Браконьеръ Бэнгсъ выразилъ открытое сопротивленіе сборщику пасхальныхъ приношеніи въ пользу церкви. Что значеніе этого происшествія нами не преувеличивается—свидѣтельствуетъ оффиціальное донесеніе констэбля. Когда сборщикъ вошелъ въ хижину обвиняемаго для выполненія своей мирной, чтобы не сказать святой, цѣли, Бэнгсъ особенно выразительно закричалъ своему сыну въ другую комнату: «Эй, мальчишка, сунь кочергу въ печку». Сборщикъ началъ порученное ему дѣло. «Что, она раскалилась?»—Да, отецъ.— «Ладно». Затѣмъ, обращаясь къ сборщику: «Я слыхалъ, что сборщиковъ угощаютъ и ѣдой, и питьемъ, ну а я такъ угощу тебя горячей кочергой, если ты не уберешься». Понятно, что сборщикъ поспѣшно ретировался. Въ странныя времена мы живемъ!

Въ то время Англія еще жила подъ впечатлѣніемъ потрясающихъ извѣстій изъ южной Африки, и Малый Слокумъ тоже былъ частью Англіи, хотя и не больше песчинки. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда герцогской семьи война была объявлена, со всѣми ея послѣд-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ, 1904 г.

ствіями, нападеніями и отступленіями, торжествомъ и отчаяніемъ. Стормбергъ, Монрефонтенъ, снова надежда, затѣмъ Паадербургъ и Блумфонтенъ.

Самымъ потрясающимъ событіемъ для деревни былъ внезапный отъѣздъ капитана Лиддикота въ дѣйствующую армію съ его полкомъ, почти наканунѣ рождественскихъ праздниковъ. Мери стала вести жизнь отшельницы и вязать шарфы для солдатъ, а отецъ выражалъ волнующія его чувства только однимъ энергичнымъ «чортъ меня возьми!» Даже самъ Слокумъ не могъ сохранить обычнаго спокойствія, разъ воздухъ былъ такъ насыщенъ электричествомъ. Надо было выбрать пять членовъ—меньшинство, допускаемое закономъ, а кандидатовъ было шесть. Консерваторы выставили полное число. Ихъ фаланга, которую они считали непобѣдимой, состояла изъ Кнеби, Гримбера, школьнаго учителя, священника Рэйфа, кандидата отъ замка, и нѣкоего Фаука, торговца колоніальными товарами, который, преслѣдуя интересы общественные, имѣлъ въ виду также одинъ маленькій личный вопросикъ, а именно, устройство ежегодной цвѣточной выставки. Но Джорджъ рѣшилъ провести хоть одного кандидата радикальной партіи, и ему удалось убѣдить Спѐрра покинуть свое уединеніе для общественной дѣятельности. Этотъ почтенный старикъ хотя и не былъ ораторомъ, какъ мы имѣли случай въ этомъ убѣдиться, являлся представителемъ преслѣдуемаго судьбою сословія мелкихъ фермеровъ, упорныя, но безплодныя усилія которыхъ выбиться и миновать рабочіе дома должны были, безъ сомнѣнія, пріобрѣсти симпатіи избирателей. Джорджъ интриговалъ за него, говорилъ за него, несмотря на зловѣщія предсказаніи Рѐзы, искавшей подтвержденія своимъ худшимъ опасеніямъ въ предсказаніяхъ грошоваго календаря. Она не нашла тамъ спеціальнаго предостереженія «не впутываться въ дѣла приходскаго совѣта», но это была лишь оплошность со стороны составителя предсказаній.

Ничего не могло помѣшать Джорджу тѣломъ и душой трудиться для своего кандидата. Какъ человѣкъ, родившійся и выросшій въ деревнѣ, онъ зналъ, что зналъ. Ибо подъ привѣтливой внѣшностью Слокума съ его обвитыми жимолостью домиками скрывалась довольно жестокая дѣйствительность. Въ жаркую погоду нашему торговцу, послѣ цѣлаго тяжелаго трудового дня, нерѣдко случалось прогуляться за двѣ мили, чтобы добыть для жены пару ведеръ годной для питья воды. Счастье герцогини, что при посѣщеніи хижины Самсона ей не пришло въ голову изслѣдовать его задній дворъ. Она бы нашла, что узкій дворикъ представляетъ сплошную лужу помоевъ, и, несмотря на положенные для перехода обломки кирпича, испортила бы свои изящные башмачки. Дождь и сырость имѣли свободный доступъ въ разваливающіяся хижины. Мастеровые изъ Лондона, пріѣхавшіе для свадебныхъ приготовленій, едва ли сочли бы ихъ за жилища людей.

Несмотря на запрещеніе строиться или, вѣрнѣе, вслѣдствіе этого запрещенія, тѣснота была страшная. Только въ Слокумѣ съ точностью могли сказать, сколько членовъ семьи можно при случаѣ запихать въ одну комнату. Нашъ деревенскій политикъ желалъ только одного, чтобы все это было приведено въ порядокъ; онъ понялъ, при помощи того инстинкта самосохраненія, который уже помогъ ему оправиться послѣ неудачи, постигшей его у м-ра Кнеби, что только вся деревня, общими усиліями, можетъ уничтожить эти безобразія.

Все его существо возмущалось противъ исходившихъ свыше паллiативовъ въ родѣ выдававшихся на зиму одѣялъ, которыя лѣтомъ опять отбирались и запирались подъ замокъ, и только одна экономка изъ замка могла вынуть ихъ.

Всѣ военныя силы были мобилизованы. Скеттъ, старикъ землекопъ, былъ также призванъ подъ ружье и приглашенъ изображать изъ себя стѣну, на которой прогрессисты могли выставлять свои воззванія въ формѣ плаката, повѣшеннаго ему на шею, въ то время какъ онъ сидѣлъ у дверей своей хижины. Салли Артифексъ обѣщала устроить публичную сходку всего женскаго населенія деревни не столько въ виду интересовъ какой-либо политической партіи, сколько для обсужденія семейныхъ добродѣтелей кандидатовъ. Консерваторы гордо стояли выше всѣхъ этихъ волненій, самонадѣянно уповая, что достаточно имъ будетъ кивнуть въ данную минуту, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Одинъ только м-ръ Кнеби чаще проѣзжалъ черезъ деревню и еще суровѣе хмурился, да Гербертъ Пискодъ, по наблюденіямъ праздныхъ жителей, не спускалъ глазъ съ харчевни «Телячьей ножки», считавшейся главной квартирой враговъ отечества. Власти держали себя равнодушно, зная, что новый совѣтъ рано или поздно будетъ ихъ добычей. Было только одно исключеніе: м-ръ Боскомбъ, отшельникъ высокой церкви, непрошенный выступилъ на политическую арену и сталъ поддерживать народнаго кандидата.

Что касается до остальныхъ, то даже чистенькій м-ръ Гримберъ изъ Лондона смѣло объявилъ, что онъ на сторонѣ замка, и пусть всѣ это знаютъ, ему все равно. Что было хорошо для герцога Аллонби, то и для него хорошо. Темныя силы, представленныя обширнымъ кругомъ мѣстнаго управленія, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ взирали на Малый Слокумъ. Презрѣніе Аллонби-Тоуэрса смягчалось юморомъ и поэтому, въ общемъ, не лишено было добродушія. Изумленіе герцога Аллонби при мысли объ этой деревнѣ было необычайно по силѣ, если не по способу выраженія. Это была его деревня, и его она всегда останется, и мысль, что у нея можетъ быть собственная воля, удивляла его до крайности. Мы предоставляемъ воображенію читателя, въ какихъ словахъ высказывались его чувства.

Населеніе скоро будетъ готово на что угодно. Однажды вечеромъ одинъ изъ ораторовъ, взобравшись на стулъ передъ «Телячьей нож-

кой», всенародно требовалъ новый почтовый ящикъ для удобства населенія въ четверти мили отъ центра деревни. За нимъ послѣдовалъ извозчикъ, заявившій, что никогда въ этой сторонѣ не будетъ спокойно, пока Соксъ-Лэнъ, проселокъ между двумя большими дорогами, не будетъ вымощенъ и яма на поворотѣ засыпана. Затѣмъ новый ораторъ, и на этотъ разъ женщина, коснулась благотворительности, спросивъ, правда ли, что по закону полагается выдавать топливо всѣмъ, тогда какъ теперь говорятъ: «не ходишь въ церковь—нѣтъ тебѣ угля».

Но самымъ жгучимъ вопросомъ, хотя это можетъ показаться страннымъ, была вода. Страсти такъ разгорѣлись, при его обсужденіи, что пришлось перенести митингъ во внутренность харчевни, гдѣ огонь былъ отчасти потушенъ, вопреки законамъ природы, обильнымъ возліяніямъ спиртныхъ напитковъ. Деревня внезапно сдѣлала удивительное открытіе, что круглый годъ нуждается въ водѣ. Она вполнѣ зависѣла отъ своихъ колодцевъ. Но природа, казалось, по временамъ забывала о существованіи Слокума, и вода тогда становилась большой рѣдкостью и къ тому же никуда не годилась. Подобныя утвержденія доносились изъ открытыхъ оконъ харчевни. Имъ смѣло противорѣчили консерваторы или, иначе говоря, умѣренные, остававшіеся внѣ дома для протеста при случаѣ. Одинъ изъ защитниковъ консервативныхъ интересовъ, цитируя письмо своего двоюроднаго брата, доказывалъ, что въ Австраліи совсѣмъ не дурно живется, несмотря на засухи, если тамъ простые рабочіе зарабатываютъ по пяти шиллинговъ въ день. Голосъ изнутри отвѣчалъ, что Слокумъ, пожалуй, обойдется и съ колодцами, если только насосы поставить. Воды загрязняютъ тѣмъ, что вѣчно опускаютъ туда ведра, а потомъ въ нихъ заводятся червяки и всякая нечисть, поэтому вмѣсто воды—чортъ знаетъ что. Другой консерваторъ, м-ръ Гримберъ, какъ подозрѣвали, произвелъ диверсію, спросивъ, кто же будетъ платить за насосы? Внутри харчевни произошло минутное замѣшательство, когда другой голосъ насмѣшливо сказалъ: «его свѣтлость, понятно», причемъ этотъ намекъ на владѣльца Тоуэрса былъ безконечно дерзокъ и вызвалъ громкій хохотъ. «Ребята, ребята!—крикнулъ веселый голосъ Джорджа—бросьте вы эти глупости!» Но митингъ совершенно отъ рукъ отбился, и сами собравшіе его пришли въ ужасъ при видѣ возбужденія, вызваннаго имъ. Когда Бэнгъ (слова его были записаны) заоралъ: «А почему бы намъ не имѣть водопровода, какъ у герцога и у сквайра Лиддикота?», самъ хозяинъ харчевни взволновался и внушительно произнесъ: «потише, пожалуйста».

Поднялся такой шумъ, что самъ Камиль Дамулэнъ сбѣжалъ бы куда глаза глядятъ. Самые дикіе крики раздавались на фонѣ общаго ада: «Керосиновые фонари на главной улицѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣ ночи, когда луны нѣтъ!» «Площадку для дѣтскихъ игръ». «Скамейки для отдыха въ тѣни!». М-ръ Гримберъ повернулъ къ дому, размышляя,

что онъ никогда не думалъ дожить до такого дня; и другіе благоразумные люди послѣдовали его примѣру.

Когда митингъ дошелъ до предложенія отдавать въ аренду подъ охоту старыя каменоломни, которыя были отданы приходу послѣ большого захвата частныхъ земель въ 1810 г., и Бэнгсъ предложилъ вызвать желающихъ на торги, хозяинъ потушилъ огонь.

Глава 17.

Великій день выборовъ, наконецъ, настѣлъ. Всѣ слегка побаивались его, какъ чего-то угрожающаго, и съ радостью отодвинули бы его подальше. День былъ такъ себѣ и ничѣмъ не отличался отъ предыдущаго, такъ что никто бы не могъ догадаться, какое онъ имѣлъ значеніе.

Однако, результатъ его былъ ошеломляющій. Джорджъ провелъ своего кандидата, и на счетъ кандидата замка, который остался за флагомъ! Спёрръ побилъ м-ра Рэйфа. Консерваторы, которые на этотъ разъ прикрывались своимъ вторымъ именемъ — умѣренныхъ, были увѣрены, что все сдѣлаютъ по своему, а между тѣмъ выиграли только четырехъ козырей: Кнеби и школьнаго учителя, Гримбера и Фаука. Радикализмъ, предательски назвавшись прогрессомъ, чтобы ввести въ заблужденіе, втерся въ священный кружокъ. Вотъ какъ отнеслась къ этому неслыханному факту противная сторона: сквайръ Лиддикотъ замѣтилъ, что кое-что заходитъ слишкомъ далеко; герцогскій агентъ нахмурился, Кнеби закричалъ, что Джорджъ Херіонъ подстрекатель, и что въ Слокумѣ не будетъ покоя, пока его оттуда не выгонятъ.

Было очевиднымъ, что въ «Телячьей ножкѣ» произойдетъ всенощное сидѣніе. Событіе должно было запечатлѣться въ сознаніи, такъ сказать перевариться, и для этого не было болѣе удобнаго мѣста, чѣмъ деревенская харчевня. Хозяинъ, который уже справился со своимъ крайне непрофессіональнымъ неудовольствіемъ прошлаго вечера, былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Въ распивочной чувствовалось тревожное ожиданіе, предчувствіе новыхъ временъ. Браконьеръ Бэнгсъ засталъ здѣсь уже всю компанію въ полномъ сборѣ, даже старый Скеттъ приплелся съ другими, и Джобъ Гёртъ, который былъ бы здѣсь, во всякомъ случаѣ, какъ на служебномъ посту.

Было бы большимъ заблужденіемъ предполагать, что кузнецъ былъ пьяницей. Если онъ былъ здоровъ выпить, онъ не менѣе ревностно работалъ. Онъ хорошо зарабатывалъ и, вмѣстѣ со случайными заработками въ Аллонби, получалъ, въ среднемъ, до двадцати пяти шиллинговъ въ недѣлю. Шестнадцать изъ нихъ онъ отдавалъ женѣ на хозяйство, а остальные пропивалъ. Такъ какъ дѣтей у нихъ не было, то никто не могъ обвинить его, что онъ обираетъ семью. Каждое утро, въ пять часовъ, онъ опохмѣлялся, чтобы освѣжить свою голову

отъ винныхъ паровъ, оставшихся отъ вечерней выпивки. Его предусмотрительная хозяйка зорко слѣдила, чтобы необходимый для этого капиталъ всегда находился подъ рукою. Кузнецъ былъ чистокровный саксонскій крестьянинъ и вѣчную тяжесть въ головѣ, вѣроятно, унаслѣдовалъ отъ одного изъ отдаленнѣйшихъ своихъ предковъ, который получилъ ударъ палицей въ битвѣ подъ Сенлакомъ. Но во имя справедливости слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ въ настоящее время былъ весьма умѣренъ по отношенію къ количеству напитка. Не такъ давно онъ жестоко напился, а теперь, медленно возвращался къ трезвости, чтобы имѣть возможность съ большимъ удовольствіемъ напиться въ слѣдующій праздникъ. Но покамѣстъ только мелкіе людишки засѣдали въ харчевнѣ. Крупныя личности, принимавшія непосредственное участіе въ событіяхъ дня, запаздывали, какъ этого требуетъ ихъ положеніе. Первымъ изъ нихъ появился м-ръ Гримберъ, удалившійся отъ дѣлъ торговецъ свѣчами, вдвойнѣ уважаемый, какъ житель столицы и лицо, обладающее независимыми средствами къ жизни. Однако, точнѣе охарактеризовать его, какъ существеннаго плательщика налоговъ, изъ мелкаго сорта, составлявшаго отчаяніе всѣхъ борцовъ за погибшіе идеалы. Всѣ его помыслы были сосредоточены на самомъ себѣ, хотя онъ чувствовалъ громадное почтеніе къ богатству и знатности, и ничто не могло превзойти его презрѣнія къ тѣмъ, которые, какъ онъ твердо вѣрилъ, питались, одѣвались и воспитывались на его счетъ. Онъ платилъ налоги почти всю свою жизнь—не безъ чувства удовлетворенія своего тщеславія, какъ человѣка со средствами, и всю свою жизнь питалъ глубокое презрѣніе и отвращеніе ко всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ хотя малѣйшую пользу отъ его вынужденнаго содѣйствія общественному благополучію.

Его появленіе было встрѣчено единодушнымъ: «Добрый вечеръ, господинъ совѣтникъ!» М-ръ Гримберъ съ достоинствомъ отвѣчалъ: «Добрый вечеръ, господа!» Когда его коллега, школьный учитель, послѣдовалъ за нимъ, то получилъ то же привѣтствіе. М-ръ Кнеби, само собою разумѣется, не удостоилъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Угрожаемая и въ то же время торжествующая партія появилась въ лицѣ старика Спёрра. Онъ по обыкновенію падалъ отъ усталости, былъ оборванъ, грязенъ и напоминалъ одного изъ гонимыхъ еврейскихъ пророковъ, который на минуту покинулъ свою пустыню, гдѣ скрывался отъ ярости своего царя, и явился въ поискахъ за облегченіемъ. Нечего было ожидать отъ него, благодаря его мрачности и потому отсутствію остроумія. Онъ даже не съумѣлъ отвѣтить на привѣтствіе. Джорджъ, всѣ это знали, долженъ былъ придти попозднѣе, такъ какъ онъ еще не вернулся со своего ежедневнаго объѣзда. Поэтому въ собраніи чувствовался недостатокъ оживленія вплоть до прихода м-ра Фаука, маленькаго человѣка, теперь преисполненнаго важности, на лицѣ котораго ничего не было написано, кромѣ того,

что сахаръ теперь подешевѣлъ. Его длинное привѣтствіе во мгновеніе ока привело все сборище въ гармоничное и дружеское настроеніе.

— Пью за ваше здоровье, сэръ, и горжусь, что могу привѣтствовать васъ,—сказалъ Гримберъ, поднимая свой стаканъ.

— И я тоже выпью,—пропищалъ Самсонъ Скеттъ.

Подобно многимъ людямъ, впервые призваннымъ къ общественнымъ должностямъ, м-ръ Фаукъ стремился показать, что онъ нисколько не возгордился.

— Право, самъ не знаю, какъ это все вышло, ей-Богу,—началъ онъ.—А какъ подумаю, сколько у насъ въ приходѣ людей, которые гораздо больше смыслятъ, чѣмъ я, такъ и хочется отказаться. Я, конечно, буду стараться, какъ съумѣю.

Никто не поддержалъ м-ра Фаука въ эту минуту, хотя каждый добрый человѣкъ долженъ былъ бы почувствовать, какъ злоупотребляютъ его добротою.

— Но, господа, не стоитъ представляться. Я въ жизни своей не учился грамматикѣ, а меня дѣлаютъ ораторомъ!

— Ужъ коли разъ попали, Фаукъ, такъ сидите крѣпко. Больше вамъ и дѣлать нечего.

— Конечно, товарищи, я самъ то же думаю: я этого не искалъ. Я даже ничего не подозрѣвалъ, пока своего имени въ спискахъ не увидѣлъ.

Голосъ изъ толпы:

— А развѣ вы не говорили, что вы согласитесь, если васъ попросятъ?

— Можетъ и говорилъ, но я никого не просилъ меня просить и никого не подбивалъ.

Голосъ:

— А что же насчетъ Мау?

Фаукъ слегка мѣняется въ лицѣ.

— Сейчасъ я скажу вамъ, какъ было дѣло. Мау сказалъ, что его имя врядъ ли стоитъ въ спискахъ, такъ, между прочимъ сказалъ. «Ладно, говорю, я погляжу»; ну нашелъ я его и далъ ему знать, вотъ и все.

Школьный учитель:

— Что-жъ въ этомъ? Чего же вы сконфузились, пріятель?

Фаукъ, собравшись съ духомъ:

— Положимъ, я сказалъ при этомъ: «мое имя стоитъ четвертымъ въ избирательномъ спискѣ», но это дальше не пошло.

Голосъ:

— Вотъ оно что!

Фаукъ:

— Дѣло въ томъ, что это мудреная штука, и не легко поставить свой значокъ противъ имени, когда читать не умѣешь. Не всѣ мы получили образованіе.

Гримберъ презрительно:

— Образованіе, образованіе, только о немъ и разговору. Я говорю, какъ плательщикъ налоговъ.

Джобъ Гертъ:

— Вы правы, господинъ. Тяжелая это штука для тѣхъ, у кого дѣти есть. Мальчишка ужъ можетъ свой грошъ заработать и родителямъ помочь, а тутъ его отбираютъ и насильно посылаютъ въ школу, чуть не палкой, ей-Богу! Тяжело это для родителей, такъ я сужу.

— Таковъ законъ, и съ нимъ надо считаться,—заворчалъ учитель. Втайнѣ и онъ думалъ, что правы родители.

Это было выраженіемъ деревенскаго взгляда на предметъ. Никто изъ всего сборища не замолвилъ словечка за образованіе, и самые горячіе его приверженцы молчали. А въ то время, когда глупый Слокумъ высказываетъ свое убѣжденіе, могущественная Германія и могущественная Америка, приведшія свою систему до послѣдней степени совершенства, ожидаютъ только удобнаго момента, чтобы наброситься на свою темную, неграмотную жертву. Положимъ, что отъ судьбы не уйдешь.

— Мы желаемъ, чтобы нами руководили,—сказалъ Фаукъ, направляя свои взоры на пожилую личность въ углу, которая, казалось, требовала умилостивительной жертвы. Ей принадлежалъ голосъ изъ толпы, но она не обратила на Фаука ни малѣйшаго вниманія.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы выборы прошли мягче, дружественнѣе,—продолжалъ Фаукъ попрежнему примирительнымъ тономъ.— Не хорошо, что противились желаніямъ герцога. Такъ печально, когда не мирные выборы между сосѣдями.

— Что-жъ, насколько я понимаю, у васъ уже есть какая-то программа?—рѣзко замѣтилъ Гримберъ.—Выкладывайте, что у васъ тамъ? Надѣюсь, что не новые налоги!

— Я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите сказать, господинъ совѣтникъ.

— Ну, какую вы дадите взятку свободному и независимому избирателю, будемъ говорить откровенно.

Фаукъ предварительно откашлявшись:

— Вопросъ дня въ Маломъ Слокумѣ, и Большомъ Слокумѣ тоже, награды на выставкѣ цвѣтовъ и овощей. Видите, вотъ въ чемъ дѣло. Наша первая награда—пять шиллинговъ, вторая—два съ половиной, третья—только шиллингъ. Но недостаточно только поощрять земледѣльцевъ. Это мало выгодно, если вы даже вывели полный столъ бобовъ, луку да картошки. А я всю свою жизнь работалъ, думая, какъ бы увеличить награды до семи съ половиной, пяти и двухъ съ половиной шиллинговъ. Только такимъ образомъ можно поощрять отечественную промышленность и побѣдить иностранцевъ. И помяните мое слово, это необходимо.

— Трудненько это будетъ,—замѣтилъ Гримберъ.—А часто мы будемъ собираться?

— Каждый мѣсяцъ по цѣлому часу, а иногда по два; я думаю, пустить этотъ вопросъ въ первую голову.

Однако, предварительное обсужденіе не могло долго оставаться на подобной высотѣ и скоро начало спускаться до полной неурядицы, Фаукъ все выкрикивалъ отрывочные фразы вродѣ: «мы люди необразованные! «Стараться будемъ!» «Къ тому дѣло идетъ!» Гримберъ попробовалъ возстановить порядокъ, искусно свернувъ на водяной вопросъ. Онъ вспомнилъ тѣ времена, когда, по случаю взрыва холеры всѣ лондонскіе колодцы были опечатаны, и лавка его отца,—онъ былъ гробовщикомъ,—подобно второму храму Януса, не закрывалась ни днемъ, ни ночью впродолженіи трехъ недѣль.

— Я говорю о человѣкѣ, каковъ онъ есть,—мямлилъ несчастный Фаукъ.

Гримберъ посмотрѣлъ на него такъ, точно хотѣлъ ему что-то сказать, но, очевидно, раздумалъ. Повидимому, болѣе великодушное настроеніе одержало верхъ.

У дверей послышался шумъ, и вошелъ Джорджъ.

— Добрый вечеръ всѣмъ вамъ, господа. Ну, дядя, сдѣлали мы дѣло,—сказалъ онъ, пожимая руку Спёрру.

Старикъ улыбнулся съ трудомъ и, желая показать нѣкоторое возбужденіе и интересъ, выколотилъ золу изъ трубки.

Всякое предводительство, даже самое незначительное, всегда даетъ почувствовать себя. Всѣ бросились впередъ, чтобы пожать руку торговцу. М-ръ Гримберъ сдѣлалъ это съ такимъ видомъ, точно навсегда прощается съ человѣкомъ на его пути къ вѣчной погибели, но онъ все-таки сдѣлалъ это. Учитель подумалъ про себя, что можетъ гордиться своимъ бывшимъ ученикомъ, но вслухъ сказалъ только: «Ну, ну!» такимъ тономъ, какимъ хвалилъ за хорошо отвѣченный урокъ.

Юноша держался съ большимъ самообладаніемъ и таилъ свою гордость про себя. Онъ начиналъ дѣйствовать, когда прежде только думалъ и надѣялся, а это великая минута для каждаго изъ насъ. Онъ былъ весь проникнутъ новымъ сознаніемъ благопріятности времени. Деревня уже не казалась ему такой ничтожной, какой онъ считалъ ее прежде. Его успѣхъ въ торговлѣ показалъ ему, что можно кое-что сдѣлать и въ Слокумѣ, стоитъ только попробовать. А теперь онъ одержалъ второй, большой успѣхъ. Можетъ быть ему удастся поставить на ноги деревню, какъ онъ поставилъ на ноги самого себя, и пробудить ее къ менѣе несчастной, узкой и рабской жизни. Съ его стороны это не было мятежемъ противъ людей, стоявшихъ выше него. Онъ попрежнему былъ крестьяниномъ и признавалъ ихъ права управлять имъ; все, чего онъ требовалъ—это позволенія приложить и свою руку. Возрождающіяся мысли зрѣютъ медленно, и никто не можетъ пе-

родиться сразу. Что за счастье, если бы онъ могъ снабдить Слокумъ крѣпкими крышами и свѣтлой, чистой водой для питья впродолженіи цѣлаго года! Онъ былъ преисполненъ гордости и весь сіялъ! Фаукъ попробовалъ было предложить свою панацею—цвѣточную выставку, но Джорджъ со смѣхомъ отмахнулся отъ него.

— Бросьте это теперь; поболтаемъ, какъ въ старыя времена.

Предложеніе это видимо имѣло успѣхъ; разговоръ сразу принялъ болѣе дружественный тонъ, и на сцену появились старые, но излюбленные анекдоты, имѣющіе всегда успѣхъ.

Потомъ Джорджъ потребовалъ пѣсню, и хотя это требованіе было пріятно всѣмъ, тѣмъ не менѣе сначала всѣ конфузились начинать. Кое-кто откашливался, отказывался и ломался, подъ предлогомъ, что забылъ слова. Наконецъ на помощь явился хозяинъ съ инструментомъ, спеціально предназначеннымъ для подобнаго рода упражненій, и который Фаукъ, по недостатку образованія, окрестилъ именемъ «граммертона». На обязанностяхъ этого необычайно-заунывнаго инструмента лежало знакомить сельское населеніе съ выдающимися образцами кафешантанной музыки. Хозяинъ не безъ труда вставилъ валикъ и завелъ пружину. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, послышался загробный голосъ, вѣщавшій нѣчто про прелести бумажныхъ воротничковъ. Но общество оставалось холодно, имъ было скучно, но они молча признавались, что пожалуй это слишкомъ возвышенно для ихъ пониманія. Въ общемъ получилось тоже впечатлѣніе, которое бываетъ, когда высокопоставленные любители на деревенскихъ концертахъ преподносятъ слушателямъ избранные отрывки изъ Вагнера. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ слушатели слишкомъ вѣжливы, чтобы протестовать. Проницательный хозяинъ избавилъ ихъ отъ тягостнаго смущенія, закрылъ свою машину клеенкой и поднесъ шкаликъ Бэнгсу, чтобы поощрить его къ пѣнію.

Браконьеръ сейчасъ же затянулъ безконечную патріотическую пѣсню, вдохновленную войной, начинавшуюся словами: «Англія, гордись своими ребятами въ рыжемъ...» Выборъ цвѣта былъ молчаливымъ признаніемъ автора въ его неумѣніи примѣнить хакки къ требованіямъ поэзіи. Но какія бы ни были ошибки въ произведеніи и въ его исполненіи, по крайней мѣрѣ это былъ голосъ живого человѣка и по этому онъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Всѣ присутствующіе оживленно подхватили припѣвъ, и Фаукъ въ особенности настроился чрезвычайно воинственно, точно собирался сейчасъ же отправиться въ дѣйствующую армію. Когда ледъ былъ разбитъ, м-ръ Гримберъ въ свою очередь взялся развлекать общество.

— У меня ничего новенькаго нѣтъ,—сказалъ онъ,—но если вы не прочь послушать старую, я спою вамъ пѣсню, которую мой старикъ отецъ отъ своего отца перенялъ, а тотъ былъ волонтеромъ во время великой французской войны. Это про Наполеона Бонапарта.

Старая пѣсня, пѣсня, въ которой, быть можетъ, говорится про Ватерлоо! Этого уже было достачно. чтобы возбудить самое почтительное вниманіе.

Начиналась она такъ:

„Слушайте всѣ молодые герои, берегитесь тщеславія,
Или, съ теченіемъ времени, вы перемѣните свою карьеру.
О, подумайте, сколько горя перенесетъ тотъ, кто рожденъ быть героемъ,
А теперь обреченъ кончать свои дни на островѣ св. Елены!"

Всѣхъ куплетовъ было двѣнадцать и въ нихъ излагалась судьба дурно направленнаго тщеславія отъ самой колыбели и вплоть до могилы. Въ подобномъ изложеніи въ особенности въ передачѣ м-ра Гримбера ослѣпительный и безпокойный геній являлся ужаснымъ предостереженіемъ всей подрастающей молодежи Малаго Слокума, не знающей, какія опасности грозятъ тому, кто недоволенъ своей судьбой. Онъ, казалось снова вернулся на землю только для того, чтобы внушить имъ, что они лишатся счастья быть британскими мужиками, если не будутъ вести себя крайне осторожно. Вѣроятно, онъ служилъ въ тѣхъ же цѣляхъ еще ихъ дѣдамъ, и поэтому все-таки не безъ пользы прожилъ свою жизнь. Поэтому пѣсня имѣла глубокое соціальное и политическое значеніе, проводя въ жизнь ученіе о довольствѣ той участью, которую судьба намъ послала. Скрытый выговоръ, казалось, попалъ прямо въ огородъ м-ра Фаука, съ его внезапно пробудившимися стремленіями къ гражданскимъ и даже военнымъ отличіямъ. Онъ сидѣлъ молчаливо, точно съ благодарностью обдумывалъ, какъ счастливо ему удалось избѣжать трона.

Веселье было въ полномъ разгарѣ, когда мальчикъ изъ деревни принесъ Джорджу письмо. Оно было только что подано въ его хижину, и посланный, принесшій его отъ герцогскаго управляющаго изъ замка, сказалъ, что оно очень важное. Они всѣ такъ мало получали писемъ, важныхъ или неважныхъ, что всѣ крайне взволновались, особенно когда увидѣли, какъ парень поблѣднѣлъ, прочтя его.

Онъ перечиталъ письмо еще разъ въ полномъ молчаніи, уронилъ его и, не произнеся ни слова, шатаясь, вышелъ изъ комнаты. Одинъ изъ присутствующихъ поднялъ письмо и безъ церемоніи прочелъ его вслухъ всей компаніи. Это было форменное приказаніе очистить хижину немедленно, на томъ основаніи, что она нужна для одного изъ новыхъ рабочихъ въ имѣніи. Всѣ они также хорошо поняли его полное значеніе, какъ и Джорджъ. Это было разореніе. Внѣ Слокума какъ центра, вся его маленькая торговля пойдетъ прахомъ, а для человѣка, находящагося подъ запрещеніемъ изъ замка, нигдѣ въ окрестности не найдется пріюта.

— Я такъ и думалъ, что что-нибудь да случится,—сказалъ Джобъ,—ужъ очень скверная рожа была у управляющаго.

Глава 18.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ выборовъ—такъ все было скоро сдѣлано,—какъ Джорджъ Херіонъ очутился въ Лондонѣ и началъ работать въ докахъ. Гроза разразилась. Явилось приказаніе управляющаго выселиться, и аппеллировать на него было немыслимо. Герцогиня, ихъ единственный другъ и покровительница, была въ городѣ среди вихря своего перваго лондонскаго сезона, и добраться до нея было такъ же трудно, какъ до звѣздъ небесныхъ. Да если бы она была и въ замкѣ, они врядъ ли посмѣли бы обратиться къ ея заступничеству. Герцогскій управляющій представлялъ герцога, а герцогъ и герцогиня—одно, думали они въ простотѣ своего сердца. Неумолимая судьба поразила ихъ въ опредѣленное для этого время, и что были они, ничтожные, для безсмертныхъ боговъ?

Но матери, по долголѣтней привычкѣ, совѣтовали смириться.

— Поди и попроси прощенія,—говорила мать Джорджа. — Скажи ему, что ты раскаиваешься, что такъ поступалъ. Тебѣ это совѣтуетъ мать, которая тебя выкормила. Ступай, будь хорошимъ мальчикомъ.

— Скорѣе умру, матушка,—возразилъ нехорошій мальчикъ.—Если я буду унижаться, онъ меня еще разъ лягнетъ, больше ничего. За что Кнеби выгналъ меня? Ни за что. Что я послѣ дѣлалъ? Опять ничего. Спроси Пискода, сдѣлалъ ли я что-нибудь противозаконное.

Бѣдныя старухи смотрѣли на Розу, точно умоляя помочь имъ. Но она покачала головой. Она и сама была упряма.

— Я съ нимъ вполнѣ согласна,—сказала она только.

— Правда, пожалуй, зачѣмъ ему унижаться, голубка,—начала мать.— Можетъ ему удастся найти себѣ домикъ поблизости и продолжать торговлю. Онъ вѣдь такой умный. Охъ, дѣла, дѣла!—И обѣ старухи въ голосъ принялись оплакивать погибшее благополучіе.

— Не стоитъ пробовать, — сказалъ Джорджъ. — На десять миль кругомъ Аллонби я не найду себѣ угла, а если бы и нашелъ, они все равно затравятъ меня. Ужъ коли они отмѣтятъ тебя, ты погибшій человѣкъ.

— Ой, батюшки, онъ теперь въ солдаты пойдетъ, помяните мое слово!—завыла старуха.—Охъ, жестокій ты человѣкъ, а я тебѣ мою дочку отдала!

Даже дочь ея поблѣднѣла.

— Я поѣду въ Лондонъ--сказалъ Джорджъ, цѣлуя Розу—и женка моя со мною поѣдетъ. Хорошо такъ будетъ?

— Въ Лондонъ! — въ отчаяніи вопила старуха. — А что ты тамъ будешь дѣлать, глупая голова, хотѣла бы я знать? Что ты тамъ будешь дѣлать?

— Богатство наживать, матушка. Коли я разъ началъ торговлю,

и въ другой разъ начну. Самое подходящее для наживы мѣсто. Ужъ тамъ-то каждый свободенъ.

Пришли сосѣди, выразить свое сочувствіе.

— Вотъ чему меня жизнь научила,—говорилъ Джобъ Гертъ—Говори что думаешь, и пойдешь съ сумой. Сума-то тебѣ не за то дается, что ты говоришь то, что думаешь, а просто такъ, за здорово живешь. А впрочемъ не все ли равно, за что ее получишь. Ты думаешь, они тебѣ пиво дешевле будутъ отпускать въ «Телячьей ножкѣ» за то, что ты, такъ сказать, жертва? И не подумаютъ, братецъ. И я бы не подумалъ. И кабатчику жить надо. Мой старикъ еще мнѣ это говорилъ, когда я маленькимъ парнишкой былъ, а потомъ я и самъ увидѣлъ, что правъ онъ былъ.

Непреодолимый ужасъ передъ господами, которые могутъ повредить имъ, выказывался большинствомъ изъ пришедшихъ.

М-ръ Боскомбъ украдкой сунулъ два золотыхъ въ руку Розы и, вздыхая, пошелъ домой, чтобы углубиться въ чтеніе «Града Божія». М-ръ Рэйфъ тоже зашелъ, считая это своею обязанностью, но неодобрительно покачалъ головой. Домашній капелланъ поймалъ Джорджа какъ разъ въ ту минуту, когда онъ произносилъ дерзкія, вызывающія слова, что пойдетъ искать счастья въ Лондонѣ. Онъ простился съ изгнанниками кротко, но съ такимъ видомъ, точно онъ благодаритъ небеса, избавившія его отъ этой черной овцы. Гнѣздо было разрушено. Матери взяли часть мебели, чтобы сберечь ее для лучшихъ временъ, остальное было отправлено въ городъ, и изгнанники тихонько удалились. Не всѣ примѣты были неблагопріятны для нихъ. Весна была холодная, но терновникъ въ полномъ цвѣту, и горихвостка провожала ихъ своей пѣсенкой. Только она одна и проводила ихъ, такъ какъ Гримберъ съумѣлъ ловко уговорить сосѣдей не высовывать носа изъ-за дверей. Это было нѣчто вродѣ изгнанія изъ рая, причемъ палка Пискода довольно удачно замѣняла пылающій мечъ. Никто, кромѣ стараго Сперра, не пришелъ помочь Джорджу довести до станціи телѣжку съ вещами, которыя должны были быть отправлены съ товарнымъ поѣздомъ. Хотя этихъ вещей было очень немного, но онѣ не всѣ могли помѣститься на телѣжкѣ, и Джорджъ оглядывался, ища глазами, не подъѣдетъ ли кто-нибудь, кто бы взялся подвезти до станціи часть багажа.

На поворотѣ дороги показался желтый фургонъ, не на походѣ на этотъ разъ, а уже направляясь къ станціи, откуда его должны были на поѣздѣ отправить въ отдаленную мѣстность къ началу весенней кампаніи. Лошадью правилъ мальчишка извозчикъ. Лекторъ, его жена и ребенокъ должны были пріѣхать позднѣе, и теперь фургонъ имѣлъ совсѣмъ заброшенный видъ. Мальчишка охотно согласился взвалить узелъ на козлы и шажкомъ поѣхалъ за телѣжкой. Обѣ старухи, закрывъ лицо передникомъ, убѣжали въ свою хижину. Одна и та же

мысль мгновенно мелькнула у обѣихъ: шествіе напоминало похороны— четвертаго разряда, конечно. Путешественники исчезли въ пучинѣ Истъ-Энда великой столицы, и въ ожиданіи благопріятнаго случая нашъ парень понесъ на рынокъ свои свѣжія силы и нанялся поденщикомъ въ докахъ. При видѣ ихъ мрачнаго жилья въ мрачномъ Понларѣ, Роза на минуту потеряла мужество и готова была написать своей высокой покровительницѣ. Но Джорджъ строго запретилъ ей это, увѣренный въ томъ, что онъ выбьется самъ. Никто не долженъ былъ знать объ его сомнѣніяхъ, даже обѣ старухи-матери. Да и Роза въ этомъ была одного мнѣнія съ нимъ. Ея крестьянская гордость возмущалась при одной мысли даже о временной неудачѣ. Все скоро образуется, и тогда она съ Джорджемъ вернется въ Слокумъ съ торжествомъ, въ новомъ нарядномъ платьѣ.

Герцогиня все-таки узнала все, изъ приписки въ запоздаломъ письмѣ:

«Ваши друзья Роза и Джорджъ теперь ваши сосѣди въ городѣ. Херіонъ, какъ я слышала, совсѣмъ потерялъ голову, рѣшивъ, что можетъ разбогатѣть въ Лондонѣ, и, благодаря этой фантазіи, нагрубилъ управляющему. Какъ бы тамъ ни было, онъ исчезъ съ горизонта вмѣстѣ со своей хорошенькой женой».

Такъ писала Мери со словъ м-ра Рэйфа. Такъ вообще пишется исторія. Но у дочери сквайра и безъ того было достаточно своихъ заботъ и ее можно извинить, что она не старалась почерпать свои свѣдѣнія изъ перваго источника. Несмотря на подъемный мостъ въ Лиддикотѣ, много огорченій и затрудненій перешли черезъ ровъ, и отецъ съ дочерью были согласны, что о городскомъ сезонѣ не можетъ быть и рѣчи.

Зная, что Томъ на войнѣ, они не могли веселиться. Да и средствъ не хватало послѣ тѣхъ тяжелыхъ денежныхъ жертвъ, которыя были принесены для его снаряженія и отправки.

Августа прочитала приписку, но не обратила на нее вниманія и продолжала веселиться. Однако сезонъ былъ довольно печальный, его омрачала тѣнь войны, хотя особенные приверженцы развлеченій и умудрялись пользоваться ими хотя бы урывками. Но и они не избѣгали своихъ испытаній: каждую недѣлю въ иллюстрированныхъ журналахъ появлялись цѣлыя портретныя галлереи бѣдныхъ юношей, погибшихъ среди африканскихъ фельдовъ. Война казалась чудовищемъ, пожиравшимъ молодежь.

Однако приходилось продѣлывать всѣ привычныя вещи, такъ какъ веселье такое же необходимое условіе общественной жизни, какъ вода и газъ.

Когда общественное мужество грозило поддаться, престарѣлая королева появлялась, и ее провозили по улицамъ среди привѣтствій толпы, утомленную воспоминаніемъ безчисленныхъ церемоній и соз-

наніемъ ихъ тщеты и суетности, неподвижную и отвѣчающую на привѣтствія лишь легкимъ движеніемъ глазъ.

Герцогъ съ герцогиней все время жалѣли себя, особенно въ тѣ дни, когда ложились спать безъ головной боли, и уѣхали на Пасху съ твердымъ убѣжденіемъ, что имъ необходимо освѣжиться. Освѣженные и съ новыми силами они вернулись къ новымъ обѣдамъ, придворнымъ концертамъ и т. п. Придворныхъ баловъ не было по той простой причинѣ, что не было танцоровъ, всѣ восемь тысячъ гвардейцевъ ея величества сражались въ Африкѣ. Однако въ Лондонѣ было еще достаточно военныхъ, чтобы украсить парадъ въ день рожденія королевы. Первое собраніе экипажнаго клуба было очень оживленно. Герцогъ обѣщалъ самъ править своимъ экипажемъ, но въ послѣднюю минуту ему пришлось поручить Августу друзьямъ. Ему необходимо было докончить обширную статью о причинахъ уменьшенія сельскаго населенія въ Англіи, которую выпросилъ у него издатель одного изъ модныхъ обозрѣній.

Для каждаго сезона необходима дебютантка, а въ особенности она была нужна въ данный сезонъ. Августа была на виду у всѣхъ. Лондонъ былъ ей совершенно незнакомъ, такъ какъ при своемъ пріѣздѣ въ Англію она только проѣхала черезъ него. Всѣ любовались ея самообладаніемъ.

Дѣло въ томъ, что она не старалась пріобрѣсти его, оно явилось случайно. Ее такъ интересовало все, происходившее вокругъ нея, что она часто была способна забывать свое собственное участіе въ происходившемъ. Она походила на тѣхъ счастливыхъ людей елизаветинскихъ временъ, которые въ качествѣ зрителей помѣщались на сценѣ и нерѣдко безсознательно принимали участіе въ дѣйствіи. Часто, составляя притягательную силу и центръ цѣлаго общества, она съ жадностью и интересомъ замѣчала все и всѣхъ, кромѣ себя, и это помогало ей держаться съ той свободой и увѣренностью, которая обыкновенно является послѣ дюжины сезоновъ. Ея представленіе ко двору казалось ей сномъ на яву и напомнило ей тѣ волшебныя сказки, которыя она читала въ дѣтствѣ при свѣтѣ огня въ далекихъ ранчахъ.

Въ большомъ оперномъ театрѣ были живыя картины. И исполнители, и зрители отъ ложъ до галлерей представляли сливки общества. Королевская семья присутствовала въ своей ложѣ. Общественный энтузіазмъ былъ подогрѣтъ вечерними газетами, были получены благопріятныя телеграммы съ войны и всѣ были подъ ихъ вліяніемъ.

Послѣ представленія былъ ужинъ въ ресторанѣ.

При видѣ оживленной картины въ общемъ залѣ Августа отказалась отъ отдѣльнаго кабинета. Нѣкоторые столики казались настоящими созвѣздіями. Но общество было чрезвычайно смѣшанное и были среди него невозможныя личности, съ такой жадностью набрасывавшіяся на пищу, точно они въ самомъ дѣлѣ были голодны. Это были

финансисты. Среди нихъ былъ и Кисби, и имѣлъ нахальство стараться встрѣтиться взглядами съ герцогомъ. Что за сборная публика тутъ была, хотя и не смѣшивалась между собою—представители англійской и иностранной аристократіи, южно-африканскіе милліонеры, театральныя звѣздочки.

Нѣкоторые люди умѣютъ только умереть безъ кривлянья и позы... Принцъ выигралъ Дерби во второй разъ, и герцогъ долженъ былъ обѣдать съ нимъ въ «Жокей-клубѣ» въ честь этого событія. Герцогиня получила приглашеніе ея величества присутствовать на оперномъ спектаклѣ въ виндзорскомъ замкѣ.

Въ письмѣ, въ которомъ герцогиня описывала Мери всѣ эти увеселенія, была приписка:

«Я считаю, что Херіонъ сдѣлалъ ошибку, но это мы увидимъ. А всетаки смѣлость его мнѣ нравится. Спокойной ночи, Мери. Я пишу вамъ передъ сномъ. Скоро у меня будетъ сюрпризъ для васъ. Внезапный гость! иностранецъ! Кавалеръ! Больше не скажу, сами угадайте. Ну, а теперь засните спокойно, если можете».

Глава 19.

Сэръ Генри Лиддикотъ, сегодня въ очень дурномъ расположеніи духа, сидитъ за первымъ завтракомъ со своей дочерью въ своемъ окруженномъ рвомъ замкѣ. Онъ получилъ довольно угрожающее письмо отъ ростовщика, у котораго однако занималъ не онъ, а другой. Этотъ другой былъ его сынъ. Оказывается, что Томъ, съ легкомысліемъ его возраста, вступилъ въ различныя обязательства съ предложившими ему свои услуги джентльменами. Онъ дѣйствительно серьезно запутался, и ростовщикъ, подписавшійся Клодъ Вавасуръ, думаетъ, что сквайру небезъинтересно будетъ узнать объ этомъ. Однако, сквайру это вовсе неинтересно.

— Мнѣ казалось, что я все заплатилъ за него передъ его отъѣздомъ,— говоритъ онъ.—Зачѣмъ же онъ скрылъ, это подло!

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, не говори такъ!

— Что это за человѣкъ съ актерской фамиліей? И что же намъ дѣлать

Мери вздыхаетъ при мысли, что опять придется прибѣгать къ помощи повѣренныхъ семьи, а это повлечетъ сознаніе въ крайне запутанномъ положеніи дѣлъ. Господа Стальброссъ, Фрюлингъ, Дженкинъ и Протеръ—и откуда фамильные повѣренные добываютъ такія невѣроятныя соединенія именъ—составляютъ какъ бы внѣшнюю совѣсть сквайра и онъ обращается къ нимъ въ своихъ затрудненіяхъ, какъ нашалившій школьникъ. Дѣвушка, пожалуй, еще лучше отца знаетъ всѣ эти затрудненія.

Благодаря его слабому зрѣнію, она служила ему секретаремъ для всей его дѣловой переписки.

— Что же ты будешь дѣлать, отецъ?

— Брошу письмо въ огонь.

— А Томъ? Не забывай, что его нѣтъ здѣсь и онъ не можетъ слѣдить за своими дѣлами.

— Я ужъ усталъ смотрѣть за нимъ—офицерское собраніе, скачки, клубы, свѣтская жизнь, представительство, вѣдь этому конца не будетъ. И почему я не помѣстилъ его въ пѣхотный полкъ! Что ты тамъ разбираешь, Мери?

Это были мелкіе счета Тома на различныя мелочи походнаго снаряженія аристократическаго полка: консервы, вина, ружья, принадлежности для игры въ поло и гольефъ и цѣлая масса изящнаго цвѣтного бѣлья, все это считалось «необходимыми предметами походнаго снаряженія».

— Да,—сказалъ онъ, точно внезапно смягчившись,—теперь все дороже, чѣмъ было въ мое время. Развитіе прогресса, должно быть.—Но онъ больше ничего не прибавилъ.

Настало короткое молчаніе, прерываемое только шорохомъ яичной скорлупы.

— Я давалъ ему все, что ему нужно было,—прибавилъ онъ наконецъ.—И на деньги не скупился. Не понимаю, почему онъ сваливаетъ на меня и личные свои долги. Земля этого не выдержитъ.

Никогда нельзя было опредѣленно сказать, посредствомъ какихъ умственныхъ процессовъ сквайръ проходилъ къ своимъ выводамъ. Можетъ быть, въ тайникахъ его души таилась мысль объ обязательствахъ, отягощавшихъ каждый акръ земли въ Лиддикотѣ и накопившихся во время медленнаго роста потребностей въ теченіе столѣтій. Такъ можно предположить, потому что онъ бормоталъ:

— Вѣдь, кромѣ насъ съ тобой и Тома, еще тетка Доротея и тетка Елизавета...—но дальше онъ не пошелъ.

Опытный экспертъ могъ бы прослѣдить нить его размышленій слѣдующимъ образомъ: не только всѣ названныя лица должны были жить и питаться на счетъ земли, но были еще бѣдные родственники, почтенныя отдаленныя кузины, жившія далеко, въ заграничныхъ пансіонахъ, которымъ сквайръ помогалъ. Старые слуги, получавшіе пенсію, и которые тоже предъявляли свои требованія, въ особенности одинъ изъ нихъ, старикъ, жившій въ хижинѣ рядомъ со Скеттомъ, который уже пятнадцать лѣтъ лежалъ въ постели и грубилъ всѣмъ и каждому на томъ основаніи, что носилъ за сквайромъ хорька, когда тотъ, еще мальчикомъ, ходилъ травить крысъ. Затѣмъ не надо было забывать фермеровъ и ихъ рабочихъ съ женами, дѣтьми и родственниками, которые естественно также желали жить отъ земли. Каждый требовалъ свою часть, большую или маленькую. Но это было чисто идейное распредѣленіе, такъ какъ иные получали свою часть только изрѣдка, а другіе и вовсе не получали. Части, предназначавшіяся каждому, въ

суммѣ своей значительно превышали цѣлое. Земля отказывалась удовлетворять всему, и попытка заставить ее была постоянной задачей жизни каждаго главы семьи.

Конечно, сквайръ, его сынъ и дочь стояли на первомъ мѣстѣ. Онъ жалѣлъ тѣхъ, которые были на послѣднемъ, и думалъ, что правительству должно было бы быть стыдно.

— А не могли ли бы мы сократить свои расходы, отецъ?

— Будь благоразумна, голубка. Нашъ домъ былъ однимъ изъ первыхъ, а теперь мы уже не вторые, а едва ли третьи. Сколько у насъ народу въ домѣ?

— Цѣлыхъ пятьдесятъ человѣкъ.

— Я такъ и думалъ,— сказалъ онъ съ тихимъ смѣхомъ.—Попробуй-ка ихъ урѣзать. У насъ и такъ не хватаетъ конюховъ и егерей, а смотрителя охотъ давно уже и въ поминѣ нѣтъ. Съ чего же ты начнешь?—съ молочнаго хозяйства?

— Развѣ намъ нужны всѣ эти мастеровые, которые только лѣнтяйничаютъ?

— Ладно. Прогони каменьщика, плотника, маляра и бочара и отдавай каждый пустякъ на сторону. Но берегись. Помни, чтобы вода не очутилась въ одинъ прекрасный день въ твоихъ погребахъ, или, вѣрнѣе, подвалы бы не очутились въ водѣ.

— Однако...

— Я отказался отъ оленьяго парка еще до твоего рожденія, — умолялъ онъ.—Я самъ хочу быть благоразумнымъ. Почти всѣ наши садовники—мальчишки. У насъ почти ничего нѣтъ въ оранжереяхъ, но не смотря на это, я вовсе не желаю бѣгать въ лавочку за персиками.

— Я понимаю, отецъ, но...

— И я думаю, что ты сама, Мери, не захотѣла бы закрыть свою прачешную со всѣми ея новѣйшими фокусами. Послушай, вѣдь, надо же какъ-нибудь держаться или все пустить къ чорту.

Это былъ его взглядъ на жизнь. И въ такихъ же взглядахъ онъ воспиталъ своего сына, да и Мери отчасти не была имъ чужда.

— Я боюсь, что тогда этотъ м-ръ Вавасуръ и ему подобные неизбѣжны,—вотъ все, что она сказала.

— Нѣтъ, нѣтъ, до этого еще не дошло. Жалко, что я самъ судья, мнѣ бы хотѣлось бросить его въ ровъ.

— Онъ все равно вернется. Только второе привидѣніе будетъ ходить въ Лиддикотѣ.

— Виноватъ Томъ со своими нелѣпостями,—началъ онъ. — Но тутъ онъ вспомнилъ, что его мальчикъ въ дѣйствующей арміи, и сразу смягчился.—Такой славный парень, такой красивый, мужественный юноша, первокласный атлетъ, лучшій наѣздникъ-любитель въ графствѣ, такой простой и честный, съ твердой вѣрой, что молодость дана, чтобы веселиться, и главное занятіе родителей—доставлять ему для этого

средства безъ всякихъ усилій съ его стороны.—Я въ этомъ виноватъ такъ же, какъ и онъ, — размышлялъ сквайръ. —Мнѣ бы слѣдовало съѣздить въ главный штабъ и похлопотать о немъ. Я знаю кое-кого въ военномъ министерствѣ, или, вѣрнѣе, зналъ. Досадно, что мы не можемъ принимать въ городѣ въ этомъ сезонѣ. И главное никто въ этомъ не виноватъ. Это общее положеніе всей страны. Что вы подѣлаете съ негоднымъ правительствомъ, которое не слѣдитъ за интересами страны?

Онъ взялъ газету, но она снова раздражила его, и онъ бросилъ ее съ восклицаніемъ: «Этакіе оводы!»

Мери подхватила газету. Тамъ косвенно нападали на его драгоцѣннаго мальчика въ уничтожающей громовой отповѣди: «О нашихъ военныхъ неучахъ», вызванной какой-то новой неудачей на театрѣ военныхъ дѣйствій. Эти несчастные, говорилось въ статьѣ, совершенно не обучены своему ремеслу, поэтому у нихъ даже не можетъ быть оправданія, что они забыли. Злобный оводъ вонзилъ свое жало въ послѣдній отчетъ о военномъ образованіи и облилъ его своимъ ядомъ. Сандхерстъ—нелѣпый пережитокъ старины; кадеты въ Вульвичѣ учатся артиллерійской стрѣльбѣ на старыхъ гаубицахъ, заряжающихся съ дула, безъ лафета; даже Альдершотъ почти такъ же плохъ. Военная географія, несмотря на всѣ учебники, находится въ зачаточномъ состояніи. Вездѣ царствуетъ сонная одурь, а невѣжество въ арміи возведено въ предметъ поклоненія.

Бѣдная дѣвочка, въ свою очередь, уронила газету. Слеза скатилась по ея щекѣ—она думала о Томѣ и ей хотѣлось избить кое-кого хлыстомъ. Статья проливала новый и страшный свѣтъ на презрѣніе отсутствующаго героя къ книгамъ и его милыя шутки, веселыя и остроумныя сами по себѣ, на счетъ тѣхъ товарищей, которые «зубрили».

— Это ложь!—гремѣлъ сквайръ.—Воспитаніе этого мальчика, съ начала и до конца, стоило мнѣ семь тысячъ фунтовъ!

Онъ уже больше не ворчалъ, онъ протестовалъ противъ нападенія. Онъ гордился своими издержками. Его обязанность была дать сыну самое лучшее, что можно достать за деньги, и въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, чѣмъ больше вы платите, тѣмъ больше получаете. Такова была его житейская философія.

— Хорошенькая сумма,—ворчалъ онъ опять послѣ минутной паузы. Стоило столько тратить, чтобы служить мишенью для подобныхъ негодяевъ!

Таково было выраженіе его негодованія при мысли, что весь истраченный имъ капиталъ служитъ цѣлью для выстрѣловъ грубыхъ мужиковъ. Онъ только теперь понялъ всю дороговизну войны.

— Они увѣряютъ, что онъ не умѣетъ правильно писать! Слыхалъ ли ты о подобномъ нахальствѣ, отецъ!—У обоихъ была одна мысль, и отецъ, и дочь понимали статью, какъ личныя нападки на Тома.

— Все злоба, газетная злоба,—сказалъ отецъ.—Вѣрно наши гостинцы дошли до дѣйствующей арміи, и газетчики не могутъ этого переварить. Такіе люди этого не выносятъ. Посмотримъ, что они говорятъ о преслѣдующемъ отрядѣ.

Это былъ насмѣшливый отчетъ о такъ называемой летучей колоннѣ, обремененной походными постелями, умывальниками и всякой всячиной, до зеленыхъ палатокъ включительно, непроницаемыхъ для солнечныхъ лучей. Но колонна все-таки летѣла, вѣроятно подъ вліяніемъ свирѣпаго командира, который самъ довольствовался собачьимъ сухаремъ и отправилъ весь хламъ въ тылъ. Полкъ Тома былъ упомянутъ также, по поводу того, что вечеромъ послѣ битвы офицеры появились къ обѣду въ приличномъ вечернемъ костюмѣ.

— Какъ это похоже на Тома,—сказалъ старикъ.—Онъ пропадетъ, если ему не удастся переодѣться къ обѣду. Но зеленыя палатки—это уже слишкомъ,—прибавилъ онъ задумчиво.—По моему, это уже фатовство, если ты хочешь знать мое мнѣніе.

Въ душѣ дѣвушки, казалось, зародилось какое-то сомнѣніе. Она уже не поддерживала отца. Но у сквайра сомнѣній не было.

— Знаю я эту породу,—обрушился онъ на суроваго командира.—Дослужился изъ рядовыхъ, а? Все дѣлаетъ, чтобы выдвинуться и подслужиться. Я думаю, что онъ и К. одного поля ягоды.

Негодованіе его достигло крайнихъ предѣловъ. К. былъ ужасный человѣкъ, ненавидимый сквайромъ и ему подобными за его неумѣстную страсть къ строгостямъ въ дѣлѣ войны, страсть, угрожавшую испортить военную карьеру всѣмъ дѣтямъ благородныхъ фамилій. Онъ грозилъ гибелью старому идеалу военной службы подъ грубымъ натискомъ новыхъ людей, людей, желавшихъ возродить тонко воспитанное дворянство къ ярости берсеркеровъ и къ ихъ простотѣ жизни. Ярость была еще недурна въ своемъ мѣстѣ. Въ подобной забавѣ было такъ же легко погибнуть, какъ на охотѣ за тиграми или даже на охотѣ съ гончими; но было противно думать, что придется рисковать жизнью безъ малѣйшаго комфорта, къ которому привыкъ съ дѣтства.

Мери молчала. Она думала объ одномъ изъ писемъ Тома, гдѣ этотъ милый юноша передавалъ, не безъ грамматическихъ ошибокъ, о своемъ собственномъ приключеніи съ вышеупомянутой личностью. Кучка офицеровъ изъ полка Тома, воспользовавшись короткимъ отпускомъ, собиралась повеселиться въ Капштадтѣ въ ожиданіи новой стычки на театрѣ военныхъ дѣйствій. Отпускъ былъ полученъ еще до пріѣзда К., и имѣлось въ виду начать удовольствіе партіей въ поло. Вдругъ къ собравшимся героямъ приблизилась суровая, колоссальная фигура въ хакки, безъ всякихъ отличій, свойственныхъ его положенію, кромѣ повелительной осанки и чего-то въ сверкающемъ взглядѣ, что внушало невольный почтительный страхъ. Это самъ К., проскакавшій безъ отдыха день и ночь, чтобы накрыть шалопаевъ. «Что вы здѣсь

дѣлаете, господа?»—«Мы въ отпуску, сэръ».—«Сейчасъ же отправляйтесь въ полкъ со слѣдующимъ же поѣздомъ или домой съ ближайшимъ пароходомъ». «Порядочное нахальство, Полли, для человѣка, служащаго въ саперахъ!—прибавлялъ Томъ.—Ты сама догадаешься, какъ мы его обожаемъ».

Нельзя было назвать Тома нѣженкой; при случаѣ онъ могъ быть твердъ, какъ сталь. Но онъ считалъ, что по своему положенію имѣетъ право на маленькія послабленія, и брыкался, когда его ихъ лишали.

Онъ раздѣлялъ презрѣніе своего отца къ настоящимъ врагамъ—горсточка какихъ-то мужиковъ, сражающихся безъ сюртука, и чортъ его возьми, если онъ долженъ бросить мыться и держать себя въ чистотѣ только потому, что надо съ ними драться! Онъ родился опрятнымъ, умретъ опрятнымъ. Развѣ онъ не читалъ гдѣ-то, что спартанцы готовясь къ бою, завивали свои волосы, и занимались этимъ даже при Ѳермопилахъ? А вѣдь Томъ не былъ такъ требователенъ. Все, что ему было нужно,—это почиститься послѣ дѣла.

Полли, можетъ быть, сначала относилась такъ же, и героическая фигура К. въ ея глазахъ имѣла такую же цѣну, какъ и въ глазахъ Тома, но постепенно, въ теченіе этого бурнаго утра, омраченнаго и общественными, и личными горестями, въ ней крѣпло сознаніе, что это настоящій человѣкъ. И глядя на бѣднаго стараго носителя древняго имени и думая о братѣ, способности котораго были единственной надеждой ихъ семьи, ей пришло въ мысль, что Лиддикотамъ нужно именно то, что Провидѣніе послало теперь народу, а именно человѣкъ, настоящій мужчина.

Такое чувство должно быть тяжело даже для свѣтской женщины, занимающей мѣсто въ общественной жизни только благодаря своему спутнику. Мери была готова, какъ вторая сестра Анна, взобраться на самую высокую башню Лиддикота, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли этотъ помощникъ.

Глава 20.

Вечерняя почта принесла съ собой желанную перемѣну въ мысляхъ.

«Ну, Мери, вотъ вамъ сюрпризъ,—писала Августа.—Мой братишка пріѣхалъ и явится къ вамъ. Насколько я его знаю, онъ будетъ въ Лиддикотѣ въ одно время съ этимъ письмомъ. Я его старшая сестра. И если вы замѣтите малѣйшіе признаки, что онъ это забываетъ, напомните ему. Его зовутъ Артуръ. Онъ только что окончилъ колледжъ, занимается очень порядочно, а теперь онъ путешествуетъ, чтобы имѣть понятіе обо всемъ, прежде чѣмъ возьмется за дѣло. Онъ можетъ сойти и за мальчика, и за взрослаго, смотря потому, чѣмъ вы захотите считать его. Кажется, нашъ посланникъ сказалъ, что Америка и Англія не такъ дурно придумали, когда стали обмѣниваться школь-

никами, чтобы лучше познакомиться другъ съ другомъ. Ну, такъ это нашъ образчикъ, за неимѣніемъ лучшаго. Что вы будете съ нимъ дѣлать? Онъ славный мальчикъ, Мери, будьте къ нему снисходительны. Можетъ быть, онъ развлечетъ васъ: перемѣна лицъ такъ же освѣжающе дѣйствуетъ, какъ и перемѣна воздуха. Онъ, конечно, будетъ жить въ Аллонби, поэтому ему до Лиддикота будетъ недалеко. Невозможно удержать его теперь въ городѣ. Его страшно интересуетъ сельская жизнь, и онъ прозвалъ бѣдный Лондонъ футляромъ для надутой головы Британіи. Вотъ видите, какая это дерзкая мартышка! Но несмотря на это, будьте ему матерью, Мери. Посмотрите за нимъ, пока мы не вернемся, что будетъ очень скоро, такъ какъ сезонъ кончается. Вамъ это легко будетъ: только позвольте ему проводить время съ вами».

А вотъ и отвѣтъ:

«Я въ восторгѣ, что онъ пріѣдетъ. Онъ мнѣ даже необходимъ. Отецъ говоритъ, что вамъ нечего и думать похоронить себя въ Аллонби, вы опоздаете на пятьсотъ лѣтъ. Положимъ, нечего и говорить и т. д. Избавляю васъ отъ продолженія. Кто же будетъ отгонять привидѣніе отъ одинокаго человѣка въ вашемъ мраморномъ залѣ? И кромѣ того, если онъ не нуждается въ обществѣ, то мы въ немъ нуждаемся. Пожалуйста, Августа, одолжите намъ вашего малютку совсѣмъ. Мы такъ будемъ за нимъ смотрѣть. Телеграфируйте о днѣ и часѣ пріѣзда».

Черезъ очень немного времени послѣ этого, догкартъ съ двумя сѣдоками переѣзжалъ замковый ровъ Лиддикота. Одинъ изъ сѣдоковъ, лакей въ ливреѣ, держалъ возжи; другой былъ незнакомый, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, очевидно ожидаемый гость. Онъ походилъ на всякаго другого юношу, гостящаго въ англійскомъ домѣ, былъ высокаго роста и мускулистаго сложенія, былъ одѣтъ въ легкій лѣтній костюмъ и соломенную шляпу и былъ чисто выбритъ, чтобы въ выгодномъ свѣтѣ показать каждую черту своего римскаго лица. Онъ казался необыкновенно англійскимъ для своихъ лѣтъ и положенія, или, вѣрнѣе, необыкновенно древне-греческимъ. Гермесъ Праксителя, кажется, прямо явился изъ Гарварда или Оксфорда. Мери, исподтишка разглядывавшая его изъ большого окошка, нашла, что онъ очень милъ. Такъ какъ было время одѣваться къ обѣду, она предоставила сквайру принимать его.

Сойдя внизъ, она увидѣла, что они оба уже ожидаютъ ее, и гость поздоровался съ ней, точно они были старыми друзьями, хотя безъ малѣйшаго оттѣнка фамильярности. Она дѣлила всѣхъ своихъ ближнихъ на немного категорій, и теперь, ожидая досужаго времени, чтобы внимательнѣе присмотрѣться къ своему гостю, она старалась наскоро подвести его подъ одну изъ этихъ категорій, но увидѣла, что онъ ни подъ одну не подходитъ. «Слишкомъ много о себѣ воображаетъ» вовсе

къ нему не подходило, такъ какъ онъ ни на минуту не забывалъ, что она—женщина, а сквайръ старикъ и его хозяинъ, и былъ спокойно-почтителенъ, но безъ малѣйшаго замѣшательства. Юноша былъ типичнымъ образчикомъ американца, получившаго воспитаніе въ свѣтской школѣ, но Августа этого не знала. Онъ былъ прекрасно выдержанъ и съ дѣтства пріученъ не конфузиться отъ присутствія юбки. Быстрота, съ которой онъ поднялъ упавшій носовой платокъ, не оставляла желать ничего лучшаго. Впродолженіи всего вечера онъ не переставалъ услуживать Мери, предупреждая и угадывая ея малѣйшія желанія.

Подобный тонъ былъ совершенно новъ для англійской дѣвушки и смутилъ ее. Смутившись, она испугалась, что онъ окажется «циникомъ и умникомъ», и почувствовала себя неловко. Но его юная откровенность быстро разубѣдила ее. Все это произошло въ одно мгновеніе, такъ какъ мы всегда быстро перескакиваемъ съ одного заключенія на другое при поверхностномъ знакомствѣ. Она не поспѣла еще составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія, какъ надо уже было идти къ столу. Спускаясь по лѣстницѣ, она стала разспрашивать его о своихъ городскихъ друзьяхъ. Онъ отвѣчалъ ей съ размѣренной точностью выраженій, которая порядочно разочаровала ее. Это напомнило ей то, что она гдѣ-то читала про способъ выраженія одного изъ его соотечественниковъ. Казалось, онъ былъ готовъ изложить ей принципы деклараціи независимости тѣмъ же ровнымъ голосомъ, безъ повышеній и удареній, выдѣляющихъ одно въ ущербъ другому. Она подумала, ужъ не записать ли его въ «ученые и строгіе», но не успѣла этого сдѣлать, какъ они вошли въ столовую. Дѣло въ томъ, что гость соединялъ свѣжесть и непосредственность юноши, почти мальчика, съ манерами свѣтскаго человѣка. Не зная, къ какому заключенію придти, она молча принялась за свой супъ, въ то время какъ гость занималъ сквайра.

Дѣйствительно, это былъ фактъ: гость оказался въ роли хозяина. М-ръ Артуръ Гудингъ знакомилъ съ окрестностями. Подъ видомъ вопросовъ онъ сообщалъ всевозможныя свѣдѣнія о красивѣйшихъ видахъ, почвѣ, величинѣ парковъ, количествѣ пахотной земли и луговъ и ставилъ втупикъ сквайра, который самъ не зналъ всѣхъ этихъ подробностей. Онъ съ самымъ естественнымъ видомъ, но весьма ловко, разспрашивалъ о мѣстныхъ магнатахъ, имена которыхъ, казалось, зналъ какъ свои пять пальцевъ, и освѣдомлялся о ихъ времяпрепровожденіи.

Сквайръ казался смущеннымъ.

— Погодите, дайте вспомнить. Торольдъ—большой авторитетъ въ церковныхъ реформахъ; Незеркоттъ держитъ въ рукахъ толпу. Офлей не пропускаетъ ни одного митинга во время перерыва сессіи; Роделандъ—большой приверженецъ образцовыхъ деревень. Первый ми-

нистръ, хотя онъ и не принадлежитъ къ этой мѣстности, великій дѣятель въ Примрозъ-лигѣ и недавно пріѣзжалъ сюда на нашу демонстрацію.

— А есть здѣсь дѣловые люди?

Сквайръ нахмурился:

— Въ наше время ни за кого нельзя поручиться. Говорятъ, сынъ Роделанда причастенъ къ чайной торговлѣ.

— Вотъ первый министръ, должно быть, очень интересный человѣкъ,—замѣтилъ Артуръ.—Мнѣ бы хотѣлось съ нимъ встрѣтиться.

Это показалось сквайру столь забавнымъ, что онъ весело разсмѣялся. Даже Мери невольно почувствовала желаніе причислить своего гостя къ категоріи «хвастунишекъ», но удержалась: въ своей любопытной наивности онъ былъ такъ далекъ отъ самонадѣянности. Было очевидно, что онъ пріѣхалъ за-границу за полезными свѣдѣніями, и обратился бы такъ же просто и къ архіепископу кентерберійскому, и къ лорду—канцлеру за разъясненіемъ интересующихъ его вопросовъ, даже не сознавая неловкости своего поступка. Онъ не зналъ страха передъ смертными, какъ бы высоко они ни стояли.

Казалось, онъ смутно догадывался, что что-то не ладно, хотя и не отдавалъ себѣ въ этомъ яснаго отчета.

— Мнѣ бы хотѣлось поподробнѣе знать про вашу Примрозъ-лигу,—сказалъ онъ. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. И вашъ министръ съумѣлъ бы лучше всего объяснить мнѣ.—Это было сказано не въ видѣ извиненія, а для поясненія предыдущей фразы.

— Видите, вѣдь онъ очень высоко стоитъ,—началъ сквайръ,—довольно трудно вызвать подобныхъ людей на откровенность. Да и, кромѣ того, они обыкновенно не принимаютъ активнаго участія.

— О, да, я понимаю,—сочувственно замѣтилъ юноша.—Они слишкомъ устаютъ.

— Можетъ быть, замѣтилъ сквайръ.—Они обыкновенно только принимаютъ такія учрежденія подъ свое покровительство.

— Мнѣ кажется, я понимаю—это въ родѣ микадо, неподвижно сидящаго на своемъ тронѣ для поддержанія всеобщаго мира. Они довольно поработали въ свое время.

— Конечно,—снисходительно согласился сквайръ.—Но обыкновенно объ этомъ забываютъ.

«О, дорогая Августа!—писала Мери черезъ нѣсколько дней.—Онъ у насъ живетъ меньше недѣли, а между тѣмъ знаетъ обо всемъ гораздо больше, чѣмъ прожившіе здѣсь всю жизнь. Онъ уже добрался до милаго стараго Роксфорда и призвалъ его «циркомъ. Онъ говоритъ такія смѣшныя вещи, а у самого ни одинъ мускулъ въ лицѣ не дрогнетъ. И знаете, что онъ открылъ?—Что все время они дѣлали видъ, что фабрика имъ не нужна, потому что думали, что это не

понравится герцогу, а самимъ имъ этого до страсти хочется. Вотъ какіе хитрецы! Вы помните, какая-то ужасная лондонская фирма предлагала перевести всѣхъ своихъ рабочихъ и облагодѣтельствовать городъ, а намъ едва удалось предотвратить это бѣдствіе, пригрозивъ, что отнимемъ водяную энергію? Ну, такъ вотъ вашъ братъ доказываетъ, какъ дважды два четыре, что они вовсе не желали, чтобы мы ихъ спасали. О, онъ такъ хорошо умѣетъ все разузнать! А какъ по вашему, правда это?»

«Разсказавъ намъ это, онъ прибавилъ: «блаженны сонные, ибо они скоро заснутъ», и перешелъ на что-то другое. Отецъ спросилъ его, чьи это мудрыя слова, и онъ отвѣтилъ: «Ницше»—надѣюсь, я вѣрно написала?—подразумѣвая какого-то писателя, конечно. А отецъ подумалъ, что такъ зовутъ новаго германскаго канцлера. Вотъ потѣха!

«Жена Герта разсказала ему что-то про крышу на хижинѣ Ноппа, чего конечно ни вы, ни герцогъ никогда не слыхали. Ужасно, если это правда, но вы знаете, что это за народъ. Каждый день вашъ братъ приноситъ столько новостей! Обѣды у насъ теперь такіе оживленные, а отецъ грозится, что велитъ поднять мостъ и больше его не выпуститъ. Можно умереть со смѣху, какъ онъ передразниваетъ Герта! Вы знаете, вѣдь онъ такъ же изысканно говоритъ, какъ и вы, и каждое его слово можно напечатать. Поэтому представьте себѣ, какъ онъ ломалъ языкъ! Это было ужасно смѣшно.

«Онъ читаетъ намъ преуморительные кусочки изъ своихъ американскихъ газетъ. Напримѣръ: «Филипинецъ предатель и обманщикъ, кромѣ того, намъ нужна его земля». Или: «М-ръ Пирпонтъ Морганъ очень любитъ библію, вѣроятно потому, что въ ней большое число книгъ соединяется въ одну». Иногда и намъ попадаетъ: «если бы Америка не продала двѣсти тысячъ лошадей и муловъ Великобританіи, буры бы всѣ ходили пѣшкомъ». Отецъ говоритъ, что не понимаетъ, гдѣ тутъ остроуміе, а по моему это очень зло.

«Боюсь, что онъ невысокаго мнѣнія о примѣрной деревнѣ м-ра Рэйфа. Онъ зоветъ ее грошовымъ дѣломъ. Не кажется ли вамъ, что это непочтительно? Повѣрите ли вы, что онъ встрѣтился съ этимъ отвратительнымъ Кисби и открылъ, что онъ вовсе не такой крупный невѣжда, какимъ его здѣсь всѣ считаютъ. Оказывается, онъ очень любитъ музыку, у него есть прекрасныя картины и цѣлая библіотека. Подумайте!

«Когда мы услышали это, мы позвали м-ра Баскомба, чтобы отбить у него охоту къ подобнымъ знакомствамъ. Но А. былъ просто очарователенъ: ни одного смѣшного словца, ни одной насмѣшки, но почтительное вниманіе, точно въ церкви. Милый старикъ такъ и сіялъ и я никогда не видала его такимъ довольнымъ. Когда онъ ушелъ, А. сказалъ, что это самая удивительная штука, на которую ему пришлось натолкнуться во время его путешествія. Это его выраженіе, я его, записала слово въ слово.

«Онъ ходитъ въ самыя странныя мѣста и встрѣчается съ самыми странными людьми. Какъ вы думаете, что онъ натворилъ во вторникъ? Помните этотъ ужасный фургонъ радикаловъ? Онъ провелъ съ ними цѣлый день и накупилъ цѣлую кучу чепухи, которую они называютъ своей «литературой». Кажется его страшно интересуетъ наша деревенская жизнь, онъ уже знаетъ всѣхъ рабочихъ, ходилъ къ старому Сперру—въ гости, какъ могъ бы придти къ намъ—и даже былъ на собраніи приходскаго совѣта и слушалъ дебаты по поводу налоговъ. Онъ все извиняется, что такъ долго живетъ у насъ, а мы отъ этого просто въ восторгѣ. Заставьте его остаться у насъ до вашего возвращенія, хотя такимъ образомъ и можетъ показаться, что мы не хотимъ чтобы вы возвращались».

«Держите его у себя, пока онъ вамъ не надоѣстъ,—отвѣчала Августа.—Вы вѣдь знаете, что я вамъ его прислала, чтобы онъ васъ расшевелилъ. Я рада, что вы не смотрите на него слишкомъ серьезно, вѣдь собственно говоря, это еще мальчикъ. Но онъ станетъ мужчиной въ ту минуту, когда захочетъ этого. Я въ этомъ увѣрена».

Глава 21.

Половина августа, и господа должны вернуться въ Аллонби. Неудачный лондонскій сезонъ померкъ окончательно, но ожидаютъ полнаго вознагражденія отъ деревенскаго сезона. Съ театра войны получены ободряющія извѣстія; вся нація пришла въ хорошее настроеніе, и ожидается большой подъемъ въ обществѣ.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ четыреста служащихъ въ замкѣ—агенты, управляющіе, лакеи, садовники, егеря, вся конюшенная армія—проявляли усиленную дѣятельность. Многія мили дорожекъ въ большомъ оленьемъ паркѣ вытянуты по ниточкѣ, какъ на рисованномъ планѣ. Пестрыя стада оленей и ланей, безшумно скользящія по полянамъ, напоминаютъ низко, на самой землѣ лежащія тучи. Кажется, сама рѣка, протекающая черезъ помѣстье, начисто вымыта для торжественнаго случая. Ея вода такъ прозрачна, что можно сосчитать каждый камешекъ на днѣ, каждую шныряющую въ глубинѣ рыбку. Прибрежные камыши и водяныя травы точно подобраны по цвѣтамъ и этотъ эффектъ еще усиливается отъ прозрачности рѣки. Цѣлый флотъ разнообразныхъ лодочекъ, вылощенныхъ и сверкающихъ, какъ и все прочее, выстроился у пристани на озерѣ.

Прудъ говоритъ самъ за себя—объ этомъ позаботились лягушки. Бѣлки, птицы и всѣ прочія живыя существа выказываютъ то же полнѣйшее отсутствіе боязни, которое должно было отличать ихъ предковъ въ раю. Деревья хвастаются своей чистотой, составляющей кокетство вѣковъ. Всѣ ихъ лишаи и мхи держатся въ строгомъ повиновеніи и допускаются только ради сентиментальныхъ эффектовъ, а

тамъ, гдѣ одряхлѣвшія вѣтви грозятъ обрушиться подъ тяжестью столѣтій, они поддерживаются на подпоркахъ. То же совершенство искусственныхъ условій видно и въ большихъ виноградникахъ, и въ грунтовыхъ сараяхъ съ персиками и абрикосами, которые можно измѣрять круглыми частями мили, и въ тропическихъ оранжереяхъ, гдѣ дѣйствуетъ цѣлый факультетъ спеціалистовъ со своимъ деканомъ—старшимъ садовникомъ во главѣ. Каждое дерево, растеніе, цвѣтокъ, звѣрь въ полѣ и птица въ воздухѣ, казалось, гордятся своимъ культивированнымъ и индивидуализированнымъ совершенствомъ.

Заповѣдная дичь въ особенно блестящемъ порядкѣ. Ожидается на охоту очень большое общество, и нѣкоторые изъ приглашенныхъ уже стрѣляютъ тетеревовъ въ одномъ изъ сѣверныхъ имѣній герцога. Куропатки рѣшительно не могутъ дождаться перваго сентября. Нетерпѣливымъ фазанамъ придется еще ждать цѣлый мѣсяцъ, пока главный ловчій будетъ въ состояніи сдержать данное имъ обѣщаніе цѣлаго ряда кровопролитій въ заповѣдныхъ чащахъ. Въ виду такого изобилія всякой дичи можно надѣяться, что ее хватитъ для забавы въ теченіе всей осени и зимы. Когда птицы будутъ уничтожены, начнется избіеніе кроликовъ. Хорьки, на обязанности которыхъ лежитъ выслѣживаніе пушныхъ звѣрьковъ, жаждутъ начала охоты. До тѣхъ поръ брошенная отъ времени до времени въ ихъ клѣтку крыса спасаетъ ихъ отъ желанія вести вегетаріанскій образъ жизни и поддерживаетъ въ нихъ кровожадность.

Ничто не предоставляется случаю — это девизъ всего управленія домомъ. Когда стрѣлки будутъ готовы для дичи, дичь должна быть готова для стрѣлковъ. Хорекъ ползетъ въ чащу и выгоняетъ кроликовъ на открытую полянку. Загонщики гонятъ ихъ навстрѣчу ружейнымъ выстрѣламъ, и ту же дружескую услугу оказываютъ они и пернатой дичи. Такого коварства, кажется, было бы достаточно, чтобы разъ и навсегда отпугнуть изъ Аллонби всѣхъ животныхъ тварей, но эти звѣрюшки, незнакомые со школьными исторіями, пріучающими держать въ памяти всѣ прошлыя оскорбленія, неспособны къ злопамятности и мстительности.

Безукоризненное совершенство во всемъ произвело на американскаго гостя глубокое впечатлѣніе.

— А какъ его зовутъ?—спросилъ онъ однажды главнаго егеря, когда во время прогулки при лунномъ свѣтѣ заяцъ перебѣжалъ имъ дорогу.

— Какъ зовутъ, сэръ?

— Ну да, вѣдь онъ вѣрно записанъ въ ваши метрическія книги. Назовемъ его Леопольдомъ, хотите?

М-ръ Гудингъ новичокъ въ охотѣ; ему развѣ только случалось охотиться на медвѣдя, когда звѣрь заботится о себѣ самъ, и человѣкъ тоже слѣдуетъ его примѣру; одѣяло и походный костеръ для одного,

берлога для другого, а тамъ судьба рѣшитъ, чья возьметъ. Такъ охотились за медвѣдемъ еще въ Каледоніи.

Но если вы смотрите на охоту, какъ на изящное искусство, вамъ придется искать ее въ странѣ, которая слишкомъ мала и слишкомъ густо населена для того, чтобы въ ней что-нибудь являлось слѣдствіемъ простого случая, даже куриное яйцо.

Искусство произвести это яйцо при выводкѣ фазановъ и вывести изъ него птицу является тріумфомъ цивилизаціи. Священныя птицы управляютъ имперіей. Для нихъ собираютъ парламенты, по ихъ волѣ установляютъ праздники. Считается, что куропатки—дикія птицы, но онѣ нарочно только стараются показаться таковыми. Единственная разница между ними и фазанами та, что за ними надзираютъ оптомъ, а за фазанами въ розницу. И тѣхъ и другихъ приходится сторожить день и ночь, и не только отъ браконьеровъ. Ни бродячія собаки, ни даже бродячія кошки не должны приближаться къ нимъ. Шаги любителей ирироды не должны возмущать ихъ покоя. Изъ-за этихъ птицъ вы лишены удовольствія гулять въ деревнѣ. Даже если вы пользуетесь гостепріимствомъ въ замкѣ, егеря надѣются, что вы будете избѣгать ихъ владѣній, чтобы не вспугнуть дичи.

— Я думаю, вы не очень настаиваете, чтобы они ходили въ церковь по воскресеньямъ?—спрашиваетъ м-ръ Гудингъ.

Егерь обижается.

— Что-жъ, если бы они ходили, это было бы для ихъ пользы. Они бы услыхали обращеніе: «вы, всѣ птицы въ воздухѣ».—Дѣло въ томъ, сэръ, что все это необходимо, иначе вы рискуете остаться безъ спорта. Фазановъ приходится воспитывать и няньчить, какъ ребятишекъ съ самаго начала, иначе толку не будетъ. Нѣкоторые изъ нихъ пробуютъ сами справляться, да очень ужъ онѣ плохія матери. Я требую отъ нихъ только одного—чтобы онѣ яйца клали. А послѣ, какъ говорится въ объявленіяхъ, «мы сдѣлаемъ все необходимое». Если онѣ сдѣлаютъ свое дѣло аккуратно и во-время, мнѣ отъ нихъ больше ничего не надо. Мои люди ходятъ по папоротниковымъ зарослямъ и собираютъ яйца, я самъ слѣжу за выводкой цыплятъ. Тамъ, на большой полянѣ около моего дома сидятъ на яйцахъ куры, простыя домашнія куры, славныя птицы, готовыя сидѣть на чемъ угодно, начиная съ утиныхъ и фазановыхъ яицъ и кончая булыжникомъ. Жалко, что имъ нельзя поручить несчастныхъ заморышей-ребятишекъ изъ деревни.

Это важное замѣчаніе въ наши дни, когда есть опасность, что материнство скоро станетъ погибшимъ искусствомъ, вытѣсненное обществами для умственнаго усовершенствованія, развитія индивидуальности и другими неотложными потребностями. Возможно, что судьба опредѣлила кукушкѣ быть эмблемой женщины будущаго, такъ какъ она первая додумалась до высиживанія своихъ яицъ въ чужихъ гнѣз-

дахъ. Наши кукушки свѣтской жизни, которыя послѣ всего матери, а прежде всего—все другое, должны были бы держать эту птицу въ своихъ птичникахъ. Было бы интересно понаблюдать поближе, какъ она употребляетъ свои многочисленные досуги, остающіеся у нея благодаря пренебреженію своимъ потомствомъ и отъ случайныхъ занятій истребленіемъ потомства сосѣдей. Они вѣроятно посвящаются болѣе интеллигентному изученію природы, болѣе изысканному уходу за своей наружностью, усовершенствованію своего голоса и возможностью ходить въ гости въ такое время, когда всѣ другія птицы заняты у себя дома

Артуръ цѣлый день, а иногда и ночью, не разстается съ егеремъ, удивляясь разнообразію жизни на свѣтѣ. Иногда, во время своихъ странствованій по лѣсамъ, они встрѣчаютъ высокія висѣлицы, на которыхъ качаются въ воздухѣ, на страхъ и предупрежденіе имъ подобнымъ, высохшія тѣла ласточекъ, куницъ, крысъ, коршуновъ и другихъ хищниковъ. А по временамъ въ отдаленіи раздается глухой ружейный выстрѣлъ, извѣщающій о новой погибели одного изъ обидчиковъ. Цѣлый Божій день лѣсные сторожа караулятъ, отгоняя хищниковъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ держатся выводки. А однажды ночью Артуръ отправляется съ двумя изъ нихъ выслѣживать браконьеровъ. Это довольно жуткій обходъ. Никто не говоритъ ни слова, и они гуськомъ крадутся по молчаливому лѣсу. Никто изъ нихъ не имѣетъ оружія—это запрещено закономъ: ружья допускаются только днемъ. Но здоровая дубовая или терновая дубина можетъ при случаѣ быть выдана за тросточку, и этого имъ вполнѣ достаточно.

— Браконьеръ, какъ увидитъ тебя, такъ сейчасъ въ тебя выстрѣлитъ,—съ досадой говоритъ одинъ изъ сторожей,—а ты не смѣй. Такъ по закону!

Цѣлыя мили проходятъ они по росистой травѣ безъ всякихъ приключеній, кромѣ случайнаго силка, поставленнаго шакаламъ браконьерамъ еще днемъ и не снятаго еще его хозяиномъ Шакалъ—это темная личность, весьма обычная въ деревняхъ. Вы можете каждый день встрѣтить его въ «Телячьей ножкѣ», гдѣ онъ скромно сидитъ въ уголку за легкой закуской, въ то время какъ его жена на улицѣ дожидаетъ его, сидя на корточкахъ рядомъ съ убогой коморкой, заключающей все ихъ имущество. Про него ничего не знаютъ, развѣ только, что «ему нѣтъ охоты работать, пока грибное время». Но для характеристики этого недостаточно. Грибы не растутъ круглый годъ, а темная личность круглый годъ ничего не дѣлаетъ. Въ особенности онъ начинаетъ важничать, когда птица подрастаетъ. Онъ не знакомъ съ чувствомъ уваженія къ собственной личности, и поэтому далекъ отъ мстительности. Когда егеря гонятъ его изъ своихъ владѣній, онъ, не говоря ни слова, перелѣзаетъ черезъ заборъ и исчезаетъ. Но онъ уже успѣлъ поставить силокъ, и браконьеры знаютъ, гдѣ его найти въ безлунную ночь.

Вдругъ, въ то время, какъ они всѣ трое пробирались впередъ, одинъ изъ сторожей споткнулся на что-то въ травѣ, и поднялась какая-то фигура, которая въ ту же минуту была сбита на землю. Крѣпкое ругательство засвидѣтельствовало, что это не призракъ, а человѣкъ. Еще три фигуры вынырнули изъ-за деревьевъ, на помощь, и такимъ образомъ браконьеры были открыты. Артуръ крѣпче сжалъ свою дубину и хотѣлъ броситься на помощь борющемуся сторожу, но другой удержалъ его.

— Берегитесь камней, баринъ! Томъ и самъ справится. Онъ узнаетъ его въ лицо, а больше ему ничего не надо. Мы знаемъ, гдѣ намъ завтра утромъ найти молодчиковъ.

Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ нѣсколько тяжелыхъ камней пролетѣли мимо самой головы м-ра Гудинга и съ шумомъ отскочили на землю, ударившись о стволъ дерева.

— Станьте за дерево, баринъ! Они вамъ лицо разобьютъ. У нихъ всегда полные карманы такихъ гостинцевъ, и вы можете поплатиться.

Опять дождь камней и ругательствъ, и подъ ихъ прикрытіемъ шайка ретируется.

— Кто это былъ, пріятель?

— Джикинъ съ шайкой.

— Самая отчаянная шайка во всей округѣ, сэръ. Я было чуть не попался въ ихъ лапы въ прошломъ году, въ харчевнѣ, куда я зашелъ выпить стаканчикъ. Ловко штуку подстроили, да я сразу узналъ, что это они. Сижу я, вдругъ входятъ три парня, совсѣмъ для меня незнакомые, запираютъ двери, тушатъ свѣтъ и бросаются на меня въ темнотѣ. Досталось мнѣ порядкомъ, но я залѣзъ подъ столъ, а то еще хуже было бы. Когда они думали, что ужъ покончили со мной, такъ убѣжали и оставили меня разгадывать загадку со сломаннымъ ребромъ. Только столу еще больше меня досталось: ему двѣ ноги въ щепки разнесли.

— А разыскали вы ихъ?

— Да какъ же мнѣ было ихъ разыскивать, когда я ихъ не зналъ? Они не здѣшніе были, можетъ миль за сорокъ отсюда пришли. Всѣ шайки помогаютъ другъ другу въ такихъ штукахъ. И деньги они даютъ на адвокатовъ, когда мы ихъ къ суду притягиваемъ, и кормятъ семьи тѣхъ, кого удастся засадить. Вѣдь браконьерство—большое дѣло.

— Тоже спортъ,—сказалъ м-ръ Гудингъ.—Око за око.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

V.

На 8-е октября 1843 г., которое приходилось въ воскресенье, былъ назначенъ митингъ въ Клонтэрфѣ, въ трехъ миляхъ отъ Дублина. На этомъ мѣстѣ ирландцы нѣкогда побѣдили вторгнувшихся датчанъ, и митингъ долженъ былъ носить особенно торжественный, національный характеръ. О'Коннель намѣренъ былъ произнести большую агитаціонную рѣчь въ защиту идеи расторженія уніи; ожидалось колоссальное стеченіе народа. Уже за три недѣли до 8-го октября всѣ въ Ирландіи и Англіи знали о предстоящемъ митингѣ, и говорилось о немъ съ особеннымъ интересомъ.

7-го октября утромъ въ Дублинъ пріѣхалъ, совершенно неожиданно, изъ Англіи, гдѣ онъ находился по дѣламъ службы, ирландскій вице-король графъ Томасъ Грей. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ созвалъ такъ называемый «частный совѣтъ», состоящій при особѣ вице-короля и не имѣющій никакого значенія, а послѣ полудня въ Дублинѣ стали ходить упорные слухи, что предпринято нѣчто весьма серьезное. Огромная толпа встревоженнаго народа собралась возлѣ правительственной типографіи, ибо пронеслось извѣстіе, что печатаютъ какое-то извѣщеніе. Чиновники убѣдительнѣйше увѣряли, что эти слухи лишены основанія, и что вовсе ничего не печатается, но имъ никто не вѣрилъ. Наконецъ, около трехъ часовъ пополудни появился свѣжеотпечатанный листъ, который мгновенно былъ расхватанъ публикою. Въ листѣ прочли слѣдующее: «Отъ лорда намѣстника и совѣта Ирландіи. Прокламація. Грей. Въ виду того, что публично было заявлено объ имѣющемъ состояться митингѣ въ Клонтэрфѣ или вблизи Клонтэрфа, въ воскресенье, 8-го текущаго октября подъ предлогомъ подачи петиціи въ парламентъ объ отмѣнѣ законодательной уніи между Великобританіей и Ирландіей; въ виду того, что были напечатаны и

---

*) См. „Міръ Божій“, № 8, августъ 1904 г.

широко распространяемы извѣщенія и афиши, приглашающія тѣхъ лицъ, которыя намѣрены были явиться на означенный митингъ верхомъ на лошади, соединяться и образовывать процессіи, и двигаться къ означенному митингу въ военномъ строѣ и порядкѣ; въ виду того, что многолюдные митинги уже происходили въ разныхъ частяхъ Ирландіи подъ тѣмъ же предлогомъ, и на нѣкоторыхъ изъ этихъ митинговъ выраженія, носящія мятежный и зажигательный (inflammatory) характеръ, были обращаемы къ собиравшейся публикѣ, причемъ эти выраженія были разсчитаны и направлены къ возбужденію неудовольствія и непріязни въ умахъ подданныхъ Ея Величества и къ навлеченію ненависти и презрѣнія на правительство и установленную закономъ конституцію страны; въ виду того, что на нѣкоторыхъ изъ этихъ митинговъ подобныя мятежныя и зажигательныя выраженія были употребляемы лицами, которыя заявили свое намѣреніе присутствовать и принять участіе въ вышеозначенномъ митингѣ въ Клонтэрфѣ или вблизи Клонтэрфа; въ виду того, что означенный предположенный митингъ разсчитанъ на возбужденіе понятнаго и весьма основательнаго опасенія, что мотивы и цѣли имѣющихъ собраться лицъ, заключаются не въ законномъ отправленіи конституціонныхъ правъ и привилегій, но въ навлеченіи ненависти и презрѣнія на правительство и установленную закономъ конституцію соединеннаго королевства и въ измѣненіи законовъ и конституціи королевства посредствомъ устрашенія и демонстраціи физической силы; въ виду всего этого, нынѣ, мы, лордъ намѣстникъ, по совѣщаніи съ частнымъ совѣтомъ ея величества, убѣдившись, что означенный предположенный митингъ въ Клонтэрфѣ или вблизи Клонтэрфа можетъ только служить цѣлямъ безпокойныхъ и мятежныхъ лицъ, къ нарушенію общественнаго мира, симъ строго предостерегаемъ и предупреждаемъ всѣхъ людей, кто бы они ни были, чтобы они воздержались отъ присутствія на означенномъ митингѣ; и симъ же мы увѣдомляемъ, что если, не взирая на эту нашу прокламацію, означенный митингъ состоится, то со всѣми лицами, на немъ присутствующими, будетъ поступлено сообразно съ закономъ; и симъ же мы приказываемъ и приглашаемъ всѣхъ должностныхъ лицъ и чиновъ, которымъ ввѣрена охрана общественнаго спокойствія, и прочихъ, кого это можетъ касаться, помогать и содѣйствовать исполненію закона предотвращеніемъ этого митинга и успѣшнымъ разогнаніемъ и прекращеніемъ его, и раскрытіемъ и преслѣдованіемъ тѣхъ, которые послѣ этого извѣщенія окажутся виновны въ вышеуказанныхъ отношеніяхъ. Дано въ залѣ совѣта въ Дублинѣ, въ 7-й день октября 1843 года».

Минута перваго остолбенѣнія прошла. Наступалъ вечеръ короткаго осенняго дня и нужно было опредѣленно узнать, что же дѣлать? Будетъ митингъ или не будетъ? Вѣдь, такъ или иначе, нужно было дать

знать крестьянамъ сосѣднихъ и несосѣднихъ, а иногда и очень далекихъ мѣстъ, чтобы они ничего не знающіе о правительственной прокламаціи, не попали впросакъ, чтобы для нихъ не было неожиданностей. Но *что* дать знать? Глаза ирландской столицы обратились на одного человѣка, отъ котораго зависѣло: прольется завтра кровь или не прольется. «Что сдѣлаетъ О'Коннель? Вотъ—вопросъ вопросовъ» писалъ «Times» *). Волненіе и тревога въ городѣ усиливались съ минуты на минуту. 34 полкъ высадился въ Ирландіи утромъ того же дня и получилъ приказаніе тотчасъ же идти въ Дублинъ; другой полкъ спѣшно садился на пароходы въ Глэзго, чтобы плыть въ Ирландію; наличныя ирландскія войска съ лихорадочной быстротой приводились въ боевую готовность. Если бы не заявленія О'Коннеля въ послѣднее время въ Мэллоу и на другихъ митингахъ-монстрахъ, если бы не гордыя слова его, что Робертъ Пиль «не посмѣетъ» силой прекратить законную и мирную агитацію, если бы не фразы о мужественномъ сопротивленіи, о собственномъ трупѣ и т. д.,—и правительство, и ирландское общество вполнѣ опредѣленно знали бы, что О'Коннель подчинится вице-королю, ибо онъ всегда былъ противъ какихъ бы то ни было способовъ насильственной борьбы. Но какъ же было понимать именно эти его совсѣмъ недавнія и совсѣмъ по иному звучавшія рѣчи? Круто и грозно поставила исторія этотъ вопросъ предъ ирландскимъ лидеромъ, и такъ какъ это случилось 7-го октября предъ вечеромъ, а митингъ долженъ былъ состояться 8-го около полудня, то отвѣтъ на грозный вопросъ требовался немедленный. Ненастный день съ проливнымъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ не могъ разогнать толпившійся на улицахъ народъ по домамъ: толпа теперь стояла уже не вокругъ правительственной типографіи, а около зданія хлѣбной биржи, гдѣ, какъ въ одинъ мигъ, разнеслось по Дублину, О'Коннель долженъ былъ собрать экстренное засѣданіе комитета ассоціаціи, завѣдывавшей дѣломъ агитаціи по вопросу объ отмѣнѣ уніи. Когда показался О'Коннель толпа привѣтствовала его громкими криками, не умолкавшими даже, когда онъ скрылся за дверьми зданія.

Засѣданіе началось. Ассоціація, какъ и всѣ организаціонныя единицы, въ которыхъ когда-либо принималъ участіе О'Коннель, была лишь его орудіемъ, собраніемъ безпрекословно повинующихся подчиненныхъ его чиновниковъ, его приказчиковъ,—не болѣе. Они завѣдывали денежными дѣлами, исполняли его приказанія, брали на себя огромную и неизбѣжную черную работу, а онъ былъ единственнымъ господиномъ, руководителемъ и вершителемъ политическихъ судебъ ассоціаціи. Поэтому все зависѣло только отъ его словъ, и отъ нихъ однихъ: принципіальныхъ дебатовъ тутъ быть не могло.

О'Коннель открылъ засѣданіе, аффектируя полное спокойствіе, ко-

---

*) См. „The Times“, 9 Octob. 1843, стр. 4, 6 столбецъ, вверху.

торое, конечно, никого не могло обмануть. Онъ заявилъ, что митинга завтра въ Клонтэрфѣ не будетъ; что онъ очень проситъ всѣхъ присутствующихъ употребить всѣ усилія, чтобы предотвратить собраніе. Онъ указалъ на то, что англійское правительство, прекрасно зная уже нѣсколько недѣль о готовящемся митингѣ, сочло нужнымъ воспретить его *наканунѣ* назначеннаго дня, когда даже трудно успѣть оповѣстить всѣхъ, кого нужно, объ отмѣнѣ собранія. «Убійцы въ своемъ намѣреніи!» крикнулъ одинъ изъ слушателей. У собранія было впечатлѣніе, что Робертъ Пиль нарочно такъ устроилъ, желая вызвать на завтра сборище и учинить кровопролитное усмиреніе. Затѣмъ О'Коннель обратилъ вниманіе ассоціаціи на то, что прокламація вице-короля лишена смысла, ибо правительство также превосходно знало, что клонтэрфскій митингъ будетъ послѣднимъ большимъ митингомъ въ текущемъ году. «Если они разсчитывали на народную кровь, то они будутъ разочарованы», сказалъ между прочимъ О'Коннель. Онъ выразилъ также убѣжденіе, что шагъ правительства не уменьшитъ, а увеличитъ число приверженцевъ ирландской самостоятельности, число враговъ уніи. Послѣ О'Коннеля присутствующіе отмѣтили въ своихъ рѣчахъ то, что они назвали «нелѣпостью» въ поведеніи Роберта Пиля: почему онъ не препятствовалъ все время устройству безчисленныхъ митинговъ, а тутъ совершенно безъ всякой видимой причины вдругъ воспротивился? Вечеромъ вышла прокламація. извѣстившая ирландскій народъ и англійское правительство о намѣреніяхъ О'Коннеля. Вотъ что было напечатано: «Извѣщеніе. Въ виду того, что появилась бумага за такой-то подписью (слѣдовало перечисленіе членовъ «частнаго совѣта», подписавшихъ прокламацію вице-короля). бумага, представляющая собою прокламацію или имѣющая цѣлью быть прокламаціей, состряпанная въ очень запутанныхъ и неточныхъ выраженіяхъ и явно извращающая извѣстные факты, цѣль каковой прокламаціи, повидимому, заключается въ воспрещеніи предположеннаго на завтра, 8-го октября, клонтэрфскаго митинга, который имѣлъ собраться для петиціи предъ парламентомъ объ отмѣнѣ бѣдственной и губительной мѣры—законодательной уніи; въ виду того, далѣе, что эта прокламація появилась только сегодня, въ субботу, 7-го октября, предъ вечеромъ, такъ что совершенно невозможно обыкновеннымъ оффиціальнымъ путемъ или по почтѣ сообщить о ея существованіи лицамъ, намѣреннымъ присутствовать въ Клонтэрфѣ для вышеозначенной петиціи, вслѣдствіе чего злонамѣренныя личности могутъ имѣть удобный случай, подъ флагомъ упомянутой прокламаціи провокировать нарушеніе спокойствія или совершать насилія надъ людьми, намѣренными мирно и законно отправиться на митингъ; вслѣдствіе всего этого мы, комитетъ лояльной національной ассоціаціи отмѣны уніи, самымъ серьезнымъ образомъ просимъ и настаиваемъ, чтобы всѣ добронамѣренные люди, немедленно по полученіи этого извѣстія, отправились по домамъ и *не* подвергали себя

опасности какого-либо столкновенія или дурного съ собою обращенія. Далѣе, мы извѣщаемъ всѣхъ такихъ лицъ, что не соглашаясь ни въ чемъ съ неосновательными утвержденіями въ названной прокламаціи, мы считаемъ осторожнымъ и разумнымъ, и, прежде всего, гуманнымъ объявить, что вышеозначенный митингъ отмѣненъ и не состоится. Даніель О'Коннель».

По желанію О'Коннеля, многіе члены ассоціаціи съ утра слѣдующаго дня стояли на дорогахъ, ведущихъ къ Клонтэрфу, и убѣждали шедшихъ на митингъ возвратиться домой, сообщая объ отмѣнѣ собранія. Еще съ разсвѣта пушки дублинскаго гарнизона были расположены жерлами къ клонтэрфской дорогѣ; густыя массы кавалеріи и пѣхоты шли къ мѣсту митинга и располагались бивуаками у Клонтэрфа. Публика прогуливалась отдѣльными кучками, но едва только обнаруживалась въ какомъ-либо пунктѣ тенденція къ образованію большой толпы, тотчасъ же туда направлялись солдаты и разъединяли собравшихся. На всѣхъ стѣнахъ, заборахъ и столбахъ висѣли прокламація вице-короля и извѣщеніе О'Коннеля; народъ подходилъ, читалъ и отходилъ въ сторону. День окончился спокойно; къ вечеру всѣ разошлись по домамъ.

Смущеніе овладѣло большинствомъ ирландскаго общества, шедшимъ за О'Коннелемъ; раздраженіе—меньшинствомъ, которое симпатизировало журналу «Нація». Но моральныя послѣдствія происшедшаго выяснились не сейчасъ во всей полнотѣ, ибо событія слишкомъ стремительно слѣдовали одно за другимъ. Молодежь, группировавшаяся возлѣ журнала «Нація», выражала порицаніе поведенію О'Коннеля. Члены «ассоціаціи» и приверженцы О'Коннеля доказывали, что всякій иной способъ дѣйствій, кромѣ выбраннаго ихъ лидеромъ, былъ бы безуміемъ и преступленіемъ. Конечно, ничего не стоило бы отвѣтить на прокламацію вице-короля запальчивымъ вызовомъ, не отмѣнить митинга и устроить на слѣдующій день цѣлое сраженіе. Но какой смыслъ это имѣло бы? Народъ былъ бы перебитъ ружьями и пушками, а неубитые попали бы въ ссылку или на висѣлицу; всякое движеніе надолго было бы парализовано, какъ это и прежде случалось послѣ революціонныхъ взрывовъ и усмиреній въ Ирландіи. Доводы Дэффи, Дэвиса, Диллона и ихъ друзей сводились къ слѣдующему. Они сами всегда говорили и предупреждали, что не нужно употреблять слишкомъ сильныя выраженія, не влагая въ нихъ, по всей совѣсти, всего того реальнаго смысла, какой имъ соотвѣтствуетъ. Зачѣмъ О'Коннель заявлялъ публично, предъ Ирландіей, предъ Англіей, предъ всѣмъ міромъ, что Робертъ Пиль не посмѣетъ прекратить агитацію грубой силой. Зачѣмъ онъ грозилъ сопротивленіемъ, если могъ знать напередъ, что ни на какое сопротивленіе не пойдетъ самъ и не поведетъ никого? Онъ понадѣялся на тотъ пріемъ, который такъ помогъ въ концѣ 20-хъ годовъ, когда рѣшался вопросъ объ эмансипаціи като-

ликовъ. Тогда онъ тоже грозилъ, что, при неуступчивости правительства, въ Ирландіи можно ожидать революціонной смуты, которую онъ пока всячески сдерживаетъ; и правительство, т.-е. этотъ самый Робертъ Пиль, Веллингтонъ и ихъ товарищи тогда уступили. Но теперь ставка борьбы уже не та: отмѣны уніи одними угрозами достигнуть невозможно, и это нужно было предвидѣть. Между консервативнымъ правительствомъ 20-хъ годовъ и консервативнымъ правительствомъ 40-хъ годовъ, между тогдашнимъ Робертомъ Пилемъ и нынѣшнимъ Робертомъ Пилемъ лежитъ десятилѣтіе,—тридцатые годы,—эпоха виговъ, эпоха дружбы О'Коннеля съ либеральнымъ кабинетомъ. О'Коннель привыкъ за это время къ словесной, парламентской борьбѣ, къ сдѣлкамъ съ партіями и забылъ, что бесѣдовать съ враждебнымъ правительствомъ въ залѣ вестминстерскаго дворца—это одно, а угрожать ему же чуть ли не вооруженнымъ сопротивленіемъ—совсѣмъ другое, и что пріемы словесныхъ запугиваній, завѣдомо фальшивыхъ, имѣютъ то неудобство, что страшно компрометтируютъ оппозицію, къ такимъ пріемамъ прибѣгающую, и компрометтируютъ ее надолго. Такъ судили люди, недовольные поведеніемъ О'Коннеля. Они предсказывали начало эры униженій, но, повторяемъ, событія пошли настолько быстро, что расколъ нѣсколько отсрочился: едва успѣвали переживать новыя и яркія впечатлѣнія.

Въ воскресенье, 8-го октября, какъ сказано, митингъ не состоялся и все прошло тихо. Въ пятницу, 13-го октября, появилось извѣстіе, что правительство теперь намѣрено уничтожить «ассоціацію противъ уніи», воспретить сборы въ ея пользу, прекратить всякія собранія, имѣющія связь съ этимъ движеніемъ, и арестовать вожаковъ. На другой день (14-го октября) О'Коннель, его сынъ Джонъ, секретарь ассоціаціи Томасъ Стиль, издатель умѣреннаго «Freeman's journal»— докторъ Грей, редакторъ «Націи» Дэффи и еще семь человѣкъ были арестованы. Къ нимъ было предъявлено обвиненіе въ «заговорѣ съ цѣлью возбужденія недоброжелательства среди подданныхъ ея величества», съ цѣлью ослабленія ихъ довѣрія къ отправленію правосудія и съ цѣлью достиженія незаконными способами перемѣнъ въ конституціи и правительствѣ страны; кромѣ того, они обвинялись въ возбужденіи неудовольствія среди войскъ ея величества. О'Коннель былъ освобожденъ по внесеніи залога до суда, и тотчасъ же обратился съ воззваніемъ къ ирландскому народу, убѣждая его ни въ малѣйшей степени не нарушать порядка и спокойствія.

Чего хочетъ Робертъ Пиль? Этотъ вопросъ съ самой нескрываемой тревогой задавало себѣ теперь ирландское общество. Что это явственная провокація,—не сомнѣвались даже многіе изъ тѣхъ, для которыхъ смыслъ запрещенія митинга шесть дней тому назадъ не былъ вполнѣ ясенъ. Но было ли такъ на самомъ дѣлѣ? Робертъ Пиль, конечно, никогда этого не говорилъ. Онъ, вообще, не охотникъ былъ

*

говорить о политическихъ дѣлахъ внѣ стѣнъ парламента, а о мотивахъ своихъ поступковъ—даже и въ стѣнахъ парламента. Товарищъ его, старый герцогъ Веллингтонъ, оказался разговорчивѣе. «*Pour la canaille il faut la mitraille*», съ восторгомъ повторялъ онъ фразу одного папскаго нунція, сказанную однажды въ Лиссабонѣ по поводу народнаго возмущенія. «Pour la canaille il faut la mitraille», говорилъ Веллингтонъ, встрѣтившись на великосвѣтскомъ лондонскомъ обѣдѣ въ ту памятную для Ирландіи недѣлю, которая началась воспрещеніемъ клонтэрфскаго митинга, а окончилась арестомъ предводителей національнаго движенія. Герцогъ вѣрилъ въ исцѣлительныя свойства картечи и стойко поддерживалъ это свое убѣжденіе относительно ирландскихъ дѣлъ. Ирландское общество не знало тогда его фразы, которую узнало спустя много десятилѣтій изъ мемуаровъ, но считало поступки Пиля краснорѣчивѣе всякихъ словъ. И именно потому было придавлено и ждало, что будетъ дальше.

Консервативная англійская пресса ликовала и многократно выражала мысль, что виги за свое долгое владычество сильно испортили ирландскій народъ и внушили О'Коннелю смѣшныя и превратныя сужденія о собственной силѣ. Пресса говорила, что суровые шаги давно нужно было предпринять, но «лучше поздно, чѣмъ никогда», и Пиля можно только поздравить съ его рѣшительнымъ образомъ дѣйствій на пользу отечества, которому ирландскіе сепаратисты столь долго и безнаказанно грозили расчлененіемъ. Съ довѣріемъ взиралось при этомъ и на судъ, которому предстоитъ высказаться по поводу вины О'Коннеля и его товарищей. Ирландское общество боялось, что это довѣріе будетъ оправдано и что, какъ обыкновенно бывало до тѣхъ поръ во время политическихъ ирландскихъ процессовъ, списки присяжныхъ засѣдателей будутъ старательно подобраны въ извѣстномъ духѣ. Митинговъ, конечно, не было, на улицахъ и площадяхъ была тишина, въ деревняхъ глухо, образованное общество ждало процесса, крестьяне боролись съ острой зимней нуждой. Въ срединѣ ноября обвиняемымъ вручили обвинительный актъ съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ ихъ преступленій. Всѣхъ преступленій оказалось въ общей сложности сорокъ три, причемъ 16 состояло въ присутствіи на митингахъ этого года, такъ называемыхъ «митингахъ-монстрахъ», 15 въ присутствіи на обыкновенныхъ митингахъ, 10 въ напечатаніи возмутительныхъ статей, остальныя въ аналогичныхъ поступкахъ (печатаніи отчетовъ о митингахъ и пр.). Обвиненія эти были изумительны даже въ глазахъ англійскихъ судебныхъ властей въ Ирландіи (кромѣ принимавшихъ участіе въ составленіи акта). Въ присутствіи на митингахъ слѣдуетъ обвинить чуть ли не все ирландское населеніе, говорили критики, а въ печатаніи отчетовъ всѣ газеты соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, ибо даже консервативные органы въ этомъ грѣшны.

Судъ начался. 15-го января 1844 года огромная толпа запрудила улицы, ведущія отъ дома О'Коннеля къ помѣщенію дублинскаго суда. Зала судоговоренія была переполнена такъ, что пройти было трудно. О'Коннеля и его товарищей встрѣтили по пути изъявленіями привѣта и симпатіи. Уже при началѣ разбирательства защитники обвиняемыхъ указали на то, что списки присяжныхъ составлены несогласно съ закономъ, что изъ большого списка было вычеркнуто очень много именъ и по большей части именно католиковъ, неизвѣстно на какомъ основаніи. Обвинитель въ весьма продолжительной рѣчи старался доказать, что присяжные засѣдатели имѣютъ тутъ дѣло съ широко развѣтвленнымъ заговоромъ, но фактовъ никакихъ въ подтвержденіе этого мнѣнія не приводилъ, а довольствовался цитатами изъ газетъ, изъ отчетовъ о рѣчахъ и т. п. Защита совершенно отвергала обвиненіе и настаивала на полнѣйшей законности всѣхъ поступковъ и словъ подсудимыхъ. Послѣ двадцатипятидневнаго судоговоренія всѣ подсудимые были обвинены почти во всѣхъ взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ (относительно каждаго было поставлено нѣсколько вопросныхъ пунктовъ). Подобранные присяжные исполнили свое дѣло такъ, что оправдали всецѣло довѣріе производившихъ подборъ. Между постановленіемъ вердикта и окончательнымъ приговоромъ прошло довольно продолжительное время.

Какъ разъ въ этотъ періодъ собрался въ Лондонѣ парламентъ, и отъ ирландскихъ членовъ и либеральной оппозиціи Роберту Пилю пришлось выслушать весьма мало лестнаго относительно искусственнаго подбора присяжныхъ, фантастичности обвинительнаго акта, стремленія обратить правосудіе въ политическое оружіе. Впрочемъ, правительство могло ничуть не безпокоиться: большинство, которымъ оно располагало въ парламентѣ, меньше всего могло бы измѣнить ему именно въ этомъ вопросѣ, въ дѣлѣ подавленія ирландскаго сепаратизма. Справедливость требуетъ замѣтить, что и либералы, столь горько упрекавшіе Роберта Пиля, не имѣли ни малѣйшаго нравственнаго на то права, ибо сами поступали точь-въ-точь такъ, какъ онъ *), въ тѣ періоды, когда бывали у власти, а Ирландія начинала слишкомъ сильно волноваться (управленіе Томаса Друммонда въ 30-хъ гг. было скорѣе исключеніемъ, нежели правиломъ).

Въ окончательной формѣ своей приговоръ суда гласилъ, что О'Коннель долженъ быть заключенъ въ тюрьму на одинъ годъ, уплатить штрафъ въ двѣ тысячи фунтовъ (почти 20 тысячъ рублей) и представить залогъ въ пять тысячъ фунтовъ — въ обезпеченіе своего «хорошаго поведенія» въ теченіе ближайшихъ семи лѣтъ. Другіе подсудимые были приговорены къ десяти мѣсяцамъ тюрьмы,

*) См. обоснованіе и развитіе этой мысли у Duffy, „joung Ireland", томъ II, стр. 40.

денежному штрафу въ 50 фунтовъ и залогу въ 1.000 фунтовъ. «Правосудіе не было намъ оказано», заявилъ О'Коннель по выслушаніи приговора. Осужденные были немедленно взяты подъ стражу и отправлены въ тюрьму.

VI.

Чрезвычайно важный моментъ наступалъ въ исторіи ирландскаго движенія. О'Коннель на долгіе мѣсяцы, если не совсѣмъ, выбылъ изъ строя (съ нимъ можно было сообщаться безъ особыхъ трудностей), но, во всякомъ случаѣ, непосредственнымъ, ежечаснымъ, такъ сказать, вліяніемъ на ходъ событій онъ пользоваться не могъ). И это обстоятельство ускорило назрѣвавшій въ ирландскомъ движеніи кризисъ.

«Молодая Ирландія» заговорила рѣшительнѣе и яснѣе, нежели до сихъ поръ, и условія, созданныя Робертомъ Пилемъ, сильно ей благопріятствовали. Основная тенденція тактики О'Коннеля—не отходить ни на одну линію отъ границъ, очерченныхъ конституціей; эта тактика не даромъ такъ долго держалась, не даромъ ирландскій агитаторъ воспиталъ на ней цѣлыя поколѣнія; и раньше, нежели говорить о томъ, какъ «молодая Ирландія» стала на мѣсто О'Коннеля, мы должны отдать отчетъ, каковъ былъ политическій багажъ обоихъ противниковъ въ моментъ начала между ними борьбы, и почему эта старая, имѣвшая за собою традиціи о'коннелевская тактика начала слабѣть.

Авторитетъ О'Коннеля въ серединѣ сороковыхъ годовъ былъ колоссаленъ; редакторъ «Націи», одинъ изъ иниціаторовъ движенія «молодой Ирландіи», прямо говоритъ, что долго казалось совсѣмъ немыслимымъ предпринимать что бы то ни было безъ согласія и содѣйствія О'Коннеля. Его историческія заслуги были огромны. Въ годы полной подавленности и приниженности ирландской націи, въ годы торжествующаго протестантскаго ханжества и угнетенія католиковъ, въ эпоху могущественной реакціи первыхъ лѣтъ XIX вѣка онъ первый нарушилъ общее молчаніе и началъ борьбу. Онъ ускорилъ дѣло эмансипаціи католиковъ; далѣе, онъ въ 30-хъ годахъ воспользовался своимъ союзомъ съ вигами, чтобы выговорить для Ирландіи хорошую администрацію, никого не притѣсняющую, принципіально дружественную націи; тогда же, хоть и неполно, все-таки было сдѣлано очень многое, чтобы совсѣмъ лишить вопросъ о десятинѣ его прежней остроты; городское управленіе въ Ирландіи было преобразовано, и католики вошли въ его составъ впервые; наконецъ, взявшись за дѣло агитаціи противъ уніи, О'Коннель и сюда внесъ свою изумительную энергію, преданность дѣлу, работоспособность, хотя онъ былъ уже старъ, боленъ, измятъ жизнью. Въ Бельгіи, въ клерикальныхъ кругахъ Франціи, западной и южной Германіи, Италіи, Испаніи, въ пап-

ской куріи его почитали, какъ поборника католической вѣры противъ ея враговъ (онъ, замѣтимъ кстати, былъ очень религіозенъ). Много было условій, содѣйствовавшихъ его огромной популярности далеко за предѣлами Ирландіи, а въ самой Ирландіи всѣ (не исключая партіи «Націи») были согласны, что онъ «призвалъ къ политической жизни» спавшую тяжелымъ сномъ родную страну. Культъ героевъ былъ всегда силенъ въ Ирландіи, и, соотвѣтственно, роль отдѣльныхъ личностей всегда преувеличивалась общественнымъ сознаніемъ. И молодое, и старое поколѣніе почитали этого человѣка, и возникавшая оппозиція мечтала не о борьбѣ съ нимъ, а скорѣе о томъ, какъ бы этой борьбы избѣжать. Тактика О'Коннеля, которую онъ рекомендовалъ согражданамъ, была имъ усвоена въ началѣ его дѣятельности и съ нею же онъ не разставался до кончины. Эта тактика не требовала самопожертвованія, отваги, дерзости мысли или дерзости дѣйствія и уже поэтому она не закрывала О'Коннелю входа во всѣ слои ирландскаго народа и доступа ко всѣмъ сердцамъ и умамъ людей, сочувствующихъ Ирландіи; и эта тактика, казалось, давала и результаты,—ей приписали эмансипацію католиковъ и рядъ вышеуказанныхъ благихъ дѣлъ менѣе крупныхъ размѣровъ. Мирная агитація, законныя демонстраціи, неустанно представляемыя петиціи вотъ были средства, и требовалось присутствовать на митингахъ, агитировать среди окружающихъ, подписывать самимъ и давать подписывать другимъ предлагаемыя петиціи, собирать на дальнѣйшую агитацію деньги и отправлять эти регулярные сборы въ указанное мѣсто. Эта тактика всѣхъ допускала до участія въ политической жизни страны, и она всѣмъ была доступна, а поэтому она и была долго популярною и устойчивою. Но, кромѣ нея и ея приверженцевъ, въ Ирландіи иногда глухо, а иногда явственно давали себя знать другія проявленія и другіе люди. Они не составляли политической партіи, ихъ поступки были стихійнымъ, рефлективнымъ, отчаяннымъ протестомъ отчаявшихся и изголодавшихся людей, но при свѣтѣ ихъ дѣйствій тактика О'Коннеля сильно выигрывала въ глазахъ англійскихъ властей и становилась иногда даже какъ бы извѣстнымъ палладіумомъ порядка и спокойствія. Начинались уступки, переговоры, сдѣлки. Сумма шла въ кредитъ О'Коннелю, а о точномъ опредѣленіи слагаемыхъ никто въ Ирландіи и не могъ, и не хотѣлъ заботиться. Да и мыслимо ли въ подобныхъ случаяхъ точное опредѣленіе слагаемыхъ,—также еще вопросъ. Такъ или иначе, была извѣстная путаница, нѣчто недоговоренное, ибо нельзя безъ ущерба для послѣдовательности дѣйствій одновременно порицать извѣстную силу и ею же пользоваться, желать ея уничтоженія и извлекать въ свою пользу аргументъ изъ самаго факта ея существованія. Это недоговоренное выступило наружу не въ началѣ 1830 годовъ и не предъ безграмотными «бѣлыми парнями», а спустя десять лѣтъ—предъ «молодой Ирландіей».

Конечно, не въ самой непослѣдовательности было дѣло; не было никогда въ исторіи человѣчества такого случая, когда мало-мальски серьезный, мало-мальски широкій расколъ возникъ бы въ извѣстномъ политическомъ движеніи, при отсутствіи иныхъ условій, *только* потому, что кто-либо изъ членовъ партіи усмотрѣлъ въ томъ или иномъ пунктѣ ея программы логическую непослѣдовательность или въ ея образѣ дѣйствій—не вполнѣ точное соотвѣтствіе между словами и поступками. Религіозныя секты по этой только причинѣ раздваивались часто, политическія партіи—никогда; и много, если теряли ничтожный процентъ членовъ.

Здѣсь, въ Ирландіи 1840-хъ гг., тоже *не* непослѣдовательность (на которой даже не останавливались), не неясность и недосказанность (которыя были вполнѣ очевидны), сыграли важную роль. Тактикѣ О'Коннеля нанесъ сильнѣйшій ударъ Робертъ Пиль. О'Коннель всецѣло основывался на конституціи,—Пиль доказалъ, что это неограниченное довѣріе неосновательно. Митинги были законны,—Пиль запретилъ ихъ; рѣчи О'Коннеля были вполнѣ легальны,—его отдали подъ судъ; присяжныхъ подтасовывать не полагается,—ихъ подтасовали; писать статьи, *не* призывающія къ преступленіямъ—можно,—авторы статей получили казенное помѣщеніе рядомъ съ О'Коннелемъ, хотя въ статьяхъ ихъ ничего преступнаго не было; парламентъ существуетъ для контроля надъ министрами и охраны конституціи,—Роберта Пиля парламентъ одобрилъ, а на рѣчи о нарушеніи конституціи не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Теченіе, получившее названіе «молодой Ирландіи», въ виду всего происшедшаго, укрѣпилось въ своей давнишней тенденціи, въ воззрѣніи на конституціонныя средства, какъ на нѣчто не вполнѣ достаточное. «Молодая Ирландія» еще не развила своей программы во всѣхъ хотя бы важнѣйшихъ пунктахъ; но, когда двери тюрьмы захлопнулись въ 1844 году за О'Коннелемъ и его товарищами, то эта еще только слагавшаяся фракція, волею судьбы призванная взять въ свои руки политическія дѣла, переходя изъ литературной сферы, гдѣ она до сихъ поръ болѣе всего высказывалась, въ область практической дѣятельности, уже знала опредѣленно, въ какую сторону направитъ она всѣ свои усилія. И мѣсяцы тюремнаго заключенія О'Коннеля остались памятными въ исторіи Ирландіи, какъ «начало конца», какъ начало общественнаго кризиса, такъ мрачно окончившагося спустя нѣсколько лѣтъ.

Заключеніе О'Коннеля длилось не долго, до средины сентября, когда палата лордовъ, къ которой апеллировали обвиненные, отмѣнила приговоръ суда. Но новыя тенденціи, начавшія проявляться въ эти мѣсяцы заключенія О'Коннеля, продолжали развиваться и на его глазахъ. Его освобожденіе сопровождалось тріумфальною поѣздкою по улицамъ Дублина, огромными оваціями, фейерверками и самыми бур-

ными проявленіями во всѣхъ большихъ городахъ Ирландіи. Это лишній разъ заставило новое теченіе и его представителей усомниться въ цѣлесообразности борьбы противъ такого общепризнаннаго, общенаціональнаго авторитета, а, кромѣ того, рѣшеніе палаты лордовъ какъ бы противорѣчило, по крайней мѣрѣ, отчасти, слишкомъ пессимистическому воззрѣнію «молодой Ирландіи» на англійскую конституцію,—вѣрнѣе—на ея примѣненіе англійскими властями въ борьбѣ противъ ирландцевъ. Но оба эти обстоятельства все-таки не могли предотвратить кризиса.

За время отсутствія О'Коннеля дѣлами ассоціаціи (противъ уніи) завѣдывалъ Смитъ О'Бріенъ, человѣкъ гораздо ближе стоявшій къ «молодой Ирландіи», нежели къ О'Коннелю, и впослѣдствіи окончательно примкнувшій къ новому теченію. О'Бріенъ категорически рѣшилъ ни за что не закрывать ассоціацію, какъ хотѣлъ было это сдѣлать О'Коннель вскорѣ послѣ запрещенія клонтэрфскаго митинга. Вообще, его наклонности были несравненно воинственнѣе; при немъ обозначилась уже вполнѣ ясно рѣшимость довольно большой группы членовъ ассоціаціи ни на одинъ шагъ не идти навстрѣчу желаніямъ Роберта Пиля, а предоставить ему всѣ непріятныя функціи закрытій, преслѣдованій и т. д.

Съ громаднымъ интересомъ всѣ ждали первой рѣчи О'Коннеля послѣ его освобожденія; эта рѣчь должна была дать извѣстную программу дальнѣйшихъ дѣйствій ассоціаціи и всего, вообще, движенія противъ уніи, прерваннаго въ октябрѣ 1843 года прокламаціей вице-короля. Эта рѣчь произвела самое грустное впечатлѣніе на присутствующихъ. Ораторъ говорилъ, что намѣренъ возбудить въ палатѣ общинъ преслѣдованіе противъ Пиля и всѣхъ судебныхъ и административныхъ властей, дѣйствовавшихъ незаконно; что нужно обратиться къ англійскому народу съ убѣжденіемъ низвергнуть Роберта Пиля и предать его суду, а если англійскій народъ не посодѣйствуетъ въ этомъ предпріятіи, тогда онъ, О'Коннель, вернется въ Ирландію и скажетъ ирландцамъ: «Не думайте о Джонѣ Буллѣ, заботьтесь сами о собственномъ парламентѣ». Все это были ничего не значущія фразы въ грозной словесной формѣ. О'Коннель просто рекомендовалъ надѣяться на то, что ближайшіе общіе выборы пришлютъ въ парламентъ больше либераловъ, нежели консерваторовъ, и тогда консервативный кабинетъ, какъ водится, долженъ будетъ уйти; возбужденіе же обвиненія противъ Роберта Пиля было, конечно, до курьеза невозможно и неосуществимо ни въ ближайшемъ будущемъ, ни позже. Смитъ О'Бріенъ рѣшительно не одобрилъ этой рѣчи; онъ находилъ (какъ и вся «молодая Ирландія»), что обращеніе къ англійскому народу и нецѣлесообразно, и недостойно ирландскихъ дѣятелей. «Молодая Ирландія» всегда находила, что союзъ О'Коннеля (въ 30-хъ годахъ) съ англійскими вигами, компромиссы, изъ-за которыхъ онъ согласился

тогда отложить агитацію противъ уніи,—что все это—одно изъ темныхъ пятенъ въ исторіи ирландскаго движенія, и что намекать снова на виговъ и на соглашенія съ либералами не слѣдовало бы ни въ какомъ случаѣ. О'Коннель тогда оставилъ агитацію не только вслѣдствіе компромиссовъ, но и потому, что въ странѣ не было еще такого настроенія какъ позже, въ 40-хъ годахъ; но «молодая Ирландія» въ это не входила, и ея раздраженіе усиливалось.

Боленъ и грустенъ былъ О'Коннель. Семьдесятъ лѣтъ, треволненія долгой жизни агитатора и трибуна, сознаніе неудачъ послѣдняго времени и отсутствіе мало-мальски утѣшительныхъ перспективъ, болѣзни и семейныя непріятности—все это давило его, сказывалось на каждомъ шагу, тянуло его иногда прочь отъ общественной жизни, на отдыхъ. И именно теперь увидѣлъ онъ, что снова и въ усиленной степени выступаютъ наружу уже давно, еще до запрещенія клонтэрфскаго митинга, начавшіяся несогласія и пререканія съ журналомъ «Нація», съ молодымъ поколѣніемъ, знаменемъ котораго былъ этотъ органъ.

За рѣчью, возбудившею столько неудовольствія, слѣдовало открытое посланіе О'Коннеля ассоціаціи. Тутъ онъ заявлялъ, что чувствуетъ предпочтеніе въ настоящее время не столько къ простой отмѣнѣ уніи (simple repeal) и воскрешенію самостоятельнаго парламента, сколько къ проекту созданія особаго федеральнаго совѣта въ Ирландіи, т.-е. чего-то въ родѣ «подчиненнаго парламента», который, какъ хотѣли этого такъ называемые «федералисты», главнымъ образомъ, завѣдывалъ бы финансовыми дѣлами страны, а въ остальномъ былъ бы связанъ волею общеимперскаго парламента. Федералисты представляли собою не имѣвшую никакого серьезнаго вліянія фракцію (распространенную между наиболѣе нерѣшительными и не желавшими разрыва съ Англіею людьми), и нѣкоторые изъ нихъ даже изъявляли готовность ограничить значеніе этого будущаго совѣта не всѣми финансовыми, а лишь фискальными вопросами. Вообще, эта фракція въ точности своихъ идеаловъ не формулировала и ее неосновательно склонны были считать—самымъ консервативнымъ крыломъ того громаднаго лагеря, который собралъ вокругъ себя О'Коннель и среди котораго шла теперь дифференціація. Люди, наиболѣе заинтересованные въ сохраненіи крѣпкой связи съ Англіей, но которыхъ все-таки не совсѣмъ удовлетворялъ существовавшій порядокъ вещей, становились федералистами. Въ сущности, они не были, по основнымъ своимъ идеямъ, приверженцами О'Коннеля, и поэтому «молодую Ирландію» особенно поразило, что теперь самъ лидеръ оставляетъ свои прежнія широкія требованія—и идетъ къ нимъ. Редакторъ Дэффи увидѣлъ, какъ онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что если принять федеральную программу, то это означаетъ со стороны «ассоціаціи противъ уніи» ни болѣе, ни менѣе, какъ самоубійство. Интересно, что журналъ «Нація» съ боль-

шимъ почтеніемъ относился къ личности вождей федеральной фракціи и *вчужѣ* редакція журнала интересовалась этою группою, ибо съ точки зрѣнія «молодой Ирландіи», безъ сомнѣнія, лучше было быть федералистомъ, нежели приверженцемъ Роберта Пиля, и въ этомъ отношеніи среди тѣхъ круговъ, которые пополняли ряды федералистовъ, пропаганда этой фракціи была все же шагомъ впередъ. Но письмо О'Коннеля возлагало на редакцію «Націи», какъ полагали Дэффи, Дэвисъ и ихъ товарищи, обязанность бороться всѣми силами противъ неожиданной тенденціи стараго лидера. Они силились не ссориться, потому что раздоры предъ лицомъ торжествующаго врага мучительны, опасны, и много слѣдовало подумать прежде, чѣмъ на это рѣшиться. Но тутъ кое-что было затронуто еще болѣе важное, нѣчто такое, при потерѣ чего вся начатая борьба утрачивала въ ихъ глазахъ рѣшительно всякій смыслъ. «При этихъ обстоятельствахъ долгъ журнала казался мнѣ яснымъ. Рискуя чѣмъ угодно, журналъ «Нація» долженъ былъ подать сигналъ опасности. Иначе— не только судьбы общественнаго дѣла въ настоящемъ, но и перспективы его въ будущемъ могли быть скомпрометтированы. Писатели «Націи» завоевали довѣріе своего поколѣнія въ безпримѣрной степени; если бы они обманули его вслѣдствіе недостатка мужества или чувства независимости, то дѣйствіе этого на характеръ всего поколѣнія было бы гибельно». Такъ смотрѣлъ Дэффи на положеніе вещей. Мало того, что они считали принципіально долгомъ своимъ бороться противъ извращенія программы всего движенія, предпринятой О'Коннелемъ. Они сочли этотъ случай удобнымъ еще и для того, чтобы пріучить ирландскій народъ дѣйствовать самостоятельно, не взирая на О'Коннеля, какъ на непогрѣшимаго первосвященника. «Свобода покоится не въ учрежденіяхъ, но въ привычкахъ мысли и дѣйствія; и нѣтъ такого способа добыть ее, который былъ бы совмѣстимъ съ удержаніемъ на ученическомъ положеніи народа, предназначеннаго къ освобожденію». Руководясь этими соображеніями, журналъ «Нація» началъ борьбу.

Дэффи помѣстилъ большое открытое письмо О'Коннелю въ своемъ журналѣ, гдѣ доказывалъ, что федеральные планы не освободятъ Ирландію и что новый курсъ, принятый лидеромъ, можетъ въ конецъ погубить движеніе противъ уніи и стремленіе къ полной законодательной самостоятельности. Приверженныя О'Коннелю газеты отвѣчали, началась полемика, въ которую вмѣшалась сначала англійская, а потомъ даже и французская пресса. Консерваторы говорили, что О'Коннель самъ понялъ безсмысленность своихъ прежнихъ затѣй—добыть для Ирландіи самостоятельность—и перешелъ къ менѣе утопичнымъ планамъ; либералы тоже привѣтствовали новый курсъ, намекая, что теперь не можетъ встрѣтиться никакихъ препятствій къ возобновленію прежнихъ дружескихъ отношеній и союза между ними и ирландцами; были и

другіе менѣе характерные отзывы. Но въ самой Ирландіи партія «Націи» быстро росла. Многіе примыкали къ мнѣнію, что О'Коннель закапываетъ въ землю движеніе и что нужно ему въ этомъ помѣшать. Дэвисъ въ «Націи» умолялъ О'Коннеля вернуться къ прежнему, говоря вмѣстѣ съ тѣмъ, что Ирландія все равно не оставитъ дѣла борьбы противъ уніи. Рядъ другихъ статей развивалъ ту мысль, что федерализмъ—не замѣна, а подмѣна требуемой полной ирландской самостоятельности. О'Конель послѣ нѣкотораго колебанія высказался въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые молодые люди подняли шумъ и крикъ, не вдумавшись, какъ слѣдуетъ, въ смыслъ его словъ. Онъ вовсе не хочетъ перейти къ федералистамъ. «Я желаю имъ, федералистамъ, добра, пусть они работаютъ такъ хорошо, какъ могутъ, но они—не мои дѣти, мнѣ съ ними дѣлать нечего». Споръ кончился такимъ образомъ, побѣдой «молодой Ирландіи». О'Коннель уступилъ, видя, на чью сторону склоняется общественное мнѣніе, но этой побѣды онъ своимъ противникамъ не простилъ. Въ политической жизни обѣихъ фракцій ирландскаго общества накопились горючія вещества. Пришелъ ихъ общій врагъ и бросилъ искру.

Робертъ Пиль, всегда внимательно слѣдившій за измѣненіями въ общественномъ настроеніи Ирландіи, рѣшилъ, что одновременно или почти одновременно съ репрессіями надлежитъ произвести диверсію въ сторону умиротворенія. Онъ былъ одаренъ тѣмъ чутьемъ, которое отличало лишь наиболѣе талантливыхъ борцовъ противъ алармистскихъ движеній и которое всегда помогало своимъ обладателямъ во время распознать: чѣмъ именно возможно примирить тѣхъ, которые желаютъ примириться, и насталъ ли моментъ, когда нужно поторопиться дать немного, чтобы потомъ не быть принужденнымъ дать больше? Онъ рѣшилъ отвлечь отъ О'Коннеля наиболѣе миролюбивые элементы высшаго и средняго католическаго слоевъ, вліятельные и по происхожденію своему, и по богатству. Католическая аристократія и буржуазія съ давнихъ поръ жаловались на то, что единственный въ странѣ дублинскій университетъ есть университетъ чисто протестантскій; что тамъ нѣтъ каѳедры католическаго богословія; что университетскій совѣтъ и профессорскій персоналъ—протестанты; что, словомъ, этотъ университетъ существуетъ для маленькой группы жителей Ирландіи, а не для большинства. Пиль внесъ въ парламентъ и провелъ чрезъ него законъ объ открытіи въ Коркѣ, Голуэѣ и Бельфастѣ *) трехъ учебныхъ заведеній съ факультетами: юридическимъ, медицинскимъ и камеральнымъ. Законъ Божій совсѣмъ долженъ былъ отсутствовать въ программѣ преподаванія; по крайней мѣрѣ, отъ университета такой каѳедры не полагалось—ни для протестантовъ, ни для католиковъ: но

*) На выборъ были предложены еще Лимерихъ и Дэрри.

если кому нибудь угодно, онъ вправѣ на собственный счетъ завести соотвѣтствующаго преподавателя въ томъ или иномъ изъ новооткрываемыхъ учебныхъ заведеній. Планъ Роберта Пиля возбудилъ сочувствіе въ католическомъ обществѣ, хотя сильно не понравился католическому духовенству. Они называли новыя заведенія будущими разсадниками безбожія и требовали, чтобы правительство на собственный счетъ содержало католическихъ богослововъ-профессоровъ. Но духовенству Пиль угодилъ тѣмъ, что (еще до этого билля объ учебныхъ заведеніяхъ) онъ провелъ черезъ парламентъ законъ о дарованіи католической семинаріи въ Мэйнотѣ ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 21.000 фунтовъ стерлинговъ, вмѣсто 9.000, которые семинарія получала до тѣхъ поръ (до 1845 года); кромѣ того, это же духовное учебное заведеніе получило единовременное пособіе въ тридцать тысячъ фунтовъ. Все это весьма умиротворяюще подѣйствовало на духовенство, и оно, хотя и было недовольно новыми «атеистическими университетами», но не чувствовало пока особой склонности къ протесту. Партія «молодой Ирландіи», съ своей стороны, выражала удовольствіе по поводу уступки Роберта Пиля нуждамъ національнаго ирландскаго просвѣщенія. Къ числу вождей и руководителей «молодой Ирландіи» принадлежали и протестанты, и католики, и они, вообще, не особенно много вниманія удѣляли чисто-религіознымъ интересамъ и тревогамъ ирландскаго католицизма. Ихъ прельщало въ мѣропріятіи Роберта Пиля именно отсутствіе всякаго оффиціознаго конфессіональнаго элемента, полное уравненіе всѣхъ вѣроисповѣданій. Они не обманывались въ оцѣнкѣ истинныхъ мотивовъ перваго министра, который, впрочемъ, и самъ оправдывалъ *) предъ палатою свою умиротворительную политику тѣмъ соображеніемъ, что, при серьезномъ конфликтѣ, возникшемъ между Америкой и Англіей, великобританское правительство должно сдѣлать все отъ него зависящее для успокоенія страстей въ Ирландіи и имѣть руки развязанныя въ случаѣ предстоящей внѣшней войны. Подобная мотивировка лишній разъ, казалось, подтверждала мнѣніе «Молодой Ирландіи», что внѣшніе враги англійскаго правительства суть—eo ipso—друзья ирландцевъ и самымъ своимъ появленіемъ на политическомъ горизонтѣ уже приносятъ Ирландіи благо; самый же билль объ учебныхъ заведеніяхъ получилъ полное одобреніе молодой партіи. Для желающихъ жертвовать на содержаніе богослововъ предоставлялись всѣ удобства, облегченіе всѣхъ формальностей; для желающихъ заниматься чтеніемъ религіознаго характера отводились особыя читальныя комнаты, но никакихъ преимуществъ той или иной религіи не оказывалось. Еще при обсужденіи билля въ парламентѣ О'Коннель яростно напалъ на него, обвинялъ новый законъ

*) При обсужденіи субсидій мэйнотской семинаріи.

въ безбожіи и т. д. Дэффи въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что О'Коннель въ данномъ случаѣ встрѣтился съ сэромъ Робертомъ Инглисомъ, который тоже обвинялъ билль въ безбожіи. Совпаденіе было, дѣйствительно, довольно достопримѣчательно, ибо Инглисъ пользовался заслуженной извѣстностью стараго протестантскаго ханжи, закоренѣлаго врага католиковъ и преслѣдователя введенія принципа свободы совѣсти въ отношенія между церковью и государствомъ. Сэръ Инглисъ былъ обиженъ, что государственная власть недостаточно заботится въ своемъ законопроектѣ о процвѣтаніи единоспасающаго англиканства, а О'Коннель негодовалъ на то, что не будетъ имѣть никакой оффиціальной поддержки единоспасающій католицизмъ; и О'Коннель не хотѣлъ даже утѣшиться тѣмъ, что теперь хоть *приравниваютъ* католицизмъ къ англиканству, тогда какъ въ дублинскомъ университетѣ католицизмъ всегда былъ приниженъ и обойденъ. «Атеистическій» характеръ новыхъ заведеній возмущалъ одинаково и его, и сэра Инглиса. Робертъ Пиль могъ торжествовать: не только ему удалось сдѣлать кое-что для умиротворенія католическаго духовенства (мэйнотскими субсидіями) и католическихъ аристократіи и буржуазіи (новыми учебными заведеніями), но одновременно ему удалось этими же самыми новыми учебными заведеніями разсорить О'Коннеля съ «молодой Ирландіей». Началась рѣшительная и рѣзкая борьба между О'Коннелемъ и группою журнала «Нація». Религіозный и самовластный старикъ не могъ безъ искренняго гнѣва отнестись къ молодымъ вольнодумцамъ, равнодушнымъ къ религіи и непокорнымъ его собственному авторитету; и что было особенно тяжело,—общественное мнѣніе снова склонялось не на его сторону. Даже духовенство, въ лицѣ католическихъ епископовъ, на спеціальномъ собраніи рѣшило, что, при нѣкоторыхъ (совсѣмъ несущественныхъ) поправкахъ, положеніе о новыхъ заведеніяхъ можетъ быть вполнѣ одобрено вѣрующими. Но и тогда О'Коннель не успокоился. Напротивъ, его раздраженіе какъ бы еще выросло, когда онъ увидѣлъ, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ. «Поздравляю сэра Роберта Пиля съ успѣхомъ въ этомъ экспериментѣ!» яростно вскричалъ онъ въ собраніи «ассоціаціи противъ уніи» 26-го мая (1845 г.). Онъ называлъ новый законъ «нечестивой попыткою порчи и подкупа» и утверждалъ, что ни одинъ независимый человѣкъ не возьмется читать лекціи въ одномъ изъ новыхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ-то засѣданіи и произошелъ давно готовившійся взрывъ *). Пренія становились все живѣе и, послѣ рѣчи одного молодого человѣка (Конвэя), членъ редакціи «Націи» Дэвисъ поднялся и произнесъ: «Я хочу только немного словъ сказать въ отвѣтъ на полезную, разсудительную и умную рѣчь моего стараго школьнаго товарища, моего

*) См. описаніе этой сцены въ запискахъ Деффи.

истинно-католическаго друга, мистера Конвэя...» Тутъ его прервалъ неожиданно О'Коннель.

«— Я надѣюсь, что это не есть преступленіе, быть католикомъ?

«— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!

«— Улыбка, съ которой вы употребили это слово, могла бы привести къ такому заключенію,—продолжалъ О'Коннель.

«— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ,—возразилъ Дэвисъ:—мои лучшіе друзья, самые близкіе мнѣ друзья, самые истинные мои друзья—католики. Я былъ воспитанъ въ смѣшанномъ учебномъ заведеніи, гдѣ я узналъ, а узнавъ, полюбилъ моихъ католическихъ земляковъ, и любовь эта не будетъ смущена нынѣшними случайными и несчастными разногласіями. Разъединеніе, увы, губило нашу страну цѣлыми столѣтіями. Ирландцы, неужели снова оно его погубитъ? Будете вы брать ирландскихъ дѣтей съ самой ранней юности и углублять различіе между ними?» Дэвисъ въ дальнѣйшей рѣчи заявилъ, что нѣкоторыя дурныя стороны въ правительственномъ биллѣ онъ видитъ, но къ мнѣнію католическихъ епископовъ объ этомъ законѣ всецѣло примыкаетъ. Въ отвѣтной своей рѣчи О'Коннель вдругъ перешелъ на личную почву. «Группа политиковъ,—воскликнулъ онъ,—называющихъ себя партіей *молодой Ирландіи*, желая руководить судьбами этой страны, вдругъ появляется и поддерживаетъ эту мѣру. Такой партіи, которая называется «молодой Ирландіей», не существуетъ. Могутъ быть нѣсколько индивидуумовъ, которые присваиваютъ себѣ это наименованіе. Я принадлежу къ старой Ирландіи. Пора уже положить конецъ этому заблужденію. «Молодая Ирландія» можетъ предаваться выходкамъ, какимъ угодно. Я вовсе не завидую имъ въ прельщающемъ ихъ названіи. Я буду помогать старой Ирландіи; и у меня есть нѣкоторое слабое представленіе, что и старая Ирландія будетъ мнѣ помогать».

Изумленіе и смятеніе овладѣли собраніемъ. Дэвисъ, не желавшій никогда, къ интересахъ дѣла, ссориться съ О'Коннелемъ, пока это было возможно, разрыдался какъ ребенокъ, хотя всю жизнь отличался чрезвычайною сдержанностью и спокойною энергіею. Несмотря на всѣ будто бы примирительныя рѣчи, закончившія этотъ памятный вечеръ, было вполнѣ ясно, что миру не бывать, что такъ долго державшаяся предъ лицомъ англичанъ какъ одинъ человѣкъ ирландская національная партія раскалывается. Дэвисъ плакалъ, потому что хорошо зналъ, насколько непоправимо случившееся, хотя никто, лучше его и его товарищей, не могъ сознавать, до какой степени это случившееся было неизбѣжно.

Молодое поколѣніе всецѣло стало на сторону Дэвиса: партія же О'Коннеля уже не была тою его національною арміею, при помощи которой въ былые дни онъ боролся за эмансипацію католиковъ. Удовлетворенные отчасти уже достигнутыми результатами, — политической

эмансипаціей 1829 года, послѣдними, совсѣмъ недавними уступками Роберта Пиля,—достаточные католическіе круги въ лицѣ пожилыхъ своихъ представителей не совсѣмъ понимали ярость О'Коннеля противъ новыхъ учебныхъ заведеній и, прежде всего, они не были совсѣмъ расположены къ активной борьбѣ. Ихъ поддержка была чисто пассивная и довольно вялая. Религіознымъ индифферентистамъ, радикаламъ, мечтавшимъ о скорѣйшемъ соединеніи всѣхъ религій и слоевъ Ирландіи въ борьбѣ противъ англичанъ, они, люди старшаго поколѣнія, конечно, не симпатизировали; колоссальная слава О'Коннеля, его долгое и огромное вліяніе на политическую жизнь Ирландіи,—все это также давало ему важныя преимущества предъ молодыми противниками. Но тенденціи Дэвиса быстро укрѣплялись среди самой активной и молодой части ирландскаго общества,—и въ этомъ «Молодая Ирландія» видѣла залогъ успѣха. «Молодая Ирландія» не могла простить О'Коннелю еще одного,—и въ этомъ также О'Коннель имѣлъ немногихъ дѣятелей на своей сторонѣ, даже изъ старыхъ своихъ друзей. Дѣло въ томъ, что именно въ 1844—45 гг., когда отношенія между Англіей и Франціей, Англіей и Соединенными Штатами портились болѣе и болѣе, когда временами газеты начинали говорить о войнѣ,—О'Коннель въ своихъ публичныхъ рѣчахъ заявлялъ неоднократно, что онъ стоитъ за «безопасность трона Викторіи», за то чтобы низринуть американскаго орла, что лучше совсѣмъ оставить мысль о самостоятельности, нежели осуществить ее при помощи Франціи. Все это серьезно охлаждало и раздражало два народа, которые больше всѣхъ другихъ сочувствовали ирландцамъ. При положеніи, какое занималъ О'Коннель, подобныя заявленія производили впечатлѣніе враждебной дипломатической ноты, враждебной манифестаціи ирландскаго народа противъ Франціи и Америки. «Молодая Ирландія» видѣла въ такомъ поведеніи О'Коннеля опасную безтактность и совершенно отказывалась понимать, для какой цѣли ему казалось необходимымъ расточать такую массу словесной лояльности, разъ это покупается столь дорогою цѣною,—утратою симпатіи двухъ могущественныхъ народовъ. «Молодая Ирландія» открыто и ясно учила, что у ирландскаго народа должна быть своя собственная внѣшняя политика и дипломатія, по существу своему діаметрально противуположная дипломатіи великобританской. Ирландскіе эмигранты въ Америкѣ съ особеннымъ раздраженіемъ отнеслись къ такимъ заявленіямъ національнаго лидера. Джонъ О'Коннель сынъ, повторяя обычный пріемъ усердныхъ бездарностей, подчеркивалъ и усиливалъ въ собственныхъ рѣчахъ заявленія своего отца и возбуждалъ этимъ особое раздраженіе и злобныя насмѣшки среди тѣхъ, которые не спѣшили нападать на старика, помня его прежнія заслуги. Джонъ О'Коннель, съ своей стороны, сердился и мстилъ; началась глухая агитація противъ журнала Дэвиса, Дэффи и Диллона. Дэвисъ заболѣлъ

и журналу приходилось, какъ и всей партіи «молодой Ирландіи», выносить борьбу почти безъ участія самаго даровитаго и энергичнаго дѣятеля, ибо онъ почти не вставалъ съ постели. Но журналъ и его руководители не отчаявались; среди пожилыхъ людей высшаго и средняго круговъ, среди католическаго духовенства, дѣйствительно, «Нація» много потеряла отъ нерасположенія О'Коннеля,—среди молодежи городовъ, даже среди наиболѣе культурныхъ фермеровъ она была любимѣйшимъ органомъ.

Болѣзнь Дэвиса вдругъ приняла неожиданно крутой оборотъ и 16-го сентября 1845 года онъ скончался. За погребальной колесницей шли огромныя толпы народа; весь Дублинъ провожалъ покойника. Обнаружилась неожиданно-огромная его популярность. Онъ больше всего выступалъ не на митингахъ, а въ журналѣ «Нація», не въ рѣчахъ, а въ политическихъ статьяхъ, и его похороны имѣли большое общественное значеніе, принявъ характеръ манифестаціи въ пользу новаго теченія. На мгновеніе старый и больной О'Коннель, самъ стоявшій на краю могилы, освободился отъ всякихъ личныхъ чувствъ, отъ нашептываній своего сына и другихъ лицъ, настраивавшихъ его систематически противъ «молодой Ирландіи». Въ ближайшемъ послѣ смерти Дэвиса засѣданіи «ассоціаціи противъ уніи» было прочитано письмо О'Коннеля, гдѣ говорилось объ умершемъ: «я торжественно объявляю, что никогда не зналъ я человѣка, который могъ бы быть настолько полезенъ Ирландіи въ настоящей стадіи борьбы». Но это было именно мгновеніемъ, порывомъ чувства; исторія продолжала двигаться по своему фатальному пути, начавшійся расколъ углублялся.

Е. Тарле.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОРЬБА КЛАССОВЪ, КАКЪ ГЛАВНѢЙШЕЕ СОДЕРЖАНІЕ ИСТОРІИ.

„Die Geschichte aller bisherigen Gesellschaft ist die Geschichte von Klassenkämpfen".

Marx und Engels.

Среди современнаго государства наблюдаются различія какъ по отношенію къ правовому положенію различныхъ общественныхъ группъ, такъ и по отношенію къ національности, языку, религіи, образованію, профессіямъ и пр., и пр. Но среди всѣхъ этихъ различій есть одно, превосходящее по своему соціальному значенію безъ всякаго сравненія всѣ остальныя — хозяйственное различіе принадлежности къ тому или иному соціальному классу. Классовое сложеніе общества есть выраженіе соціальнаго факта присвоенія одними общественными группами прибавочнаго труда другихъ группъ. Но соціальные классы различаются не только по своей роли въ общественномъ хозяйствѣ или по степени своего хозяйственнаго благосостоянія: каждый соціальный классъ является особымъ чрезвычайно сложнымъ соціальнымъ типомъ, такъ какъ на основѣ хозяйственныхъ различій возникають многообразныя различія въ нравахъ, взглядахъ и во всемъ строѣ жизни соотвѣтствующихъ классовъ. То, что мы называемъ современной цивилизаціей, есть достояніе преимущественно богатыхъ классовъ; бѣдность неизмѣнно сопровождается невѣжествомъ и иногда полнымъ одичаніемъ. На низахъ соціальной лѣстницы историческій прогрессъ почти не вызываетъ перемѣнъ и самыя цивилизованныя общества нашего времени обнаруживаютъ самые глубокіе контрасты культурнаго уровня высшихъ и низшихъ классовъ.

I.

Исходя изъ правильной мысли, что различія хозяйственныхъ условій жизни не могутъ не сопровождаться культурными различіями, и что въ хозяйственной области интересы различныхъ классовъ болѣе

или менѣе противоположны, творцы историческаго матеріализма отождествили всю исторію человѣчества съ борьбой общественныхъ классовъ за матеріальное богатство. «Исторія всякаго бывшаго доселѣ общества есть исторія классовой борьбы», гласитъ знаменитый «Манифестъ». Въ своей полемической книгѣ, направленной противъ Дюринга Энгельсъ утверждаетъ, что «насиліе есть лишь средство, а экономическая выгода цѣль» *), а въ другой своей работѣ подробно доказываетъ, что политическая борьба всегда есть лишь замаскированная борьба за экономическіе интересы: «всякая политическая борьба есть борьба классовъ—говоритъ онъ—и во всякой борьбѣ классовъ за свое освобожденіе, несмотря на ея по необходимости политическую форму—такъ какъ всякая классовая борьба есть политическая борьба—дѣло идетъ объ экономическомъ освобожденіи классовъ» **).

Такова основная идея ученія о классовой борьбѣ. Но уже самая формулировка этой идеи Энгельсомъ страдаетъ существеннымъ логическимъ дефектомъ. Нельзя противопоставлять политическое «насиліе» (власть) «экономической выгодѣ» (богатству) по той причинѣ, что власть можетъ быть, и весьма часто бываетъ, цѣлью въ себѣ, а богатство всегда есть лишь средство къ чему-либо другому. Поэтому, не «экономическая выгода», а то, чему служитъ эта выгода, напр., поддержаніе жизни или чувственныя наслажденія могутъ быть противопоставлены стремленію къ власти, какъ особая, самостоятельная цѣль. Но совершенно очевидно, что простое стремленіе къ поддержанію жизни не можетъ быть единственнымъ или даже хотя бы важнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ къ классовой борьбѣ. Только самые бѣдные борятся за голое существованіе — даже для высшихъ слоевъ рабочихъ классовъ дѣло идетъ въ хозяйственной борьбѣ не о самой жизни, а о болѣе пріятной, достойной человѣка жизни. Что же касается до болѣе достаточныхъ классовъ, то имъ, конечно, не приходится отстаивать своего права на существованіе. Богатый человѣкъ, стремящійся къ дальнѣйшему обогащенію, побуждается къ этому вовсе не чувствомъ самосохраненія. Уже большую роль въ этомъ отношеніи играетъ стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ. Но и оно крайне индивидуально и не имѣетъ всеобщаго характера. Весьма вѣроятно, что наиболѣе устойчивой психологической основой жажды богатства слѣдуетъ признать играющія столь важную роль въ жизни человѣка эгоальтруистическія стремленія къ почету и власти ***); можно думать, что люди гораздо больше стремятся къ богатству, какъ дорогѣ къ власти, чѣмъ, наоборотъ, къ власти, какъ дорогѣ къ богатству.

*) „Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft“. 3 изд., стр. 165.

**) „Ludwig Feuerbach“, стр. 48—49.

***) Ср. мой очеркъ „Психическіе факторы общественнаго развитія“ въ предшествовавшей книжкѣ „Міра Божьяго“.

Итакъ, вопреки Энгельсу, не вѣрно, что «насиліе есть лишь средство, а экономическая выгода цѣль», — нерѣдко «экономическая выгода» есть лишь средство къ «насилію»—иначе говоря, власти. Иными словами, политическая исторія общества отнюдь не есть замаскированная исторія борьбы классовъ за свои экономическіе интересы, такъ какъ люди борятся не только за богатство, но и за власть. Политическая исторія сохраняетъ, слѣдовательно, на ряду съ экономической, свое самостоятельное значеніе.

На первомъ планѣ политической исторіи стоитъ война, сыгравшая такую выдающуюся роль въ дѣлѣ сплоченія общественныхъ группъ въ политически организованныя единицы—государства. Что же такое война—есть ли это борьба за исключительно экономическіе интересы, или за нѣчто несравненно болѣе сложное?

У первобытныхъ племенъ война, а не миръ является, какъ извѣстно, нормальнымъ состояніемъ. «Каждое племя (индѣйцевъ),—говоритъ Морганъ,—признавалось, по общему правилу, находящимся въ состояніи войны со всѣми племенами, съ которыми оно не заключило особаго мирнаго договора. Каждый отдѣльный человѣкъ имѣлъ право во всякій данный моментъ организовать войско и предпринять съ нимъ походъ противъ любого племени» *). На то же указываетъ и Спенсеръ по отношенію къ другимъ народамъ **). Безпрерывныя войны первобытныхъ народностей находятся, несомнѣнно, въ самой тѣсной связи съ характеромъ ихъ хозяйства—охоты. То же оружіе, которое служитъ для охоты, употребляется и для нападенія на человѣка; самые пріемы охоты вполнѣ совпадаютъ съ пріемами войны: хорошій охотникъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій воинъ. Хозяйство первобытныхъ народовъ благопріятствуетъ, слѣдовательно, въ высшей степени войнѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что въ войнахъ охотничьихъ народовъ хозяйственный мотивъ не играетъ значительной роли, такъ какъ охотничьи племена почти не имѣютъ запасовъ полезныхъ предметовъ, которые могли бы присвоить побѣдители. Точно также нельзя сказать, чтобы войны этого рода вызывались противоположностью экономическихъ интересовъ охотничьихъ народцевъ, такъ какъ постояннаго антагонизма интересовъ на этой ступени общественнаго развитія почти нѣтъ. Никто не описывалъ краснорѣчивѣе Энгельса гармоничности общественнаго строя первобытнаго племени. «Бѣдныхъ и нуждающихся (въ такомъ племени) не могло существовать,—говоритъ намъ авторъ «Происхожденія семьи»,—коммунистическое хозяйство и родъ хорошо знали свои обязанности по отношенію къ старымъ, больнымъ и пострадавшимъ на войнѣ. Всѣ были равны и свободны, въ томъ числѣ и женщины.

---

*) Morgan. „Die Urgesellschaft“, стр. 100.

**) Спенсеръ. „Основанія соціологіи“. Русск. перев. 1898, II, стр. 265.

Рабамъ еще нѣтъ мѣста въ этой организаціи, нѣтъ мѣста въ большинствѣ случаевъ и подчиненія чужихъ племенъ... А какихъ мужчинъ и женщинъ создаетъ такое общество, объ этомъ свидѣтельствуетъ удивленіе, которое внушали всѣмъ бѣлымъ, встрѣчавшимся съ неиспорченными индѣйцами, личное достоинство, прямота, сила характера и храбрость этихъ варваровъ» *).

Словомъ, совершенная идиллія, съ одной только поправкой: «тамъ, гдѣ не существовало формальнаго мирнаго договора, между племенами царила война, и война эта велась съ жестокостью, которая отличаетъ человѣка среди всѣхъ прочихъ животныхъ» **). Чѣмъ же вызывались эти безконечныя войны народовъ, не знавшихъ соціальныхъ антагонизмовъ и еще не совершившихъ экономическаго грѣхопаденія—присвоенія прибавочнаго труда?

Во всякомъ случаѣ, не господствомъ хозяйственныхъ интересовъ. «Насиліе» у первобытныхъ племенъ уже потому не могло быть средствомъ къ «экономической выгодѣ», что никакой экономической выгоды изъ насилія обыкновенно не проистекало. Что же побуждаетъ эти народы къ войнѣ?

Прежде всего, любовь къ самой войнѣ, являющейся въ этомъ случаѣ не средствомъ, а цѣлью. Война первобытныхъ народовъ есть одинъ изъ видовъ спорта или игры. Игры нападенія и защиты составляютъ, какъ извѣстно, одну изъ самыхъ распространенныхъ формъ игры какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Прирожденный инстинктъ борьбы такъ силенъ у человѣка, что «врядъ ли существуетъ какая-либо форма игры, которая не принимала бы такъ или иначе характера борьбы» ***). Битвы гладіаторовъ въ древнемъ Римѣ, турниры средневѣковыхъ рыцарей, кулачные бои русскаго простонародья, борьба атлетовъ въ циркахъ и балаганахъ—все это показываетъ, какъ сильны были во всѣ времена человѣчества инстинктъ борьбы и любовь къ воинственнымъ играмъ. И первобытные народы нападаютъ другъ на друга, прежде всего, изъ любви къ борьбѣ.

Къ этому побудительному мотиву присоединяются многіе другіе—такъ, напр., весьма сильное у первобытнаго человѣка чувство мести, являющееся, въ связи съ предшествовавшими стычками, всегда готовымъ предлогомъ къ новымъ столкновеніямъ. Стремленіе къ отличію, къ славѣ, къ возбужденію удивленія къ себѣ среди себѣ подобныхъ есть, быть можетъ, сильнѣйшій поводъ къ войнамъ дикарей. Всѣ наблюдатели говорятъ о необычайно развитомъ тщеславіи первобытнаго человѣка, а что же можетъ въ большей степени питать это тщеславіе, чѣмъ успѣхи на войнѣ? Всѣмъ этимъ и объясняется воин-

---

*) Энгельсъ. „Происхожденіе семьи". Пер. Бошнякъ. 1899 г., стр. 110.

**) Тамъ же, стр. 111.

***) Groos. „Die Spiele der Menschen", стр. 217.

ственность охотничьихъ народовъ, несмотря на экономическую безрезультатность ихъ войнъ.

Не менѣе воинствены многія пастушескія племена, что опять-таки стоитъ въ тѣсной связи съ условіями ихъ хозяйства, такъ какъ и пастухъ легко превращается въ воина. Но въ этомъ случаѣ война пріобрѣтаетъ уже и хозяйственный смыслъ. Правда, и въ войнахъ пастушескихъ народовъ мотивы тщеславія, мести и любви къ борьбѣ играютъ очень большую роль; однако, къ нимъ присоединяется новый, не менѣе важный чисто экономическій мотивъ—грабежъ скота. «Арабскій разбойникъ,—говоритъ Буркгартъ, — считаетъ свою профессію въ высшей степени почетной и названіе «Гарами» (разбойникъ) есть одно изъ самыхъ лестныхъ для молодого героя. Арабъ грабитъ враговъ, друзей, сосѣдей, если только они не находятся въ его палаткѣ, когда ихъ собственность становится священной» *). Неудивительно, что «арабскія племена ведутъ безпрерывныя войны, хотя ихъ войны такъ же кратковремены, какъ и періоды мира, нарушаемаго по самымъ ничтожнымъ поводамъ» **). Точно также «пастушескіе народы Пампасовъ живутъ больше отъ грабежа лошадей, чѣмъ отъ разведенія ихъ. Ихъ постоянныя войны, которыя они ведутъ съ величайшей храбростью, имѣютъ своей непосредственной цѣлью грабежъ табуновъ» ***).

Такъ же характеризуетъ войны скотоводческихъ народовъ и Спенсеръ. «У бечуановъ месть за прежніе грабежи и разбои является обычнымъ поводомъ для войны; дѣйствительнымъ же объектомъ ихъ всегда служитъ пріобрѣтеніе скота. У европейскихъ народовъ древности мы находимъ нѣчто совершенно подобное. Ахиллесъ говоритъ о троянцахъ: «они предо мной не виноваты, такъ какъ никогда не похищали моихъ быковъ и лошадей». А тотъ фактъ, что у древнихъ шотландцевъ угоны скота были обыкновенной причиной междуплеменныхъ битвъ, доказываетъ намъ, какъ была постоянна эта борьба за средство индивидуальнаго самосохраненія» ****). Войны пастушескихъ народовъ можно, поэтому, разсматривать до нѣкоторой степени, какъ родъ хозяйства; но чувства тщеславія, мести и любовь къ войнѣ, какъ таковой, чрезвычайно сильно вліяютъ на это своеобразное хозяйство.

У первобытныхъ земледѣльческихъ народовъ другія побудительныя причины хозяйственнаго характера вызываютъ войны, такъ напр., похищеніе рабовъ, споры изъ-за границъ территоріальныхъ участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ племенамъ или лицамъ и

---

*) Grosse. „Die Formen der Familie“, стр. 97.

**) Тамъ же. Стр. 98.

***) Тамъ же. Стр. 98.

****) „Основанія Соціологіи“. II, стр. 256. Ср. также Lippert. „Kulturgeschichte“. I, стр. 144.

т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы наблюдаемъ среди сравнительно выше стоящихъ народовъ настоящія охоты на человѣческую дичь въ цѣляхъ каннибализма. «Не чѣмъ инымъ, какъ такими охотами были такъ называемыя войны ацтековъ; дань побѣжденныхъ ими племенъ состояла въ доставкѣ человѣческаго мяса» *). Однако, нельзя не признать, что у низшихъ земледѣльческихъ народовъ война въ гораздо меньшей степени служитъ хозяйственнымъ цѣлямъ, чѣмъ у пастушескихъ племенъ.

То же слѣдуетъ сказать и о цивилизованныхъ народахъ. Войны ведутся ими по самымъ разнообразнымъ поводамъ и мотивамъ—даже мотивъ альтруизма можетъ иногда толкать народы на войну, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ слабаго народа отъ нападеній сильнаго. Религіозный фанатизмъ вызывалъ долгое время самыя ожесточенныя и безпощадныя войны. Оскорбленное чувство національности является до настоящаго времени обычнымъ поводамъ къ войнамъ. Но, въ общемъ, и у цивилизованныхъ народовъ эгоальтруистическія чувства, стремленіе къ славѣ и власти всего болѣе содѣйствуютъ войнамъ.

Мотивы хозяйственнаго рода могутъ также при этомъ играть извѣстную роль, какъ, напримѣръ, въ колоніальныхъ войнахъ новаго времени. Однако, большая война только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть выгодна даже для побѣдителя,—слишкомъ много она ужъ стоитъ. Многіе соціологи (Сенъ-Симонъ, Контъ, Бокль, Спенсеръ и др.) не безъ основанія противопоставляютъ воинственному типу общества промышленный типъ, какъ соціальныя противоположности, и усматриваютъ въ войнѣ величайшую помѣху хозяйственнаго прогресса. Политико-экономы не устаютъ, со времени Адама Смита, приводить доказательства экономической нецѣлесообразности войнъ, экономическія выгоды которыхъ почти никогда не окупаютъ расходовъ; все это, однако, нисколько не препятствуетъ народамъ нашего времени разоряться въ безпрерывныхъ войнахъ, доказывая этимъ, что не хозяйственные интересы толкаютъ ихъ на войну.

Дѣйствительно, какіе общественные классы экономически выигрываютъ отъ войны? Быть можетъ, капиталисты? Если бы даже это было и такъ (хотя на самомъ дѣлѣ промышленность и торговля, а слѣдовательно и предприниматели, несутъ огромные убытки даже при побѣдоносныхъ войнахъ), все же это нисколько не объясняетъ, почему народныя массы, состоящія, конечно, не изъ капиталистовъ, такъ воинственно настроены и съ такой готовностью поддерживаютъ воинственную политику правительствъ. Ничто не вызываетъ до настоящаго времени такого воодушевленія, такого энтузіазма въ массахъ народа, какъ военные тріумфы, и только глубокое непониманіе

*) Lippert. „Kulturgeschichte", I, стр. 61.

человѣческой души можетъ объяснять этотъ энтузіазмъ какими-либо разсчетами на экономическія выгоды побѣдоносной войны. Солдатъ нашего времени не имѣетъ ничего общаго съ разбойникомъ кочевыхъ народовъ, онъ борется не за богатство, а за идеальныя цѣли, какъ честь, слава, могущество родины и т. д.

Такимъ образомъ, ученіе о господствующей роли въ общественной жизни хозяйственныхъ интересовъ не можетъ дать удовлетворительнаго объясненія соціальному факту огромной важности—войнѣ. Войну нельзя разсматривать какъ одну изъ формъ классовой борьбы, такъ какъ характерная черта войны именно въ томъ и заключается, что передъ лицомъ общаго непріятеля всѣ классы общества, несмотря на противоположность своихъ экономическихъ интересовъ, дѣйствуютъ болѣе или менѣе солидарно. Національное чувство и другія подобныя же чувства, объединяющія въ одно политическое цѣлое многоразличные классы, входящіе въ составъ государства, оказываются во время войны достаточно сильными, чтобы на время оттѣснить на задній планъ сознаніе классовыхъ антагонизмовъ. Въ этомъ случаѣ обнаруживается всего яснѣе несостоятельность всякихъ попытокъ отрицать самостоятельное историческое значеніе политическаго момента, не сводимаго на самомъ дѣлѣ ни къ какимъ экономическимъ моментамъ и являющагося особымъ и независимымъ соціальнымъ факторомъ.

Мы должны различать въ исторіи, поскольку она слагается изъ борьбы общественныхъ группъ, два рода борьбы: борьбу классовъ внутри политически организованнаго общества и борьбу цѣлыхъ агрегатовъ классовъ, организованныхъ въ политическія единицы. И та и другая борьба есть, въ большей или меньшей степени, борьба за власть. Но въ борьбѣ перваго рода важнѣйшимъ средствомъ къ власти является богатство, почему богатство и составляетъ весьма часто ближайшій объектъ борьбы; другой характеръ имѣетъ борьба второго рода, ближайшимъ объектомъ которой богатство бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, чаще же этимъ объектомъ является непосредственное политическое подчиненіе противника и расширеніе собственнаго политическаго могущества, по отношенію къ чему всѣ классы воюющаго государства чувствуютъ себя солидарно заинтересованными.

Существованіе извѣстной солидарности даже экономическихъ интересовъ различныхъ классовъ того же государства не подлежитъ сомнѣнію. Это опредѣленно признается Каутскимъ, указывающимъ, что «капиталистическое общество образуетъ собой, какъ и всякое другое, единый организмъ, въ которомъ поврежденіе одной части неблагопріятно вліяетъ на другія части», и приходящимъ къ заключенію, что извѣстная гармонія интересовъ различныхъ классовъ «безспорно существуетъ» *). Поэтому мы не имѣемъ никакого права разсматривать

*) Kautsky. „Die Agrarfrage", стр. 309.

государство исключительно какъ организацію классоваго господства. Въ защитѣ политической самостоятельности государства въ равной мѣрѣ заинтересованы всѣ классы общества, поскольку эта самостоятельность имѣетъ для нихъ идеальную цѣнность. Въ чисто хозяйственной области государство есть организація не только классоваго господства, но и хозяйственнаго прогресса, увеличенія общей суммы національнаго богатства, что соотвѣтствуетъ интересамъ всѣхъ общественныхъ классовъ, какъ цѣлаго. Нельзя отрицать и культурной миссіи государства, матеріально заинтересованнаго въ подъемѣ духовной культуры населенія, такъ какъ политическое и экономическое могущество страны неразрывно связано съ успѣхами культуры.

II.

По отношенію къ высшимъ областямъ духовной дѣятельности человѣка—наукѣ, философіи, искусству, морали, религіи—недостаточность теоріи классовыхъ интересовъ совершенно очевидна. Научное и философское познаніе слѣдуетъ своимъ собственнымъ логическимъ законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ интересами классовъ. Марксъ и Энгельсъ были всего менѣе склонны отрицать, со своей гносеологической точки зрѣнія, объективное значеніе научныхъ истинъ. Какъ матеріалисты, они вѣрили въ объективное существованіе матеріи, которое, слѣдовательно, признавалось ими доступнымъ нашему познанію. «Способно ли наше мышленіе,—спрашиваетъ Энгельсъ,—познавать истинный міръ, могутъ ли наши представленія и понятія о реальномъ мірѣ быть точнымъ зеркаломъ дѣйствительности?» *)—и отвѣчаетъ утвердительно. «Если мы можемъ доказать правильность нашего пониманія какого-либо процесса природы тѣмъ, что сами его производимъ, создаемъ его изъ его условій, и кромѣ того, подчиняемъ его своимъ интересамъ, то непостижимой «вещи въ себѣ» Канта приходитъ конецъ» **). Опытная наука познаетъ, по мнѣнію Энгельса, объективную истину.

Если такъ, то истинное научное познаніе должно быть совершенно независимымъ отъ классовыхъ интересовъ, ибо въ противномъ случаѣ, оно не было бы объективнымъ, т.-е. истиннымъ познаніемъ. Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія творцовъ ученія о классовой борьбѣ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, одна область, относительно которой господство классовыхъ интересовъ прекращается—область объективнаго научнаго познанія. Классовые интересы очень могущественны, но все же они не могутъ, напр., заставить солнце вращаться вокругъ земли; а такъ какъ наши научныя представленія, съ гносео-

---

*) Engels. „Ludwig Feuerbach“, стр. 15.

**) Тамъ же, стр. 16.

логической точки зрѣнія Энгельса, отражаютъ дѣйствительность, то классовые интересы безсильны, и по отношенію къ нимъ: объективный и независимый отъ классовой борьбы ходъ мірового процесса природы долженъ съ роковой необходимостью вызывать независимыя отъ классовыхъ интересовъ представленія и понятія въ нашемъ сознаніи. Какъ бы мы ни были заинтересованы въ отрицаніи геометрическихъ аксіомъ, мы не въ силахъ этого сдѣлать если бы и хотѣли. Никакія усилія воли неспособны создать въ нашемъ воображеніи трехугольникъ, сумма угловъ котораго была бы больше или меньше двухъ прямыхъ.

Итакъ, какъ бы плоха ни была гносеологія Энгельса, одно она несомнѣнно доказываетъ: невозможность прилагать классовую точку зрѣнія къ оцѣнкѣ истинности научнаго познанія. Каждая теорія познанія, кромѣ абсолютнаго скептицизма, принуждена исходить изъ признанія общеобязательности логическихъ процессовъ мышленія и такимъ образомъ признавать существованіе объективной истины, независимой отъ практическихъ интересовъ жизни.

Для послѣдовательнаго марксизма остается только одинъ выходъ изъ этого положенія—возвращеніе къ тезису Протагора: «Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей». Но философскій скептицизмъ несовмѣстимъ съ матеріалистической метафизикой марксистовъ, такъ какъ матеріализмъ исходитъ изъ признанія возможности познанія сущности вещей (усматривая таковую въ матеріи). Такимъ образомъ, марксизмъ стоитъ передъ дилеммой: отказаться отъ классовой точки зрѣнія или отъ философскаго матеріализма. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ марксизмъ перестаетъ быть таковымъ.

Такъ же безсильна классовая точка зрѣнія и по отношенію къ морали. Энгельсъ съ этимъ, разумѣется, не согласенъ. «Мораль Фейербаха,—замѣчаетъ онъ,—такова же, какъ и всѣ другія теоріи морали. Она должна быть обязательной для всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и потому никогда и нигдѣ не имѣетъ примѣненія и остается по отношенію къ дѣйствительному міру такъ же безпомощна, какъ категорическій императивъ Канта. Въ дѣйствительности же, каждый классъ, даже каждая профессія имѣетъ свою особую мораль и нарушаетъ эту мораль, какъ только получаетъ возможность сдѣлать это безъ наказанія, а любовь, которая должна все объединить, обнаруживается въ войнахъ, раздорахъ, судебныхъ процессахъ, семейныхъ столкновеніяхъ, разводахъ и всевозможной эксплуатаціи людьми другъ друга» *).

Въ этой тирадѣ Энгельсъ утверждаетъ двѣ разныя вещи: во-первыхъ, что правила морали нарушаются въ современномъ обществѣ и, во-вторыхъ, что такихъ общеобязательныхъ правилъ совсѣмъ не существуетъ. Первое до извѣстной степени вѣрно, второе же опровергается самимъ Энгельсомъ, замѣчающимъ, что каждый классъ готовъ

*) Feuerbach, 34—35.

нарушить признаваемыя имъ правила морали. Есть, слѣдовательно, что нарушать. Если бы, дѣйствительно, люди каждаго класса и каждой профессіи имѣли свою особую мораль, то, непонятно, почему бы эта мораль не могла настолько приспособиться къ интересамъ данной соціальной группы, что надобности нарушать мораль совсѣмъ бы не возникало.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравы, обычаи, господствующія чувства и привычки различныхъ классовъ глубоко различны; однако, и богатые и бѣдные признаютъ, въ общемъ, одно и то же морально дурнымъ или хорошимъ—христіанская мораль является уже многія сотни лѣтъ моральнымъ идеаломъ для всего цивилизованнаго человѣчества. Этическія сужденія первобытныхъ народовъ значительно отличаются отъ таковыхъ же нашего времени. Но это также мало доказываетъ отсутствіе общеобязательныхъ этическихъ нормъ, какъ постоянная смѣна научныхъ воззрѣній и теорій не доказываетъ необязательности логическихъ законовъ мышленія. Мнѣніе Бокля, что моральныя ученія почти не испытываютъ перемѣнъ въ исторіи, конечно, несправедливо, но оно меньше противорѣчитъ фактамъ, чѣмъ утвержденіе Энгельса, что не только каждая историческая эпоха, но даже каждая профессіональная группа людей имѣетъ свою особую мораль.

У каждаго общественнаго класса есть свои особые экономическіе интересы, въ извѣстной мѣрѣ противоположные интересамъ другихъ классовъ. Но нравственное сознаніе далеко не совпадаетъ съ сознаніемъ классовыхъ интересовъ. Сущность нравственнаго одобренія или порицанія заключается въ томъ, что извѣстное дѣйствіе признается хорошимъ или дурнымъ ради него самого, не какъ средство къ какой-либо иной цѣли. Такимъ образомъ возникаетъ представленіе о нравственномъ долгѣ. Классовые интересы могутъ до такой степени затемнять нравственное сознаніе, что человѣкъ начинаетъ признавать ихъ самихъ за этическую норму; но и въ этомъ случаѣ они пріобрѣтаютъ нравственную санкцію не въ качествѣ классовыхъ интересовъ, а въ качествѣ выраженія нравственнаго долга. Формальный принципъ долга стоитъ, слѣдовательно, выше всѣхъ классовыхъ различій и въ признаніи этого принципа, нравственнаго долга, какъ таковаго, сходятся всѣ люди съ нравственнымъ сознаніемъ, безъ различія классовъ и профессій. «Отдѣльные виды долга могутъ быть эмпирически обусловлены, но сознаніе долга вообще есть сознаніе a priori, т.-е. оно не можетъ быть обосновано эмпирическимъ путемъ и, наоборотъ, само обосновываетъ возможность различныхъ видовъ долга, получающихъ свое эмпирическое содержаніе отъ эмпирическихъ условій» *).

Понятіе сознательной классовой морали заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ сущность морали въ томъ и заклю-

---

*) Windelband. „Präludien“, стр. 325.

чается, что не своекорыстный интересъ, а долгъ признается закономъ поведенія. Теорія господства классовыхъ интересовъ такъ же неспособна объяснить основной этическій фактъ сознанія долга, какъ она безсильна объяснить общеобязательность законовъ мышленія. Въ сущности, послѣдовательное проведеніе классовой точки зрѣнія равносильно упраздненію какъ морали, такъ и объективной науки.

Но теорія классовыхъ интересовъ противорѣчитъ очевиднѣйшимъ образомъ и фактамъ эмпирическаго содержанія нравственнаго сознанія. Нравственныя сужденія различныхъ народовъ, дѣйствительно, различны, но эти различія несомнѣнно уменьшаются по мѣрѣ прогресса общества. Чѣмъ выше ступень развитія, тѣмъ болѣе единообразія въ моральныхъ оцѣнкахъ. Существуетъ опредѣленное направленіе развитія морали и это насъ убѣждаетъ въ реальности единой общеобязательной морали, независимой отъ историческихъ условій времени и мѣста. Уже Демокритъ сказалъ, что «кто несправедливо поступаетъ, несчастнѣе того, кто испытываетъ несправедливость» *), а категорическій императивъ Канта формулированъ почти тѣми же словами въ Ведантѣ **). Со времени Евангелія между цивилизованными народами не существуетъ разногласія относительно того, что считать нравственно хорошимъ и дурнымъ. 19 столѣтій всесторонняго прогресса не дали въ этомъ отношеніи ничего новаго.

Этическія нормы могутъ имѣть весьма ограниченное значеніе въ качествѣ побудительныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія. Но какъ бы безсильны онѣ ни были, все же ихъ нельзя устранить изъ соціальной дѣйствительности и имъ нужно дать научное объясненіе. А такъ какъ теорія классовыхъ интересовъ исполнить этого не можетъ, то она принуждена отрицать самый фактъ существованія внѣклассовой морали. Но факты сильнѣе всякой теоріи.

Столь же мало можетъ быть объяснена классовыми интересами и религія, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ моралью Чувство благоговѣнія, являющееся психологической основой религіознаго настроенія, не основано на практическомъ интересѣ и принадлежитъ къ элементарнымъ чувствамъ человѣческаго духа. Конечно, классовое строеніе общества оказываетъ вліяніе на господствующія въ обществѣ религіозныя вѣрованія, равно какъ и на его нравы. Въ этомъ марксизмъ совершенно правъ; но сторонники ученія о классовой борьбѣ заблуждаются относительно характера этого вліянія, которое состоитъ не въ замѣнѣ въ человѣческомъ сознаніи морали и религіи классовымъ интересомъ, но въ зависимости конкретнаго содержанія религіи и морали отъ экономическихъ условій жизниданныхъ общественныхъ

*) Wundt. „Ethik“, I, стр. 188.

**) Ср. Спенсеръ. „Основанія этики“, 1899 г., стр. 25.

группъ. Такъ, напр., тотъ фактъ, что христіанская религія была прежде всего воспринята бѣднѣйшими классами римскаго общества, несомнѣнно объясняется экономическимъ положеніемъ этихъ классовъ. Можно согласиться съ Ницше, что христіанство было «возстаніемъ рабовъ въ области морали». Но Ницше идетъ гораздо дальше и утверждаетъ, что не любовь къ людямъ, а классовая вражда бѣдныхъ къ богатымъ явилась основой первоначальнаго христіанства *). Въ этомъ Ницше безусловно неправъ, такъ какъ хотя угнетенные и страдающіе естественно были болѣе склонны къ принятію новой религіи любви, чѣмъ ихъ угнетатели, это не значитъ, чтобы новая религія явилась для нихъ средствомъ классовой борьбы. Никакой классовой интересъ не былъ совмѣстимъ съ тѣмъ высокимъ религіознымъ воодушевленіемъ, которое побуждало первыхъ христіанъ презирать не только всѣ личныя выгоды, но и самую смерть.

Еще менѣе примѣнима классовая точка зрѣнія къ оцѣнкѣ явленій искусства. Эстетическія сужденія людей находятся въ сильной зависимости отъ условій жизни этихъ людей, а слѣдовательно и отъ принадлежности ихъ къ тому или иному общественному классу. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что каждый классъ имѣетъ свое искусство. Богатые и образованные классы находятъ нерѣдко безвкуснымъ то, что нравится болѣе бѣднымъ и невѣжественнымъ. Но хоть вкусы и различны, все же область эстетики подчиняется своимъ законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ классовыми интересами. Какъ превосходно разъяснилъ Кантъ, сущность прекраснаго въ томъ, между прочимъ, и заключается, что предметъ, признаваемый нами прекраснымъ, признается нами таковымъ не только для насъ, но и для всѣхъ безъ различія. Въ этомъ различіе прекраснаго отъ просто пріятнаго. Поэтому, можно спорить о томъ, прекрасно данное произведеніе искусства или нѣтъ, но нельзя спорить, нравится ли оно намъ или нѣтъ. Утверждая существованіе особой эстетической способности «вкуса», которой отдѣльные люди одарены далеко не въ одинаковой степени, мы утверждаемъ общеобязательность эстетическихъ сужденій, подобно общеобязательности этическихъ и логическихъ сужденій. Эмпирическимъ доказательствомъ неизмѣнности законовъ изящнаго является то, что произведенія древняго искусства, напр., античныя статуи, несмотря на прошедшія тысячелѣтія, продолжаютъ вызывать наше восхищеніе **).

Такимъ образомъ ученіе о господствѣ классовыхъ интересовъ совершенно безсильно объяснить истинную сущность морали, религіи,

---

*) Ср. Nietzsche. „Zur Genealogie der Moral". Nietzsche's Werke. III, стр. 326 и слѣд.

**) Ср. Kant. „Kritik der Urteilskraft", I, § 6—8.

искусства и науки, ибо классовой интересъ не составляетъ критерія добра, истины и красоты. Человѣческая исторія есть нѣчто несравненно болѣе высокое, чѣмъ простая борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни.

III.

Есть два рода соціальныхъ движеній. Одни носятъ рѣзко классовой характеръ, въ другихъ классовой характеръ выраженъ слабо. Въ новѣйшей соціальной исторіи движенія перваго рода играютъ большую роль, чѣмъ вторыя; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣднія можно было совсѣмъ игнорировать. Примѣромъ движеній этого послѣдняго рода можетъ служить новѣйшее кооперативное движеніе, которое рядомъ съ политическимъ движеніемъ соціалъ-демократіи и трэдъюніонизмомъ образуетъ третью мощную вѣтвь современнаго рабочаго движенія.

Два послѣднихъ движенія носятъ рѣзкій классовый отпечатокъ и входятъ въ составъ великой классовой борьбы новаго времени; иной характеръ имѣетъ кооперативное движеніе, которое является грандіознымъ опытомъ, если не мирнаго рѣшенія соціальнаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, мирнаго содѣйствія этому рѣшенію. Современный соціализмъ есть, въ общемъ, классовое движеніе, но все же не безъ существенныхъ ограниченій. Великіе утописты — Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье—не призывали къ борьбѣ классовъ и были глубоко убѣждены, что коренное преобразованіе капиталистическаго строя совершится не путемъ ожесточенной борьбы, а солидарной и мирной работы всѣхъ классовъ общества. Фурье всю жизнь прождалъ миѳическаго капиталиста, который долженъ былъ принести ему милліонъ для устройства перваго фаланстера, Оуэнъ былъ самъ милліонеромъ и дѣлалъ неудачные опыты создать ассоціацію будущаго посреди мрачнаго капиталистическаго міра нашего времени, сенъ-симонисты были проникнуты тѣми же стремленіями и надеждами. Все это могло быть крайне утопично, но фактъ остается фактомъ, что эти утописты были основателями ученія современнаго соціализма, выросшаго, слѣдовательно, не изъ классовыхъ интересовъ порабощенныхъ народныхъ массъ, но изъ чуждаго личной заинтересованности стремленія немногихъ благородныхъ людей создать лучшій общественный строй. Историческая мощь новаго соціальнаго идеала основывается не только на его соотвѣтствіи классовымъ интересамъ рабочихъ, но и на его соотвѣтствіи моральнымъ идеямъ нашего времени, признавшаго равноцѣнность каждой человѣческой личности.

Среди сторонниковъ этого идеала рабочіе, конечно, преобладаютъ. Но хотя изъ образованныхъ (а слѣдовательно достаточныхъ) клас-

совъ выходитъ немного искреннихъ друзей новаго идеала, эти немногіе играютъ въ движеніи роль, далеко не соотвѣтствующую ихъ ограниченной численности. Изъ рядовъ интеллигенціи выходятъ вожди движенія—Марксъ, Лассаль, Энгельсъ, Либкнехтъ принадлежали по рожденію и воспитанію къ буржуазному обществу. Для самаго новѣйшаго времени особенно характерно значительное распространеніе симпатіи къ рабочему движенію среди представителей имущихъ классовъ. Примѣромъ могутъ служить англійскіе фабіанцы.

Огромное значеніе этой коопераціи рабочихъ массъ съ представителями интеллигенціи, симпатіи которыхъ къ рабочимъ не могутъ основываться на классовой заинтересованности, не отрицается и марксистами. «Интеллигенція, — говоритъ Каутскій, — есть общественный слой, который всего легче приходитъ къ тому, чтобы возвысится надъ классовой и сословной ограниченностью, проникнуться идеалистическими порывами и явиться выразителемъ не временныхъ и обособленныхъ интересовъ, а постоянныхъ интересовъ всего общества въ его совокупности» *).

Нельзя подвергать сомнѣнію вліяніе классовой борьбы на соціальное законодательство XIX вѣка, но нельзя и признавать названное законодательство продуктомъ только этой борьбы. Самыя важныя завоеванія въ этой области были достигнуты отнюдь не самостоятельными усиліями рабочихъ классовъ. Такъ, отмѣна законовъ противъ коалицій въ Англіи въ 1824 г. не стоитъ въ прямой связи съ какимъ бы то ни было рабочимъ движеніемъ, направленнымъ къ этой цѣли. Френсисъ Плэсъ, зажиточный хозяинъ портняжнаго заведенія въ Лондонѣ, неутомимой энергіи котораго англійскіе рабочіе всего болѣе обязаны закономъ 1824 г., принадлежалъ къ числу буржуазныхъ радикаловъ, былъ ученикомъ Бентама и Джемса Милля и добивался свободы рабочихъ союзовъ не для того, чтобы помочь ихъ развитію, а, наоборотъ, для того, чтобы путемъ широкой свободы сдѣлать невозможнымъ ихъ возникновеніе. Плэсъ, безъ сомнѣнія, былъ искреннимъ другомъ рабочихъ, но благо ихъ онъ усматривалъ не въ классовой организаціи, а въ неограниченной индивидуальной свободѣ. Онъ совершенно заблуждался относительно практическихъ послѣдствій достигнутой имъ отмѣны законовъ противъ коалицій. **) Рабочіе же не оказали большой поддержки Плэсу и только послѣ изданія закона 1824 г. поняли значеніе послѣдняго. «Хотя рабочіе ничего не сдѣлали, чтобы достгнуть свободы союзовъ, они были исполнены твердой рѣшимости не допустить возобновленіе запретительныхъ законовъ», говорятъ С. и Б. Веббъ ***).

---

*) „Bernstein und das socialdemokratisches Programm", стр. 133.

**) Ср. Sidney und Beatrice Webb. „Die Geschichte des Britichen Trade-Unionisme". Пер. Бернштейна; 1895. стр. 85.

***) Тамъ же, стр. 83.

Безъ этого свобода союзовъ продержалась бы недолго. Но несомнѣнный фактъ, что отмѣна запретительныхъ законовъ была непосредственно завоевана не рабочими, а радикалами изъ буржуазіи.

Фабричное законодательство въ еще меньшей степени можетъ считаться созданіемъ классоваго рабочаго движенія. Въ рядахъ первыхъ вождей движенія въ пользу законодательной охраны труда мы встрѣчаемъ представителей самыхъ различныхъ классовъ общества—только не рабочихъ. Ричардъ Остлеръ, наиболѣе выдающійся и вліятельный вождь агитаціи въ пользу десятичасового рабочаго дня, былъ состоятельнымъ фермеромъ и называлъ себя старымъ тори, защитникомъ трона и алтаря. Этотъ благородный человѣкъ, затратившій нѣсколько десятковъ лѣтъ своей жизни на борьбу съ чрезмѣрной продолжительностью рабочаго дня на фабрикахъ и умершій въ крайней бѣдности, всѣми забытый и покинутый, является типомъ прирожденнаго человѣколюбца, какъ и другой великій борецъ за фабричное законодательство, Робертъ Оуэнъ. Таковъ же былъ и вліятельный рабочій вождь 30-хъ годовъ—методистскій пасторъ Стефенсъ *). Всѣ эти люди, какъ и многіе другіе, стоявшіе во главѣ движенія въ пользу фабричнаго законодательства, не были рабочими—побудительнымъ мотивомъ ихъ дѣятельности была не вражда къ богатымъ, а любовь къ бѣднымъ. Рабочій классъ въ теченіе долгаго времени оставался совершенно холоденъ къ агитаціи въ пользу законодательнаго сокращенія рабочаго дня и только послѣ многихъ лѣтъ неутомимой дѣятельности иниціаторовъ движенія примкнулъ къ нимъ и доставилъ имъ побѣду.

Всѣмъ этимъ я не думаю отрицать того, что центръ тяжести соціальной исторіи новаго времени лежитъ въ классовой борьбѣ. Хотя соціальная исторія состоитъ не только изъ борьбы классовъ, но именно классовая борьба играетъ въ наше время рѣшающую роль. Отнюдь не простая случайность, что ученіе о борьбѣ классовъ пріобрѣло такую популярность какъ разъ въ послѣднія десятилѣтія. Дѣло въ томъ, что именно господствующій нынѣ хозяйственный строй—капиталистическій—въ высшей степени содѣйствуетъ обостренію классовой борьбы.

Капитализмъ сдѣлалъ борьбу основой хозяйственной жизни. Необезпеченность существованія всѣхъ общественныхъ классовъ чрезвычайно возросла при капиталистическомъ способѣ производства; въ то же время капитализмъ открылъ рабочему классу дорогу къ улучшенію его экономическаго положенія путемъ организованной борьбы съ классомъ капиталистовъ - предпринимателей. Что касается до имущихъ классовъ, то только капитализмъ далъ полный просторъ развитію

---

*) О вождяхъ движенія въ пользу фабричнаго законодательства см. Alfred. „The History of the Factory Movement".1857.

жажды богатства, такъ какъ лишь капиталистическій способъ производства сдѣлалъ возможнымъ и даже необходимымъ по условіямъ конкуренціи неограниченное накопленіе богатства путемъ накопленія капитала.

Неудивительно, что именно въ наше время экономическіе интересы выступаютъ на первый планъ исторической сцены. Ни въ какую предшествующую историческую эпоху политическая исторія не носила такого рѣзкаго экономическаго отпечатка, никогда классовая борьба не была такъ интенсивна и упорна, какъ при господствѣ капиталистическаго способа производства. «Со времени распространенія крупной промышленности, т.-е., по крайней мѣрѣ, со времени европейскаго мира 1815 г., въ Англіи не могло быть ни для кого тайной, что вся англійская политическая жизнь вертится вокругъ борьбы за господство двухъ классовъ—землевладѣльческой аристократіи и буржуазіи. Во Франціи тотъ же фактъ обнаружился со времени возвращенія Бурбоновъ; историки эпохи реставраціи, отъ Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно говорятъ объ этой борьбѣ, какъ о ключѣ къ пониманію французской исторіи со времени среднихъ вѣковъ. И съ 1830 г. третьимъ участникомъ этой борьбы въ обѣихъ странахъ признается рабочій классъ, пролетаріатъ. Отношенія такъ упростились, что нужно было умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть въ борьбѣ этихъ трехъ классовъ и въ противоположности ихъ интересовъ движущую силу современной исторіи, по крайней мѣрѣ въ обѣихъ названныхъ наиболѣе передовыхъ странахъ» *).

Въ прежнее время было много другихъ объектовъ соціальной борьбы, кромѣ богатства. Пока политическія права были привилегіей господствующихъ классовъ, пока народная масса была лишена даже гражданской свободы, до тѣхъ поръ борьба за политическую равноправность могла заслонять борьбу за экономическіе интересы. Поэтому, въ политической исторіи прошлаго не такъ легко открыть вліяніе чисто хозяйственныхъ классовыхъ интересовъ. Политическіе интересы нерѣдко доминируютъ и оставляютъ въ тѣни интересы экономическаго порядка. Послѣ великой французской революціи и послѣдовавшихъ затѣмъ политическихъ потрясеній въ Западной Европѣ положеніе мѣняется. Политическая и правовая равноправность всѣхъ классовъ общества была болѣе или менѣе достигнута; но экономическое неравенство не только осталось, но даже усилилось, благодаря колоссальному росту богатства немногихъ и лишь относительно незначительному уменьшенію бѣдности народныхъ массъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было концентрированіе соціальной борьбы вокругъ экономическаго неравенства; борьба за хозяйственные классовые интересы стала важ-

*) Engels. „Ludwig Feuerbach“ стр. 47.

нѣйшимъ содержаніемъ соціальной исторіи каждаго капиталистическаго государства.

Вотъ почему именно въ наше время экономическіе интересы пріобрѣли въ соціальной исторіи такое значеніе. Конечно, и теперь исторія не исчерпывается классовой борьбой, ибо въ высшихъ областяхъ духовной жизни человѣчества классовой интересъ не играетъ роли. Но то, что называютъ соціальной исторіей, т.-е. исторія взаимныхъ отношеній различныхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ слагается политически организованное общество, опредѣляется, со времени распространенія капиталистическаго способа производства, больше, чѣмъ когда-либо раньше, борьбой классовъ.

И въ то же время современное общество гораздо свободнѣе отъ подчиненія матеріальному моменту хозяйства, чѣмъ общество прежнихъ временъ. Капиталистическое общество менѣе зависитъ отъ матеріальныхъ факторовъ хозяйства потому, что капитализмъ во много разъ повысилъ производительность общественнаго труда и этимъ уменьшилъ зависимость человѣчества отъ внѣшней природы. На первыхъ ступеняхъ развитія соціальный строй былъ пассивнымъ продуктомъ матеріальныхъ факторовъ хозяйства; теперь же эти послѣдніе становятся все въ большей степени продуктомъ человѣческаго общества.

Такимъ образомъ, новѣйшее историческое развитіе одновременно увеличило значеніе хозяйственнаго интереса, какъ сознательнаго мотива общественнаго поведенія среди другихъ сознательныхъ мотивовъ, и въ то же время значительно уменьшило значеніе матеріальныхъ факторовъ хозяйства, какъ опредѣляющаго момента общественнаго строя. Это показываетъ всего лучше, какъ ошибочно смѣшивать оба эти момента—субъективный и объективный, хозяйственный мотивъ и объективныя условія хозяйства. Матеріалистическое пониманіе исторіи видитъ въ матеріальныхъ факторахъ хозяйства опредѣляющую причину общественнаго развитія; я считаю эту теорію отчасти вѣрной—чтобы быть совсѣмъ вѣрной, она требуетъ, по моему мнѣнію, одного, но весьма существеннаго, ограниченія: признанія того, что преобладающая роль матеріальныхъ условій хозяйства въ общественномъ развитіи уменьшается по мѣрѣ хода послѣдняго. Ученіе о классовой борьбѣ утверждаетъ, что мотивъ хозяйственнаго интереса является господствующимъ въ общественной жизни и что борьба общественныхъ группъ за средства къ жизни образуетъ собой важнѣйшее содержаніе исторіи. Это второе ученіе, очевидно, не находится въ неразрывной логической связи съ первымъ. Опредѣляющая роль въ общественной жизни матеріальныхъ условій хозяйства вовсе не должна съ роковой неизбѣжностью превращаться въ человѣческомъ сознаніи въ господство хозяйственнаго интереса, такъ какъ человѣкъ и безсознательно для себя

подчиняется вліянію условій хозяйства. Поэтому принятіе перваго ученія отнюдь не требуетъ принятія и второго.

Что же касается до этого послѣдняго—ученія о классовой борьбѣ—то оно исходитъ изъ ложныхъ психологическихъ предпосылокъ и противорѣчитъ реальнымъ фактамъ исторіи. Прежде всего, общественныя группы борятся не только за средства къ жизни, но также и за власть; затѣмъ, борьба общественныхъ группъ не исчерпываетъ всего содержанія исторіи, ибо сфера дѣйствія этой борьбы не захватываетъ важнѣйшихъ областей духовной дѣятельности человѣка. Хозяйственные интересы различныхъ классовъ, дѣйствительно, находятся между собой въ непримиримомъ антагонизмѣ. Но такъ какъ хозяйственный интересъ не есть единственный интересъ человѣческой жизни, то и противоположность экономическихъ интересовъ не приводитъ къ антагонистическому строю всей соціальной жизни. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что ученіе о классовой борьбѣ есть неправильное распространеніе на всю область исторіи человѣчества нѣкоторыхъ соображеній, вѣрныхъ по отношенію къ гораздо болѣе узкому кругу явленій. Конечно, нельзя отрицать важности, по отношенію какъ къ нашему времени, такъ и къ предшествовавшимъ историческимъ эпохамъ, момента классовой борьбы; слѣдуетъ даже согласиться, что въ новѣйшее время значеніе этого соціальнаго момента весьма значительно возросло. Но ни теперь, ни раньше исторія человѣческаго общества не была исторіей только борьбы классовъ, и противоположное утвержденіе Маркса и Энгельса слѣдуетъ признать величайшей ошибкой.

М. Туганъ-Барановскій.

ВЪ АВГУСТОВСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Капустинъ, Андрей Михайловичъ, 35 лѣтъ, инженеръ, толстый, съ плѣшью, небольшая борода.

Сонечка, вышивальщица въ гладь, 28 лѣтъ, маленькая, тоненькая. У нея звонкій голосъ.

Софья Михайловна, дочь квартирной хозяйки, 35 лѣтъ, некрасивая, худощавая высокая.

Горничная.

Комнатка во второмъ этажѣ. Окна раскрыты. Доносится уличный шумъ. Направо столъ, кресло, два стула. У стѣны желѣзная кровать, завѣшанная бѣлой занавѣсью. На лѣвомъ планѣ у стѣны книжный шкафчикъ; на нижнихъ полкахъ посуда. Рядомъ небольшой столикъ съ бездѣлушками и горшочекъ съ искусственными цвѣтами. У лѣвой стѣны комодъ, надъ нимъ зеркало; рядомъ кушетка. На кушеткѣ пяльцы разныхъ размѣровъ. У стола скамеечка для ногъ и коврикъ. По стѣнамъ фотографическія карточки вѣеромъ и оваломъ. Дверь въ комнаты хозяйки съ правой стороны, съ лѣвой выходная дверь. Августовскій вечеръ. Софья Михайловна вноситъ зажженную лампу, ставитъ на столъ и выходитъ. Слышенъ звонъ замка у выходной двери и женскій смѣхъ. Входятъ Капустинъ и Сонечка. Онъ въ темно-сѣромъ костюмѣ, въ соломенной шляпѣ. Она въ дешевенькомъ платьѣ. Сквозь матерію просвѣчиваются голыя руки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Капустинъ. Вы высоко забрались (*снимаетъ шляпу, переводитъ духъ*).

Сонечка. Да. Но я привыкла. Сядьте въ кресло, Андрюша. Вы не разсердитесь, что я васъ попрежнему буду называть? (*Тихо смѣется*). Андрюша!

Капустинъ (*пожимаетъ ей руки*). Что вы, что вы!

(*Она снимаетъ шляпку и подходитъ къ зеркалу*).

Сонечка (*полуобернувшись*). Узнаете кресло, Андрюша? Вѣдь это то, которое вамъ когда-то такъ нравилось...

Капустинъ (*осматриваетъ кресло съ волненіемъ*). Неужели это то самое?

Сонечка. Оно. Старушка мое кресло. Четырнадцать лѣтъ (*повторяетъ раздѣльно*), че-тыр-над-цать лѣтъ! Мама подарила его мнѣ, когда я перешла въ пятый классъ. Какъ теперь помню, когда его принесли. А черезъ годъ я съ вами познакомилась... у Ани, помните?

Капустинъ (*съ гримасой, нехотя*). Да, да, вспоминаю...

Сонечка. А вотъ тогда нельзя было предвидѣть, что я выйду изъ шестого класса, стану вышивальщицей (*обрывается*). Будете чай пить? Будете, будете! Боже мой, я такъ счастлива, такъ рада видѣть васъ... Я въ себя не могу придти. Сколько лѣтъ мы не встрѣчались? (*Считаетъ вполголоса*). Пять лѣтъ жила у Парамоновыхъ на Подмосковной, два года у Варвары Михайловны, да здѣсь пятый годъ. Боже мой, двѣнадцать лѣтъ! И вдругъ мы сталкиваемся на улицѣ. Я глазамъ не вѣрила, я и теперь не вѣрю. Это вы, Андрюша, вы вы? Дайте на васъ посмотрѣть. (*Подбѣгаетъ къ нему и внимательно смотритъ. Онъ радостно улыбается*). Да, да, это вы, та же улыбка. (*Грустно*). Но какъ вы постарѣли, бѣдный, милый Андрюша. Ай, ай, совсѣмъ почти волосъ нѣтъ на головѣ. И потолстѣли. Въ вискахъ, въ бородѣ сѣдые волосы. Нѣтъ уже прекрасной свѣтлой шевелюры.

Капустинъ (*сосредоточенно*). Мнѣ тридцать пять лѣтъ. И что пережито за это время, сколько пережито! Знаете, Сонечка, если бы мнѣ предложили снова начать съ дѣтства, переживать юность, старшіе годы, вѣдь я не согласился бы, нѣтъ, не согласился. Ну ее эту молодость, не люблю я молодости. Что въ ней хорошаго? Не нужно мнѣ шевелюры, не хочу я огня въ крови... (*Молчаніе*). И вы перемѣнились! Голосъ все тотъ же, какъ у актрисы, и смѣхъ, но.. уже не голубая дѣвушка.

Сонечка (*дрожащимъ голосомъ*). Андрей Михайловичъ, дорогой Андрюша...

Капустинъ (*сердечно*). Я ничего не говорю, нѣтъ, ничего...

Сонечка. Нѣтъ, нѣтъ, говорите, мнѣ пріятно. Каждое воспоминаніе вызываетъ такое радостное томленіе въ душѣ, такое умиленіе, и слезы дрожатъ въ сердцѣ... Боже мой, мнѣ пріятно, вѣрьте, вѣрьте, мнѣ пріятно. Подождите, я вамъ что-то покажу. (*Бѣжитъ къ комоду, роется, достаетъ альбомъ*). Посмотрите, узнаете? Кто это?

Капустинъ (*волнуется, смѣется*). Это вы, Сонечка! Узнаю даже платье... голубое. (*Разсматриваетъ, не отрываясь*). Какой славный, ясный взглядъ! (*Съ сожалѣніемъ*). И я въ васъ не былъ влюбленъ?

Сонечка. Нѣтъ, нѣтъ! А это кто?

Капустинъ. Откуда она у васъ? Вѣдь это я! Какъ къ вамъ попала моя карточка? Мнѣ было двадцать лѣтъ. Ужели это я? Какіе славные волосы...

Сонечка. Помните, какъ вы дразнили насъ? Придете, усядетесь и нарочно не снимаете фуражки съ головы.

Капустинъ (*умоляюще*). Не говорите «насъ»...

Сонечка (*торопливо и со вздохомъ*). Не буду, не буду... А помните, какъ вы насъ... меня изъ каприза, изъ юношескаго упрямства оставили ночью на улицѣ подлѣ парка? Мы ждали, ждали, обѣ были увѣрены, что вы вернетесь, но вы не вернулись.

Капустинъ. Я пошелъ домой,—какъ это все живо въ памяти! У отца въ то время дѣла запутались, дома всегда было недовольство, дрязги... Въ этотъ самый вечеръ отецъ послѣ жестокой ссоры съ матерью признался, что разорился. Мать плакала, сестра плакала. Вы не повѣрите, до чего легкомысленно я тогда принялъ это извѣстіе!

Сонечка. Мы ничего не знали. На утро вы пришли ко мнѣ и все время молча сидѣли въ этомъ креслѣ. Потомъ пришла Аня...

Капустинъ (*умоляюще*). Не вспоминайте же о ней, ради Бога!

(*Пауза*).

Сонечка. Однако, надо чай пить. Я сейчасъ устрою это, а вы пока альбомъ просмотрите (*подходитъ къ двери и оборачивается*). Андрюша! Неужели Андрюша? Милый, добрый, славный...

(*Онъ киваетъ ей головой. Разсматриваетъ альбомъ. Вынулъ карточку, читаетъ на оборотѣ: «дорогой Сонечкѣ отъ любящей ее Ани на память». Вздохнулъ. Неслышно открывается дверь и входитъ Софья Михайловна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Софья Михайловна. Ахъ, извините!

Капустинъ (*вѣжливо*). Пожалуйста.

Софья Михайловна. Я не знала, что у Сонечки гости. Извините, извините! (*Идетъ на цыпочкахъ къ шкафчику. Чуть подпрыгиваетъ. Оглядывается на Капустина. Ищетъ книжку*). Куда же это книга дѣвалась? Вотъ она! Нѣтъ, не та.

Капустинъ. Можетъ быть, эта? (*Подаетъ ей книжку со стола*).

Софья Михайловна. Эта самая. Благодарю васъ. (*Перелистываетъ книгу*). Я... дочь хозяйки этой квартиры... Сонечка меня любитъ. Меня тоже зовутъ Соней... Софьей Михайловной...

Капустинъ. Очень радъ познакомиться. Андрей Михайловичъ Капустинъ.

(*Пауза*).

Капустинъ. Какой чудесный августовскій вечеръ!

Софья Михайловна. Шпильгагенъ бы началъ романъ такъ: «Въ августовскій вечеръ» ... (*Несмѣло смѣется*).

Капустинъ. Вы любите Шпильгагена?

Софья Михайловна. Шпильгагена?.. Вы разсматривали альбомъ? (*Несмѣло*). Мы съ Сонечкой часто разсматриваемъ карточки и мечтаемъ. Мамаша тоже и всѣ мечтаемъ...

Капустинъ. Всѣ любятъ мечтать.

Софья Михайловна. Мужчины не любятъ... (*Послѣ молчанія*). У насъ въ домѣ никогда не бываетъ мужчинъ и я удивлена...

Голосъ изъ комнаты. Соня!

Софья Михайловна. Я сейчасъ, мамаша.

Капустинъ. Я старый знакомый Сонечки.

Софья Михайловна. Да? Какъ это пріятно. Очень рада, очень, очень. Но... я помѣшала...

Капустинъ. Помилуйте, нисколько.

Софья Михайловна. Я помѣшала. Я не могу оставаться больше, не умоляйте меня. Хотѣла бы, но не могу. Извините! Очень прошу,—извините.

(*Входитъ Сонечка*).

Софья Михайловна. Я за книжкой зашла, Сонечка. Я ухожу. Извините, извините... (*Жеманно кланяется и выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Капустинъ. Какая странная дѣвушка!

Сонечка. Она несчастная, Андрюша, несчастная. Ей за тридцать пять, съ шестнадцати лѣтъ мечтаетъ о замужествѣ, никогда у нея не было романа, но все еще вѣритъ, все еще ждетъ...

Капустинъ. Бѣдная дѣвушка! Какая тяжелая жизнь должна быть у нея.

Сонечка. Ни у кого не легче, Андрюша,—всѣмъ худо, всѣмъ тяжело, дорогой мой...

Капустинъ. Мнѣ, Сонечка, хотѣлось спросить у васъ, гдѣ ваша мать, сестра?..

Сонечка (*холодно*). Мамаша умерла еще пять лѣтъ тому назадъ. Сестра замужъ вышла за лавочника, она вѣдь только объ этомъ мечтала, и я теперь одинокая, совершенно. Могу сдѣлать съ собой, что хочу... даже отравиться. (*Послѣ молчанія*). Но не отравишься!

Капустинъ. Какія глупости!

Сонечка. Не глупости. Тутъ не до глупостей... Сейчасъ будетъ чай съ вареньемъ,—угадайте съ какимъ?

Капустинъ. Со смородинымъ. Какъ вы все помните. Я начинаю забывать, что прошло двѣнадцать лѣтъ, что я толстый, лысый, что теперь разъѣзжаю по порученію директора завода. Чѣмъ больше всматриваюсь въ васъ, тѣмъ больше узнаю дѣвушку въ голубомъ съ голосомъ актрисы, которую такъ любилъ Ивановъ

и... Аня. Право, вы не перемѣнились. Если хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе, надѣньте голубое платье.

Сонечка (*смѣется*). Вы хотите? Въ самомъ дѣлѣ? Удивительно славно, удивительно хорошо, что встрѣтила васъ. Милый вы! Свѣтлое воспоминаніе моей юности!.. Но и вы тотъ же. Правда, толстый, лысый, глаза выцвѣли, но все тотъ же ласковый голосъ, тѣ же жесты... Надѣньте шляпу... (*Даетъ ему шляпу*). Ну да, вы тотъ же! (*Всплескиваетъ руками*). Какъ жаль, какъ невыносимо жаль, что все это прошло и больше не вернется... Теперь мы старые, ненужные, увядшіе...

Капустинъ (*задумчиво*). Да, явилась на смѣну другая молодежь. Помните, какъ любилось говорить много, много, мечтать вслухъ много, много, какіе-то замки стояли всегда передъ глазами... Все хотѣлось перестроить, передѣлать, и какая пылкая вѣра была въ груди... А теперь не то... И сердце такъ бьется нехорошо, печально, и чего-то стыдно, обидно! Вы не разсердитесь, Сонечка? Куда Ивановъ дѣвался? И ничѣмъ не кончилась ваша любовь? Представьте,—когда я иногда вспоминалъ о васъ, то думалъ, что вы замужемъ за нимъ и дѣти у васъ, непремѣнно дѣвочки... въ голубомъ. (*Смѣется тихо*).

Сонечка (*грустно*). Ивановъ!.. Я не хотѣла бы вспоминать о немъ. Я не обвиняю его, Андрюша, нѣтъ, не сержусь...

Капустинъ. Онъ все еще здѣсь?

Сонечка. Здѣсь... онъ разбогатѣлъ... извѣстный адвокатъ. Помните его, когда онъ былъ студентомъ? Бѣдный, по недѣлямъ голодалъ, но милый, милый, деликатный, и вотъ та же вѣра нѣжная, дивная, какой теперь не встрѣтишь въ человѣкѣ. Сейчасъ послѣ вашего отъѣзда онъ получилъ урокъ въ богатомъ домѣ и... больше я его не видала у себя... Вотъ говорила про отраву, какой удачный былъ моментъ, но не отравишься...

Капустинъ (*пожимаетъ ей руки*). Бѣдная вы, хорошая...

Сонечка. Правда, правда? И вѣдь такія сердца у людей. Никого не умолишь, никого не упросишь... А вы женаты?

Капустинъ. Нѣтъ, я не женился... не вышло.

Сонечка. А Аню забыли? Я спрашиваю, но не сердитесь, дорогой мой! Вѣдь только мы одни знаемъ нашу прошлую жизнь... Посмотрите, кругомъ насъ міръ людей, но онъ мертвый и только человѣчески близкіе, безкорыстно близкіе я да вы. Мы двое; насъ двое въ цѣломъ мірѣ и только мы можемъ плакать другъ о другѣ. Мы поймемъ, мы не обольемъ ненавистью другъ друга...

Капустинъ. Я Аню забылъ. Мертвыя забываются. Знаете ли вы о томъ, что я три года назадъ сдѣлалъ ей предложеніе...

Сонечка (*опустивъ голову*). Знаю, знаю...

Капустинъ. Я былъ кругомъ передъ ней виноватъ. Теперь

страшно вспомнить, какъ она рожала гдѣ-то тайно, замученно, а тогда ничего... Нѣтъ, не хотѣлъ бы я снова переживать молодость! Идеалы, настоящіе идеалы приходятъ поздно и лишь въ зрѣломъ возрастѣ истинно становишься благородно чувствующимъ, чуткимъ... Теперь я идеалистъ!.. Когда я уѣзжалъ, я уже не любилъ ее. Какъ разъ въ тотъ годъ появился романъ Толстого «Воскресеніе», и какъ это ни смѣшно, онъ перевернулъ мою душу... Какъ это ни смѣшно, онъ пристыдилъ меня!

Сонечка. Это не смѣшно, дорогой мой, о, это не смѣшно!..

Капустинъ. Какъ трудно побѣдить въ себѣ звѣря, жестокаго, холоднаго звѣря. Я цѣлый годъ терзался, пока рѣшился,—но было поздно... я опоздалъ.

Сонечка (*тихо*). Она васъ любила безумно! Она умерла отъ любви къ вамъ.

Капустинъ. Ну вотъ видите, видите... Вы говорите, юность, молодость! Будь она проклята эта безумная, безжалостная молодость! Въ ней есть благородство, но сколько подлости таится въ ея эгоизмѣ.. Въ годъ моего воскресенія я до боли осязалъ зло, отравляющее жизнь. У меня явилась манія. Мнѣ казалось и, можетъ быть, я теперь вѣрю, что зло произрастаетъ въ юныхъ, въ молодыхъ сердцахъ, вотъ въ этихъ, въ комъ пылкая вѣра, въ перестроителяхъ... Не говорите мнѣ о молодости, я боюсь ея. При свѣтломъ восходѣ солнца, на днѣ молодой души таится столько себялюбія, столько безоглядной подлости, что лучше не быть ей... Только въ зрѣломъ возрастѣ идеализмъ проченъ, активенъ, человѣченъ...

Сонечка. Можетъ быть, вы правы, не знаю. Но нужно умѣть прощать, даже себѣ, особенно себѣ. Я простила другому,—простите себѣ. И Аня простила вамъ, я знаю.

Голосъ изъ комнаты. «Самоваръ готовъ!»

Сонечка. Посидите, а я пойду переодѣнусь. Сейчасъ самоваръ занесутъ.

(*Выходитъ. Капустинъ встаетъ, осматриваетъ комнату, подходитъ къ окну и выглядываетъ на улицу. Опять садится и берется за альбомъ. Входитъ горничная съ самоваромъ, ставитъ его на столъ. Во время работы внимательно оглядываетъ Капустина. Выходитъ и на порогѣ сталкивается съ Софьей Михайловной, которая держитъ въ рукахъ сахарницу и два пирожныхъ.*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Софья Михайловна (*тихо*). Я сахаръ принесла.

Капустинъ. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

Софья Михайловна. Вы позволяете... Скажите... вы путешествуете?

Капустинъ (*затрудняется*). Я командированъ директоромъ завода...

Софья Михайлова (*съ сожалѣніемъ*). Какъ жаль, какъ жаль. И вы скоро уѣзжаете?

Капустинъ. Сегодня ночью... (*Молчаніе*). Вы бы съ нами хоть чаю напились. Что это у васъ за книга?

Софья Михайловна. «Вторая жена» Марлитта.

Капустинъ. Вы вотъ эту вторую жену оставьте и присаживайтесь къ намъ.

Софья Михайловна (*испуганно*). Что вы, что вы, какъ можно! Я... тутъ лишняя, я вездѣ и всегда лишняя. Я буду откровенной, но не смѣйтесь. Этой зимой мы съ мамашей отправились на офицерскій балъ. Я страдала. Я невыразимо страдала Я весь вечеръ просидѣла одна и мнѣ казалось, что на моемъ платьѣ было написано: «ты никому не нужна». Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю мѣшать. Я могу сочувствовать, помогать, но не мѣшать. (*Шопотомъ*). Не умоляйте меня

Капустинъ. Если бы я смѣлъ, я сказалъ бы вамъ: вы странная дѣвушка. Вѣдь вы все это выдумали. Вы застѣнчивая и вамъ кажется. Когда я кончилъ гимназію, то въ обществѣ велъ себя, какъ дикарь. Я краснѣлъ и заикался.

Софья Михайловна (*стоитъ, опустивъ голову*). Я знаю, знаю, но извините меня, извините!..

(*Выходитъ. Черезъ нѣкоторое время входитъ Сонечка въ голубомъ платьѣ съ открытой шеей и останавливается у двери*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сонечка. Узнали, похожа? Да, да, милый другъ, это то самое платье, первое по выходѣ изъ гимназіи. Я не я, а платье то же.

Капустинъ. Да, да. (*Осматриваешъ ее*). Помните, когда мы познакомились—играли въ фанты. Меня присудили объясниться вамъ въ любви на колѣняхъ и поцѣловать туфлю. (*Задумчиво*). А влюбился-то я не въ васъ!.

Сонечка. Мой романъ съ Ивановымъ только начинался и мнѣ было не до васъ... Ну, пойдемъ чай пить. (*Подходитъ къ столу*). Здѣсь два пирожныхъ... Какая милая Соня! Какіе милые сердечные всѣ несчастные люди. (*Наливаетъ чай*). Разскажите, что дѣлали, гдѣ были за эти двѣнадцать лѣтъ? Помните, вы мечтали о народѣ. о работѣ для него, а теперь разъѣзжаете по дѣламъ завода! (*Подаетъ ему стаканъ*).

Капустинъ. Я не жалѣю, нѣтъ, не жалѣю. Жизнь вездѣ одна и та же... Если бы я вѣрилъ во что-нибудь земное—хорошее, прекрасное, но вѣдь этого нѣтъ. Я живу идеалами... Иной разъ

выйдешь вечеромъ изъ завода, взглянешь на небо, такъ даже холодно сдѣлается. А вдругъ все это, всѣ эти звѣзды, планеты, солнце, міры, все чушь, миражъ какой-нибудь! Вдругъ эти звѣзды только точки и вся вселенная, космосъ,—обманъ нашихъ чувствъ, неумѣніе проникнуть въ сущность вещей... И когда подумаешь объ этомъ, право не пожалѣешь, вздохнешь и скажешь: какая чепуха жизнь.

Сонечка. Это старость, Андрюша. А я вся полна жизни, даже не жизни, а жажданій. Все хочется извѣдать, перечувствовать. Цѣлый день работаешь, работаешь, тоска томитъ и страстно, страстно хочется хорошаго...

(*Сидятъ молча*).

Сонечка. Вѣдь я, голубчикъ мой, живой человѣкъ. Поймите меня. Мы съ вами не юноши, не дѣти... Я вамъ скажу, мнѣ не стыдно ни капельки. Вотъ материнство... Что это, инстинктъ, придуманное ли страданіе для насъ женщинъ? Увѣряю васъ, когда я слышу голосокъ ребенка, мнѣ плакать, безумно плакать мнѣ хочется. Что это, спрошу я васъ? И живешь, видишь, какъ надежды уходятъ и готова ухватиться за все, даже за вѣру, даже за вѣру...

Капустинъ. Мы все сбиваемся на тяжелое.

Сонечка. Когда оно кругомъ! Скажите, какъ сдѣлать, чтобы его не было? Я, кажется, еще (*грустно улыбается*) молодая, мнѣ двадцать восемь лѣтъ, я всей женской жизни хочу и нѣтъ ея. Все одиночество все одна. Иногда у меня бываютъ дурныя мысли, даже дурные поступки. Скажите, какъ себя обвинить? Какъ бросить въ себя камень? Ну вотъ правда! Я жажду ласки, страстно, безумно жажду ласки... Иногда кажется дерево, камень полюбила бы за доброе слово,—и камня нѣтъ, и дерева нѣтъ!

Капустинъ. И никого не было послѣ Иванова?

Сонечка. Никого. Сначала два года страдала, пока развязалась съ воспоминаніями, потомъ работа, работа, работа, заботы о хлѣбѣ, и такъ, какъ въ вихрѣ, пролетѣлъ годъ, полетѣли годы... И никого, никого кругомъ.

Капустинъ. Никого кругомъ! И никто больше въ васъ не былъ влюбленъ?

Сонечка. Никто. Можетъ быть и влюбился бы кто-нибудь, но такъ тяжела жизнь... Я скажу: теперь каждый боится любви. Никто не знаетъ и я никому не могу сказать, что не сѣла бы на плечи, что могу сама себя прокормить. Я зарабатываю вышиваньемъ двадцать—двадцать пять рублей въ мѣсяцъ и съ меня довольно, мнѣ достаточно. Развѣ я требую чужого труда, развѣ я роскоши хочу? Человѣкъ мнѣ нуженъ, человѣкъ! Вѣдь у всякаго бываетъ свое бремя, тяжелыя мысли, и страхи и кошмары,

и ему нужно съ кѣмъ подѣлиться. Правда? Повѣрите, иногда ночью проснешься и никакъ не вспомнишь, гдѣ это ты живешь, гдѣ это ты лежишь. И когда подумаешь, что эта проклятая ночь пройдетъ и наступитъ проклятый знакомый день, то закроешься одѣяломъ черезъ голову и плачешь до утра.

(*Капустинъ слушаетъ ее сочувственно, придвигается къ ней и беретъ ея руки въ свои. Потомъ встаетъ и ходитъ въ волненіи по комнатѣ*).

Сонечка. Вы понимаете? Какъ-то въ дѣтствѣ я возвращалась зимой изъ училища. Кругомъ лежалъ снѣгъ, мнѣ было холодно, я вся продрогла. Помню, какъ изъ богатаго дома вышла дѣвушка въ теплой шубѣ и сѣла въ поджидавшія ее сани. Она была прекрасна. И какъ хорошо гармонировало, что она молодая, прекрасная не терпитъ холода... Она заслужила, думала я, но вотъ и я выросту, поработаю, и у меня будетъ такая же теплая одежда и сани... Но жизнь обманула...

Капустинъ. У васъ чудная душа, Соня...

Сонечка. Я съ утра была неспокойна. Почему это? Всю ночь у меня были милые сны, какіе-то очаровательные кошмары. Казалось мнѣ, что я спускаюсь съ горы въ долину, одна... Повсюду были цвѣты, цвѣты, сейчасъ подъ горой курилось озеро и было хорошо, свѣтло, но какъ и теперь смутное безпокойство въ душѣ... И откуда-то сверху или съ озера неслись ко мнѣ слова. Какія слова, какія прекрасныя, трогательныя слова я слышала. Что это, знаменіе?.

Капустинъ. Я слушаю васъ съ волненіемъ, я слушаю...

Сонечка. Подруга, которую вы видѣли, не любитъ грубаго, неделикатнаго. Ея душа, ея чувства воспитаны на нѣмецкихъ романахъ. Жизнь ее оскорбляетъ и она бѣжитъ жизни. А я смирилась, да, смирилась... Я помню, какъ трепетала когда-то при видѣ студенческаго мундира, а теперь мнѣ все равно, да, все равно. Меня ведетъ жизнь...

Капустинъ. Я не люблю жизни...

Сонечка. Но вѣдь другой нѣтъ, кромѣ здѣшней, земной. Если есть другая, покажите ее, но ея нѣтъ, нѣтъ!

Капустинъ. Она есть, удивительная, ровная, безстрастная. Вѣрьте, Сонечка, она есть... Когда сбрасываешь вотъ эту грубую оболочку и обнажается душа, всѣ корысти уходятъ и остается вѣчное безстрастное созерцаніе. Я люблю думать, мечтать о смерти. Она избавительница.

Сонечка. Вы говорите, какъ сытый, и мнѣ тяжело васъ слушать... Поймите меня, и я не животное, и духовной жизни хочу, но здѣсь, на землѣ (*Обрывается*). Вамъ, вѣроятно, скучно...

Капустинъ (*подходитъ къ ней*). Это страшно слушать...

Сонечка. Жизнь страшна... Вотъ живу въ этой семьѣ пять лѣтъ. Онѣ милыя, но здѣсь монастырь. Хозяйка давно овдовѣла. Соня некрасивая, у нея дивное сердце, но она никого не прельщаетъ. Я не прельщаю и всегда мы однѣ, однѣ...

(*Капустинъ опять встаетъ, ходитъ по комнатѣ. Сонечка нравится ему, волнуетъ его, онъ не сводитъ съ нея глазъ и каждый разъ вспоминаетъ, что наединѣ съ дѣвушкой*).

Капустинъ (*сдавленно*). Вы мнѣ нравитесь...

Сонечка. Все, что я вамъ сказала, можетъ быть нехорошо, но уже не знаю, что хорошо, что плохо.

Капустинъ. Я вашу руку поцѣлую.

Сонечка (*уныло*). Жизнь жалкая, жизнь обидная!..

(*Капустинъ сидитъ уже подлѣ нея. Еще ближе придвинулся къ ней и держитъ ее за руки*).

Капустинъ. Я васъ еще поцѣлую...

Сонечка. Андрей Михайловичъ, Андрюша... Что же это вы дѣлаете? (*Старается вырвать руки*).

Капустинъ. Я поцѣлую. У васъ красивые глаза... (*Онъ обнимаетъ ее, она отбивается*). Я поцѣлую... (*Цѣлуетъ*).

Сонечка (*перестаетъ бороться*). Я не сержусь, нѣтъ не сержусь... Моя гордость страдаетъ, но я смирилась...

Капустинъ (*не слушаетъ ея*). Я не знаю, что со мной... Прогоните меня... (*Хочетъ посадить ее къ себѣ на руки. Она опять борется*). Я согрѣю васъ (*цѣлуетъ ее*), я согрѣю... (*Сидитъ у него на колѣняхъ молча. Тихо начинаетъ плакать*). У меня кружится голова... Простите меня, но я... люблю васъ. Я васъ обожаю. (*Грубо*). Я тебя обожаю, Соня...

(*Она сидитъ неподвижно, опустивъ голову, плачетъ, но чего-то ждетъ отъ него. Открывается дверь и на порогѣ показывается Софья Михайловна. Крикнула*).

Софья Михайловна. Извините, извините!.. (*Убѣгаетъ*).

(*Они вскакиваютъ и сконфуженно разбѣгаются въ разныя стороны. Капустинъ ищетъ шляпу, находитъ ее. Хочетъ что-то сказать, не говоритъ. Осторожно, осторожно выкрадывается изъ комнаты. Сонечка ждетъ... Дѣлаетъ движеніе пойти за нимъ... позвать его... Сдерживается. Подходитъ къ стѣнѣ, опирается о нее головой. Плачетъ*).

Семенъ Юшкевичъ.

ЛАСТОЧКИ.

Каждую осень я слышу прощальное
Ласточекъ пѣнье вверху надъ окномъ...
Что-то прекрасное, что-то печальное
Съ ними прощается въ сердце моемъ...

* * *

Съ каждой весною онѣ возвращаются
Въ гнѣзда родныя изъ дальней страны.
Съ каждой весною въ душѣ распускаются
Прежняя вѣра и прежніе сны!..

* * *

Знаю—съ дыханіемъ вѣтра осенняго
Ласточки радость мою унесутъ—
Ждетъ мое сердце ихъ пѣнья весенняго,
Ждетъ надъ окномъ ихъ родимый пріютъ!

Г. Галина.

Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ.

(Характеристика).

I.

Въ лицѣ Чичерина почилъ прежде всего мыслитель. Отказавшись отъ каѳедры, онъ больше къ ней не возвращался; выступивъ на другое поприще, открывшее ему доступъ къ общественной дѣятельности—московскаго городского головы, онъ долженъ былъ сложить съ себя и это званіе. Такъ, замкнувшись въ свое деревенское уединеніе, онъ всецѣло отдается наукѣ, давая въ теченіе многихъ лѣтъ результаты своихъ ученыхъ размышленій. Семидесятилѣтнимъ старикомъ выпускаетъ «Курсъ государственной науки»; передъ самой кончиной, несмотря на тяжелый недугъ,—пересмотрѣнный и исправленный первый томъ своей капитальной «Исторіи политическихъ ученій».

Судьба дала ему высказаться до конца.

Пантеизмъ Спинозы и позитивизмъ Конта, діалектика Гегеля и новѣйшіе соціалисты, политическая экономія и рабочій вопросъ, право и нравственность, наука и религія, бюрократія и земство, націонализмъ и космополитизмъ—какая широта интересовъ! «Опыты по исторіи русскаго права», «Очерки Англіи и Франціи», «Областныя учрежденія Россіи», «Вопросы политики», «Мистицизмъ въ наукѣ», «Русскій диллетантизмъ и общинное землевладѣніе», «Философія права», «Положительная философія и единство науки», «Основанія логики и метафизики», «Наука и религія», «Собственность и государство»—Чичеринъ былъ не только философомъ, юристомъ, публицистомъ: онъ сказалъ слово, свидѣтельствующее о значительной подготовкѣ, и въ области естественныхъ наукъ. Онъ высказывался и въ брошюрахъ, въ статьяхъ, въ тѣхъ запискахъ, съ которыми принято обращаться къ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Одинъ неполный перечень научныхъ работъ, двухтомныхъ, трехтомныхъ, четырехтомныхъ, показываетъ, что для всесторонней оцѣнки полувѣковыхъ заслугъ покойнаго требуется работа не одного изслѣдователя...

Передъ недавно засыпанной могилой образъ этого разносторонняго мыслителя съ широкимъ кругомъ интересовъ выступаетъ ярче, отчетливѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Но нельзя опускать изъ виду, что Борисъ Николаевичъ всеже остался въ сторонѣ отъ многихъ теченій въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ. Безуміемъ казались ему недовольство, торопливость маленькихъ,

обиженныхъ людей, ихъ борьба, неумолимая, острая, со стонами и проклятіями съ нервными кликами радости, недовольство и торопливость большого города,— какъ хорошо чувствовать себя въ сторонѣ, ясно и просто, въ одной формулѣ, разрѣшившимъ всѣ вопросы, въ уединеніи, впитывая въ себя синеву неба и зелень деревьевъ... Съ нимъ не сговорились ни Чернышевскій, ни Михайловскій, ни Зиберъ *)...

Но... такова всегдашняя участь всего яркаго и крупнаго. Мелкіе люди, мелкія событія не вызываютъ даже пререканій. Наоборотъ, всему крупному, большому нельзя не удѣлить того вниманія, котораго оно заслуживаетъ, вопреки всѣмъ разногласіямъ...

Бываютъ люди вдумчивые, пытливые, люди «практическаго разума»: мнѣніе покажется имъ вѣрнымъ, будутъ отстаивать его съ пѣной у рта; нѣтъ— выслушаютъ возраженіе, съ чьей бы стороны возраженіе не исходило, готовы внести поправку, наконецъ, отказаться. Быть можетъ, они, вообще, не довѣряютъ теоріи—теоріи у нихъ строятся не столько дедуктивно, сколько путемъ прямого опыта. Быть можетъ, сужденія и поступки ихъ не могутъ не страдать узостью, противорѣчіями, такъ называемымъ практицизмомъ, но руководитель ихъ прежде всего жизнь. Чичеринъ, напротивъ, былъ прежде всего человѣкъ формулы. Какъ представить себѣ покойнаго безъ яснаго, твердаго правила, не терпящаго, не допускающаго никакихъ возраженій?

Въ этомъ была сила, въ этомъ же и слабость автора.

Зачѣмъ ему анализировать, справляться съ жизнью, оправдывать формулу, выведенную изъ общихъ положеній, составляющую сущность его соціально-политическаго credo? Примите эту формулу, хорошо—примете и дальнѣйшее. Не примете хотя бы одну изъ ея посылокъ—и въ послѣдующемъ не найдете ничего, чтобы не показалось вамъ апріорнымъ, ошибочнымъ, недоказаннымъ. Ни одному математику не придетъ въ голову заподозрить аксіомы своей науки. Все, что ему кажется аксіомой, и есть аксіома. Все, что ему кажется истиной, и есть истина. Такъ и Чичеринъ. «Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ,— отмѣчалъ еще «Современникъ»,—тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: «вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы» **)...

Но та же догма даетъ твердость, опредѣленность міросозерцанію. Когда человѣкъ выступаетъ въ роли философа-публициста, и неясно, въ чемъ, собственно, его святая святыхъ, недоразумѣнія неизбѣжны. Въ этомъ отношеніи Чичеринъ никогда не вызывалъ нареканій. Онъ каждую минуту могъ сказать,

---

*) См. „Современникъ“ 1859 г., май, отд. „Современное обозрѣніе“. Н. Чернышевскій. „Г. Чичеринъ, какъ публицистъ“. Н. К. Михайловскій. „Сочиненія“, т. IV. „Письма къ ученымъ людямъ. Письмо къ Чичерину и Герье“. Н. И. Зиберъ. „Сочиненія“, т. II. „Нѣмецкіе экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина“.

**) „Современникъ“ 1859 г., май, стр. 80.

что въ душѣ у него Богъ. Быть можетъ, это не Богъ, но суть не въ этомъ, а въ томъ, что это тоже рыцарь духа, что онъ не признавалъ ни лазеекъ, ни недомолвокъ въ дѣлѣ отстаиванія убѣжденій. Если формула закрывала передъ нимъ «страницы исторіи, сплошь залитыя кровью», если прямолинейность мѣшала ему уважать самыхъ достойныхъ противниковъ, то это прямолинейность гранита. Если въ покойномъ не было той мягкости, которая сглаживаетъ крайности, примиряетъ полемическую вражду, то онъ обладалъ качествомъ, не менѣе цѣннымъ для мыслителя-публициста: никакой компромиссъ съ тѣмъ, что онъ считалъ лживымъ, не былъ для него возможенъ. Онъ высказывался до дна, съ ясностью, исключающей возможность двухъ толкованій, безъ умолчаній и смягченій, называя вещи своими именами, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе производитъ...

Ни одной фальшивой ноты...

II.

Подобные люди тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ шире, чѣмъ объективнѣе доктрина, исповѣдуемая ими. Перейдемъ къ доктринѣ Б. Н. Чичерина.

Это—доктрина западно-европейскаго либерализма, тѣхъ лидеровъ «освободительной» эпохи, которые сочувствовали ей, оправдывали ее, искали ей мѣста въ своихъ философскихъ системахъ. Таковъ, напр. Гегель, вліяніе котораго на міровоззрѣніе Чичерина было такъ велико.

Чичеринъ прямо считаетъ капиталистическую систему отношеній конечнымъ пунктомъ соціальнаго развитія, прямо оправдываетъ ее съ точки зрѣнія добра, справедливости. Даже тѣ поправки, которыя вносятъ въ идеологію манчестерства Адольфъ Вагнеръ, Шеффле и пр. *), онъ критикуетъ не менѣе пристрастно, чѣмъ соціализмъ, эту сплошную—какъ онъ убѣжденъ—путаницу понятій, это порожденіе зависти, эту выдумку злонамѣренныхъ людей, разсчитывающихъ на популярность у рабочаго класса. Законъ конкуренціи есть законъ распредѣляющей правды, неравенство положеній—неравенство умственныхъ силъ. Богатства концентрируются именно въ тѣхъ классахъ, гдѣ концентрируются умственныя силы...

Если читатель требуетъ, чтобы въ каждомъ изслѣдованіи, на какую бы далекую отъ жизни тему оно ни трактовало, непремѣнно имѣлся выводъ, связанный съ жизнью, способный смягчить наши сомнѣнія, такъ или иначе, указать путь къ ближайшему, то метафизикъ-Чичеринъ удовлетворитъ его вполнѣ. Авторъ исходитъ изъ метафизики. Начнемъ и мы съ нея.

Въ русской литературѣ не мало писателей, которые провозглашаютъ свободу личности и относятся отрицательно къ метафизикѣ. Чичеринъ видитъ въ этомъ «роковое противорѣчіе». Люди, «отрицающіе метафизику, признаютъ безусловной истиной непосредственный продуктъ ея—объявленіе правъ чело-

---

*) Чичеринъ называетъ ихъ „полусоціалистами“.

вѣка!»*). Если въ послѣднемъ нѣтъ ничего такого, что возвышало бы его надъ природой, если человѣкъ лишь эмпирическое явленіе, случайный результатъ силъ, временное явленіе матеріи, то какого же онъ можетъ требовать уваженія? Уваженіе подобаетъ только тому, что возвышается надъ областью эмпиріи, что имѣетъ цѣнность не въ силу внѣшняго соотношенія, а само по себѣ. Метафизики выражаютъ это положеніемъ, что человѣкъ всегда долженъ разсматриваться какъ цѣль, никогда не долженъ быть низведенъ на степень простого средства.

Контъ первый изъ мыслителей-эмпириковъ правильно поставилъ вопросъ объ отношеніи между метазизикой и наукой **). И до Конта, и послѣ Конта вопросъ ставился слишкомъ абстрактно. Контъ же, перебравъ одну положительную науку за другой, показалъ наглядно, такъ сказать, самъ на себѣ, насколько позитивизмъ не выдерживаетъ критики. Какъ вывести логическій законъ изъ опыта? Не общество, а личность думаетъ, чувствуетъ, желаетъ. Личность краеугольный камень общественнаго зданія. Но личность исходитъ отъ Бога. Метафизическая природа человѣка и возвышаетъ его надъ матеріальнымъ міромъ и дѣлаетъ существомъ, имѣющимъ цѣнность само по себѣ.

Если человѣкъ—носитель божественнаго начала, духа, то исторія есть явленіе, въ которомъ духъ раскрываетъ свою природу, свою сущность. Природа духа раскрывается путемъ сознанія и свободы, значитъ, и исторія есть процессъ развитія сознанія и свободы.

Въ идеализмѣ Чичерина есть сходство съ новѣйшимъ идеализмомъ: его построеніе не имманентное. Онъ не столько изслѣдуетъ, сколько систематизируетъ. Основная черта этого идеализма—подведеніе теоріи или факта подъ исходный пунктъ, а не вопросъ о томъ, насколько теорія или фактъ расширяютъ исходный пунктъ...

Итакъ, свобода—сущность человѣка. Проводя этотъ принципъ, приходится признать за человѣкомъ право располагать своими дѣйствіями, не нарушая права другихъ,—такъ метафизически обосновывается и идея права. Свободное существо вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданское существо...

Право—говорятъ матеріалисты—санкціонируетъ данныя общественно-экономическія отношенія. Третьяго дня оно санкціонировало право собственности на рабовъ, вчера—право собственности на крѣпостныхъ, сегодня—на прибавочную цѣнность. Почему, напр., капиталистъ—«строитель жизни?» Потому что онъ—организаторъ производства, сбыта продуктовъ, рабочаго найма. Само въ себѣ понятіе о правѣ никакого отвѣта о своемъ происхожденіи, развитіи и значеніи не заключаетъ и заключать не можетъ. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ преобразованіяхъ, которымъ это право на протяженіи исторіи подвергалось, необходимо неизмѣнно имѣть передъ глазами общественно-экономическія организаціи, которыя оно санкціонировало.

Нѣтъ—возражаетъ Чичеринъ,—ярый врагъ матеріализма,—если право по-

---

*) „Философія права", стр. 56.

**) „Положительная философія и единство науки". 1892 г.

даетъ руку капиталисту, это не потому, что, кромѣ эгоизма, ничего нѣтъ, а потому, что призваніе капиталиста—«содѣйствовать общественному объединенію». «Еще древніе мыслители замѣчали этотъ существенный характеръ средняго сословія; отсюда и роль его въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ *). Право—начало самостоятельное. Отсюда—великое значеніе тѣхъ мыслителей, которые провозгласили начало свободы, какъ основу права, тѣхъ народовъ, которые первые осуществили у себя это начало и воздали человѣку должное, «признавъ въ немъ образъ и подобіе Божіе, не какъ отвлеченное только вѣрованіе, а какъ истину жизни и основу гражданскаго строя» **). Лассаль, по своему истолковывая французскую революцію, забываетъ о «провозглашеніи правъ человѣка» ***).

Высшее выраженіе свободы Чичеринъ видѣлъ въ государствѣ. Какъ извѣстно, современное государство строитъ почты, сооружаетъ маяки, посылаетъ экспедиціи, даетъ общее и техническое образованіе, принимаетъ санитарныя мѣры, ведетъ желѣзнодорожное дѣло, горное, завѣдываніе государственнымъ имуществомъ,—словомъ, сливается мало-по-малу съ обществомъ. Но власть Чичерина — «носительница государственной идеи». Власть «независима отъ частнаго владѣнія». Онъ видитъ въ этомъ владѣніи не подобающую ей роль, насиліе надъ ея природой. Гдѣ тогда кончается государство, гдѣ начинается общество?—негодуетъ онъ. Если все для свободы и черезъ свободу, то государство и есть охрана свободы. Между государствомъ и обществомъ должна быть грань. Цѣль государства, его идея есть гармоническое сочетаніе всѣхъ элементовъ общежитія, руководство общими интересами для достиженія общаго блага. Къ государству, а не къ обществу приложимо понятіе о цѣломъ, владычествующемъ надъ частями. То, что называется обществомъ, образуется изъ взаимодѣйствія единичныхъ силъ. Это не есть организмъ; подчиняясь государству, какъ цѣлому, оно не перестаетъ быть сплетеніемъ частныхъ интересовъ, *не представляя никакого организованнаго единства.* Государство ни по объему, ни по содержанію не совпадаетъ съ обществомъ. Смѣшеніе этихъ двухъ сферъ—по мнѣнію Чичерина—было причиной самыхъ крупныхъ ошибокъ въ исторіи философіи права.

Отсюда защита принципа авторитета, возможность того апоѳеоза, который встрѣтилъ столь рѣзкій отпоръ со стороны Ив. Аксакова ****).

Передъ нами—индивидуалистъ въ европейскомъ духѣ, въ духѣ фритредеровъ александровской эпохи, «Экономическаго Указателя», переводившаго Бастіа. Не только направленіе мысли Чичерина повторяетъ западно-европейскій

---

*) „Исторія политическихъ ученій“, т. V, стр. 130. Москва, 1902 г.

**) „Философія права“, стр. 107.

***) „Исторія политическихъ ученій“, т. V. „Соціалисты“, II. Лассаль.

****) Ив. Аксаковъ. „Собраніе сочиненій,“ т. II. Москва, 1886 г. „Самонадѣянно и близоруко пытается эта доктрина опредѣлить вѣсъ, плотность и емкость человѣческаго духа и органической силы жизни, и отмѣрить только такое количество, какое, по ея неизбѣжно ограниченнымъ соображеніямъ, нужно для правильнаго хода государственной машины“ (стр. 15).

либерализмъ: сходство обнаруживается даже въ выраженіяхъ. Конечно, дѣло не въ «преемственности идей»,—дѣло въ томъ, что условія русской жизни, въ которыхъ складывалось міросозерцаніе покойнаго, почти повторяли обстановку, въ которой возникъ западно-европейскій либерализмъ.

Это была полоса «новой Россіи», сбросившей съ себя узы крѣпостного права, которыя она переросла. Свыше 400 мил. руб. получило русское дворянство за выкупъ крестьянскихъ земель, столько же—отъ земельныхъ банковъ, почти столько же—отъ желѣзнодорожной горячки. Реформы дали сильный толчокъ производительнымъ силамъ Россіи. Капиталы быстро перешли на рынокъ, отсюда—въ карманы биржевиковъ, предпринимателей, акціонеровъ. Горячка захватывала далеко не однихъ чумазыхъ—тѣ же дворяне шли на выучку къ чумазымъ. Эта-то горячка и создала силу русскаго индивидуализма. Жизнь если не подчинилась, то постепенно подгонялась къ его этикѣ, этикѣ «свободныхъ» людей, крѣпкихъ своимъ практическимъ смысломъ. Крѣпостныя надстройки такъ связывали и стѣсняли — онѣ стали цѣпями. Такъ долго, такъ тяжело придавленная «личность» не желала никакихъ ограниченій. Личная сметка, личное умѣнье, личная иниціатива—индивидуализмъ всегда начиналъ съ того, что выдвигалъ «личность», освобождая ее отъ ея соціальнаго содержанія... Общество—лишь арена борьбы между личностями... Осуществляя самыя смѣлыя свои мечтанія, личность рвала послѣднія нити, связывающія ее съ средневѣковьемъ; подчиняя себѣ религію и науку, всѣ пять частей свѣта, не желала никакихъ связей, кромѣ связи соглашенія, договора.

Конечно, идеализація «освобожденной» личности, идеологія ея успѣховъ, ея славы, ея проснувшихся страстей *всегда* была идеализаціей этихъ строителей жизни, этихъ рыцарей иниціативы, оказывающихся впереди, заправляющихъ милліонными дѣлами. «Исполняя невыраженный заказъ практиковъ, являются ученые люди, связанные съ ними общностью воззрѣній, наклонностей, а отчасти и интересовъ, которые начинаютъ дѣйствовать. Какъ они дѣйствуютъ, какъ они могутъ дѣйствовать при настоящемъ положеніи вещей—замѣчаетъ Н. К. Михайловскій—тому мы имѣемъ прекрасные образчики... въ критикѣ г. Чичерина» *).

Внимательно изучая Чичерина, то и дѣло наталкиваешься на гимны дворянству. Авторъ не совсѣмъ еще освободился отъ дворянскихъ традицій и настроеній... Неясная жажда, съ печатью рыцарскаго благородства, томитъ его, наполняетъ недовольствомъ... Онъ какъ будто не довѣряетъ прочности того, что его окружаетъ въ данный моментъ... Но мы на рубежѣ двухъ эпохъ, двухъ жизней. Эти слабости менѣе всего отразились на *доктринѣ* Б. Н. Чичерина.

Насколько это такъ, показываютъ экономическіе взгляды покойнаго.

«Личная дѣятельность» опредѣляется общественными отношеніями. Если въ настоящее время каждый отвѣтственъ за свои юридическія дѣйствія, то въ сферѣ промышленности каждый отвѣчаетъ за то, чего онъ не дѣлалъ. Напр.,

---

*) Михайловскій. Сочиненія, т. IV, стр. 594. „Письма къ ученымъ людямъ“.

промышленный кризисъ въ Англіи лишаетъ заработка рабочихъ Германіи. Дѣло въ томъ, что въ обществѣ, работающемъ на рынокъ, никто уже не работаетъ на себя: всѣ работаютъ на всѣхъ. Но если производство уже стало общественнымъ, то распредѣленіе еще слѣдуетъ личному началу. Продуктъ совокупной дѣятельности силъ становится личнымъ достояніемъ предпринимателя... Чичеринъ не видитъ тутъ никакого противорѣчія.

Такъ и должно быть, находитъ онъ. Развѣ личный интересъ не единственная движущая причина? Развитіе его ведетъ къ гармоніи интересовъ—тому виду солидарности, который обезпечиваетъ существованіе цѣлаго, благодаря ежедневной и ежечасной войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, подъ разумнымъ опасеніемъ остаться безъ работы, быть оттиснутымъ, обойденнымъ разумной необходимостью. Солидарность устанавливается сама собой, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ... Только рискъ служитъ побужденіемъ къ дѣятельности. Уничтоженіе риска, замѣна живой гармоніи частныхъ силъ организаціей общественнаго производства имѣли бы одинъ результатъ: упадокъ промышленности. Народъ, который произведетъ у себя соціалистической переворотъ, не только не вытѣснитъ другія націи, но уступитъ имъ все. Съ устраненіемъ внутренней конкуренціи пошатнется и внѣшняя. Производство перестанетъ рости. Народонаселеніе возрастетъ. Наступитъ всеобщее разореніе. Что есть вліяніе Маркса, какъ не «самый колоссальный примѣръ человѣческой глупости?» *) «Передъ лицомъ этой мнимо-научной критики (нѣмецкихъ евреевъ—Лассаля и Маркса) мѣщанскій политико-экономъ можетъ съ торжествомъ указать на разработанную имъ науку. Всякій, кто умѣетъ связывать двѣ мысли и понимать то, что онъ читаетъ, не можетъ не видѣть, какъ неизмѣримо высоко стоятъ ея чисто-научные пріемы въ сравненіи съ заносчивою и вмѣстѣ педантическою софистикою ея противниковъ» *).

Капиталистическіе законы развитія суть законы развитія вообще... Чичеринъ предваряетъ Бемъ-Баверка. Опытъ учитъ, пишетъ онъ, что не трудъ служитъ мѣриломъ цѣнности, а деньги, не среднее рабочее время, а просто борьба частныхъ силъ. Единая общественная рабочая сила не что иное, какъ фикція. На самомъ дѣлѣ существуютъ единичныя силы. Потребность въ полезной сторонѣ предмета, «стоимость того труда, который бы самъ потребитель долженъ приложить, если бы захотѣлъ личной дѣятельностью добывать полученную полезность»,—вотъ одинъ факторъ, образующій цѣнность. Другой—предложеніе. Правда, спросъ и предложеніе приводятся къ количествамъ труда даже въ вульгарной политической экономіи. Въ самомъ дѣлѣ, вздумай потребитель самъ себѣ произвести покупаемые предметы! На это не хватило бы не всей его жизни, а цѣлой сотни жизней... Вульгарная экономія лишь не любитъ выводовъ изъ «теоріи издержекъ производства». Но въ глазахъ Чичерина опредѣленіе мѣновой цѣнности количествомъ труда было выведено «независимо отъ какой бы то ни было формы производства». Онъ прежде всего ви-

---

*) „Исторія политическихъ ученій", т. 5, стр. 227.

**) Сборникъ государственныхъ знаній, т. V. Нѣмецкіе соціалисты. II. Марксъ.

дитъ частные случаи современнаго сложнаго хозяйства—извѣстныя произведенія природы, имѣющія монопольныя цѣны...

Вся политико-экономическая система Чичерина, и теорія услугъ, и теорія воздержанія, и гармонія интересовъ—подверглись значительнымъ поправкамъ у новѣйшихъ буржуазныхъ экономистовъ. Чичеринъ знаетъ эти поправки, но остается чистымъ манчестерцемъ. Буржуазія боролась на два фронта. На мѣсто безчисленнаго множества видовъ патентованной свободы она поставила одну, чуждую всякихъ иллюзій; вмѣстѣ съ тѣмъ росла рознь съ пролетаріатомъ. Отсюда ученіе Мальтуса, согласно которому причины бѣдности не въ соціальныхъ условіяхъ, а въ самомъ рабочемъ, ученіе о фондѣ заработной платы, извѣстный аргументъ противниковъ рабочихъ союзовъ, отсюда—свобода личности, «прекрасный, но страшный сфинксъ, безжалостно пожирающій всякаго, кто не разгадалъ его загадокъ» *). Въ доктринѣ Чичерина на лицо и то, и другое, и третье. Борьба съ соціализмомъ нигдѣ не достигла такой степени, какъ во Франціи. Самымъ рьянымъ бойцомъ и былъ тотъ Бастіа, котораго Чичеринъ такъ высоко цѣнитъ, такъ часто цитируетъ **)...

Такова доктрина Чичерина. Разумѣется, нельзя сказать, чтобы буржуазная соціальная философія не имѣла научнаго значенія. Значеніе ея несомнѣнно. Но теперь заправскіе фритредеры встрѣчаются лишь въ лицѣ нѣсколькихъ англичанъ. Даже прежніе ея приверженцы не только не считаютъ доктрины Чичерина послѣднимъ словомъ науки, но давно возстали противъ нея. Чичеринъ же до конца остался твердъ въ вѣрѣ Бастіа. Раскройте его «Соціологію», выпущенную за нѣсколько лѣтъ до смерти ***)...

III.

Если памятники прошлаго нерѣдко уясняютъ намъ смыслъ настоящаго, то публицистическая дѣятельность Чичерина представляетъ интересъ вдвойнѣ. Чѣмъ ярче публицистика покойнаго, направленная къ защитѣ самоуправленія, гражданской свободы, личной и общественной самодѣятельности, публицистика послѣдняго времени, тѣмъ большую поучительность пріобрѣтаетъ ея прежнее значеніе. Не будемъ разбирать содержанія этой дѣятельности во всѣхъ ея подробностяхъ. Остановимся лишь на тѣхъ *идеяхъ*, которыя легли въ ея основу.

Какъ публицистъ, Чичеринъ выступилъ уже авторомъ «Областныхъ учрежденій», сразу создавшихъ ему имя... Это были очерки заграничныхъ впечатлѣній ****).

Съ окончаніемъ Крымской войны необходимость коренныхъ реформъ на-

---

*) Михайловскій, т. I. „Теорія Дарвина и теологія".

**) „Собственность и государство", въ которомъ Чичеринъ даетъ почти полный курсъ политической экономіи, цѣликомъ посвящено опроверженіе соціалистическихъ теорій.

***) „Соціологія" составляетъ второй томъ „Курса государственныхъ наукъ".

****) „О политической будущности Англіи", „О французскихъ крестьянахъ", „Старая французская монархія и революція".

зрѣла не только въ широкихъ слояхъ общества, но и въ правительственныхъ кругахъ. Правительство стало продавать или закрывать казенныя фабрики и заводы, создало русское общество пароходства и торговли, поощряло частный починъ въ банковомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства. Реакція противъ бюрократизма видимо легла и въ основу реформъ. Тѣ сторонники ихъ, которые недавно еще считались опальными, тѣ литературно-общественные кружки, которые еще недавно не могли высказываться,—весь необходимый матеріалъ былъ разработанъ ими, совершена вся подготовительная работа. Каждому вдругъ захотѣлось нести высоко и смѣло голову, чувствовать личное достоинство, личную неприкосновенность,—такъ птицы, начинающія летать, пробуютъ свои крылья на просторѣ...

Но участіе оказалось менѣе нужнымъ, чѣмъ думали въ моментъ подготовительныхъ работъ. Яснѣе всего это стало въ министерство графа Валуева, когда между правительствомъ и обществомъ была проведена рѣзкая грань *). Освобожденіе крестьянъ, новый судъ, земскія учрежденія открыли широкій просторъ для идей, цѣлый рядъ вопросовъ, тѣсно съ ними связанныхъ, но внутренняя политика Россіи опять оказалась внѣ компетенціи общества. Даже участіе въ литературѣ, не заключающее въ себѣ ничего предосудительнаго, оказалось несовмѣстимымъ съ положеніемъ чиновника.

При всемъ разнообразіи теченій, часто неясныхъ, подчасъ фантастическихъ, отводившихъ слишкомъ много мѣста чувству, всѣ они сводились къ двумъ программамъ: прогрессу сверху внизъ и прогрессу снизу вверхъ. «Прогрессъ сверху внизъ» ставилъ во главѣ авторитетъ, который долженъ руководить и держать въ своихъ рукахъ все умственное развитіе, все общественное движеніе. Чичеринъ въ первый періодъ своей дѣятельности и выступилъ подъ этимъ знаменемъ. Онъ былъ гораздо консервативнѣе того, кого недавно называлъ журналистомъ, «лишеннымъ нравственнаго смысла и трезваго пониманія политическаго положенія, безпощадно преслѣдовавшимъ то, чему прежде поклонялся, заподозривавшимъ всякое явленіе свободы»**). Въ «Нашемъ Времени» Павлова онъ полемизировалъ съ «Современной Лѣтописью» «Русскаго Вѣстника».

Какъ извѣстно, «Колоколъ» былъ выписанъ для руководства членовъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу: правительство само признало значеніе этого заграничнаго органа мысли. Что же касается общественныхъ круговъ, то въ нихъ вліяніе «Колокола» было безпримѣрно. Но голосъ Чичерина звучалъ рѣзко, непримиримо.

«Обращаюсь къ вамъ,—пишетъ онъ Герцену въ 1859 году,—ибо другого свободнаго органа у насъ нѣтъ». Этимъ письмомъ открывается сборникъ «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» ***). Авторъ напоминаетъ «значеніе и характеръ» эпохи, въ которую пишетъ: двери отворились, общество встрепе-

*) См. Н. В. Шелгуновъ. „Сочиненія", т. II. „Изъ прошлаго и настоящаго".

**) „Политика", стр. 513.

***) Объ этомъ письмѣ см. В. П. Батуринскій. „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые". Изданіе Львовича. Спб., 1904 г.

нулось, стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно. И вотъ—бѣда: общество незрѣлое, долго придавленное, вдругъ выпущенное на волю, всегда хватаетъ черезъ край. Какая искусная рука нужна, чтобы согласить враждебныя стремленія, примирить противоположные интересы, чтобы развязать вѣковыя узы, перевести одинъ гражданскій порядокъ въ другой! Въ обществѣ юномъ, не успѣвшемъ еще пріобрѣсти добродѣтели гражданской жизни, политическая пропаганда вреднѣе, чѣмъ что-либо. И здѣсь есть борьба, но борьба безъ эффектовъ, безъ гнѣвныхъ порывовъ, борьба обдуманная, осторожная, неуклонно идущая по избранному пути. Нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокаивать раздраженіе. Нужно общественное мнѣніе, но мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьознымъ взглядомъ на вещи, которое могло бы служить правительству и опорою въ благихъ начинаніяхъ, и «благоразумной задержкой при ложномъ направленіи». Какая почва для политическаго писателя—правительство, ищущее опоры, народъ, жаждущій гласности!

Какъ же исполняетъ свою задачу «Колоколъ», какую пищу даетъ? Не слово разума, а «слово страсти» онъ даетъ. Точно гражданскія преобразованія совершаются кипѣніемъ страсти! Впрочемъ, гражданскія преобразованія не представляются Герцену тѣмъ растеніемъ, которое надо лелѣять, какъ лучшій даръ жизни. Пусть же вмѣсто уваженія къ закону водворится привычка хвататься за топоръ. «Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніемъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать не учтиво. Палка сверху и топоръ снизу—вотъ обыкновенный конецъ политической проповѣди, дѣйствующей подъ внушеніемъ страсти». И откуда эта тревога?—спрашиваетъ Чичеринъ.—Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ правительство вступило на новую дорогу. Что же случилось въ этотъ промежутокъ? Измѣнились существенныя условія? Ничуть не бывало. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кому дороги судьбы отечества, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями, и «пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будетъ проклинать и эти орудія, и эти воззванія». Если больной, вмѣсто того, чтобы покорно слѣдовать леченію, предается «бѣшенымъ порывамъ», растравляетъ себѣ раны и «хватается за ножъ», чтобы отрѣзать страдающій членъ,—«*съ нимъ нечего дѣлать, какъ связать по рукамъ и ногамъ*».

Инцидентъ этотъ, обнаруживающій и своеобразную авторитетность, и убѣжденность автора, произвелъ въ свое время большое впечатлѣніе. Герценъ получилъ массу сочувственныхъ писемъ. Открыто отозвались П. Анненковъ, И. С. Тургеневъ. Да, въ томъ то и дѣло: вдругъ, именно вдругъ должны быть совершены реформы,—писалъ Кавелинъ, тогда еще ревностный западникъ. «Неужели же вы серіозно думаете, что можно разжигать словомъ общественныя страсти и, вообще, дѣлать общественныя движенія—да еще гдѣ, въ Россіи, полной здраваго смысла,—въ томъ случаѣ, когда эти движенія не соотвѣтствуютъ потребностямъ общества, и когда они не должны были бы совер-

шиться сами собой, въ силу обстоятельствъ?..» *) Но голосъ Чичерина звучитъ сурово... Онъ отзывается на запросы дня, печатаетъ большія произведенія, посвященныя обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни. Въ этихъ работахъ не было недостатка ни въ удачныхъ характеристикахъ, ни въ дѣльныхъ критическихъ замѣчаніяхъ; нѣтъ мелочи, которая не интересовала бы его, которой бы онъ не удѣлялъ вниманія, и вниманія серьезнаго, вдумчиваго, но всѣ эти нерѣдко блестящія частности вытекали изъ апологіи такихъ началъ, которыя ни въ какой апологіи не нуждались. Онъ раздѣляетъ, связываетъ, ставитъ діагнозы; не теряется во всемъ этомъ, наоборотъ, поражаетъ синтезомъ, цѣльностью, законченностью, но вы не можете отдѣлаться отъ чувства оптимизма, какимъ проникнуты эти писанія. Это—не оптимизмъ ординарности, нѣтъ, это оптимизмъ личности высокодаровитой, слишкомъ проницательной для того, чтобы не видѣть золъ жизни, слишкомъ пытливой, чтобы не останавливаться на нихъ, но полной безстрастности въ разговорахъ о самыхъ гнетущихъ явленіяхъ...

Чичеринъ весь въ стилѣ. Бываетъ стиль удивительной красоты, удивительной правильности, но не волнующій, не зажигающій,—таковъ именно стиль Чичерина. Это стиль художественный, кристально-прозрачный, свидѣтельствующій объ огромной логической машинѣ... Ни скачковъ, ни промаховъ, ни отступленій... Сѣть аргументовъ опутываетъ васъ, точно увлекаетъ въ плѣнъ... Одного нѣтъ въ этомъ стилѣ—страсти, огня, зажженнаго энтузіазмомъ...

Соціалисты—вотъ враги, въ борьбѣ съ которыми авторъ разрѣшаетъ и слово разума, и слово страсти. Онъ предостерегаетъ отъ нихъ молодое поколѣніе, готовящееся принести свою дань историческимъ судьбамъ отечества. Мы, пишетъ авторъ, воспитанные «благороднымъ поколѣніемъ, которое является свѣтлой точкой въ исторіи русскаго просвѣщенія, мы получили отъ него одинъ урокъ, одинъ священный завѣтъ: насажденіе свободы въ нашемъ отечествѣ. Отсюда та безпредѣльная благодарность, которая наполнила наши сердца, когда эти завѣтныя мечты стали сбываться, когда свобода державною рукой была посѣяна на русской землѣ и милліоны рабовъ, по мановенію Царя, получили вольность. Отсюда тотъ ужасъ, который объялъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи при видѣ того воздаянія, которое довелось стяжать Совершителю этого великаго дѣла. Казалось, всѣ нравственныя понятія рушились, всякая историческая справедливость исчезла. Вмѣстѣ съ народною святынею, вмѣстѣ съ отечествомъ, котораго знамя было Ему ввѣрено, была оскорблена и поругана и вызванная Имъ къ жизни свобода. Ей нанесена рана, отъ которой она не скоро оправится. Намъ, нынѣ дѣйствующимъ, и вамъ, служителямъ будущаго, предстоитъ загладить этотъ позоръ, искоренить плевелы, заглушающіе доброе

---

*) Любопытно мнѣніе *тогдашняго* Кавелина о тогдашнемъ Чичеринѣ. Чичеринъ напоминаетъ Кавелину слесаря. Слесарь, можетъ быть, и отличный мастеръ, но все-таки слесарь, а не механикъ. „И будетъ слесарь изслѣдовать и собирать машину *нѣсколько разъ*, а все-таки соберетъ ее ощупью, все-таки машина будетъ скрипѣть". Курсивъ нашъ.

сѣмя, и приготовить для свободы почву, гдѣ она могла бы пустить прочные корни. Этимъ мы исполнимъ завѣтъ нашихъ предшественниковъ. Этого требуетъ отъ насъ отечество, задержанное возникшею въ немъ смутою въ своемъ правильномъ гражданскомъ развитіи» *). Но авторъ видѣлъ смуту тамъ, гдѣ ея не было и слѣда. Даже московское губернское земство, даже гг. Лебедянцевъ, мечтавшихъ о возвращеніи крѣпостного права, онъ обвинялъ недавно въ соціализмѣ, увѣщевалъ, пытался обратить на путь истинный, внушить имъ должное уваженіе къ принципамъ личной собственности **).

Кавелинъ тоже сторонился тѣхъ элементовъ, которые казались ему «крайними». Все же одно время онъ находился подъ ихъ вліяніемъ. Подъ этимъ вліяніемъ его взгляды раздвинулись, вышли изъ того круга, который охватывается западничествомъ и славянофильствомъ въ старомъ смыслѣ этого слова. Его програма одно время стала ярче. Не то Чичеринъ. Онъ или игнорировалъ теченіе, литературными выразителями котораго явился «Современникъ», потомъ «Отечественныя Записки», или говорилъ о немъ, какъ о теченіи, лишенномъ всякаго смысла. «Бѣлинскаго спасало живое эстетическое чувство; Герценъ самъ былъ художникъ,—пишетъ онъ впослѣдствіи.—Позднѣйшіе же писатели этого направленія, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе, не имѣли уже никакой философской школы. Имъ равно чужды были и философія, и эстетика, и даже *всякое серьезное знаніе*, а потому это направленіе проявилось у нихъ во всей своей уродливой крайности. Для нихъ всѣ вопросы упростились, ибо нѣтъ ничего проще голаго отрицанія, основаннаго на невѣжествѣ. Только знаніе указываетъ человѣку, что все не такъ просто, какъ кажется. Однако, чистые отрицатели не обходятся безъ нѣкоторыхъ положительныхъ началъ; но они избираютъ такія, которыя не требуютъ ни знанія, ни умственной работы. Создаются разныя фантазіи о будущемъ блаженствѣ человѣческаго рода, которыя, не имѣя никакой практической почвы, представляютъ чистый бредъ воображенія. Этимъ привлекаются незрѣлые умы ничему не учившейся молодости» ***). Чичеринъ не колебался сопоставлять взгляды этой части литературы съ вожделѣніями мракобѣсовъ и человѣконенавистниковъ.

Програма тогдашняго Чичерина это—програма реалиста-либерала, стоящаго еще на рубежѣ двухъ эпохъ: всякій общественный строй есть соотношеніе силъ, уничтожить общественный строй значитъ измѣнить соотношеніе силъ. Катковъ предпочиталъ тогда раздѣленія на партіи раздѣленіямъ на сословія. Чичеринъ—наоборотъ. Отбросить наслѣдственность положенія, юридическую опредѣленность сословій, доказываетъ онъ Каткову ****), можно лишь тогда, когда «личные и свободные элементы общества» въ состояніи уже служить

---

*) Предисловіе къ „Собственности и государству", составляющее обращеніе къ русскому юношеству.

**) См. „Начало" 1899 г., январь, февраль. „Письма изъ провинціи. Изъ Тамбова. Опекуны и благодѣтели. (Картинки земской жизни)".

***) „Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго". „Вопросы философіи и психологіи", январь—февраль 1897 г. Курсивъ нашъ.

****) „Нѣсколько современныхъ вопросовъ". Москва. 1862 г., стр. 139.

опорой для государства. Тогда является преобладаніе «средняго сословія». Тогда можно обойтись безъ юридическихъ перегородокъ. Тогда сословія превращаются въ классы. Уничтожить же наслѣдственность, уничтожить сословныя границы, прежде чѣмъ сложились свободныя силы, значитъ пошатнуть всѣ отношенія, водворить анархію въ обществѣ.

Дворянство... единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ сознаніе своихъ правъ, читаемъ мы въ статьѣ «Русское дворянство», сознаніе, выработавшееся у него исторически. Дворянинъ считаетъ себя выше всѣхъ сословій. «Это, въ соединеніи съ образованіемъ, дѣлаетъ дворянство единственнымъ возможнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Россіи. Въ немъ одномъ есть зародышъ политической жизни. Если все въ государствѣ, сверху до низу, не должно быть возложено на одно правительство, если общественныя силы должны быть призваны къ участію въ политической жизни, то имѣть такого дѣятеля дѣло первостепенной важности какъ для правительства, такъ и для народа» *). Мы наталкиваемся здѣсь на своеобразные гимны... гимны крѣпостному праву. Милая старина! грустить авторъ. Русская литература почему-то оставила безъ вниманія то, что было въ ней привлекательнаго... Стоя поодаль отъ нея, нельзя не сознаться, что не всѣ владѣльцы были извергами. Въ однихъ крѣпостное право развивало звѣрскій произволъ, въ другихъ—сознаніе своего достоинства, чувство долга и отвѣтственности, наконецъ, «соединенную съ привычкой къ власти просвѣщенную независимость». Благосостояніе крестьянъ прямо «росло подъ ихъ просвѣщеннымъ попеченіемъ» **). Замѣтимъ, однако, что не эта слабость характерна для міросозерцанія Б. Н. Чичерина. На рубежѣ двухъ эпохъ, когда классовая структура еще не выяснилась, когда присущія этой структурѣ противорѣчія не очистились еще отъ всякихъ примѣсей, либерализмъ всегда принималъ посторонніе оттѣнки. Чистый либерализмъ, либерализмъ съ рѣзко выраженной буржуазной окраской не отвѣчалъ потребности ни одного изъ дѣйствовавшихъ классовъ. Если со второй половины шестидесятыхъ годовъ начался процессъ взаимоприспособленія либерализма и народничества, процессъ, закончившійся въ восьмидесятыхъ годахъ, то доктринеръ либерализма, ни одной уступки не сдѣлавшій народничеству, чуть не единственный теоретикъ манчестерства въ Россіи, не совсѣмъ освободился отъ дворянскихъ традицій, дворянскихъ настроеній ***).

«Реализмъ» лежалъ и въ основѣ воззрѣній Чичерина на крестьянскій вопросъ. Если крестьянинъ не можетъ платить за настоящій надѣлъ, то какъ же онъ сталъ бы платить за большій? Или предполагается, что этотъ большій надѣлъ надо предоставить ему даромъ, т.-е. ограбить надо помѣщиковъ, чтобы обезпечить крестьянъ? Недостаточностью надѣла ничего нельзя объяснять... Князь Васильчиковъ приписывалъ обѣднѣніе крестьянъ тяжести лежащихъ на нихъ податей. Въ доказательство того, что платежи крестьянъ превосходятъ

---

*) Ibid. Стр. 90.
**) „Русскій Архивъ“ 1890 г., кн. 4. „Воспоминанія“.
***) Ср. П. Струве. „На разныя темы“, стр. 94.

доходность ихъ надѣловъ, авторъ «Землевладѣнія и земледѣлія» ссылался на труды податной коммиссіи, на отзывы управъ и другихъ мѣстныхъ учрежденій. Чичеринъ остается при своемъ мнѣніи. «Разборъ всей этой массы свѣдѣній—пишетъ онъ, не можетъ, конечно, входить въ объемъ нашей задачи». Но... «мы не можемъ не сказать, что эти цифры фиктивныя». Князь Васильчиковъ просто вторитъ «разнымъ смутнымъ гуманитарнымъ инстинктамъ современнаго общества». Нѣтъ, преуспѣяніе Россіи можетъ быть достигнуто лишь тѣмъ путемъ, какимъ шла исторія Западной Европы. Вся бѣда отъ общины. Крестьянскіе же надѣлы столь велики, а платежи столь малы, что не оставляютъ ничего желать *).

Не менѣе «реалистично» тогдашнее отношеніе Чичерина къ земству, всеобщей воинской повинности, суду присяжныхъ. «Хаосъ—вотъ единственное возможное послѣдствіе господства пресловутаго земства» **). Всеобщая воинская повинность представлялась ему мѣрой очень смѣлой, судъ присяжныхъ—утопіей.

И все это во имя «реализма»: теоритически, какъ мы видѣли, Чичеринъ *чистѣйшій* либералъ, апологетъ гармоніи интересовъ. Надо ли удивляться, если, вопреки европейскому образованію, безспорно выдающимся силамъ покойнаго, его публицистика прошла безслѣдно для прежняго общества? Его мало читали, съ его идеями почти не считались... Его противники, окрашенные соціалистической тенденціей, строили утопіи и... находили откликъ въ русской дѣйствительности. Существовала группа, для которой даже Кавелинъ явился вдохновителемъ. Это та фракція народничества, которая сгруппировалась въ свое время около «Недѣли». Усвоивъ основныя воззрѣнія Кавелина, «Недѣля» неоднократно измѣняла, дополняла ихъ, впадала въ тотъ же эклектизмъ, какой составлялъ отличительную черту Кавелина, но никогда не разставалась съ сущностью его основныхъ взглядовъ. Въ силу этого и дѣятельность Кавелина сохраняетъ значеніе для историка общественныхъ движеній. Не то *тогдашній* Чичеринъ. «Реалистъ» съ ногъ до головы, идеологъ «отчасти судебника Ивана Грознаго и отчасти конституціонной хартіи Англіи» ***), онъ напоминалъ тогда, по справедливому выраженію г. Струве, барона Брамбеуса ****).

Но тѣмъ поучительнѣе судьба покойнаго. Подводя свой итогъ, Борисъ Николаевичъ въ существенныхъ пунктахъ подошелъ къ тѣмъ взглядамъ, съ которыми рѣзко полемизировалъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Эта дѣятельность, заслуживающая всеобщаго вниманія, дѣйствительно почтенная, дѣйствительно современная, стоитъ въ тѣсной связи съ общественнымъ подъемомъ послѣднихъ лѣтъ.

Оглядываясь на нихъ, на эти года, поневолѣ заражаешься какимъ-то возбужденіемъ. Голода, кризисы, быстрое ухудшеніе экономическаго благосостоянія

---

*) Чичеринъ и Герье. „Русскій диллетантизмъ и общинное землевладѣніе“.

**) „Нѣсколько современныхъ вопросовъ“, стр. 140.

***) А. Г—фовъ. „Чичеринъ и его философія“. „Русское Слово“ 1863, февраль.

****) П. Струве. „На разныя темы“, стр. 85.

массъ—никогда еще русское общество не нарушало такъ «безмолвіе», не разъ налагавшее «печать погибели» на всѣ его проявленія, никогда еще не искало такъ жадно воздуха, свѣта. Ни одного съѣзда, ни одного совѣщанія нельзя указать, гдѣ бы не дебатировался тотъ или иной общій вопросъ. Общіе вопросы проникли въ медвѣжьи углы. Къ нимъ прибѣгаютъ оффиціальныя лица. Они выдвигаются, наконецъ, тѣми сферами, существованіе которыхъ и является тормазомъ для ихъ признанія, для сколько-нибудь прогрессивнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Въ противоположность прежнимъ, нынѣшнее теченіе отличается своей широтой. Растутъ и крѣпнутъ новые классы. Чаще и чаще ставится вопросъ объ улучшеніи трудящихся массъ. Онѣ сами, въ лицѣ передовыхъ элементовъ, выступили на историческую сцену. Какъ ни скудны и отрывочны свѣдѣнія, имѣющіяся у насъ, не можетъ быть сомнѣнія: мы имѣемъ передъ собой очень большое, очень сложное явленіе... Борьба интересовъ не устраняетъ и общія цѣли, для достиженія которыхъ различные классы могутъ идти рука объ руку. Самостоятельность нужна и крупной буржуазіи, и мелкой, и промышленной, и сельской. Нужна и широкимъ слоямъ населенія. Нужна не только производственнымъ группамъ, но и такъ называемой интеллигенціи, и лицамъ свободныхъ профессій. Если классовый интересъ въ тѣсномъ смыслѣ слова дѣлаетъ свое дѣло, то и стремленіе разнообразныхъ группъ къ задачамъ, которыя поставлены русскому обществу ближайшимъ историческимъ моментомъ, не можетъ не давать результатовъ. Такъ пестрый калейдоскопъ быстро смѣняющихся явленій современной намъ жизни съ непреоборимой силой выдвигаетъ два ряда фактовъ, сливающихся въ одинъ стремительный потокъ...

Б. Н. Чичеринъ и выступилъ въ наше время апологетомъ «самодѣятельности». Содержаніе этого символа вѣры ничего положительнаго въ себѣ не заключаетъ: это чисто отрицательный тезисъ. Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ отмѣнѣ чего-нибудь, что стѣсняетъ, связываетъ, регламентируетъ, Чичеринъ на высотѣ положенія. Но такой же отпоръ встрѣчаютъ съ его стороны рабочіе союзы, всякія нормировки рабочаго времени, обязательное страхованіе рабочихъ, особенно, если оно сопровождается приплатами со стороны предпринимателей или государства. Разъ признается свобода труда, это начало должно быть проведено во всей своей послѣдовательности. «Трудъ находитъ величайшаго своего пособника въ томъ элементѣ, который при близорукомъ взглядѣ представляется ему главнымъ врагомъ, но который, въ концѣ концовъ, одинъ въ состояніи снять съ него излишнее бремя,—въ капиталѣ» *). Это такъ, какъ было, но «реализмъ», который дѣлалъ Чичерина защитникомъ авторитета, терпитъ уже пораженіе.

Въ средѣ канцелярій, читаемъ мы, могутъ возникать идеалы, «гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ чиновниковъ и подчиненной имъ безмолвной толпы. Эти наивныя мечты неисцѣлимаго бюрократизма берутъ за образецъ китайскую имперію съ ея всемогущимъ мандаринатомъ или Турцію съ управленіемъ пашей, упо-

---

*) „Курсъ государственной науки", т. II. „Соціологія", стр. 122.

добляющихся верховному падишаху и облеченныхъ полнымъ его довѣріемъ» *) Одни эти примѣры показываютъ, къ чему ведутъ подобныя мечты... То начало, которое прежде составляло сущность *теоретическихъ* воззрѣній покойнаго, пріобрѣтаетъ уже смыслъ практическій. Въ культурной странѣ бюрократія—несомнѣнно полезный органъ. Но если какую-нибудь страну «хотятъ превратить въ запертую со всѣхъ сторонъ клѣтку, въ которой невозможно дышать, то для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ отдать ее на жертву всеохватывающей и не знающей никакихъ сдержекъ бюрократіи. Да избавитъ насъ Провидѣніе отъ такого исхода» **), восклицаетъ авторъ. «Широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія одно въ состояніи обуздать бюрократическій произволъ и поддержать въ государствѣ живой общественный духъ, безъ котораго оно превращается въ мертвую машину. Поэтому въ самодержавныхъ государствахъ мѣстныя учрежденія, облеченныя обширными правами, вдвойнѣ необходимы» ***). По глубокому и вѣрному замѣчанію Монтескье, присутствіе независимыхъ посредствующихъ тѣлъ въ государственномъ строѣ «составляетъ существенное отличіе монархіи отъ деспотіи».

Признаніе человѣка свободнымъ, величайшій шагъ историческаго движенія, «совершился» у насъ позднѣе, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, и это, по мнѣнію автора, служитъ несомнѣннымъ признакомъ нашей отсталости. Прежде всего остался незавершеннымъ актъ освобожденія крестьянства. Въ законодательствѣ о крестьянахъ Чичеринъ вскрываетъ остатки крѣпостного права, крестьянство обезпечивается землею, ибо оно обязано отбывать повинности; всякое отчужденіе земли запрещается... «Стараются положить предѣлъ вторженію въ крестьянскую среду какихъ бы то ни было постороннихъ элементовъ. Крестьянство закупоривается въ общину, всякое вѣяніе свѣжаго воздуха заботливо отъ него отдаляется» ****). Даже личныя права, дарованныя положеніемъ 19-го февраля, стѣсняются или уничтожаются. Крестьянинъ отдается въ жертву міру, къ которому и хотятъ его прикрѣпить... Подобно крестьянамъ, и дворянство должно быть освобождено отъ унизительной для него опеки правительственнаго покровительства *****). Дворянство не благотворительное учрежденіе, которое содержится на общественный счетъ. Не призрѣваемые нужны государству, а люди, на которыхъ оно могло бы положиться. Дворянство издавна считается опорою престола. Но какой можетъ быть оно опорой, когда само нуждается въ поддержкѣ? Кто крѣпокъ, тотъ не вопіетъ о пособіяхъ, не унижается передъ властью, не дѣлается предметомъ призрѣнія... Весь raison d'être дворянства—въ земской дѣятельности, дворянство должно раствориться въ земствѣ.

Авторъ видитъ, что въ эпоху реформъ онъ нападалъ на то, что нуждалось въ поддержкѣ, и защищалъ то, что ни въ какой защитѣ не нуждалось.

*) „Вопросы политики", стр. 78.
**) Ibid., стр. 81.
***) Ibid., стр. 78.
****) Ibid., стр. 51.
*****) Ibid., стр. 16.

Бюрократія по существу своему есть элементъ, оторванный отъ почвы, пишетъ онъ теперь. Чѣмъ меньше она обставлена общественными элементами, чѣмъ менѣе она принуждена съ ними считаться, тѣмъ ярче проявляется это отрѣшеніе отъ живой дѣйствительности. Провинціи управляются людьми, которые совершенно имъ чужды, которые не знаютъ ни мѣстныхъ интересовъ, ни мѣстныхъ условій, задача которыхъ не въ томъ, чтобы удовлетворить общественныя потребности, а въ томъ, чтобы воспользоваться подчиненнымъ матеріаломъ въ правительственныхъ цѣляхъ. Уменьшить зло можно лишь развитіемъ мѣстной, земской, городской самодѣятельности. Лишь въ живомъ соприкосновеніи съ земскими, городскими силами бюрократія выйдетъ изъ состоянія бездѣйствія. Лишь встрѣчая непрерывныя преграды, она пріучится сдерживать свои инстинкты, обращаться съ свободными людьми, не требуя отъ нихъ безусловнаго подчиненія, удовлетворяя ихъ законныя нужды. Контроль отдаленной центральной власти безсиленъ противъ злоупотребленій. Здѣсь нужны независимыя мѣстныя силы. Словомъ, тѣ элементы, которые Чичеринъ въ свое время ограждалъ отъ «пресловутаго земства», нуждаются именно въ немъ... Разумѣется, заключаетъ онъ, и общественныя силы нельзя предоставить самимъ себѣ. Чтобы мѣстные интересы не шли въ разрѣзъ съ общественной политикой, чтобы «большинство не захватило въ свои руки меньшинство», правительственный контроль необходимъ и надъ общественными силами.

Тотъ же идеалъ вдохновляетъ теперь Чичерина, когда онъ пишетъ о церкви, о польскомъ, о еврейскомъ вопросѣ.

Истинное зло для государства, говоритъ онъ, составляетъ не распространеніе сектъ, а ихъ подавленіе. Распространеніе сектъ свидѣтельствуетъ о подъемѣ религіознаго чувства въ народѣ; оно—результатъ высоконравственныхъ стремленій. Переходятъ въ секты тѣ, чья душа не находитъ удовлетворенія въ оффиціальномъ формализмѣ, а ищетъ живого духовнаго единенія съ верховнымъ источникомъ всякой жизни. Какими путями происходитъ это приближеніе души къ Богу—это скрыто отъ человѣческихъ взоровъ и менѣе всего подлежитъ вѣдѣнію государственной власти. Государство обязано не касаться этихъ святыхъ отношеній. Даже тамъ, гдѣ религіозныя секты носятъ враждебный государству характеръ, къ нимъ слѣдуетъ относиться съ величайшей осторожностью. Нѣтъ болѣе превратной политики, какъ та, которая всякую самостоятельную мысль считаетъ явленіемъ предосудительнымъ и осуждаетъ независимость наравнѣ съ возмущеніемъ.

Когда съ притѣсненіемъ народностей «сочетается непомѣрное нахальство, когда вдобавокъ высшею добродѣтелью угнетающей народности выставляется христіанское смиреніе, то подобный патріотизмъ составляетъ одно изъ наиболѣе противныхъ и уродливыхъ явленій, какія можно встрѣтить въ общественной жизни. Русское общество нельзя отъ этого достаточно предостерегать» *). Съ этой точки зрѣнія Чичеринъ разсуждаетъ о польскомъ вопросѣ **). Онъ мечтаетъ

*) „Политика“, стр. 343.

**) Ibid., стр. 103.

объ осуществленіи тѣхъ самыхъ началъ, которыя воодушевляли Александра I и Александра II въ началѣ ихъ царствованій. Политическая роль Польши еще не кончена, полагаетъ онъ. Однако, человѣкъ, сочувствующій Польшѣ, желающій ея возрожденія, не можетъ не замѣтить, что оно возможно лишь въ томъ случаѣ, если уроки исторіи послужатъ ей на пользу. Подобно Финляндіи, Польша была соединена съ Россіей и имѣла свою особую конституцію, но въ то время, какъ Финляндія, аргументируетъ авторъ, «удержала свою политическую самостоятельность и особое устройство», Польша, не наученная горькимъ опытомъ прошлаго, совершила такіе безумные акты, какъ революціи 1830 и 1863 гг., и окончательно потеряла свою независимость...

Въ антисемитизмѣ—извѣстно, какія формы принялъ антисемитизмъ послѣдніе годы—Чичеринъ прямо видитъ признакъ «одичанія» *). Тутъ съ религіозной нетерпимостью соединяются самыя низменныя чувства: ненависть къ богатству, зависть къ успѣху, желаніе устранить дѣятельную конкуренцію какое-то чисто животное озлобленіе, подобное тому, которое возбуждаетъ собаку противъ кошки. Жидъ представляется синонимомъ чего-то грязнаго, презрѣннаго, существа низшей породы. Между тѣмъ именно отъ этого существа мы получили высшее, что есть въ человѣкѣ—законъ милосердія и любви. Изъ этого племени вышли и пророки, и апостолы. Отъ него родился самъ Христосъ. Всѣ эти священные завѣты заглушаются и попираются ногами подъ вліяніемъ безсмысленнаго животнаго влеченія. Нѣтъ, законодательство, лишающее евреевъ гражданскихъ правъ, есть наслѣдіе средневѣковья. Ничего не можетъ быть опаснѣе стремленія къ насильственной ассимиляціи. По отношенію къ покореннымъ народностямъ, обладающимъ исторіей и доказавшимъ свою жизненность цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ продуктовъ духовнаго творчества, всего менѣе можно ожидать благихъ результатовъ, если политика направлена на борьбу съ этими народностями **).

Законность—вотъ основа нормальной государственной жизни. Уваженіе къ закону, укрѣпляющееся долгой практикой, когда оно входитъ въ нравы, составляетъ самую надежную опору государственнаго строя. Реформы Александра II—вотъ фундаментъ, на которомъ должна строиться будущность Россіи. Начала свободы личности, независимаго суда, участія общественныхъ силъ въ управленіи, свобода науки, свобода совѣсти, свобода слова—«истинная правда состоитъ въ признаніи за всѣми равнаго человѣческаго достоинства, въ какихъ бы условіяхъ человѣкъ ни находился и какое бы положеніе онъ ни занималъ» ***). Не безпрекословное повиновеніе, не раболѣпіе и лицемѣріе, отжившія свой вѣкъ, показавшія всю свою непригодность—свободный союзъ правительственныхъ и общественныхъ силъ на почвѣ взаимнаго довѣрія долженъ быть знаменемъ современнаго русскаго человѣка, любящаго свое отечество.

Вотъ въ общихъ чертахъ идеи, которыя легли въ основаніе новѣйшей

*) Ibid., стр. 467.
**) Ibid., 466—467—468.
***) „Философія Права“, стр. 99.

писательской дѣятельности Чичерина. Его судьба оказалась обратной судьбѣ его полемистовъ—Ив. Аксакова и Каткова. Безъ сомнѣнія, «пока соціализмъ составляетъ общественное явленіе, съ которымъ надобно бороться, о гарантіяхъ свободы не можетъ быть рѣчи» *). Соціализмъ такой же врагъ Чичерина, какимъ былъ, когда онъ писалъ эти строки... Это—идеи просвѣщеннаго либерализма, идеи, впервые извлекшія имя Чичерина изъ тѣснаго ученаго міра въ широкіе круги алчущихъ русскихъ читателей...

Различные общественные классы выступали въ порядкѣ строгой послѣдовательности. И буржуазія въ извѣстные историческіе моменты вела общество впередъ... Капитализмъ былъ единственной возможной формой подъема производительныхъ силъ. Вспомните исторію религіи, науки, искуства—вы развернете передъ собой цѣлый рядъ побѣдъ, одержанныхъ буржуазіей... Человѣкъ впервые почувствовалъ міръ открытымъ... Отсюда эти короткія изреченія, сосредоточивавшія въ себѣ мораль момента... Съ этой точки зрѣнія смотримъ мы и на общественное развитіе Россіи. Такой моментъ теперь переживаетъ она. «Личность»—вотъ кумиръ, въ которомъ все важно для Россіи. «Личность»—вотъ господинъ своей судьбы и общества. Настанетъ день, и эта задача отойдетъ въ область прошлаго, какъ уже отошла на Западѣ. Но въ настоящую минуту эта задача развертывается передъ нами во всей своей широтѣ. Вотъ почему «просвѣщенный либерализмъ» займетъ видное мѣсто въ исторіи русской общественности. Вотъ почему—добрая память Б. Н. Чичерину, борцу за личную неприкосновенность...

Л. Клейнбортъ.

ВОПРОСЫ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ТРУДАХЪ МѢСТНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ О НУЖДАХЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Вопросъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, поставленный на очередь Высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ и детально освѣщенный трудами мѣстныхъ комитетовъ, еще разъ воочію показалъ, до какой степени всѣ мы (а не одни сельскіе хозяева и въ частности крестьяне) «нищи духомъ», а благодаря этому бѣдны и въ матеріальномъ, экономическомъ отношеніи. Самъ по себѣ, конечно, такой результатъ и совѣщанія и трудовъ нельзя назвать чѣмъ-то новымъ, неожиданнымъ: «ужъ сколько разъ твердили міру!..» Однако, если, можно сказать, «вся русская земля» (поскольку можно ея представителями считать комитеты съ заранѣе предрѣшеннымъ составомъ) громкимъ хоромъ пропѣла старую пѣсню, то къ пѣснѣ этой и къ ея отдѣльнымъ варіантамъ не мѣшаетъ прислушаться самымъ внимательнымъ образомъ.

Какъ извѣстно, изданіе трудовъ мѣстныхъ комитетовъ было не изъ удачныхъ: не только въ виду громоздкости своей, но и вслѣдствіе особенностей въ

*) „Собственность и государство", II, стр. 373.

*

расположеніи матеріаловъ, въ нихъ собранныхъ, пользоваться трудами даже спеціалисту крайне затруднительно. Можно было ожидать, что облегченіе здѣсь принесутъ «Своды» трудовъ, но всякій, кто съ ними имѣлъ дѣло, признаетъ, что и эти изданія не лишены недочетовъ,—и въ нашихъ глазахъ однимъ изъ такихъ недочетовъ является отсутствіе наглядности, съ какою можно было бы освѣтить труды комитетовъ, ихъ результаты, степень участія въ трудахъ отдѣльныхъ комитетовъ и губерній...

Въ наше время, когда почва подъ всенароднымъ образованіемъ такъ зыбка и неустойчива, когда весь вопросъ о просвѣщеніи окутанъ такимъ страннымъ мистическимъ и трагическимъ туманомъ, въ высшей степени поучительно воспроизвести именно съ возможной наглядностью всѣ тѣ думы, чувства и мечты, подъ властью которыхъ трудились свѣдующіе люди на мѣстахъ и какія повѣдали они намъ—всѣмъ русскимъ людямъ на поученіе.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что комитеты, конечною задачею которыхъ служило удовлетвореніе нуждъ сельскохозяйственной промышленности, усиленно подчеркивали неотложность удовлетворенія нуждъ культурныхъ вообще. Поднятіе культурнаго уровня народа въ цѣляхъ развитія сельскохозяйственной промышленности составляло предметъ, которому комитеты посвятили особое вниманіе въ своихъ заключеніяхъ, а причины тому лежали въ фактахъ отечественной и западно-европейской жизни.

Съ одной стороны, примѣръ европейскихъ государствъ, гдѣ росту народнаго образованія, какъ правило, сопутствуетъ интенсивная экономическая жизнь; съ другой—фактъ экономическаго процвѣтанія мелкихъ хозяевъ-крестьянъ изъ нѣмецкихъ и чешскихъ колонистовъ въ нашемъ юго-западномъ краѣ, взятый въ сопоставленіи съ умственнымъ ихъ развитіемъ,—все это наводило комитеты на признаніе причинной зависимости экономики отъ духовной культуры и въ частности паденія нашего «народнаго богатства» отъ нашего національнаго («національной особенности») невѣжества. Куда бы мы ни повернулись—такъ разсуждали мѣстные дѣятели—всюду это послѣднее колетъ глаза и всюду оно, какъ пресловутая нѣкогда «агличанка», намъ гадитъ.

Естественныя богатства нашей страны неисчерпаемы, собственный рынокъ предъявляетъ громадный спросъ на ихъ переработку, рабочія руки крайне дешевы, и тѣмъ не менѣе фабрикаты наши, будучи изъ рукъ вонъ плохи, страшно дороги, да и при такихъ-то условіяхъ могутъ вырабатываться не иначе, какъ съ помощью широкаго покровительства фабрично-заводской промышленности (таможенными пошлинами, желѣзнодорожнымъ тарифомъ, казенными заказами и кредитомъ), а притомъ промышленность эта продолжаетъ жить подъ дамокловымъ мечомъ кризиса.

И среди многихъ условій, вызывающихъ такое положеніе и такой ходъ вещей, едва ли не главнымъ является низкій уровень умственнаго развитія нашихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, ряды которыхъ комплектуются изъ среды нашихъ крестьянъ, малая культурность ихъ, какъ въ свою очередь одна изъ первыхъ причинъ малой производительности ихъ труда.

А промышленность добывающая? Какъ по количеству земли (66% у крестьянъ), такъ и по числу отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ (98%) мы

имѣемъ дѣло съ очевиднымъ преобладаніемъ хозяйствъ крестьянскихъ надъ частновладѣльческими, и слѣдовательно съ полнѣйшею зависимостью послѣдняго отъ перваго. О пагубномъ вліяніи на все сельское хозяйство крестьянской темноты, стало быть, и говорить нечего.

Останавливаясь передъ этимъ печальнымъ фактомъ, немногіе лишь комитеты выдвинули вопросъ о непосредственномъ воздѣйствіи на экономическій порядокъ. Слишкомъ долго было бы, да и въ ущербъ дѣлу экономическихъ улучшеній, дожидаться, по ихъ мнѣнію, широкаго развитія школьнаго образованія массы и прежде всего нужно позаботиться о подъемѣ чисто экономическими и техническими средствами производительности крестьянской земли и крестьянскаго труда: сдѣлайте деревню солиднымъ поставщикомъ цѣнныхъ продуктовъ, введите ее въ живой обмѣнъ съ городомъ и міромъ, дайте ей для этого хорошіе пути сообщенія, выгодный кредитъ, и тогда крестьяне сами озаботятся своимъ развитіемъ.

Однако, большинство рѣшило, что, во всякомъ случаѣ, «культура людей должна предшествовать культурѣ земли». Нашъ крестьянинъ вовсе не боится труда, но трудъ его мало продуктивенъ и недоброкачественъ, а между тѣмъ даже элементарное образованіе человѣка становится причиною какого-то психологическаго процесса, слѣдствіемъ котораго неизбѣжно является высшая трудоспособность. На облагороженіе этого-то фактора труда, въ личности воплощеннаго, и нужно обратить главное вниманіе, какъ основного и коренного фактора всякаго производства, и въ особенности производства сельскохозяйственнаго, гдѣ рабочій выходитъ на прямую борьбу съ силами природы, измѣнчивыми и стихійными, не допускающими готовыхъ и разъ навсегда данныхъ рецептовъ.

Всякія спеціальныя мѣропріятія требуютъ усиленной пропаганды ихъ путемъ печатнаго слова и, разумѣется, способности со стороны народныхъ массъ усвоить и примѣнить къ дѣлу вычитанное въ журналѣ или книжкѣ и выслушанное за время лекцій, а между тѣмъ въ Россіи имѣется много селъ, поголовно безграмотныхъ, рутина-же, косность и предразсудки—всеобщи.

По невѣжеству своему народъ нашъ не продвинется впередъ даже пропагандой средствъ борьбы чисто экономическихъ и техническихъ; не научитъ его и примѣръ, потому что и здѣсь нужна иниціатива, активность, которая, если не дается, то облегчается тѣмъ же развитіемъ ума и соображенія.

Мало возбуждаемый идеями улучшенной системы земледѣлія, сторонясь опытныхъ полей, образцовыхъ фермъ и выставокъ, нашъ крестьянинъ безсиленъ рѣшать даже тѣ задачи, которыя даются ему обыденной обстановкой.

И вотъ бросаются на вѣтеръ крестьянскія копѣйки, тратится мужицкій трудъ, а *онъ*, озлобленный къ тому же принужденіемъ, и въ этихъ во всѣхъ «мѣропріятіяхъ» ученыхъ и баръ видитъ только лишнее «испытаніе»...

Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ и вѣдьмъ запугиваетъ его передъ лицомъ не только силъ-стихій, но и богатствъ даровъ природныхъ; безпомощно онъ опускаетъ руки и поднимаетъ ихъ развѣ для того только, чтобы истребить безъ нужды собственную рыбу въ ея зародышахъ, загубить полезныхъ ему же птицъ... А уроки религіи касаются только внѣшняго,—обрядовъ и въ частности праздниковъ. Выйти въ поле, хотя бы и въ страду,—«грѣхъ», и призвать ба-

тюшку и помолиться при засухѣ или другой бѣдѣ:—вотъ все, до чего народъ «своимъ умомъ» доходитъ. Въ результатѣ полнѣйшее и всеобщее оскудѣніе: мужикъ производитъ горы хлѣба—и голоденъ; по сосѣдству онъ располагаетъ врачомъ, ветеринаромъ — и онъ попрежнему бѣжитъ къ знахарю, коновалу; около него школа—а онъ мѣстами и книжки въ глаза не видалъ.

Многое можно было бы прибавить къ этому, но и сказаннаго достаточно для того, чтобы понять, почему и на міровомъ рынкѣ мы не можемъ явиться въ роли не только господъ положенія, но и мало-мальски серьезнымъ конкурентомъ, а между тѣмъ, какъ разъ въ наше время крестьянскому хозяйству приходится считаться съ этимъ факторомъ, ибо теперь цѣны на хлѣба, производимые въ самомъ глухомъ углу Россіи, устанавливаются на заграничной биржѣ. Наша некультурность тамъ учитывается, и этотъ послѣдній ударъ опять-таки тяжко падаетъ на голову нашего все выносящаго мужика...

Въ своихъ «заключеніяхъ» изъ этихъ всѣхъ соображеній логически вытекавшихъ, комитеты съ разной силой и различными оттѣнками построили цѣлую програму мѣръ къ поднятію сельско-хозяйственной промышлености путемъ поднятія культурнаго уровня народа и въ первую очередь требовали всеобщаго народнаго образованія (I). По этому первому, основному вопросу *) высказалось (изъ 49 губ.) 31 губернія, т.-е. 63,2% ихъ, въ числѣ 108 комитетовъ (всего съ губернскими принимало участіе въ трудахъ 370 ком.) и постановлено 140 заключеній, т.-е. 12,5% всѣхъ заключеній (1.111 закл.).

Взывая къ культурному подъему народной массы, комитеты хотѣли этимъ отстранить на задній планъ заботы о развитіи дѣла спеціальнаго сельско-хозяйственнаго образованія, считая, что при настоящемъ положеніи вещей такое образованіе оказалось бы малоуспѣшнымъ и народу недоступнымъ; широкая, повсемѣстная организація сел. хоз. обученія была бы не по силамъ даже государству, а для массъ и неумѣстною еще роскошью. Вотъ почему комитеты, въ особенности имѣя передъ глазами примѣръ Зап. Европы и Америки, гдѣ и при скудости сел. хоз. школъ, но благодаря единственно грамотности и культурности населенія сел. хоз. знанія успѣшно прививаются внѣшкольнымъ путемъ, выразили пожеланія, чтобы и у насъ популяризація свѣдѣній путемъ печати, курсовъ, бесѣдъ и пр. развилась возможно сильнѣе. Но для этого аудиторію нужно подготовить, а подготовить мыслимо лишь усиленіемъ распространенія грамотности путемъ увеличенія числа начальныхъ общеобразовательныхъ школъ (II).

По этому вопросу высказались 42 губ. (85,7%), въ числѣ 114 ком. и дали 122 заключеній (10,9%).

Изъ 114 ком. лишь *одинъ* (Чернскаго уѣзда, Тульской губ.) былъ *противъ* усиленія распространенія грамотности, полагая, что «по улучшеніи благосостоянія крестьяне сами озаботятся грамотностью ихъ дѣтей» **).

*) Заключенія были высказаны по 25 вопросамъ.

**) Съ другой стороны къ общему положенію объ усиленіи грамотности были нѣсколькими комитетами сдѣланы особыя оговорки, а именно:

1) Макарьевскій уз. ком. (Нижегр.): „хотя бы 75% дѣтей школьнаго возраста

Въ связи съ только что выставленнымъ положеніемъ стоитъ также третье требованіе: о скорѣйшемъ обезпеченіи общедоступности начальнаго обученія устройствомъ потребнаго числа школъ. (III).

По этому поводу высказалось 41 губ. (83,6%), въ лицѣ 200 ком. и въ числѣ 209 заключеній (18,9%).

На скорѣйшее введеніе обязательнаго начальнаго бученіе (IV) комитеты, очевидно, смотрѣли какъ на необходимо-дополнительное требованіе къ общедоступности и всеобщности. Однако, изъ числа 80 комитетовъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи обязательности, 12 комитетовъ высказались *противъ* нея, причемъ 5 ком.—«*принципіально*» 1 (Яранскій—Вятской губ., 2) Спасскій—Казанской, 3) Боровичскій—Новгородской, 4) губернскій—Смоленскій и 5) губернскій—Тверской), а 7 комитетовъ—«*по преждевременности*»: (1) Малмыжскій—Вятской, 2) Губернскій — Казанской, 3) Звенигородскій — Московской, 4) Курмышскій—Симбирской, 5) Борисоглѣбскій—Тамбовской, 6) Богородицкій и 7) Бѣлецкій—Тульской). На возраженія этихъ комитетовъ (невозможно принужденіе, разъ дѣтямъ не въ чемъ выйти въ холодъ, дождь или разъ ребенокъ или подростокъ нуженъ въ страду для семьи (нянькой) и по хозяйству и пр.), большинство отвѣчало ссылкой на неразвитость и косность народа, только обостряющихъ обязанность государства защищать право ребенка на образованіе, при чемъ самому земству можно было бы предоставить право опредѣлять время и мѣсто введеніемъ обязательности въ виду того, что ему лучше извѣстны всѣ условія крестьянской жизни, а въ частости и народная бѣдность, которую земство въ данномъ случаѣ могло бы смягчить введеніемъ выдачи одежды и пищи учащимся дѣтямъ неимущихъ.

Какъ выше упомянуто, изъ числа 80 ком., подававшихъ голоса по поводу обязательности, лишь 12 возражали противъ нея; что же касается губерній, то изъ 49 губ. за обязательность стояла 31 *)

Выдвигая впередъ вопросъ объ обязательности обученія и пр. Комитеты предвосхищали одно изъ могущихъ встрѣтиться здѣсь затрудненій, а именно недостатокъ у государства средствъ къ немедленному и одновременному осуществленію сюда относящихся предпріятій всеохватывающей сѣти школъ и дополнительныхъ къ ней учрежденій внѣшкольнаго образованія (библіотекъ, народныхъ аудиторій и т. д.). Но, находя пагубнымъ всякое промедленіе, да вѣроятно и изъ другихъ также соображеній, комитеты указывали на естественнаго дѣлу помощника—живыя силы общества самого. Въ виду того однако,

---

2) Гайсинскій (Подолск.) „Въ тюрьмахъ обязательно“.
3) Ялтинскій (Таврич.): „Въ войскахъ“.
4) Хвалынскій (Сарат.): „Среди инородцевъ“.
5) Мензелинскій (Уфимск.): „Среди мусульманъ“.

*) При этомъ 1) Хвалынскій ком. (Сарат.) желая примѣнить обязательность „для обоихъ половъ“, 2) Рузскій (Моск.) „для дѣвочекъ“, 3) Мензелинскій (Уфимск.)—„среди христіанскаго населенія“, 4) Измаильскій (Бессарабск.) и Кобелякскій (Полт.)—„съ штрафованіемъ родителей. 5) Лохвицкій (Полт.), Бежецкій, Весьегонскій и Губернскій (Тверск.)—„съ представленіемъ срока введенія земству“.

что силы эти въ настоящее время сдерживаются и стѣсняются, комитеты предлагали устранить препятствія земельной, общественной и частной инціативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія (V), и между прочимъ путемъ установленія явочнаго порядка взамѣнъ разрѣшительнаго; за правительствомъ же при такихъ условіяхъ оставалась бы трудная задача по выработкѣ программы дѣятельности и по надзору за нею. Въ связи съ этимъ былъ затронутъ важный вопросъ о допущеніи въ школѣ (учебники и пр.), а равно на курсахъ, народ. чтеніяхъ, въ книжномъ дѣлѣ и въ періодической печати мѣстныхъ нарѣчій и языковъ.

Нѣкоторые изъ комитетовъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ *), обращали особое вниманіе на устраненіе препятствій «для ремесленныхъ школъ» (новгородскій уѣздный) и на «изданіе закона, обязывающаго владѣльцевъ большихъ имѣній устраивать школы для дѣтей рабочихъ» (Шавельскій—Ковенской г.). Вопросъ о распространеніи грамотности среди населенія связанъ тѣсно съ вопросомъ культурнаго подъема ближайшихъ руководителей народнымъ образованіемъ и воспитаніемъ—учителей и духовенства, въ такомъ подъемѣ давно нуждающихся.

Что касается учителей, то улучшеніе ихъ состава можетъ быть достигнуто раціональной ихъ подготовкой въ улучшенныхъ и увеличенныхъ по количеству спеціальныхъ заведеніяхъ—институтахъ, семинаріяхъ, а такъ какъ быстро организовать дѣло этого улучшенія и увеличенія было бы трудно, то необходимо пока организовать внѣшкольную подготовку—путемъ курсовъ, съѣздовъ и т. п.

Поэтому, требуя повышенія нравственнаго и образовательнаго уровня народныхъ учителей (VI), комитеты предлагаютъ: 1) увеличить число учебныхъ заведеній, подготовляющихъ народныхъ учителей (VIII), и расширить программы этихъ заведеній (IX), въ частности обративъ вниманіе на подготовку учителей по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства (XII).

По	VI	вопросу	высказались	25 губ.—34	ком.
»	VIII	»	»	13 »—25	»
»	IX	»	»	27 »—46	»
»	XII	»	»	10 »—13	»

Относительно учительскихъ съѣздовъ и курсовъ комитеты высказались за ихъ организацію и за пересмотръ правилъ о съѣздахъ, въ цѣляхъ облегченія ихъ открытія, и за предоставленіе права земству безъ испрошенія предварительнаго разрѣшенія открывать учительскіе курсы, вырабатывать программы и приглашать преподавателей (X).

Дѣйствительно, для народныхъ учителей, разбросанныхъ по глухимъ мѣстамъ и разобщенныхъ далекими разстояніями, больше, чѣмъ для другихъ дѣятелей, важенъ обмѣнъ идей, чувствъ, наблюденій, опыта и просто важно само общеніе; о громадномъ же значеніи съѣздовъ и курсовъ, какъ учрежденій лучше всего подготовляющихъ къ учительству, и говорить нечего. А между тѣмъ и здѣсь административная опека крайне тормозитъ нормальный ходъ дѣла:

*) 62 ком.—въ 32 губ.

срокъ съѣздовъ слишкомъ ограниченъ, ихъ разрѣшеніе достается съ тяжкимъ трудомъ; ихъ предсѣдатель (мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ и пр.) стѣсняетъ свободу мысли и чувствъ народныхъ учителей, голосованіе мнѣній не допускается, дѣлать постановленія или возбуждать ходатайства—тоже...

Мыслимо ли при такихъ условіяхъ ждать серьезныхъ послѣдствій и результатовъ?

Можетъ быть, потому даже, что въ самомъ обществѣ составилось преувеличенное представленіе о силѣ тѣхъ препятствій, устранить которыя здѣсь необходимо, и объясняется незначительное число голосовъ, требовавшихъ этого устраненія.

Изъ 49 губ. за съѣзды *) стояло всего 8 и изъ 370 ком., принимавшихъ участіе въ обсужденіи разбираемыхъ нами 25 вопросовъ, лишь 11 (губерніи Костромская—1 к., Московская—2, Нижегородская—2, Орловская—1, Полтавская—1, Саратовская—2, Таврическая—1, Тульская—1). За предоставленіе же земству права безъ испрошенія предварительнаго разрѣшенія открывать училищные курсы—5 губ. и 6 ком. (Бессарабская—1, Полтавская—2, Костромская—1, Саратовская—1, Тульская—1).

Противъ училищныхъ курсовъ высказался лишь одинъ елецкій комитетъ (Орловской) **) (XI).

За курсы 22 губ. ***) и 39 ком., причемъ большинство стояло за курсы сельскохозяйственные (по огородничеству, садоводству, пчеловодству ****), устраиваемыхъ особо или «при опытныхъ станціяхъ», «при опытныхъ хозяйствахъ», «при фермѣ», «при учительскихъ семинаріяхъ», «при среднихъ и высшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ» (одинъ комитетъ—«съ командировкою профессоровъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній). Меньшинство же имѣло въ виду курсы «для приготовленія лекторовъ и преподавателей повторныхъ курсовъ» (миргородскій—Полтавской); «по естествознанію» (елецкій—Орловской), «педагогическія» (Кременчугскій—Полтавской и губернскій—Саратовской) и «общеобразовательныя» (нерехтинскій—Костромской, бирскій—Уфимской).

Ненормальность въ постановкѣ начальнаго обученія, однако, въ очень значительной мѣрѣ зависитъ и отъ другихъ еще многихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ комитеты въ особенности отмѣтили горькую участь нашихъ народныхъ учителей въ матеріальномъ отношеніи. Какъ бы ни была дешева сельская жизнь, но 15—20 р., которые получаетъ («дѣло самое обыкновенное») земскій учитель, не даютъ возможности жить по-человѣчески: примите во

*) XIII вопросъ.

**) И то противъ сельскохозяйственныхъ.

***) Витебская (2 к.), Владимірская (6), Вологодская (1), Вятская (1), Гродненская (1), Казанская (1), Калужская (1), Кіевская (4), Костромская (2), Курская (1), Московская (1), Олонежская (1), Орловская (2), Подольская (1), Полтавская (2), Рязанская (2), Саратовская (2), Смоленская (1), С.-Петербургская (1), Таврическая (2), Уфимская (2), Ярославская (2).

****) Губернскій—Подольской, губернскій—Рязанской, ростовскій—Ярославской, путивльскій—Курской, юхновскій—Смоленской, губернскій—Гродненской, губернскій Уманской и радомысльской—Кіевской, чистопольскій—Казанской и пр.

вниманіе душную атмосферу, окружающую учителя (даже, какъ мы видѣли, по части профессіональнаго общенія на съѣздахъ и курсахъ), всѣ эти столкновенія со старшинами и писарями волостными, отсутствіе правъ на пенсію и пр. и вы поймете, что учителю предоставляется «свободный» выборъ или подорвать въ корнѣ свои физическія силы и заглушать духовныя, или бѣжать изъ школы, мѣняя ее на казенную винную лавку и т. д. И чѣмъ добросовѣстнѣе учитель, тѣмъ альтернатива эта оказывается болѣе роковою...

Поэтому комитеты (въ числѣ 48) 25 губерній предлагали улучшить матеріальное положеніе учителей (VII), причемъ въ частности: новгородъ-сѣверскій комитетъ (Черниговской) предлагалъ «повышеніе содержанія до 500 р.»; люцинскій—Витебской: «съ назначеніемъ кромѣ того помощниковъ»; звенигородскій—Кіевской: «съ предоставленіемъ правъ государственной службы»; щигровскій—Курской и хвалынскій—Саратовской: «съ предоставленіемъ правъ на пенсію»; губернскій—Полтавской: «съ предоставленіемъ правъ на пенсію и вообще правъ государственной службы»; кременчугскій—Полтавской: «съ правомъ черезъ 6 лѣтъ на званіе личнаго, а черезъ 12—потомственнаго почетнаго гражданина»; самарскій уѣздный: «съ участіемъ въ училищномъ Совѣтѣ»; два комитета (рузскій—Московской и симферопольскій—Таврической) вообще требовали улучшенія «и правового положенія», и, наконецъ, 12 комитетовъ—«увеличенія содержанія и назначенія наградъ за распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній».

Уже вопросъ объ установленіи преемственной связи между низшей, средней и высшей (общими и спеціальными) школами, а равно между начальной и низшей сельскохозяйственной (XXIV) показалъ комитетамъ, въ какой тѣсной связи находится общее и спеціальное (сельскохозяйственное) образованіе.

Установить фактически подобную связь значило бы только лишній разъ напомнить аксіому, согласно которой общее образованіе (и культура) есть единственно возможная основа спеціальнаго.

Но требовать реформъ въ дѣлѣ общаго образованія заставляетъ и масса другихъ соображеній, и въ ряду нихъ не изъ второстепенныхъ являлось то, что изъ среды самихъ податныхъ сословій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе растутъ запросы на гимназію и университетъ, а такъ какъ средняя и высшая школа не вмѣщаютъ въ стѣнахъ своихъ и всѣхъ желающихъ изъ среды привилегированныхъ, то вполнѣ естественны были такія пожеланія комитетовъ, какъ, съ одной стороны, объ облегченіи доступа къ среднему и высшему общему и спеціальному образованію путемъ удешевленія или безплатности и т. п. (XVIII), или какъ требованіе увеличенія числа среднихъ (XIX) и высшихъ (XXIII) общеобразовательныхъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній.

Разъ же затронуты были эти вопросы, то неизбѣжно должны были комитеты остановиться и на другихъ: о реорганизаціи средней общей школы и въ частности на устройствѣ при ней пансіоновъ. Изъ числа 31 ком. (18 губ.) *),

*) Астраханская (1 к.), Бессарабская (1), Воронежская (1), Вятская (1), Калужская (1), Костромская (2), Московская (1), Нижегородская (4), Новгородская (3), Орловская (2), Пермская (2), Псковская (1), Самарская (2), Саратовская (3), Смоленская (2), Таврическая (1), Тамбовская (2), Уфимская (1).

высказавшихся по XXIV вопросу (о преемственной связи между школами), нѣкоторые стояли особенно за связь «между общеобразовательными» учебными заведеніями (тихвинскій—Новгородской), другіе «между техническими» (ветлужскій—Костромской); одни обращали вниманіе на «переходъ изъ реальныхъ училищъ въ университетъ» (ставропольскій—Самарской), другіе преслѣдовали узко-мѣстные интересы, желая примѣнить идею связи «относительно училища Чижова», и, наконецъ, два комитета (тихвинскій—Новгородской и Малоархангельскій—Орловской) высказались не за преемственную связь, а за «законченные курсы» (по мнѣнію тихвинскаго комитета, «въ спеціальныхъ школахъ»).

По XVIII вопросу (объ удешевленіи или безплатности средняго и высшаго образованія) высказались также 18 губ. *) въ числѣ 27 ком. и особо ратовали за «женщинъ» (бирскій—Уфимской), за «стипендіи или пансіоны для окончившихъ начальную школу крестьянъ» и пр. (за облегченіе доступа въ «Гурьевскую школу»). Заключенія по вопросу XIX—объ увеличеніи числа среднихъ, общихъ и спеціальныхъ, учебныхъ заведеній—исходили изъ 18 же **) губерній (25 комитетовъ), причемъ бѣлевскій комитетъ (Тульской) предлагалъ увеличить «въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ», а Кузнецкій (Саратовской) хлопоталъ объ училищахъ «реальныхъ».

Относительно же высшихъ высказались (XXIII) 14 губ. съ 18 ком. ***). По поводу реорганизаціи средней школы комитеты имѣли въ виду:

1) реорганизацію ея въ смыслѣ большаго соотвѣтствія ея практическимъ требованіямъ (XX);

2) введеніе въ курсъ естествовѣдѣнія, сельскохозяйственныхъ наукъ, обществовѣдѣнія и ручного труда (XXI) и

3) устройство пансіоновъ (XXII).

По 1 пункту (XX) заявили свое мнѣніе 7 губ. (8 ком.), причемъ одинъ (бирскій—Уфимской) предлагалъ въ томъ же смыслѣ реорганизовать «и высшую школу».

По 2 пункту (XXI)—8 губ. съ 14 ком., изъ коихъ: 7 комитетовъ обращали вниманіе на «естествовѣдѣніе» (жиздринскій—Калужской, тихвинскій—Новгородской; губернскій, дорогобужскій и Смоленскій у.,—Смоленской; Губернскій и лебединскій—Харьковской) и 7 на «сельскохозяйственныя науки». Новгородскій; губернскій—Пензенской «необязательный курсъ при одномъ заведеніи въ городахъ, гдѣ много среднихъ учебныхъ заведеній»; и саранскій—

*) Вологодская (1), Вятская (1), Калужская (1), Ковенская (1), Курляндская (1), Могилевская (1), Московская (1), Новгородская (2), Орловская (1), Пермская (2), Подольская (1), Полтавская (3), Псковская (2), Саратовская (1), Смоленская (3), Тульская (2), Уфимская (1), Харьковская (2).

**) Архангельская (1), Владимірская (1), Волынская (1), Вятская (3), Екатеринославекая (1), Кіевская (2), Костромская (3), Курская (1), Московская (2), Новгородская (1), Орловская (1), Пермская (1), Подольская (1), Полтавская (1), Саратовская (1), Тамбовская (1), Тульская (2), Уфимская (1).

***) Владимірская (1), Волынская (1), Вятская (3), Екатеринославская (1), Кіевская (1), Костромская (2), Московская (2), Новгородская (1), Орловская (1), Подольская (1), Смоленская (1), Тамбовская (1), Тверская (1), Уфимская (1).

Пензенской же: «съ опытнымъ полемъ»; затѣмъ: Губернскій—Саратовской; смоленскій у., губернскій и борзенскій—Черниговской.

«Обществовѣдѣнія» желалъ дорогобужскій (Смоленской).

«Ручного труда»—сарапульскій—(Вятской) «въ женскихъ».

Идея пансіоновъ (XXII), вызванная отчасти тѣми же соображеніями о недостаточномъ числѣ школъ, отстаивалась немногими комитетами: можетъ быть, на пансіоны они смотрѣли, какъ на малоутѣшительный палліативъ, а можетъ быть и то, что, не довѣряя нынѣшнему типу оффиціальныхъ пансіоновъ, рѣшались лучше отдать ребенка въ чужую семью, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она все-таки благопріятнѣе пансіоновъ вліяетъ на ребенка.

За пансіоны высказались: 1) печорскій к.—Архангельской, 2) малмышскій—Вятской, 3) ельнинскій—Смоленской, 4) лебединскій—Харьковской.

Противъ—губернскій—Смоленской.

Таковы въ общемъ размѣры и направленіе «Трудовъ» комитетовъ по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: достойнымъ завершеніемъ ихъ было обсужденіе вопроса объ облегченіи цензурныхъ условій для періодической печати (XXV).

Печать является въ наше время такимъ могучимъ орудіемъ въ развитіи соціальныхъ явленій порядкѣ, и въ частности она способна создать такую облагораживающую народныя массы въ культурномъ отношеніи атмосферу, что при постановкѣ столь сложнаго вопроса, какъ нужды промышленности, питающей все русское государство и націю, взоры мѣстныхъ дѣятелей не могли не обратиться и на эту увы! все еще новую и непризнаваемую многими—«великую державу». Однако, тѣсная связь періодической печати съ сельскимъ хозяйствомъ, о чемъ уже и упоминалось выше, громадная роль ея въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній, а также и грамотности (какъ одно изъ раціональныхъ средствъ внѣшкольнаго обученія), по всей вѣроятности, заставитъ и противниковъ печати если не питать къ ней уваженія, то по меньшей мѣрѣ терпѣть ее, какъ одно изъ «необходимыхъ золъ».

Уничтоженіе предварительной цензуры и др. мѣры освободительнаго характера вызвали бы, такъ между прочимъ разсуждали комитеты—періодическія изданія, приспособленныя къ массамъ, и этимъ ослабился бы рецидивъ безграмотности крестьянской, повысился бы культурный уровень парода, а слѣдовательно достигнуты были бы и непосредственныя задачи, надъ которыми комитеты трудились (нужды сельско хозяйственной промышленности), и съ другой стороны и въ одно время съ этимъ оказалась бы подъ рукой и одна изъ радикальнѣйшихъ мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію такихъ народныхъ и государственныхъ бѣдствій, какъ хроническіе «недороды» хлѣбовъ, холерные бунты, антиеврейскіе безпорядки и сотни имъ подобныхъ *...

К. Д—новъ.

---

*) За облегченіе ценз. условій для пер. печати высказались 12 г. и 18 ком. (Волог.—1, Костр.—3, Курск.—1, Моск.—1, Нижег.—1, Новг.—1, Полт.—5, Сарат.—1. Таврич.—1, Тверск.—1, Уфимск.—2, Черниг.—1). При этомъ три комитета предлагали *„допущеніе мѣстнаго языка“*: Полтавскій и Хорольскій—Полтавской и Городнянскій —Черниговской).

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Проектъ страхованія рабочихъ. Въ печати появилось извѣстіе, что министерствомъ финансовъ разработаны и разосланы на заключеніе заинтересованныхъ вѣдомствъ предположенія о введеніи государственнаго страхованія рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской и горной промышленности; предположенія эти вмѣстѣ съ заключеніями по нимъ названныхъ вѣдомствъ министерство финансовъ намѣрено внести въ государственный совѣтъ не позднѣе текущаго года. Въ дополненіе и подверждение этихъ слуховъ «Горнозаводскій Листокъ», органъ совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, приводитъ въ извлеченіи главныя основанія выработаннаго министерствомъ финансовъ законопроекта. Основное начало проекта заключается въ томъ, что страхованіе должно быть *необязательнымъ*; полагаютъ, что предприниматели въ виду выгодъ страхованія переведутъ въ государственныя страховыя учрежденія рабочихъ, застрахованныхъ въ коммерческихъ обществахъ, и на этой почвѣ будетъ облегчено впослѣдствіи введеніе принципа обязательности (объ урегулированіи конкуренціи государственнаго страхованія съ коммерческимъ въ законопроектѣ не упоминается). Второе основное начало проекта состоитъ въ томъ, что веденіе страховыхъ операцій возлагается на *государственныя сберегательныя кассы*, которыя будутъ переименованы въ сберегательно-страховыя (центральное управленіе государственными сберегательными кассами принимало дѣятельное участіе въ разработкѣ излагаемаго законопроекта). Дѣятельность сберегательно-страховыхъ кассъ разсчитана на страхованіе не однихъ только рабочихъ; предметомъ страхового договора можетъ быть страхованіе жизни отдѣльнаго лица (отдѣльныя страхованія) или группы лицъ, состоящей изъ служащихъ, рабочихъ или участниковъ предпріятій, учрежденій или Обществъ, а также и членовъ семействъ указанныхъ лицъ (страхованія совокупныя). Кассы производятъ слѣдующія страховыя операціи: а) страхованіе капитала, уплачиваемаго въ случаѣ смерти застрахованнаго; б) страхованіе капитала, уплачиваемаго по дожитіи застрахованнаго до опредѣленнаго возраста или ранѣе, въ случаѣ смерти его (смѣшанное страхованіе); в) страхованіе капитала, уплачиваемаго въ случаѣ дожитія застрахованнаго до условленнаго срока; г) страхованіе пожизненныхъ доходовъ (пенсій), немедленныхъ или отсроченныхъ, уплачиваемыхъ при жизни опредѣленнаго лица; д) страхованіе пенсій на пережитіе,

уплачиваемыхъ при жизни одного опредѣленнаго лица въ случаѣ смерти другого. Общая сумма капитала, застрахованная на случай смерти или на дожиніе одного лица, не должна превышать 5.000 руб., а общій размѣръ пенсіи, застрахованной на жизнь одного лица,—600 р. Дальнѣйшихъ подробностей—о порядкѣ уплаты, возрастѣ страхуемыхъ и т. д.—мы не приводимъ въ виду ихъ спеціально-техническаго характера. Что касается до такъ называемыхъ совокупныхъ страхованій, то относительно ихъ совѣту управленія кассъ съ разрѣшенія министерства финансовъ предоставляется устанавливать отдѣльныя для каждаго предпріятія, учрежденія или Общества условія договора съ кассами. По страхованіямъ совокупнымъ, заключаемымъ на основаніи обязательнаго въ немъ участія всѣхъ или опредѣленной категоріи служащихъ или рабочихъ учрежденія или предпріятія, а равно членовъ взаимнаго общества, государственныя сберегательно-страховыя кассы могутъ принимать на себя слѣдущія обязательства: а) уплату похоронныхъ денегъ, б) уплату пенсій, назначенныхъ учрежденіемъ, предпріятіемъ или обществомъ, и в) принятіе части или всѣхъ обязательствъ учрежденія, предпріятія или общества по страхованію капиталовъ и пенсій для служащихъ, рабочихъ или членовъ, а равно и для ихъ семействъ (ст. 47-я). Законопроектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ «Горнозаводскомъ Листкѣ», возлагаетъ на сберегательныя кассы, повидимому, не столько спеціальное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности, сколько производство всякихъ вообще страховыхъ операцій, входящихъ въ кругъ дѣятельности коммерческихъ страховыхъ Обществъ. Не ограничиваясь страхованіемъ однихъ рабочихъ, сберегательно-страховыя кассы въ то же время какъ будто бы не будутъ производить тѣхъ операцій, которыя входятъ въ сферу дѣятельности института страхованія рабочихъ. Такъ, изъ изложеннаго не видно, будутъ ли кассы производить страхованіе на случай болѣзней, несчастій и т. д.

Успѣхи монополіи. Какъ сообщаетъ «Волгарь», винная монополія въ Нижегородской губерніи прогрессируетъ съ каждымъ годомъ. Вотъ сравнительныя цифры за $2^1/_2$ года:

«За половину 1901 года продано монопольки 576.795 ведеръ, за весь 1902 годъ—1.055,463 ведра и за 1903 годъ 1.068.557.

«За 1901 годъ, за полгода, потребленіе выразилось въ количествѣ 0,332 ведра, принимая цифру населенія губерніи въ 1.735.636 жителей. По тому же разсчету въ 1903 году каждая душа выпила водки вдвое больше, именно свыше $^6/_{10}$ ведра.

«Барыши монополіи колоссальны. За половину 1901 года получено чистаго дохода 3.255.809 рублей, за 1902 годъ 5.979.984 руб., за 1903—6.140.515 рублей. При этомъ любопытно, что съ каждымъ годомъ стоимость проданнаго вина обходится монополіи дешевле—съ 2 р. 13 к. за 1901 г. стоимость въ 1903 г. понизалась до 1 95 к. Другими словами словами, потребленіе растетъ, стоимость производства падаетъ, процентъ доходности увеличивается. Уже теперь на одно ведро чистаго дохода получается 5 р. 74 к.

«Изъ общаго количества проданнаго за 1903 годъ въ губерніи вина 85 проц. приходится на водку въ 7 р. 60 к. за ведро, 11 проц. на 8-рублевое и только 2 проц. на 10-рублевое. Пьютъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ, дешевку, хотя продажу водки почти въ четыре раза дороже своей цѣны едва ли можно назвать дешевой.

«Въ какой посудѣ обыватели предпочитаютъ брать водку?

«За 1903 годъ четвертей продано 1.089.091, бутылокъ 5.511.341, полубутылокъ 15.192.410, сотокъ 10.985.377, двухсотокъ 3.104.564 штуки.

Куда идетъ доходъ монополіи? Въ отчетахъ мы не найдемъ отвѣта.

Земскія учрежденія пробовали просить монополію подѣлиться барышами, но ничего не добились. Впрочемъ, за 1903 годъ городамъ и земствамъ выдано вознагражденія, взамѣнъ сбора съ патентовъ, 109 тысячъ изъ 8 слишкомъ милліоновъ.

«Въ апрѣлѣ прошлаго года,—сообщаетъ «Сарат. Дн.», изъ с. Сестренокъ, Балашовскаго уѣзда,—проѣздомъ наше село посѣтилъ г. начальникъ губерніи. Въ разговорѣ съ крестьянами, коснувшись вреда употребленія спиртныхъ напитковъ, г. начальникъ губерніи замѣтилъ, что общество можетъ, если пожелаетъ, ходатайствовать о закрытіи въ селѣ винной лавки. Вскорѣ послѣ проѣзда г. губернатора, собравшіеся на сходъ крестьяне составили приговоръ съ ходатайствомъ закрыть въ с. Сестренкахъ казенную винную лавку, въ цѣляхъ воздержанія отъ употребленія спиртныхъ напитковъ для улучшенія своего благосостоянія. Приговоръ общества тогда же былъ направленъ по принадлежности. И вотъ, ровно черезъ годъ, 25-го мая, въ село пріѣхалъ акцизный чиновникъ для провѣрки приговора. Собрали сходъ, и результатомъ провѣрки оказалось единогласное заявленіе всѣхъ участниковъ схода, подтверждающее приговоръ о нежеланіи имѣть лавку; въ этомъ же смыслѣ, по требованію г. чиновника, составленъ новый приговоръ.

«Не довольствуясь, видимо, почему-то заявленіемъ схода и отыскивая истинную причину такого ходатайства, чиновникъ спросилъ объ этомъ бывшаго тутъ же на сходѣ владѣльца помѣщенія лавки, онъ же отецъ продавщицы вина. Послѣдній съ большимъ неудовольствіемъ заявилъ, что виновники этому дѣлу трое мѣстныхъ крестьянъ, членовъ общества трезвости, существующаго въ с. Сестренкахъ, и что они «возмутили» все сельское общество. Указанные виновники, бывшіе на сходѣ же, стали оправдываться въ совершенномъ ими «преступленіи», вѣроятно боясь наказанія, что они тутъ не при чемъ, что это дѣло всего общества; началась перебранка; сельскій староста, желая избавить общество отъ такихъ иниціаторовъ предлагалъ даже удалить ихъ со схода, но чиновникъ записалъ только ихъ имена. Дня черезъ два чиновникъ вновь былъ въ селѣ. Вслѣдъ за его отъѣздомъ началась попойка въ домѣ противъ винной лавки. Охотниковъ до даровой выпивки явилось не мало, ихъ оповѣщали, и угощавшіеся, смѣясь, разсказывали, что они вновь, по старой памяти, сдаютъ теперь право на «винополію» и пишутъ приговоръ...»

Съ береговъ Вислы. «Варшавскій Курьеръ» отмѣчаетъ, что переживаемый въ настоящее время привислянскимъ краемъ кризисъ отличается исключительной всесторонностью и въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣ предыдущіе, которые касались только извѣстныхъ отраслей народнаго благосостоянія, оставляя въ сторонѣ другія. Теперь тяжелое время переживаютъ всѣ области жизни: финансы, промышленность, торговля, ремесла и сельское хозяйство, связанныя вопреки всѣмъ антагонизмамъ въ одно цѣлое общимъ недомоганіемъ. Послѣднимъ звеномъ въ этой тяжелой цѣпи является рабочій трудъ, который прежде всѣхъ палъ жертвой кризиса и, какъ наиболѣе слабый экономически, сильнѣе другихъ почувствовалъ перемѣну къ худшему. Въ настоящее время передъ нами стоитъ 60.000 людей, лишенныхъ заработка, вполнѣ или же въ такой части, что они вынуждены также обращаться къ помощи общественной благотворительности. Это число находится только въ Варшавѣ и распадается почти на двѣ равныя части между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ; главнымъ образомъ въ него входятъ фабричные рабочіе и ремесленники, а затѣмъ опирающіе на нихъ свое существованіе мелкіе торговцы. Ремесла пострадали отъ кризиса не всѣ въ одинаковой степени. Изъ данныхъ, собранныхъ въ варшавскихъ цехахъ, видно, что сильнѣе всѣхъ пострадали сапожники и портные, у которыхъ сидитъ безъ работы по нѣскольку человѣкъ. Въ провинціи кризисъ особенно тяжело отразился на Петроковской и Калишской губерніяхъ. Точныхъ данныхъ пока нѣтъ, но извѣстно, наприм., что въ маѣ въ Лодзи было до 4.000 рабочихъ безъ заработка; теперь число это значительно возросло. Осталась безъ работы масса ткачей въ Здунской Волѣ, Александровѣ, Константиновѣ и др. мѣстностяхъ около Лодзи. Положеніе этого класса населенія ухудшается дороговизной съѣстныхъ припасовъ. Цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, картофеля, втрое превышаютъ прошлогоднія.

Просвѣщеніе въ Архангельской губерніи. Какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», на 376 тыс. жителей Архангельской губерніи выписывалось въ 1902 году 7.947 періодическихъ изданій. Если изъ этого числа исключить оффиціальныя изданія, какъ «Сельскій Вѣстникъ» (649 экз.), «Архангельскія Губернскія Вѣдомости» (612 экз.), «Церковныя Вѣдомости» (335 экз.), Архангельскія Епархіальныя Вѣдомости», «Народное Образованіе» и другія, то останется частныхъ изданій только 5.457 экземпляровъ, или 1,45 изданія на 100 жителей губерніи. Среди этихъ изданій обще-литературныя изданія составятъ не болѣе $^2/_3$, и на 100 жителей такимъ образомъ придется не болѣе одного экземпляра періодической печати. На городское населеніе (33 тыс. жит.) приходится 4.555 экз. и на сельское 3.392 экз., въ томъ числѣ 1.307 экз. оффиціальныхъ изданій. На 100 жителей городского населенія неоффиціальныхъ изданій приходится 10,2 экземпляра, а сельскаго населенія—0,61 экз. Изъ газетъ и журналовъ на первомъ мѣстѣ стоятъ петербургскія дешевыя газетки—«Биржевыя Вѣдомости» (423 экз.), «Свѣтъ» (242 экз.). Мѣстная ярославская газета «Сѣверный Край» занимаетъ второе мѣсто (244 экз.).

Затѣмъ уже въ значительно меньшемъ количествѣ слѣдуютъ петербургскія большія газеты—«Новое Время» (79 экз.), «Новости» (64), «Петербургъ» (54). Изъ московскихъ газетъ «Русскія Вѣдомости» выписываются въ 42-хъ экз., «Русское Слово»—23-хъ экз., «Курьеръ» въ—17-ти экз. Среди журналовъ первое мѣсто занимаютъ иллюстрированные, и среди нихъ «Нивѣ» принадлежитъ исключительное мѣсто (530 экз.); «Родина» выписывалась въ количествѣ 461 экз., «Русское Чтеніе»—132 экз., «Вокругъ Свѣта»—111 экз., доктору Рамму также удалось распространить свои изданія въ большомъ количествѣ: «Самообразованіе»—115 экз., «Живописное Обозрѣніе»—91 экз. Изъ толстыхъ журналовъ первое мѣсто занялъ «Міръ Божій» (46 экз.); затѣмъ слѣдуютъ «Вѣстникъ Иностранной Литературы» (35), «Историческій Вѣстникъ» (32), «Русская Старина» (32), «Вѣстникъ Европы» (22), «Русское Богатство» (26) и «Русская Мысль» (19 экз.). Въ большомъ количествѣ выписываются духовныя изданія, какъ «Русскій Паломникъ» (116), «Воскресный День» (102), «Воскресенье» (78), «Пастырскій Собесѣдникъ» (55); спеціальныя техническія изданія («Лѣсопромышленный Вѣстникъ», «Спасаніе на Водахъ» и пр.).

Школьное дѣло въ губерніи находится преимущественно въ вѣдѣніи духовенства; въ уѣздахъ насчитывалось въ 1902 году 257 школъ духовнаго вѣдомства и 117 школъ министерствъ народнаго просвѣщенія. Изъ числа церковныхъ школъ было три второкласныхъ, пять двухклассныхъ, 152 одноклассныхъ и 96 школъ грамоты. Изъ школъ министерства народнаго просвѣщенія двухклассныхъ было 11. Учащихся въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія состояло 4.193 мальчиковъ и 1.282 дѣвочки—по 47 на школу; въ школахъ церковныхъ—6.612 мальчиковъ и 2.999 дѣвочекъ—по 38 на одну школу. Дѣвочки въ церковныхъ школахъ составляютъ 26°/₀ всѣхъ учащихся, а въ министерскихъ—23,4°/₀. Дѣтей школьнаго возраста въ селеніяхъ губерніи насчитывалось около 35.652 (принимая 10°/₀ всего населенія); слѣдовательно, около 20.566 дѣтей школьнаго возраста не имѣли возможности пользоваться школой. Школы посѣщались исключительно дѣтьми русскаго населенія; въ министерскихъ сельскихъ школахъ было только шесть инородцевъ, а въ церковныхъ—ни одного. Самоѣды, лопари, зыряне, корелы, населяющіе Архангельскую губернію, остаются внѣ воздѣйствія просвѣтительныхъ учрежденій. На министерскія школы изъ государственныхъ средствъ отпускалось 48.008 р. и на церковныя—56.375 руб. Изъ мірскихъ суммъ на первыя расходовалось 14.666 руб. и на вторыя—8.808 руб. и изъ частныхъ пожертвованій—8.622 руб. и 8.925 руб. Изъ церковныхъ суммъ расходовалось почти въ четыре раза меньше, чѣмъ изъ мірскихъ на одни церковныя школы (2.186 р.). Начальное образованіе въ городахъ Архангельской губ. такъ же недостаточно, какъ и въ уѣздахъ; начальныхъ министерскихъ школъ въ городахъ—24 и церковныхъ—16. Но благодаря близости школъ городское населеніе все-таки можетъ пользоваться школой, если только послѣдняя не окажется чрезмѣрно переполненной. Интересно, что въ самомъ Архангельскѣ имѣется пять частныхъ начальныхъ школъ; этотъ фактъ крас-

норѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ о недостаткѣ общественныхъ и правительственныхъ школъ. Между тѣмъ городской бюджетъ выражается очень крупной суммой—свыше 330 тыс. руб. Приведенными свѣдѣніями исчерпываются всѣ просвѣтительныя средства губерніи. Отсутствіе библіотекъ свидѣтельствуетъ о крайне слабомъ развитіи въ губерніи частной иниціативы; не находя поддержки въ общественныхъ учрежденіяхъ, частная иниціатива, очевидно, и не можетъ развиваться.

Ходатайство хвалынскаго земства. «Саратовской губернской земской управой,—сообщаетъ «Сар. Лист.»,—препровождено ходатайство хвалынскаго земства о принятіи за счетъ правительства расходовъ на разъѣзды полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ и судебныхъ слѣдователей, въ случаѣ же неудовлетворенія этого ходатайства, о принятіи за счетъ казны расходовъ на разъѣзды полицейскихъ стражниковъ въ указанныхъ въ законѣ случаяхъ. Управа говоритъ, что подводная повинность въ общей суммѣ расходовъ уѣздныхъ земствъ занимаетъ весьма видное мѣсто. По своимъ размѣрамъ эта статья расходовъ за время, начиная съ 90-хъ и по настоящій годъ, составляетъ не менѣе 12—15 процентовъ общаго сбора на земскія потребности каждаго уѣзда. Такъ, по Аткарскому уѣзду къ общему сбору на 1900 годъ расходъ на подводную повинность составлялъ 15,6 проц., а въ 1903 году—17 проц., по Кузнецкому уѣзду—13,5 проц. и 11,9 проц. и т. д. Въ абсолютныхъ цифрахъ расходы на дорожную повинность по всей Саратовской губерніи на 1903 годъ равнялись 238.415 руб. Вопросъ о сокращеніи этихъ расходовъ—очень серьезная забота уѣздныхъ земствъ; послѣднія принимаютъ всевозможныя мѣры какъ для уменьшенія разгона лошадей, ограничивая даже на этотъ счетъ земскихъ служащихъ, такъ и контроля по разъѣздамъ, и тѣмъ не менѣе расходы по подводной повинности продолжаютъ составлять крупную статью, достигая 15—20 тыс. руб. на уѣздъ. И въ этой суммѣ расходовъ весьма значительный процентъ занимаютъ расходы на разъѣзды полицейскихъ чиновъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ по обязанностямъ, не имѣющимъ непосредственнаго значенія для земства, а нерѣдко и вообще не имѣющимъ характера дѣйствительной необходимости.

«Полиція совсѣмъ не пользуется земской почтой, а предпочитаетъ гонять собственную почту изъ своихъ разсыльныхъ, въ большинствѣ случаевъ безъ особо экстренной надобности. Такъ, по свѣдѣніямъ хвалынской земской управы, разъѣзды полиціи къ общимъ разъѣздамъ въ 1902 году составляли 32 процента, если же прибавить сюда разгоны лошадей жандармскими чинами, судебными слѣдователями и ихъ разсыльными, то всѣ 40 процентовъ.

«Таковы же данныя и по другимъ уѣздамъ. При переводѣ этихъ величинъ на деньги, для Саратовской губерніи получится значительная сумма въ 80 тыс. рублей; а между тѣмъ разъѣзды чиновъ полиціи и другихъ чиновниковъ съ теченіемъ времени все увеличиваются, съ введеніемъ же новаго закона 5-го мая 1903 года о полицейской стражѣ должны увеличиться еще значительнѣе».

Недоразумѣніе. «Сар. Л.» пишутъ изъ Аткарска о «незаурядномъ событіи», которое стряслось надъ однимъ крупнымъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, пользующимся большой извѣстностью по всей Тамбовской губерніи.

14-го іюня въ д. Щербиновку къ землевладѣльцу А. С. П—ву пріѣзжаетъ становой приставъ со стражникомъ и передаетъ ему, что ему велѣно привести его въ Аткарскъ. Г. П—въ на вопросъ, какъ понимать такое распоряженіе, получилъ въ отвѣтъ, что онъ арестованъ, и на требованіе объяснить причину ареста отвѣта получить не могъ, такъ какъ распоряженіе отъ исправника—«доставить въ Аткарскъ»—получено словесное.

Г. П—въ протестовать не сталъ и наскоро пообѣдалъ и поѣхалъ въ Аткарскъ. Въ полицейскомъ управленіи исправникъ ему объявилъ, что пригласилъ его въ Аткарскъ, чтобы немедленно заключить подъ стражу, на что у него имѣется предписаніе судебнаго слѣдователя новочеркасскаго окружнаго суда 2-го уч.

Послѣ чего г. П. прочитали бумажку, написанную на установленномъ для слѣдователей бланкѣ, такого содержанія: «Прошу васъ немедленно арестовать А. С. П—ва, проживающаго въ своемъ имѣніи при д. Щербиновкѣ, обвиняемаго въ очень тяжкомъ преступленіи, причемъ денежныхъ залоговъ и поручительствъ отъ него не принимать, родныхъ и знакомыхъ къ нему не допускать и съ первымъ этапомъ выслать его къ слѣдователю».

Трудно себѣ представить изумленіе г. П. Онъ никогда въ Новочеркасскомъ уѣздѣ не былъ, никакихъ дѣлъ тамъ не имѣетъ и ничего за собой не знаетъ. Вчитавшись въ эту ужасную бумагу, онъ объявилъ ее подложной и приведеніе ея въ исполненіе незаконнымъ: всякій слѣдователь прежде, чѣмъ кого-либо арестовать, дѣлаетъ постановленіе обстоятельно мотивированное, съ ссылками на статьи закона, чего здѣсь совершенно нѣтъ. Еще разъ протестуетъ и требуетъ наведенія справокъ за его счетъ телеграммой. Ему отказываютъ и отправляютъ въ тюрьму. Здѣсь ему, послѣ долгихъ усилій, на другой день удается добиться приглашенія судебнаго слѣдователя г. Бабушкина. Тотъ вызвалъ товарища прокурора г. Надеждина и оба они пришли къ заключенію, что по этой бумагѣ (очень безграмотно къ тому же написанной), дѣйствительно, арестовывать г. П—ва не было никакихъ основаній. Справились по списку, но фамиліи слѣдователя, подписавшаго бумагу, не нашли. Принимая все это во вниманіе, они сдѣлали постановленіе о немедленномъ освобожденіи г. П. и объ этомъ сообщили прокурору окружнаго суда.

Г. П., освободившись изъ тюрьмы, немедленно уѣхалъ самъ разузнать—въ чемъ дѣло, на мѣстѣ и возбудить преслѣдованіе противъ виновныхъ въ этой печальной для него исторіи.

Господа ташкентцы. «Самаркандъ» указываетъ на пренебрежительное отношеніе къ туземцамъ, установившееся на мѣстной желѣзной дорогѣ.

«Туземцы, несмотря на спеціальныя предписанія министерства путей сообщенія, принуждены по волѣ желѣзнодорожнаго начальства проводить ночи на площадкахъ вагоновъ и спать на переходахъ изъ одного вагона въ другой.

Такой порядокъ заключаетъ въ себѣ больше значенія и опасности, чѣмъ то, быть можетъ, думаютъ туркестанскіе интеллигенты и хладнокровная, никогда своего олимпійскаго спокойствія не теряющая, администрація азіатской дороги. Будетъ совершенно достаточно, если мы скажемъ, что отношеніе къ туземцамъ, подобное отношенію начальства Средне-Азіатской дороги, страшно и опасно по тому развращающему вліянію, которое оно оказываетъ какъ на туземцевъ, такъ и на тѣхъ, кто долженъ приводить въ исполненіе распоряженія начальства, непосредственно изъ этого отношенія вытекающія. Оно на духовную физіономію туземца кладетъ печать страха и гадкаго холопства, на отношенія его ко всѣмъ, стоящимъ подъ сѣнію закона, печать недоброжелательства и, въ конечномъ счетѣ, ненависти. Въ огромной арміи мелкихъ служащихъ, этихъ темныхъ, невѣжественныхъ людей, вырабатываетъ дикія понятія о туземцѣ, какъ о вещи, и широко развиваетъ практику грубаго издѣвательства и кулачной расправы, всего того комплекса обычныхъ явленій, съ которымъ давно и легко освоилось наше черствое сердце. Оно, наконецъ, служитъ непосредетвенной причиной, той непонятной по своей безсмысленности и страшной по силѣ своихъ проявленій, національной вражды, крайняя форма которой еще такъ недавно поразила всю Россію и навлекла презрѣніе и безусловное осужденіе лучшей части русскаго общества на тѣхъ, кто сѣялъ и растилъ эту вражду въ сердцахъ темнаго, невѣжественнаго люда».

Кризисъ въ Тульской губерніи. Въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ:

«Съ каждымъ днемъ на заводахъ и фабрикахъ нашей губерніи сокращается производство, быстро уменьшается спросъ на фабрично-заводскія издѣлія, владѣльцы заводовъ, промышленныхъ заведеній и фабрикъ распускаютъ все большее число рабочихъ за ненадобностью; находятся и такіе, которые разсчитываютъ болѣе дорогихъ рабочихъ и вмѣсто нихъ набираютъ болѣе дешевыхъ, вынужденныхъ крайнею нуждою въ теперешнюю безработицу браться за плохо оплачиваемую работу, лишь бы заработать себѣ исключительно «на харчи». Это вполнѣ естественно, такъ какъ спросъ на издѣлія, вообще, невеликъ, а на тѣ изъ нихъ, которыя служатъ предметами комфорта и роскоши и выдѣлываются дорого цѣнящими себя мастерами, спроса и совсѣмъ нѣтъ. Наша губернія—по преимуществу фабрично-заводская, почему сокращеніе числа рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ отзывается очень тяжелымъ бременемъ на сельскихъ жителяхъ. Весьма многія семьи живутъ едва ли не исключительно денежною помощью, получаемою отъ своихъ отцовъ, мужей, братьевъ и взрослыхъ сыновей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ. Земельные надѣлы въ нашей губерніи—невелики, безземельныхъ крестьянъ и мѣщанъ—значительное количество, почва губерніи весьма посредственнаго качества, пахотной—немного, а больше—подъ лугами, лѣсами, непроходимыми болотами и подъ песчаными пространствами. Дѣлать въ деревнѣ нечего и не зачѣмъ туда возвращаться рабочему люду; появленіе изъ города такихъ лицъ является лишь тяжелымъ бременемъ, потому что прибавляетъ «число ртовъ».

«Разсчитываемые съ фабрикъ и заводовъ, рабочіе первоначально пробуютъ найти себѣ работу въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ: ѣздятъ съ завода на заводъ, ходятъ пѣшкомъ толпами, просятъ и молятъ принять ихъ на работы, дать кусокъ хлѣба, но скоро убѣждаются, что всѣ ихъ старанія—совершенно тщетны».

Среди калмыковъ. Въ «Сибир. Жизни» напечатаны интересныя подробности о тревогахъ и религіозномъ броженіи, переживаемыхъ калмыками на Алтаѣ. Свѣдѣнія присланы въ газету изъ Онгудая. Съ 18-го по 25-е мая Онгудай представлялъ оживленное торговое мѣсто: необыкновенный наѣздъ калмыковъ въ село невольно бросался каждому въ глаза. Торговля въ эти дни противъ обыкновеннаго времени была вдесятеро больше. По улицамъ всюду разъѣзжали верхомъ на лошадяхъ калмыки въ своихъ національныхъ шубахъ и оригинальнаго покроя барашковыхъ калмыцкихъ шапкахъ, съ распущенными назадъ въ два конца, въ видѣ банта, длинными желтыми или синими лентами. Картина эта наблюдалась ежедневно съ ранняго утра до заката солнца. Все это время лавки были заняты покупателями-калмыками; они преимущественно спрашивали порохъ, чай, матеріи желтаго и синяго цвѣта, а также шелка и нитки этихъ цвѣтовъ. Такая усиленная покупка этихъ товаровъ продолжалась у нихъ до воскресенья 23-го мая. За эти дни обыкновенно пустынный Онгудай представлялъ азіатскую ярмарку. Небывалая въ это время года за наличныя деньги покупка товаровъ калмыками, удивляла мѣстныхъ торговцевъ, тѣмъ болѣе, что богатые калмыки щедро давали своимъ бѣднымъ деньги на покупку товаровъ. Въ воскресенье, 23-го мая, около 12-ти часовъ дня калмыки какъ-то таинственно исчезли съ улицъ села, и Онгудай сразу опустѣлъ, точно театръ послѣ большого представленія.

Явленіе это показалось всѣмъ довольно загадочнымъ, а тутъ, слѣдомъ, появились слухи, что калмыки не покажутся болѣе въ Онгудаѣ, что между калмыками творится нѣчто таинственное, тщательно скрываемое отъ русскихъ и новокрещенныхъ жителей Алтая, что калмыки всѣхъ чтимыхъ ими до сего времени идоловъ презрительно сожгли на кострахъ, сожгли также всѣ висѣвшія на шестахъ жертвоприношенія, т.-е. конскія и коровьи кожи и, чтобы очистить мѣста своихъ ночевокъ, перенесли юрты на свѣжую траву, что дома у нихъ остаются только женщины и дѣти, а мужчины всѣ ѣдутъ куда-то на сборъ.

Этотъ слухъ, подобно колокольному звону, разнесся по всему Онгудаю и даже окрестнымъ деревнямъ, жители которыхъ начали тревожиться и спѣшить въ Онгудай за разъясненіями. Въ это время стали получаться еще болѣе тревожные слухи: что въ центрѣ Алтая, среди языческаго населенія, уже цѣлый мѣсяцъ происходитъ движеніе, что тамъ откуда-то появились у нихъ живые боги, повелѣвающіе калмыкамъ сбывать скорѣе съ рукъ русскія деньги, перемѣнять цвѣтъ священныхъ лентъ—красный и бѣлый на желтый и синій и запасаться пищевыми продуктами въ видѣ чая и проч. По вечерамъ эти живые боги вызываютъ на горахъ свѣтила въ видѣ радуги и разноцвѣтныхъ огней. Всѣ эти слухи, въ связи съ существующимъ у калмыковъ преданіемъ о

скоромъ пришествіи Орейтъ-хана, настоящаго ихъ божества, обѣщавшаго имъ освобожденіе отъ русскихъ, подали русскому населенію поводъ къ опасенію, что калмыки могутъ сдѣлать восстаніе и даже внезапное нападеніе на русскія селенія. Отсюда появились въ народѣ разныя тревожащія каждаго предположенія: одни высказываютъ, что калмыковъ могли возбудить къ возстанію японскіе шпіоны, забравшіеся чрезъ Монголію; другіе увѣряли даже, что слышали загадочныя выраженія инородцевъ—въ родѣ: увидите чрезъ нѣсколько дней, что будетъ и т. д. Полиціи въ Онгудаѣ нѣтъ: приставъ и урядникъ находятся въ отдаленныхъ мѣстахъ по дѣламъ службы. Частныя лица, кто что слышалъ, сообщили по почтѣ въ Бійскъ начальствующимъ лицамъ. Обыватели, какъ кто можетъ, вооружаются и ночами выходятъ въ оба конца села, нѣкоторые даже выѣхали въ болѣе населенныя русскими деревни. Женщины и дѣти ночуютъ въ таможенной оградѣ подъ защитой вооруженныхъ казенными револьверами и шашками таможенныхъ стражниковъ. Ночами раздаются по селу отдѣльные выстрѣлы для острастки. Точно Онгудай готовится къ осадѣ. Паника изрядная.

Было уже разъясненіе, что броженіе среди калмыковъ преувеличено молвой, да и во всякомъ случаѣ опасностью никому не грозитъ.

Земская книжная торговля. Изъ Вологды пишутъ въ «Русскія Вѣдомости»: Къ области хорошихъ намѣреній, но въ настоящее время имѣющихъ весьма мало шансовъ на осуществленіе, нужно отнести постановленіе земскаго собранія сессіи 1903 г. о широкомъ развитіи земской книжной торговли съ филіальными отдѣленіями отъ центральнаго книжнаго склада въ уѣздныхъ городахъ и съ офенями и развозчиками книгъ по деревнямъ.

«Приглашенное было на службу въ завѣдующіе книжнымъ складомъ и его отдѣленіями лицо не утверждено губернаторомъ. За отсутствіемъ фактическаго существованія отдѣленія по народному образованію управа пріостановилась съ исполненіемъ постановленія собранія и даже высказалась за излишность такой широкой организаціи. Нельзя, однако, не указать на то обстоятельство, что земское книжное дѣло за все время, какъ оно возникло, поднимается съ поразительною быстротой. Такъ, въ 1896 г. оборотъ книжнаго склада выражался въ 6.345 руб., въ 1900 г.—26.189 руб., а въ 1903 г. онъ достигъ 60.936 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и спросъ на книгу. Въ 1896 г. складъ торговалъ только однѣми канцелярскими принадлежностями, въ 1900 году продажа книгъ къ общему обороту склада составляла 15,4%, а въ 1903 г. та же продажа выразилась въ 35,4%, такъ что развитіе операцій книжнаго склада идетъ, главнымъ образомъ, за счетъ продажи книгъ. Отсюда становится понятнымъ и то предложеніе со стороны отдѣленія по народному образованію въ 1903 г., которое въ конечномъ счетѣ привело собраніе къ постановленію о расширеніи книжной торговли и правильно организованной сѣти филіальныхъ отдѣленій. Поворотъ въ этомъ отношеніи назадъ едва ли имѣетъ за себя серьезные аргументы. Населеніе ищетъ книгъ. Въ народныхъ библіотекахъ ограниченное ихъ число скоро приводитъ сельскаго читателя къ тому, что

изъ библіотекъ брать нечего, а существующая частная продажа не идетъ дальше лубочныхъ изданій. Риска для земства при расширеніи книжной торговли тоже нѣтъ. Это подтверждаетъ открытіе въ концѣ 1903 г. филіальнаго отдѣленія въ Устюгѣ. За три мѣсяца существованія этого отдѣленія оборотъ его достигъ 5.200 р. Слѣдовательно, все затрудненіе заключается въ наймѣ лица, которое бы руководило всѣмъ дѣломъ».

Извѣстія объ урожаѣ. Въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ іюльскомъ номерѣ нашего журнала свѣдѣніямъ объ урожаѣ текущаго года приводимъ еще слѣдующія данныя.

Московская губернская земская управа на основаніи присланныхъ ей корреспонденцій составила обзоръ состоянія посѣвовъ и травъ въ губерніи къ 5-му іюня.

Изъ 218-ти лицъ, успѣвшихъ къ 5-му іюня прислать весеннія корреспонденціи, 13 затрудняются сказать, какого урожая ржи слѣдуетъ ждать въ этомъ году: 43 ждутъ хорошаго урожая, 42—выше средняго, 97—средняго, 19—ниже средняго и 4 плохого. Переводя эти отзывы на баллы, принявъ для обозначенія хорошаго урожая 6, для выше средняго 4, средняго 3, ниже средняго 2 и для плохого 1, получилъ для Богородскаго уѣзда 3,2, Бронницкаго—3, Верейскаго—3,7, Волоколамскаго—3,6, Дмитровскаго—3,1, Звенигородскаго—3,8, Клинскаго—3,9, Коломенскаго—3,1, Можайскаго—3,3, Московскаго—2.9, Подольскаго—3,4, Рузскаго—3,8, и Серпуховскаго—3,5. Средній выводъ—3,3. Такимъ образомъ, ожидается урожай ржи средній и даже нѣсколько выше средняго; по уѣздамъ большой разницы въ состояніи озимыхъ не ожидается. Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ травами. Майскіе холода совершенно пріостановили ихъ ростъ. Луга зазеленѣли въ среднемъ 20-го апрѣля, зацвѣли 25-го мая, но есть показанія, говорящія, что луга еще 5-го іюня не цвѣли. Въ общемъ почти всѣ корреспонденты ожидаютъ плохого урожая, но обусловливаютъ его перемѣной погоды къ лучшему. Неудовлетворительнымъ обѣщаетъ быть и урожай яровыхъ. Большинство корреспондентовъ называетъ погоду неблагопріятною посѣву яровыхъ. Въ общемъ, по отзывамъ корреспондентовъ, состояніе яровыхъ представляется въ такомъ видѣ: «Овесъ рѣдокъ и низокъ; картофель еще не всходилъ»; «Всходы густы, но малорослы, картофель еще не всходилъ»; «Ленъ только что вышелъ; овесъ еще не всходитъ»; «Озимые плохи»; «Яровые плохи, еще у многихъ не взошли,—чего и ожидать, когда ничего еще не взошло». Но все же 23 изъ корреспондентовъ ждутъ урожая овса хорошаго и выше средняго, 35—средняго и 33—урожая ниже средняго и плохого. Объ урожаѣ картофеля корреспонденты дѣлаютъ еще менѣе предположеній, но общее впечатлѣніе то, что урожай его не обѣщаетъ быть хорошимъ: 18 корреспондентовъ ждутъ хорошаго урожая или выше средняго, 16—средняго и 15—ниже средняго или плохого. Есть нѣсколько указаній на то, что картофель пропалъ. Въ плачевномъ состояніи находятся и огородныя растенія. Объ ихъ состояніи корреспонденты пишутъ: «Погибло все, исключая лука; сѣяли по два раза и оба раза погибло»;

«Всходы огородныхъ растеній плохи; появился червь, который съ холодомъ сталъ пропадать». Что касается садовыхъ растеній, то вначалѣ они обѣщали хорошій урожай, но потомъ отъ холодовъ сильно пострадали.

— Изъ Бобринеца, Херсонской губ., пишутъ, что виды на урожай съ каждымъ днемъ становятся все печальнѣе. Земледѣльческая часть населенія настроена крейне пессимистически. Если еще въ теченіе семи—десяти дней дождей не будетъ, посѣвы неизбѣжно погибнутъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣба уже косятъ на сѣно. На толокѣ трава совершенно выгорѣла, и крестьяне загоняютъ выпасать свой скотъ на сѣнокосы крупныхъ владѣльцевъ. При попыткахъ захватить скотъ они оказываютъ вооруженное сопротивленіе. На-дняхъ на этой почвѣ разыгрался такой инцидентъ. Управляющій крупнаго мѣстнаго землевладѣльца Шевякова неоднократно заявилъ полиціи о томъ, что крестьяне сосѣднихъ деревень Семикосовки, Давидовки и Софіевки пасутъ свой скотъ на экономическихъ сѣнокосахъ. При попыткахъ захватить скотъ они оказывали упорное вооруженное сопротивленіе. 13-го іюня помощникъ пристава г. Свѣшниковъ, взявъ съ собою восемь городовыхъ, отправился въ экономію Шевякова. Подъѣхавъ къ сѣнокосамъ, онъ увидѣлъ табунъ лошадей и скота и толпу крестьянъ человѣкъ въ 50—60, которые мигомъ окружили полицію. На слова г. Свѣшникова о незаконности выпаса тотчасъ же раздались враждебные крики и посыпались удары. Помощникъ пристава былъ сбитъ съ ногъ. Городовые обнажили шашки. Крестьяне дрались дубинами и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Нѣкоторые крестьяне получили раны отъ сабельныхъ ударовъ. Помощнику пристава удалось подняться, вскочить въ бричку и ускакать. Городовые бѣжали, выстрѣлами пугая преслѣдовавшихъ ихъ крестьянъ. Г. Свѣшниковъ телеграммой извѣстилъ о происшедшемъ елисаветградскаго исправника, прокурора и слѣдователя. Названныя лица выѣхали къ мѣсту происшествія для производства дознанія.

—«Одесскимъ Новостямъ» сообщаютъ изъ Тирасполя о грядущей бѣдѣ:

«Продолжительная засуха сдѣлала свое губительное дѣло, и на урожай хлѣбовъ населеніе уже махнуло рукой. Въ южной части уѣзда населеніе уже снимаетъ низкорослый, недозрѣвшій колосъ подъ кормъ, мѣстами же, вслѣдствіе небывалой низкорослости хлѣбовъ, коса не достигаетъ своей цѣли, и здѣсь приходится снимать хлѣбъ просто руками. Такая же печальная уборка началась уже и въ сѣверной части уѣзда еще недавно лишь подававшей коекакія надежды. Единственной надеждой населенія остается лишь кукуруза, урожай которой еще не погибъ окончательно, но потребностей деревни продуктъ этотъ, не имѣющій въ уѣздѣ нашемъ большого развитія, въ случаѣ даже полнаго урожая—удовлетворить, конечно, не сможетъ. Не лучше также положеніе огородовъ и баштановъ, фрукты же подаютъ еще кое-какія надежды, но ростъ ихъ также значительно тормозится продолжительной засухой».

— «Относительно Бессарабіи, говорятъ «Одесскія Новости», изо всѣхъ почти уѣздовъ въ губернскую земскую управу поступаютъ крайне неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи какъ полевой растительности (хлѣбовъ и травъ), такъ и садовъ и виноградниковъ. Картина неурожая вырисовывается

уже довольно ярко, грозный призракъ голода и безкормицы витаетъ уже надъ головою, и о борьбѣ съ нимъ необходимо настоятельно подумать. Аккерманская земская управа сообщаетъ, что хлѣба плохи безнадежно, травы выгорѣли. И далѣе: «ожидается полнѣйшій неурожай со всѣми его безотрадными явленіями»... «Цѣны на рогатый скотъ и лошадей значительно понизились, за отсутствіемъ корма... Замѣтно стремленіе поселянъ къ сбыту своего скота, въ виду ожидаемой безкормицы. Цѣны на рабочія руки тоже сильно упали, и цѣлыя партіи рабочихъ отправляются на заработки за предѣлы губерніи»... «Нѣкоторыя общества, по постановленіямъ сходовъ, уже пустили свой скотъ на засѣянныя поля»... Въ Кагульскомъ районѣ—не лучше. Оттуда телеграфируютъ: «Озимые окончательно погибли, яровые тоже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ кукуруза подаетъ еще кое-какую надежду (въ случаѣ обильныхъ дождей). Сѣнокосы и подножный кормъ выгорѣли повсемѣстно. Скотъ, овцы падаютъ. Небывалое бѣдствіе». Болѣе утѣшительныя свѣдѣнія поступили только изъ Сорокскаго уѣзда, гдѣ хлѣба и прочая растительность удовлетворительны, а мѣстами даже хороши, изъ сѣверной части Оргѣевскаго уѣзда, части Хотинскаго и Бѣлецкаго уѣздовъ».

— Тяжелый годъ предстоитъ Крыму. Не успѣло еще сельское населеніе оправиться отъ пережитыхъ четырехъ лѣтъ неурожаевъ (если не считать прошлый годъ, который далъ относительно хорошій урожай), какъ опять грядетъ грозное бѣдствіе въ ужасающихъ размѣрахъ. Со всего Крыма получаются самыя неутѣшительныя извѣстія о состояніи посѣвовъ. Отсутствіе дождей болѣе мѣсяца и адскій зной, доходящій до 40 R, превратили степь въ безжизненную пустыню, гдѣ не только погибли всходы, но и подножный кормъ сгорѣлъ настолько, что ѣсть нечего скоту. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Таврической губерніи урожай оказался настолько плохимъ, что населенію безъ сомнѣнія придется обратиться за продовольственной и сѣменной помощью къ земству. Во многихъ мѣстахъ погибшій хлѣбъ скошенъ для прокормленія скота, который, за неимѣніемъ подножнаго корма, питается прошлогоднимъ сѣномъ и соломой.

Еще въ худшемъ положеніи находятся десятинщики, которые арендуютъ землю по очень высокой цѣнѣ и все благосостояніе которыхъ зависитъ отъ предстоящаго урожая. Эти несчастные останутся совершенно нищими, ибо, кромѣ аренды и жалкаго скарба ничего у нихъ за душой нѣтъ и если урожай удастся плохой, то многимъ не съ чѣмъ убраться съ заарендованныхъ мѣстъ.

Цѣны на рабочія руки упали до минимума. Въ послѣднихъ числахъ мая, когда виды на урожай были болѣе, чѣмъ хорошіе, цѣны колебались въ размѣрахъ 30—35 руб. въ мѣсяцъ съ харчами, теперь же онѣ достигаютъ 15—18 руб., да и то даются неохотно.

Паденію цѣнъ способствовала, кромѣ плохого урожая, еще и грандіозная конкуренція между рабочими, прибывшими изъ Бессарабіи, гдѣ очень плохой урожай, и нижними чинами мѣстныхъ войскъ уволенными на вольныя работы. Правда, землевладѣльцы не особенно охотно берутъ солдатъ, въ виду предъявляемыхъ ими болѣе широкихъ требованій въ пищѣ и тому подобныхъ

удобствахъ, но за то и цѣны на солдатъ ниже чѣмъ на обыкновеннаго рабочаго-косаря. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дожились, въ чаяніи заработка, до того, что стали побираться Христовымъ именемъ, потерявъ всякую надежду на полученіе работы. Многіе изъ рабочихъ обращаются съ просьбами объ отправленіи ихъ на родину, за общественный счетъ. Какъ сообщаетъ, напримѣръ, изъ Курмана-Кемельчи «Крымскій Вѣстникъ», тамошніе жители собрали небольшую сумму денегъ въ пользу тѣхъ рабочихъ, которые остались совершенно безъ работы, и обратились къ приставу, прося его отправить ихъ на родину. Одни только нѣмцы-колонисты борются съ надвигающимся бѣдствіемъ, убирая хоть плохой урожай, работая при страшномъ зноѣ, работая при этомъ ночью, ибо днемъ при страшномъ зноѣ нѣтъ возможности работать.

— «Сѣверо-Западному Слову» сообщаютъ изъ «деревни». «У крестьянъ картофельный голодъ далъ себя чувствовать на зиму различными заболѣваніями; они занимали картофель у помѣщиковъ, у которыхъ также его было немного и качества плохого. Рабочій скотъ палъ въ цѣнѣ и на него мало спроса. Рабочія руки дешевы: 20 коп. на своихъ харчахъ. Объясняется это явленіе тѣмъ, что своей работы мало, а заработокъ нуженъ. Свадебъ по деревнямъ сравнительно съ послѣдними тремя годами мало, что также говоритъ объ оскудѣніи крестьянскаго достатка».

— Изъ Кременчуга «Полт. Лист.» пишутъ: «Изъ разныхъ пунктовъ уѣзда въ послѣдніе дни получаются крайне неутѣшительныя вѣсти о наступившей засухѣ съ сухими вѣтрами, губящими посѣвы. Эта засушливая погода особенно губительна для хлѣбовъ, въ виду того, что она наступила быстро, вслѣдъ за стоявшими холодами въ теченіе всего мая. Во многихъ мѣстахъ хлѣба совершенно выгораютъ, такъ что опасаются серьезнаго недорода. Жаркая погода портитъ также огородину и древесную растительность».

— Волостной писарь Николаевской волости, Ардатовскаго уѣзда, пишетъ губернской управѣ, что по случаю неурожая 1903 г. и по неимѣнію на Ташинскихъ заводахъ никакихъ заработковъ крестьяне совсѣмъ обезсилѣли и никакихъ сборовъ, даже волостныхъ и мірскихъ, не платятъ. Жалованья не получаютъ ни волостной старшина, ни судья, ни разсыльный, ни сторожъ, ни онъ, писарь. Но остальные, какъ мѣстные жители, занимающіеся хлѣбопашествомъ, все-таки могутъ прокормиться до осени, писарю же съ семействомъ совершенно нечѣмъ жить. Онъ проситъ у губернской управы субсидіи. Управа намѣрена отказать ему, такъ какъ средствъ на такія субсидіи у нея нѣтъ. Награду же выдаютъ писарямъ мѣстныя земскія административныя власти, по соглашенію между собой (въ видѣ награды только и можетъ быть ему оказана помощь).

— «Байкалъ» сообщаетъ о большомъ бѣдствіи, постигшемъ южное Забайкалье: «Съ Джиды продолжаютъ получаться печальныя вѣсти: число цинготныхъ увеличивается. По слухамъ, былъ врачъ, но не нашелъ возможнымъ прописать другого рецепта, кромѣ совѣта обратиться къ кяхтинскому купечеству. Казаки, хотя поздновато, но получили пособіе хлѣбомъ. Время еще не ушло,

посѣять можно, но горе опять въ томъ, что за хлѣбомъ нужно ѣхать. 29-го числа апрѣля мѣсяца одна цаганусунская женщина везла 12 пуд. хлѣба изъ города. На 18-ти верстахъ пришлось лошадь кормить 6 разъ. Женщина ѣхала съ груднымъ ребенкомъ. Къ счастью ее догналъ бурятъ, который и помогъ ей справляться съ лошадью. Подъ Усть-Кяхтой лошадь совсѣмъ стала. Кое-какъ вдвоемъ, съ случайнымъ встрѣчнымъ, бурятъ затащилъ ее на гору, но лошадь такъ ослабѣла, что не могла идти идти и подъ гору. Между тѣмъ поднялась буря, до Цыганъ-Усуна еще 20 верстъ: приходится или бросать лошадь и идти въ Усть-Кяхту пѣшкомъ или ночевать съ ребенкомъ въ полѣ. Женщина выбрала послѣднее: пришлось нанять лошадь, а свою бросить въ Усть-Кяхтѣ. Только горькими слезами выражала она свое горе. Къ счастью бурятъ былъ «человѣкъ» и не бросилъ ее въ бѣдѣ. Подобныхъ случаевъ не мало, почему нѣкоторые предпочитаютъ не брать пособія ѣхать не на чемъ, нанять не на что. Откуда нагрянула такая бѣда на Джиду? Были здѣсь неурожаи и раньше, но до такой степини нужды народъ не доходилъ. Старожилы увѣряютъ, что никогда не видали, чтобы Джида по міру ходила. Несмнѣнно, что не одинъ неурожай виновенъ въ насостоящей бѣдѣ, но совокупность нѣсколькихъ причинъ. Вопросъ этотъ ждетъ подробной разработки и внимательнаго къ себѣ отношенія. Мы увѣрены, что дѣло нынѣшней бѣдой не кончится.

«Еще минимумъ 4 мѣсяца до новаго хлѣба. Будетъ ли онъ, неизвѣстно. Между тѣмъ сотни больныхъ лежатъ безъ всякой помощи и мрутъ отъ голода».

За мѣсяцъ. 11-го августа опубликованъ всемилостивѣйшій Высочайшій Манифестъ по случаю крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Воздавъ благодареніе Всевышнему, устрояющему судьбы Царствъ и благословившему Домъ Нашъ дарованіемъ Намъ первороднаго Сына, Мы, въ радостный день Святого Крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, слѣдуя постоянному влеченію сердца, обращаемся мыслью къ ввѣренной Намъ Промысломъ великой семьѣ русскаго народа.

«Переживаемая нынѣ година испытаній вызвала напряженіе силъ народныхъ, но и явила предъ лицомъ всего міра высокіе примѣры непоколебимой доблести и беззавѣтной любви къ родинѣ. Въ такое время Намъ особенно отрадно прійдти на помощь вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ облегченіемъ ихъ неотложныхъ нуждъ независимо притомъ отъ мѣръ государственнаго благо-

устроенія, предуказанныхъ въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 года и пріемлемыхъ въ общемъ порядкѣ управленія.

«Прежде всего обратили Мы вниманіе на сохранившееся въ сельскомъ быту примѣненіе крестьянскими и нѣкоторыми инородческими учрежденіями тѣлеснаго наказанія. Издавна принятыя въ нашемъ законодательствѣ наказанія этого рода постепенно, изволеніемъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ, исключены были изъ числа общихъ карательныхъ мѣръ. Нынѣ, въ довершеніе намѣреній Незабвенныхъ Дѣда и Родителя Нашихъ, Мы признаемъ за благо повелѣть отмѣнить и для сельскихъ обывателей и инородцевъ примѣняемыя къ нимъ по закону волостными судами и инородческими управленіями тѣлесныя наказанія. Да послужитъ сіе къ вящшему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ и уваженія къ законнымъ правамъ каждаго.

«Принявъ такое рѣшеніе, мы равномѣрно считаемъ необходимымъ прекратить впредь наложеніе тѣлеснаго наказанія въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ. Увѣренные, что такая отмѣна послужитъ къ поддержанію въ нихъ чувства воинской чести, Мы утвердили обнародуемыя нынѣ особыя по этому предмету постановленія.

«Въ сознаніи важнаго въ государственной жизни значенія матеріальной обезпеченности многочисленнаго Нашего сельскаго населенія, Мы, въ истекшіе годы Царствованія, съ особою заботливостью отнеслись къ усовершенствованію порядка взысканія податныхъ платежей. Выработанныя съ этою цѣлью, по указаніямъ Нашимъ, финансовымъ вѣдомствомъ мѣры, въ связи съ послѣдовавшею отмѣною круговой поруки, обезпечивая исправное поступленіе сборовъ, устраняютъ въ то же время примѣненіе тягостныхъ и несправедливыхъ способовъ взысканія. Желая нерушимо закрѣпить достигнутую правильность податнаго строя, Мы, хотя и съ ущербомъ для казны, остановились на рѣшеніи совершенно сложить всѣ накопившіяся съ теченіемъ времени на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ недоимки въ выкупныхъ, земскихъ и другихъ окладныхъ сборахъ.

«Пріемля близко къ сердцу участь осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, запечатлѣвшихъ кровью на далекой окраинѣ пламенную преданность ихъ Россіи, Мы священною обязанностью Своею почитаемъ всемѣрно озаботиться изысканіемъ способовъ надлежащаго призрѣнія и воспитанія этихъ дѣтей.

«На ряду съ этимъ Мы, по завѣту предковъ, вознамѣрившись въ настоящій торжественный день явить милость всѣмъ, особенно въ ней нуждающимся, преклоняемъ заботу Нашу къ судьбѣ тѣхъ, которые, по бѣдности или временнымъ нуждамъ, оказались неисправными въ разныхъ платежахъ, а равно тѣхъ, кои, преступивъ велѣнія закона, искупили уже отчасти свою вину или, по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ снисхожденія».

Далѣе указаны нынѣ отмѣненныя статьи закона о тѣлесныхъ наказаніяхъ и подробно перечислены категоріи преступленій, по коимъ послѣдовала Высочайшая милость и размѣры ея въ каждомъ случаѣ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ Великаго Княжества Финляндскаго, что, согласно повелѣнію Нашему отъ 3-го (15-го) мая 1899 года, признали Мы за благо открыть 23-го ноября (6-го декабря) 1904 года очередной сеймъ въ Гельсингфорсѣ. Земскимъ чинамъ надлежитъ явиться въ означенный городъ въ указанное время, сообразуясь съ уставами сеймовымъ и рыцарскаго дома. Ожидая отъ всѣхъ и каждаго точнаго исполненія сей Монаршей воли Нашей, пребываемъ къ вамъ Императорскою Милостью Нашею благосклонны.

Николай.

Въ Петергофѣ,
13-го (26-го) августа 1904 г.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія финляндскаго генералъ-губернатора, 13-го (26-го) августа сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе очередного сейма земскихъ чиновъ Финляндіи 23-го ноября (6-го декабря) сего года, въ городѣ Гельсингфорсѣ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующій очередный сеймъ былъ созванъ черезъ три года, т.-е. въ 1907 году.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше утвердить прилагаемый при семъ списокъ вопросовъ, подлежащихъ передачѣ на обсужденіе земскихъ чиновъ сейма 1904 года, а также предоставить Финляндскому Сенату, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, разрѣшать относящіеся къ открытію предстоящаго сейма вопросы за исключеніемъ тѣхъ, кои, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, подлежатъ представленію на Высочайшее благовоззрѣніе.

— Въ Тифлисѣ инспекторъ типографій книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, какъ сообщаетъ «Цноб. Пурц.», объявилъ правленію общества распространенія грамотности среди грузинъ, что отнынѣ тифлисскія библіотеки, находящіяся въ вѣдѣніи этого общества, должны подчиняться правиламъ народныхъ библіотекъ. По этимъ правиламъ въ названныхъ библіотекахъ не могутъ быть обращаемы грузинскія книги, журналы и газеты. Для установленія новаго порядка въ библіотекахъ 2-хъ-мѣсячный срокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что общество можетъ ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи имѣть въ библіотекахъ грузинскія книги и газеты. Но до разрѣшенія этого дѣла въ министерствѣ грузинскія книги и газеты все же должны быть изъяты изъ библіотекъ.

— По словамъ «Сам. Газ.» выѣздной сессіей казанской судебной палаты разбиралось въ Сызрани дѣло по обвиненію бывшаго сызранскаго полицеймейстера Ушакова въ растратѣ денегъ, лихоимствѣ, подлогахъ и т. п. Свидѣтелей по дѣлу было вызвано 48 человѣкъ.

— Распоряженіе по народнымъ библіотекамъ-читальнямъ. Попечителемъ московскаго учебнаго округа сдѣлано циркулярное распоряженіе завѣдующимъ народными библіотеками-читальнями относительно выписки въ библіотеки мѣстныхъ періодическихъ изданій. По соглашенію съ гг. губернаторами признается желательнымъ ограничить разрѣшеніе мѣстныхъ періодическихъ изданій къ обращенію въ начальныхъ библіотекахъ и читальняхъ лишь однимъ подписнымъ срокомъ, а потому гг. завѣдующимъ библіотеками предлагается заблаговременно представлять, буде они признаютъ это нужнымъ, ходатайства относительно желательности допущенія мѣстныхъ періодическихъ изданій къ обращенію въ библіотекахъ-читальняхъ на слѣдующій подписной періодъ. Ходатайства представляются на разрѣшеніе начальства округа съ заключеніемъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ о желательности сохраненія на слѣдующій подписной срокъ даннаго разрѣшенія.

— По распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати изданіе выходящей въ городѣ Гельсингфорсѣ газеты «Päivälehti» пріостановлено навсегда за помѣщенную въ № 121 названной газеты отъ 24-го іюня сего года статью подъ заглавіемъ «Juhannuksena».

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Германіи: Іезуитскій процессъ.—Женщины въ германскомъ университетѣ.—Медицинскій голосъ о школьной реформѣ. Недавно въ трирскомъ судѣ разбирался курьезный процессъ, который вызвалъ не мало толковъ въ германской печати, особенно, въ виду обычнаго лѣтняго затишья во внутренней политической жизни страны. Процессъ произошелъ по слѣдующему поводу. Однажды, въ одномъ публичномъ, политическомъ собраніи, депутатъ Дасбахъ, католическій священникъ, увлекшись собственнымъ краснорѣчіемъ, заявилъ: «Обязуюсь выплатить изъ собственнаго кармана 2.000 флориновъ тому, кто укажетъ мнѣ, что въ доктринѣ іезуитовъ дѣйствительно заключается знаменитая фраза: «Цѣль оправдываетъ средства», которую такъ часто наши враги выдвигали противъ насъ, доказывая при ея помощи безнравственность іезуитской морали». Конечно, увлекшійся ораторъ и не подозрѣвалъ, что онъ будетъ пойманъ на словѣ. Когда его рѣчь была опубликована, то ни кто иной, какъ іезуитъ, графъ Гёнеброшъ, политическій публицистъ, выходъ котораго изъ ордена іезуитовъ надѣлалъ столько шума въ свое время, принялъ его вызовъ и взялся доказать ему, что онъ «не знаетъ іезуитской доктрины», хотя и состоитъ католическимъ представителемъ въ парламентѣ. Графъ Гёнеброшъ вступилъ въ ряды самаго непримиримаго протестантизма и не упускалъ ни одного случая, чтобы досадить своимъ бывшимъ сотоварищамъ по іезуитской коллегіи. Неосторожныя слова депутата Дасбаха доставили ему такой случай, которымъ онъ не замедлилъ воспользоваться. Онъ вытащилъ всѣ свои прежніе іезуитскіе учебники и руководства, снова принялся за изученіе Маріана, Эскобара и др. іезуитскихъ авторовъ и, наконецъ,

объявилъ, что готовъ представить Дасбаху требуемое доказательство. Его заявленіе произвело впечатлѣніе, такъ какъ всѣ были увѣрены, что авторъ двухъ сенсаціонныхъ брошюръ: «Мой выходъ изъ ордена іезуитовъ» и «Современный іезуитизмъ», имѣетъ въ запасѣ новую стрѣлу для своихъ противниковъ. Дѣйствительно, и на этотъ разъ Гёнеброшъ не обманулъ ожиданій и представилъ неопровержимыя доказательства, подтверждаемыя цитатами изъ іезуитскихъ авторовъ, что іезуитская мораль содержитъ въ себѣ знаменитую формулу. Сдѣлавъ это, Генеброшъ потребовалъ уплаты 2.000 флориновъ, но депутатъ-священникъ, не довольныйна себя за свой промахъ и еще болѣе раздраженный тѣмъ, что «ренегатъ» уличилъ его въ плохомъ знаніи іезуитской литературы, отказался на отрѣзъ внести требуемую сумму. Гёнеброшъ, однако, не пожелалъ пользоваться только моральною побѣдой надъ своимъ противникомъ; онъ не прочь былъ извлечь изъ нея и матеріальную выгоду, поэтому и возбудилъ искъ противъ Дасбаха. Вызванный въ судъ, Дасбахъ доказывалъ, что онъ вовсе не обязанъ платить Гёнеброшу, такъ какъ это не былъ публичный конкурсъ съ назначеніемъ преміи, а скорѣе нѣчто въ родѣ присужденія награды, выдачею которой онъ считаетъ себя въ правѣ располагать по собственному усмотрѣнію. Разумѣется, Гёнеброшъ оспаривалъ этотъ аргументъ и предсталъ въ судъ во всеоружіи доказательствъ «іезуитизма» іезуитовъ, предлагая тотчасъ же изложить эти доказательства. Но судъ не пожелалъ его слушать и вынесъ заключеніе, что дѣйствительно тутъ не было ни конкурса, ни обѣщанія преміи, предусматриваемаго закономъ, такъ какъ премія имѣетъ цѣлью поощреніе конкурентовъ, стремящихся достигнуть извѣстныхъ результатовъ, достиженіе которыхъ желательно и для того, кто назначаетъ премію. «Въ данномъ же случаѣ,—гласитъ резолюція суда,—депутатъ Дасбахъ не могъ желать, ни по своему политическому, ни по своему религіозному положенію, чтобы ему были представлены доказательства, что формула, о которой идетъ рѣчь, находится въ доктринѣ іезуитовъ, значитъ онъ не могъ желать также, чтобы условія конкурса были выполнены. Онъ хотѣлъ только держать пари, будучи увѣренъ, что такой формулы не существуетъ въ ученіи іезуитовъ, съ каждымъ, кто взялся бы ему доказать то, что, по его мнѣнію, было невозможно. Но такъ какъ по закону судъ не можетъ принимать на себя взысканій проигранныхъ суммъ въ пари или въ какую-нибудь азартную игру, въ виду того, что законъ признаетъ такія долговыя обязательства безнравственными, то и въ данномъ случаѣ судъ считаетъ себя вынужденнымъ отказать въ искѣ».

Вюртембергъ и Баденъ — единственные изъ германскихъ союзныхъ государствъ, которые не ставятъ никакихъ ограниченій женщинамъ, желающимъ получить доступъ въ университеты. Вюртембергъ является даже наиболѣе либеральнымъ изъ всѣхъ въ этомъ отношеніи и требуетъ отъ женщинъ лишь соблюденія такихъ же точно условій, какія требуются отъ мужчинъ, для зачисленія ихъ въ число дѣйствительныхъ студентовъ. Между тѣмъ въ Баденѣ женщины, имѣющія аттестатъ зрѣлости, равный мужскому, допускаются къ имматрикуляціи лишь въ видѣ опыта и университеты оставляютъ за собою право отмѣнить это рѣшеніе, если найдутъ нужнымъ, и закрыть свои двери

женщинамъ. Университеты же другихъ союзныхъ германскихъ государствъ допускаютъ женщинъ лишь въ качествѣ вольнослушательницъ, но ни одна германская высшая школа не рѣшается въ настоящее время абсолютно закрывать доступъ женщинамъ, которыя не перестаютъ стучаться во всѣ двери германскихъ университетовъ. Большинство высшихъ школъ допускаетъ женщинъ на всѣ факультеты, ставя лишь условіемъ согласіе профессора на то, чтобы ихъ слушали женщины. Однако, въ нѣкоторыхъ университетахъ женщины совершенно не допускаются на тѣ или иныя лекціи, а іенскій университетъ ограничиваетъ число допускаемыхъ на философскій факультетъ.

Послѣ Вюртемберга и Бадена, Баварія всего болѣе отвѣчаетъ требованіямъ женскаго движенія. Во всѣхъ трехъ баварскихъ университетахъ женщины допускаются въ качествѣ вольнослушательницъ на всѣ факультеты и для этого нужно только согласіе ректора, если женщина имѣетъ аттестатъ зрѣлости нѣмецкой гимназіи или реальнаго училища и всѣ бумаги у нея находятся въ порядкѣ. Такія же правила относительно допущенія женщинъ, существуютъ и въ Пруссіи, но только большинство прусскихъ университетовъ ограничиваетъ права посѣщенія лекцій для женщинъ и на нѣкоторыя лекціи онѣ совсѣмъ не допускаются. Въ страсбургскомъ же университетѣ каждому доценту предоставляется право допускать или не допускать женщинъ на свои лекціи. Число слушательницъ въ германскихъ университетахъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ и одна изъ берлинскихъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу, что всѣмъ германскимъ государствамъ, въ особенности же Пруссіи, слѣдуетъ взять примѣръ съ Вюртемберга. Вообще, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи всякаго другого умственнаго прогресса, примѣръ подаетъ южная Германія, сѣверная же лишь съ нѣкоторымъ колебаніемъ вступаетъ на указываемый ей путь или же бываетъ вынуждена къ тому силою вещей.

Кстати о германскихъ университетахъ: императоръ Вильгельмъ въ одной изъ своихъ рѣчей заявилъ о «міровомъ преобладаніи германскаго духа» Въ свое время европейская печать отмѣтила эти претенціозныя слова германскго императора, но не обратила на это особенно большого вниманія, такъ какъ германскій императоръ уже пріучилъ ее къ своимъ выходкамъ. Но вотъ, одинъ французскій журналистъ особенно встревожился этими словами и такъ какъ во Франціи особенно любятъ всякаго рода «enquête», то онъ и прибѣгнулъ къ этому способу, чтобы узнать мнѣніе различныхъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ насчетъ претенціозныхъ заявленій Вильгельма II. Идея имѣла успѣхъ и французскій писатель получилъ отвѣты изъ разныхъ странъ, издавъ ихъ подъ заглавіемъ «Enquête sur l'influence allemande», воздерживаясь отъ всякихъ выводовъ и предоставляя ихъ дѣлать читателямъ. Впрочемъ, большинство этихъ отвѣтовъ указываетъ, что въ интеллигентныхъ и ученыхъ кругахъ Франціи, въ настоящее время, не вѣрятъ уже больше въ гегемонію германскаго духа. Германское вліяніе достигло своего кульминаціоннаго пункта между 1850 и 1870 годами. Типичнымъ доказательствомъ можетъ служить письмо юнаго Тэна Эрнесту Гавэ, относящееся къ 1852 г., въ которомъ находится такая фраза: «Стараюсь утѣшить себя въ настоящемъ, читая германскихъ авторовъ. Нѣмцы

по отношенію къ намъ играютъ такую роль, какую играла Англія по отношенію къ Франціи во времена Вольтера». Жюль Леметръ, въ своемъ отвѣтѣ высказываетъ слѣдующее: «Мы испытывали на себѣ германское вліяніе главнымъ образомъ до 1870 г.; теперь же мы испытываемъ на себѣ германскую силу, но въ интеллектуальномъ отношеніи, повидимому, Германія уже не оказываетъ болѣе на насъ вліянія». Однако, существуетъ область, въ которой, по мнѣнію огромнаго большинства опрошенныхъ французскимъ журналистомъ лицъ, германское превосходство выражается и теперь еще довольно сильно—это область просвѣщенія. Георгъ Брандесъ, напримѣръ, рѣшительно высказывается въ пользу превосходства германскихъ университетовъ. Альфредъ Жіаръ, Рибо восхищаются организаціей этихъ университетовъ и терпѣніемъ и самоотверженіемъ ученыхъ, воспитанныхъ въ этихъ университетахъ. Въ отношеніи количества и разнообразія курсовъ, устройства лабораторій и т. п. Германія несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто и всѣ французскіе ученые признаютъ это. Конечно, отсюда до «міровогo преобладанія германскаго духа» еще далеко, но, во всякомъ случаѣ, превосходства германскихъ университетовъ никто изъ французскихъ ученыхъ не отрицаетъ.

Въ Германіи вопросъ о школьной реформѣ не сходитъ съ очереди и недавно гейдельбергскій профессоръ Черни въ своей рѣчи «О развитіи хирургіи въ XIX вѣкѣ и ея отношеніи къ преподаванію» высказался по этому поводу, но его слова вызвали протестующія заявленія германскихъ газетъ, такъ какъ онъ, неожиданно для всѣхъ, предложилъ еще увеличить число преподаваемыхъ предметовъ, введя въ программу преподаваніе біологіи, два часа въ недѣлю, во всѣхъ классахъ. «Это тѣмъ болѣе удивительно, замѣчаетъ франкфуртская газета,—что такое предложеніе исходитъ отъ медицинскаго авторитета, какъ разъ теперь, когда всѣ говорятъ о необходимости уменьшенія, какъ числа учебныхъ часовъ, такъ и количества задаваемой на домъ работы. Интересно бы знать, что думаетъ почтенный профессоръ о переутомленіи учениковъ, о которомъ такъ много говорятъ врачи?» Но гейдельбергскій профессоръ еще болѣе возмутилъ нѣмецкія либеральныя газеты своею защитою классическихъ гимназій. Онъ возстаетъ противъ какого бы ни было посягательства на классическія гимназіи, но не потому, чтобы онъ былъ такимъ горячимъ сторонникомъ классическаго преподаванія, а по той причинѣ, что классическія гимназіи, кажутся ему болѣе «благородными, болѣе аристократическими воспитательными учрежденіями, такъ какъ и относительно учениковъ, и относительно учителей эти гимназіи сосредоточиваютъ въ себѣ цвѣтъ германской интеллигенціи». По мнѣнію профессора, гимназіи нуждаются только въ расширеніи программы и въ болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи предметовъ. Этотъ взглядъ, однако, усиленно оспаривается и профессору Черни было сдѣлано уже нѣсколько вѣскихъ возраженій. Надѣются, что такое оживленіе полемики по поводу цѣлесообразности существующей системы школьнаго преподаванія подвинетъ вопросъ о школьной реформѣ къ скорѣйшему разрѣшенію.

Французскій министръ-президентъ Комбъ и клерикалы. «Паденіе кабинета Комба составляетъ вопросъ лишь нѣсколько дней»— нѣчто подобное повторялось на всѣ лады клерикальными газетами всего міра въ теченіе чуть ли не шести мѣсяцевъ, а одна нѣмецкая клерикальная газета даже заявила весьма торжественно, что Комбу остается всего лишь нѣсколько часовъ быть министромъ-президентомъ. Между тѣмъ Комбъ благополучно отразилъ всѣ тайные и явные удары, направленные противъ него, и теперь палаты разошлись на лѣтнія вакаціи, обезпечивъ кабинету Комба существованіе еще на три мѣсяца по крайней мѣрѣ. Комбъ отправился въ Каркасонъ, гдѣ его восторженно привѣтствовало все республиканское населеніе. Тамъ, въ собраніи трехъ тысячъ гражданъ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой, въ общихъ чертахъ, изложилъ свою политику и защищалъ ее какъ противъ клерикаловъ, такъ и противъ враговъ, которые у него имѣются въ республиканскомъ лагерѣ. Онъ, главнымъ образомъ, опирался на то, что его антиклерикальная политика нисколько не повредила престижу Франціи, наоборотъ, за время его управленія и престижъ, и вліяніе Франціи продолжали возрастать, и его враги совершенно лишены возможности выставить противъ него, въ качествѣ аргумента, что его политика приноситъ ущербъ міровому положенію Франціи. Тотъ пріемъ, который оказало Комбу населеніе, отнюдь не указываетъ, чтобы дни его министерства были сочтены. Споръ, возникшій между нимъ и Ватиканомъ, несомнѣнно представляетъ выдающееся событіе во французской политикѣ, но онъ является лишь послѣдствіемъ логическаго развитія политики Комба. Комбъ не разъ уже заявлялъ, что, въ своей борьбѣ съ клерикализмомъ, онъ стремится къ тому, чтобы сдѣлать государство и общество совершенно независимыми отъ вліянія церкви и клерикализма. Цѣль борьбы— полнѣйшее отдѣленіе церкви отъ государства, а эта цѣль, по мнѣнію Комба, вполнѣ отвѣчаетъ желаніямъ республиканской партіи. Надо было бы прибавить: за нѣкоторыми исключеніями, такъ какъ умѣренные республиканцы, органомъ которыхъ служитъ газета «Temps», и слышать ничего не хотятъ о такомъ отдѣленіи и систематически борются съ направленной къ этой цѣли политикою министерства Комба. Но зато республиканцы другого лагеря, при случаѣ рѣзко нападающіе на Комба и не согласные со многими его правительственными методами, вполнѣ согласны съ его политикою относительно клерикаловъ и оказываютъ ему полную поддержку. Клемансо, принадлежащій именно къ этому лагерю, высказывается слѣдующимъ образомъ: «Отдѣленіе безусловно необходимо. Несовмѣстимость существованія двухъ властей въ государствѣ уже не требуетъ больше никакихъ доказательствъ. Республика представляетъ правительство, церковь также желаетъ быть правительствомъ. Это слишкомъ много: два правительства на одного гражданина, тѣмъ болѣе, что каждое изъ этихъ правительствъ желаетъ непремѣнно пользоваться всѣми своими правами безъ всякихъ ограниченій. Въ какое странное положеніе поставленъ французъ, который состоитъ одновременно и гражданиномъ свободной республики, и подданнымъ римскаго абсолютизма, причемъ онъ одновременно зависитъ и отъ своего собственнаго правительства, и отъ чужого правитель-

ства, при которомъ французское министерство иностранныхъ дѣлъ содержитъ своего представителя въ равной мѣрѣ, какъ, напр., при германскомъ императорѣ. И такъ какъ папа и президентъ республики оба считаютъ себя главою правительства, то всякій компромиссъ между ними неминуемо долженъ повести лишь къ тому, что несчастный французъ будетъ постоянно находиться между двухъ огней и, смотря по обстоятельствамъ, уступать то одной, то другой власти. Этому долженъ быть положенъ конецъ, если только желательно ввести болѣе разумныя основанія въ управленіе человѣческими дѣлами. И притомъ слѣдуетъ разъ навсегда установить слѣдующій принципъ: только республика представляетъ правительство, церковь же является дѣломъ свободы. Но церковь, конечно, не согласится признать это. Она никогда не смотрѣла на свободу иначе, какъ на привилегію, и такъ какъ она никогда не уважала свободы другихъ, на что указываетъ исторія ея костровъ, то она захочетъ одновременно держать въ рукахъ и авторитетъ правительственной власти и пользоваться въ то же время благами всеобщей свободы, не отказываясь ни отъ одной изъ своихъ привилегій. Но этого нельзя и поэтому надо разойтись. Нація будетъ полновластно господствовать на своей землѣ и въ своей области, а церковь будетъ властвовать надъ совѣстью вѣрующихъ».

Республиканское правительственное большинство, такимъ образомъ, искренно желаетъ успѣха политикѣ Комба и поэтому разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Ватиканомъ встрѣченъ сочувственно республиканскою печатью, за исключеніемъ, какъ мы уже сказали, умѣренныхъ республиканцевъ. Секуляризація государства должна заключать въ себѣ отдѣленіе церкви отъ государства, отдѣленіе школы отъ церкви, отмѣну конкордата, отмѣну бюджета духовнаго вѣдомства и уничтоженіе посольства при Ватиканѣ. Но изъ этой программы римская курія желала бы осуществленія только одного пункта, а именно—отмѣны конкордата, который давно уже признается ею только помѣхой. Однако римской куріи придется скоро убѣдиться, что вся эта программа представляетъ нераздѣльное цѣлое и разрывъ конкордата со стороны куріи только поможетъ осуществленію остальныхъ частей программы. Но когда въ Ватиканѣ, наконецъ, замѣтятъ свою ошибку, то исправить ее уже будетъ поздно.

Комбъ первый изъ французскихъ государственныхъ дѣятелей за 110 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, который серьезно отнесся къ программѣ секуляризаціи. Всѣ его предшественники, даже тѣ, которые были самыми ярыми противниками церкви, никогда не рѣшалась приступать къ осуществленію антиклерикальной программы цѣликомъ. Самое большее если они слегка касались этой трудной проблемы, отступая тотчасъ же изъ страха навлечь на себя гнѣвъ клерикаловъ. Бѣдняга Жюль Ферри, котораго клерикалы обозвали Діоклетіаномъ, не могъ, однако, провести въ палатѣ знаменитой статьи 7-й своего школьнаго закона, въ которой говорилось, что лицо, не принадлежащее къ дозволенной закономъ конгрегаціи, не имѣетъ права заниматься преподаваніемъ или руководить общественнымъ или частнымъ учебнымъ заведеніемъ. А между тѣмъ это былъ весьма робкій шагъ въ сторону антиклерикальной политики. О томъ

же, чтобы воспретить преподавательскую дѣятельность всѣмъ монахамъ и монахинямъ и свѣтскому духовенству безъ исключенія, современный Діоклетіанъ Жюль Ферри и думать не смѣлъ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ іюлѣ 1879 года, Жюль Ферри сказалъ между прочимъ: «Во Франціи невозможно вызвать сочувствіе къ іезуитамъ. Но сейчасъ же раздадутся предостереженія, какъ только съ французскими крестьянами заговорятъ о закрытіи церквей, отмѣнѣ преподаванія катехизиса и всеобщемъ изгнаніи монаховъ и монахинь. Всеобщее избирательное право—это громадная сила, но вы тотчасъ же потеряете избирателей, если оскорбите духовенство. Дайте понять французскому духовенству, что у васъ нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія сократить денежные доходы и духовное господство церкви и что вы хотите только быть господиномъ въ своемъ собственномъ домѣ, то положеніе вещей тотчасъ же измѣнится. Но отнюдь не объявляйте войны 50.000 духовнымъ лицамъ, не подвергайтесь опалѣ 40.000 приходскихъ священниковъ передъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Не дѣлайте этого господа!» А спустя два года, въ маѣ 1881 года, при обсужденіи закона о воинской повинности духовенства, тотъ же Жюль Ферри, прочувствованнымъ голосомъ, благодарилъ папу за его приказаніе французскимъ католикамъ присоединиться къ республикѣ и сказалъ съ дрожью въ голосѣ: «Успокоеніе умовъ должно произойти тѣмъ скорѣе, что въ пользу его трудится великодушный и благородный глава католической церкви, поборникъ мира, сидящій на престолѣ въ Ватиканѣ». Но не одинъ Ферри смотрѣлъ на вещи такимъ образомъ, такой взглядъ раздѣляли и всѣ прочіе республиканскіе министры, тайно или открыто придерживающіеся клерикальныхъ взглядовъ: Фрейсинэ, который велъ тайкомъ переговоры съ Ватиканомъ, Жюль Симонъ, клерикальныя симпатіи котораго были, болѣе или менѣе, явны, Спюллеръ, Гоблэ, Вальдекъ Руссо и др. Во Франціи, впрочемъ, можно найти не мало такихъ республиканскихъ политиковъ, которые въ своихъ рѣчахъ громятъ клерикаловъ, а между тѣмъ посылаютъ своихъ дѣтей въ монастырскія школы. Но Комбъ не принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Онъ искрененъ и послѣдователенъ въ каждомъ своемъ шагѣ и освободившись самъ отъ деспотической власти догмата, Комбъ желаетъ освободить отъ нея и Францію.

Теперешній министръ-президентъ родился и выросъ въ бѣдности. Въ дѣтствѣ и юности онъ знавалъ самую горькую нужду. Его отецъ былъ бѣдный деревенскій столяръ, котораго злая судьба наградила огромною семьею. Онъ не могъ, конечно, дать воспитаніе своимъ дѣтямъ и поэтому съ радостью отдалъ своего старшаго сына (теперешняго министра-президента) своему брату, который былъ священникомъ и выхлопоталъ ему стипендію въ низшей семинаріи своей епархіи. Комбъ, такимъ образомъ, уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ предназначенъ для духовнаго званія. Онъ получилъ степень баккалавра и затѣмъ дипломъ «docteur ès lettres» за свое сочиненіе, предметомъ котораго было психологическое сочиненіе св. Ѳимы Аквинскаго. Но онъ не чувствовалъ призванія къ духовной профессіи, лицемѣріе же было противно его натурѣ, поэтому онъ и поторопился какъ можно скорѣе снять сутану. Около этого времени умеръ его отецъ и онъ остался единственнымъ кормильцемъ семьи.

Чтобы заработать для нея пропитаніе, онъ взялъ мѣсто класснаго наставника въ одной гимназіи и цѣлые дни возился съ маленькими шалунами, а по ночамъ готовился къ экзамену по медицинскимъ наукамъ. Благодаря желѣзной настойчивости и силѣ воли, ему удалось, несмотря на крайне неблагопріятныя условія жизни, добиться все-таки своей цѣли и получить дипломъ врача. Сдѣлавшись врачомъ, онъ поселился въ маленькомъ городкѣ Понсъ и скоро пріобрѣлъ скромную практику, дававшую ему возможность существовать вмѣстѣ съ матерью и маленькими братьями и сестрами, о которыхъ онъ заботился. Его больные, правда, платили ему мало, но зато глубоко цѣнили и уважали его, доказавъ это послѣдовательнымъ избраніемъ его, сначала въ бургомистры, затѣмъ въ генеральные совѣтники и, наконецъ, въ сенаторы. И мало-по-малу, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, Комбъ достигъ высшаго положенія въ рядахъ активной государственной службы.

Вальдекъ Руссо остановилъ свой выборъ на Комбѣ, котораго избралъ своимъ преемникомъ, потому что считалъ его наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для предстоящей задачи. Онъ былъ убѣжденъ, что Комбъ со свойственною ему энергіей и упорствомъ доведетъ до конца начатое имъ дѣло, т.-е. приведетъ въ исполненіе его законъ объ ассоціаціяхъ, въ тѣхъ рамкахъ, которыя были имъ начертаны заранѣе. Но ни онъ и никто другой въ министерствѣ не ожидали, что Комбъ пойдетъ дальше этого и не ограничится только одною частицей, а захочетъ цѣликомъ выполнить идею превращенія Франціи изъ католическаго государства въ настоящую демократическую республику. И по мѣрѣ того, какъ Комбъ съ неистощимою энергіей неуклонно подвигался къ цѣли, онъ выросталъ въ глазахъ своихъ современниковъ и своихъ сотоварищей по министерству, а римская курія скоро поняла, что ей приходится бороться съ такимъ сильнымъ противникомъ, какого она еще не встрѣчала во Франціи до сихъ поръ. Вся остальная европейская печать съ большимъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ этой борьбы и конфликту Франціи съ Ватиканомъ удѣляется теперь почти столько же вниманія, сколько и восточно-азіатской войнѣ. Итальянская антиклерикальная печать, разумѣется, торжествуетъ и привѣтствуетъ тактику французскаго правительства. Либеральная политика папы Льва XIII, вѣроятно, не довела бы вещи до такого кризиса, но теперь въ Ватиканѣ господствуетъ реакція, такъ что ни о какомъ компромиссѣ не можетъ быть и рѣчи. По справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ итальянскихъ газетъ, Франція только можетъ отъ этого выиграть.

Положеніе англійскихъ фабричныхъ рабочихъ.—Лондонская статистика. Въ послѣднее время, по случаю фискальныхъ плановъ Чэмберлена, въ рѣчахъ различныхъ политическихъ агитаторовъ и въ печати, сочувствующей чэмберленовской политикѣ, не разъ утверждалось, что со введеніемъ покровительственной пошлины положеніе англійскаго рабочаго должно значительно улучшиться. Эти постоянныя утвержденія вызвали въ европейской печати особенный интересъ къ современному положенію англійскихъ рабочихъ и одинъ нѣмецкій журналистъ предпринялъ по этому поводу

серьезное изслѣдованіе, которое и приводитъ его къ заключенію, что положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи вовсе не таково, какимъ его рисуютъ Чэмберленъ и его сторонники. Нѣмецкій журналистъ, конечно, проводитъ параллель съ нѣмецкими рабочими. Во-первыхъ, говоритъ онъ, англійскій рабочій совершенно освобожденъ отъ прямыхъ налоговъ. Только при доходѣ въ 150 ф. стер. онъ вынужденъ платить налоги. Во-вторыхъ, онъ не подлежитъ обязательной военной службѣ. Въ-третьихъ, онъ пользуется неограниченной свободой въ дѣлѣ устройства союзовъ, ассоціацій, собраній и т. п. и такою же неограниченною свободою рѣчи. Кромѣ того, онъ совершенно свободенъ отъ какого бы то ни было государственнаго надзора. Никто не спрашиваетъ у него метрическаго свидѣтельства, никто не заглядываетъ въ его рабочую книжку и не требуетъ отъ него никакихъ удостовѣреній. Благодаря свободѣ торговли, въ Англіи всѣ предметы первой необходимости, одежда и жизненные припасы сравнительно дешевы и только спиртные напитки и табакъ обложены довольно высокою пошлиной, да на чай также налагается небольшая пошлина. «Англійскому рабочему не приходится питаться лошадинымъ и собачьимъ мясомъ, какъ его германскому собрату!—восклицаетъ нѣмецкій журналистъ.—Онъ можетъ купить на всѣхъ большихъ рынкахъ привозное изъ колоній мясо, говядину и баранину, уплативъ меньше полшиллинга за фунтъ. Прекрасный и питательный хлѣбъ онъ можетъ получить также за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ въ Германіи. Правда, жилища рабочихъ въ самомъ Лондонѣ дороги, но рабочіе могутъ жить внѣ города, такъ какъ существуютъ спеціальные поѣзда утромъ и вечеромъ, которые доставляютъ ихъ къ мѣсту работы и отвозятъ обратно домой. Заработная же плата нѣсколько выше, чѣмъ въ Германіи, такъ что, въ среднемъ, матеріальное положеніе рабочаго лучше. Въ трэдъюніонахъ, ремесленныхъ союзахъ и разнаго рода организаціяхъ англійскій рабочій находитъ опору въ случаѣ болѣзни или безработицы и защиту своихъ интересовъ. Подчасъ эта заботливость даже выражается нѣсколько деспотически, но, во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ подчиненія постановленіямъ союза, къ которому онъ принадлежитъ, англійскій рабочій можетъ считать себя самымъ независимымъ человѣкомъ въ наше время расцвѣта промышленности. Зато онъ и обладаетъ чрезвычайно развитымъ чувствомъ самосознанія и въ большинствѣ случаевъ бываетъ хорошимъ товарищемъ. Если произойдетъ несчастный случай на фабрикѣ, то товарищи пострадавшаго, по собственному почину, немедленно устраиваютъ сборъ въ его пользу и обыкновенно оказываются болѣе щедрыми, нежели фабриканты, которые, однако, вынуждены бываютъ раскошелиться. Въ общемъ, если англійскій рабочій, трудолюбивый и воздержный, присоединяетъ къ этимъ качествамъ еще и извѣстную долю интеллигентности и ловкости въ работѣ, то онъ легко достигаетъ высшихъ степеней и изъ простого рабочаго превращается въ мастера» и т. д.

Въ этой картинѣ, нарисованной такими радужными красками, имѣется и оборотная сторона и нѣмецкій журналистъ не обходитъ ее молчаніемъ, но тѣ условія, которыя такъ часто способствуютъ упадку рабочихъ классовъ и обусловливаютъ ихъ бѣдственное положеніе, не могутъ быть устранены чэм-

берленовскою системой, хотя онъ и сулитъ золотой вѣкъ рабочимъ. Недавно епископъ герефордскій написалъ по этому поводу открытое письмо въ «Times», въ которомъ предостерегаетъ отъ увлеченія чэмберленовскою политикой и его схемой, которая должна повести лишь къ вздорожанію предметовъ первой необходимости и рабочій не въ состояніи будетъ доставить своимъ дѣтямъ приличное жилище, достаточную пищу и теплую одежду, и положеніе бѣдныхъ, имя которымъ легіонъ, сдѣлается еще тяжелѣе. Это предостерегающее письмо произвело впечатлѣніе и было перепечатано другими газетами. Впрочемъ, теперь вообще въ англійскомъ обществѣ замѣчается реакція противъ увлеченія чэмберленовскими идеями и идеями имперіализма, тѣсно связанными съ исторіей чэмберленовской кампаніи. Либеральныя лондонскія газеты говорятъ, что съ возникновенія протекціонистской кампаніи, т.-е. за четырнадцать мѣсяцевъ, оппозиція сдѣлала большіе успѣхи. За этотъ періодъ времени были частичные выборы въ 23 избирательныхъ округахъ, изъ которыхъ 17 вакантныхъ мѣстъ принадлежали до сихъ поръ министерской партіи, и только шесть находились въ рукахъ либераловъ. Но на послѣднихъ выборахъ либералы пріобрѣли уже 15 мѣстъ и консерваторы сохранили только 8, причемъ число либеральныхъ голосованій увеличилось на 29.566, консервативныхъ же всего на 1.145. Окончательно вопросъ будетъ рѣшенъ только ближайшими общими выборами, такъ какъ, безъ сомнѣнія, они будутъ вращаться, главнымъ образомъ, не около умѣренной и осторожной политики Бальфура, которая ни для кого не представляетъ ни малѣйшаго интереса, а около личности Чэмберлена и его фискальной схемы. Либералы, раздѣлившіеся на два враждебныхъ лагеря во время южно-африканской войны, теперь снова соединились въ оппозицію противъ Чэмберлена, но имъ недостаетъ дѣйствительно популярныхъ вождей въ настоящее время, которые могли бы стать во главѣ этой оппозиціи. Однако, въ правительственной партіи дѣло обстоитъ ничуть не лучше, такъ какъ коалиція консерваторовъ и уніонистовъ близка къ распаденію. Значительное число уніонистовъ послѣдовало за герцогомъ Девоншайрскимъ, высказавшимся самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ чэмберленовскихъ фискальныхъ проектовъ. Рабочая партія также рѣшительно возстаетъ противъ новой политики. Эта партія имѣетъ въ настоящее время только 11 мѣстъ въ парламентѣ, но собирается выставить на предстоящихъ выборахъ 60 кандидатовъ, и многіе считаютъ возможнымъ, что всѣ недовольные элементы примкнутъ къ этой партіи; допускается даже коалиція съ либералами. При тѣхъ условіяхъ, какія теперь складываются въ парламентѣ, рѣшающимъ моментомъ можетъ быть голосованіе ирландской партіи, которая отлично сознаетъ свое выгодное положеніе. Вожаки ирландской партіи открыто заявляютъ, что въ сущности вопросъ о таможенной реформѣ нисколько ихъ не интересуетъ и они примкнутъ къ той партіи, отъ которой они могутъ ожидать наибольшихъ выгодъ для Ирландіи. До сихъ поръ изъ всѣхъ партій болѣе всего обѣщаетъ Ирландіи правительственная партія, но, конечно, это еще можетъ измѣниться. Не окажутся безъ вліянія также и результаты работъ чэмберленовской комиссіи, но, повидимому, центръ тяжести вопроса заключается

отнюдь не въ отношеніяхъ партій въ Англіи. Чэмберленъ сказалъ: «Колоніи должны быть за меня. Безъ ихъ согласія я ничего не могу предпринять». Однако, судя по результатамъ парламентскихъ преній въ Канадѣ и Австраліи, врядъ ли Чэмберленъ можетъ разсчитывать на поддержку этихъ колоній. По крайней мѣрѣ, относительно Австраліи можно сказать навѣрное, что въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ, пока существуетъ теперешній парламентъ, идея Чэмберлена насчетъ таможеннаго союза осуществлена быть не можетъ.

Совѣтъ лондонскаго графства издалъ на дняхъ свой 14-й статистическій годовой отчетъ, состоящій изъ 800 страницъ, покрытыхъ безчисленнымъ количествомъ таблицъ и цифръ. Нѣкоторыя цифры особенно интересны. Оказывается, что населеніе Сити, т.-е. именно той части, гдѣ находился старый городъ Лондонъ, сильно уменьшилось; теперь тамъ насчитывается 26.923 жителей, тогда какъ сто лѣтъ тому назадъ было 128.129. Это уменьшеніе объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что мало-по-малу жилыя помѣщенія превращались въ бюро, магазины и склады. Зато населеніе лондонскаго графства сильно возросло, и тамъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ обитало всего 831.181 жителя, разстилается море крышъ и жителей насчитывается 4.509.618. За предѣлами лондонскаго графства, въ почтовомъ и полицейскомъ округѣ Лондона, обитаютъ еще два милліона, такъ что, въ общемъ, въ 1901 году насчитывалось 6.581.402 чел., которые имѣли право называть себя лондонскими жителями. Ежедневно болѣе 800 рабочихъ поѣздовъ подвозятъ къ 8 часамъ утра изъ отдаленныхъ предмѣстій рабочихъ въ центръ города. 225 англ. миль рельсоваго пути и 181 миля трамваевъ, да около 15.000 кэбовъ и омнибусовъ поддерживаютъ сообщеніе внутри лондонскаго гражданства.

Статистика лондонскаго почтоваго вѣдомства указываетъ, что въ прошломъ году лондонскою почтой было доставлено 742 милліона писемъ, 130 мил. почтовыхъ карточекъ, 35 милліоновъ газетъ и 30 милліоновъ телеграмъ.

Любопытно, что число браковъ въ Лондонѣ становится все менѣе. Такъ, въ 1853 г. вступали въ бракъ 22,3 изъ тысячи, тогда какъ въ 1902 году эта цифра упала до 17,8 на тысячу. Число рожденій въ Лондонѣ также падаетъ. Оно достигаетъ высшей цифры въ 1867 году: 36,55 на 1.000 и затѣмъ постоянно уменьшается, такъ что въ 1902 году достигаетъ уже только 28,5. Въ томъ же самомъ году, однако, упала и цифра смертности до 17,2 на 1.000. Между прочимъ въ 1902 году умерло непосредственно отъ голода или отъ послѣдствій голоданія 34 человѣка, что на 6,5 мил. составляетъ ничтожное число.

Интересны также цифры, касающіяся лондонскихъ больницъ: въ нихъ ежегодно перебываетъ 98.959 больныхъ, а 1.290.838 лечатся амбулаторнымъ образомъ. Больницы ежегодно расходуютъ 638.277 фунтовъ стерлинговъ, причемъ дефицитъ достигаетъ 147.008 ф. ст. и покрывается пожертвованіями. Ни одна больница не представляетъ городского учрежденія, а является самостоятельнымъ институтомъ, основаннымъ на пожертвованныя суммы; городскія общины, на которыя раздѣляется Лондонъ, содержатъ народныя библіотеки и народныя бани. Въ Лондонѣ находится около 80 народныхъ библіо-

текъ, которыя ежегодно выдаютъ около милліона книгъ, причемъ романы и дѣтскія книги составляютъ 79 проц. всей выдачи.

Лондонская женская медицинская школа также опубликовала свой годовой отчетъ, изъ котораго видно, что за истекшій годъ 40 студентокъ сдали экзаменъ на доктора медицины; 22 получили дипломъ изъ лондонскаго университета, другія же изъ шотландскихъ университетовъ. Громадный шагъ впередъ представляетъ то, что женщины допускаются теперь къ занятію мѣстъ ассистентовъ въ различныхъ госпиталяхъ, а также на должности ординаторовъ и штатныхъ врачей. Въ лондонскихъ клиникахъ занимается въ настоящее время двѣсти студентокъ, изъ которыхъ одна треть собирается, послѣ окончательнаго экзамена, отправиться въ качествѣ медицинскихъ миссіонершъ въ разныя страны. Въ Лондонѣ и провинціяхъ женщины, получившія медицинское образованіе, уже завоевали себѣ весьма почетное положеніе.

Пекинскій университетъ. Какъ извѣстно, два годъ тому назадъ, императорскимъ указомъ былъ учрежденъ въ Пекинѣ университетъ, помѣщающійся въ русской части императорскаго города, поблизости угольнаго холма. Для этого были выстроены два новыхъ зданія, такъ какъ университетъ состоитъ изъ двухъ не имѣющихъ между собою ничего общаго отдѣленій. Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ приготовительную школу для чиновниковъ, а второе—образовательную школу, которая должна подготовить лекторовъ для университетовъ и для провинціальныхъ школъ. Курсъ въ подготовительной школѣ для чиновниковъ разсчитанъ на три года и въ настоящее время его слушаютъ пятьдесятъ студентовъ. Программа состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: юридическія науки, географія, исторія, политическая экономія, административныя науки, изученіе древностей, нѣмецкій, французскій, англійскій, русскій и японскій языки и гимнастика. Преподаваніе юридическихъ наукъ, уголовнаго права, политической экономіи и административныхъ наукъ производится японскими профессорами, другіе же предметы преподаются китайцами. Занятія начинаются ежедневно въ шесть часовъ утра и въ общемъ продолжаются семь часовъ. Курсъ въ отдѣленіи для приготовленія учителей продолжается пять лѣтъ. На этомъ отдѣленіи числятся 130 слушателей; предметы же преподаванія слѣдующіе: философія, всемірная исторія, физика, химія, ариѳметика, геометрія, географія, языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, русскій, японскій и гимнастика. Японцы преподаютъ философію, всемірную исторію, ариѳметику, геометрію, географію и химію, остальное же предоставляется китайцамъ. Каждый день бываетъ по шести лекцій.

Университетъ устроенъ какъ интернатъ. Слушатели обоихъ отдѣленій живутъ въ зданіи университета и въ будни не имѣютъ права покидать его. Только по воскреснымъ днямъ, которые, согласно европейскому образцу, считаются свободными отъ занятій, слушатели могутъ отлучаться до вечера.

Ни за обученіе, ни за содержаніе слушателей не взимается никакой платы, все это даровое. Если же кто-нибудь изъ слушателей оставитъ университетъ по собственной волѣ и безъ уважительной причины или же будетъ

исключенъ изъ него, то за каждый проведенный въ университетѣ годъ и за тотъ, который только что начался, онъ долженъ уплатить 200 таёловъ. При поступленіи слушатели сдаютъ вступительный экзаменъ и затѣмъ они ежемѣсячно подвергаются испытанію изъ пройденныхъ предметовъ.

Пекинскій университетъ, по словамъ газеты «Ostasiat. Lloyd», все еще носитъ временный характеръ. Это нѣчто въ родѣ опыта, но въ послѣднее время была рѣчь о его преобразованіи. Въ нынѣшнемъ году, по окончаніи лѣтнихъ вакацій, къ нему будетъ присоединена школа переводчиковъ, до сихъ поръ существовавшая при китайскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ этой школѣ, конечно, главное вниманіе обращается на изученіе иностранныхъ языковъ и современныя науки, такъ какъ она имѣетъ цѣлью образованіе знающихъ переводчиковъ для государственной службы. Японцы находятъ въ этомъ китайскомъ университетѣ очень благодарную почву для насажденія своей цивилизаціи и своего вліянія въ Китаѣ и поле дѣятельности ихъ все расширяется. Но школа переводчиковъ могла бы служить для европейцевъ такимъ же удобнымъ поприщемъ для распространенія своего вліянія, какъ и университетъ для японцевъ. Насколько европейцы въ состояніи соперничать съ японцами въ данномъ случаѣ—покажетъ недалекое будущее.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Трудности перевода Библіи на туземные языки.—Народныя развлеченія въ Англіи и въ Германіи.—Итальянская печать и ея положеніе въ странѣ.

Въ настоящее время, когда такъ много говорятъ о «желтой опасности», быть можетъ, небезынтересно вспомнить тѣ безчисленныя предосторожности, которыя китайцы принимали въ прошломъ столѣтіи, для того чтобы оградить себя отъ «бѣлой опасности», первые симптомы которой они уже обнаружили тогда. Поэтому изданъ былъ законъ, наказующій смертною казнью каждаго, кто осмѣлится помогать иностранцамъ въ изученіи китайскаго языка. Но и европеецъ, вздумавшій изучать китайскій языкъ, подвергался серьезной опасности. Однако, всегда находятся мужественные люди, готовые пренебрегать ею. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Въ англійскомъ журналѣ «Leisure Hour» разсказывается по этому поводу о подвигахъ доктора Моррисона, піонера протестантской миссіи въ Китаѣ, пріѣхавшаго въ Кантонъ по торговымъ дѣламъ. Вскорѣ послѣ того онъ сдѣлался переводчикомъ въ остъиндской компаніи и предпринялъ первый переводъ Библіи на китайскій языкъ. Но онъ долженъ былъ принять всевозможныя предосторожности, чтобы никто не провѣдалъ о его работѣ. Онъ устроилъ себѣ потайной ходъ въ складѣ товаровъ компаніи, черезъ который онъ долженъ былъ пробираться то ползкомъ, то карабкаясь на тюки съ товарами и ящики, чтобы достигнуть такого уголка, гдѣ ящики были такъ нагромождены другъ на друга, что образовывали нѣчто въ родѣ шахты, куда только сверху едва проникалъ дневной свѣтъ. Моррисонъ работалъ не одинъ, ему помогали два китайскихъ студента, которыхъ ему удалось

привлечь на свою сторону и привязать къ себѣ. Но, разумѣется, онъ не рѣшался пригласить ихъ къ себѣ на домъ, гдѣ ихъ присутствіе могло бы возбудить подозрѣнія и они подверглись бы страшной опасности. Эти бѣдняги такъ боялись быть открытыми, что никогда не приходили иначе на свиданіе съ Моррисономъ, какъ запасшись ядомъ, чтобы отравиться тотчасъ же, какъ только ихъ накроютъ мандарины. Однако, все обошлось благополучно и гигантскій трудъ былъ доведенъ до конца. Это былъ первый переводъ Библіи на китайскій языкъ.

Въ другихъ мѣстахъ главныя затрудненія перевода Библіи на какой-нибудь туземный языкъ заключались въ томъ, что въ этомъ языкѣ не было слова для выраженія христіанскихъ идей; иногда чрезвычайно трудно было подыскать такія выраженія, которыя передавали бы понятія о мірѣ, о Богѣ и вѣрѣ въ смыслѣ христіанскаго ученія. Иной разъ бывали и такіе случаи: миссіонеръ, переводившій Библію на эскимосскій языкъ для населенія Лабрадора, долженъ былъ замѣнить слово «агнецъ Божій» словами «маленькій Божій тюлень», такъ какъ эскимосы не имѣли понятія объ овцахъ и ягнятахъ, тюлень же былъ имъ хорошо знакомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ водились только совершенно черныя овцы, очень трудно было внушить понятіе о бѣлизнѣ агнца. Масса предметовъ, о которыхъ постоянно упоминается въ Библіи, совершенно неизвѣстны многимъ племенамъ. На языкѣ племени идзо, обитающаго въ нижней дельтѣ Нигера, нѣтъ словъ, которыя означали бы «дѣвушка», «сестра». Въ Новой Британіи переводчикъ очень долго подыскивалъ выраженія для понятія о связующей клятвѣ и одинъ туземный вождь предложилъ ему выразить это слѣдующими словами: «Скорѣе я заговорю съ матерью моей жены, нежели сдѣлаю это». Въ Новой Гвинеѣ большія трудности представлялъ для миссіонера переводъ слова «любовь». Не находя въ туземномъ языкѣ подходящаго выраженія, онъ, наконецъ, обратился къ своему помощнику туземцу и спросилъ его, какъ онъ назоветъ то чувство, которое онъ испытываетъ къ тому, что для него дороже всего на свѣтѣ! Туземецъ тотчасъ же подсказалъ ему недостающее слово, которое миссіонеръ и вставилъ въ свой переводъ, но, къ ужасу своему, онъ узналъ впослѣдствіи, что это слово означаетъ: «пристрастіе къ человѣческому мясу». Въ британской Колумбіи миссіонеръ, трудившійся надъ переводомъ словъ «неувядаемый вѣнецъ», очень былъ доволенъ, что туземецъ, помогавшій ему при переводѣ, быстро понялъ о чемъ идетъ рѣчь и тотчасъ же нашелъ ему требуемое выраженіе. Но потомъ миссіонеръ съ испугомъ удостовѣрился, что это выраженіе означаетъ: «никогда не изнашивающаяся шляпа».

Разумѣется, переводъ при такихъ условіяхъ всегда подвигается очень медленно и нужны многіе годы, чтобы довести до конца такое трудное дѣло. Миссіонеръ Генри Ноттъ провелъ безвыѣздно 20 лѣтъ въ Таити, чтобы изучить какъ слѣдуетъ туземный языкъ, а затѣмъ другіе двадцать лѣтъ ему потребовались для того, чтобы перевести Библію на этотъ языкъ. Пересмотръ и исправленіе Библіи, переведенной на мадагаскарскій языкъ, потребовали десять лѣтъ. Одинъ миссіонеръ потратилъ 20 лѣтъ на переводъ Библіи на

языкъ матабеловъ. Первые 500 экземпляровъ этого перевода погибли во время возстанія этого племени, такъ какъ вожди устроили себѣ изъ нихъ головные уборы.

«Review of Reviews» проводитъ параллель между культурными условіями и народными развлеченіями, существующими въ Англіи и въ Германіи. Авторъ статьи говоритъ, что въ жизни германскихъ рабочихъ развлеченія играютъ сравнительно небольшую роль и обыкновенно для нихъ отводится только одинъ единственный день въ недѣлю, а именно воскресенье. Играми германскій рабочій не интересуется и хотя крокетъ и игра въ мячъ распространяются теперь въ Германіи, но рабочіе относятся и къ игрѣ и къ спорту совершенно равнодушно. Автору пришлось присутствовать при состязаніи въ игрѣ въ мячъ, устроенномъ въ окрестностяхъ одного большого промышленнаго города. Хотя это было воскресенье и погода была очень хорошая, но ни одинъ рабочій не явился смотрѣть на эту игру. «Въ Англіи, прибавляетъ авторъ, такое состязаніе, устроенное притомъ въ воскресный день, непремѣнно привлекло бы, по крайней мѣрѣ, тысячъ двадцать рабочихъ и всѣ эти зрители, съ начала до конца, принимали бы самое живое участіе въ состязаніи и кричали бы до хрипоты, привѣтствуя каждый удачный ударъ. Но въ нѣмецкомъ городѣ такое зрѣлище привлекло не болѣе 65 человѣкъ, да и то не изъ рабочей среды. Всѣ держали себя чинно и не высказывали ни одобреній, ни порицаній».

Національная игра въ Германіи—это кегли, не рѣдко можно видѣть рабочихъ, играющихъ въ эту игру и, вообще, никакая игра не служитъ сколько-нибудь значительнымъ факторомъ въ жизни промышленныхъ рабочихъ. Театры и открытыя сцены посѣщаются рабочими больше, но все же они не играютъ такой роли, какъ въ Англіи или Америкѣ и въ Германіи число этихъ увеселительныхъ учрежденій, сравнительно съ числомъ рабочихъ, невелико. Театры обыкновенно посѣщаются бюргерскимъ обществомъ, рабочіе же предпочитаютъ болѣе дешевыя зрѣлища, которыми являются открытыя сцены. Чаще же всего рабочіе отправляются въ такія залы, гдѣ за входъ имъ приходится уплачивать не болѣе нѣсколькихъ пфенниговъ, и тамъ за кружкою пива они проводятъ свои воскресенья. Тамъ устраиваются танцы, а лѣтомъ рабочіе предпочитаютъ отправляться въ разные сады, гдѣ играетъ музыка. Музыка и танцы составляютъ, повидимому, любимыя развлеченія рабочихъ, причемъ какъ въ танцовальныхъ залахъ, такъ и въ садахъ германскіе рабочіе ведутъ себя чрезвычайно благопристойно. Германскій рабочій любитъ природу и лѣтомъ, въ воскресенье, онъ всегда стремится за городъ, куда и отправляются обыкновенно цѣлыя группы рабочихъ со своими семьями.

Проводя далѣе сравненія между культурой англійскихъ и германскихъ рабочихъ, авторъ опровергаетъ ходячее мнѣніе, будто въ отношеніи умственнаго развитія американскій и германскій рабочій стоятъ выше англійскаго. Онъ говоритъ, что въ большихъ промышленныхъ городахъ Германіи публичныя городскія библіотеки менѣе распространены и не достигаютъ такого развитія, какъ въ Англіи. Въ Дюссельдорфѣ, гдѣ существютъ три городскія читальни, только треть посѣтителей падаетъ на рабочее сословіе. Въ Ахенѣ

изъ 4.317 посѣтителей библіотеки только 62 принадлежали къ рабочему классу, въ Крефельдѣ — 715 изъ 5.315. Въ сравненіи съ цифрой посѣщеній библіотекъ въ англійскихъ промышленныхъ центрахъ, эти числа очень малы. Ни одинъ изъ самыхъ большихъ промышленныхъ городовъ Германіи не имѣетъ такой библіотеки, какою можетъ похвастаться небольшой и чисто; промышленный городокъ Больтонъ въ Англіи. Авторъ опровергаетъ также общераспространенное мнѣніе, будто нѣмецкія народныя изданія лучше англійскихъ. Въ послѣднее время въ Германіи много устроено читалень на частныя средства разными политическими группами, среди которыхъ есть и радикалы. Авторъ особенно восхваляетъ учрежденія Круппа, его библіотеку и читальню, которыя онъ устроилъ на своихъ заводахъ, и называетъ эти учрежденія образцовыми. Затѣмъ онъ переходитъ къ журналистикѣ и говоритъ, что въ германскихъ промышленныхъ городахъ издается больше газетъ, нежели въ англійскихъ, а именно: 13 въ Хемницѣ, 22 въ Эссенѣ и 29 въ Дюссельдорфѣ, между тѣмъ какъ въ Англіи въ такихъ же точно условіяхъ издаются не больше 4—5 газетъ. Но авторъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Германіи не распространены газетныя читальни и поэтому каждый долженъ тамъ запастись газетой, затѣмъ тутъ играютъ роль также и большія разстоянія между столицами и другими городами, жители которыхъ, такимъ образомъ, волей-неволей бываютъ вынуждены читать мѣстную газету, чтобы знать то, что дѣлается на свѣтѣ. «Притомъ же,—говоритъ авторъ въ заключеніе,—берлинскія газеты далеко не занимаютъ такого положенія, какое занимаютъ лондонскія газеты въ Англіи, парижскія во Франціи, вѣнскія въ Австріи и нью-іоркскія въ Соединенныхъ Штатахъ. И тутъ Берлинъ далеко не является представителемъ всей Германіи. Нѣмецкія провинціальныя газеты, какъ, напр., кёльнская и франкфуртская газеты, превосходно освѣдомлены и принадлежатъ къ числу серьезныхъ органовъ Германіи. Кёльнская газета, несомнѣнно, одна изъ самыхъ вліятельныхъ газетъ провинціальной Германіи и постоянно цитируется столичными и иностранными газетами. Въ отдѣльной продажѣ номера германскихъ газетъ стоютъ довольно дорого, но тѣмъ не менѣе рабочіе постоянно покупаютъ и читаютъ газеты и вообще газета играетъ въ умственной жизни германскаго народа весьма значительную роль».

«Deutsche Rundschau» посвящаетъ статью итальянской печати и говоритъ, что ни въ одной странѣ печать не стоитъ такъ близко къ политической трибунѣ, какъ въ Италіи. Между журналистами, депутатами и министрами существуютъ самыя тѣсныя сношенія. Большинство итальянскихъ министровъ сами были нѣкогда журналистами и не прерываютъ сношеній со своими бывшими коллегами, хотя бы эти послѣдніе были представителями оппозиціи, радикалами, республиканцами и даже соціалистами. Въ Италіи министръ скорѣе даже считаетъ для себя за честь быть дружнымъ съ какимъ-нибудь виднымъ журналистомъ, представителемъ общественнаго мнѣнія, и даже, подчасъ довольно демонстративно, бываетъ съ нимъ на «ты». Число итальянскихъ министровъ, дипломатовъ, статсъ-секретарей и т. д., принадлежавшихъ къ журнализму, очень велико. Въ Италіи было бы немыслимо такое презрительное

отношеніе къ журналистамъ, какое позволялъ себѣ Бисмаркъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ выдающихся итальянскихъ государственныхъ дѣятелей вышли изъ рядовъ журнализма. Достаточно упомянуть о Депретисѣ и Криспи. Оба были нѣкогда редакторами маленькой туринской газеты. Депретисъ получалъ 120 фр. въ мѣсяцъ, а Криспи 90. И оба потомъ сдѣлались министрами-президентами и кавалерами ордена Аннунціаты, что давало имъ оффиціально титулъ «Cugino del Re» (кузенъ короля), т.-е. король обязанъ былъ оффиціально назвать ихъ «caro cugino» (милый кузенъ) и они получали свободный доступъ къ нему во всякое время. «А между тѣмъ эти люди не вышли изъ рядовъ стариннаго дворянства, прибавляетъ авторъ газеты, не были никогда офицерами и не принадлежали къ аристократической студенческой корпораціи. Это были просто журнальные работники и больше ничего».

«Журналистъ въ Италіи, если ему нужно получить аудіенцію у министра, говоритъ далѣе авторъ, прямо отправляется къ нему изъ редакціи или изъ рабочаго кабинета, даже не перемѣняя своего костюма, и никогда ему не приходится долго ждать пріема. Сколько бы ни дожидалось въ пріемной министра разныхъ оффиціальныхъ и почетныхъ лицъ, онъ всегда приметъ раньше журналиста, корреспондента или редактора. При итальянскомъ дворѣ журнализмъ также занимаетъ почетное мѣсто. Извѣстна острота короля Гумберта, который однажды сказалъ: «Если бы я не былъ уже королемъ, то желалъ бы быть журналистомъ!» Въ квириналѣ журналистамъ всегда оказывается радушный пріемъ и всѣ редакціи и газетные корреспонденты неизмѣнно получаютъ приглашенія на придворные балы. Примѣру двора, конечно, слѣдуетъ и дипломатическій корпусъ, осыпающій знаками вниманія журналистовъ. «Какая разница, восклицаетъ авторъ, между положеніемъ итальянскихъ и нѣмецкихъ журналистовъ, которымъ Бисмаркъ далъ презрительное прозвище «Hungerkandidaten!» Въ Германіи журналистъ только случайно получаетъ доступъ въ высшіе политическіе круги и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ какой-нибудь титулъ, ученую степень, если онъ офицеръ резерва или бывшій корпораціонный студентъ. Въ Италіи же одна принадлежность къ штабу журнализма является достаточной рекомендаціей для того, чтобы получить доступъ во всѣ салоны. Печать въ Италіи несомнѣнно пользуется большимъ вліяніемъ на парламентъ, парламентскихъ дѣятелей и правительство. Если печать единодушно и энергично возьмется за какое-нибудь дѣло, то она всегда добьется желаемаго и правительство покоряется ея требованіямъ. Сколько министровъ и сколько министерствъ были ниспровергнуты дружными стараніями печати, а иногда простою замѣткой, появившейся въ газетѣ. Сколько темныхъ дѣлъ было раскрыто печатью, какая масса злоупотребленій обнаружены и прекращены, благодаря вмѣшательству газетъ! Роль печати въ Италіи, такимъ образомъ, весьма почетна и приглашенія, получаемыя итальянскими журналистами отъ «сильныхъ міра сего», разсматриваются ими лишь какъ должная дань ихъ почетному положенію въ обществѣ, а ничуть не какъ милостивое вниманіе, какъ въ другихъ странахъ»..

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ИНДІИ.

Въ послѣднихъ числахъ октября 1902 года министръ по дѣламъ Индіи лордъ Гамильтонъ представилъ англійскому парламенту бюджетъ этой страны на 1902—1903 годъ съ краткимъ отчетомъ о выполненіи росписей 1900—1901 и 1901—1902 гг. Свѣдѣнія и цифры, заключающіяся въ этихъ документахъ произвели сильное впечатлѣніе не только въ соединенномъ королевствѣ и Индіи, но и заграницей. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ теченіе 5 послѣднихъ бюджетныхъ годовъ страна эта, подверженная уже много лѣтъ различнымъ народнымъ бѣдствіямъ и никогда не отличавшаяся высокимъ уровнемъ народнаго благосостоянія, не только не знаетъ дефицитовъ, но даетъ огромныя превышенія доходовъ надъ расходами.

Разсматривая бюджеты Индіи за послѣдніе 15 лѣтъ (1888—1902), мы видимъ, что дефициты составляютъ въ нихъ вообще рѣдкое явленіе. Судя по нимъ, неурожаи и эпидеміи, повидимому, мало отражаются на финансовомъ положеніи Индіи.

Въ чемъ же заключается причина этого страннаго явленія? Конечно, давно уже признано, что успѣшное балансированіе бюджета не служитъ еще показателемъ народнаго благосостоянія и что достиженіе этого баланса сопряжено иногда по необходимости съ искусственнымъ повышеніемъ доходовъ, но въ подобныхъ случаяхъ не бываетъ излишковъ. Въ бюджетахъ же Индіи мы не только находимъ эти излишки, но видимъ, что размѣры ихъ, обыкновенно, по выполненіи росписи сильно превышаютъ сумму, исчисленную при составленіи бюджета. При этихъ условіяхъ является предположеніе, что излишекъ доходовъ опредѣляется естественными причинами, которыя кроются въ экономическихъ условіяхъ страны. Однако, такъ ли въ дѣйствительности? Бѣдствія, поражающія Индію въ видѣ частыхъ неурожаевъ, чумы, холеры и т. п., у всѣхъ на глазахъ, о плачевномъ экономическомъ положеніи главной массы туземнаго населенія мы слышимъ слишкомъ много для того, чтобы повѣрить этимъ цифрамъ, свидѣтельствующимъ о полномъ благополучіи Индіи.

Если принять во вниманіе, что за 15-лѣтній періодъ (1888—1902) страну дважды посѣщалъ страшный голодъ (1896—1897 и 1899—1900) *), обременившій государственное казначейство суммой въ 43,5 мил. рупій, т.-е. 27,84 мил. рублей **) выданныхъ въ вспомоществованіе пострадавшимъ отъ неурожая, и что чума не покидаетъ Индію въ теченіе 6 лѣтъ, то поневолѣ зародится сомнѣніе—соотвѣтствуетъ ли блестящее состояніе финансовъ страны ея экономическому положенію?

Индія находилась всегда въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ,

*) Въ XIX ст. насчитывается 19 неурожаевъ, требовавшихъ исключительныхъ мѣръ правительственной и частной помощи.

**) Рупія 64 коп.

хотя съ появленіемъ въ странѣ англичанъ, а особенно съ того времени, когда англійское правительство приняло управленіе страной непосредственно въ свои руки (1857 г.), эти условія нѣсколько улучшились. Упорядоченное землевладѣніе, болѣе совершенная фискальная система и опредѣленность правовыхъ отношеній не могли не вызвать нѣкотораго повышенія уровня народнаго благосостоянія, все же еще оставшагося весьма низкимъ. Англичане, внеся въ страну нѣкоторыя блага, выработанныя западно-европейской цивилизаціей, однако, оказались не въ силахъ предохранить населеніе отъ гибельнаго вліянія народныхъ бѣдствій, проявляющихся въ видѣ неурожаевъ и эпидемій. Непосредственной причиной первыхъ являются періодическія засухи, поражающія огромныя пространства; причина вторыхъ кроется въ неудовлетворительныхъ санитарныхъ условіяхъ страны, объясняемыхъ ея климатическими особенностями, бѣдностью и религіозными и кастовыми предразсудками населенія.

Населеніе Индіи постепенно бѣднѣетъ подъ тяжестью экономическаго строя, установленнаго англичанами въ послѣдніе годы. Приростъ населенія въ британскихъ провинціяхъ Индіи за десятилѣтіе 1891—1901 гг. оказался на 12,60 мил. человѣкъ или на 6,9% менѣе, чѣмъ за періодъ 1881—1891 гг. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ страны, какъ напримѣръ въ Бомбейскомъ президентствѣ, центральныхъ провинціяхъ, Берарѣ и Ажмирѣ, населеніе даже уменшилось.

Смертность населенія, начиная съ 1884 г., постепенно и неуклонно увеличивается, что свидѣтельствуетъ объ ухудшеніи санитарныхъ и матеріальныхъ условій жизни. За пятилѣтіе 1881—1886 гг. смертность давала лишь 24,84, а за 1895—1899 гг. она достигала 31,14 смертей на 1.000 человѣкъ. Точныхъ свѣдѣній о смертности населенія послѣ 1899 г. пока еще не имѣется, но извѣстно, что въ теченіе послѣдняго года 1900—1901 гг. смертность была ужасной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи.

Потребленіе населеніемъ соли, какъ продукта первѣйшей необходимости, считается обыкновенно явленіемъ, по которому можно судить о благосостояніи жителей. За пять лѣтъ съ 1881—82 гг. по 1886—1887 гг. потребленіе соли въ странѣ увеличилось на 12,04 мил. пудовъ, или на 18%, но съ повышеніемъ налога на соль въ 1888 г. оно за 14 послѣдующихъ лѣтъ возросло лишь на 4,5 мил. пудовъ, или менѣе 6%.Заслуживаетъ вниманіе періодъ 1887—1891 гг., когда потребленіе этого продукта даже уменьшилось, несмотря на то, что въ 1886 г., съ присоединеніемъ Верхней Бирмы, населеніе Индіи возросло па 3 миліона.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія сельское хозяйство *) въ странѣ падаетъ все болѣе и болѣе. За это время площадь земель незанятыхъ посѣвами и земель совершенно заброшенныхъ возросла въ значительной степени; это доказываетъ, что нѣкоторая часть населенія бросаетъ свои земли, находя или невыгоднымъ,

*) Въ Индіи земледѣліемъ занимается 70% населенія (Hunt r. «Ghe Indian Empire», 1893, стр. 576).

или тяжелымъ обрабатывать ее и обращается къ другимъ источникамъ для существованія.

Для оцѣнки земледѣльческаго положенія страны важно знать, какъ распредѣляется обрабатываемая поверхность между отдѣльными видами хлѣбовъ и другихъ сельскохозяйственныхъ растеній. Въ этомъ отношеніи Индія находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, представляя слабое развитіе культуры цѣнныхъ растеній, т.-е. слабую интенсивность сельскаго хозяйства. Кромѣ этого, воздѣлываніе даже нѣкоторыхъ весьма употребительныхъ и необходимыхъ для населенія хлѣбовъ уменьшается за послѣдніе годы. За десятилѣтіе 1890—1900 гг. значительно уменьшились посѣвы пшеницы и проса, составляющихъ главные пищевые продукты населенія *); заслуживаетъ особеннаго вниманія уменьшеніе посѣвовъ проса, потому что этотъ злакъ отличается большей, чѣмъ прочіе хлѣба, стойкостью въ отношеніи особенностей индійскаго климата. За это же время уменьшились посѣвы хлопчатника и прочихъ дающихъ волокно растеній и посѣвы индиго, а посѣвы сахарнаго тростника остаются почти одни и тѣ же.

Естественно, что при такихъ условіяхъ и вывозъ изъ Индіи земледѣльческихъ продуктовъ долженъ былъ постепенно уменьшаться.

Съ 1880 по 1900 г. въ громадныхъ размѣрахъ возросъ вывозъ кожъ и костей, что косвенно указываетъ на сильный падежъ скота, разрушающій скотоводство.

Несмотря на ростъ населенія, количество скота въ Индіи мѣстами уменьшается, а тамъ, гдѣ оно увеличивается—это увеличеніе за періодъ 1890—99 гг. меньше, чѣмъ за предшествовавшіе годы.

Одинъ изъ членовъ индійскаго законодательнаго совѣта Гопаль Кришна Гокале, въ своихъ замѣчаніяхъ на индійскій бюджетъ 1902—03 гг., говоритъ слѣдующее: «Потери, понесенныя земледѣліемъ, вслѣдствіе неурожая и падежа скота въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ опредѣляются въ общемъ около 3 милліардовъ рупій. Почва, не получающая необходимаго отдыха и удобренія, истощается все болѣе и болѣе, потому что посѣвъ слѣдуетъ за посѣвомъ безъ перерыва. Задолженность земледѣльчесскаго класса своими размѣрами возбуждаетъ тревогу. Около $^{1}/_{4}$ крестьянскаго населенія вынуждены прибѣгать къ содѣйствію ростовщиковъ, чтобы имѣть возможность протянуть отъ весенней до осенней жатвы. Не менѣе $^{1}/_{4}$ земледѣльцевъ бомбейскаго президентства потеряли свои земли и лишь $^{1}/_{15}$ часть его населенія свободна отъ долговъ. Эти факты приводятъ насъ къ убѣжденію, что матеріальное положеніе народныхъ массъ въ Индіи ухудшается.

«Мы, живущіе среди этой тяжелой дѣйствительности, считаемъ своимъ

---

*) Съ понятіемъ объ Индіи обыкновенно связывается представленіе о рисѣ, какъ о главномъ пищевомъ продуктѣ населенія. Между тѣмъ, число жителей, питающихся рисомъ, не превосходитъ $^{1}/_{3}$ всего населенія Индіи. За исключеніемъ дельтъ большихъ рѣкъ и прибрежностей, рисъ является рѣдкимъ растеніемъ въ прочихъ частяхъ Индіи (Hunter. «Ghe Indian Empire», 1893, стр. 577).

долгомъ настаивать, какъ въ интересахъ изнывающихъ въ борьбѣ массъ, такъ и въ интересахъ правительства, чтобы фактъ глубокой и увеличивающейся бѣдности въ странѣ былъ признанъ и чтобы вся энергія правительства была направлена на борьбу съ ней».

Другой членъ того же совѣта, Раи Рамъ Богадуръ, говоритъ: «Невозможно отрицать, что земледѣльческій и рабочій классы населенія бѣдствуютъ. Средній земледѣлецъ рѣдко имѣетъ возможность питаться хлѣбомъ хорошаго качества. Его единственная роскошь заключается въ щепоткѣ табаку; сплошь и рядомъ онъ живетъ впроголодь.

«Если таково положеніе земледѣльцевъ, то нечего говорить, что положеніе рабочаго класса еще хуже. Хроническая бѣдность населенія служитъ причиной того, что первый же неурожай угрожаетъ милліонамъ людей голодною смертью и ставитъ ихъ существованіе въ зависимость отъ правительственной помощи».

Изъ всѣхъ областей Индіи только мадрасское президентство и Бенгалія находятся въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ экономическомъ положеніи. Бенгалія не знаетъ засухъ, а въ мадрасской провинціи онѣ бываютъ сравнительно рѣдко. Зато остальныя провинціи Индіи представляютъ, въ общемъ, весьма печальную картину и ихъ исторія за послѣднее десятилѣтіе—это безпрерывное бѣдствіе.

Въ отчетѣ о состояніи центральныхъ провинцій за 1892—1902 гг., составленномъ ихъ поземельнымъ коммиссаромъ Сляйемъ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Только два округа изъ 18 имѣли въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ хорошія жатвы; въ остальныхъ—неурожаи слѣдовали за неурожаями. Общій сборъ не превосходилъ $^{3}/_{4}$ обыкновеннаго сбора. Площадь посѣвовъ въ провинціяхъ сократилась на 2 мил. акровъ и посѣвы болѣе цѣнныхъ злаковъ замѣнились посѣвами плохихъ сортовъ проса; уменьшеніе посѣвовъ пшеницы достигло до 3,9 мил. акровъ. Повсемѣстно возросли цѣны на продукты первой необходимости, что особенно тяжело отзывается на рабочемъ классѣ».

Населенія бомбейскаго президентства находится въ еще худшемъ положеніи. Отчетъ о переписи въ предѣлахъ президентства проникнутъ горечью и соболѣзнованіемъ страдающему населенію, и каждая его страница свидѣтельствуетъ о несчастіяхъ, не покидающихъ эту провинцію. Уменьшеніе народонаселенія, разстройство торговли и обѣднѣніе даже зажиточныхъ классовъ—вотъ результаты бѣдствій, постигшихъ эту часть Индіи въ послѣдніе годы.

По даннымъ этого интереснаго отчета, населеніе бомбейскаго президентства за десятилѣтіе 1891—1901 гг. уменьшилось на $^{1}/_{3}$ мил., рождаемость понизилась, а смертность увеличилась. Обращаясь къ Пенджабу, мы и здѣсь не видимъ ничего утѣшительнаго. Правительственный отчетъ о матеріальномъ состояніи этой провинціи, за десятилѣтіе 1891—1901 гг., говоря объ экономическомъ положеніи населенія, можетъ похвастать лишь ростомъ культуры хлопка, но зато вынужденъ признать уменьшеніе воздѣлыванія сахарнаго тростника, страшную задолженность земледѣльческаго населенія и обнаруженную послѣд-

нимъ склонность прекращать воздѣлываніе земли, продавая ее представителямъ неземледѣльческихъ классовъ, отдающихъ ее въ аренду.

Отчетъ объ исполненіи переписи въ соединенныхъ провинціяхъ заключаетъ въ себѣ много указаній о бѣдственномъ положеніи ихъ населенія за послѣдніе годы. Въ равнинныхъ округахъ засухи, а въ предгоріяхъ ливни служили причинами неурожаевъ, болѣзней и голода. Въ Берарѣ за десятилѣтіе 1891—1901 гг. лишь одинъ 1898 г. можетъ считаться благополучнымъ; неурожаи и эпидеміи тяжело отозвались на благосостояніи населенія; въ теченіе 5 лѣтъ (изъ 10) смертность превышала рождаемость, 4 года ознаменовались голодомъ. Всѣ эти обстоятельства привели къ уменьшенію численности населенія въ Берарѣ.

Что касается обрабатывающей промышленности, то на положеніе ея въ Индіи оказываютъ неблагопріятное вліяніе нѣкоторыя обложенія, что особенно важно въ отношеніи мѣстныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій. Отмѣна налога съ хлопчато-бумажнаго производства является настоятельно необходимымъ не только въ интересахъ самой промышленности, но и какъ актъ справедливости къ бѣднѣйшему населенію.

Въ годовомъ собраніи бомбейской торговой палаты, въ 1902 году членъ ея Мозъ обращалъ вниманіе своихъ сочленовъ на вредное вліяніе этого налога на зарождающуюся хлопчато-бумажную промышленность. Онъ указывалъ на то, что послѣдняя пала почти до банкротства, что 14 фабрикъ разорились, что нѣкоторыя изъ нихъ сократили свое производство и что все это отразилось очень неблагопріятно на экономическомъ положеніи населенія.

Въ дополненіе къ этой грустной картинѣ народнаго обѣднѣнія, приведемъ здѣсь слова министра по дѣламъ Индіи, произнесенныя имъ въ Палатѣ общинъ 28-го октября (10-го ноября) 1902 г. во время обсужденія бюджета этой страны на текущій финансовый годъ. Лордъ Гамильтонъ сказалъ слѣдующее: «Хотя необходимо отвергнуть высказываемое многими мнѣніе, что подъ нашимъ владычествомъ матеріальное положеніе индійскаго населенія ухудшалось, тѣмъ не менѣе мы охотно признаемъ, что Индія—страна весьма бѣдная, изобилующая нуждой и болѣзнями, что обычный заработокъ рабочаго граничитъ въ ней съ нищетой и что общій уровень народнаго благосостоянія здѣсь гораздо ниже, чѣмъ въ самой отсталой европейской націи. Не столько отъ тяжести обложеній, сколько отъ ошибокъ въ примѣненіи поземельнаго налога, населеніе впало въ долги; это нужно всегда имѣть въ виду при обсужденіи финансоваго положенія Индіи».

Изъ всего сказаннаго ясно, что современная Индія живетъ въ весьма тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, что неурожаи и эпидеміи гибельно отражаются на благосостояніи населенія, что страна не только бѣдна, но изъ года въ годъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ и что между ея экономическимъ положеніемъ и ежегодными бюджетами не существуетъ необходимаго соотвѣтствія. Финансовыя росписи Индіи не даютъ, въ сущности, никакого понятія о бѣдственномъ положеніи населенія и способны внушить представленія объ этой странѣ, совершенно не соотвѣтствующія дѣйствительности.

*

Но откуда же берутся тѣ колоссальныя суммы, которыя заполняютъ таблицы индійскихъ бюджетовъ и которыя, за покрытіемъ расходовъ, даютъ почти ежегодно превышеніе доходовъ надъ расходами? Упомянутый выше членъ индійскаго законодательнаго совѣта Кришна Гокале говоритъ, что эти излишки—не избытокъ народнаго благосостоянія, а излишекъ денежныхъ знаковъ, извлекаемыхъ всевозможными путями изъ населенія.

Повышеніе доходовъ по нѣкоторымъ статьямъ индійскихъ бюджетовъ за послѣдніе годы происходило, главнымъ образомъ, отъ повышенія цѣнности рупіи, отъ высокихъ налоговъ и отъ развитія желѣзнодорожнаго движенія.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ источниковъ отдѣльно.

Индія—одна изъ немногихъ странъ, удержавшихъ до настоящаго времени въ своемъ денежномъ обращеніи серебряную единицу *). Утрата серебромъ своего значенія, какъ международнаго орудія мѣны и общаго мѣрила цѣнностей, отразилась въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ Индіи серьезными финансовыми затрудненіями. Съ 1835 г., когда началась чеканка британской серебряной рупіи, замѣнившей собой прежнія индійскія рупіи, цѣнность этой монеты долгое время оставалась неизмѣнной и равной 2 шилингамъ **). Неограниченная чеканка въ Индіи серебра и вышеупомянутое пониженіе его цѣнности, вызванное переходомъ многихъ государствъ къ золотой валютѣ, а слѣдовательно утратой серебра главнаго мѣста въ денежномъ обращеніи, обусловили въ 70-хъ годахъ паденіе курса рупіи, упавшаго къ 1893 г. до 1 шилинга 1 пенса. Рупія, на которую совершаются въ Индіи всѣ торговыя сдѣлки и которой уплачиваются всѣ сборы и налоги, потеряла свою покупательную силу въ отношеніи золота и всѣхъ товаровъ, привозимыхъ изъ странъ, гдѣ принята золотая валюта. Такимъ образомъ, страна при всѣхъ условіяхъ правильнаго денежнаго обращенія стала испытывать потерю на курсѣ. Послѣдняя сильно разстраивала государственные финансы Индіи, потому что на расходы въ Англію, сверхъ опредѣленной въ бюджетѣ суммы, необходимо было добавлять потерю на курсѣ, на покрытіе которой надо было изыскивать новыя бюджетныя средства.

Паденіе цѣнности рупіи не оказывало непосредственнаго вліянія на экономическое положеніе населенія, потому что ея покупательная сила внутри страны не измѣнилась и цѣны на туземные товары и трудъ остались тѣ же; но оно повліяло на экономическое положеніе косвеннымъ образомъ, потому что, принеся ущербъ государственному казначейству, вызвало повышеніе налоговъ, достигшее вскорѣ значительной суммы ***).

*) Хотя правительственнымъ актомъ 15-го сент. 1899 г. въ Индіи введено золотое обращеніе (15 рупій=1 фн. стерл.) и инд. монетные дворы приступили къ чеканкѣ золотой монеты, но малое еще количество золота на денежномъ рынкѣ и привычка населенія къ прежнимъ денежнымъ знакамъ не измѣняютъ пока прежняго положенія.

**) 1 фн. стерл.=около 10 рублей, 1 шилингъ=около 50 коп., 1 пенсъ=около 4 коп.

***) Такъ, напр., съ 1871 по 1885 потеря государственнаго казначейства на курсѣ или прибавка расходовъ въ бюджетѣ доходила до 310 мил. рупій, которыя переплатилъ народъ.

Для повышенія курса рупіи и устраненія его колебаній, вредно отражавшихся на бюджетныхъ соображеніяхъ, англо-индійское правительство закономъ 26-го іюня 1893 г. установило ограниченіе чеканки серебряной монеты и пріемъ монетными дворами Индіи золота въ обмѣнъ на серебро по принудительному курсу—1 шилингъ 4 пенса (64 коп.) за рупію; вмѣстѣ съ тѣмъ, казначействамъ было разрѣшено принимать, въ уплату налоговъ, англійскіе соверены (1 фн. стерлинговъ), считая ихъ равными 15 рупіямъ, а калькутскому и бомбейскому банкамъ *) выпускать кредитные билеты въ обмѣнъ на золото по этому же курсу. Съ тѣхъ поръ цѣнность рупіи начала мало-по-малу повышаться: въ 1895—1896 г. она равнялась 1 шилингу $1^1/_2$ пенса (53 коп.), въ 1896—1897 г. 1 шил. $2^1/_2$ пен. (57 коп.), въ 1897—1898 1 шил. $3^1/_3$ пен. (61 коп.), въ 1898—1899 1 шил. $3^1/_2$ пен. (62 коп.), а въ послѣднее время достигла 1 шил. 4 пен. (64 коп.), каковая цѣнность сохраняется ею и въ настоящее время. Это постепенное повышеніе курса рупіи доставило государственному казначейству значительный доходъ, который обнаружился въ ежегодныхъ бюджетахъ довольно крупными остатками по нѣкоторымъ расходнымъ статьямъ. Вліяніе этой финансовой операціи на успѣшное балансированіе бюджетовъ станетъ еще болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе, что установленное правительствомъ на время паденія курса рупіи повышеніе налоговъ остается въ силѣ и нынѣ.

Обратимся теперь къ вопросу о налогахъ и различныхъ сборахъ, взимаемыхъ съ индійскаго населенія. Доходъ по этимъ статьямъ составляетъ большую часть доходовъ индійскихъ бюджетовъ. За послѣдніе 15 лѣтъ онъ ни разу не составлялъ менѣе половины всѣхъ доходовъ и, абсолютно возростая изъ года въ годъ, въ процентномъ отношеніи колебался между 50 и 57 %.

Въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ налоги въ Индіи разновременно повышались, что обыкновенно мотивировалось правительствомъ необходимостью вознаградить государственному казначейству потери, причиненныя паденіемъ курса рупіи. Съ 1885 по 1899 г. англо-индійское правительство принимало всевозможныя мѣры для увеличенія цифры налоговъ. Въ 1886, 1887 и 1888 гг. не примѣнялось установленное въ виду неурожаевъ ежегодное сложеніе нѣкоторой части поземельнаго налога, а въ 1896 и совсѣмъ отмѣнено; въ 1887 и 1892 гг. финансовые договоры съ провинціями были пересмотрены и измѣнены въ пользу императорской казны на 11 мил. рупій за оба года; въ 1886, 1890 и 1894 гг. съ провинціальныхъ доходовъ были потребованы дополнительныя суммы въ государственное казначейство; въ 1886 году былъ введенъ подоходный налогъ; въ 1888 году повышенъ налогъ на соль; въ 1889 г. подоходный налогъ распространенъ на Бирму; въ 1890 г. повышены пошлины на ввозимые въ страну напитки; въ 1891 г. повышенъ акцизъ на индійское пиво; въ 1892 г. повышены пошлины на ввозимую въ Бирму рыбу; въ 1894 г. повышены пошлины на ввозимый хлопокъ; въ 1899 г. установлены дополни-

---

*) Государственный банкъ Индіи состоитъ изъ трехъ отдѣленій: калькутскаго (Bank of Bengal), бомбейскаго (Bank of Bombay) и мадрасскаго (Bank of Madras).

тельныя пошлины на ввозимый въ Индію сахаръ. Всѣ эти обложенія давали государственному казначейству прибавку къ доходамъ въ среднемъ не менѣе 123 мил. рупій (79 мил. руб.) ежегодно. За десятилѣтіе 1869—1879 гг. тяжесть обложенія, приходившаяся на одного человѣка, составляла въ среднемъ, 2 шил. 5 пен. (1 р. 16 коп.), за 1879—1891 гг. 2 шил. 5½ пен. (1 р. 18 коп.), за 1891—1901 гг. 2 шил. 8 пен. (1 р. 28 коп.), а въ бюджетѣ на 1902—1903 г. 3 шил. 3¼ пен. (1 р. 57 коп.). Такимъ образомъ, она постепенно увеличивалась. Такое увеличеніе налоговъ въ періодъ времени, въ теченіе котораго страна подверглась неоднократнымъ бѣдствіямъ, представляетъ собой любопытное явленіе, до сихъ поръ не встрѣчавшееся въ исторіи англійскаго владычества въ Индіи. Сумма обложеній нынѣ уже превысила нормальную потребность въ нихъ, что доказывается крупными остатками въ индійскихъ бюджетахъ.

Абсолютная цифра государственныхъ налоговъ въ Индіи, приходящаяся на одного человѣка, по сравненію съ другими государствами, особенно европейскими, невелика, но тягость ея для населенія весьма значительна, вслѣдствіе его поразительной бѣдности.

Посмотримъ, какова она по отдѣльнымъ статьямъ обложеній.

Доходъ отъ поземельнаго налога составляетъ, въ общемъ, около половины общей суммы доходовъ отъ обложеній въ Индіи и постепенно съ годами возрастаетъ. Индійскій земледѣлецъ обложенъ этимъ налогомъ неодинаково, въ зависимости отъ мѣстности, въ которой онъ живетъ, и существующей въ ней системы землевладѣнія. Это вызываетъ необходимость сказать нѣсколько словъ о системахъ землевладѣнія въ Индіи.

Верховнымъ собственникомъ земли считается здѣсь съ незапамятныхъ временъ государство, которое и взимаетъ за право пользованія ею извѣстную часть дохода, получаемую земледѣльцемъ съ своего поля *). Способы пользованія землею и земледѣльческіе обычаи въ Индіи весьма разнообразны и слагались исторически, въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Въ общихъ чертахъ они заключаются въ слѣдующемъ. Въ бомбейскомъ и бо̀льшей части мадрасскаго президенствъ принята система пользованія землею, называемая системой «райотвари» **); каждый крестьянинъ-собственникъ входитъ въ сношенія непосредственно съ государствомъ, которому и вноситъ налогъ, опредѣляемый на 30 лѣтъ; размѣръ послѣдняго колеблется, въ зависимости отъ качества почвы, въ мадрасскомъ президентствѣ—отъ 0,25 до

---

*) Существуетъ экономическое ученіе (Е Ламанскій. „Индія“, стр. 242), по которому поземельный налогъ или такъ называемая рента не признается налогомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и не включается въ общую сумму обложеній. Къ сожалѣнію, теоретическія разсужденія не имѣютъ никакого практическаго значенія и индійскому крестьянину рѣшительно все равно, подъ какимъ названіемъ берутъ съ него рупіи, добываемыя имъ непосильнымъ трудомъ.

**) Происходитъ отъ слова „райотъ“—крестьянинъ.

12 рупій (отъ 16 коп. до 7 р. 68 коп.), а въ бомбейскомъ—отъ 0,42 до 2,25 рупій (отъ 27 коп. до 1 р. 44 коп.) въ годъ за акръ обрабатываемой земли.

Въ Бенгаліи и Аудѣ дѣйствуетъ законъ 1793 г., закрѣпившій земли за особымъ классомъ «земиндаровъ» въ Бенгаліи и «талюкдаровъ» въ Аудѣ, которые до появленія въ Индіи англичанъ представляли собой лишь сборщиковъ налоговъ на опредѣленной для каждаго територіи. Настоящіе же собственники-крестьяне являются здѣсь въ качествѣ арендаторовъ. Государство имѣетъ дѣло только съ земиндарами и талюкдарами, которые вносятъ въ казну налогъ за свои земли въ размѣрѣ разъ опредѣленномъ на вѣчныя времена; что же касается арендаторовъ, то государство не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, сколько платятъ они земиндарамъ (талюкдарамъ), что приводитъ къ страшной эксплоатаціи крестьянскаго населенія этимъ зажиточнымъ классомъ земельныхъ собственниковъ *). Въ Ассамѣ вся площадь обрабатываемыхъ земель раздѣлена на участки (муза), налогъ съ которыхъ собирается (муза-дарами), отвѣтственными за порученныя имъ земли. Размѣръ поземельнаго налога колеблется здѣсь отъ 1,73 до 1,91 рупіи (отъ 1 р. 11 коп. до 1 р. 22 коп.) за акръ.

Въ Пенджабѣ и соединенныхъ провинціяхъ платежной единицей является деревня или община, причемъ каждый собственникъ является отвѣтственнымъ передъ послѣдней за внесеніе причитающейся съ него доли налога. Послѣдній установленъ въ Пенджабѣ въ размѣрѣ 0,96 рупіи (61 коп.), а въ соединенныхъ провинціяхъ—1,76 рупіи (1 р. 13 коп.) за акръ.

Въ Ассамѣ, Пенджабѣ и соединенныхъ провинціяхъ размѣръ налога опредѣляется, какъ и въ бомбейскомъ и мадрасскомъ президентствахъ—на 30 лѣтъ. Въ среднемъ для всей Индіи (кромѣ Бенгаліи) размѣръ поземельнаго налога равенъ 1,38 рупій (88 коп.) за акръ обрабатываемой земли.

Посмотримъ, тяжело ли отзываются на платежныхъ силахъ земледѣльческаго населенія существующія въ Индіи системы землевладѣнія.

Вотъ что говоритъ Смитонъ, членъ индійскаго законодательнаго совѣта: «Я имѣю тридцатилѣтній опытъ сношеній съ населеніемъ двухъ провинцій и наблюдалъ три голода. Этотъ опытъ убѣдилъ меня, что мелкіе арендаторы обременены тяжелымъ налогомъ, нѣкоторые—чрезмѣрно высокимъ, и что, вслѣдствіе этого, большинство изъ нихъ находится въ рукахъ ростовщиковъ, будучи неоплатными должниками».

Вильямъ Дигби въ своей книгѣ «Процвѣтающая британская Индія» говоритъ, что обложеніе превышаетъ силы землевладѣльца и дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ сопротивляться бѣдствіямъ неурожая. Дадабай Наорджи въ недавно вышедшемъ сочиненіи «Бѣдность и антибританское управленіе въ Индіи» приводитъ очень много доказательствъ того, что индійское населеніе изнываетъ подъ тяжестью налоговъ.

---

*) Впрочемъ, произволъ земиндаровъ (талюкдаровъ) нѣсколько ограниченъ законами 1859 и 1885 гг.

Въ 1900 г., въ одномъ изъ засѣданій индійскаго національнаго конгресса президентъ его, Вача, обратился къ членамъ конгресса съ слѣдующими словами: «Большинство изъ насъ знаетъ изъ нашихъ тѣсныхъ сношеній съ народными массами,—сношеній, невозможныхъ даже для лучшаго правительственнаго чиновника, что въ дополненіе къ нищетѣ и лишеніямъ, порождаемымъ неурожаями, населеніе страдаетъ отъ тягости высокаго поземельнаго налога, который подтачиваетъ жизнеспособность крестьянства. Требованія правительства непреклонны и налогъ собирается съ тою строгостью, которую ввела въ страну желѣзная система британской администраціи. Періодическія повышенія налога приводятъ къ тому, что размѣры его превышаютъ средства плательщиковъ».

Изъ всего сказаннаго о поземельномъ налогѣ очевидно, что онъ является тяжелымъ бременемъ для земледѣлія и что тѣ изъ года въ годъ растущіе милліоны, которые онъ даетъ въ бюджетахъ Индіи, берутся не отъ излишковъ, а отъ насущныхъ нуждъ населенія.

Соляной налогъ является вторымъ обложеніемъ, тяжело отражающимся на матеріальномъ благосостояніи народа. Въ 1888 г., когда онъ былъ повышенъ съ 58 на 69 коп. за пудъ, министръ финансовъ Индіи, сэръ Вэстлендъ, заявилъ, что правительство съ величайшимъ сожалѣніемъ рѣшилось на эту мѣру.

Наряду съ поземельнымъ и солянымъ налогами прочіе сборы имѣютъ второстепенное значеніе какъ по суммѣ доставляемыхъ государственному казначейству доходовъ, такъ и по своему вліянію на матеріальное благосостояніе населенія.

Въ заключеніе вопроса о тяжести обложеній коснемся еще одного вида налоговъ, который хотя даетъ и небольшой сравнительно съ другими доходъ, но характеризуетъ систему налоговъ въ Индіи. Мы говоримъ о подоходномъ налогѣ. Онъ былъ первоначально введенъ въ 1860 году, затѣмъ то отмѣнялся, то опять вводился, пока наконецъ не былъ окончательно установленъ въ 1886 году. Этотъ налогъ взимается со всѣхъ видовъ дохода, кромѣ поземельнаго; всѣ доходы ниже 500 рупій (320 рублой) изъяты отъ налога; съ доходовъ отъ 500 до 2.000 рупій (320—1.280 рублей) въ годъ взимается $^1/_3$ анны (1,3 коп.), а съ доходовъ свыше 2.000 рупій—$^2/_5$ анны (1,6 коп.) съ рупіи.

Хотя, казалось бы, что подоходный налогъ долженъ тяжелѣе ложиться на богатые и вообще зажиточные классы населенія, особенно потому, что при его введеніи имѣлось въ виду привлечь именно эти классы къ участію въ несеніи бремени государственныхъ расходовъ, но съ теченіемъ времени обнаружилось, что тяжелѣе всего этотъ налогъ отзывается на бѣднѣйшихъ плательщикахъ. Въ настоящее время въ Индіи раздаются голоса въ пользу изъятія отъ этого налога доходовъ отъ 500 до 1.200—1.500 рупій (320—768—960 рублей) въ годъ, потому что, вслѣдствіе общаго вздорожанія жизни, эти доходы теряютъ уже свое прежнее значеніе.

Общее количество плательщиковъ этого налога равняется нынѣ 501.000 чел.,

а сумма, вносимая ими въ казну, 19,30 мил. рупій (12,35 мил. руб.); изъ нихъ 308.880 чел. получаютъ доходъ менѣе 1.000 рупій (640 руб.) въ годъ и платятъ въ совокупности 3,5 мил. рупій (2,24 мил. руб.). Слѣдовательно, послѣдніе составляютъ 3/5 общаго количества лицъ, обложенныхъ этимъ налогомъ, а ихъ плата лишь 1/5 всей суммы подоходнаго налога. Такимъ образомъ, освободивъ отъ послѣдняго доходы ниже 1.000 рупій, государственное казначейство потеряло бы незначительную сумму, которую очень легко было бы возмѣстить повышеніемъ сбора съ богатыхъ плательщиковъ. Но вотъ этого-то именно и избѣгаетъ англо-индійское правительство, потомучто подоходный налогъ весьма непопуляренъ въ странѣ, а непопуляренъ онъ потому, что затрогиваетъ интересы болѣе зажиточныхъ и болѣе вліятельныхъ классовъ населенія.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ увеличеніи доходовъ Индіи отъ развитія желѣзнодорожнаго движенія.

Большинство желѣзнодорожныхъ линій въ Индіи принадлежитъ казнѣ *), непосредственно пользующейся съ нихъ доходами отъ желѣзнодорожнаго движенія; что же касается дорогъ, принадлежащихъ частнымъ компаніямъ, то правительство получаетъ отъ нихъ извѣстную часть ихъ доходовъ, которая колеблется по годамъ въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. До 1899 г. желѣзныя дороги Индіи не давали казнѣ никакого дохода, потому что всѣ вырученныя отъ нихъ суммы поглощались не только обыкновенными расходами по ихъ эксплоатаціи, но и многочисленными постройками новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. И только съ 1899 года желѣзнодорожная сѣть Индіи начинаетъ давать доходъ государственному казначейству. Въ 1899—1900 г. чистый доходъ составлялъ 0,74 мил., въ 1900—1901 г.—4,87 мил., въ 1901—1902 г.—12,26 мил. и на 1902—1903 г. онъ предположенъ въ 4,42 мил. рупій. Если принять во вниманіе ту осторожность въ расчетахъ, съ которой составленъ бюджетъ на 1902—1903 г. и что въ 1901—1902 г. желѣзныя дороги дали чистаго дохода на 14,14 мил. рупій больше предположеннаго (предполагался дефицитъ въ 1,88 мил.), то и въ 1902—1903 г. этотъ доходъ будетъ, вѣроятно, сильно превышать предположенную сумму.

Эти доходы играютъ важную роль въ образованіи тѣхъ бюджетныхъ излишковъ, которыми отличаются индійскіе бюджеты за послѣдніе годы.

Кромѣ изслѣдованныхъ нами, болѣе или менѣе постоянныхъ причинъ, обусловливающихъ собой превышеніе доходовъ надъ расходами (повышеніе цѣнности рупіи, повышеніе налоговъ и ростъ доходовъ отъ желѣзнодорожнаго движенія), существуютъ еще случайныя причины, которыя оказывали свое благотворное вліяніе на финансовое положеніе Индіи въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ. Къ нимъ слѣдуетъ причислить командированіе изъ Индіи англійскихъ войскъ въ Южную Африку въ теченіе 1899—1901 гг. и отправленіе туземнаго отряда въ Китай въ 1900 г.

*) Къ 1 января 1902 г. въ Индіи имѣлось 38.060 верстъ рельсовыхъ путей, изъ коихъ 27.850 верстъ или 73% принадлежали правительству.

Южно-африканская война и экспедиціи въ Китай, доставившія столько расходовъ англійскому казначейству, отразились весьма благопріятно на состояніи индійскихъ финансовъ, потому что всѣ командированныя за это время изъ Индіи войска содержались насчетъ Великобританіи.

Однако, столь счастливыя для индійскихъ финансовъ обстоятельства случаются не ежегодно и возлагать на нихъ надежды, конечно, нельзя, а потому англо-индійскому правительству для поддержанія блестящаго состоянія финансовъ придется и впредь прибѣгать къ установленію высокихъ налоговъ; сокращеніе расходовъ представляется весьма затруднительнымъ, потому что уже и нынѣ много насущныхъ потребностей страны остаются безъ удовлетворенія.

Сущность финансовой политики англо-индійскаго правительства рельефно обнаруживается при составленіи бюджетовъ. Дѣйствительно, мы видѣли уже, что дефициты составляютъ рѣдкое явленіе въ Индіи и обусловливаются всегда чрезвычайными, непредвидѣнными обстоятельствами, которыя, какъ всѣ исключительныя явленія, случаются рѣдко. Поэтому опасеніе подвергнуться дѣйствію такихъ исключительныхъ обстоятельствъ не можетъ служить извиненіемъ составителю бюджета, помѣщающему въ немъ цифры завѣдомо низкія и не соотвѣтствующія состоянію финансовъ. Въ бюджетѣ на 1900—1901 г. превышеніе доходовъ надъ расходами было исчислено на 22,65 мил. рупій (14,50 мил. рублей), а въ 1901—1902 г.—на 59,73 мил. рупій (38,23 мил. рублей) менѣе, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. И это при томъ условіи, что въ эти годы не было никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы оправдать эти, будто бы, неожиданные излишки. Тѣмъ не менѣе въ бюджетѣ на 1902—1903 г. превышеніе доходовъ надъ расходами предусмотрѣно всего лишь въ 12,57 мил. рупія (8,04 мил. рубл.), т.-е. не только гораздо менѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы, но даже меньше той разницы, которая оказалась за эти годы между исчисленіями министра финансовъ и дѣйствительностью. По поводу этого, уже упоминавшійся не разъ, членъ индійскаго законодательнаго совѣта Гокале говоритъ слѣдующее: «Я протестую противъ необыкновенной осторожности, скажу даже излишней робости, съ которой составленъ бюджетъ на 1902—1903 г. Почему, имѣя передъ собой для руководства примѣръ четырехъ послѣдовательныхъ годовъ и никакихъ угрожающихъ обстоятельствъ въ ближайшемъ будущемъ, министръ финансовъ опредѣляетъ излишекъ на предстоящій годъ лишь въ 12,5 мил., тогда какъ даже при необходимой осторожности эта цифра можетъ быть увеличена втрое? Если бы онъ принялъ во вниманіе даже лишь обыкновенныя условія нашихъ финансовъ, какъ онѣ выяснились въ излишкахъ послѣднихъ лѣтъ, онъ могъ бы понизить налогъ на соль, сократить число лицъ, подверженныхъ дѣйствію подоходнаго налога, отмѣнить налогъ на хлопчатобумажныя издѣлія и имѣть еще существенный остатокъ въ бюджетѣ».

Эта излишняя осторожность въ подсчетахъ при составленіи бюджетовъ наводитъ насъ на мысль, что въ данномъ случаѣ правительство руководствуется какими-нибудь особенными соображеніями и что превышеніе дѣйствительныхъ цифръ надъ цифрами предположенными не представляется для него неожидан-

ностью. Несомнѣнно, что здѣсь существуетъ система, заключающаяся въ томъ, чтобы, не обнаруживая заблаговременно значительнаго превышенія доходовъ надъ расходами, не подавать повода къ пониженію высокаго обложенія. На это, повидимому, намекаетъ Гокале въ только что приведенной нами выдержкѣ изъ его критическихъ замѣчаній на бюджетъ и то же самое высказываютъ нѣкоторые англичане. Въ англійскомъ журналѣ «Saturday Review» за ноябрь 1902, г. помѣщена статья «Богатство Индіи», въ которой авторъ обсуждаетъ финансовое положеніе этой страны и въ частности бюджетъ ея на 1902—1903 г. и высказываетъ ту же мысль.

Вотъ въ какой формѣ проявляется удивительное упорство англо-индійскаго правительства въ сохраненіи повышенныхъ обложеній, вопреки всѣмъ бѣдствіямъ постигающимъ Индію.

Сведемъ теперь все сказанное въ этой статьѣ въ общее заключеніе. Индійскіе бюджеты, дающіе, особенно за послѣдніе годы, большія превышенія доходовъ надъ расходами, установили за финансами Индіи блостящую репутацію. Однако, экономическое положеніе этой страны, подвергающейся гибельному вліянію различныхъ народныхъ бѣдствій, не соотвѣтствуетъ ея финансовому положенію. Индія бѣдна, ея населеніе живетъ въ тяжелой матеріальной обстановкѣ, погибаетъ отъ голода и эпидемій и обнаруживаетъ всѣ признаки экономическаго разоренія. При этихъ условіяхъ и при справедливомъ отношеніи государства къ населенію, послѣднее было бы не въ силахъ давать индійскому казначейству тѣ богатства, которыя исчисляются въ ежегодныхъ бюджетахъ. Тѣмъ не менѣе, эти богатства извлекаются изъ страны, и, какъ мы видѣли, извлекаются, главнымъ образомъ, путемъ высокихъ налоговъ, исторгаемыхъ изъ населенія въ ущербъ его насущнымъ потребностямъ. Подобнымъ отношеніемъ къ платежнымъ силамъ индійскаго населенія правительство успѣшно поддерживаетъ прочное состояніе финансовъ, но мало-по-малу истощаетъ экономическія средства Индіи.

Между экономическимъ и финансовымъ положеніемъ этой страны существуетъ глубокій разладъ, представляющій собой одно изъ самыхъ печальныхъ явленій въ жизни многострадальнаго индійскаго населенія. Государственное казначейство Индіи полно серебромъ, таблицы бюджетовъ поражаютъ обиліемъ доходовъ и отрадными цифрами остатковъ, о которыхъ правительство говоритъ съ нескрываемою гордостью, а нищета и болѣзни все глубже и глубже проникаютъ въ населеніе.

Напрасно англійскіе государственные дѣятели закрываютъ глаза на это печальное явленіе и стараются блестящими цифрами обмануть людей, пытающихся глубже заглянугь въ сущность финансовой системы Индіи. Это явленіе заслуживаетъ съ ихъ стороны самаго тщательнаго изученія, чтобы дать экономической жизни населенія новое направленіе.

Мы далеки отъ того, чтобы приписывать обѣднѣніе Индіи злому умыслу англо-индійскаго правительства и винить во всѣхъ бѣдствіяхъ, постигающихъ индійское населеніе, націю, по справедливости считающуюся одной изъ самыхъ

передовыхъ въ мірѣ и доказавшую свою способность насаждать культуру, создавать цвѣтущія колоніи и управлять населеніемъ, составленнымъ изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что британская нація, по существу своему, эгоистична, какъ эгоистиченъ до извѣстной степени всякій окрѣпшій народъ, выработавшій себѣ прочныя формы народной жизни, но нельзя утверждать, что Англія ставитъ себѣ цѣлью обогащеніе насчетъ Индіи.

Условія, въ которыхъ приходится работать въ этой странѣ англичанамъ, неблагопріятны во многихъ отношеніяхъ и вотъ здѣсь-то ихъ финансовая политика, основанная на эгоистическомъ принципѣ отдѣленія бюджета Индіи отъ бюджета метрополіи и полнаго невмѣшательства послѣдней въ ея финансовое положеніе, приводитъ къ серьезнымъ неудачамъ, влекущимъ за собой экономическое разореніе населенія. Въ Индіи, повидимому, необходима иная финансовая система, въ которой было бы поменьше тяготѣнія къ красивымъ цифрамъ, побольше великодушія и снисходительности къ нищетѣ и денежная поддержка со стороны богатой метрополіи.

Индія была всегда бѣдна и сдѣлать ее богатой невозможно однѣми правительственными мѣропріятіями; матеріальное благосостояніе ея населенія можетъ быть существенно улучшено, лишь съ общимъ повышеніемъ культуры въ странѣ...

В. Н.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Астрономія..

Классификація звѣздъ по ихъ температурамъ. Уже 30 лѣтъ тому назадъ сэръ *Норманъ Локьеръ* на основаніи своихъ изслѣдованій спектровъ солнца и звѣздъ пришелъ къ выводу, что атмосферы, окружающія эти тѣла, состоятъ изъ разложенной въ различной степени матеріи, причемъ степень разложенія зависитъ отъ высоты температуры; когда эта температура падаетъ, то мы встрѣчаемъ въ атмосферѣ звѣзды атомы извѣстныхъ намъ на землѣ элементовъ, какъ металловъ, такъ и металлоидовъ. Чѣмъ выше температура звѣздъ, тѣмъ проще ея спектръ и для звѣздъ съ наиболѣе высокой температурой характерны спектры, указывающіе на преобладаніе въ атмосферѣ данной звѣзды водорода и гелія—элементовъ съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ. Продолжая работать по этому вопросу при помощи фотографическаго метода, Локьеръ въ 1892 г. даетъ, наконецъ, классификацію звѣздъ по ихъ температурамъ. Здѣсь онъ воспользовался извѣстной уже тогда въ физикѣ законностью, состоящей въ томъ, что при повышеніи температуры спектръ удлиняется съ своего ультрафіолетоваго конца.

По Локьеру звѣзды могутъ быть расположены въ два ряда—одинъ съ температурой—все возрастающей, другой—съ понижающейся. На прилагаемой кривой въ болѣе высокой ея части поставлены звѣзды съ наиболѣе высокой температурой, въ которыхъ матерія достигла наиболѣе глубокаго разложенія; чѣмъ ниже температура звѣзды, тѣмъ ниже ея мѣсто на этой кривой.

Такимъ образомъ получается десять различныхъ группъ звѣздъ, которыя, въ свою очередь, можно соединить въ 5 болѣе крупныхъ отдѣловъ: 1) протоводородныя звѣзды (наиболѣе высокая температура, наиболѣе простой спектръ), 2) звѣзды клевеитовыхъ газовъ, 3) протометаллическія звѣзды, 4) металлическія звѣзды, 5) звѣзды съ канальчатыми спектрами (наиболѣе низкая температура, наиболѣе сложный спектръ).

Среднія температуры звѣздъ, которыя лежатъ на одинаковой высотѣ съ противоположныхъ сторонъ этой кривой, отличаются другъ отъ друга крайне незначительно.

Послѣдній рядъ своихъ изслѣдованій, результаты которыхъ только что опубликованы, Локьеръ велъ уже съ спектроскопами, въ которыхъ стекляныя призмы и линзы, какъ сильно поглащающіе ультрафіолетовые лучи, были замѣнены призмой изъ известковаго шпата и линзами изъ кварца. Кромѣ того, Локьеръ бралъ теперь для сравненія только звѣзды, имѣвшія одинаковую высоту, и строго наблюдалъ, чтобы фотографическія пластинки, на которыя снимались спектры,—и экспонировались, и проявлялись въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ и въ теченіе одного и того же промежутка времени.

Нужно замѣтить, что для нѣкоторыхъ типовъ звѣздъ не хватало матеріала для сравненія. Такъ, звѣзды первой группы—типовъ Антаресъ и созвѣздія Рыбы давали очень слабыя фотографіи, а единственный представитель 10-й (аргоновой) группы принадлежитъ южному полушарію. Но зато для другихъ группъ недостатка въ матеріалѣ для сравненія не было. Спектры нѣкоторыхъ звѣздъ, напр., Капеллы, сравнивались съ другими по нѣскольку разъ. Звѣзды 2-й группы сравнивались со звѣздами 4-й группы четыре раза, другія же по одному разу. Звѣзды 4-й съ звѣздами 6-й, звѣзды 6-й съ звѣздами 9-й и съ звѣздами 2-й, звѣзды 8-й группы съ звѣздами 2-й, звѣзды 9-й съ звѣздами 3-й и, наконецъ, звѣзды 9-й группы съ звѣздами 2-й. Спектры первой пары фотографіи—Веги (4-ая группа) и Арктура (2-я группа) показываютъ весьма рѣзкія различія въ интенсивности; красная часть спектра Арктура гораздо интенсивнѣе; и максимумъ интенсивности здѣсь идетъ отъ линіи D до линіи съ длиной волны=454 микромикронамъ; въ болѣе же преломляемой части спектра (ультрафіолетовой) интенсивность слабѣетъ съ увеличеніемъ показателя преломленія или, что то же, съ уменьшеніемъ длины волны и, наконецъ,

за линіей К изображенія линій становятся совсѣмъ слабыми. Совершенно другое наблюдается въ спектрѣ Веги; здѣсь наиболѣе интенсивная часть спектра соотвѣтствуетъ длинѣ волны, равной 422 микромикронамъ, причемъ интензивность почти не уменьшается до линіи H_γ, за этой линіей (въ ультрафіолетовой части) интенсивность хотя и падаетъ нѣсколько, но все же спектръ идетъ такъ далеко въ ультрафіолетовой части, что длина его за линіей К равна длинѣ отъ H_γ до К.; красная же часть спектра Веги вдвое слабѣе красной части спектра Арктура.

Остановимся еще на парѣ звѣздъ—на Сиріусѣ (4-ая группа) и Ригелѣ (6-ая группа). Въ спектрѣ Сиріуса красная часть гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ спектрѣ Ригеля; въ ультрафіолетовой же части спектръ Ригеля и интенсивнѣе, и длиннѣе.

На основаніи подобныхъ наблюденій и сравненій Н. Локьеръ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Если мы будемъ разсматривать звѣзды, которыя по химической классификаціи принадлежатъ къ числу наиболѣе горячихъ, то найдемъ, что во всѣхъ случаяхъ при пониженіи температуры относительная длина спектра уменьшается, а относительная интенсивность красной части его увеличивается. Иначе говоря, если два спектра, интенсивность которыхъ въ части спектра, лежащаго между линіями H_β и H_γ, одинакова, сравниваются между собою, то мы находимъ, что въ болѣе холодныхъ (согласно химической классификаціи) звѣздахъ интенсивнѣе—красная часть спектра, въ болѣе же горячихъ звѣздахъ—ультрафіолетовая часть и длиннѣе, и интенсивнѣе».

Эта работа представляетъ еще новое примѣненіе чисто физическихъ методовъ къ разрѣшенію астрономическихъ задачъ, но несмотря на блескъ имени Локьера нужно ждать еще другихъ изслѣдователей, а, можетъ быть, и другихъ методовъ для окончательнаго разрѣшенія такой тонкой задачи, какъ вопросъ о температурѣ звѣздъ.

Къ вопросу о строеніи солнца. Знаменитый американскій астрономъ *Юнгъ*, особенно извѣстный работами касающимися строенія солнца, опубликовалъ недавно *) резюме своихъ взглядовъ по этому вопросу. Статья эта представляетъ такой выдающійся интересъ, что мы считаемъ необходимымъ познакомить читателя хотя бы съ нѣкоторыми важнѣйшими ея частями. Итакъ, все послѣдующее принадлежитъ Юнгу.

Въ силу небольшой средней плотности и громадной силы притяженія нашего солнца можно предположить, что въ его центральной части и въ его коронѣ, благодаря высокой температурѣ, превосходящей критическую температуру всѣхъ извѣстныхъ намъ паровъ, элементы находятся въ видѣ газовъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, нужно предположить, что всѣ химическіе элементы находятся здѣсь въ состояніи диссоціаціи, то врядъ ли можно думать, что въ этихъ частяхъ нашего солнца можно встрѣтить сложныя соединенія, какъ, напр., углеводороды, образующіеся, какъ извѣстно, при высокихъ температурахъ въ нашихъ электрическихъ печахъ.

Подъ страшными давленіемъ, господствующимъ въ солнечной массѣ, газы

*) Popular Astronomy 1904. (Апрѣль).

внутренней части должны имѣть плотность бо́льшую, чѣмъ плотность воды (средняя плотность равна 1,25) и, вѣроятно, газы эти достаточно вязки; поэтому ядро солнца можно сравнить съ шаромъ изъ тѣстообразной смолы. Эта гипотеза подтверждается и тѣмъ, что солнечныя пятна и разныя другія пертурбаціи образуются почти всегда въ однихъ и тѣхъ же частяхъ солнечнагодиска.

Фотосфера—видимая поверхность солнца—состоитъ изъ облаковъ, образовавшихся уплотненіемъ и соединеніемъ солнечныхъ паровъ, досдаточно уже охладившихся, благодаря лучеиспусканію. Эта оболочка образуетъ какъ бы родъ плаща вокругъ солнечнаго ядра и короны и обладаетъ сильнымъ лучеиспусканіемъ. Облака фотосферы плаваютъ въ газахъ и парахъ, расположенныхъ вокругъ солнечнаго ядра, какъ наши облака въ земной атмосферѣ. Съ нижней поверхности этой облачной оболочки, если таковая существуетъ въ дѣйствительности, должно идти непрерывное осажденіе частицъ на внутреннее газовое ядро, а изъ послѣдняго въ фотосферу должны вырываться исходящіе потоки паровъ. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ необыкновенно напряженная вертикальная циркуляція, слѣдствіемъ которой въ массѣ солнечнаго ядра должно развиться громадное давленіе, подобное давленію, которое оболочка мыльнаго пузыря оказываетъ на заключенный внутри его воздухъ; но нужно отмѣтить и крупное различіе: облачная оболочка солнца—фотосфера не непрерывна, а въ нѣкоторомъ родѣ пориста и, кромѣ того, пронизывается потоками паровъ и газовъ, которые отлагаются въ болѣе высокихъ областяхъ солнечнаго шара. Толщину фотосферы трудно измѣрить болѣе или менѣе точно, вѣроятно, она имѣетъ многія тысячи километровъ.

Я знаю, говоритъ Юнгъ, что теорія, утверждающая существованіе облаковъ атмосферы, встрѣчаетъ много возраженій, и при этомъ часто говорятъ о гипотезѣ, предложенной Шмидтомъ изъ Штутгардта, согласно которой фотосфера есть просто оптическое явленіе, обязанное своимъ происхожденіемъ преломленію, совершающемуся какъ внутри совершенно газообразнаго шара, такъ и въ его оболочкѣ. Но мнѣ кажется, говоритъ Юнгъ, что, въ силу хорошо извѣстныхъ законовъ физики, газовая масса, свободно движущаяся въ пространствѣ и образованная громаднымъ количествомъ металлическихъ паровъ, необходимо должна покрыться оболочкой изъ облаковъ.

Огненная пелена, какъ бы отдѣляющая фотосферу отъ хромосферы (такъ называемый «превращающій слой») и самая хромосфера состоятъ, вѣроятно, изъ не сгустившихся паровъ и газовъ, образующихъ атмосферу, въ которой плаваютъ облака фотосферы; конечно, подъ словомъ атмосфера здѣсь нельзя подразумѣвать газовую оболочку, подобную въ механическомъ отношеніи той, которая окружаетъ земной шаръ; здѣсь не можетъ быть ни статическаго равновѣсія подъ вліяніемъ солнечнаго притяженія, ни теплового равновѣсія, эту солнечную атмосферу скорѣе всего можно назвать моремъ огня. «Превращающій слой» это тонкій слой, расположенный въ нижней части хромосферы и заключающій въ себѣ всѣ пары, изъ которыхъ образованы облака фотосферы. Главнымъ образомъ въ этомъ слоѣ, а также и въ углубленіяхъ, расположенныхъ между этими тучами, и образуются темныя фраунгоферовы линіи; въ началѣ и въ концѣ солнечныхъ

затменій спектръ, соотвѣтствующій этой части солнца, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ имѣетъ видъ необыкновенно яркой линіи. Хромосфера расположена надъ «превращающимъ» слоемъ и состоитъ изъ паровъ и газовъ не сжижаемыхъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они здѣсь находятся; это, главнымъ образомъ, водородъ, гелій и особая форма паровъ кальція, которая даетъ линіи H и K солнечнаго спектра; можетъ быть, здѣсь находятся и другіе, еще не открытые нами, газы.

Такъ называемые «выступы» или «протуберанцы» суть просто массы газовъ хромосферы, взнесенныя поверхъ общаго уровня вѣтрами и восходящими черезъ фотосферу токами и плавающія въ нижнихъ областяхъ атмосферы солнечной короны, которая лежитъ на хромосферѣ. Иногда металлическіе пары магнія, натрія, кремнія, желѣза выбрасываются на значительную высоту, напр., въ области, окружающія дѣятельныя и обширныя солнечныя пятна, но не въ ихъ внутреннія части; обыкновенно «выступы» рѣзко измѣняютъ форму и размѣры, что, въ свою очередь, вызываетъ искривленіе и перемѣщеніе ихъ спектральныхъ линій.

До послѣдняго времени эти спектральныя явленія объясняли взрывами и движеніями газовъ, но недавнія изслѣдованія нѣсколькихъ астрономовъ показываютъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ явленій суть чисто оптическія и вызываются неправильными преломленіями очень плотныхъ металлическихъ паровъ.

Существованіе солнечной короны до нѣкоторой степени еще проблематично. Несомнѣнно, что корона отчасти, по крайней мѣрѣ, является оболочкой, образованной весьма разрѣженнымъ и до сихъ поръ еще хорошо не изученнымъ газомъ, названнымъ короніемъ. Слѣды этого газа найдены недавно въ земной атмосферѣ. Спектръ короны характеризуется, главнымъ образомъ, блестящей линіей, длина волны которой равняется 530.4 микромикронамъ; въ спектрѣ ея, именно въ фіолетовой и ультра-фіолетовой части, имѣются и другія линіи, вѣроятно, тоже обязанныя своимъ положеніемъ присутствію въ коронѣ коронія.

Что касается зодіакальнаго свѣта, свѣтящагося, благодаря отраженному солнечному свѣту, а также и собственному накаленному состоянію, то, судя по его спектру, врядъ ли можно предполагать, что это сіяніе производится газовыми частицами; вѣроятнѣе, что оно образовано маленькими тѣльцами, взброшенными солнцемъ отталкивательной силой электрическаго происхожденія, можетъ быть даже отталкивательной силой лучеиспусканія, которая обнаружена въ настоящее время прямыми лабораторными опытами.

Расположеніе зодіакальнаго свѣта по отношенію къ солнечной поверхности опредѣлилось силами, которыхъ эффектъ, а, можетъ быть, даже происхожденіе, аналогиченъ тому, который производятъ сѣверныя сіянія въ земной атмосферѣ, только эти послѣднія, вѣроятно, совершенно газообразныя.

Что касается *солнечныхъ пятенъ*, то въ настоящее время нельзя уже утверждать, что это углубленія въ фотосферѣ, такъ какъ наблюденія, сдѣланныя въ Потсдамѣ и въ другихъ мѣстахъ, показали, что иногда, около края солнца, сила лучеиспусканія солнечныхъ пятенъ превосходитъ таковую сосѣднихъ об-

ластей. Это могло бы быть объяснено предположеніемъ, что поглощеніе солнечной атмосферой лучей, испускаемыхъ облаками фотосферы, сильнѣе, чѣмъ поглощеніе ею другихъ лучей, не свѣтовыхъ, съ болѣе длинной волной, испускаемыхъ самими солнечными пятнами; но вѣроятнѣе, что въ этихъ исключительныхъ случаяхъ пятна находятся на значительной высотѣ и такимъ образомъ избѣгаютъ поглощенія атмосферой. Темный цвѣтъ солнечныхъ пятенъ почти навѣрное обязанъ своимъ происхожденіемъ поглощенію лучистой энергіи и, по крайней мѣрѣ, отчасти это поглощеніе производится газами, а не просто частицами облаковъ; такое предположеніе доказывается замѣчательнымъ усиленіемъ темныхъ линій ванадія и нѣкоторыхъ другихъ веществъ, а такъ же превращеніемъ земной части спектровъ солнечныхъ пятенъ въ группу темныхъ линій, включенныхъ другъ въ друга.

Ни одну изъ теорій, пытающихся объяснить происхожденіе солнечныхъ пятенъ, Юнгъ не считаетъ удовлетворительной. Можно предположить тѣсную связь между положеніемъ пятна на солнечной поверхности и существованіемъ газоваго, но вязкаго ядра, покоющагося на фотосферѣ. На эту связь указываетъ, напримѣръ, то, что солнечныя пятна какъ бы имѣютъ тенденцію появляться нѣсколько разъ въ однихъ и тѣхъ же областяхъ солнечнаго диска или въ очень близкихъ къ этимъ пунктамъ мѣстахъ. Часто наблюдаютъ (можетъ быть, даже это общее явленіе), что могучій взрывъ газовъ хромосферы вырывается вокругъ пятна.

Нѣкоторые астрономы полагаютъ, что солнечныя пятна образованы матеріей, доставленной сюда изъ болѣе высокихъ областей; другіе думаютъ, что солнечныя пятна—впадины въ фотосферѣ, которыя находятся въ связи съ общимъ рельефомъ поверхности, образовавшимся благодаря давленію снизу; Юнгъ тоже придерживается этого взгляда, но все же осторожно замѣчаетъ, что всѣ эти объясненія только гипотезы и при томъ мало обоснованныя. Что же касается періодичности солнечныхъ пятенъ, то Юнгъ склоняется къ тому, что причина этой періодичности лежитъ въ самомъ солнцѣ. Работы, произведенныя за послѣдніе 25 лѣтъ, позволяютъ установить температуру солнца приблизительно въ 6.000° Ц., но величина солнечнаго лучеиспусканія еще не установлена точно. Ланглей принимаетъ ее равной 3 малымъ калоріямъ на квадратный сантиметръ въ минуту, новѣйшія (1902—1903 г.) работы Смитсоновскаго института даютъ нѣсколько меньшую цифру—2,25 малыхъ калорій.

Постоянство солнечнаго лучеиспусканія, по мнѣнію Юнга, объясняется, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ границахъ, теоріей Гельмгольца, предполагавшаго, что солнце постепенно сжимается, но открытіе радія и вообще радіоактивности указываетъ намъ на существованіе новыхъ могучихъ источниковъ энергіи, которые то же могутъ способствовать поддержанію высокой температуры на солнцѣ.

Таковы идеи о строеніи солнца, которыя кажутся знаменитому американскому астроному наиболѣе правдоподобными; будущее дастъ отвѣтъ на многіе еще неясные намъ вопросы, но въ то же время выдвинетъ новые, вѣроятно, еще болѣе сложные и трудные.

II.

Физическая географія.

Научные результаты двухъ антарктическихъ экспедицій—шведской Норденшильда и шотландской Брюса (Bruce). Еще недавно, въ 1898 году, извѣстный французскій геологъ Лаппаранъ называлъ южный полюсъ «забытымъ полюсомъ». Теперь времена измѣнились и за какіе-нибудь пять—шесть лѣтъ антарктическія области подверглись самымъ разнообразнымъ научнымъ изслѣдованіямъ.

Мы остановимся здѣсь на двухъ экспедиціяхъ въ эти страны, опубликовавшихъ уже, въ общихъ чертахъ, конечно, результаты своихъ изслѣдованій,—на шведской и шотландской.

Шведская антарктическая экспедиція, имѣвшая во главѣ своей д-ра *Отто Норденшильда*, отправилась изъ Гётеборга на кораблѣ «Antarctic» 15-го октября 1901 г. и достигла области льдовъ въ началѣ 1902 г. Въ ноябрѣ 1903 г. члены этой экспедиціи были забраны аргентинскимъ кораблемъ «Uruguay», который былъ посланъ въ розыски за ними и доставилъ ихъ на родину.

Наблюденія, сдѣланныя этой экспедиціей въ области географіи, имѣютъ громадное значеніе; полученные результаты совершенно измѣнили карту слѣдующей области: отъ 63° до 65° южной широты на западномъ берегу, т. е. до входа въ проливъ Герлаха, а на восточномъ берегу отъ 63° до 66° 5′ южной широты. Оказалось, что земля Луи-Филиппа, которую прежде отдѣляли отъ земли Грахама, соединена съ послѣдней узкимъ и гористымъ перешейкомъ. Обѣ эти земли образуютъ одну материковую полосу, лежащую въ юго-западномъ-сѣверо-восточномъ направленіи, между заливами Герлаха и Брансфильда съ одной стороны, и моремъ Ведделя—съ другой, съуживающуюся къ сѣверу и являющуюся продолженіемъ земли короля Оскара. За землей Луи-Филиппа, въ томъ же направленіи, находится островъ Жуанвилль, который въ дѣйствительности есть архипелагъ, заключающій еще два острова. На западъ отъ материковой массы земель короля Оскара, Грахама и Луи-Филиппа находится длинный вытянутый каналъ. Каналъ Орлеана, Дюмонъ-д'Урвилля является продолженіемъ пролива Герлаха. На западномъ берегу земля Тринити должна исчезнуть съ карты. Также болѣе точными становятся наши свѣдѣнія на востокъ отъ этого континентальнаго массива. Здѣсь появляется новый архипелагъ, отдѣленный отъ земли Грахама широкимъ каналомъ въ видѣ полукруга. На самомъ большомъ островѣ этого архипелага, который Норденшильдъ предлагаетъ назвать островомъ Росса, возвышается гора Геддингтона. Другой островъ, расположенный къ сѣверу отъ острова Росса, отдѣляется отъ него проливомъ Сидней Гербертъ; на юго-востокѣ расположены острова Сеймура и Сноу-Гиль (Snow-Hill), на послѣднемъ изъ нихъ, отдѣленномъ отъ острова Росса проливомъ адмиралтейскимъ, Норденшильдъ зимовалъ.

Затѣмъ, къ югу, съ той же стороны, находится другая группа острововъ,

въ которую входятъ острова Тюленьи, Линденберга, Язона, Герты, Христензенъ и всѣ вообще острова, лежащіе передъ землей короля Оскара.

Относительно этихъ островов Норденшилдъ дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній. Такъ называемые Тюленьи острова оказываются въ дѣйствительности не острова, а масса льда высотой въ нѣсколько десятковъ метровъ, лежащая на днѣ мелкаго моря; отъ нея отходятъ «нунатаки», или скалистые выступы вулканическаго происхожденія. Этотъ береговой ледъ тянется на громадное разстояніе; путешественникъ можетъ проѣхать въ саняхъ по этой горизонтальной ледяной поверхности болѣе 150 километровъ и не подозрѣвать, что онъ ѣдетъ по материковому, а не по обыкновенному морскому льду.

Континентальный массивъ, т.-е. земли Луи-Филиппа, Грахама и короля Оскара, сложенъ кристалическими породами, главнымъ образомъ, гранитами и порфирами и только на небольшомъ протяженіи складчатыми пластами древнемѣловыхъ отложеній. Наоборотъ, въ архипелагахъ, расположенныхъ къ востоку, господствуютъ новѣйшія вулканическія породы—базальтъ и туфъ, граниты же совершенно отсутствуютъ. Надъ этими вулканическими породами Норденшильдъ открылъ обширныя отложенія осадочныхъ породъ, главнымъ образомъ песчаниковъ, которые занимаютъ бо́льшую часть острова Росса, острова Кэкбернъ (Cockburn) и изъ которыхъ цѣликомъ сложены острова Сеймура и Сноу-Гиль.

Капитанъ Ларсенъ (Larsen) впервые въ 1893 году открылъ отпечатки хвойныхъ растеній около острова Сеймура. Экспедиція Норденшильда доставила совершенно новыя данныя объ осадочныхъ отложеніяхъ антарктической области. Оказалось, что эти отложенія очень богаты ископаемыми, главнымъ образомъ аммонитами. Въ болѣе высокихъ слояхъ появляются и другія морскія животныя, безъ сомнѣнія принадлежащія къ третичному періоду, а также кости позвоночныхъ, особенно птицъ, и отпечатки растеній, главнымъ образомъ, лиственныхъ деревьевъ.

Кромѣ того, д-ръ Гуннаръ Андерсонъ (Gunnar Anderson) и лейтенантъ Дузе (Duse) нашли на сѣверо-востокѣ земли Луи-Филиппа, въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ они зимовали, богатую ископаемую флору, сильно отличающуюся отъ флоры общества Сеймура и состоящую, главнымъ образомъ, изъ папоротниковъ, хвойныхъ и цинадовыхъ.

Наблюденія д-ра Андерсона въ каналѣ Ормана подтверждаютъ наблюденія Арнтовскаго въ проливѣ Герлаха, указывающія на существованіе въ антарктическихъ областяхъ ледниковой эпохи: каналъ Орлеана былъ занятъ громаднымъ ледникомъ, простиравшимся къ сѣверо-востоку; на восточномъ берегу земли Луи-Филиппа, гдѣ въ теченіе всей зимы 1902—1903 гг. зимовали, отрѣзанные отъ всего міра, Гуннаръ Андерсонъ, лейтенантъ Дузе и одинъ матросъ, почва носитъ ясные слѣды дѣятельности когда-то бывшаго здѣсь ледника.

Типичный для антарктической области ледникъ острова Сноу-Гилль Норденшильдъ изучилъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Ледникъ этотъ поднимается въ видѣ нѣсколькихъ бугровъ и достигаетъ высоты до 300 метровъ; онъ оканчивается въ морѣ вертикальнымъ утесомъ высотой отъ 3, 4 до 50 метровъ; его поверхность разрывается кое-гдѣ незначительными трещинами. Движется этотъ

ледникъ крайне медленно: за два года наблюденій не болѣе нѣсколькихъ метровъ.

Слоеватость, наблюдаемая въ антарктическомъ сплошномъ льдѣ, обусловлена послѣдовательными отложеніями слоевъ снѣга; интересно, что эти отложенія происходятъ не зимою, когда снѣгъ сметается здѣсь вѣтромъ. Наоборотъ, Норденшильдъ наблюдалъ, что въ теченіе лѣта 1902—1903 г. снѣжный покровъ увеличился въ толщину на 0,3—до 0,35 метра и въ ноябрѣ 1903 г., когда Норденшильдъ покинулъ эту стоянку, означенное увеличеніе толщины снѣгового покрова сохранилось. Наблюденія, сдѣланныя надъ температурой антарктическихъ ледниковъ показали, что зимою температура ледника, на опредѣленной глубинѣ конечно, нѣсколько выше, чѣмъ температура почвы, лѣтомъ же температура ледника значительно холоднѣе, чѣмъ земли.

Наиболѣе важныя открытія по океанографіи были сдѣланы въ проливѣ Брансфильда. Измѣренія указали на относительно незначительныя глубины—максимумъ достигалъ 1.510 метровъ; вода въ этомъ проливѣ необычайно холодная; ея температура колеблется отъ—1°,3 Ц. до—1°,65 Ц., послѣдняя температура была наблюдена на большой глубинѣ. Обыкновенно же воды антарктическихъ морей имѣютъ температуру около—0,6° Ц. Изъ этого г. Андерсонъ заключаетъ, что проливъ Брансфильда является изолированнымъ бассейномъ, отдѣленнымъ отъ открытаго океана подводными порогами, которые не позволяютъ возобновляться въ этомъ проливѣ теплымъ водамъ.

Экспедиція Норденшильда тщетно искала острова Миддль (Middle), помѣченнаго на прежнихъ картахъ между Шетландскими островами и островомъ Астролябіей; въ томъ мѣстѣ, гдѣ отмѣченъ этотъ островъ, лотъ показывалъ глубину въ 1.460 метровъ.

Метеорологическія и магнитныя наблюденія, весьма точныя и систематическія, производились членами экспедиціи въ мѣстѣ ихъ зимовки въ теченіе 18 мѣсяцевъ. День и ночь кто-нибудь дежурилъ и ничто не могло нарушить регулярной правильности этихъ наблюденій, производившихся въ деревянной хижинѣ, въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ главнаго становища экспедиціи. Если позволяла погода, то наблюденія производились и на открытомъ воздухѣ, и даже подъ землею.

Въ теченіе первыхъ 12 мѣсяцевъ средняя температура была—12° Ц. Это почти та же температура, которая наблюдалась въ наиболѣе холодныхъ пунктахъ въ соотвѣтственныхъ широтахъ сѣвернаго полушарія, а именно въ долинѣ Лены и у Гудзонова залива. Эта средняя температура значительно ниже той, которая была наблюдена экспедиціей корабля «Belgica» (—9,6°), и нѣсколько выше той, которую даетъ *Борхгревинкъ* (Borchgrevink) (—13,9° Ц.); эти послѣднія двѣ экспедиціи, какъ извѣстно, изслѣдовали области на 7° южнѣе, чѣмъ экспедиція Норденшильда. Наиболѣе низкая температура, наблюдавшаяся нашей экспедиціей, была—41°4Ц., а наиболѣе высокая+9,3°. Экспедиція сильно страдала отъ рѣзкихъ скачковъ температуры, вызываемыхъ южнымъ вѣтромъ; такъ, напр., однажды въ теченіе всего нѣсколькихъ часовъ разница между максимумомъ и минимумомъ достигла 34°.

Средняя скорость вѣтра въ первомъ году была 84 метра въ секунду; зимой вѣтеръ дулъ съ большей силой, чѣмъ лѣтомъ; господствующій вѣтеръ дуетъ съ юго-запада. Лѣтомъ максимальная сила вѣтра равняется 34 метрамъ въ секунду. Даже при такомъ вѣтрѣ наши изслѣдователи добирались до своей «обсерваторіи», но ползкомъ по снѣгу. На островѣ Сноу-Гилль 5 дней изъ семи сила вѣтра была 10 метровъ въ секунду.

Сѣвернаго сіянія экспедиція Норденшильда не наблюдала ни разу. Что касается бактеріологіи, то д-ру Экелову (Ekelöf) удалось показать присутствіе большого количества бактерій на поверхности почвы этихъ мѣстъ и почти полное отсутствіе ихъ въ воздухѣ.

Въ то время какъ Норденшильдъ и нѣкоторые изъ его спутниковъ зимовали на островѣ Сноу-Гилль, ихъ корабль «Antarctic» совершилъ экскурсію въ Южную Георгію и на Фалклиндскіе острова. Экскурсія эта также доставила интересный научный матеріалъ.

Между этими двумя землями наблюдаются довольно различные глубины. Такъ, около Shag-Rocks глубина не превышаетъ 168 метровъ, но тотчасъ же между этой мелью и Южной Георгіей идутъ глубины, достигающія до 3.380 метровъ, а къ сѣверо-западу отъ этой земли даже до 5.997 метровъ. Въ Южной Георгіи лейтенантъ Дузе (Duse) составилъ карту Кумберлэндскаго залива (въ $^{1}/_{1.000.000}$), охватывающую отъ 700 до 800 квадратныхъ километровъ. Этотъ фіордъ въ барометрическомъ отношеніи совершенно напоминаетъ типичные норвежскіе фіорды. Южная Георгія представляетъ замѣчательный примѣръ складчатости (геологической): ось складки совпадаетъ съ линіей длины острова. Этотъ островъ пережилъ два періода оледенѣнія; въ теченіе перваго онъ былъ покрытъ льдомъ почти сплошь и Кумберлэндскій заливъ былъ занятъ громаднымъ ледникомъ, выступавшимъ въ море; второй періодъ—новѣйшій и менѣе интенсивный—оставилъ повсюду послѣ себя мощныя морены; и въ настоящее время здѣсь оледенѣніе еще очень сильно.

Драгированіе производилось между Фалкландскими островами и Южной Георгіей, особенно тщательному изслѣдованію подвергался планктонъ.

Флора Южной Георгіи оказалась очень бѣдной—всего найдено: 15 видовъ явнобрачныхъ, 3 вида папоротниковъ, одинъ хвощъ, 52 вида мховъ, 11 печеночниковъ и 26 лишайниковъ.

Также довольно подробно были изслѣдованы и Фалкландскіе острова. На мысѣ Мередитъ Андерсонъ открылъ нижнедевонскія отложенія, изъ которыхъ и сложены эти острова; девонскіе пласты покоятся на архейскихъ отложеніяхъ; въ другихъ мѣстахъ въ самомъ низу залегаютъ слоистыя породы, вѣроятно, кристаллическіе сланцы. Въ этомъ архипелагѣ не наблюдается слѣдовъ плейстоусноваго оледенѣнія.

Научные результаты шотландской антарктической экспедиціи Брюса (Bruce). 2-го ноября 1902 г. корабль «Scotia» отправился изъ Clyde и прибылъ въ Портъ-Стэнли, находящійся на Фалкландскихъ островахъ, въ первыхъ числахъ января 1903 г., а оттуда 26-го января направился въ море Ведделя, куда и прибылъ черезъ 51 день. Во время этого плаванія экспеди-

ціи удалось значительно обогатить наши познанія о моряхъ, которыя простираются къ югу южныхъ Оркадъ и Сандвичевыхъ острововъ. Эта дорога представляла для шотландцевъ особый интересъ, такъ какъ единственный путешественникъ, посѣтившій эту часть антарктическихъ морей, былъ шотландецъ Джемсъ Веддель, достигшій въ 1823 г. южной широты 74°15′, до него никѣмъ не посѣщавшейся. «Scotia» пошла сначала на западъ отъ Оркадъ къ Сандвичевымъ островамъ почти по сплошному льду, затѣмъ повернула на югъ къ 25 меридіану (по Гринвичу). 22-го февраля Брюсъ, плавая по свободному ото льда морю, достигъ 70°21′ южной широты и былъ недалеко отъ того мѣста Ледовитаго океана, гдѣ былъ и Россъ въ 1843 г.. Застигнутая въ этомъ мѣстѣ льдомъ, «Scotia» повернула на сѣверъ и избрала болѣе западный путь, а 21-го марта приблизилась къ Оркадомъ. Экспедиціи пришлось зазимовать и она провела отъ марта до ноября у острова Laurie. За время путешествія до зимовки «Scotia» сдѣлала 5.000 миль.

Зондированіе, предпринятое Брюсомъ, показало, что глубина моря, имъ изслѣдованнаго, была въ среднемъ болѣе 4.500 метровъ. Такимъ образомъ было подтверждено оспариваемое наблюденіе Росса, который производилъ измѣренія восточнѣе, чѣмъ Брюсъ. Въ наиболѣе южномъ мѣстѣ моря, котораго Брюсу удалось достичь, глубина = 4.650 метрамъ. Во время этого путешествія на югъ температура воздуха лѣтомъ была минимумъ—14°С. Въ мѣстѣ зимовки Брюса, находящемся между 60° и 61° южной широты, температура воздуха была также низкой и «Scotia» находилась въ теченіе 8 мѣсяцевъ затертой среди толстаго льда. Брюсъ предполагаетъ, что зимой сплошный слой льда соединяетъ Оркады съ землею Грахма, что придаетъ этимъ островамъ, вполнѣ океаническимъ, хотя и временно, характеръ континентальный.

Послѣ острововъ группы Оркадъ, которыхъ не достигалъ никто послѣ Ведделя, экспедиція посѣтила острова Седдль (Saddle), Лори (Laurie), и Острова Коронаціи (Coronation).

Архипелагъ южныхъ Оркадъ состоитъ изъ гористыхъ острововъ, сильно изрѣзанныхъ, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ. Къ сожалѣнію, топографическимъ работамъ помѣшали туманы и слишкомъ большія колебанія температуры.

Оркады, повидимому, образованы исключительно древними осадочными породами, состоящими, главнымъ образомъ, изъ конгломератовъ и «сѣрой вакки». Около мыса Дундаса найденъ былъ граптолитъ—единственное ископаемое, которое встрѣтили на этихъ островахъ. Бо́льшая часть острововъ южныхъ Оркадъ покрыта льдомъ, за исключеніемъ тѣхъ остроконечныхъ мѣстъ, гдѣ ему трудно удержаться, какъ это наблюдается на нѣкоторыхъ маленькихъ островахъ и полуостровахъ этой группы. Ледники находятся часто на мѣстахъ наименѣе наклонныхъ и образуютъ на нихъ небольшія ледяныя поля. Наибольшіе изъ этихъ ледниковъ достигаетъ въ длину болѣе 2.000, но большинство изъ нихъ гораздо короче. Ледники оканчиваются обыкновенно моренами, состоящими преимущественно изъ обломковъ скалистыхъ утесовъ, покрытыхъ небольшимъ количествомъ земли и песка. Морены по сравненію съ ледниками довольно большой величины.

Зоологическія коллекціи, привезенныя на «Scotia», очень богатыя и изученіе ихъ внесетъ, конечно, много новаго и интереснаго въ наши довольно скудныя свѣдѣнія объ антарктическихъ странахъ. Не только были собраны многочисленные образчики различныхъ видовъ животныхъ, но о каждомъ изъ нихъ велись записи и каждый срисовывался художникомъ экспедиціи. Также были предприняты довольно частыя драгировки, изъ которыхъ 6 было сдѣлано на глубинѣ 2.500 саженъ между 60° и 70° южной широты, а изъ нихъ 4 были произведены къ югу отъ полярнаго круга. Благодаря этому было открыто, по крайней мѣрѣ, 70 видовъ въ болѣе южныхъ широтахъ и на глубинахъ, гораздо болѣе значительныхъ, чѣмъ въ предыдущихъ экспедиціяхъ. Во время зимовки поймали болѣе 2.000 рыбъ, главнымъ образомъ, вида Notothenia, но также и нѣсколько экземпляровъ 4 или 5 другихъ видовъ. Особенно многочисленныя коллекціи были собраны изъ безпозвоночныхъ: моллюсковъ, ракообразныхъ, иглокожихъ, также червей, губокъ и кишечнополостныхъ. Изъ млекопитающихъ на сѣверѣ отъ 61°S встрѣчался, главнымъ образомъ, синій китъ, который принадлежитъ къ семейству Balaenoptera. Но настоящаго кита не встрѣтили ни разу; кромѣ того были пойманы экземпляры 4 видовъ моржей, впрочемъ, уже и раньше описанныхъ.

Птицъ собрано масса. Были также изучены пингвины различныхъ разновидностей, посѣщающіе Оркады. Изъ другихъ видовъ нужно упомянуть альбатросовъ, глупышей, морскихъ чаекъ. Одинъ изъ видовъ баклана (Phalacrocorax atriceps) былъ впервые найденъ въ антарктическихъ странахъ.

Флора Оркадъ не оказалась ни богатой, ни разнообразной; были найдены 3 вида мховъ, печеночницы и 6 видовъ лишайниковъ. Изъ морскихъ растеній найдено много видовъ водорослей, изъ нихъ одна ламинарія, одинъ изъ видовъ протококковъ окрашивалъ снѣгъ въ красный цвѣтъ. Изученія планктона дало громадное число двуатомовыхъ и очень мало ракообразныхъ.

На островѣ Лори (Laurie) экспедиціей были устроены метеорологическая и магнитная станція, прекрасно построенныя; онѣ функціонировали зимой 1903 г., 5 человѣкъ изъ экспедиціи были оставлены на этихъ станціяхъ для продолженія научныхъ работъ. Аргентинское правительство выслало еще 4. Въ концѣ антарктическаго лѣта «Scotia», запасшись съѣстными припасами въ Ла-Платѣ, присоединится къ нимъ.

III.

Біологія.

Измѣненія фауны французскихъ Альпъ подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка. Фауна французскихъ Альпъ была раньше очень богатой, теперь же съ каждымъ днемъ она становится все бѣднѣй. Причины этого многочисленны. Прежде въ Альпахъ встрѣчались обширные лѣса и незаселенные участки, гдѣ между камнями пробивалась трава и куда за полнымъ отсутствіемъ дорогъ трудно было проникнуть. Съ XVIII столѣтія начинается

истребленіе лѣсовъ. Многія пустынныя мѣста были превращены горными жителями въ пастбища, но дикія животныя послѣ этого исчезли. Альпійскими клубами и коммунами были проложены тропинки во всѣ стороны. Вмѣстѣ съ этимъ появились туристы, охотники съ ружьями, все болѣе и болѣе усовершенствованными, пастухи. Результатомъ всего этого было исчезновеніе животныхъ. Теперь долго можно путешествовать по Альпамъ и не встрѣтить ни одного четвероногого и не услышать пѣнія птицъ. Изъ слѣдующаго перечня животныхъ, хотя и не полнаго, можно убѣдиться насколько обѣднѣла фауна Альпъ. Такъ, напр., изъ оффиціальной статистики, веденной по указу Наполеона I-го, видно, что съ сентября 1802 г. до марта 1804 г. было убито въ департаментѣ Монъ-Блана 12 волковъ, 16 волчицъ, 1 рысь и 9 волчатъ. Теперь же всѣ эти животныя составляютъ чрезвычайную рѣдкость. То же самое можно сказать и о медвѣдяхъ. Они живутъ только въ большихъ лѣсахъ, около Санъ-Реми и Аргентины, питаясь плодами, корой деревьевъ и мохомъ; очень рѣдко, и то по ночамъ, они спускаются въ долины, чтобы поѣсть грушъ и винограду. Съ 1867 г. до 1893 г. ихъ было убито всего 9 штукъ. Судьба болѣе невинныхъ животныхъ также печальна. Напр., сурокъ, встрѣчающійся раньше въ изобиліи въ каменистыхъ и безплодныхъ мѣстахъ, окружающихъ ледники, исчезъ совершенно. Изъ другихъ скалистыхъ мѣстностей сурокъ также почти исчезъ и только встрѣчается въ мало доступныхъ для человѣка мѣстахъ. Сурковъ истребляли не изъ-за ихъ шерсти, а изъ-за жира, въ которомъ предполагали цѣлебныя свойства противъ ревматизма.

Что касается оленя, то онъ давно исчезъ совершенно. Хотя Мортиллье и упоминаетъ о немъ въ 1854 г., но его словамъ нельзя довѣрять, такъ какъ въ статистическихъ данныхъ, касающихся альпійскихъ животныхъ Вернейля, веденныхъ имъ въ департаментѣ Монъ-Блана и опубликованныхъ въ 1808 г., олень совершенно не упоминается. Исчезновеніе косули также констатировано многими.

Каменный баранъ сталъ также очень рѣдкимъ въ Альпахъ. Въ 1807 году мы его находимъ по всей Савоѣ, въ особенности же въ долинѣ Арвы. Но мало-по-малу онъ удаляется къ пограничнымъ цѣпямъ. Въ 1860 г. мы ихъ находимъ ужъ вокругъ ледниковъ Верхней Изеры, куда скрылись послѣдніе и гдѣ они теперь строго охраняются.

Серна существуетъ еще до сихъ поръ по всей цѣпи Альпъ, но обыкновенный туристъ рѣдко ее встрѣтитъ, настолько она стала боязливой. Въ XVII же столѣтіи серны встрѣчались вблизи городовъ. По свидѣтельству Тредицини 30 лѣтъ тому назадъ серна встрѣчалась въ горахъ, начиная съ высоты въ 800 метр. и до 3.000 метр. Теперь же можно ходить въ теченіе многихъ дней по мѣстамъ, гдѣ прежде ее можно было найти въ изобиліи, и не встрѣтить ни одной. Серна обладаетъ необыкновенно тонко развитымъ обоняніемъ и чрезвычайно острымъ зрѣніемъ. Она издалека видитъ своего врага и слышитъ малѣйшее его движеніе. Сама же она можетъ остаться въ теченіе многихъ часовъ совершенно неподвижной и малѣйшее мановеніе вѣтерка ощущается этимъ столь чувствительнымъ животнымъ. Но, если ей удается пере-

хитрить человѣка, то все же она не въ силахъ бороться съ дальнобойными ружьями. Съ каждымъ днемъ число сернъ уменьшается, а число ихъ враговъ увеличивается и оружіе совершенствуется.

Мелкія птицы въ Альпахъ останутся скоро только въ воспоминаніи; но не одинъ только человѣкъ ихъ уничтожаетъ. Ихъ жестокими врагами являются нѣкоторые разновидности орловъ и соколъ-пилигримъ. Наиболѣе же опаснымъ хищникомъ является бородастый ягнятникъ обладающій огромной силой и могущій поднять на воздухъ серну или ребенка. Въ теченіе многихъ лѣтъ пару ихъ можно было видѣть на утесахъ вблизи деревни Верель-Прагондронъ около Шамбери. 25-го сентября 1897 г. двое дѣтей—8-ми и 3-хъ лѣтъ играли вблизи своего дома, меньшій сидя на землѣ. Неожиданно появился ягнятникъ, схватилъ 3-хъ-лѣтняго мальчика и поднялъ его. Тогда 8-ми-лѣтній братъ схватилъ его за руку и началъ кричать изъ всѣхъ силъ. Къ счастью, одежда ребенка была изъ легкой матеріи и разорвалась, ягнятникъ унесъ кусокъ одежды, не нанеся никакого вреда ему, съ крикомъ, который можно сравнить съ наиболѣе сильнымъ свистомъ, производимымъ металлическими свистками. Фактъ этотъ былъ наблюдаемъ докторомъ Шаберомъ и онъ говоритъ о немъ не какъ объ единственномъ. Всѣ упомянутые нами хищныя птицы существуютъ повсюду въ Альпахъ. Люди также съ необыкновенной жестокостью истребляютъ своихъ лучшихъ друзей. Мелкія птицы, вчера еще многочисленныя, освобождали фруктовыя деревья отъ множества насѣкомыхъ, которыя теперь поѣдаютъ листья и плоды. Въ настоящее время безжалостно убиваютъ всѣхъ пѣвчихъ птицъ малиновокъ, синицъ и соловьевъ. Иногда новыя виды птицъ прилетаютъ и поселяются въ альпійскихъ лѣсахъ, какъ это было, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда около Шамбери поселились розовые дрозды съ прекраснымъ опереніемъ. Очень скоро они были всѣ истреблены.

Глухари еще встрѣчаются въ Альпахъ, но наиболѣе красивая разновидность ихъ совершенно исчезла изъ савойскихъ Альпъ, что можно сказать и о многихъ другихъ птицахъ. Многія изъ перелетныхъ птицъ также посѣщаютъ Альпы, но за послѣдніе 50 лѣтъ констатировано значительное уменьшеніе ихъ.

Нами, конечно, упомянуты не всѣ исчезнувшія или исчезающія животныя во французскихъ Альпахъ, но достаточно и приведенныхъ фактовъ, довольно многочисленныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ, чтобы быть въ правѣ сказать, что, если не будутъ приняты мѣры, то человѣкъ скоро окажется единственнымъ свободнымъ обитателемъ Альпъ.

Значеніе сахара въ питаніи. Грандо, директоръ восточной агрономической станціи во Франціи, въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Annales Agronomiques», разсматриваетъ роль сахара въ питаніи. Клодъ Бернаръ первый показалъ, что сахаръ, добываемый изъ сахарнаго тростника или свекловицы, только тогда ассимилируется, когда діазтазъ — инвертинъ разложитъ его на глюкозу и левулезу. Эти же послѣднія перерабатываются печенью въ гликогенъ. Нужно добавить, что печень вырабатываетъ гликогенъ не только изъ сахаристыхъ, но также и изъ крахмалистыхъ и азотистыхъ веществъ. Въ

моментъ превращенія этихъ веществъ въ другія и конечное образованіе угольной кислоты и воды даютъ теплоту и энергію, необходимыя для жизни животнаго. Что касается, слѣдовательно, образованія гликогена, то сахаръ не играетъ при этомъ первенствующей роли, но у него есть другія преимущества: достаточно незначительнаго измѣненія, чтобы превратить его въ вещество, легко утилизируемое, и такимъ образомъ при минимумѣ затраты получается максимумъ полезной работы.

Если объясненіе дѣйствія сахара и ново, то примѣненіе его извѣстно съ давнихъ поръ; всѣмъ извѣстна роль сахарнаго тростника въ пищевомъ режимѣ негровъ, финиковъ у арабовъ и т. д. Многочисленные опыты, продѣланные путешественниками и альпинистами, показали съ достовѣрностью не только важную роль сахара въ питаніи, но и его дѣйствіе на усталость, которая почти совершенно проходитъ при питаніи имъ. Такого же мнѣнія держится и докторъ Лайтенстöрферъ въ своей работѣ о питаніи германской арміи.

Съ другой стороны, употребленіе сахара въ питаніи домашняго скота также съ каждымъ днемъ увеличивается. Съ нѣкоторыхъ поръ прибавляютъ патоку къ соломѣ или къ мякинѣ, идущихъ на кормъ быковъ, которыхъ откармливаютъ, или коровъ, дающихъ молоко. Въ Германіи уже испробованы мѣры для денатурализированія всѣхъ низшихъ сортовъ сахара (т.-е. мѣры, ведущія къ тому, чтобы сдѣлать сахаръ прибавленіемъ какой-нибудь примѣси по своему вкусу негоднымъ для людей) и ввести такимъ образомъ въ широкое употребленіе его въ кормѣ скота. Итакъ, опыты вполнѣ убѣдительные, доказывающіе увеличеніе работоспособности при употребленіи сахара, блестяще подтверждаютъ теорію. Тулузъ съ большимъ успѣхомъ примѣнялъ сахаръ у исхудавшихъ послѣ болѣзни людей, причемъ пищевой режимъ былъ или обыкновеннымъ, или же исключительно молочнымъ, съ прибавленіемъ сахара отъ 50 до 300 грам. въ сутки, что для исхудавшихъ женщинъ равняется приблизительно 8 грам. на каждый килогр. вѣса ихъ. Вѣсъ больныхъ начиналъ очень быстро увеличиваться, доходя, въ общемъ, до 100 гр. въ день, а иногда и до 500 гр. Вѣсъ тѣла увеличивался, слѣдовательно, больше, чѣмъ вводилось сахару, что объясняется меньшей тратой азотистыхъ веществъ. Больные при такомъ режимѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣтали отъ 35 до 48 килогр. При молочномъ режимѣ (3 литра молока въ день) дѣйствіе сахара оказалось наиболѣе дѣйствительнымъ. Что же касается неудобствъ, которыя признаются многими при примѣненіи сахара и которыя состоятъ въ томъ, что имъ вызывается въ желудкѣ броженіе или же нарушеніе пищеварительныхъ процессовъ, то Тулузъ никогда ничего подобнаго не наблюдалъ, и наоборотъ, даже хорошее дѣйствіе сахара констатировалось имъ и тогда, когда больные плохо питались вслѣдствіе разстройствъ пищеваренія.

Ясно, что сахаръ можетъ играть большую роль и значеніе его въ питаніи должно быть серьезно изучено.

Вліяніе мускульной работы на число кровяныхъ шариковъ. Гаукъ (Hawk), американскій физіологъ, поставилъ многочисленные опыты надъ влі-

яніемъ физической работы на увеличеніе числа кровяныхъ шариковъ. Опыты свои Гаукъ производилъ надъ студентами, причемъ счетъ кровяныхъ шариковъ производился до и послѣ физическихъ упражненій, то короткихъ, то продолжительныхъ. Результаты оказались слѣдующими. Во всѣхъ случаяхъ число какъ красныхъ, такъ и бѣлыхъ шариковъ увеличивалось, значительное увеличеніе ихъ наблюдалось уже въ очень короткій промежутокъ времени втеченіе нѣсколькихъ минутъ послѣ начала упражненій. Объяснить такое увеличеніе клѣточныхъ элементовъ крови ихъ размноженіемъ—невозможно, такъ какъ значительное увеличеніе ихъ замѣтно ужъ черезъ нѣсколько секундъ. По этой же причинѣ нельзя объяснить этого увеличенія также и сгущеніемъ крови, являющимся слѣдствіемъ кожнаго и легочнаго испаренія. Гаукъ полагаетъ, что увеличеніе красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ зависитъ отъ проиниканія въ кровь тѣхъ шариковъ, которые въ состояніи покоя находились въ различныхъ частяхъ и органахъ тѣла внѣ кровяного потока. Въ такомъ случаѣ увеличеніе числа шариковъ крови во время упражненій только кажущееся. И даже больше, опыты Гаука показали, что мускульная работа, въ концѣ концовъ вызываетъ уменьшеніе красныхъ шариковъ, но это становится замѣтнымъ только послѣ того, какъ причины кажущагося увеличенія исчезаютъ.

Къ вопросу о дѣятельности железъ. Изъ работъ своихъ о подчелюстной железѣ Клодъ Бернаръ заключилъ, что сгораніе во время дѣятельности железъ уменьшается; при этомъ онъ опирался, главнымъ образомъ, на тотъ фактъ, что кровь, вытекающая изъ железъ во время ихъ дѣятельности, является болѣе красной, чѣмъ та, которая вытекаетъ изъ железъ, находящихся въ покоѣ, и что количество кислорода и угольной кислоты въ крови, вытекающей изъ работающей железы, остается почти тѣмъ же, что и въ крови притекающей. Шово, Муссю, Тиссо опровергаютъ мнѣніе Клода Бернара. Двое послѣднихъ повторили опыты, произведя ихъ надъ околоушной железой быка, нервы и сосуды которой легко достижимы для оператора. Ихъ опыты показали слѣдующее:

1) Количество крови, протекающей во время дѣятельности железы гораздо больше, чѣмъ во время покоя ея. Такъ, при покоѣ железы количество крови равняется приблизительно 20 грам. въ минуту, въ періодъ же дѣятельности ея это количество доходитъ до 137 грам. 50 сант.

2) Количество слюны можетъ быть очень значительнымъ по отношенію къ количеству крови, протекающей черезъ железу: при количествѣ крови въ 120 грам. въ минуту, количество слюны доходитъ до 25 грам. и даже до 93 грам.

3) Во время дѣятельности железы количество красныхъ шариковъ въ венозной крови значительно возрастаетъ: съ 6.300.000 на куб. миллим. количество ихъ увеличивается до 8.700.000 и иногда и до 9.900.000.

Очевидно, что этимъ богатствомъ венозной крови красными шариками объясняется и богатство работающей железы кислородомъ. Относительное же уве-

личеніе количество красныхъ шариковъ зависитъ отъ сгущенія крови, которое происходитъ отъ того, что часть воды крови идетъ на образованіе слюны.

Муссю и Тиссо констатировали, кромѣ того, что кровь, притекающая къ железѣ, находящейся въ покоѣ теряетъ въ 1 минуту 1,31 куб. сант. кислорода, тогда какъ кровь работающей железы теряетъ его въ 1 м. 4,51 к. с. Слѣдовательно, излишекъ въ расходѣ кислорода во время дѣятельности железы равенъ 2,65 куб. с. въ минуту. Итакъ, кислородъ расходуется въ вдвое большемъ количествѣ во время работы железы, чѣмъ при ея покоѣ и слѣдовательно, дѣятельность слюнной железы совершается благодаря процессамъ сгоранія.

В. А.

ПОПРАВКА. Въ „Научномъ фельетонѣ" въ августовской книгѣ, въ самомъ концѣ статьи напечатано: „касающихся и самихъ животныхъ",—надо: „касающихся психики животныхъ". *В. А.*

ѲЕОДОРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БРЕДИХИНЪ.

Тяжелую потерю понесла русская наука въ лицѣ скончавшагося недавно Ѳедора Александровича Бредихина. Потеря громадная, потеря тяжелая какъ для насъ, такъ и для всего цивилизованнаго міра. Тяжело терять человѣка, которому такъ много обязаны, жалко, досадно хоронить его въ то время, когда духъ его еще бодръ, могучъ и полонъ идей, освѣщающихъ намъ великія тайны природы. Бредихинъ работалъ буквально до послѣднихъ дней своихъ, работалъ много, въ высшей степени продуктивно и талантливо. Мемуаръ слѣдовалъ за мемуаромъ и каждый изъ нихъ представлялъ живое, интересное изслѣдованіе. Они раскрывали все новыя и новыя подробности сложныхъ вопросовъ, рисовали яркія картины процессовъ, совершающихся на далекихъ загадочныхъ мірахъ. За двѣ недѣли до смерти покойный разослалъ спеціалистамъ свое изслѣдованіе о кометѣ прошлаго года, въ которомъ высказываетъ смѣлую мысль, что одинъ изъ хвостовъ кометы состоялъ изъ частицъ крайне разрѣженной матеріи, быть можетъ, изъ частицъ диссоціирующаго водорода.

На смертномъ одрѣ онъ живо интересуется особенностями орбиты только что появившейся первой кометы 1904 года. Смерть Ѳеодора Александровича явилась неожиданностью для всѣхъ, кто видѣлъ его въ послѣднее время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ прихварывалъ, сильно истомился, похудѣлъ, но потомъ поправился, окрѣпъ. Несмотря на свои 72½ года онъ выглядѣлъ бодро, былъ веселъ, живъ, остроуменъ, въ высшей степени интересенъ. Случайная простуда оказалась роковой. Нѣсколько дней тяжкой болѣзни и въ результатѣ неожиданная смерть... 1-го мая въ 5 ч. 40 м. вечера почилъ вѣчнымъ сномъ великій ученый. Не услышимъ мы болѣе его вдохновеннаго слова, не получимъ отъ него новаго изслѣдованія.

Краткая біографія Ѳ. А. Бредихина такова. Родился онъ 26-го ноября 1831 года въ г. Николаевѣ, въ семьѣ моряка, флота капитанъ-лейтенанта А. Ѳ. Бредихина. Его мать, урожденная Рогули, — сестра адмирала Рогули, второго коменданта Севастополя во время его осады. До 14-ти-лѣтняго возраста Ѳ. А. воспитывался въ домѣ родителей, въ степномъ имѣніи херсонской губ. подъ руководствомъ бывшаго директора херсонской гимназіи З. С. Соколовскаго. Этотъ достойный педагогъ благотворно повліялъ на развитіе своего питомца и умѣлъ внушить ему большое уваженіе и любовь къ наукѣ. Въ 1845 году четырнадцатилѣтняго Бредихина отдаютъ въ благородный пансіонъ при ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, въ 1849 г. онъ становится студентомъ лицея. Но лицей не удовлетворялъ Бредихина, въ 1851 году онъ поступаетъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1855 году. Въ силу своихъ связей съ морскимъ вѣдомствомъ, Бредихинъ намѣренъ былъ послѣ поступить во флотъ или артиллерію, но занятія на астрономической обсерваторіи, которую онъ началъ посѣщать на послѣднемъ курсѣ, измѣнили его намѣренія. Бредихинъ всецѣло отдается научнымъ занятіямъ. По окончаніи университета онъ продолжаетъ свои работы на обсерваторіи и готовится къ магистерскому экзамену. Въ 1857 г. онъ былъ назначенъ уже адъюнктомъ по каѳедрѣ астрономіи московскаго университета, въ 1873 г. становится директоромъ обсерваторіи, получившей благодаря, главнымъ образомъ, его трудамъ большую извѣстность. Въ 1890 году Бредихинъ избирается ординарнымъ академикомъ Имп. академіи наукъ и назначается директоромъ пулковской обсерваторіи. И въ дѣятельность этого знаменитаго учрежденія онъ съ своей стороны вноситъ свѣжую струю. Пріобрѣтаются новые инструменты, начинаются новыя работы. Но уже черезъ 4 года нездоровье заставило Бредихина сложить съ себя и обязанности директора обсерваторіи. По счастью оно не прекратило его научной работы.

Съ 1890 года Бредихинъ жилъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ. Здѣсь онъ и скончался. Но главныя его симпатіи принадлежали все-таки Москвѣ, гдѣ прожилъ онъ 39 лѣтъ, гдѣ онъ учился, училъ другихъ, гдѣ расцвѣлъ его талантъ, гдѣ были сдѣланы главнѣйшія его работы. И Москва любила Бредихина, цѣнила его, гордилась имъ. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ онъ съ честью занималъ каѳедру астрономіи въ университетѣ, часто выступалъ и публично. Не только ученики Ѳ. А., но также многія лица изъ московскаго общества теперь еще вспоминаютъ его блестящія лекціи. Бредихинъ обладалъ удивительнымъ краснорѣчіемъ, невольно заинтересовывающимъ всякаго тѣмъ, что было близко ему самому, что увлекало его. Онъ былъ поборникомъ народнаго и женскаго образованія, однимъ изъ членовъ учредителей московскаго математическаго общества, предсѣдателемъ въ обществѣ испытателей природы. Но главная заслуга его въ его научныхъ работахъ. Его смѣлый пытливый умъ постоянно влекъ его впередъ. Онъ отзывался на всѣ живые вопросы. Въ 1869 году нашли способъ видѣть выступы на солнцѣ съ помощью спектроскопа безъ затменія, при полномъ солнечномъ блескѣ—и Бредихинъ одинъ изъ первыхъ организуетъ правильныя наблюденія этихъ загадочныхъ образо-

ваній. На обсерваторіи московскаго университета и у себя въ имѣніи «Погостѣ» близъ Кинешмы Костромской губ., онъ подолгу просиживалъ у трубы подъ палящими лучами солнца, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собралъ большой матеріалъ, который нашелъ себѣ мѣсто въ основанныхъ имъ «Анналахъ московской обсерваторіи». Эффектный звѣздный дождь, наблюдавшійся въ ноябрѣ 1872 года, оживляетъ вниманія астрономовъ къ явленіямъ падающихъ звѣздъ. Московская обсерваторія начинаетъ наблюдать главнѣйшіе потоки систематически. Бредихинъ наблюдаетъ спектръ туманностей и кометъ въ то время, когда лишь весьма немногіе изъ астрономовъ владѣли новымъ орудіемъ науки. Онъ изслѣдуетъ поверхность Юпитера и Марса, тщательно зарисовывая все, что различалъ его зоркій глазъ, измѣряетъ положеніе планетъ, опредѣляетъ разстояніе отъ насъ различныхъ звѣздъ и туманностей, измѣряетъ относительное положеніе звѣздъ въ различныхъ скопленіяхъ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ производства такихъ измѣреній можно было судить о движеніяхъ въ этихъ отдаленныхъ системахъ солнцъ. Онъ занимался также качаніемъ маятника съ цѣлью опредѣлить напряженіе тяжести въ различныхъ пунктахъ земной поверхности. Но съ особенной любовью онъ наблюдалъ кометы, которыми, главнымъ образомъ, занимался онъ и теоретически.

Бредихинъ не скромный труженикъ, кропотливо собиравшій вмѣстѣ съ другими научный матеріалъ, это вдохновенный зодчій, строившій великолѣпныя зданія. Онъ оставилъ намъ стройныя теоріи, широкія по своему размаху и прочныя въ своихъ основахъ. Взгляните на хвостъ кометы, измѣрьте положеніе какой-либо его точки—и формула Бредихина прямо безъ помощи спектроскопа укажетъ, изъ какого вещества состоитъ это чудное образованіе. Она позволитъ и разсчитать, когда изъ ядра кометы произошло истеченіе матеріи, какіе процессы его сопровождали, какъ протекли они, какія были вспышки, перерывы...

Опредѣляя по рисункамъ пятидесяти большихъ кометъ значенія отталкивательной силы, которая была достаточна въ каждомъ случаѣ для образованія хвоста, согласно гипотезѣ Ольберса, Бредихинъ замѣтилъ, что числа рѣзко распадаются на три группы, что существуютъ три типа кометныхъ хвостовъ. Много вѣроятія, что отталкивательная сила солнца—электрическаго происхожденія. На основаніи работъ Цёльнера выходитъ, что она должна быть обратно пропорціональна молекулярнымъ вѣсамъ. Сопоставивъ это, Бредихинъ могъ прямо сказать, что прямые хвосты перваго типа, образованные силой въ 17 разъ большей, чѣмъ сила ньютоніанскаго притяженія, состоятъ изъ легкаго водорода, на образованіе болѣе изогнутыхъ хвостовъ, хвостовъ второго типа, которымъ соотвѣтствуютъ значенія отталкивательной силы отъ 2,72 до 0,5 могли пойти болѣе тяжелыя вещества: углеродъ, этиленъ, азотъ, натрій, калій санеродъ и пр., короткіе хвосты третьяго типа, образованные подъ дѣйствіемъ отталкивательной силы, составляющіе всего 0,3 – 0,1 ньютоніанскаго притяженія, состоятъ изъ тяжелыхъ металловъ. Кометы, имѣющія различный составъ, разовьютъ при приближеніи къ солнцу и различные хвосты, поскольку элементы, входящіе въ нихъ, успѣютъ разложиться подъ дѣйствіемъ солнеч-

ныхъ лучей. Понятно, что третій типъ хвостовъ долженъ встрѣчаться рѣже и притомъ большею частью въ соединеніи съ другими хвостами, состоящими изъ частичекъ веществъ, которыя диссоціируютъ болѣе легко. Когда въ 1878 году Бредихинъ высказалъ свою гипотезу, многіе не хотѣли ему вѣрить. Казалось невозможнымъ допустить, чтобы въ составъ кометъ входили *различныя* вещества и даже тяжелые металлы: спектры кометъ, наблюдавшихся въ семидесятыхъ годахъ, всегда были одного состава, они напоминали спектры углеводородовъ. Но въ 1882 году удалось замѣтить въ спектрѣ кометы и желтую линію натрія, видѣли линіи желѣза... Гипотеза получала блестящее подтвержденіе.

Въ хвостѣ большой сентябрьской кометы 1882 года многими астрономами были отмѣчены два волокнистыхъ скопленія, названныя «облаками Шмидта» по имени аѳинскаго астронома, съ особенной тщательностью наносившаго ихъ положенія между звѣздами почти ежедневно впродолженіи мѣсяца. Бредихинъ воспользовался этими наблюденіями и вычислилъ по нимъ съ помощью своихъ формулъ силу, съ которой была выброшена матерія, моментъ изверженія и кривую, по которой двигались облака. Моментъ изверженія перваго облака пришелся на 18-е сентября черезъ 6 часовъ послѣ прохожденія кометы черезъ перигелій. Послѣ оказалось, что нѣкоторые астрономы наблюдали въ это время спектръ кометы и отмѣтили удивительныя явленія: вмѣсто обычныхъ углеводородныхъ полосъ ярко блестѣли линіи натрія, магнія и желѣза. Ясно, что около этого момента произошелъ взрывъ подъ дѣйствіемъ солнца. «Облака Шмидта» представляютъ такимъ образомъ несомнѣнно группу *матеріальныхъ* частичекъ, выброшенныхъ ядромъ и плывшихъ въ пространствѣ со скоростью 40 верстъ въ секунду.

Подобныя облака оказались и на фотографіяхъ кометъ 1893 II и 1893 IV. Бредихинъ измѣрилъ ихъ смѣщенія и вычисленіемъ показалъ, что и въ этихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о явленіяхъ оптическихъ, что это также нѣкоторыя скопленія веществъ, движущіяся въ пространствѣ съ умѣренной скоростью, приблизительно такой же, какъ и само ядро.

На многихъ рисункахъ прежнихъ большихъ кометъ, а еще больше на фотографическихъ снимкахъ послѣднихъ лѣтъ можно видѣть хвосты неполные, иногда съ какимъ-нибудь перехватомъ, иногда даже совсѣмъ оторванные. Съ точки зрѣнія теоріи матеріальнаго состава кометнаго хвоста, истеченія изъ ядра въ этихъ случаяхъ происходили неправильно, съ паузами; Бредихинъ съумѣлъ въ числахъ представить эти явленія: съ какой скоростью происходило истеченія, когда оно прерывалось, какъ колебалось само ядро, если въ хвостѣ замѣтна была волнистость по контуру. Онъ объяснилъ и удивительную фигуру въ видѣ греческой буквы гаммы, которая ясно выступала въ хвостахъ нѣкоторыхъ кометъ — это пересѣченія двухъ истеченій, происходящихъ съ различными скоростями при колебаніи ядра въ видѣ маятника.

Странный видъ имѣла комета 1744 I. Шезо и другіе видѣли, какъ шесть хвостовъ ея вѣеромъ спускались подъ горизонтъ какъ бы къ головѣ. Бредихинъ выяснилъ, что дѣло было совершенно иначе. Шесть полосъ не предста-

вляли собой шесть отдѣльныхъ хвостовъ и не сходились въ головѣ кометы. Это шесть поперечныхъ сѣченій одного и того же широкаго хвоста. Очевидно истеченіе происходило не непрерывно, а вспышками. Шесть большихъ вспышекъ и шесть растянувшихся клубовъ выброшеннаго вещества, шесть яркихъ столбовъ надъ горизонтомъ, когда голова кометы еще не видна.

Вотъ примѣръ глубины изслѣдованій Бредихина. Онъ могъ объяснить детали физическихъ процессовъ въ невѣдомыхъ мірахъ и объяснялъ онъ ихъ не по умозрѣнію только, а съ математическимъ разсчетомъ, на основаніи принциповъ механики. Въ этомъ и заключается огромное значеніе его изслѣдованій.

Въ связи съ теоріей кометныхъ формъ, Бердихинъ развилъ и другую—теорію образованія метеорныхъ потоковъ. Скіапарелли установилъ, что метеоры происходятъ отъ кометъ. Онъ думалъ, что комета подъ притяженіемъ солнца раздѣляется на огромное число мелкихъ тѣлецъ, которыя идутъ по тому же пути, по которому шла комета, постепенно растягиваясь въ непрерывное кольцо. Бредихинъ пошелъ дальше. Онъ училъ, что образованіе потока метеоровъ, по Скіапарелли, только частный случай, что комета можетъ и не разсыпаться вся на мелкія части, а только отдѣлить отъ себя нѣкоторое число ихъ. Подъ дѣйствіемъ солнца въ кометѣ происходятъ процессы разложенія, могутъ быть вспышки, отдѣленія большихъ и малыхъ частей, которыя вслѣдствіе полученнаго при взрывѣ удара пойдутъ уже по новому пути. Комета, идя по кривой съ вѣтвями, уходящими въ безконечность, можетъ удалиться отъ насъ навсегда, оставаясь кометой, а выброшенныя ею тѣльца пойдутъ по кривымъ замкнутымъ, будутъ періодически возвращаться къ солнцу и встрѣчаться съ землей. Изверженіе метеоровъ могутъ происходить нѣсколько разъ въ различныхъ точкахъ пути кометы при приближеніи къ солнцу и вслѣдствіе этого образуется нѣсколько пучковъ одного и того же потока метеоровъ, а въ зависимости отъ этого и нѣсколько точекъ на небѣ, изъ которыхъ они видимо расходятся, какъ и обнаруживаютъ это наблюденія. Бредихинъ далъ объясненіе такъ называемымъ аномальнымъ цвѣтамъ—небольшимъ свѣтлымъ придаткамъ, наблюдавшимся у нѣкоторыхъ кометъ, которые въ отличіе отъ прозрачныхъ обыкновенныхъ хвостовъ, направлены не отъ солнца, а къ солнцу въ нихъ онъ и видитъ выброшенную кометой матерію, которая даетъ болѣе или менѣе обильный потокъ метеоровъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что какъ ни малы метеоры, они все-таки могутъ считаться громадными въ сравненіи съ частицами, отброшенными въ нормальный хвостъ. Процессъ образованія нормальнаго хвоста совершенно иной. Частицы гонятся силой отталкивательной солнца, которая становится ощутительной тогда только, когда матерія чрезвычайно *разрѣжена*.

Бредихинъ прослѣдилъ и движеніе метеорныхъ потоковъ въ ихъ орбитахъ, разсчиталъ возмущенія, которыя они могли претерпѣть отъ большихъ планетъ, разобралъ и роль могучаго Юпитера при образованіи потоковъ. Все дальше и глубже въ невѣдомую область вело насъ каждое его изслѣдованіе.

Кромѣ кометъ, идущихъ къ намъ изъ безконечности и черезъ два-три мѣсяца наблюденій опять скрывающихся отъ нашихъ взоровъ навсегда, есть нѣ-

сколько, движущихся вокругъ солнца по замкнутымъ кривымъ, являющихся членами нашей солнечной системы. Откуда онѣ въ солнечной системѣ? Какая связь этихъ періодическихъ кометъ съ тѣми, которыя идутъ изъ безконечности,—не знаемъ. Предполагаютъ, что Юпитеръ и другія большія планеты при встрѣчѣ на чрезвычайно близкомъ разстояніи съ кометой могли своимъ притяженіемъ совершенно измѣнить ея орбиту и заставить идти по кривой замкнутой съ небольшимъ временемъ обращенія около солнца. Эта гипотеза подкрѣплена математическими выводами, но ни въ одномъ изъ имѣвшихъ мѣсто приближеній періодической кометы къ Юпитеру нельзя было констатировать дѣйствительно такого измѣненія орбиты. Слишкомъ мала и вѣроятность, чтобы кометы, идущія изъ безконечности по всевозможнымъ направленіямъ, непремѣнно встрѣтились съ планетой. Бредихинъ указываетъ другой источникъ, быть можетъ, болѣе обильный, чѣмъ завлеченіе большими планетами. Комета при приближеніи къ солнцу выбрасываетъ мелкія части—метеоры, но отъ нея можетъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ отдѣлиться и большая часть—случаи дѣленія кометъ на двѣ, на три и болѣе извѣстны. Отдѣлившаяся часть въ силу внутренняго толчка должна пойти по лѣвой орбитѣ, она можетъ пойти при извѣстныхъ данныхъ по кривой замкнутой, сдѣлаться членомъ солнечной системы въ то время, какъ комета-родоначальница, идя своей дорогой, уйдетъ въ безконечность.

Идея образованія кометныхъ хвостовъ подсказала Бредихину и объясненіе образованія солнечной короны, давно интригующей астрономовъ, для наблюденія которой во время солнечнаго затменія предпринимаются далекія, дорогія экспедиціи. По лучшимъ фотографіямъ послѣднихъ лѣтъ вычислялъ Бредихинъ скорость, съ которой могла быть выброшена разрѣженная матерія изъ нѣдръ солнца, онъ рисуетъ картину движенія этой извергнутой массы спиралью вокругъ вращающагося свѣтила, говоритъ объ условіяхъ, при которыхъ можетъ получиться тотъ или другой видъ короны.

На основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, въ связи съ наблюденіями другихъ наблюдателей, Бредихинъ пытался выяснить состояніе поверхности Юпитера. Планета несомнѣнно находится въ расплавленномъ состояніи, на ней еще все кипитъ, все бушуетъ, но положено начало твердой корки. Знаменитое красное пятно и есть не что иное, какъ первый огромный кусокъ этой корки. Онъ плаваетъ на поверхности въ глубинѣ облаковъ, часто покрывающихъ и его.

Какое богатство идей, какая полнота въ работахъ Бредихина! Нельзя не подивиться и его прилежанію. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ для многихъ служить примѣромъ. Имъ напечатано до 150 книгъ и отдѣльныхъ статей; онъ просиживалъ многіе часы за вычисленіями и выводомъ формулъ, но работалъ не съ педантичной кропотливостью, а по вдохновенному призыву своего дарованія, съ полнымъ увлеченіемъ, какъ талантливый человѣкъ. Когда являлась идея она поглощала его всего, всѣ средства пускались на ея разработку: сосредоточенное обдумываніе, вычисленіе безъ устали и перерыва, краски модели... все шло въ ходъ. Онъ творилъ и весь жилъ въ идеѣ.

А въ часы отдохновенія, въ промежуткахъ между спеціальными работами

онъ занимался переводами различныхъ авторовъ изящной литературы, главнымъ образомъ итальянскихъ драматурговъ. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ были напечатаны въ семидесятыхъ годахъ въ русскихъ журналахъ. Все, что носило на себѣ печать истинно научнаго интереса, находило у Ѳ. А. полное сочувствіе. Онъ охотно всегда шелъ на помощь, гдѣ было нужно, и словомъ и дѣломъ. При Императорской академіи наукъ и родной ему московской обсерваторіи онъ учредилъ преміи и стипендіи, давалъ средства для научныхъ экспедицій, заказывалъ и дарилъ прекрасные инструменты. По случайному совпаденію въ день кончины Бредихина въ Пулково прибылъ новый приборъ для фотографированія неба, заказанный на деньги покойнаго.

Давнишней мечтой Бредихина было собрать въ одно цѣлое всѣ свои изслѣдованія по теоріи кометныхъ формъ и метеорныхъ потоковъ, разбросанныя по различнымъ изданіямъ, какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ. И это ему удалось осуществить за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Два большихъ тома остались намъ въ назиданіе и на память о великомъ ученомъ.

Похоронили Бредихина въ фамильномъ склепѣ, на кладбищѣ села Богоявленскаго близъ Кинешмы. Похороны отличались большою торжественностью— масса вѣнковъ, депутаціи, надгробныя рѣчи. Нно не одна русская наука пожалѣетъ Бредихина, его давно зналъ и цѣнилъ весь міръ. Цѣлый рядъ почетныхъ титуловъ, полученныхъ имъ отъ различныхъ знаменитыхъ обществъ и университетовъ, ярко обрисовываетъ его значеніе въ наукѣ. Какъ вѣрно сказалъ въ своей надгробной рѣчи проф. Церасскій: усопшій не закопалъ своего таланта.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Сентябрь. 1904 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Айзманъ. „Черные дни“.—*Танъ*, „Собраніе сочиненій“, 4 т.—*Красинскій*. „Иридіонъ“.—*Октавъ Мирбо*. „Разсказы“.—*Георгъ Омптеда*. „Разсказы“.

Д. Я. Айзманъ. Черные дни. Очерки и разсказы. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Содержаніемъ разсказовъ г. Айзмана служитъ исключительно еврейская среда, ея бытъ, горе и упованія. Какъ писатель, новый авторъ отличается сильнымъ лирическимъ настроеніемъ, что составляетъ его силу и слабость въ то же время. Силу—такъ какъ свое настроеніе печали и вѣры въ лучшее будущее онъ умѣетъ передать и читателю. Слабость—такъ какъ изъ-за личнаго настроенія неясны образы, его вызывающіе. Это особенно замѣтно въ двухъ лучшихъ по обработкѣ очеркахъ: «На чужбинѣ» и «Земляки». Въ первомъ интеллигентная еврейская семья, хорошо устроившаяся во Франціи, въ концѣ концовъ не выдерживаетъ этого благополучія при мысли о своихъ «несчастныхъ», которыхъ такъ много въ Россіи. Эта мысль угнетаетъ и не даетъ возможности спокойно работать здѣсь, во Франціи, гдѣ ихъ работа хотя и полезна, и оцѣнена населеніемъ, но въ сущности здѣсь ихъ замѣнить такъ легко, что едвали даже это можетъ вызвать какія-либо затрудненія. Жизнь здѣсь прочно сложилась, все идетъ какъ по рельсамъ, заранѣе все предусмотрѣно и усчитано. А тамъ... пусть тамъ много горя, много несправедливости чисто личной и еще болѣе общественной, но зато все, взятое путемъ лишеній, отказа отъ личнаго благополучія, добытое съ боя—все это такъ важно, такъ нужно и свято, что одна мысль объ этой борьбѣ уже даетъ своеобразное удовлетвореніе. Тотъ же мотивъ влеченія къ родинѣ составляетъ содержаніе и «Земляковъ». Мотивъ простенькій, почти примитивный, но въ горячей обработкѣ автора, видимо прочувствовавшаго его и выносившаго въ душѣ, онъ производитъ яркое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе образы докторши въ «На-чужбинѣ» и старичковъ евреевъ въ «Землякахъ» обработаны шаблонно и потому недостаточно ярки и свѣжи. Чувство автора ихъ заслоняетъ. Еще сильнѣе сказывается недостатокъ творчества въ остальныхъ очеркахъ, гдѣ, такъ сказать, *схематичность* замысла преобладаетъ надъ живомъ изображеніемъ. Достоинствомъ очерковъ является хорошій языкъ, живой и яркій; видимо, авторъ хорошо знакомъ съ описываемой средой, что обезпечиваетъ г. Айзману въ ряду писателей изъ еврейскаго быта опредѣленное мѣсто.

А. Б.

Танъ. Полное собраніе сочиненій. 4 тома. Второе изданіе. Книгоизд. Н. Глаголева. Спб. 1904 г. Ц. каждаго т. 1 р. Сравнительно недавно выступилъ г. Танъ въ нашей литературѣ и уже занялъ въ ней прочное

мѣсто, которое навсегда принадлежитъ ему, какъ по оригинальности содержанія, такъ и по своеобразности его писательской физіономіи. Танъ—это писатель-странникъ, который всюду, куда забрасываетъ его судьба, умѣетъ схватить отличительныя черты новой жизни и въ то же время объединяетъ ихъ съ тѣмъ общимъ для всего человѣчества, что составляетъ глубочайшую сущность жизни. Описываетъ-ли онъ обитателей крайняго сѣверо-востока Азіи, или подневольныя колоніи русской интеллигенціи по рѣкѣ Пропадѣ, или жизнь русскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ, или японскую культуру въ наиболѣе глухихъ уголкахъ Японіи—своеобразіе мѣстной жизни нигдѣ не заслоняетъ того обще-человѣческаго, что связываетъ читателя и съ обитателями «На каменномъ мысу», и съ «Авдотьей и Ривкой» въ Нью-Іоркѣ, и съ подневольными жителями Пропадинска. Яркость иногда чисто этнографическихъ описаній только выпуклѣе ставитъ передъ читателемъ рядъ общихъ «проклятыхъ» вопросовъ и даетъ совсѣмъ новую почву для ихъ разрѣшенія. И еще одна черта Тана, какъ писателя, ярко выдѣляетъ всѣ его произведенія: это духъ бодрости, духъ борьбы, духъ неизмѣнной вѣры въ человѣка, проникающій все, что онъ пишетъ. Возьмемъ, напр., самыя мрачныя изъ его описаній «Очерки изъ хроники города Пропадинска». Интеллигентная колонія, закинутая поистинѣ на край свѣта, въ одно изъ самыхъ гиблыхъ мѣстъ, напоминающее девятый кругъ дантовскаго ада,—борется за жизнь въ буквальномъ смыслѣ слова, иначе ей угрожаетъ постоянный голодъ, холодъ и болѣзни. И что же? Не уныніемъ и мракомъ вѣетъ отъ этихъ ужасныхъ страницъ, а гордой увѣренностью въ побѣду, напоминающей знаменитыя слова: «а все же она вертится!» Это впечатлѣніе гордой вѣры въ человѣка красной нитью проходитъ черезъ всѣ очерки, повѣсти и разсказы Тана, придавая имъ особуго свѣжесть и какую-то бодрящую крѣпость, не покидающую читателя долго спустя, послѣ того какъ онъ закроетъ книгу.

Читателямъ нашего журнала многое знакомо изъ того, что вошло во второе изданіе сочиненій г. Тана. Кромѣ очерковъ «Изъ хроники Пропадинска», большая часть которыхъ была напечатана у насъ («На каникулахъ», «На растительной пищѣ», «Ожилъ»), въ журналѣ были помѣщены за послѣдніе два года: «Авдотья и Ривка», повѣсти «Восемь племенъ» и «За океаномъ» и путевые очерки «Домой» и «По Японіи». Все собраніе сочиненій разсчитано на семь томовъ, въ которые должно войти все, что до сихъ поръ написано г. Таномъ и разсѣяно пока въ періодическихъ изданіяхъ. Особенно цѣнными намъ представляются «Очерки изъ жизни духоборовъ», составившіе содержаніе шестого тома. Эти очерки представляютъ наиболѣе подробное и цѣльное описаніе жизни оригинальнѣйшей русской духовной общины въ Канадѣ, составленное не по слухамъ или чужимъ впечатлѣніямъ, а на основаніи личныхъ наблюденій и по опросамъ духоборовъ на мѣстѣ, причемъ г. Танъ, какъ опытный изслѣдователь-этнографъ, нигдѣ не позволяетъ себѣ проявить личный взглядъ, тѣ или иныя симпатіи или антипатіи, но всюду выступаетъ только объективнымъ наблюдателемъ. Кромѣ увлекательности самого разсказа, «Очерки изъ жизни духоборовъ» получаютъ, благодаря этому, значеніе важнаго историческаго документа для изученія религіозныхъ исканій русскаго духа. Въ настоящее время появилось уже 4 тома полнаго собранія сочиненій г. Тана, остальные три появятся еще до конца года. *А. Б.*

Красинскій. Иридіонъ. Переводъ съ польскаго А. Уманскаго. Изданіе «Знанія». 1904 г. Ц. 60 к. Графъ Красинскій—одинъ изъ младшихъ современниковъ Мицкевича въ польской литературѣ, который вмѣстѣ со Словацкимъ считается ближе другихъ къ великому польскому поэту какъ по огромному таланту, такъ и по духу. Красинскій—романтикъ, мистикъ и демократъ. Въ своихъ главнѣйшихъ произведеніяхъ, какъ «Небожественная комедія» и

«Иридіонъ», Красинскій символизируетъ страданіе своей родины и борьбу народа во имя высшаго идеала правды и справедливости. Его Иридіонъ не только грекъ, страстно ненавидящій тиранію Рима и видящій въ гибели его главную цѣль жизни: онъ—символъ свободнаго духа народовъ, стремящагося низвергнуть всякую тиранію, мѣшающую проявленію гордыхъ и чистыхъ духовныхъ силъ народа. Римъ—символъ тираніи вообще. «Никогда ничего идеально возвышеннаго не было въ исторіи Рима,—говоритъ Красинскій въ примѣчаніи къ «Иридіону».—Никто на землѣ не былъ болѣе реальнымъ, практическимъ... Человѣчество сгнило подъ властью Рима... Въ области матеріи римляне были господами, въ области духа рабами. Они потому и погибли, что никогда не понимали настоящей ни политической, ни общественной жизни. Они подчиняли, ничего не устраивая, уничтожали, не увеличивая, притѣсняли, не освобождая, убивали грубой силой, не связывая духомъ. И когда для Рима насталъ часъ смерти, онъ оглянулся, не горитъ ли гдѣ искра жизни, которую онъ могъ бы привить въ свои одряхлѣвшія жилы, и не нашелъ ничего, кромѣ труповъ, лежащихъ у ногъ его, и напрасно звалъ онъ ихъ въ минуту смерти—они не проснулись»... Какъ произведеніе съ широкой безсмертной идеей, «Иридіонъ» не только не теряетъ и теперь своего интереса, но, пожалуй, этотъ интересъ въ наши дни еще углубляется, такъ какъ многіе символическіе образы, пріуроченные авторомъ къ своему времени, получаютъ теперь болѣе широкій и новый смыслъ... Самая манера, съ которой написанъ «Иридіонъ», не утратила значенія: это символизмъ въ его чистомъ безпримѣсномъ видѣ. Его образы реальны, и въ тоже время расширены до огромныхъ, чисто фантастическихъ размѣровъ. Самъ Иридіонъ—сынъ грека Амфилоха и скандинавской жрицы, въ которомъ слились страстная пылкость юга и ледяная стойкость сѣвера. Онъ—какъ-бы духъ человѣчества, всеобъемлющій, не знающій конца своимъ стремленіямъ, для котораго въ борьбѣ и смыслъ, и содержаніе жизни. Иридіонъ — это Фаустъ, но не мыслитель, а боецъ. Стоящій рядомъ съ нимъ Масинисса—это своего рода Мефистофель, но свободный отъ всего низменнаго, принижающаго, онъ—символъ чистой логики, холодно взвѣшивающей и разсчитывающей. Люди для него не цѣль, а средство. Вмѣстѣ эти два образа объединяютъ душу человѣчества, которое въ гордомъ шествіи къ свободѣ ниспровергаетъ одинъ Римъ за другимъ, а плодъ его духа—мысль живетъ вѣчно.

Борьба Иридіона съ Геліогабаломъ — только единичный эпизодъ въ драмѣ человѣчества, и этотъ-то эпизодъ и составляетъ содержаніе драмы, написанной съ огромнымъ талантомъ и силой. Иридіонъ добивается милости Геліогабала, жертвуя ему своей сестрой, и въ то же время искусно составляетъ заговоръ, привлекая на свою сторону массу рабовъ, населяющихъ Римъ. Цѣль его почти близка къ осуществленію: усыпивъ подозрительность цезаря, онъ подготовляетъ возстаніе рабовъ, которые, уничтоживъ Римъ, вернутъ подъ начальствомъ Иридіона свободу народамъ. Но въ главный моментъ измѣняютъ христіане, которыхъ останавливаетъ епископъ, призывающій къ смиренію и покорности, напоминая, что не оружіемъ, а словомъ и духомъ долженъ быть покоренъ міръ Христу. Эта измѣна рѣшаетъ все дѣло, заговоръ разбивается, Геліогабалъ гибнетъ подъ ударами возмутившихся преторіанцевъ, но смѣнившій его Александръ Северъ возстанавливаетъ порядокъ и добиваетъ остатки возставшихъ рабовъ. Иридіонъ гибнетъ, видя силу Рима обновленной и ожившей въ рукахъ новаго строгаго императора, гибнетъ, проклинаемый рабами, которыхъ онъ увлекъ, но не смогъ поднять на высоту своего идеала. Но и въ минуту гибели Иридіонъ не сдается,—сгорая на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ сестры, онъ все тотъ же мститель за поруганныхъ и угнетенныхъ, хотя и побѣжденный, но не сломленный. Въ послѣдней фантастической картинѣ

Масинисса открываетъ ему дальнѣйшую борьбу человѣчества, и Иридіонъ заключаетъ съ нимъ на вѣки союзъ: «мнѣ Римъ, тебѣ мою душу!»—т.-е. за свободу онъ жертвуетъ душой. Таковъ завѣтъ польскаго поэта.

Что касается перевода, то нельзя признать его удачнымъ. Переводчикъ приложилъ много стараній, чтобы передать возвышенный, богатый образами языкъ оригинала. Но въ результатѣ получился тяжеловѣсный полу-русскій, полу-польскій языкъ, мѣстами трудно понятный и граматически не вполнѣ правильный. Такъ, переводчикъ часто опускаетъ мѣстоимѣнія, что допускаетъ польская рѣчь, но не умѣстно въ русской. Построеніе предложеній мѣстами тоже не русское: сказуемое отдѣляется и ставится на концѣ, что очень затрудняетъ чтеніе, дѣлая фразы напыщенными, въ родѣ: «паду на ступени алтаря и пальцы ногъ твоихъ бѣлыхъ цѣловать буду».

Попадаются совсѣмъ странныя выраженія: «глубины *лопаются*», «она старается *разгрести* тѣни смерти», и т. п. *А. Б.*

Октавъ Мирбо. Разсказы. Предисловіе Б. А. Витмера. Изд. «Оріонъ» Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Октавъ Мирбо не принадлежитъ къ числу хорошо знакомыхъ русскому читателю авторовъ. Его пьеса «Дурные пастыри», переведенная года три назадъ, не могла быть поставлена на русской сценѣ. Нѣкоторую извѣстность доставила другая его пьеса «Дѣловой человѣкъ» и его романъ «Садъ пытокъ», помѣщенный въ одномъ изъ журналовъ. Между тѣмъ и по содержанію, и по оригинальной манерѣ письма, этотъ художникъ несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе выдающихся писателей современной Франціи. Демократъ въ лучшемъ значеніи этого слова, индивидуалистъ,который всѣми силами борется съ пошлостью толпы, съ массовыми мнѣніями, предразсудками и ходячими взглядами, писатель съ пылкимъ темпераментомъ и ѣдкимъ анализирующимъ умомъ, Мирбо далъ рядъ замѣчательныхъ картинъ разложенія современной буржуазіи во Франціи, коснувшись самыхъ различныхъ сторонъ ея жизни—семейной, общественной и политической. Въ извѣстныхъ «Запискахъ горничной» онъ нарисовалъ съ безпощадной правдивостью и реализмомъ всю гнусность семейной буржуазной жизни. Въ «Дѣльцѣ» далъ типичнаго представителя дѣловой Франціи, для котораго нѣтъ преградъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о барышѣ. Въ «Дурныхъ пастыряхъ» выведена политика той же буржуазіи, себялюбивая, узкая, ограниченная. Въ цѣломъ рядѣ романовъ онъ даетъ полную галлерею типовъ буржуазіи—націоналистовъ, антисемитовъ, продажныхъ членовъ парламента, ничтожныхъ ученыхъ, священниковъ, за кулисами обирающихъ свою паству, клерикаловъ и т. п. Его острый, до боли колющій умъ вскрываетъ безпощадно всю ложь современности, лицемѣріе, проникающее жизнь съ верху до низа, низменность цѣлей, ничтожество идеаловъ,—упадокъ во всемъ, паденіе нѣкогда великой страны и грозный призракъ разложенія въ ближайшемъ будущемъ. «Все прогнило»—вотъ его устрашающій выводъ, который онъ съ безпощадной смѣлостью бросаетъ французскому обществу въ лицо.

Въ изданной «Оріономъ» книжкѣ его разсказовъ, снабженной краткой, но очень вѣрной и мѣткой характеристикой Мирбо, написанной г. Витмеромъ, читатели найдутъ рядъ небольшихъ, но высоко характерныхъ для этого автора сценъ, разсказовъ и очерковъ, въ которыхъ типичныя для Мирбо черты выступаютъ особенно ярко. Всѣ разсказы переведены хорошимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ, передающимъ характерный острый стиль подлинника.

А. Б.

Георгъ фонъ-Омптеда. Разсказы Съ предисловіемъ З. А. Венгеровой. Изд. «Оріонъ». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Омптеда, съ произведеніями котораго наши читатели отчасти знакомы (см. разсказъ «Польскій дворянинъ», помѣщенный у насъ года два назадъ), принадлежитъ къ реалистической школѣ,

хотя онъ не избѣгъ нѣкоторой, столь присущей нѣмецкимъ писателямъ, сентиментальности. Какъ реалистъ-бытописатель, онъ извѣстенъ больше всего своими романами изъ военнаго быта, въ которыхъ задолго до Бильзе и Байерлейна умѣло воспроизвелъ всю пустоту и ничтожесть нѣмецкой офицерской среды, съ ея жалкими традиціями внѣшней порядочности и отсутствіемъ истиннаго человѣческаго достоинства. Въ мелкихъ разсказахъ, вошедшихъ въ изданіе «Оріона», даны и другіе его очерки изъ разныхъ сферъ нѣмецкой жизни. Въ этихъ очеркахъ умѣло собраны отличительныя черты нѣмецкаго автора—его мягкій стиль, гуманное отношеніе къ обиженнымъ и его въ сущности неглубокая философія. Въ первомъ изъ нихъ, «Польскій дворянинъ», авторъ хорошо изобразилъ кадетскую среду, гдѣ воспитываются будущіе офицеры, которымъ онъ такъ много посвятилъ вниманія въ цѣломъ рядѣ романовъ. Психологія бѣднаго мальчика-поляка, которому съ дѣтства привито чисто внѣшнее, дворянско-военное пониманіе чести, очерчена очень хорошо, хотя Омптеда вообще неглубокій психологъ. Въ данномъ случаѣ ему помогла примитивность сюжета. Также хороши разсказы «Всѣ девять», «Confection», «Пансіонъ» и другіе, гдѣ просто и реально описывается жизнь, то простой крестьянской дѣвушки, то продавщицы въ большомъ модномъ магазинѣ, то курьезное событіе, какъ благочестивая старая дѣвица получаетъ въ наслѣдство «пенсіонъ безъ древнихъ языковъ» и ея затрудненія при этомъ оригинальномъ наслѣдствѣ. Вообще, всюду, гдѣ реальность сюжета даетъ полную возможность проявить свои силы художнику-реалисту, очерки Омптеды читаются легко и оставляютъ яркое впечатлѣніе, чего нельзя сказать о тѣхъ, гдѣ онъ пускается философствовать и даже дѣлаетъ робкія попытки къ символизму, какъ въ очеркѣ «Зачѣмъ плакать». Реалистъ-художникъ, тонкій наблюдатель и правдивый бытописатель военной и буржуазной среды—вотъ общая характеристика Омптеды, что даетъ ему видное мѣсто среди современнаго поколѣнія нѣмецкихъ писателей. Книжка его разсказовъ, изданная «Оріономъ», производитъ очень хорошее впечатлѣніе, какъ разнообразнымъ подборомъ, такъ и прекраснымъ ихъ переводомъ. *А. Б.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. Лемке. „Н. М. Ядринцевъ. Біографическій очеркъ".—*А. Веселовскій.* „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія".

Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ къ десятилѣтію со дня кончины. Спб. 1904 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Изданіе редакціи газеты «Восточное Обозрѣніе». Лишь въ самое послѣднее время русская провинція обнаружила несомнѣнные признаки зарожденія въ ней самостоятельной и сознательной жизни. Провинція была неподвижна, невѣжественна, бѣдна людьми иниціативы и таланта, которые бы любили ее и считали своимъ долгомъ работать для ея блага. Тѣмъ замѣчательнѣе, поэтому, необыкновенная личность Ядринцева, который еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ выступилъ, какъ убѣжденный областникъ, и въ теченіе 30-ти лѣтъ неустанно работалъ для своей родины—Сибири, несмотря на всѣ удары судьбы. Обозрѣнію преимущественно общественной дѣятельности Ядринцева и посвящена книга г. Лемке. Это уже третья біографія сибирскаго дѣятеля въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ его смерти (Глинскаго, г-жи Фарафонтовой), изъ которыхъ книга г. Лемке, несомнѣнно, лучшая. Авторъ насколько возможно обстоятельно изображаетъ постоянный и неуклонный ростъ областническихъ воззрѣній Ядринцева, начиная съ гимназической скамьи и продолжая краткимъ періодомъ его университетской жизни, затѣмъ годами тюрьмы и ссылки которые онъ

употребилъ на теоретическое ознакомленіе съ вопросомъ объ области, окраинѣ, колоніи и метрополіи. Съ 1874 г. начинается послѣдній, наиболѣе плодотворный, 20-лѣтній періодъ дѣятельности Ядринцева, какъ областного, окраинкаго, исключительно сибирскаго писателя. Авторъ коснулся кратковременной дѣятельности Ядринцева въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при западно-сибирскомъ генералъ-губернаторѣ Казнаковѣ, его путешествій, между прочимъ въ Монголію, къ развалинамъ открытаго имъ Каракорума, его изданія и редактированія сибирскаго органа въ Петербургѣ—«Восточнаго Обозрѣнія», его дѣятельности какъ друга и наставника учившейся въ Петербургѣ и Москвѣ сибирской молодежи. Въ книгѣ г. Лемке достаточно ярко обрисована необыкновенно живая, увлекательная, разносторонняя личность Ядринцева, отмѣченъ его выдающійся публицистическій талантъ и указаны всѣ заслуги Ядринцева по отношенію къ Сибири. Насколько ясно и правильно понималъ Ядринцевъ нужды Сибири, показываетъ уже то обстоятельство, что реформы, необходимость которыхъ онъ началъ проповѣдывать съ первыхъ лѣтъ своей публицистической дѣятельности, съ теченіемъ времени осуществлялись, хотя не всѣ и не всегда въ полномъ объемѣ. Его проницательность особенно ярко выразилась въ осторожномъ отношеніи къ желѣзной дорогѣ, которая, по его мнѣнію, являясь естественнымъ результатомъ развитія сѣти внутреннихъ путей торгово-промышленнаго обмѣна, окажется насосомъ, выкачивающимъ лишь сырье изъ страны и мѣшающимъ развитію мѣстной промышленности. По величинѣ и яркости таланта Ядринцевъ едва ли не самый крупный мѣстный публицистъ. Даже помимо «независящихъ обстоятельствъ», его блестящій талантъ стѣснялся добровольно очерченнымъ имъ райономъ вопросовъ (сибирскіе), и лишь сознаніемъ этой тѣсноты и можно объяснить отклоненія Ядринцева въ области археологіи, этнографіи, географіи. Авторъ трехъ солидныхъ сочиненій: «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ», «Сибирскіе инородцы» и «Сибирь какъ колонія», Ядринцевъ по натурѣ и по свойству таланта былъ публицистъ, что особенно ярко отражается на его передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ въ «Восточномъ Обозрѣніи», которое онъ велъ съ изумительнымъ единствомъ направленія. Всѣ эти качества таланта и личности Ядринцева хорошо указаны въ книгѣ г. Лемке. Конечно, біографія Ядринцева, написанная г. Лемке, далеко не имѣетъ исчерпывающаго значенія. Это зависитъ отъ многихъ причинъ. Прежде всего необходимо извѣстное историческое вступленіе для точнаго опредѣленія того вліянія, которое оказываютъ на окружающую жизнь личности, по величинѣ подобныя Ядринцеву. Затѣмъ, его жизнь въ различныхъ степеняхъ переплеталась съ жизнью многочисленныхъ современниковъ, друзей, сотрудниковъ, знакомыхъ, еще здравствующихъ,—и это, конечно, требуетъ отъ біографа необходимой осторожности и сдержанности. Современныя цензурныя условія, заранѣе опредѣленный максимальный размѣръ труда, краткость времени для его выполненія (5 мѣс.),—все это не могло не отразиться на полнотѣ, обстоятельности и яркости біографіи Не могла остаться безъ вліянія и неизвѣстность г-на Лемке многимъ (а не «нѣкоторымъ», какъ онъ говоритъ) сибирякамъ: онъ жалуется на недостаточный притокъ въ его распоряженіе рукописныхъ матеріаловъ, несмотря на обращенныя воззванія. Будущему біографу Ядринцева придется обстоятельно коснуться нѣкоторыхъ моментовъ его жизни, лишь слегка затронутыхъ г. Лемке: его ученья въ томской гимназіи по даннымъ гимназическаго архива, того обстоятельства, почему онъ оставилъ гимназію до окончательныхъ экзаменовъ, намѣреваясь тѣмъ не менѣе поступить въ университетъ. Архивъ петербургскаго университета могъ бы открыть, какой планъ научныхъ занятій составилъ для себя Ядринцевъ, поступивъ вольнослушателемъ. Безъ знакомства съ архивнымъ дѣломъ о сибирскихъ «сепаратистахъ» нельзя также составить себѣ вполнѣ отчетливаго представленія о тѣхъ

практическихъ пріемахъ и путяхъ, которыми предполагалъ молодой Ядринцевъ въ началѣ 60-хъ годовъ проводить въ сибирскую жизнь свои теоретическія воззрѣнія. Наконецъ, обстоятельства смерти Ядринцева недостаточно разсмотрѣны авторомъ, и онъ оставляетъ читателя въ прежнемъ сомнѣніи (стр. 192). Г. Лемке очень мало коснулся также выясненія тѣхъ умственныхъ вліяній, которыя дѣйствовали на Ядринцева въ 70-е и особенно въ 60-е годы: въ какихъ отношеніяхъ, напр., Ядринцевъ навсегда остался «типичнымъ шестидесятникомъ», что именно воспринялъ онъ отъ областниковъ-историковъ Костомарова и Щапова, въ какія именно отношенія сталъ онъ къ народничеству 70-хъ годовъ. Въ интересахъ будущаго біографа необходимо также указать на нѣкоторыя фактическія неточности, встрѣчающіяся у г. Лемке: Г. Н. Потанинъ пробылъ въ Свеаборгѣ не 3, а 5 лѣтъ, бывшій «сепаратистъ» Усовъ былъ не полковымъ командиромъ, а атаманомъ I отдѣла сибирскихъ казачьихъ войскъ. На стр. 165 авторъ говоритъ о всегдашней «воздержности» Ядринцева къ спиртнымъ напиткамъ до начала 90-хъ годовъ. Къ сожалѣнію, это не такъ: роковая страсть, погубившая Щапова, Омулевскаго и многихъ другихъ даровитыхъ сибиряковъ, и раньше не была чужда Ядринцеву, хотя никогда не парализовала его дѣятельности даже временно; она только расшатала его здоровье, испортила нервы и, вѣроятно, приблизила его столь преждевременную смерть... Г. Лемке совершенно вѣрно догадывается, что въ Омскѣ Ядринцевъ одновременно былъ домашнимъ учителемъ у Кузнецова и приходящимъ у Рыкачева (стр. 51). Изъ пропусковъ г. Лемке нужно отмѣтить неупоминаніе имъ о первомъ путешествіи Ядринцева въ Финляндію въ концѣ 70-хъ годовъ и о знакомствѣ тамъ съ мѣстными учеными, какъ Аспелинъ и др. Въ заключеніе также въ интересахъ будущаго біографа, дополняемъ иниціалы нѣкоторыхъ лицъ, упоминаемыхъ г. Лемке: Т—ръ (Тоннаръ), Э. (Эльснеръ), А—въ (Андреевъ, всѣ на стр. 15), бр. С—вы (Садовниковы, 29), И. Ф. С—въ (И. Ѳ. Соколовъ, 110), М—въ (Московъ, 107). Г. на стр. 14 на самомъ дѣлѣ Тимоѳей Васильевичъ Лукинъ. Первый историкъ Сибири Словцовъ на стр. 52 названъ Слѣпцовымъ. Въ общемъ, хорошо воспроизводя общественную, такъ сказать, парадную сторону дѣятельности Ядринцева, біографія недостаточно освѣщаетъ его личную, частную, интимную жизнь. Ядринцевъ не заурядный типъ полезнаго общественнаго дѣятеля, а личность необычайно сложная, почти геніальная, интересная сама по себѣ со всѣми ея заблужденіями, увлеченіями и ошибками. Книга (219 стр.) издана прекрасно, украшена 8 иллюстраціями (въ томъ числѣ 4 портрета Ядринцева), снабжена перечнемъ его работъ и псевдонимовъ и хорошимъ введеніемъ И. И. Попова, редактора-издателя «Вост. Об.», въ которомъ разъясняется все значеніе Ядринцева для Сибири. Чистый сборъ съ изданія предназначенъ для организаціи при «Обществѣ распространенія народнаго образованія въ Иркутской губ.» фонда на устройство школы имени Ядринцева въ одномъ изъ инородческихъ селеній. *П. Г.*

Академикъ А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія». Спб. 1904 г. Стр. 546. Цѣна 3 р. Бѣлинскій называлъ Жуковскаго «литературнымъ Колумбомъ Руси, открывшимъ ей Америку романтизма въ поэзіи». И самъ Жуковскій называлъ себя «родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма». Эти мнѣнія, высказанныя самимъ поэтомъ и величайшимъ русскимъ критикомъ, считаются общепризнанными, и ихъ можно встрѣтить въ большинствѣ трудовъ по исторіи русской литературы, не говоря уже объ учебныхъ руководствахъ. Но былъ ли самъ Жуковскій романтикомъ и если былъ, то въ какомъ смыслѣ, — этотъ вопросъ разрѣшается далеко не столь опредѣленно и согласно. Одни называютъ Жуковскаго просто поэтомъ-романтикомъ, не входя въ объясненія этого крайне неопредѣленнаго выраженія. Другіе называютъ Жуковскаго романтикомъ только въ духѣ нѣмецкаго

романтизма. Третьи идутъ еще дальше и подчеркиваютъ рѣзкую противоположность въ поэзіи и міросозерцаніи Жуковскаго, съ одной стороны, и представителей нѣмецкаго романтизма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—съ другой. Нѣкоторые готовы видѣть въ Жуковскомъ представителя особаго «русскаго», романтизма. Наконецъ, были даже попытки всю поэзію Жуковскаго вывести изъ стихотвореній Карамзина, тѣмъ болѣе, что Жуковскій въ теченіе всей своей жизни преклонялся передъ нимъ, какъ передъ идеаломъ гражданина и писателя. Такъ, напримѣръ, по заявленію покойнаго академика Жданова, «*вся* совокупность образовъ, мыслей, мотивовъ, любимыхъ Жуковскимъ, встрѣчается и у Карамзина».

По слѣдамъ Жданова идетъ и академикъ Веселовскій, который еще въ своей юбилейной рѣчи 1902 года заявилъ, что Жуковскій—«не романтикъ, а карамзинецъ», такъ какъ съ ранней молодости имъ «*навсегда* овладѣлъ карамзинскій сентиментализмъ». Развитію и доказательству этого взгляда и посвящена, главнымъ образомъ, книга академика Веселовскаго о Жуковскомъ. Въ то время, какъ Бѣлинскій называетъ Жуковскаго «по преимуществу романтикомъ», академикъ Веселовскій на протяженіи цѣлой книги доказываетъ, что «поэзія Жуковскаго—это поэзія сентименталиста карамзинской эпохи, проживщаго на островахъ блаженныхъ въ ожиданіи будущаго, которое осуществило бы идеалы его прошлаго» (стр. XI). «Жуковскаго—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своего труда—прозвали «нѣмцемъ», балладникомъ, романтикомъ, тогда какъ онъ не выходилъ изъ идей и представленій сентиментализма» (стр. 256). «Изъ сферы сентиментализма, — говорится дальше,—перешло къ Жуковскому пристрастіе къ мечтательности, загробнымъ образамъ и таинственной лунѣ и то настроеніе меланхоліи, которое онъ пытался превратить въ понятіе христіанской грусти» (стр. 465).

По мнѣнію академика Веселовскаго, такъ же далекъ Жуковскій отъ романтиковъ и въ своихъ общественныхъ взглядахъ. И здѣсь онъ прежде всего «гуманистъ сентиментальной эпохи», «человѣкъ сердца», считавшій общественный прогрессъ результатомъ личнаго усовершенствованія. И въ отношеніи къ народности и народной старинѣ Жуковскій остановился «въ преддверіи романтизма». И въ піэтизмѣ, которому отдался Жуковскій въ концѣ своей жизни, можно видѣть «печать чувствительности». И въ переводѣ «Одиссеи» Жуковскій вноситъ «свою сентиментальность и нравоучительность» «вмѣсто гомеровской простоты и естественности». Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ передъ нами не «романтикъ по преимуществу» и даже не просто романтикъ, а сентименталистъ, да еще «карамзинской эпохи».

Такое рѣзкое и безпощадное разрушеніе обычнаго, установившагося взгляда на Жуковскаго, какъ на романтика, объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ романтизмомъ академикъ Веселовскій разумѣетъ только «ту нѣмецкую литературную школу, которая... поспѣшила оправдать себя теоріей и назвала себя романтической», т.-е. ту школу, къ которой принадлежали братья Шлегели, Тикъ, Новалисъ, Гофманъ и др. Что же касается романтическихъ представленій и образовъ, «питавшихъ балладу», то въ нихъ академикъ Веселовскій видитъ не продуктъ романтической фантазіи», а «доромантизмъ на почвѣ чувствительности». Все это, по его мнѣнію, только «почва» и «преддверіе» романтизма, а не самый романтизмъ «съ его теоретической обоснованностью».

Съуживая такимъ образомъ пониманіе романтизма, а съ другой стороны, расширяя обычное представленіе сентиментализма, академикъ Веселовскій и самъ иногда нарушаетъ устанавливаемыя имъ границы между этими двумя близкими другъ къ другу литературными направленіями и сбивается на болѣе обычное и болѣе широкое употребленіе словъ романтизмъ и романтическій.

Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ считаетъ луну символомъ не романтической, а сентиментальной поэзіи, въ другомъ же мѣстѣ та же самая луна появляется на «романтическомъ ландшафтѣ» (сс. 37 и 350). Мечтательность считается элементомъ то сентиментализма, то романтизма (сс. 26 и 465). Даже болѣе. Иногда академикъ Веселовскій подводитъ Жуковскаго къ самымъ типичнымъ нѣмецкимъ романтикамъ, не говоря уже объ ихъ литературныхъ предшественникахъ. Какъ въ теоретически обоснованномъ романтизмѣ, такъ и у Жуковскаго авторъ разбираемаго труда находитъ отожествленіе религіи и поэзіи, поэзіи и жизни, тяготѣніе къ «невыразимому» и «неизреченному». Что касается переводовъ Жуковскаго, то тутъ, по мнѣнію академика Веселовскаго, «сравненіе съ романтиками подсказывается само собою». При желаніи сродство Жуковскаго съ романтиками могло бы быть подчеркнуто гораздо сильнѣе. Можно ли напримѣръ, отрицать въ поэзіи Жуковскаго присутствіе той «тоски по идеалу», того «томленія», которое Брандесъ считаетъ матерью романтической поэзіи?

И въ оцѣнкѣ историческаго значенія поэзіи Жуковскаго акад. Веселовскій рѣзко расходится съ обычными по этому вопросу взглядами. Для него Жуковскій не «литературный Колумбъ Руси» и даже не одинъ изъ представителей романтизма въ русской литературѣ, а единственный настоящій поэтъ эпохи нашей чувствительности» (с. 46). О непереходящемъ значеніи поэзіи Жуковскаго акад. Веселовскій также держится особаго мнѣнія. Пушкинъ, какъ извѣстно, пророчилъ, что «плѣнительная сладость» стиховъ Жуковскаго «пройдетъ вѣковъ завистливую даль». Бѣлинскій думалъ, что поэзія Жуковскаго «*всегда* будетъ краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка» въ эпоху юношескаго энтузіазма. Авторъ же новой книги о Жуковскомъ склоненъ думать, что «череда» такихъ поэтовъ прошла, потому что «молодость... стала отказываться отъ порывовъ въ область «неизреченнаго», стала искать поэзіи въ дѣйствительности, и не въ уединенной личности, а въ широкихъ движеніяхъ общественнаго организма» (с. 546).

Приведенныя мнѣнія, а равно и общая характеристика Жуковскаго, будутъ приняты только съ извѣстными оговорками и ограниченіями. Но какія бы поправки ни были сдѣланы въ этомъ отношеніи, книга акад. Веселовскаго по богатству собраннаго въ ней матеріала займетъ выдающееся мѣсто въ литературѣ о Жуковскомъ. Кромѣ печатныхъ матеріаловъ, авторъ этого капитальнаго труда воспользовался цѣлымъ рядомъ рукописныхъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, въ его распоряженіи были неизданныя письма Андрея и Александра Тургеневыхъ, дневникъ Александра Тургенева, письма Жуковскаго къ разнымъ лицамъ, между прочимъ, къ гр. Бенкендорфу послѣ осмотра пушкинскихъ бумагъ, письма-дневника, которыми обмѣнивались Жуковскій и М. А. Протасова, живя подъ одной кровлей, и нѣкоторыхъ другихъ. Изъ этого архивнаго матеріала извлечены очень важные факты для характеристики и біографіи Жуковскаго. Такъ, обыкновенно думаютъ, что М. А. Протасова была предметомъ первой любви поэта. На самомъ же дѣлѣ предметомъ перваго увлеченія Жуковскаго была его замужняя племянница Марья Николаевна Свѣчина, имя которой встрѣчается въ дневникахъ Жуковскаго и въ его интимной перепискѣ съ Андреемъ Тургеневымъ.

Тщательно собирая и групируя «мелкіе штрихи» и «мелкія черты» для характеристики Жуковскаго, какъ поэта чувства и «сердечнаго воображенія», академикъ Веселовскій въ то же время собралъ не мало такихъ штриховъ и для харктеристики лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ поэту. Онъ даже готовъ дать своему труду заглавіе: «Жуковскій и его друзья». Изъ этихъ лицъ особенно много удѣлено вниманія братьямъ Тургеневымъ, сестрамъ Протасовымъ и Воейкову. Что касается подбора біографическихъ мелочей, то въ

этомъ отношенiи можно указать кое-какiя недомолвки и неточности. Такъ, напримѣръ, на с.с. 68—69 приведено письмо Андрея Тургенева отъ 1802 г., гдѣ упоминается объ арестѣ Жуковскаго, но никакихъ разъясненiй этого факта не дается. Ссылаясь на «Записки» Смирновой, акад. Веселовскiй говоритъ, что Жуковскiй «встрѣчалъ у Гете Шлегеля» (с. 24). Но, во-первыхъ. Смирнова говоритъ объ обоихъ Шлегеляхъ, а не объ одномъ; а во-вторыхъ, изъ дневниковъ Жуковскаго ясно видно, что ни въ 1821 г., во время краткаго свиданiя съ Гете въ Iенѣ, ни въ 1827 г., во время частыхъ посѣщенiй Гете въ Веймарѣ, Жуковскiй не встрѣтилъ тамъ ни одного изъ братьевъ Шлегелей. Первое сватовство Жуковскаго къ М. А. Протасовой акад. Веселовскiи склоненъ отнести къ 1811 г. На основанiи же письма ея матери, опубликованнаго впрочемъ уже по выходѣ въ свѣтъ книги акад. Веселовскаго, можно думать, что это сватовство было на пять лѣтъ раньше. Неудача, постигшая Жуковскаго, и была, по всей вѣроятности, тѣмъ неяснымъ для акад. Веселовскаго, (с. 111), обстоятельствомъ, которое заставило поэта писать въ 1806 г. Александру Тургеневу о необходимости искать счастья въ одной только дружбѣ. Никакого сына у М. А. Мойеръ не было, вопреки показанiю акад. Веселовскаго (с. 225), а была одна дочь Екатерина, которая на первыхъ порахъ въ родственной перепискѣ называлась Андрюшкой, потому что родители желали имѣть сына Андрея. На с. 460 говорится о сотрудничествѣ Александра Тургенева съ какимъ-то «докторомъ Газе», тогда какъ это былъ хорошо извѣстный Ѳ. П. Гаазъ. Сводная сестра Жуковскаго, Протасова, сыгравшая выдающуюся роль въ его личной судьбѣ, названа Екатериной Семеновной (надо Аѳанасьевной). Отношенiя Языкова къ Воейковой могли бы быть изображены точнѣе на основанiи очерка г. Шенрока, напечатаннаго въ послѣднихъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за 1897 г. Годъ рожденiя жены Жуковскаго указанъ невѣрно (с. 286). Здѣсь, по всей вѣроятности, опечатка. Опечатокъ, вообще, въ книгѣ акад. Веселовскаго не мало, особенно въ годахъ и инициалахъ.

Къ числу мелкихъ недостатковъ книги надо отнести и отсутствiе указателя, который былъ бы особенно умѣстенъ въ концѣ сочиненiя, наполненнаго именами друзей Жуковскаго и лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновенiе въ Россiи и за границей. *С. Ашевскiй.*

ИСТОРIЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Кизеветтеръ. „Посадскiя общины". *А. Дживелеговъ.* „Торговля на Западѣ въ средние вѣка".

А. А. Кизеветтеръ. Посадская община въ Россiи XVIII столѣтiя. М. 1904 г. in 8-vo. Стр. VI+810. Ц. 5 руб. Книга г. Кизеветтера представляетъ собою диссертацiю на степень магистра русской исторiи. И по объему, и по прiемамъ изслѣдованiя она мало или даже вовсе недоступна для чтенiя большой публикѣ; основная тема книги, наоборотъ, представляетъ широкiй общественный интересъ, являясь въ то же время очередной въ нашей исторической литературѣ. Широкiй горизонтъ автора, чрезвычайное обилiе новаго, пущеннаго имъ въ научный оборотъ, архивнаго матерiала обезпечиваютъ книги очень прочное и опредѣленное въ русской исторiографiи положенiе. Не даромъ же г. Кизеветтеръ въ «Рѣчи передъ диспутомъ» (стр. 157—163 первой книгѣ «Русской Мысли» за 1904 годъ) взялся очертить это положенiе своей книги, посвященной изученiю фактическаго состоянiя русскаго города въ XVIII столѣтiи и способной вовлечь современнаго русскаго обывателя въ мечты о необходимости широкаго развитiя у насъ началъ истинной общественной само-

стоятельности... Авторъ изучаетъ посадскую общину въ Россіи XVIII столѣтія за время, протекшее между двумя крупными реформами городского устройства: учрежденіемъ петровскихъ магистратовъ и введеніемъ городового положенія императрицы Екатерины Второй,—онъ выясняетъ «тѣ реальныя условія, въ которыхъ протекала фактически жизнь городской общины того времени и которыя могутъ быть изучены только на основаніи еще неизданнаго архивнаго матеріала». То было время тяжкаго «столкновенія глубоко архаическихъ корней городской жизни» съ недостаточно продуманными законодательными опытами, шедшими съ верху, со стороны попечительнаго правительства, и стремившимися достигнуть извѣстныхъ результатовъ несоотвѣтственными послѣднимъ средствами. Одно дѣло было провозгласить новыя муниципальныя начала путемъ новыхъ законоположеній и другое—приспособить ихъ къ данной соціальной средѣ и къ разлагавшейся обстановкѣ. Въ XVIII столѣтіи прогрессивный законодательный пылъ попадалъ въ неподходящую для него архаическую трясину: это болѣе чѣмъ отлично устанавливается ядовитыми матеріалами г. Кизеветтера. Не будетъ ли правильнымъ затѣмъ утверждать, что реакціонный духъ законодателя болѣе поздней эпохи нѣсколько поотсталъ отъ истинныхъ интересовъ переродившейся соціальной среды и отдавалъ печальнымъ наслѣдіемъ отжившей страны, археологическимъ курьезомъ среди рвущейся къ свѣту жизни новѣйшихъ поколѣній? Драматизмъ новой русской исторіи въ томъ и заключаемся, что созидательный прицѣлъ законодателя постоянно направляется или выше или ниже состоянія общества въ каждую данную минуту, и ему не удалось создать того чувствительнаго механизма, путемъ котораго можно было бы попадать куда слѣдуетъ. Если, по словамъ одного новѣйшаго историка, когда-то «цѣною разоренія страны Россія возводилась въ рангъ великой европейской державы», то куда, позволительно спросить, могутъ завести ее археологическіе эксперименты «времянъ недавнихъ»? На этотъ послѣдній вопросъ книга г. Кизеветтера отвѣчать не можетъ, но она подготовляетъ надлежащую почву для его постановки въ будущихъ трудахъ новѣйшихъ историковъ, которые, къ слову сказать, будутъ поставлены лучше, чѣмъ нашъ авторъ: реальныя условія соціальнаго и хозяйственнаго быта московскаго города еще не имѣютъ своего историка въ стилѣ г. Кизеветтера, который поэтому и не былъ въ состояніи исчерпывающимъ образомъ намѣтить связь всѣхъ явленій посадской жизни XVIII столѣтія съ таковымъ же въ эпоху московскаго государства.

Соціальный составъ посадскихъ общинъ XVIII столѣтія изученъ въ *первой* части изслѣдованія г. Кизеветтера. Эта *первая* часть—«Посадское населеніе XVIII столѣтія» (стр. 1—169)—состоитъ изъ трехъ главъ, послѣдовательно обрисовывающихъ основанія устройства посадскихъ обществъ и принадлежность къ посадскому состоянію, численность посадскаго населенія и соціальный составъ посадскихъ общинъ. Посадъ и въ XVIII вѣкѣ оставался такой же тяглой торгово-промышленной общиной, какой онъ былъ въ московскій періодъ; всякія перемѣны въ личномъ составѣ этой общины, не запертой наглухо, были подчинены стѣснительной со стороны правительства регламентаціи, въ основѣ которой лежала забота о тяглоспособности общины. Изучивъ эти перемѣны—притокъ въ посадское состояніе стороннихъ элементовъ, выходъ посадскихъ людей въ другіе общественные разряды, перемѣщеніе посадскаго населенія изъ одного посада въ другой,—авторъ приходитъ къ не совсѣмъ опредѣленному положенію, что «принадлежность къ посадскому состоянію опредѣлялась двумя главными основаніями, иногда взаимно пересѣкавшимися: наслѣдственностью посадскаго состоянія и торгово-промышленнымъ характеромъ посадскаго тягла». Не отличаясь обильной населенностью, посадскія общины XVIII столѣтія даютъ, по словамъ автора, картину довольно рѣзкой обществен-

ной дифференціаціи. Многочисленная масса чернорабочаго и ремесленнаго (цеховые) населенія и надъ нею небольшая, сравнительно, группа торгующихъ купцовъ трехъ гильдій (срв. московскія «статьи»), причемъ чѣмъ выше гильдія, тѣмъ малочисленнѣе составляющій ее контингентъ,—такова обычная бытовая физіономія посадской общины за время существованія магистратовъ и догородового положенія Екатерины II. «Типичная посадская община этой эпохи,—картинно выражается г. Кизеветтеръ,—небольшая пирамидка съ широкимъ основаніемъ въ видѣ «подлаго» гражданства и съ очень тонкой верхушкой въ видѣ малочисленной группы первогильдейскаго купечества».

Состояніе городской общины со стороны возложеннаго на нее государственнаго тягла изучено авторомъ во второй и третьей частяхъ изслѣдованія. Посадское тягло состояло изъ службъ и податныхъ платежей. *Вторая* часть книги посвящена такимъ образомъ «посадскимъ службамъ въ XVIII столѣтіи» (стр. 170—366) и *третья*—«посадскимъ платежамъ въ XVIII столѣтіи» (стр. 367—617). Отбываніе и службъ, и платежей было организовано на началѣ круговой поруки. Авторъ опредѣляетъ въ особой главѣ общій составъ посадскихъ службъ XVIII стол. (казенныхъ и гражданскихъ), посвящая затѣмъ по отдѣльной главѣ на описаніе службъ мѣстныхъ, уѣздныхъ и отъѣзжихъ, на характеристику ихъ мірской раскладки и участія посадскихъ людей въ общихъ повинностяхъ. Наиболѣе тяжелымъ бременемъ на посадскихъ людей и на цѣлыя посадскія общины ложились службы, сопряженныя съ обязательнымъ отъѣздомъ посадскихъ людей изъ своего посада. Возникаетъ вопросъ о томъ, какъ же распредѣлить уѣздныя службы между посадскими людьми и уѣздными крестьянами? Законъ допускалъ участіе уѣздныхъ крестьянъ въ несеніи названныхъ службъ въ случаѣ малонаселенности посадскихъ обществъ даннаго района, но онъ не опредѣлялъ степени этой малонаселенности. Отсюда возникали излишнія тягости то посадскимъ, то уѣзднымъ обществамъ; открывался широкій просторъ для «усмотрѣнія» или же тоже для произвола мѣстныхъ властей. Не заинтересованы были эти мѣстныя власти и въ томъ, чтобы примѣнить на практикѣ установленное закономъ ограниченіе отъѣзжихъ службъ посадскихъ людей предѣлами губерніи: изъ посадовъ разныхъ губерній посылались на службы и въ Петербургъ, и въ Нижній-Новгородъ. При отправленіи этихъ далекихъ командировокъ, пишетъ г. Кизеветтеръ, посадскій человѣкъ XVIII ст., можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ, чувствовалъ себя «служилымъ» человѣкомъ, личность, имущество и время котораго находилось въ полномъ распоряженіи администраціи; тяглый характеръ посадскаго существованія вообще страшно вредилъ свободному развитію посадской торгово-промышленной дѣятельности. Отбывались посадскія службы мірскими очередями, а эти послѣднія устанавливались на *мірскихъ сходахъ*. Количественно большую служебную тягость несли низшіе разряды посадскаго населенія, а качественно—первостатейные люди, которые избирались къ наиболѣе важнымъ службамъ, сопряженнымъ съ наиболѣе тяжелой финансовой отвѣтственностью. Но посадскіе люди XVIII ст. не только служили много, но и черезчуръ много платили: государство вызазывало изъ нихъ рѣшительно все, что только можно было взять. Третья часть книги г. Кизеветтера и посвящена, какъ видно изъ предыдущаго, любопытнѣйшему анализу посадскихъ платежей XVIII ст. и выясненію тѣхъ результатовъ, какіе оказывали на мѣстныя общества условія ихъ взиманія и раскладки: составъ и состояніе посадскихъ платежей до введенія подушной подати, составъ ихъ во время существованія подушной подати съ посадовъ, состояніе подушнаго сбора съ посадовъ за 1724—1775 гг., состояніе таможенныхъ, канцелярскихъ и кабацкихъ сборовъ за тѣ же годы, сборы и расходы «на мірскія нужды» и, наконецъ, общинная раскладка посадскихъ—платежей вотъ тѣ высокаго интереса

темы, которыя здѣсь затронуты авторомъ съ знаніемъ дѣла и съ умѣньемъ выдвинуть на первый планъ живую, практическую сторону вопроса; это подчеркиваніе живой, практической стороны дѣлаетъ всю третью часть книги г. Кизеветтера цѣнной и любопытной для очень многихъ, особенно для тѣхъ, кто еще не привыкъ знакомиться съ прошлымъ исключительно или прежде всего для сознательнаго существованія въ современности, для того, чтобы черпать изъ этого прошлаго надлежащій вкусъ къ работѣ въ интересахъ будущихъ поколѣній и безсознательно не вести всю жизнь одно хищническое хозяйство. Уже а priori можно было бы судить о тягостяхъ посадскаго обложенія въ XVIII ст., но не въ этомъ выводѣ главный интересъ; гораздо важнѣе уяснить себѣ происхожденіе и живучесть этой тяготы, картинно отмѣтить тѣ слѣды, которые оставались отъ подобной тяготы на всемъ жизненномъ складѣ городскихъ обществъ, чуждыхъ сколько-нибудь рѣшительныхъ порывовъ къ созданію культурности и развитію началъ общественной свободы. Развѣ могло хозяйство любой общины идти нормально, разъ въ началѣ финансоваго года нельзя было напередъ знать, какое именно платежное бремя предстоитъ ей выдержать за тотъ годъ? Такъ называемые «запросные» (чрезвычайные) сборы были истинной грозой элементарной производительности посадскаго труда. Правительство вводитъ подушную подать оно обѣщаетъ при этомъ уничтожить всѣ другіе прямые сборы. И что же получается въ дѣйствительности? — Быстрое развитіе недоимочности посадскихъ обществъ. Обѣщали порядокъ, мечталось облегченіе, а на самомъ дѣлѣ хоть были отъ новой разорительности обложенія. Подушную подать пришлось выплачивать одновременно съ другими прямыми сборами; ихъ не отмѣнили, обѣщаніе законодателя *не* было исполнено, и выясненіе этого обстоятельства съ подлежащею силой—большая заслуга г. Кизеветтера. Откупною системою правительство вводило въ управленіе косвенными сборами (таможенные, кабацкіе, канцелярскіе) элементъ спекуляціи, что на мірской кассѣ должно было отражаться столь же невыгодно, какъ и на государственной. Высокіе сами по себѣ оклады косвенныхъ сборовъ вздувались откупщиковыми налогами, которыя становились безусловно обязательными для общины и по минованіи окупа. Правительство не имѣло въ этомъ случаѣ достаточно вѣрныхъ свѣдѣній о платежной способности населенія, ибо матеріальная система финансоваго управленія должна была вырисовывать въ корнѣ фальшивую картину степени налогоспособности. Да государство и не заботилось о вѣрности картины, вѣрность эта была ему ему ненужна, оно стремилось взять съ населенія столько, сколько ему, государству, было необходимо. А кому какое дѣло было до налогоспособности населенія; коли послѣднее не доплачиваетъ, значитъ больше виновата злая воля, нежеланіе платить, стремленіе избыть тяготы. Но груда челобитныхъ о сбавкѣ подушнаго оклада, развѣ не живой свидѣтель того, какъ долго, вѣрно, неуклонно истощался финансовый организмъ всего «подлаго» гражданства? Два - три замѣчанія о мірскихъ платежахъ на покрытіе посадскаго общиннаго хозяйства могутъ съ успѣхомъ завершить наши впечатлѣнія объ отношеніяхъ тогдашняго посадскаго міра къ форсированному маршу государства въ глубь мірского кармана. Главнымъ источникомъ пополненія мірской кассы были, по словамъ автора, вотивируемые сходами спеціальные мірскіе сборы. Къ мѣстному же обложенію возможно было прибѣгать лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, «отнюдь не отваживаясь на осуществленіе той широкой программы подъема городской культуры, которая была набросана въ регламентѣ главному министру». Статьи расходнаго бюджета мірской посадской кассы не отличались сложностью и разнообразіемъ; главную массу расходовъ составляли такъ называемыя «указныя» или по современной терминологіи обязательныя назначенія, иногда вовсе не имѣвшія никакого отношенія къ мѣстнымъ нуждамъ посадскаго общества. Составъ расходнаго бюд-

жета можетъ недурно характеризовать бытовую обстановку посадской общины, влачившей невыносимое существованіе между Сциллой собственной некультурности и Харибдой тяжкой административной опеки, давившей всякій проблескъ общественныхъ начинаній. То было въ XVIII ст. чисто русское самоуправленіе безъ общественной воли, безъ правленія общественной иниціативы, прежде всего въ интересахъ осуществленія фискальныхъ задачъ и интересовъ. Обыватель изъ кожи лѣзъ вонъ, отбывая службы и платежи, но онъ даромъ кипѣлъ въ котлѣ: ни на самомъ себѣ, ни на окружающихъ онъ не видѣлъ плодовъ своихъ безконечныхъ страстей. Тяглое положеніе посадской общины и возложенная на нее круговая порука по отбыванію казенныхъ службъ и податей не содѣйствовали развитію производитеньности труда, успѣхамъ хозяйственности среди посадскихъ міровъ Россіи XVIII столѣтія. Элементы тяжелой зависимости создались и внутри міра. И всѣ прямые налоги, и всѣ недоборы по окладамъ косвенныхъ раскладывались обыкновенно на всю общину по обычнымъ пріемамъ мірского развода платежей по пожиткамъ. Создалась отвѣтственность первостатейныхъ людей за платежную способность всей общины, а стало быть фактическая зависимость всей общины отъ этихъ первостатейныхъ людей въ различныхъ сферахъ посадско-общинной жизни. Здѣсь въ прямой связи съ организаціей посадскаго тягла вскрываетъ г. Кизеветтеръ рѣзко выраженную олигархическую окраску въ строѣ посадскаго мірского самоуправленія.

Четвертой и послѣдней части разбираемаго труда, трактующей «посадское самоуправленіе въ XVIII столѣтіи» (стр. 618—195) мы склонны придавать большое значеніе и полагаемъ, что когда-нибудь въ переработанномъ видѣ авторъ выпуститъ ее въ свѣтъ отдѣльно: она найдетъ себѣ громадный кругъ читателей, нынѣ нѣсколько затеривалось въ громадной книгѣ. Изученіе городской общины XVIII столѣтія со стороны развившагося въ ея рамкахъ общественнаго самоуправленія—тема, несомнѣнно, способная подавить читателя своей крупной ролью въ нашей наукѣ; ея разработка представляется намъ крупною научной заслугой г. Кизеветтера. Эта четвертая часть разбираемой книги состоитъ всего изъ двухъ главъ, охватывающихъ посадскіе сходы XVIII вѣка» (общепосадскій мірскій сходъ) и «выборы магистратскихъ» членовъ на посадскихъ сходахъ». По справедливому замѣчанію автора, общепосадскому мірскому сходу предоставлялось не мало правъ, совокупность которыхъ могла бы составить «надежную опору истиннаго самоуправленія». Но въ законѣ не было рѣшительно никакихъ гарантій для того, чтобы права сходовъ осуществлялись на практикѣ. Русская практика всегда была такой, что она умаляла права населенія вопреки закону и вопреки же закону расширяла права государства. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, едва ли стоитъ повторять давно избитую фразу о томъ, что всякое право превращается въ пустой звукъ, разъ нѣтъ надежныхъ гарантій для его практическаго воплощенія. Мы не будемъ болѣе останавливаться на изложеніи содержанія книги г. Кизеветтера, которая представляетъ собой цѣнный матеріалъ для изученія, и позволимъ себѣ закончить нашъ отзывъ тѣмъ общимъ положеніемъ автора, которое выводитъ насъ на дорогу къ реформѣ 1775—1785 гг. Тяглый крѣпостной характеръ посадской общины XVIII столѣтія, отразившійся и на строѣ посадскаго мірского хозяйства, и на строѣ посадскаго мірского самоуправленія, къ концу третьей четверти XVIII вѣка медленно, но постепенно шелъ на убыль. Замѣна вѣрныхъ службъ откупной системой взиманія косвенныхъ сборовъ сильно урѣзала размѣры посадскихъ службъ и видоизмѣнила ихъ господствующій характеръ: вмѣсто службъ у сборовъ теперь выступили на первый планъ службы по мѣстному мірскому управленію. Отмѣна внутреннихъ таможенъ и большей части канцелярскихъ сборовъ и, наконецъ, снятіе съ посадскихъ обществъ подушнаго налога разрушили въ самыхъ основаніяхъ прежнюю си-

стему посадско-общиннаго тягла, построенную на началѣ круговой поруки. Съ тѣмъ вмѣстѣ устранялась необходимость поддерживать законодательнымъ порядкомъ какъ выдѣленіе посадскихъ тяглецовъ въ особую замкнутую общину изъ среды прочаго городского населенія, такъ и олигархическій характеръ муниципальнаго устройства. Всѣ эти условія и нашли себѣ выраженіе въ реформѣ муниципальнаго быта, осуществленной въ 1775—1785 годахъ.

В. Сторожевъ.

А. К. Дживелеговъ. Торговля на Западѣ въ средніе вѣка (изъ коллекціи «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ», подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). Издан. Акціон. Общ., Брокгаузъ - Ефронъ Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Стр. 223. Недавно вышедшая въ свѣтъ научно-популярная книжка московскаго историка А. К. Дживелегова «Торговля на Западѣ въ средніе вѣка», входящая въ составъ той же исторической серіи изданій Брокгаузъ-Ефрона, какъ и болѣе ранніе очерки автора о средневѣковыхъ городахъ, является вполнѣ своевременнымъ и полезнымъ, тѣмъ болѣе, что знакомство съ торгово-промышленной жизнью среднихъ вѣковъ, послужившей краеугольнымъ камнемъ для экономическаго строя новой Европы, необходимо всякому, кто хочетъ понять соціально-экономическія отношенія въ періодъ новой исторіи и современности. Съ этой точки зрѣнія книжка г. Дживелегова получаетъ, конечно, живой интересъ для большой публики. Обратимся къ содержанію. Она раздѣляется на 6 очерковъ: 1) введеніе: торговля въ Римской имперіи и Византіи; 2) торговля въ раннее средневѣковье; 3) хозяйственный переворотъ и его ближайшіе результаты; 4) организація средневѣковой торговли въ ея цвѣтущій періодъ; 5) торговые центры въ концѣ среднихъ вѣковъ; 6) заключеніе: географическія открытія конца XV вѣка и ихъ вліяніе.

Довольно обширное, сравнительно съ размѣрами книжки, введеніе даетъ хорошую характеристику торговли въ періодъ расцвѣта и упадка Римской имперіи, носившей уже замѣтный отпечатокъ міровой торговли, связывавшей столицу имперіи—Римъ—съ отдаленными окраинами Запада и Востока, Сѣвера и Юга. Нарисовавъ картину пышнаго расцвѣта торговли въ I—II вв. по Р. Х., г. Дживелеговъ отмѣчаетъ затѣмъ зародыши разложенія, какіе въ немъ уже заключались, и неглубокое народно-хозяйственное значеніе этой широко раскинувшейся торговли: роскошь господствующихъ классовъ, истощеніе денежныхъ рессурсовъ и въ связи съ этимъ—порчу и пониженіе цѣнности монетъ и усиліе фискальнаго гнета. Приходится пожалѣть, что авторъ совсѣмъ не коснулся при этомъ разоренія и исчезновенія среднихъ классовъ римскаго общества, что сыграло крупную роль въ соціально-экономическомъ крахѣ и послѣдующемъ паденіи имперіи. Далѣе отмѣчается торговый ростъ Византіи (VI—VII вв.), къ которой перешла роль владычицы средиземно-морской торговли. Авторъ не останавливается на подробностяхъ въ виду того, что экономической исторіи римской имперіи будетъ посвящена особая книжка въ той же коллекціи; тѣмъ болѣе тотъ длинный перечень предметовъ торговли, который онъ приводитъ (стр. 46), по нашему мнѣнію, безъ ущерба можно бы урѣзать: все равно читатель не въ состояніи его запомнить. Этотъ же недостатокъ замѣчается и въ другихъ главахъ (напр., стр. 36, 151).

Переходимъ къ главамъ, касающимся исторіи средневѣковой торговли. Первая изъ нихъ посвящена анализу торговли въ раннее средневѣковье. Основнымъ характеромъ экономическаго строя, какъ показываетъ авторъ, является тогда господство натуральнаго хозяйства у варваровъ, завладѣвшихъ землями имперіи; въ силу этого хотя «торговая удержалась, но то была лишь тѣнь прежней торговой дѣятельности: теперь Европа играла совершенно пассивную роль»... (стр. 18). «Еще разъ оправдалось то положеніе, что первоначальная торговля—служанка роскоши: дворы королей, герцоговъ, церковныхъ князей и крупныхъ

бароновъ являлись главными потребителями тѣхъ товаровъ, для доставки которыхъ работали караваны въ Средней Азіи и корабли въ Индійскомъ океанѣ и Каспійскомъ морѣ» (тамъ же). Отмѣтивъ этотъ «экзотическій» характеръ торговли ранняго средневѣковья, г. Дживелеговъ послѣдовательно раскрываетъ роль ея посредниковъ—сирійскихъ и особенно еврейскихъ купцовъ, которые «въ ту эпоху всеобщей дезорганизаціи едва ли не одни сохранили сознаніе солидарности» (стр. 19), захватили въ свои руки всю восточную торговлю и, несмотря на преслѣдованія, сильные своей энергіей и капиталами, являлись сверхъ того единственными въ ту эпоху банкирами въ Европѣ, а впослѣдствіи и ловкими дипломатами. Роль евреевъ удачно очерчена авторомъ.

Вполнѣ справедливо г. Дживелеговъ обращаетъ большое вниманіе на энергичную экономическую политику Карла Великаго; читая страницы, посвященныя этому вопросу (24 — 30), удивляешься многочисленнымъ мѣропріятіямъ и грандіознымъ замысламъ геніальнаго императора. Личность его, если не ошибаемся, почти неизвѣстна съ этой стороны читающей публикѣ. Но напряженныя усилія Карла Великаго въ этой области, какъ и въ другихъ, оказались слишкомъ не по плечу тогдашнему обществу, которое «жило еще натурально-хозяйственнымъ строемъ». Послѣ Карла Великаго торговля, конечно, не заглохла, но сильно сократилась. Авторъ и переходитъ затѣмъ къ выясненію значенія главныхъ носителей торговли IX—XI вѣкахъ: итальянскихъ городовъ (Амальфи и Венеціи) и представителей сѣвернаго пути (норманновъ, руси и арабовъ). Интересна важная (хотя и кратковременная) роль г. Амальфи, морскіе законы котораго (Tabula Amalfitana) «сдѣлались торговымъ правомъ чуть ли не всего побережья Средиземнаго моря» (стр. 33). Въ эту же пору крѣпла торговая мощь Венеціи, которой потомъ до конца средневѣковья суждено было играть выдающуюся роль. Слѣдуетъ отмѣтить и все усиливающееся значеніе шерстяной промышленности, служившей важнымъ предметомъ торговли, и металловъ, которые, подобно сырой шерсти, вывозились изъ Англіи.

Далѣе авторъ переходитъ къ положенію купцовъ и рынковъ въ данный періодъ. Основными фактами является: 1) отсутствіе фиксированнаго купеческаго сословія вездѣ, кромѣ Фландріи; 2) сосредоточеніе крупной торговли въ рукахъ евреевъ и 3) важная роль торговыхъ льготъ для евреевъ, послужившихъ образцомъ для позднѣйшихъ купеческихъ привилегій. Важно отмѣтить еще одно обстоятельство, которое справедливо подчеркиваетъ авторъ: «не было случайностью, что купцы, торгующіе за границею, были свободными людьми. Крѣпостное состояніе не давало необходимой для торговыхъ экскурсій самостоятельности... Несвобода должна была пасть, и свободное состояніе сдѣлалось неотъемлимымъ титуломъ купеческой профессіи» (стр. 45). «Гражданская свобода зарождается подъ эгидою торговли», говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Дживелеговъ (стр. 97). Этотъ фактъ имѣлъ огромное значеніе въ дальнѣйшей исторіи городовъ и вообще политическаго и соціальнаго строя Западной Европы, способствуя разложенію гнетущаго феодальнаго режима, постепенному высвобожденію личности въ рамкахъ болѣе прогрессивныхъ общественно-политическихъ условій и развитію третьяго сословія. Далѣе авторъ описываетъ состояніе рынковъ, указывая на ихъ немногочисленность и въ то же время на необыкновенное изобиліе торговыхъ и рыночныхъ пошлинъ, которыя тяжелымъ гнетомъ ложились на торговлю. Въ заключеніе онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) роль торговли въ VIII—XI вѣкахъ была очевь невелика и «натуральное хозяйство продолжало быть господствующей формою экономической организаціи»; 2) вообще, уровень экономическаго развитія континентальной Европы въ концѣ IX вѣка понизился даже по сравненію съ VI вѣкомъ и этотъ упадокъ продолжался до конца XI-го», когда начинается крупный хозяйственный переворотъ (стр. 51—52).

Во II-ой главѣ рѣчь о немъ и идетъ. Основною чертой этого переворота г. Дживелеговъ считаетъ постепенное вытѣсненіе самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства денежно-мѣновымъ, на принципѣ широкаго обмѣна; въ связи съ этимъ—сильный ростъ торговли, рынковъ и ярмарокъ, сословная дифференціація въ феодальныхъ помѣстьяхъ, помогавшая развитію купеческаго и ремесленнаго классовъ (стр. 53—58). Изъ внѣшнихъ событій справедливо отмѣчено крупное значеніе крестовыхъ походовъ. Наиболѣе общей причиной хозяйственнаго переворота г. Дживелеговъ считаетъ *ростъ народонаселенія* (стр. 54), становясь, повидимому, на точку зрѣнія М. М. Ковалевскаго (см. его «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства» и «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ»); на нашъ взглядъ, такое мнѣніе одностороннe; упускается изъ виду другой не менѣе важный факторъ экономической эволюціи—*развитіе и ростъ потребностей*, который изъ роста населенія никакъ нельзя вывести. А между тѣмъ появленіе и ростъ многихъ отраслей промышленности только и можно объяснить нарожденіемъ новыхъ потребностей, большею утонченностью вкуса. Этотъ факторъ игралъ важную роль и въ разложеніи феодальнаго хозяйства. Самъ же авторъ приводитъ примѣры (стр. 67) выдѣлки, на ряду съ грубыми сортами шерстяныхъ матерій—болѣе высокихъ сортовъ «удовлетворяющихъ спросу со стороны богачей», а это только и можно объяснить развитіемъ вкуса. Кромѣ того, названіе «хозяйственный переворотъ» въ примѣненіи къ медленной, длившейся цѣлыми вѣками (XII—XIV) *), экономической эволюціи намъ представляется неудачнымъ. Далѣе авторъ подробно характеризуетъ ростъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, главнымъ образомъ во Фландріи и Италіи, и торговлю преимущественно итальянскихъ республикъ.

Обращаемся теперь къ наиболѣе важнымъ главамъ (III и IV), занимающимъ болѣе половины книжки. Въ III-й главѣ авторъ даетъ обстоятельный и хорошій очеркъ организаціи средневѣковой торговли въ ея цвѣтущій періодъ (XII—XIV в.); тутъ читатель найдетъ интересное описаніе средневѣковыхъ рынковъ (85—86), живую картину средневѣковыхъ ярмарокъ, особенно шампанскихъ (стр. 91—92), служившихъ центромъ торговли и денежныхъ операцій въ тогдашней Европѣ; здѣсь же авторъ дастъ характеристику купцовъ и тяжелыхъ условій ихъ дѣятельности, торговой политики Ганзы, денежныхъ условій ихъ дѣятельности, денежныхъ и кредитныхъ операцій, широко развившихся за это время. Слѣдуетъ отмѣтить нарожденіе именно въ эту эпоху европейскаго купечества, какъ цѣлаго класса, вытѣснившаго изъ сферы крупной торговли евреевъ; впрочемъ, до XIV в. крупныхъ купцовъ было еще немного. Въ виду разныхъ опасностей и тяжелыхъ пошлинъ, отъ которыхъ страдала торговля, и зародилась идея особеннаго мира, охранявшаго купцовъ именемъ короля, который сыгралъ огромную роль въ эволюціи права и свободныхъ учрежденій городовъ. На территоріи отдѣльныхъ городовъ «выростаетъ цѣлая торговая политика, которую съ полнымъ правомъ считаютъ прототипомъ меркантилизма и протекціонизма»; но вскорѣ является сознаніе ея вреда, и заключаются *междугородскіе* торговые трактаты—прототипы *международныхъ* торговыхъ договоровъ новаго времени (стр. 109 и сл.). Подробно авторъ характеризуетъ купеческіе союзы и гильдіи, и особенно могущественныя ганзы, пышно расцвѣтшія во Фландріи и Германіи (вспомнимъ ганзейскую контору въ Новгородѣ). Вообще эпоха отъ XIII—XV вв. отмѣчена оживленнымъ ростомъ торговыхъ и промышленныхъ союзовъ и товариществъ: въ XV в. въ горномъ дѣлѣ возникаютъ даже цѣлые *синдикаты* (стр. 133). Капиталы все растутъ и концентрируются. Развивающаяся ускореннымъ темпомъ про-

*) Какъ отмѣчаетъ и г. Дживелеговъ (стр. 53).

мышленность и торговля, естественно, усилили спросъ на деньги, ихъ было недостаточно, отсюда—широкое развитіе кредита, особенно съ конца XIII в. Въ книжкѣ А. К. Джевелегова читатель найдетъ подробныя свѣдѣнія о средневѣковомъ кредитѣ, банкирскихъ домахъ и общественныхъ банкахъ; читая эти страницы, чувствуешь уже какъ бы біеніе пульса экономической жизни новаго времени...

Послѣдняя глава посвящена описанію торговыхъ центровъ конца средневѣковья. На первомъ мѣстѣ авторъ ставитъ Венецію, истинную владычицу морей, имѣющую торговыя конторы во всѣхъ главныхъ портахъ Востока и болѣе 3.000 судовъ! Г. Джевелеговъ отмѣчаетъ и успѣхи венеціанской промышленности (шелковой и стеклянной) и приводитъ строгія постановленія, касающіяся стекольнаго производства и грозящія *смертью* тому мастеру, который перенесетъ свое искусство въ другое мѣсто (стр. 150). Такова была одна изъ мѣръ «покровительства отечественной промышленности!» Соперница Венеціи Генуя оставила прочный слѣдъ въ торговой эволюціи Европы, выработавъ особый типъ торговаго товарищества (комменду) и публичный банкъ.

Отмѣтимъ еще нѣсколько фактовъ, имѣющихъ общее значеніе. Любопытна роль Флоренціи, которая, начиная съ XIII в., служитъ резиденціей банкирскихъ домовъ par excellence: фирмы эти играли крупную роль и въ политикѣ, какъ кредиторы папъ и королей: недаромъ Бонифацій VIII называлъ ихъ «пятой стихіей». Стоитъ указать еще на торговую политику Людовика XI, этого «короля-буржуа», съ которымъ, по удачному выраженію автора, «Франція вступаетъ въ полосу меркантильной системы» (стр. 172—177); далѣе—на появленіе торговой биржи въ Антверпенѣ и денежной въ Ліонѣ, начало роста шерстяной промышленности въ Англіи, ставшей залогомъ ея будущаго торговаго могущества и т. д. Вообще эта глава наиболѣе богата и интересна. Въ краткомъ заключеніи авторъ отмѣчаетъ роль географическихъ открытій конца XV в., вызвавшихъ перемѣщеніе торговыхъ центровъ, но это ужъ относится къ исторіи новаго времени.

Какъ видитъ читатель, книжка г. Джевелегова богата содержаніемъ и заключаетъ въ себѣ много важныхъ свѣдѣній для знакомства съ исторіей торговли и промышленности въ средневѣковой Европѣ, свѣдѣній, въ общемъ правильно освѣщенныхъ согласно выводамъ современной науки; но, надо сознаться, она не даетъ ясной, рельефной и стройной *картины* торгово-промышленной жизни средневѣковья: читатель не-спеціалистъ рискуетъ запутаться въ массѣ излишнихъ деталей (таково, напр., перечисленіе оружейныхъ фабрикъ—стр. 79, торговыхъ венеціанскихъ конторъ—151, отдѣленій банка Перуцци—162 и т. п.), и кромѣ того — это мертвитъ изложеніе и дѣлаетъ его сухимъ. На нашъ взглядъ, книга эта, предназначенная для большой публики значительно выиграла бы, если бы въ ней было побольше такихъ живыхъ картинъ и характеристикъ, какія изрѣдка даетъ авторъ: напримѣръ, описаніе шампанскихъ ярмарокъ (стр. 90), рынка (стр. 86 и сл.), всемогущества банкировъ Фуггеровъ (стр. 213). Замѣтка и нѣкоторая разбросанность; приходится пожалѣть, что авторъ не помѣстилъ отдѣльной главы обобщающаго характера, въ родѣ послѣдней главы въ его «Средневѣковыхъ городахъ»: тогда передъ читателемъ рельефнѣе выдѣлились бы принципы и характерныя черты средневѣковой торгово-промышленной жизни, которыя теперь заслоняются массой фактическаго матеріала. Къ книгѣ приложена довольно подробная, хорошо подобранная библіографія; непонятно только отсутствіе среди отмѣченныхъ трудовъ—статьи извѣстнаго французскаго ученаго L. Delisle о тампліерахъ и книгъ М. М. Ковалевскаго «Экономическій ростъ Европы» и «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ». *В. Д—въ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

И. Озеровъ. „Изъ жизни труда".—*И. Озеровъ.* „Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада".—*I. Гольдштейнъ.* „Проблемы населенія во Франціи".

Проф. И. X. Озеровъ. Изъ жизни труда. Сборникъ статей. Вып. I. Статьи по рабочему вопросу. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1904 г. Стр. 293. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. И. X. Озеровъ. Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. Сборникъ статей. Вып. II. Изд. Д. С. Горшкова. М. 1904 г. Стр. 467. Ц. 1 р. 75 к. Нельзя не признать весьма полезнымъ изданіе подобныхъ сборниковъ, въ которыхъ популярные у насъ авторы перепечатываютъ свои статьи, разсѣянныя по разнымъ журналамъ. Иногда выставляется требованіе, чтобы перепечатывались только избранныя, лучшія статьи, безъ претензій на «полное собраніе сочиненій», и чтобы перепечатываніе сопровождалось солидной переработкой, такъ какъ журнальныя статьи часто пишутся на-спѣхъ и краски ихъ быстро линяютъ. Но, по нашему мнѣнію, это требованіе трудно осуществимо. Проф. Озеровъ, въ названныхъ сборникахъ, повидимому, перепечаталъ всѣ свои статьи (большинство было помѣщено въ «Русской Мысли» и въ «Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи»), не появлявшіяся въ отдѣльной продажѣ и внесъ въ нихъ очень мало дополненій. Такой способъ имѣетъ свои выгодныя стороны: общество можетъ по достоинству оцѣнить производительность труда даннаго автора, общее направленіе его интересовъ и общее качество того матеріала, которымъ журналы питаютъ своихъ читателей.

Статьи проф. Озерова можно раздѣлить на двѣ категоріи: публицистическія и популярно-научныя. Къ публицистическимъ относятся всѣ статьи перваго сборника («Изъ жизни труда») и значительная часть второго. Въ нихъ читатели получаютъ интересный фактическій матеріалъ съ опредѣленнымъ освѣщеніемъ, но правильность этого освѣщенія не обосновывается какими-нибудь объективными доказательствами, а какъ бы подразумѣвается сама собою въ силу совпаденія взглядовъ читателя съ общимъ направленіемъ журнала и автора. Для писанія такихъ статей не нужно быть непремѣнно профессоромъ и обладать особенно глубокими спеціальными познаніями. Это, впрочемъ, ничуть не умаляетъ ихъ значенія. Наоборотъ, было бы очень печально, если бы наши профессора писали статьи только по такимъ вопросамъ, по которымъ они могутъ дать научно-обоснованный отвѣтъ. Напр., въ большей части статей перваго выпуска описываются разныя добрыя начинанія, предпринимаемыя въ Западной Европѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ Австраліи въ пользу рабочаго класса, причемъ авторъ какъ бы забываетъ про тѣневую сторону описываемыхъ реформъ, про ихъ неудачи, ихъ ограниченность и случайность, ихъ временный и мѣстный характеръ, и многочисленныя препятствія, встрѣчающіяся на ихъ пути. Но, какъ публицистъ, авторъ имѣетъ право на такое одностороннее освѣщеніе: онъ и его читатели какъ бы заранѣе согласились, что достоинства реформъ перевѣшиваютъ ихъ недостатки и что противодѣйствіе реформамъ исходитъ отъ несимпатичныхъ общественныхъ элементовъ.

Къ популярно-научнымъ относятся наиболѣе цѣнныя изъ статей второго сборника, который, вообще, кажется намъ гораздо болѣе содержательнымъ и интереснымъ, чѣмъ первый. Наилучшія статьи, на нашъ взглядъ: «Общая картина обложенія въ Россіи въ XVII в. и вліяніе его на экономическое положеніе населенія» (стр. 49—81), «Возможно ли ввести подоходный налогъ въ Россіи?» (стр. 82—114), «Организація подоходнаго обложенія въ Англіи

и критическій анализъ его» (стр. 146—196), «Прусская податная реформа по закону 14-го іюля 1893 г.» (стр. 197—227). Разумѣется, и ученый даетъ своему предмету одностороннее, въ извѣстномъ смыслѣ, освѣщеніе, которое можетъ оспариваться другимъ ученымъ или учеными другой школы. Напр., проф. Озеровъ, можетъ быть, слишкомъ мрачными красками нарисовалъ «общую картину обложенія въ Россіи въ XVII в.». Но онъ не выбиралъ спеціально мрачныхъ явленій для цѣлей своей статьи; цѣлью статьи было дать полный систематическій обзоръ всей финансовой системы XVII в., «любопытной по своей законченности» и характерной для всей эпохи и для послѣдующаго развитія. Точно также нельзя считать научно доказаннымъ мнѣніе проф. Озерова, что наиболѣе подходящей для Россіи финансовой реформой въ настоящее время является подоходный налогъ. Но высказывая свое личное мнѣніе, которое можетъ и расходиться съ мнѣніемъ другихъ ученыхъ, проф. Озеровъ даетъ систематическій обзоръ всѣхъ доводовъ за и противъ подоходнаго налога, дѣлаетъ ихъ посильную, объективную оцѣнку, и этимъ исполняетъ свою обязанность, какъ ученаго.

Общимъ достоинствомъ какъ научныхъ, такъ и публицистическихъ статей проф. Озерова слѣдуетъ признать его умѣнье выбирать интересныя живыя темы, важныя не только для узкаго круга спеціалистовъ, но и для всего образованнаго общества. Проф. Озеровъ сознательно стремится послужить своими знаніями на улучшеніе нашей русской дѣйствительности. Даже спеціальныя темы его научныхъ диссертацій: «Подоходный налогъ въ Англіи» и «Прямое обложеніе въ Германіи», имѣютъ косвенное отношеніе къ Россіи, въ чемъ читатели могутъ убѣдиться изъ названныхъ выше двухъ статей, посвященныхъ этимъ темамъ. Въ особой статейкѣ: «Рѣчь на диспутѣ» (вып. II, стр. 114—123) авторъ спеціально занимается оправданіемъ своей темы «Главнѣйшія теченія въ развитіи прямого обложенія въ Германіи», ставя передъ своей аудиторіей вопросъ: «Зачѣмъ, къ чему намъ предлагаютъ подобныя темы, когда такъ много жгучихъ вопросовъ волнуютъ нашу русскую жизнь?..» Кромѣ упомянутыхъ уже темъ, въ І-мъ выпускѣ имѣются статьи о борьбѣ съ такъназываемой «потогонной системой» («sweating system»), о новѣйшемъ законодательствѣ въ Австраліи, о коллективномъ договорѣ, объ обществахъ потребителей, кассахъ взаимопомощи, рабочихъ клубахъ въ Англіи и нѣкоторыя другія. Во второмъ выпускѣ болѣе или менѣе обширныя статьи посвящены универсальнымъ магазинамъ, общимъ тенденціямъ финансоваго хозяйства въ XIX в., муниципальнымъ хозяйственнымъ предпріятіямъ въ англійскихъ городахъ, современнымъ теченіемъ въ сферѣ прямого обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ двухъ статьяхъ подробно обсуждается казенная винная монополія въ Россіи.

Важнѣйшимъ недостаткомъ статей проф. Озерова въ глазахъ большинства читателей будетъ отсутствіе опредѣленнаго направленія. Не только отъ публициста, но и отъ ученаго читатель въ правѣ требовать ясно выраженнаго направленія, или, если не нравится это слово,—школы. Правда, проф. Озеровъ заранѣе возражаетъ противъ такого требованія въ вступительной статьѣ 2-го выпуска: «О нѣкоторыхъ задачахъ университетскаго преподаванія общественныхъ наукъ», гдѣ читатели предупреждаются противъ подчиненія теоріямъ, предвзятымъ мнѣніямъ и даже «убѣжденіямъ», и приглашаются подойти поближе къ жизни: «прежде всего—ближе къ жизни, сюда господа, сюда, къ жизни, къ самой жизни идите съ вашимъ анализомъ». Но въ дѣйствительности и самъ авторъ, конечно, не можетъ избавиться отъ власти теорій, а пренебреженіе теоріями ведетъ только къ непослѣдовательности и неопредѣленности. При изученіи англійскаго подоходнаго налога авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія классовой борбы и экономическаго матеріализма, а при изученіи

прусской податной реформы на точкѣ зрѣнія соціально-этической. Такъ какъ теорія тѣсно связана съ практической оцѣнкой, то получается явная несправедливость. Къ англійскому подоходному налогу проф. Озеровъ относится очень строго, пользуясь безпощадно-жестокой терминологіей марксизма, а прусскую реформу 1893 г. восхваляетъ языкомъ нѣмецкихъ реформаторовъ-идеалистовъ. Критика англійскаго подоходнаго налога приводитъ автора къ заключенію, что «классы политически сильные освобождаютъ себя отъ обложенія» (стр. 185). «Подоходнымъ налогомъ»,—говоритъ авторъ,—«промышленный классъ купилъ себѣ свободу отъ внутреннихъ акцизовъ, когда съ развитіемъ техники эта свобода уже сдѣлалась необходимой. Это была сдѣлка, выгодная для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ, но путемъ этой теоріи (теоріи «резерва» и «низкаго уровня») они пытаютъ съ чисто торгашескими пріемами вытребовать себѣ уступку на разъ заключенной сдѣлкѣ» (189). «Уровень экономическаго развитія жизни даетъ технику организаціи подоходнаго обложенія, соотношеніе же общественныхъ группъ диктуетъ матеріальное содержаніе акта и опредѣляетъ дѣйствительную работу послѣдняго» (195). Совершенно другую оцѣнку получаютъ отъ нашего автора прусскіе законодатели: «Послѣдняя прусская реформа 1893 г. является положительнымъ тріумфомъ теоретической мысли» (200). «Теорія настоятельно требовала болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговаго бремени между отдѣльными податными субъектами; она выставляла систему обложенія какъ способъ реформированія имущественныхъ отношеній, а практика шла навстрѣчу этимъ требованіямъ справедливости и превращала эти абстрактныя идеи въ реальныя формы». (Тамъ же). «Такимъ образомъ, этою реформой сдѣланъ важный шагъ на пути соціальной финансовой политики, и сумма справедливости въ мірѣ увеличена!» (225). Ясно, что вслѣдствіе отсутствія законченной системы общихъ взглядовъ, авторъ, изучая прусскую реформу, подчинился невольно тому направленію, которое преобладало у нѣмецкихъ ученыхъ.

На публицистическихъ статьяхъ отсутствіе опредѣленнаго направленія сказывается еще сильнѣе. Можно сказать, что всѣ публицистическія статьи разбираемыхъ 2-хъ сборниковъ проникнуты одной общей идеей, гласящей: на Западѣ такъ много сдѣлано и дѣлается въ пользу трудящихся классовъ, а у насъ ничего или почти ничего не сдѣлано! Бѣда въ томъ, что эта идея слишкомъ обща. Читатели проф. Озерова и безъ того слишкомъ хорошо знаютъ, что мы, русскіе, должны подражать Европѣ. Но какъ подражать? Этому не научитъ расписываніе въ розовыхъ краскахъ рабочихъ клубовъ и разныхъ «соціальныхъ экспериментовъ» въ 5 частяхъ свѣта. Авторъ съ одинаковымъ сочувствіемъ относится и къ государственному соціализму въ Новой Зеландіи, и къ пропагандѣ самопомощи въ Англіи, и къ предпріимчивости американскихъ капиталистовъ. Этотъ безразличный и иногда противорѣчивый энтузіазмъ дѣйствуетъ утомляющимъ образомъ.

Послѣднія статьи второго выпуска посвящены вопросамъ русской жизни и тутъ, наконецъ, читатель можетъ отдохнуть отъ долгихъ странствій по кисельнымъ берегамъ заморскихъ странъ. Разумѣется, отдохнуть—не въ смыслѣ самоуслажденія. Въ статьяхъ о государственныхъ росписяхъ на 1901 г., 1902 г., 1903 г. проф. Озеровъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ относится къ нашей финансовой политикѣ, а въ статьяхъ о казенной винной монополіи очень обстоятельно и безпристрастно обсуждаетъ выгодныя и невыгодныя послѣдствія произведенной реформы и требуетъ радикальнаго измѣненія въ постановкѣ попечительствъ о народной трезвости. *А. Рыкачевъ.*

І. М. Гольдштейнъ. Проблемы населенія во Франціи. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. Статистикой населенія и вопросами, связанными съ нею, у насъ почти никто не интересуется; своя статистика поставлена плохо, а до

частныхъ вопросовъ чужой жизни, особенно же далекихъ русской злободневности, быть можетъ, и трудно ожидать другого отношенія. Поэтому появленіе въ русской литературѣ изслѣдованія г. Гольдштейна нужно объяснить, вѣроятно, случайнымъ обстоятельствомъ: она была представлена въ качествѣ диссертаціи для полученія ученой степени.

Впрочемъ, и происхожденіе нѣмецкаго оригинала, вышедшаго тремя годами раньше, также случайно: въ предисловіи къ этому изданію мы читаемъ, что при окончательной обработкѣ своего труда по экономической эволюціи Франціи авторъ «натолкнулся» на нѣсколько новыхъ вопросовъ,—вопросовъ населенія. Задача усложнилась и измѣнилась: вмѣсто проблемъ экономической эволюціи получились «проблемы населенія», но по существу дѣло мало измѣнилось и авторъ не сталъ демографомъ. Бѣды въ этомъ, конечно, нѣтъ; напротивъ, освѣщеніе демографическихъ вопросовъ съ экономическими данными въ рукахъ вполнѣ законно и очень важно; но большее знакомство автора съ данными демографіи позволило бы ему видѣть и внѣ Франціи явленія, аналогичныя изучаемому, отчего и постановка вопроса, и рѣшеніе были бы шире и правильнѣе; а уже во всякомъ случаѣ авторъ уберегся бы отъ нѣкоторыхъ методологическихъ «недоразумѣній», какъ, напр., смѣшеніе коэффиціентовъ рождаемости съ коэффиціентомъ прироста населенія, которые онъ замѣняетъ одинъ другимъ, смотря по удобству.

Какъ извѣстно, вопросъ объ уменьшеніи населенія (dèpopulation, что у насъ переводится почему-то сбивчивымъ терминомъ «вырожденіе») давно уже волнуетъ Францію. Дѣло въ томъ, что хотя смертность здѣсь постоянно падаетъ и эмиграція незначительна, балансъ населенія сводится все менѣе и менѣе благопріятный и, наконецъ, за цѣлый рядъ лѣтъ (1890—1892, 1895, 1900) получились уже отрицательныя величины вслѣдствіе того, что количество рожденій безпрерывно и еще быстрѣе падаетъ. Вопросъ о причинахъ уменьшенія рождаемости и о средствахъ борьбы съ этимъ явленіемъ, въ которомъ большинство авторовъ—каждый на свой ладъ и со своей точки зрѣнія—видятъ угрозу будущему Франціи, вызвалъ громадную литературу; этимъ же вопросомъ заинтересовался и г. Гольдштейнъ.

Начинаетъ авторъ съ того, что рядомъ цифръ разбиваетъ очень распространенное мнѣніе, будто главнымъ источникомъ прироста населенія является населеніе земледѣльческое, и что причина dépopulation въ ростѣ городовъ и въ развитіи промышленности. Дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Если бы не высокая рождаемость промышленныхъ центровъ и городовъ, населеніе Франціи давно давало бы уже значительные минусы. Несчастіе Франціи какъ разъ въ томъ, что города растутъ въ ней медленно, и промышленность слабо развивается. Но и земледѣльческое населеніе, доказываетъ авторъ, представляется далеко не одинаковымъ въ смыслѣ плодовитости. Департаменты, въ которыхъ земледѣльческій пролетаріатъ особенно многочисленъ, имѣли не только значительно большую рождаемость, чѣмъ департаменты съ многочисленнымъ самостоятельнымъ крестьянствомъ, но отличались еще и болѣе слабымъ уменьшеніемъ рождаемости.

Такимъ образомъ, земледѣльческій и промышленный пролетаріатъ являются двумя источниками, изъ которыхъ только и покрывается такъ или иначе убыль въ населеніи страны. Въ противуположность пролетаріату, богатое крестьянство, столь многочисленное во Франціи, и буржуазія свели до минимума количество дѣтей. «Что благосостояніе населенія понижаетъ во Франціи рождаемость, на этотъ счетъ между изслѣдователями этого вопроса не существуетъ разногласія», говоритъ авторъ. Цѣлый рядъ моментовъ содѣйствовалъ росту благосостоянія французскаго крестьянства: и ростъ городовъ, и развитіе желѣзнодорожной сѣти, и земледѣльческія коопераціи, и, наконецъ, аграрный про-

текціонизмъ... Послѣднему авторъ—убѣжденный противникъ аграріевъ—посвящаетъ значительную часть книги; здѣсь онъ у себя дома, и съ утомительными подробностями, понятными только въ виду происхожденія работы, рисуетъ онъ застой въ сельскомъ хозяйствѣ Франціи, вызванный протекціонизмомъ. Однако, несмотря на застой въ сельскомъ хозяйствѣ, французское крестьянство продолжало обогащаться, благодаря монополіи, созданной покровительствомъ, и все болѣе теряло охоту обзаводиться многочисленнымъ потомствомъ. Земледѣліе даже при преобладаніи самыхъ интенсивныхъ культуръ въ состояніи прокормить очень ограниченное число людей, говоритъ авторъ, французское же далеко не достигало предѣла возможной интенсификаціи; между тѣмъ оставленная въ пренебреженіи промышленность развивалась слишкомъ слабо и не открывала достаточно широкаго «рынка для сбыта дѣтей», доля же промышленнаго пролетаріата могла казаться привлекательной только еще болѣе несчастному сельскому пролетаріату и бѣдному крестьянству,—отсюда поголовное обращеніе богатаго французскаго крестьянства, т.-е. большинства населенія Франціи, къ мальтузіанству.

Выводъ отсюда только одинъ, думаетъ авторъ: поощреніе (?), развитіе крупной промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ проведеніе широкихъ и радикальныхъ реформъ въ области рабочаго законодательства, соціальной гигіены, таможенной, торговой политики и пр. «Быстрому развитію крупной промышленности и сравнительному улучшенію положенія промышленнаго пролетаріата обязаны быстрымъ приростомъ своего населенія Англія и Германія». Эти же мѣры, понятно, подымутъ и рождаемость во Франціи: «Быстрое развитіе крупной промышленности должно повести за собой усиленный спросъ на инженеровъ, техниковъ, и затѣмъ на всякаго рода учрежденія, занимающіяся транспортомъ кладей и людей и т. д., что дало бы крестьянству и среднему сословію новые рынки для сбыта своихъ дѣтей». Соціальный подъемъ промышленнаго пролетаріата уменьшитъ прежде всего смертность въ его рядахъ; а затѣмъ сдѣлаетъ еще болѣе привлекательнымъ для бѣднаго крестьянства и сельскаго пролетаріата переходъ въ ряды промышленной арміи и «никоимъ образомъ не повлечетъ за собой ограниченія числа дѣтей» въ этихъ послѣднихъ группахъ населенія. Требуемое рѣшеніе проблемъ и получится въ результатѣ совокупнаго дѣйствія предлагаемыхъ мѣръ.

Повидимому, все такъ просто и ясно. Однако, мы смѣемъ думать, что «проблемы» такъ и останутся нерѣшенными и послѣ книги г. Гольдштейна.

Замѣтимъ, во-первыхъ, что съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи обнаружилось уменьшеніе рождаемости, т.-е., по крайней мѣрѣ, съ начала послѣдняго столѣтія, и земледѣліе, и промышленность видали здѣсь много видовъ; протекціонизмъ смѣнялся свободной торговлей, расцвѣтъ смѣнялся застоемъ, застой—расцвѣтомъ, а рождаемость продолжала падать съ удивительнымъ постоянствомъ.

Во-вторыхъ, съ средины 70-хъ годовъ и въ Англіи, и въ Бельгіи, и въ Германіи, которыя авторъ противуставляетъ Франціи какъ совершенно разные хозяйственные типы съ совершенно разной (и какъ разъ именно совпадающей съ рѣшеніемъ «проблемъ» у автора) эволюціей, замѣчается уменьшеніе коэффиціента рождаемости еще болѣе рѣзкое, чѣмъ за тѣ же годы во Франціи,—фактъ далеко не безразличный для рѣшенія «проблемъ», но, къ сожалѣнію, даже и не затронутый авторомъ.

Наконецъ, третье и самое, пожалуй, существенное, это то, что и въ самой Франціи число рожденій уменьшалось не только въ земледѣльческихъ, но и въ промышленныхъ округахъ и даже, увы, относительно гораздо быстрѣе, чѣмъ въ земледѣльческихъ, хотя оставалось очень высокимъ. Такъ въ группѣ наиболѣе промышленныхъ департаментовъ въ $187^6/_7$ гг. на 1.000 женщинъ въ возрастѣ 15—45 лѣтъ приходилось 134,1 рожденій, а черезъ 26 лѣтъ, въ

$1896/_7$ гг. — только 112,0, т.-е. уменьшилось на 16,5%, въ земледѣльческихъ же департаментахъ оно было: 14,7%, 17,3%, 15,8% и, наконецъ, 14,3% *) (стр. 252). Если же взять два наиболѣе промышленныхъ департамента—Nord и Pas-de-Calais,—«безъ высокой рождаемости которыхъ населеніе Франціи давно уже стало бы уменьшаться», и подсчитать, за автора, рождаемость за тѣ же годы, уменьшеніе получится уже въ цѣлыхъ 18,5%! Но и мимо этого обстоятельства авторъ проходитъ совершенно равнодушно: съ него довольно того, что рождаемость въ промышленныхъ департаментахъ какъ была, такъ и осталась выше рождаемости департаментовъ земледѣльческихъ.

Такимъ образомъ, проблемы оказываются нѣсколько болѣе сложными... Думается намъ, что и средства, предлагаемыя авторомъ для того, чтобъ богатое французское крестьянство отказалось отъ практики воздержанія—а въ этомъ для автора центръ тяжести «проблемъ»—обманутъ надежды автора.

Авторъ удѣлилъ не мало мѣста на доказательство того, что крестьянство богатѣло во Франціи, между прочимъ, благодаря развитію, хоть и недостаточно быстрому, городовъ и росту промышленности. Надо думать, что и новый расцвѣтъ и промышленности, и городской жизни не разоритъ крестьянства и, слѣдовательно, уже никакъ не понизитъ требованій его къ будущему его дѣтей. Вѣдь и сейчасъ зажиточное крестьянство боится дѣтей не потому, что «рынокъ для сбыта» ихъ въ промышленности слишкомъ узокъ: находится же мѣсто тамъ для дѣтей сельскаго и городского пролетаріата! а потому, что состоятельное французское крестьянство (и буржуазія) «должны считать стыдомъ и приниженіемъ, если бы его сыновья и дочери становились фабричными рабочими» (226). Они хотятъ видѣть своихъ сыновей чиновниками, инженерами, техниками и пр. (см. выше); навѣрно, потомъ и этого будетъ мало, и едва ли будущее развитіе промышленности готовитъ столько директорскихъ мѣстъ, сколько ихъ можетъ понадобиться сыновьямъ богатаго французскаго крестьянства.

За бѣдное крестьянство и сельскій пролетаріатъ авторъ вполнѣ спокоенъ: эти постоятъ за себя! И сейчасъ эти группы населенія отличаются сильной плодовитостью: мѣсто для дѣтей готово,—переходъ въ ряды промышленнаго пролетаріата, и не только готово, а еще кажется «повышеніемъ въ рангѣ». Можно ли послѣ этого толковать о «непредусмотрительности!» Приходится, наоборотъ, удивляться крайней предусмотрительнести этихъ людей! А уже послѣ проведенія требуемыхъ авторомъ реформъ въ области рабочаго законодательства и пр. и бюловское сравненіе съ кроликами окажется слишкомъ блѣднымъ!..

Остается лишь неизвѣстымъ у автора, на что надѣется промыленный пролетаріатъ, плодясь во славу patrie française. «Повышенія въ рангѣ» гдѣ-нибудь на сторонѣ для него не предвидится; ряды техниковъ, инженеровъ и пр. тоже для него недоступны, хотя бы въ виду сильной конкуренціи со стороны крестьянскихъ и мѣщанскихъ сынковъ. Быть можетъ, настоящее такъ прекрасно, что всякая «предусмотрительность» является смѣшной? Дѣйствительность говоритъ, къ сожалѣнію иное, и, однимъ больше — однимъ меньше, не всели равно? «Ils engendrent avec insouciance», говоритъ съ грустью часто цитируемый авторомъ Arsène Dumont. И на это печальное заключеніе нашъ авторъ иронически замѣчаетъ: «высокая рождаемость фабричнаго пролетаріата ему, слѣдовательно, вовсе не нравится» (170). Чѣмъ же она такъ нравится г. Гольдштейну?

Мы видѣли однако, что и промышленный пролетаріатъ уменьшаетъ свою «insouciance» и, быть можетъ, тутъ зрѣютъ какъ разъ новыя «проблемы» авторъ не обратилъ на это вниманія и потому, вѣроятно, не предложилъ со-

---

*) Департаменты раздѣлены на группы въ нисходящемъ порядкѣ развитія въ нихъ промышленности.

отвѣтствующихъ мѣръ. Конечно, не въ томъ дѣло, что здѣсь «распространяются обычаи мелкой буржуазіи и богатаго крестьянства», что приводитъ въ ужасъ Leroy-Beaulieu *), а въ томъ, что растутъ новыя, широкія потребности человѣческаго существованія, и растутъ быстрѣе, чѣмъ средство удовлетворенія ихъ при существующихъ порядкахъ вещей; отсюда—уменьшеніе «непредусмотрительности», какъ временный выходъ изъ положенія, до радикальнаго рѣшенія «проблемъ» въ области распредѣленія.

Но если бы рѣшеніе, предлагаемое нашимъ авторомъ, и было правильно по существу, доказано оно, нужно признать, слишкомъ мало. Для рѣшенія такихъ сложныхъ проблемъ, какую имѣлъ передъ собой авторъ, недостаточно изслѣдованія вопроса на однихъ только французскихъ данныхъ, ибо, повторяемъ, рождаемость уменьшается и въ другихъ странахъ, хоть и не въ такой степени, чтобъ стать «проблемой».

Читаются «Проблемы» далеко не легко. По нѣскольку разъ возвращается авторъ къ одному и тому же вопросу и все оттого, что его богатая память подсовываетъ ему на каждомъ шагу что-нибудь «очень интересное», чего «не слѣдуетъ забывать», «нельзя упустить изъ виду» и т. д. И мысль автора отвлеченная «интереснымъ» фактомъ или сопоставленіями, убѣгаетъ въ сторону по новой дорожкѣ, отсюда убѣгаетъ опять въ погоню за новымъ «интереснымъ» и т. д., и т. д. Изволь связывать потомъ оборванные концы авторскихъ мыслей! Говоря, напр., о развитіи ввоза и вывоза хлѣбовъ изъ Франціи, чтобъ иллюстрировать отсталость ея земледѣлія, авторъ вдругъ вспоминаетъ «русскаго читателя, котораго должна заинтересовать» конкуренція Россіи на англійскомъ и французскомъ рынкахъ, чему и посвящается цѣлыхъ полторы страницы. Мало ли что еще можетъ заинтересовать русскаго читателя!

В. Шарый.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Анри Купенъ. „Причудливыя животныя".

Анри Купенъ. Причудливыя животныя. Переводъ съ франц. женщины-врача Е. Д. Вургафтъ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 418 стр. 211 рисунк. Цѣна 3 руб. 1904 г. Авторъ при составленіи этой книги поставилъ себѣ задачей не только удовлетворить «любителей курьезовъ», но и принести пользу «лицамъ, стремящимся въ легкой формѣ пополнить свое образованіе». Эту скромную задачу авторъ выполнилъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительно: естественно-историческіе «курьезы» собраны дѣйствительно интересные, форма изложенія дѣйствительно легкая и занимательная и большая публика дѣйствительно можетъ найти здѣсь много свѣдѣній, которыя пополнятъ ея образовательный багажъ. Эти свѣдѣнія почти не касаются анатоміи, гистологіи и эмбріологіи, авторъ бо̀льшую часть своего разсказа посвящаетъ образу жизни животныхъ и ихъ связи съ жизнью людей, но отводитъ также мѣсто и описанію внѣшняго вида «причудливыхъ созданій».

Все сочиненіе разбито на 36 отдѣльныхъ главъ; въ каждой главѣ описывается много различныхъ животныхъ, но объединены они не систематическимъ родствомъ,—не родствомъ архитектуры и происхожденія, а совершенно особыми признаками. «Каждая глава,—говоритъ А. Купенъ,—содержитъ описаніе

---

*) Г. Гольдштейнъ тоже признаетъ „довольно крупную роль" этого момента. Должна же имѣть какое-нибудь реальное основаніе эта подражательность! Только у Тарда она виситъ въ воздухѣ.

животныхъ, имѣющихъ какіе-нибудь внѣшніе—физическіе, или внутренніе—психологическіе, общіе признаки». Благодаря такой группировкѣ получились, напримѣръ, слѣдующія главы: животныя блюдолизы, среди которыхъ авторъ описываетъ многихъ птицъ и рыбъ; животныя, принимающія странныя положенія, здѣсь также вы познакомитесь и съ различными насѣкомыми, и съ птицами и съ млекопитающими; странствующіе музыканты; актеры въ природѣ (явленія мимикріи); животныя, мѣняющія свою окраску; животныя въ рыцарскихъ доспѣхахъ (броненосцы, креветки, ракъ и т. п); животныя-хирурги, животныя причудливыхъ формъ; плачущія животныя; животныя, предчувствующія свою смерть и т. д.

Вообще, въ этой книгѣ авторъ описываетъ животныхъ, «которыя кажутся намъ необыкновенными по своей формѣ, своимъ привычкамъ или образу жизни». А. Купенъ не безъ основанія предполагаетъ, что многимъ читателямъ «интересно будетъ узнать кое-что о плювіанѣ, роль котораго въ природѣ, повидимому состоитъ въ томъ, чтобы чистить зубы крокодилу, о рыбѣ-прилипалѣ, которая пристаетъ къ акуламъ-людоѣдамъ и преспокойно разъѣзжаетъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока она не улучитъ удобнаго момента, чтобы поживиться кое-чѣмъ изъ ихъ обильной пищи. Любопытно будетъ познакомиться съ нравами гигантскихъ китовъ и касатокъ, поѣдающихъ у нихъ языкъ, съ привычками фантастическихъ животныхъ, населяющихъ морскія глубины, летучихъ мышей... съ рыбой-стрѣлкомъ, которую поистинѣ можно считать изобрѣтательницей охотничьей стрѣльбы, съ спрутами и хамелеонами, владѣющими свойствомъ мѣнять свою окраску»...

Конечно, все это «любопытно» даже и не для большой публики, и мы увѣрены, что книгу Купена прочтетъ съ удовольствіемъ и юноша, и «лица, стремящіяся въ легкой формѣ (?) пополнить свое образованіе», пробѣжитъ ее не безъ интереса и болѣе серьезный читатель. У Купена мало своихъ собственныхъ оригинальныхъ наблюденій, въ большинствѣ случаевъ его разсказъ—компиляціи (съ массой прямыхъ выписокъ), составленная по Брэму, Дарвину, Фабру, Уоллесу, Лебокку и другимъ извѣстнымъ натуралистамъ, но компиляція живая и интересная. Книга снабжена прекрасными иллюстраціями. Переводъ сдѣланъ г-жой Вургафтъ въ общемъ вполнѣ удовлетворительно.

В. Агафоновъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го іюля по 15-ое августа 1904 г.).

Литературный збирнык. На вичну пам'ять Котляревскому. Кіевъ. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

Т. Герцль. Обновленная земля. Пер. А. Даманской. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Васильевъ. Тоска по вѣчности. Стихотворенія. Казань. 1904 г. Ц. 1 р.

А. А. Потѣхинъ. Сочиненія. 1—6 т. Изд. «Просвѣщеніе» Спб. 1904 г. Ц. за 12 т. 12 руб.

В. Пржевалинскій. Разсказы. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

В. Шекспиръ. Отелло. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. И. И. Иванова. М-ва. 1904 г. Ц. 20 к.

Л. Медвѣдевъ. Старая трубка. Разсказъ изъ военнаго быта. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

Н. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. Съ рис. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

Ф. Ратцель. Земля и жизнь. Пер. Г. Клюге подъ редакціей проф. Кротова. Съ рис., табл. и картами въ краскахъ. Т. I. Вып. 1—7. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1904 г. Ц. 15 к., вып. по 50 к.

А. Спицынъ. Рабочій вопросъ о каменноугольныхъ копяхъ Мукденьской провинціи. Владивостокъ. 1904 г. Ц. 1 р.

С. Трегубовъ. Опытъ изученія въ санитарномъ отношеніи быта желѣзнодорожныхъ служащихъ въ предѣлахъ Курско-Харьк.-Сев. жел. дор. Харьковъ. 1904 г.

А. Буткевичъ. Какъ избавиться отъ застарѣлой боли подъ ложечкой или катарра желудка. (Для нар. чтеій). М-ва. 1904 г. Ц. 5 к.

М. Крецмеръ. Отличительныя черты еврейской націи. Двинскъ. 1904 г. Ц. 15 к.

Л. Авилова. Общее дѣло. Спб. 1904 г. Ц. 5 к.

Е. Чижовъ. Мой микроскопъ. Простыя значенія съ самыми дешевыми инструментами. Съ 55 рис. М-ва. 1904 г. Ц. 15 к.

Его же. Стекло. Разсказы про старое и новое время. Съ рис. М-ва. 1904 г. Ц. 25 к.

— Желѣзное царство. Съ рис. Малышева. М-ва. 1904 г. Ц. 36 к.

— Въ царствѣ солнца. Природа и жизнь въ жаркихъ странахъ. М-ва 1904 г. Ц. 20 к.

— Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. Съ рис. и картой. М-ва 1904 г. Ц. 25 к.

— Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ по Африкѣ. М-ва. 1904 г. Ц. 15 к.

— Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ. М-ва. 1903 г. Ц. 5 к.

— Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. М-ва. 1904 г. Ц. 5 к.

— Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. М-ва. 1904 г. Ц. 5 к.

М. Усковъ. Первые уроки естествовѣдѣнія. I ч. Воздухъ, вода и земля. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Коммерческое образованіе. Ч. I и III. Изд. подъ ред. предсѣдателя IV секціи **А. Н. Глаголева.** М-ва. 1904 г.

П. Отоцкій и др. Докучаевъ. (Сборникъ статей). Изд. журнала «Почвовѣдѣніе». Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Гамбаровъ. Политическія партіи въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

В. Яшевичъ. Плоды разврата. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

Ц. Балталонъ. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. М-ва. 1904 г. Ц. 70 к.

В. Лункевичъ. Нерѣшенныя проблемы біологіи. Съ 81 рис., 4 поб. и 8 портр. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

О. Даммеръ. Доступные опыты по химіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. А. Нечаева. Съ 122 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1901 Ц. 1 р.

А. Іоллесъ. Мѣсто человѣка во вселенной. Пер. съ англ. Л. Лакіера. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фр. Паульсенъ. Германскіе университеты. Пер. съ нѣм. Г. Гроссмана. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Поляковъ. Зубы; ротовая полость и ея заболѣванія. Одесса. 1904 г. Ц. 75 к.

Н. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Ч. и II. Изд. 3-е. М-ва. Ц. 60 к.

Ф. Зеесть и П. Игнатьева-Александрова. Пища больныхъ въ военныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

В. Б—въ. Война съ Японіей. Казань. 1904 г. Ц. 5 к.

E. Erdmann. Drei Beiträge zu einer allegemeinen Theorie der «Begriffë». Leipzig. 1904 г.

Л. Левенфельдъ. О духовной дѣятельности геніальныхъ людей, вообще, и великихъ художниковъ—въ частности. Пер. Зиновьевой, подъ ред. Крогіуса. Спб. 1904 г.

И. Бессаробя. Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи. Спб. 1904 г.

А. Стопани. Освѣщеніе въ селеніяхъ Полтавской губ. Баку. 1904 г.

— Третій всероссійскій шахматный турниръ. М ва 1904 г. Ц. 3 р.

І. Риманъ. Музыкальный словарь. Пер. В. Юргенсона. Спб. 1904 г. Вып. XVIII.

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ физической географіи. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Селивановъ. Первое прибавленіе къ книгѣ фарфоръ и фаянсъ Россійской Имперіи. Владиміръ. 1904 г. Ц. 1 р.

М. Черномордикъ. Отчего наши дѣти часто болѣютъ? Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

С. Гольдвейберъ. Памяти Т. Герцля. Одесса. 1904 г. Ц. 8 к.

Его же. А. П. Чеховъ. Одесса. 1904 г. Ц. 10 к.

Я. Венгржиновскій. О военномъ банкѣ. Ровно. 1904 г. Ц. 20 к.

Его же. О мѣрахъ къ устраненію полученія денегъ по подложнымъ ассигновкамъ. Ровно. 1903 г. Ц. 15 к.

Изданіе т-ва «Донская Рѣчь». Ростовъ-на-Дону. 1904 г.:

1) Ѳ. Поступаевъ. Пѣсни рабочей жизни. Ц. 10 к

2) Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль. Ц. 1½ к. Нужда. Ц. 1½.

3) С. Русова. Друзья Римскаго народа—братья Гракхи. Ц. 3 к.

4) О. Мирбо. Бродяга. Ц. 1 к.

5) К. Боженко. На войну. Ц. 5.

6) Э. Золя. Кровь. Ц. 3 к. Пѣсни «Мира». Ц. 2 к.

7) И. Бѣлоконскій. Страшное мѣсто. Ц. 1½ к.

8) А. Наживинъ. Волосъ мадонны.

9) А. Кизеветтеръ. Протопопъ Аввакумъ. Ц. 8 к. Кузнецъ-гражданинъ. (Изъ 60-хъ годовъ). Ц. 15 к.

10) В. Короленко. Мгновеніе. Огни. Ц. 3 к.

11) Избранныя стихотворенія А. Толстого и др. поэтовъ. Ц. 3 к.

Обзоръ податного состоянія Курской губ. за 1901—1902 годы. Курскъ. 1904 г.

Отчетъ Маріупольскаго общества взаимновспоможенія частному служебному и профессіональному труду за 1903 годъ. Маріуполь. 1904 г.

Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губ. Вып. VIII. Петрозаводскъ. 1904 г.

Труды съѣзда судоходныхъ дѣятелей. Спб. 1904 г.

Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Вып. 2-ой. 1904 г. Пермь. 1904 г.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1903 г. Спб. 1904 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Sizilien und die Sicilianer» von Alexander Rumpelt (*Verein für deutsche Literatur*). (*Сицилія и сициліанцы*). Въ большинствѣ описаній, сдѣланныхъ различными путешественниками, островъ Сицилія изображается земнымъ раемъ и тяжелая борьба за существованіе, которую ведетъ тамошнее населеніе, заслоняется яркими и чудными картинами сицилійской природы. Но въ названной книгѣ эти картины отступаютъ передъ картинами сицилійской жизни. Авторъ—знатокъ Сициліи, хорошо знаетъ языкъ его населенія и его нравы и поэтому онъ описываетъ дѣйствительную жизнь этой красивой страны, раскрываетъ передъ читателямъ ея язвы и заставляетъ его душу содрогаться отъ ужаса, когда передъ его глазами развертывается яркая картина бѣдствій сицилійскаго населенія.

(Berlin. Tag).

«L'ouvrier devant l'Etat» par Paul Louis (*F. Alcan*). (*Рабочій передъ лицомъ государства*). Въ этой книгѣ заключается очень полный, хотя и сжатый, обзоръ рабочаго законодательства обоихъ полушарій. Авторъ ея старается выяснить, подъ давленіемъ какихъ обстоятельствъ и вліяніемъ какихъ доктринъ, складывалось это законодательство въ разныхъ странахъ. Онъ изслѣдуетъ поочередно положеніе труда въ государствахъ Европы, Америки и Австралазіи, рабочіе договоры, измѣненія заработной платы, вліяніе профессіональныхъ ассоціацій, правила труда, гигіеническія условія, законы страхованія, предохраненіе отъ несчастныхъ случаевъ и т. д. Прекрасно и ясно составленныя статистическія таблицы указываютъ дѣйствіе всѣхъ новыхъ законовъ, касающихся труда.

(Temps).

«Psychologie der französischen Litteratur» von Eduard Engel. Berlin (*Leonhard Simeon*) (*Психологія французской литературы*). Ни одна литература не отражаетъ въ себѣ съ такою ясностью естественной исторіи народа, какъ французская литература. Исторія этой литературы въ сущности является исторіей борьбы между кельтскимъ и римскимъ духомъ. Исходя съ этой точки зрѣнія авторъ и разсматриваетъ исторію французской литературы и старается выяснить ея психологію.

(National Zeit).

«Reminiscences of the Civil War» by General Lohn B. Gordon, of the Confederate Army. (*Constable*). *16 s.* (*Воспоминанія о гражданской войнѣ*). Эти интересныя воспоминанія написаны однимъ изъ участниковъ великой гражданской войны и прекрасно изображаютъ не только событія, но и духъ этой важной эпохи американской исторіи.

(Times.).

«A Woman's Wanderings and Trials during the Angloboer war» by M-rs De la Rey (*Ficher Unvin*). *2 s. 6 d.* (*Странствованія и испытанія женщины во время англо-бурской войны*). Эта книга бросаетъ особенно яркій свѣтъ на кровавую южноафриканскую трагедію. Она написана необычайно просто, безъ всякихъ эффектовъ; въ ней нѣтъ ни описаній сраженій, ни героическихъ поступковъ и никакой экзальтаціи. Но именно эта простота дѣйствуетъ на читателя и заставляетъ его чувствовать весь трагизмъ и силу пассивнаго сопротивленія, оказаннаго бурскими женщинами во время войны.

(Daily News).

«Life of T. H. Huxley.» by Leonard Huxley. New and Meaper Edition. Eversley Series. (*Macmillan and C°*). *3 vols. 12 s.* (*Жизнь Гексли*). Прекрасно и очень живо написанная біографія великаго англійскаго ученаго, имя котораго тѣсно связано со всѣми важнѣйшими движеніями человѣческой мысли въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія и возникавшими столкновеніями въ области интеллектуальнаго прогресса. Въ различныхъ областяхъ науки, теологіи, соціологіи, философіи, Гексли всегда боролся за свободу науки и многіе привыкли смотрѣть на него, какъ на вождя. Авторъ біографіи анализируетъ этотъ сложный характеръ ученаго, имѣвшаго такое громадное вліяніе на своихъ современниковъ, и старается выяснить кажущіяся противорѣчія, поражающія поверх-

ностныхъ наблюдателей, и между прочимъ разсматриваетъ и объясняетъ отношеніе Гёксли къ Гладстону, его знаменитый споръ со Спенсеромъ и т. п.

(Daily News).

«Unknown Mexico» by D-r Carl Lumholtz. A. Record of Five years Exploration among the Tribes of the Sievra Madre. (Macmillan and C°). 50 s. (Невѣдомая Мексика). Южная часть Мексики во многихъ мѣстахъ еще совсѣмъ не изслѣдована и скрываетъ еще много тайнъ, касающихся древней цивилизаціи, въ нѣдрахъ своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Это и заставило извѣстнаго путешественника Карла Лумгольца предпринять изслѣдованіе одного изъ округовъ, въ которомъ еще недавно господствовали свирѣпые апахи, совершавшіе свои набѣги. Онъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить отношеніе между древней культурой мексиканской долины и индѣйцами Пуэбло на юго-западѣ Соединенныхъ штатовъ, для того, чтобы опредѣлить этническія условія мексиканскихъ индѣйцевъ теперь и во время Кортеса, въ 1519 году, и освѣщаетъ, такимъ образомъ, нѣкоторыя стороны развитія человѣческой расы.

(Daily News).

«Law of Mental Medicine» by Thomson Say Hudson. (Putnam's Sons). 7 s. 6 d. (Законъ духовной медицины). Это интересная попытка поставить леченіе вѣрой на научныя основанія и освѣтить съ психологической точки зрѣнія терапію здоровой и больной души человѣка.

(Times).

«A political History of Slavery» Two Vols. by W. Henry Smith. (Putnam's Sons). (Политическая исторія рабства). Популярное изложеніе борьбы, возникшей въ Америкѣ по поводу рабства и исторіи возникновенія рабства.

(Times).

«Schleiermacher: Personal and Speculative» by Robert Munro (Alex. Gardner). (Жизнь Шлейермахера). Исходя изъ того убѣжденія, что Шлейермахеръ заслуживаетъ гораздо больше вниманія, чѣмъ сколько ему удѣлялось до сихъ поръ, авторъ даетъ краткое описаніе его жизни и общедоступное изложеніе ученія этого германскаго философа и богослова, особенно подчеркивая то, что хотя Шлейермахеръ умеръ почти сто лѣтъ тому назадъ, но его сочиненія не лишились своего значенія, потому что они бросаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя изъ самыхъ жгучихъ проблемъ современной эпохи.

(Times)

«The New Nation» by Percy T. Rowland. 7 s. 6 d. (Smith, Elder and C°). (Новая нація). Авторъ много лѣтъ прожилъ въ Австраліи, много лѣтъ дышалъ ея атмосферой и наблюдалъ ея жизнь, накопляя конкретныя данныя, которыя и доставили ему возможность написать нѣсколько блестящихъ главъ и дать живое представленіе о новой націи, опередившей Европу во многихъ отношеніяхъ.

(Daily Chronicle).

«The Dawn of European Civilization» by C. Hartwell Jones. London. (Kegan Paul, French, Trubner and C°). 12 s. (Заря европейской цивилизаціи). Авторъ преслѣдуетъ соціальную, умственную и религіозную эволюцію Европы съ древнѣйшихъ временъ. Наиболѣе интересныя главы тѣ, въ которыхъ авторъ говоритъ о развитіи семьи, собственности, правительства, законовъ и религіи и о тѣхъ постепенныхъ улучшеніяхъ, которыя произошли въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, пожилымъ людямъ и рабамъ. Эти главы подкрѣпляются многочисленными ссылками на источники и цитатами классическихъ авторовъ и могутъ служить весьма цѣннымъ подспорьемъ для тѣхъ, кто изучаетъ соціологію.

(Daily News).

«Histoire de l'Emigration pendant la Révolution Française». I. De la prise de la Bastille au dixhuit Fructidor. Par Ernest Daudet. Paris (Poussillgue). (Исторія эмиграціи во время французской революціи). Авторъ воспользовался совершенно новыми и еще не опубликованными матеріалами, для того чтобы изслѣдовать въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію общаго движенія эмигрантской партіи во время французской революціи. Въ своихъ сужденіяхъ объ этой партіи авторъ сохраняетъ самое строгое безпристрастіе и хотя онъ явно не сочувствуетъ революціи, тѣмъ не менѣе онъ не обнаруживаетъ желанія смягчить тотъ приговоръ, который произнесенъ исторіей надъ эмигрантами.

(Journal des Débats).

«Die Abstammung des Menschen» von Wilhelm Boelsche. Mit zahlreichen Illustrationen. Stuttgart, Kosmos. (Frankjsche Verlagsbuchandlung). (Происхожденіе человѣка). Это первый выпускъ предстоящей серіи изданій естественно-историческаго содержанія, разсчитанный на самый широкій кругъ читателей и имѣющій цѣлью возбудить наблюдательность и интересъ къ явленіямъ природы.

(Berliner Tag).

«The United States in Our Own Time», by E. Benjamin Andrews. (Chatto and Windus). 16 s. (Соединенные штаты въ наше время). Въ этомъ новомъ обширномъ томѣ авторъ продолжаетъ исторію Соединен-

ныхъ Штатовъ, которую онъ довелъ въ предшествовавшемъ томѣ до конца образовательнаго періода. Книга прекрасно иллюстрирована и снабжена портретами дѣятелей. Написана она очень популярно и читается съ интересомъ. Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ 1870 года, когда населеніе Соединенныхъ Штатовъ равнялось всего только сорока милліонамъ. Онъ очень живо описываетъ борьбу между двумя кандидатами на постъ президента, Блэномъ и Кливилэндомъ, окончившуюся первою побѣдой демократовъ. Вообще книга его заключаетъ въ себѣ огромный матеріалъ по разнымъ политическимъ и др. вопросамъ, тарифному, монетному и т. д., до сихъ поръ волнующимъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ.

(Daily News).

«Theodore Roosevelt: the Man and the citizen» by Jacob A. Riis 7 s. 6 d. (*Hodder and Stoughton*). (*Теодоръ Рузвельтъ: человѣкъ и гражданинъ*). Очень живо и съ большой теплотой написанный очеркъ, описывающій жизнь нынѣшняго президента Соединенныхъ Штатовъ, даетъ блестящую характеристику его личности, какъ политическаго дѣятеля и какъ человѣка.

(Times).

«Educated Working Women». Essays on the economic position of Women workers in the middle classes, by Clara E. Collet. M. A. Fellow University College, London. (*King and Sons*). (*Образованныя работницы*). Авторъ этого интереснаго изслѣдованія положенія трудящихся женщинъ среднихъ классовъ, миссъ Коллетъ, состоя на службѣ англійскаго правительства, уже пріобрѣла извѣстность своими статистическими работами въ области женскаго труда и заработка. По ея словамъ, женщина средняго круга, среднихъ способностей и средняго образованія, всегда найдетъ въ Англіи возможность обезпечить себѣ существованіе своимъ трудомъ. Ей нѣтъ никакой нужды искать этого обезпеченія въ бракѣ и экономическій прогрессъ страны создаетъ ей такое положеніе, которое даетъ ей полную возможность быть самостоятельной. Глава, обсуждающая экономическое положеніе профессіональныхъ работницъ средняго круга и та, въ которой говорится о бракѣ, какъ призваніи женщины, особенно интересны и прекрасно обрисовываютъ положеніе трудящихся женщинъ въ Англіи. Миссъ Коллетъ приводитъ очень обильный статистическій матеріалъ, указывающій, между прочимъ, что въ Англіи и Уэльсѣ отъ 16 до 17 проц. женщинъ осуждены на безбрачіе. Въ Лондонѣ же этотъ процентъ возрастаетъ до 20. Затѣмъ, что касается женщинъ, то у нихъ теперь замѣчается склонность вступать въ бракъ въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ прежде, и это обстоятельство миссъ Коллеттъ приписываетъ повышенію интеллектуальнаго и экономическаго уровня женщинъ.

(Daily News).

«Ein Edelmensch im schlichtesten Gewand» Briefe eines philosophischen Schuhmachers, bearbeitet und Herausgegeben von Helen Morsch. (*Karl Fleischer*). (*Благородный человѣкъ въ самомъ простомъ одѣяніи*). Въ этомъ собраніи писемъ заключается нѣчто въ родѣ автобіографіи замѣчательнаго человѣка, Юліуса Бернгарда Штаубе, геніальнаго башмачника-философа, который, зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба ручнымъ трудомъ, въ то же время занимался естественно-историческими и философскими изслѣдованіями. Штаубе сначала жилъ довольно долго въ Америкѣ, а затѣмъ переселился въ Лейпцигъ, гдѣ съ трудомъ прокармливалъ себя башмачнымъ ремесломъ. Статьи, въ которыхъ онъ высказывалъ свои взгляды, сначала долго оставались незамѣченными въ его отечествѣ. Карнери, австрійскій парламентскій дѣятель и ученый, первый обратилъ на него вниманіе, а затѣмъ и нѣмецкіе ученые заинтересовались имъ. Но тяжелыя матеріальныя условія подкосили силы Штаубе и не дали ему возможности развить свои геніальныя способности, а помощь пришла слишкомъ поздно.

(Berliner Tag.).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ө. Д. Батюшковъ.

выраженіе, въ общемъ онъ былъ красивый юноша, на котораго женщины уже начинали заглядываться.

Въ пріемной сиротскаго суда рядомъ съ нимъ сидѣла молодая дѣвушка, очень просто, но изящно одѣтая, въ глубокомъ траурѣ. Молодые люди оба равно скучали. Положеніе было преглупое. Они были одни въ пустой комнатѣ и принуждены были дѣлать усилія, чтобы не смотрѣть другъ на друга.

Фрилингхаузенъ украдкой искоса поглядывалъ на молодую дѣвушку. У нея было хорошенькое, свѣженькое личико, красиво оттѣняемое чернымъ воротникомъ платья. Она сидѣла, опустивъ глаза, и упорно смотрѣла на пыльный полъ. Унтеръ-офицеру особенно нравились ея длинныя рѣсницы, бросавшія тѣнь на щеки.

Но вотъ дѣвушка подняла глаза, а онъ отвернулся къ окну и сталъ смотрѣть на сучья старой липы. При этомъ онъ чувствовалъ, что дѣвушка съ своей стороны разсматриваетъ его. Въ концѣ концовъ они заговорили другъ съ другомъ. Было слишкомъ глупо такъ долго сидѣть рядомъ и молчать.

Конечно, прежде всего зашла рѣчь о томъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ пришелъ сюда и чего онъ ждетъ. Удивительное дѣло! жизнь ихъ сложилась почти одинаково.

Молодая дѣвушка хотѣла сдѣлаться преподавательницей. Вдругъ отецъ ея, отставной учитель, получавшій пенсію, умеръ, у нея не было денегъ для окончанія образованія, и она рѣшила взять мѣсто учительницы рукодѣлія. Осенью она должна была начать уроки.

Фрилингхаузенъ откровенно разсказалъ ей, какъ несчастно устроилась его жизнь. Но онъ не хотѣлъ показать молодой дѣвушкѣ, что состоитъ въ низшихъ чинахъ. Поэтому онъ представилъ ей въ розовомъ свѣтѣ положеніе фейерверкера, особенно офицера фейерверкера. Въ остальномъ онъ строго придерживался истины. Онъ говорилъ съ ней точно съ сестрой и ему было пріятно слушать утѣшенія дѣвушки, такой же несчастной, какъ онъ самъ.

Обоимъ имъ приказано было еще разъ явиться въ судъ, и по странной случайности почти въ одно и то же время. Встрѣтившись снова въ пустой пріемной, они весело улыбнулись другъ другу. Они опять болтали точно два добрыхъ пріятеля и въ концѣ концовъ жалѣли, что пришлось ждать не довольно долго.

Фрилингхаузенъ робко предложилъ пойти вмѣстѣ погулять въ воскресенье.

Молодая дѣвушка, Берта Кацъ, согласилась послѣ нѣкотораго колебанія. У покойнаго отца ея почти не было знакомыхъ въ городкѣ, сама она провела нѣсколько лѣтъ въ учительской семинаріи, что за бѣда, если злые языки скажутъ о ней что-нибудь дурное? Все равно она скоро уѣдетъ отсюда.

Кромѣ того, она чувствовала что-то въ родѣ материнской нѣжности къ этому красивому юношѣ, который жаловался ей на свои несчастія. Хотя они были почти ровесники, но она какъ-то не могла считать его взрослымъ. Онъ былъ еще совсѣмъ мальчикъ, но ей все-таки было пріятно, что онъ дѣлаетъ ее повѣренной своихъ печалей.

Она подарила Фрилингхаузену тѣ три воскресные дня, которые ей оставалось прожить въ маленькомъ городкѣ, и онъ былъ искренно благодаренъ ей.

Въ первый разъ послѣ смерти матери нашелся человѣкъ, съ которымъ онъ могъ говорить не только о службѣ и лошадяхъ, о придирчивыхъ начальникахъ и о тупоумныхъ канонирахъ. Онъ вспоминалъ разные эпизоды прежней гимназической жизни и въ душѣ не разъ бранилъ себя за то, что не умѣлъ пользоваться тогдашнимъ счастливымъ временемъ.

Берта получила гораздо болѣе основательное образованіе, чѣмъ онъ, и когда она иногда невольно впадала въ поучительный тонъ, онъ слушалъ ее, какъ хорошій ученикъ. Молодые люди болтали обо всемъ, что имъ приходило въ голову. Они по большей части высказывали весьма незрѣлыя мнѣнія о свѣтѣ и людяхъ, и нельзя сказать, чтобы сужденія отличались особенною мудростью. Но когда Фрилингхаузенъ вернулся въ казарму послѣ первой про-

гулки, онъ вдругъ нашелъ разговоры и обращеніе товарищей нестерпимо непріятными. Первый разъ послѣ долгаго времени явилось у него сознаніе, насколько онъ низко палъ.

На слѣдующее воскресенье онъ пришелъ на прогулку съ мрачной физіономіей. Онъ злился на себя за свое невѣроятное легкомысліе и разразился отчаянными жалобами на свою загубленную жизнь. Берта слушала его терпѣливо и внимательно, но его отчаяніе не встрѣтило у нея ожидаемаго сочувствія.

— Полноте, г. Фрилингхаузенъ!— сказала она.—Вы думаете, вамъ однимъ плохо живется. Неужели вы воображаете, что мнѣ будетъ пріятно учить маленькихъ дѣвочекъ шить, штопать и вышивать, когда я готовилась объяснять своимъ ученицамъ Мольера и Шекспира? Я нахожу, что въ этомъ отношеніи жизнь съиграла съ нами обоими одинаковую штуку. Мы оба хотѣли быть офицерами, но не хватило презрѣннаго метала, и мы сдѣлались унтеръ-офицерами. Этого нельзя измѣнить. Нечего биться лбомъ о стѣну, надобно спасать то, что еще можно спасти. Надѣюсь, глаза мои не совсѣмъ ослѣпнутъ за шитьемъ, и мнѣ можно будетъ въ свободное время почитать умную книжку.

— Да, вы, фрейлейнъ Берта, вы совсѣмъ другое дѣло,—возразилъ Фрилингхаузенъ—у васъ будетъ своя собственная комнатка, будетъ свободное время, пріятные знакомые и все такое. А у меня нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы я могъ быть одинъ, чтобы хоть почитать что-нибудь. Я все время долженъ проводить съ самымъ противнымъ народомъ.

Молодая дѣвушка настаивала на своемъ мнѣніи.

— Вѣдь это же не всегда такъ будетъ,—возразила она.—Чѣмъ дальше вы подвинетесь на службѣ, тѣмъ болѣе улучшится ваше положеніе. Чтобы не терять бодрости, вамъ слѣдуетъ смотрѣть впередъ, а не назадъ, назади вамъ нечего искать. Подумайте, лучше, обо мнѣ. Цѣлую жизнь только вязать, штопать и чинить! Скорѣе я могла бы приходить въ отчаяніе.

Она говорила съ нимъ ласково, старалась ободрить его, убѣдить, что ему не слѣдуетъ унывать и терять энергію.

Вечеромъ на второе воскресенье Фрилингхаузенъ засѣлъ за книги. Товарищи его давно съ шумомъ ушли въ спальню, а онъ все еще читалъ, пристально глядя въ книгу и заткнувъ уши руками, чтобы не видѣть и не слышать ничего окружающаго. Онъ легъ спать только, когда выгорѣлъ весь керосинъ въ лампѣ.

Всю недѣлю онъ относился къ службѣ такъ усердно и добросовѣстно, что Вегштетенъ опять обратилъ на него вниманіе. Послѣдніе мѣсяцы капитанъ до нѣкоторой степени разочаровался въ своемъ протеже. Онъ ожидалъ отъ него чего-нибудь необыкновеннаго, но Фрилингхаузенъ не проявлялъ себя ничѣмъ особеннымъ. Новая обстановка со своимъ принижающимъ уровнемъ поглотила его, и въ свидѣтельствѣ о поведеніи ему нельзя было поставить больше чѣмъ «очень хорошо». Вегштетенъ жалѣлъ, что его внезапное рвеніе къ службѣ явилось такъ поздно, когда молодой человѣкъ уже собирался поступать въ фейерверкерскую школу. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень доволенъ, что можетъ похвалить своего унтеръ-офицера, и не скупился на одобренія.

Въ третье и послѣднее воскресенье Фрилингхаузенъ явился на свиданіе въ очень торжественномъ настроеніи.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ неловкаго молчанія онъ вдругъ безъ всякихъ приготовленій сдѣлалъ предложеніе Бертѣ Кацъ. Ему только что исполнилось 19 лѣтъ.

Онъ не думалъ, что они сейчасъ же повѣнчаются. Онъ не былъ настолько неблагоразуменъ. Нѣтъ, онъ только просилъ учительницу, чтобы она подождала его, чтобы она никому другому не отдавала своей руки. Онъ настоящимъ образомъ посватается за нее, когда будетъ произведенъ въ лейтенанты-фейерверкеры.

Молодая дѣвушка съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Но юноша говорилъ такъ серьезно, съ такимъ чувствомъ, что у нея не хватило духу от-

нять у него всякую надежду. Она отвѣчала, что охотно готова ждать его, она была увѣрена, что никто другой не станетъ свататься за нее, бѣдную дѣвушку.

О любви, о какой-нибудь симпатіи къ ней Фрилингхаузенъ не сказалъ ни слова. Прося ея руки, онъ говорилъ, что она спасла его отъ опасности сдѣлаться такимъ же грубымъ и невѣжественнымъ, какъ его товарищи, что она указала ему правильный путь, и онъ надѣется съ ея помощью всегда идти по этому пути. Онъ хотѣлъ на ней жениться, чтобы имѣть вторую заботливую, утѣшающую и охраняющую мать,—мать, которую онъ давалъ себѣ слово никогда не огорчать.

Когда она дала ему обѣщаніе, онъ не сталъ больше настаивать. Ея отвѣтъ удовлетворилъ его. Ему не пришло въ голову при прощаніи попросить поцѣлуя у своей «невѣсты». Они разстались съ простымъ, крѣпкимъ рукопожатіемъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Берлинъ, въ школу фейерверкеровъ, она въ маленькій провинціальный городокъ учить дѣвочекъ шить и вышивать.

— Пишите же мнѣ, пожалуйста,— попросила она его на прощанье. Ей было интересно знать, что выйдетъ изъ этого юноши, долго ли онъ останется ея «женихомъ».

Въ первые дни по пріѣздѣ Фрилингхаузенъ написалъ ей длинное письмо. Изъ этого окна, у котораго онъ сидѣлъ, можно было наблюдать потокъ людей, который безостановочно направлялся на Лертскій желѣзнодорожный вокзалъ и обратно съ вокзала. Онъ описывалъ его, и письмо растягивалось все больше и больше.

Потомъ начались уроки въ школѣ. Онъ писалъ, что къ нимъ надобно относиться очень внимательно и очень усиленно подготовляться. Поэтому письма его становились все короче и короче. Наконецъ, они замѣнились просто открытыми письмами съ картинками. Картинки изображали большею частью танцовальныя залы и садовые трактирчики въ Панковѣ. Малу-по-малу и они прекратились.

Черезъ два года учительница рукодѣлія получила напечатанное на зеленевой бумагѣ сообщеніе о свадьбѣ. За это время она почти забыла, что должна считаться невѣстой, «женихъ», вѣроятно, тоже не помнилъ этого. Вальтеръ фонъ - Фрилингхаузенъ и Минна-Викторія фонъ Фрилингхаузенъ, урожденная Кеттке, сообщали о своемъ состоявшемся бракосочетаніи.

Фрилингхаузену удалось получить увольненіе отъ военной службы. Онъ сослался на боль въ ногѣ вслѣдствіе стараго перелома кости, который до тѣхъ поръ тщательно скрывалъ.

Минна - Викторія была единственной наслѣдницей содержателя увеселительнаго заведенія въ Панковѣ и Вальтеръ фонъ-Фрилингхаузенъ, какъ зять престарѣлаго папаши Вилли Кеттке, сталъ играть тамъ роль хозяина. Одѣтый въ изящную черную пару, онъ ходилъ между рядами стульевъ и удостаивалъ поклонамъ нѣкоторыхъ, по виду наиболѣе состоятельныхъ посѣтителей. Затѣмъ онъ съ видомъ принца становился около стойки пива, и кельнера, повара, кельнерши и судомойки съ почтеніемъ глядѣли на него. Онъ растолстѣлъ, и Минна - Викторія частенько дѣлала ему сцены, когда онъ слишкомъ дружелюбно привѣтствовалъ какую-нибудь элегантную даму, посѣщавшую заведеніе.

Послѣ его выхода въ отставку шестая батарея Остерландской полевой артиллеріи командировала въ школу фейерверкеровъ другого унтеръ-офицера— Густава Вейзе. Капитанъ фонъ-Вегштетенъ былъ очень доволенъ Вейзе, онъ считалъ, что пріобрѣлъ въ немъ полезнаго слугу королю и отечеству. Но Вейзе былъ склоненъ—чего, въ сущности, нельзя было ожидать отъ прежняго соціалъ-демократа—къ превышенію власти относительно подчиненныхъ, и потому батарейный командиръ вздумалъ убѣдить его сдѣлать карьеру въ качествѣ фейерверкера. Унтеръ-офицеръ Вейзе былъ человѣкъ не глупый; можно было ожидать, что онъ пойдетъ впередъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Вейзе все чаще проклиналъ тотъ часъ, когда онъ вздумалъ нататуировать себѣ на

рукѣ эти нелѣпыя слова: свобода, равенство, братство. Онъ сердился всякій разъ, когда кто-нибудь изъ товарищей, замѣтивъ конецъ рисунка, торчавшій изъ-подъ рукава, хотѣлъ видѣть всю надпись.

Разъ онъ, проходя по улицѣ, замѣтилъ вывѣску: «Докторъ Бюксенштейнъ, спеціалистъ по накожнымъ болѣзнямъ и т. д.». Ему тотчасъ пришло въ голову, что этотъ «спеціалистъ» поможетъ ему, и онъ отправился къ доктору въ первый же пріемный день его.

Докторъ, маленькій человѣкъ съ курчавой головой, удивился, когда унтеръ-офицеръ открылъ передъ нимъ руку, а когда паціентъ попросилъ его уничтожить татуировку, онъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Нѣтъ, любезный другъ,—сказалъ онъ,—я этого не могу, этого не уничтожишь! Да, впрочемъ, вѣдь, вашу революціонную надпись прикрываетъ рукавъ унтеръ-офицерскаго мундира. Одно что вы можете сдѣлать: натрите руку ланолиномъ и засыпьте сверху пудрой. Тогда будетъ не такъ замѣтно.

— Благодарю васъ, г. докторъ,— отвѣчалъ Вейзе, вставая, — сколько я вамъ долженъ?

— Рѣшительно ничего, любезный другъ,—сказалъ маленькій докторъ, смѣясь.—Вы мнѣ доставили большое удовольствіе!

Унтеръ-офицеръ зашелъ въ ближайшій аптекарскій магазинъ и купилъ себѣ большущую банку ланолина и полфунта пудры.

Содержавшійся въ крѣпости Вольфъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда увидѣлъ своего бывшаго товарища Фохта въ сѣрой нанковой курткѣ. Они оба были на работѣ. Фохтъ стоялъ въ концѣ ряда, Вольфъ однимъ изъ первыхъ съ правой стороны. Имъ никакъ нельзя было подойти другъ къ другу. Кромѣ того, строго запрещалось говорить громко.

Часовые стали во фронтъ, и солдаты заняли указанныя имъ мѣста, окруживъ со всѣхъ сторонъ заключенныхъ. Этимъ послѣднимъ постоянно внушалось, что у солдатъ на плечахъ заряженныя ружья, и что, въ случаѣ попытки къ бѣгству, они церемониться не будутъ: три раза прокричатъ «стой!», и кто не остановится, въ того будутъ стрѣлять.

Унтеръ-офицеръ, исполнявшій должность надзирателя, сдѣлалъ знакъ, замокъ у воротъ былъ открытъ и тяжелыя ворота отворились.

Во дворѣ солнце освѣщало только верхній этажъ одного изъ флигелей и внутри высокихъ стѣнъ было холодно и сыро. Точно изъ глубины шахты виднѣлся надъ головами кусочекъ яснаго неба. За воротами они вышли на солнечный свѣтъ и почувствовали теплоту его лучей.

Процессія заключенныхъ двинулась вдоль задней стороны зданія, чтобы не попадаться на глаза прохожимъ. Она проходило мимо конюшенъ и глухихъ стѣнъ арсенальныхъ складовъ и боковой тропинкой дошла до большого плацъ-парада столичнаго гарнизона.

Послѣ осеннихъ маневровъ и вплоть до весны громадная площадь оставалась пустынной и безлюдной. Обученіе отдѣльныхъ солдатъ производилось въ казармахъ и только послѣ смотра рекрутовъ упражненія переносились на большую площадь.

Арестанты должны были привести площадь въ порядокъ къ веснѣ и исправить все, что за лѣто испортилось. Они равняли почву, въ одномъ мѣстѣ закатывая ямки, въ другомъ удаляя возвышенія, они прочищали рвы, огораживавшіе четырехъугольникъ, и укрѣпляли стѣны позади мишеней. Главнымъ же образомъ они должны были насыпать заново большую земляную стѣну и сзади нея выкопать глубокій ровъ для упражненій артиллеристовъ въ перевозкѣ орудій. Это была страшно тяжелая работа. Почва на нѣсколько метровъ глубины состояла изъ чистаго тонкаго песку. Приходилось по щиколку стоять въ немъ и нагружать имъ тачку за тачкой, а ровъ все не становился глубже и стѣна не прибавлялась въ высоту. Казалось точно будто чер-

паешь воду и льешь ее наверхъ, откуда она опять скатывается внизъ.

Арестанты крехтя ввозили тачки по круто положеннымъ доскамъ и когда они со стѣны смотрѣли въ ровъ, имъ казалось, что песокъ вокругъ нихъ медленно ссыпается туда. Безнадежно глядѣли они въ глубокую яму, въ которой люди въ сѣрыхъ одеждахъ исполняли свою подневольную работу, и, вздыхая, вытирали потъ со лба. Затѣмъ они снова надѣвали лямки на плечи и, таща за собой тачки, сбѣгали по крутымъ доскамъ. Прежде чѣмъ спуститься въ яму, они бросали взглядъ на окружающую мѣстность. Въ сторону казармъ тянулась желтая песчаная площадь, а за ней море городскихъ домовъ и въ другую сторону тощій сосновый лѣсокъ, а около ямы часовые, ружья которыхъ блистали на солнцѣ.

Во время работъ легче было подойти другъ къ другу.

Когда Фохтъ и Вольфъ въ первый разъ встрѣтились—одинъ тащилъ свою тачку вверхъ, другой спускался внизъ, —они кивнули другъ другу съ грустной улыбкой. Послѣ этого имъ пришлось стоять рядомъ, насыпая песокъ въ тачки. Во время работъ было запрещено говорить, но арестанты умѣли произносить слова тихо, почти не шевеля губами.

— Какъ вы сюда попали?—былъ первый вопросъ Вольфа.

Фохтъ разсказалъ свою исторію, тысячу разъ прерываясь изъ-за противной работы. Ссыпавъ наверху свой грузъ песку, онъ спѣшилъ снова стать рядомъ съ бывшимъ товарищемъ по полку. Въ концѣ концовъ ему таки удалось разсказать всю исторію своего преступленія.

Онъ опустилъ голову и проговорилъ въ заключеніе:

— Вотъ какъ было дѣло, я ни крошки не вралъ!

У Вольфа вырвался короткій, горькій смѣхъ, который заставилъ обернуться часового, лѣниво расхаживавшаго взадъ и впередъ.

Ему было отъ души жаль бѣднаго Фохта, но развѣ это не новый примѣръ того, что соціалъ-демократамъ нечего особенно стараться вербовать себѣ сторонниковъ. Имъ прямо въ руки бросаютъ спѣлые плоды. Этотъ Фохтъ, самый исправный солдатъ, самый покладистый человѣкъ, достойный занимать мѣсто въ лейбъ-гвардіи столповъ монархіи, возитъ песокъ здѣсь вмѣстѣ съ ворами и разбойниками! А рядомъ съ нимъ везетъ свою тачку красный соціалъ-демократъ!

Послѣ этого Фохтъ сталъ разсказывать ему о знакомыхъ по батареѣ; каждый день понемногу, иногда всего нѣсколько отрывочныхъ словъ.

Вейзе произведенъ въ унтеръ-офицеры! Вейзе, эта подозрительная личность, этотъ тихоня, который всѣмъ поддакиваетъ, всегда говоритъ то, что выгодно въ данную минуту, этотъ болтунъ, который только благодаря своему ловкому языку былъ выбранъ уполномоченнымъ рабочихъ металлургическихъ заводовъ! Развѣ нельзя сказать, что все на свѣтѣ идетъ наизнанку?

Но нѣтъ. Разсчеты Вейзе были совершенно правильны. Эта лакейская душа попала на свое настоящее мѣсто. Маленькому капитану фонъ Вегштетену не найти унтеръ-офицера, который бы больше угождалъ ему, больше старался заслужить одобреніе батарейнаго командира, чѣмъРуставъ Вейзе. Этотъ человѣкъ на своемъ мѣстѣ.

Если бы онъ остался среди соціалъ-демократовъ, разсуждалъ про себя Вольфъ, онъ сдѣлался бы такимъ же послушнымъ лакеемъ какого-нибудь заправилы партіи. Положиться на него нельзя было нигдѣ, ни здѣсь, ни тамъ.

Другое дѣло Фохтъ, этотъ мужикъ, въ спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ котораго отражается честность и сознательная вѣрность долгу. Если онъ пристанетъ къ какой-нибудь партіи, то на него можно положиться.

И Вольфъ старался распропагандировать товарища...

Эти мимоходомъ, шопотомъ брошенныя слова о несправедливости и гнетѣ современнаго строя, о чудномъ равенствѣ и свободѣ въ будущемъ обществѣ должны были производить особенно сильное и

прочное впечатлѣніе здѣсь, въ тюрьмѣ, гдѣ яркимъ подтвержденіемъ ихъ служила суровая судьба заключенныхъ. Два человѣка, по чистой совѣсти не чувствовавшіе за собой никакой вины, сидѣли здѣсь вмѣстѣ съ безчестными преступниками и возили песокъ рядомъ съ ними.

Крестьянинъ соглашался съ этимъ безусловно.

И онъ, и Вольфъ, они оба терпѣли незаслуженное наказаніе. И вообще на свѣтѣ творилось много несправедливаго.

Они возвращались съ работъ въ тюрьму. Вольфъ шелъ рядомъ съ Фохтомъ. Высокій худой онъ былъ повидимому весь только кожа да кости. Щеки его провалились, сѣрая куртка висѣла на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Но глаза его блестѣли и горѣли, какъ въ лихорадочномъ огнѣ, и на губахъ его мелькала гордая улыбка.

Фохтъ кивнулъ ему. Этотъ знакъ былъ равносиленъ клятвѣ.

Толпа арестантовъ подошла къ воротамъ. Сильный дождь заставилъ ихъ поспѣшить подъ своды воротъ. Они стояли тѣсно прижимаясь другъ къ другу, и ожидали чтобы имъ отперли ворота.

Вдругъ Фохтъ почувствовалъ, что Вольфъ крѣпко сжалъ его руку.

— Мы, кажется, сговорились, товарищъ, — услышалъ онъ тихій шопотъ,—будемъ на «ты»!

Крестьянинъ отвѣтилъ на пожатіе и проговорилъ:

— Хорошо, товарищъ...

Однообразно проходили дни тюремнаго заключенія; они мелькали словно цѣпь совершенно ровныхъ звеньевъ.

Но осеннее небо надъ большою площадью становилось все болѣе и болѣе сѣрымъ и часто посылало холодные потоки дождя на гладкій песокъ. И вотъ разъ утромъ сквозь маленькія тюремныя окошки проглянуло что-то ослѣпительно бѣлое: выпалъ первый зимній снѣгъ.

Ноябрь начался суровыми морозами. Холодъ проникалъ сквозь толстыя стѣны тюрьмы и арестанты дрожали подъ своими тонкими шерстяными одѣялами. Когда земля настолько промерзла. что ее нельзя было взять ни лопатой, ни киркой, имъ стали давать плести соломенные маты или шить мѣшки.

Фохтъ бранился:

Чортъ возьми! Лучше бы я тогда подобралъ колѣни! Что мнѣ было за дѣло до чванной физіономіи какого-то офицеришки!

Онъ глядѣлъ на сѣровато-голубое небо, виднѣвшееся сквозь маленькое рѣшетчатое окошечко. Онъ легко переносилъ тяжелую работу на свѣжемъ воздухѣ; но когда ему пришлось все время сидѣть въ тѣсной камерѣ, ему иногда казалось, что онъ задыхается.

Аккуратно каждый день около полудня стая голубей поднималась съ сосѣдней крыши и пролетала мимо окна. Они, очевидно, жили гдѣ-нибудь поблизости и направлялись къ кухнѣ за крошками отъ обѣда или за чѣмъ-нибудь подобнымъ. А можетъ быть, это были одичавшіе голуби, которые гнѣздились въ подгородномъ лѣскѣ.

Арестантъ радовался этимъ мимолетнымъ гостямъ изъ свободнаго міра. Слава Богу, первые три изъ пяти мѣсяцевъ его заключенія прошли. Въ февралѣ онъ вернется въ гарнизонъ. Тамъ ему придется прослужить до срока еще два мѣсяца, и въ мартѣ, съ первыми весенними днями онъ будетъ свободенъ.

Но еще раньше, въ первыхъ числахъ декабря онъ получилъ печальное извѣстіе изъ внѣшняго міра.

Отецъ его умеръ. Хуже того: онъ уже былъ похороненъ въ то время, когда сынъ узналъ о его смерти. Старикъ самъ этого хотѣлъ.

Надзиратель тюрьмы, болѣзненный маленькій пѣхотный капитанъ, вызвалъ Фохта въ канцелярію и тамъ ему пришлось выслушать печальный разсказъ, который какъ-то походилъ на сказку.

Староста деревни, гдѣ жили Фохты, самъ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы сообщить сыну о смерти отца. Онъ стоялъ въ канцеляріи сильный, большой, толстый, въ своей бараньей шубѣ. Казалось, что съ нимъ ворвалась въ комнату струя свѣжаго воздуха.

Онъ разсказалъ слѣдующее: никто

не знаетъ навѣрно, когда именно умеръ сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ.

Съ концомъ лѣта старикъ сильно одряхлѣлъ. Во время осеннихъ работъ, во время уборки поздняго сѣна и картофеля, во время распашки поля подъ посѣвъ, замѣтно было, какъ онъ постарѣлъ. Работа не спорилась въ его морщинистыхъ, безсильныхъ рукахъ. Сосѣди часто видѣли, какъ онъ отдыхалъ, опершись о заборъ или о плугъ, и долго глядѣлъ передъ собой неподвижными глазами.

Тѣмъ не менѣе онъ ни за что не хотѣлъ взять себѣ въ помощь работника. Одинъ какъ прежде дѣлалъ онъ все, что было нужно по хозяйству и для скота. Когда съ наступленіемъ холодовъ прекратились полевыя работы, онъ пересталъ показываться людямъ. Домикъ сборщика стоялъ съ закрытыми ставнями, точно вымершій. Только тоненькая струйка дыма, поднимавшаяся изъ трубы утромъ и около полудня показывала, что тамъ еще есть жизнь.

Деревенскіе ребятишки стали бояться проходить мимо домика. Они разсказывали, что старый Фохтъ стоитъ съ ружьемъ за дверью и убиваетъ всякаго входящаго въ нее, и самые дерзкіе мальчишки не смѣли бросать камни въ постоянно запертую дверь, послѣ того какъ одинъ разъ сборщикъ шоссейныхъ пошлинъ появился на порогѣ съ длинными всклоченными сѣдыми волосами и такою же всклоченною бородою и съ толстою палкою въ рукахъ.

Затѣмъ настали сильные морозы при началѣ зимы. Поля и луга погрузились въ ту торжественно покойную тишину, которая, исходя изъ заснувшей земли, охватываетъ и крестьянское населеніе. Опушенная инеемъ деревня, казалось спала въ печальномъ полусумракѣ ноябрскихъ дней.

Но вотъ работникъ съ молочной фермы разсказалъ, что у воротъ сборщика пошлинъ не стояла, какъ обыкновенно, кружка съ молокомъ.

Бухгалтеръ общественной молочной отмѣтилъ, что въ этотъ день Фридрихъ Августъ Фохтъ не внесъ своей доли.

Въ этомъ въ сущности не было ничего особеннаго. Можетъ быть, старый, угрюмый чудакъ вздумалъ сбить себѣ немножно масла. Крестьяне сочли это новою, странною затѣею.

Около полудня одинъ изъ крестьянъ везъ мимо домика сборщика зерно на мельницу. Колеса стучали по твердо замерзшей улицѣ, лошади скользили. Крестьянинъ обернулся и случайно взглянулъ на домикъ. Было обѣденное время, а изъ трубы не шелъ дымъ. Неужели старикъ Фохтъ пересталъ варить себѣ пищу? Если онъ лишаетъ себя горячаго кушанья, то хоть скоту долженъ бы давать теплый кормъ.

На возвратномъ пути тотъ же крестьянинъ слышалъ, что коровы сборщика мычатъ не переставая, какъ-то болѣзненно. Вечеромъ онъ разсказалъ объ этомъ въ трактирѣ.

Тогда сосѣди стали совѣщаться. Не заболѣлъ ли сборщикъ пошлинъ? Наиболѣе любопытные вышли изъ теплой комнаты трактира и, несмотря на холодный восточный вѣтеръ, отправились къ дому сборщика. Они стояли передъ нимъ въ своихъ бараньихъ шубахъ. Нигдѣ не виднѣлось ни огонька. Вѣтеръ свистѣлъ, и среди рева бури раздавалось жалобное мычанье коровъ. Было ясно слышно, что три коровы до нѣкоторой степени чередовались: когда одна переставала мычать, тотчасъ же начинала другая жалобнымъ и уже нѣсколько охрипшимъ голосомъ.

Крестьяне постучали въ двери и въ оконныя ставни. Не слышно было ни малѣйшаго шума, только вѣтеръ завывалъ вокругъ уединеннаго зданія.

Сосѣди рѣшили разойтись по домамъ. Сильный вѣтеръ мѣшалъ имъ дѣлиться другъ съ другомъ своими предположеніями, они шли молча и временами до нихъ долеталъ отрывистый звукъ рева которой-нибудь скотины.

На слѣдующее утро кружки съ молокомъ опять не стояло у воротъ, изъ трубы опять не виднѣлось дыма. Работникъ молочной фермы хлопалъ бичомъ, стучалъ палкой и въ ворота и въ двери дома, но отвѣта не было.

Тогда дали знать сельскому старшинѣ. Онъ пришелъ съ жандармами и съ

кузнецомъ, исполнявшимъ въ случаѣ надобности и слесарныя работы. За ними послѣдовало чуть не полдеревни и толпа окружила домикъ сборщика, такъ что жандармы съ трудомъ могли удалить отъ двери женщинъ и дѣтей.

Мычанье коровъ превратилось въ глухіе стоны. Вмѣстѣ съ этимъ слышно было, какъ онѣ бѣшено рвались съ цѣпей.

Старшина постучалъ кулакомъ въ дверь и подергалъ ручку.

— Г. Фохтъ! — позвалъ онъ. — Г. Фохтъ! Отворите! И еще разъ:—г. Фохтъ! г. сборщикъ! да отворите же. А жендармъ, старый полковой товарищъ сборщика шоссейныхъ пошлинъ, прибавилъ отъ себя:

— Августъ! отвори! Если ты боленъ и не можешь, дай какой-нибудь знакъ.

Попрежнему полное безмолвіе. Ставни были закрыты, весь домикъ, казалось, спалъ. Только въ хлѣву стонали коровы. Онѣ стали еще бѣшенѣе гремѣть цѣпями, точно слышали голоса, которые не могли разбудить ихъ хозяина.

Старшина въ послѣдній разъ постучалъ въ дверь и прислушался, приложивъ ухо къ дереву. Въ сѣняхъ не слышно было ничего, кромѣ лязга потревоженнаго замка.

Тогда онъ сказалъ кузнецу.

— Гюне, придется взломать!

Кузнецъ взялъ свою связку ключей и скоро отперъ замокъ. Но дверь отворилась лишь на нѣсколько пальцевъ: она была приперта изнутри толстымъ желѣзнымъ прутомъ.

Тогда старшина, человѣкъ сильный и ловкій, перелѣзъ черезъ ворота. Все было тщательно заперто, дверь въ хлѣвъ и входъ въ домъ со двора. Когда онъ своими тяжелыми шагами подошелъ къ хлѣву, коровы перестали мычать, какъ бы прислушиваясь, и когда онъ снова удалился, онѣ словно бѣшеныя принялись рвать свои цѣпи.

Старшина отодвинулъ запоръ и открылъ ворота. Онъ поставилъ двухъ парней около столбовъ воротъ, чтобы удерживать тѣснившуюся толпу. Затѣмъ онъ посовѣтовался съ жандармами. Окна съ задней стороны дома не защищались ставнями. Можно было высадить одно стекло.

Со звономъ упали осколки стекла на каменныя плиты сѣней. Жандармъ просунулъ руку въ отверстіе и отодвинулъ задвижку. Онъ влѣзъ первый, за нимъ послѣдовалъ старшина.

Толпа любопытныхъ передъ домомъ ждала молча, затаивъ дыханіе.

Оба должностныя лица прошли сѣни. Жандармъ открылъ дверь въ кухню. Тамъ стоялъ леденящій холодъ. На плитѣ очага лежала кучка растопокъ и коробочка спичекъ, очевидно приготовленныя, чтобы топить печки.

Въ комнатѣ сборщика, выходившей на улицу, рядомъ со входною дверью, было темно отъ закрытыхъ ставень. Тамъ еще чувствовался легкій запахъ коптѣвшей лампы; чѣмъ то жуткимъ, могильнымъ повѣяло изъ нея, какъ только открыли дверь.

Сборщикъ сидѣлъ у стола—мертвый. Голова его упала. Тѣло держалось вытянутымъ и неподвижнымъ на стулѣ близко пододвинутомъ къ столу, рука, которой онъ, вѣроятно, подпиралъ подбородокъ, стояла на столѣ окоченѣвшая не то отъ смерти, не то отъ страшнаго холода. Передъ трупомъ были разложены всевозможныя бумаги, счеты, пожелтѣвшія отъ времени свидѣтельства, выданныя ему еще во время его военной службы. Рядомъ стояли коробочки съ деньгами: на каждой была надпись сдѣланная четкимъ почеркомъ: «За молоко», «За огородное», «За скотъ». Старикъ должно быть вынулъ все это изъ шкатулки, которая тутъ же стояла пустая. На днѣ шкатулки лежали его ордена и медали.

Жандармъ положилъ руку на плечо мертвеца и проговорилъ:—Что захотѣлъ еще разъ полюбоваться своимъ крестомъ, старый товарищъ, да и уснулъ, глядя на него.

Деньги и бумаги опять уложили въ шкатулку, и старшина заперъ ее въ шкафъ, стоявшій открытымъ. Ключъ отъ шкафа онъ взялъ себѣ въ карманъ.

— Потомъ мы на все наложимъ печати,—сказалъ онъ.

Жандармъ кивнулъ и открылъ ставни. Яркій дневный свѣтъ упалъ на вскло-

ченные сѣдые волоса головы и скользнулъ по блѣднымъ точно восковымъ вискамъ. Обѣ руки протягивали свои сухіе костявые пальцы, одна лежала на столѣ, другая была поднята.

Старшинѣ и жандарму было такъ жутко, что несмотря на толстыя шубы, ихъ пробирала дрожь.

Холодный свѣтъ зимняго дня пробрался во всѣ углы комнаты и освѣтилъ ихъ.

— Тутъ еще что-то лежитъ!—вскричалъ вдругъ жандармъ. Онъ показалъ на сложенную бумагу, лежавшую на столикѣ у дверей нарочно на виду.

«Моя послѣдняя воля. Вскрыть *немедленно!*» было написано на ней четкимъ, хотя нѣсколько дрожавшимъ и ослабѣвшимъ почеркомъ сборщика шоссейныхъ пошлинъ. Слово «немедленно» было трижды подчеркнуто.

Приказаніе было выражено вполнѣ ясно, и должностныя лица не колебались исполнить его. Съ одной стороны, они имѣли на это право, съ другой—ихъ мучило любопытство.

Бумага была даже не запечатана, да она и не заключала въ себѣ ничего особеннаго. Старый Фохтъ просилъ, чтобы въ случаѣ его смерти калѣка Ваквицъ, иногда помогавшій ему въ работахъ, взялъ на себя уходъ за скотомъ, пока сынъ его не вернется съ военной службы. За труды онъ отдавалъ ему ежедневный удой молока. Затѣмъ онъ продолжалъ: «Все, что я имѣю, перейдетъ, само собою разумѣется, моему дорогому сыну Францу. Похороны будутъ устроены на счетъ похоронной кассы «Покой». Я бы хотѣлъ, чтобы меня хоронили совсѣмъ просто, безъ всякой роскоши, и убѣдительно прошу, чтобы извѣстили сына о моей смерти послѣ похоронъ, въ случаѣ, если я умру раньше 3-го февраля будущаго года».

— Тогда,—обратился старшина къ Францу, прерывая свой разсказъ, — мы не понимали, что это значитъ. Намъ было странно, почему онъ назначилъ именно это число.

Онъ откашлялся, плюнулъ и продолжалъ:

— Теперь мы, конечно, понимаемъ, что вашъ покойный отецъ не хотѣлъ, чтобы мы узнали, какое... несчастье случилось съ вами на солдатской службѣ, не хотѣлъ открывать этого, пока самъ не ляжетъ въ землю. Ну, дѣло-то было не очень плохое, какъ мнѣ изволилъ разсказать г. капитанъ.

Надзиратель тюрьмы прервалъ его нѣсколько нервно:

— Это, кажется, не относится къ дѣлу, г. сельскій старшина? Не правда ли?

Крестьянинъ продолжалъ свой обстоятельный разсказъ.

Послѣ того какъ нашли покойника, конечно, первымъ дѣломъ принялись за скотъ. Въ ясли наложили сѣна, принесли воды и нѣсколько женщинъ вызвались подоить коровъ. Ихъ вымена были переполнены молокомъ до того, что стали совсѣмъ твердыя, крѣпкія, и коровы могли стоять не иначе, какъ растопыривъ ноги.

— Нѣтъ, нѣтъ,—успокоительно отвѣтилъ онъ, прочитавъ вопросъ въ глазахъ Франца,—ни съ одной ничего не случилось. Мы боялись, что у желтухи, которая телилась всего десять недѣль тому назадъ, молоко падетъ на голову, —у нея былъ сильный жаръ,—но ничего, обошлось. Свиньи отъ голода съѣли всю солому въ хлѣву и съ навозомъ вмѣстѣ, а куры какъ бѣшеныя бросились на чашку съ крупой.

Все въ порядкѣ. Онъ, старшина, смотритъ, чтобы Ваквицъ хорошенько ходилъ за скотиной и ничего не утащилъ. Все заперто на замокъ, кромѣ хлѣва, кормъ скотинѣ выдается на недѣлю. Старый Ваквицъ дуракъ, но честный человѣкъ. На него можно положиться.

Похороны были устроены, какъ хотѣлъ покойный. Сыну не дали ничего знать и все было устроено совсѣмъ просто. Но военный клубъ непремѣнно захотѣлъ сдѣлать на могилѣ три залпа въ честь товарища, а помѣщикъ въ своемъ мундирѣ кавалерійскаго ротмистра ландвера, баронъ фонъ-Науслицъ во всѣхъ своихъ орденахъ и г. камергеръ фонъ-Наундерфель да еще два старые солдата 1870—1871 г. шли въ первыхъ рядахъ за гробомъ.

До сихъ поръ арестантъ слушалъ внимательно, но не вполнѣ понималъ, что такое ему говорятъ. Все это было похоже на какую-то сказку. А теперь еще это подробное описаніе похоронъ!

Оно напомнило ему похороны стараго ветерана Мерца, который сражался еще подъ Лейпцигомъ и дожилъ почти до ста лѣтъ. Францъ былъ въ то время еще мальчикомъ и пѣлъ на похоронахъ въ хорѣ школьниковъ. Неужели же правда, что отецъ его скончался? Какъ будто правда! Разсказчикъ описывалъ, какъ присутствующіе бросали на гробъ комья земли, и эта подробность, наконецъ, убѣдила сына въ жестокой истинѣ.

Словно издали слышалъ онъ, какъ старшина выражалъ ему свое участіе и увѣрялъ, что наслѣдство его будетъ цѣло и сохранно.

Великанъ въ толстой мѣховой шубѣ ушелъ. Изъ открытой двери еще разъ пахнуло свободнымъ свѣжимъ воздухомъ, затѣмъ въ комнатѣ стало попрежнему душно и пусто.

Францу показалось, что и капитанъ проговорилъ нѣсколько словъ сочувствія, потомъ пришелъ дежурный и повелъ его обратно въ камеру.

Онъ вошелъ туда. Замокъ за нимъ щелкнулъ — наконецъ-то онъ одинъ. Наконецъ-то можетъ онъ спокойно сообразить, что такое случилось.

Съ сѣраго четырехъугольнаго кусочка неба, виднѣвшагося сквозь маленькое окошечко, медленно падали хлопья снѣга. Онъ представлялъ себѣ кладбище тамъ дома, въ деревнѣ, спускавшееся по отлогому скату сзади простой сельской церкви и обнесенное толстой каменной стѣной. Кусты ежевики росли вдоль нея и представляли болѣе прочную ограду, чѣмъ старая стѣна. Куда-то положилъ покойника могильщикъ, этотъ старый Микснеръ, который прогонялъ ребятишекъ съ кладбища однимъ грознымъ взглядомъ своихъ косыхъ глазъ. Гдѣ вырыта могила? Подлѣ церкви, тамъ, гдѣ лежитъ мать или дальше, съ другого конца ряда, въ новой части кладбища, около стѣны?

Дома навѣрно теперь также идетъ снѣгъ и покрываетъ всѣ могилы, старыя и новыя, своимъ мягкимъ теплымъ покровомъ.

Раннія сумерки зимняго дня мало-по-малу окутали камеру мрачною тѣнью, а хлопья снѣга все болѣе густой толпой мелькали передъ маленькимъ окошечкомъ.

Въ такое время мужики достаютъ изъ кладовыхъ бубенчики и весело звенитъ упряжь проѣзжающихъ мимо дома сборщика шоссейныхъ пошлинъ. Когда этотъ звонъ раздавался около самаго дома, сборщикъ по старой привычкѣ не могъ удержаться, чтобы не встать и не посмотрѣть въ окно. А палка въ углу съ полосатымъ мѣшкомъ для денегъ на концѣ, казалось, ждала, что ее просунутъ сквозь опускное окошечко и втянутъ назадъ съ монетой за проѣздъ по шоссе.

Теперь комната сборщика пуста, комната, весь домъ, весь міръ.

Отецъ оставилъ своего малаго одинокимъ на Божьемъ свѣтѣ!

Точно одинъ изъ тѣхъ сердитыхъ волковъ, о которыхъ разсказывается въ сагахъ, онъ ушелъ въ свою берлогу, чтобы умереть одинокимъ. Чувствовалъ ли онъ приближеніе смерти, или она настигла его невзначай? Никто этого никогда не узнаетъ. Онъ умеръ хорошею смертью, не теряя сознанія, не переставая работать. Его кончина удивительно хорошо подходила ко всей жизни этого человѣка.

Францъ Фохтъ сидѣлъ на своемъ табуретѣ въ темной камерѣ и горькими слезами оплакивалъ отца.

Бѣдняга имѣлъ полное основаніе жаловаться на свою судьбу. Смерть унесла у него друга, а теперь отняла и отца.

Неужели онъ всю жизнь проживетъ одинокимъ?

Въ холодные зимніе дни Фохтъ почти не видалъ своего товарища по полку Вольфа. Во время дежурства на кухнѣ, во время уборки корридоровъ или при ежедневныхъ прогулкахъ во дворѣ, гуськомъ, они нѣсколько разъ кивали другъ другу, но ни разу не пришлось имъ стоять настолько близко, чтобы обмѣняться хоть однимъ словомъ.

Но вотъ суровые морозы смѣнились необыкновенно раннею оттепелью. Въ послѣднихъ числахъ января въ одну ночь погода измѣнилась, и вдругъ веселое солнце съ яснаго голубого неба залило своими лучами удивленную, полусонную землю.

Арестанты немедленно начали снова свои работы на большомъ плацъ-парадѣ. Надобно было счистить и увезти снѣгъ, прежде чѣмъ тающая вода образуетъ ямы и промоины на поверхности, которую съ такимъ трудомъ удалось выравнять. И вотъ въ сѣрыхъ утреннихъ сумеркахъ снова задвигался маленькій отрядъ арестантовъ въ старыхъ шинеляхъ, накинутыхъ сверху тюремныхъ куртокъ, окруженный часовыми съ заряженными ружьями на плечахъ. Отъ душнаго воздуха камеръ лица поблѣднѣли и похудѣли. Лѣтомъ, когда арестанты усердно работали кирками и тачками, ихъ можно было принять за толпу рабочихъ - землекоповъ, теперь они походили на сибирскихъ каторжниковъ, которые только-что вылѣзли изъ глубокой шахты рудника. Глаза съ трудомъ выносили яркій солнечный свѣтъ, но легкія жадно втягивали чистый, вольный зимній воздухъ.

Когда Фохту и Вольфу удалось опять пошептаться другъ съ другомъ, имъ казалось, что они свидѣлись послѣ долгой разлуки.

Крестьянинъ разсказалъ о смерти своего отца, останавливаясь съ нѣкоторою гордостью на той незаурядной обстановкѣ, среди которой скончался старикъ, добровольно удалившись отъ всѣхъ людей.

— Да, это былъ цѣльный человѣкъ до конца жизни!—проговорилъ Вольфъ. Но онъ не имѣлъ возможности хотя бы пожать руку товарищу въ знакъ сочувствія.

Послѣ этого Фохтъ началъ толковать о своемъ освобожденіи. Для него этотъ день долженъ былъ скоро наступить. Онъ зналъ, что каждое слово было ножомъ въ сердце товарища, несчастнаго, которому придется еще не одинъ годъ томиться въ тюрьмѣ, но онъ не могъ не говорить. Онъ долженъ былъ такъ или иначе проявить свою радость, не то она задушила бы его. Онъ считалъ каждый прожитый часъ и минуту, и по ночамъ почти не могъ спать.

А весна, повидимому, задалась цѣлью почтить своимъ присутствіемъ день его освобожденія. Когда утромъ открывались ворота, чтобы выпустить арестантовъ на работу, они чувствовали, какъ съ каждымъ днемъ воздухъ становится мягче и теплѣе. Во время работъ имъ даже хотѣлось бы сбросить шинели, но это было запрещено.

Фохтъ шелъ съ высоко поднятой головой и блестящими глазами, онъ бодро работалъ лопатой и энергично толкалъ тяжело нагруженную тачку.

Вѣдь черезъ нѣсколько дней онъ будетъ свободенъ! А Вольфъ сжималъ губы и чѣмъ веселѣе свѣтило солнце, тѣмъ мрачнѣе становился онъ. Щеки его проваливались все больше и больше, при малѣйшемъ усиліи потъ текъ ручьями по его исхудалому лицу, онъ еле держался на ногахъ отъ истощенія, только глаза его горѣли дикимъ огнемъ.

— Я не могу больше терпѣть,—шепнулъ онъ разъ утромъ Фохту.—Я все равно умру. Лучше попробовать бѣжать.

— Ты съ ума сошелъ! — сказалъ Фохтъ.—Развѣ ты не видишь часовыхъ, они не дадутъ тебѣ уйти и на сто шаговъ!

Вольфъ оглядѣлся. Дѣйствительно, мало было надежды пробраться сквозь этотъ кругъ часовыхъ.

Но онъ не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія и возразилъ:

— Ну что же? пусть они меня застрѣлятъ! Это все-таки лучше, чѣмъ мучиться здѣсь еще три года.

И вдругъ попытка побѣга представилась ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Если она не удастся, если онъ падетъ отъ пули часового, не явится ли онъ мученикомъ за свои убѣжденія? Можетъ быть, даже лучше быть убитымъ, чѣмъ спастись и влачить жалкую жизнь гдѣнибудь за границей, подъ вѣчнымъ страхомъ высылки въ качествѣ никому ненужнаго иностранца.

Прежде онъ во что бы то ни стало хотѣлъ освободиться, а теперь смерть

являлась для него желанною цѣлью. Одного только онъ боялся: чтобы выстрѣлъ не сдѣлалъ его калѣкой.

На другой день онъ прошепталъ Фохту:

— Когда въ слѣдующій разъ на часахъ будутъ егеря, я попытаюсь.

Фохтъ покачалъ головой съ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Товарищъ, должно быть, прямо насмѣхался. Совершенно невозможно убѣжать отъ такой бдительной стражи. И почему это Вольфъ хочетъ сдѣлать свою попытку именно тогда, когда часовыми егеря, самые лучшіе стрѣлки въ арміи? Онъ точно нарочно ищетъ смерти!

Добродушный Францъ положилъ себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонять товарища отъ его намѣренія. Нельзя было допустить, чтобы такой славный парень, въ припадкѣ отчаянія, покусился все равно что на самоубійство. Но надобно было спѣшить. Черезъ пять дней самъ онъ выйдетъ на волю, за это время Вольфъ долженъ дать ему слово отказаться отъ своей нелѣпой затѣи.

Онъ обернулся и посмотрѣлъ на часовыхъ. По ихъ формѣ можно было разсчитать, когда придетъ чередъ егерей держать караулъ. Семь батальоновъ чередовались ежедневно, три изъ лейбъ-гренадеровъ, три изъ стоявшаго въ въ столицѣ полка фузилеровъ и одинъ изъ егерей. Маленькій фузилеръ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Кисточка на темлякѣ его была желтая, значитъ онъ принадлежалъ къ одиннадцатой ротѣ. Какъ это глупо! Завтра на караулѣ уже будутъ егеря.

Толкая предъ собою тяжело нагруженную тачку, онъ глазами искалъ Вольфа: товарищъ, такъ же какъ и онъ, наложилъ свою тачку. Онъ прошелъ совсѣмъ подлѣ него и сдѣлалъ ему знакъ идти вмѣстѣ. Но Вольфъ нарочно медлилъ и съ улыбкой покачалъ головой.

Вскорѣ послѣ этого надобно было возвращаться въ тюрьму. Арестанты должны были сложить свои тачки и лопаты въ сарай. Фохтъ поджидалъ товарища въ полутемномъ сараѣ, пока другіе выходили вонъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ и крѣпко пожалъ его руку. Вольфъ шепнулъ ему на ухо:

— Прощай, товарищъ!

Въ ту же секунду высокая тощая фигура проскользнула мимо, стоявшая сзади толпа оттѣснила Фохта назадъ. Шепнуть что-нибудь въ отвѣтъ было невозможно.

Выйдя на тюремный дворъ, онъ успѣлъ еще разъ встрѣтиться глазами съ Вольфомъ. Товарищъ глядѣлъ весело и бодро, какъ человѣкъ, не угнетенный никакими заботами, человѣкъ, передъ которымъ открывается свѣтлая будущность.

Караулъ, который на слѣдующій день долженъ былъ сопровождать арестантовъ на работы, носилъ зеленую форму егерей. Среди него былъ ефрейторъ, веселый малый, съ тщательно нафабренными усами и живыми глазами; на груди у него висѣлъ знакъ отличія за искусную стрѣльбу. Онъ, очевидно, первый разъ исполнялъ такого рода службу и потому разсматривалъ арестантовъ съ большимъ любопытствомъ, словно рѣдкихъ дикихъ звѣрей. Затѣмъ онъ сталъ на свое мѣсто по правую сторону партіи и пошелъ мѣрными шагами къ воротамъ.

Надъ обширнымъ плацъ-парадомъ еще носился утренній туманъ. Но вскорѣ солнце прогнало его и безпрепятственно освѣтило землю своими теплыми лучами. Фохтъ искалъ безпокойными глазами Вольфа. Но товарищъ, повидимому, отказался отъ своего плана; онъ усердно работалъ киркой и стоялъ не съ краю, а среди прочихъ арестантовъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ арестантовъ стоялъ караулъ. Въ сторонѣ штабный ординарецъ выѣзжалъ высокую гнѣдую лошадь. Лошадь должна была научиться выступать короткимъ, важнымъ галопомъ, который очень цѣнится на парадѣ.

Черноусый ефрейторъ егерей держалъ ружье небрежно на плечѣ и лишь изрѣдка поглядывалъ на арестантовъ. Скучно было глядѣть, какъ они роются въ грязи.

Вдругъ изъ ясно очерченнаго круга

арестантовъ отдѣлилась одна тощая фигура—это былъ Вольфъ. Быстрыми шагами пробѣжалъ онъ сзади ефрейтора, направляясь прямо въ лѣсъ.

Караульный не замѣтилъ его побѣга. Лишь окрикъ надзиравшаго фельдфебеля заставилъ его насторожиться. Онъ снялъ ружье съ плеча прицѣлился и крикнулъ первое: «Стой!»

Вольфъ безъ малѣйшаго колебанія бѣжалъ дальше. Тутъ случилось нѣчто, что увеличило шансы бѣглеца. Ординарецъ вздумалъ принять участіе въ преслѣдованіи. Онъ пустилъ своего гнѣдого въ галопъ и бросился вслѣдъ за бѣглецомъ.

Вольфъ слышалъ за собой топотъ лошадиныхъ копытъ и мелькомъ оглянулся. Всадникъ находился между нимъ и караульнымъ. До лѣса оставалось всего нѣсколько шаговъ, до входа въ него лошадь не настигнетъ его, а въ лѣсу онъ скроется.

Отчаянное желаніе умереть сразу оставило его. Онъ больше не хотѣлъ умирать, онъ хотѣлъ быть свободнымъ и жить. Тамъ въ лѣсу, къ которому онъ приближался съ быстротою птицы, онъ будетъ спасенъ. Кто найдетъ его въ густой поросли молодыхъ сосенъ? Онъ проскачетъ сквозь кустарникъ опушки и сразу свернетъ въ сторону. Тогда пусть они себѣ стрѣляютъ въ лѣсъ. Онъ приляжетъ къ самой землѣ и пули пролетятъ надъ нимъ.

Сзади раздалось второе «стой!» караульнаго, произнесенное болѣе повелительнымъ и рѣзкимъ тономъ.

Кричи себѣ сколько хочешь!

До лѣса оставалось всего нѣсколько шаговъ. Ровъ отдѣлялъ опушку отъ плаца, маленькій ровъ всего въ метръ ширины, который легко было перескочить.

Вольфъ бѣжалъ.

Онъ зналъ что лѣсъ тянется далеко, вплоть до города. Первые дома предмѣстья стояли среди деревьевъ. Тамъ жили рабочіе плавильщики и кузнецы, его единомышленники. Или они, или какая-нибудь сострадательная женщина навѣрно дастъ бѣглецу пару поношеннаго платья и тогда онъ ужъ съумѣетъ добраться до границы.

Раздалось третье, грозное: «Стой!»

Всадникъ, очевидно, понялъ безплодность своего вмѣшательства и остановилъ лошадь. Топотъ копытъ не слышался больше сзади бѣглеца.

Теперь только перескочить ровъ!

Бѣглецъ скакнулъ, онъ уже чувствуетъ живительный запахъ сосенъ, немножко влѣво въ кустахъ виднѣлось маленькое отверстіе онъ проскользнетъ въ него—и онъ спасенъ.

Но во время самаго прыжка пуля попала ему прямо въ затылокъ. Онъ упалъ впередъ, лицомъ въ спасительные кусты, съ широко открытыми глазами устремленными туда, гдѣ ему мерещилась свобода...

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого происшествія главный врачъ больницы берлинскаго гарнизона прочелъ въ медицинскомъ обществѣ рефератъ съ демонстрированіемъ препаратовъ подъ заглавіемъ: «Интересный случай дѣйствія мелкокалиберныхъ пуль на близкомъ разстояніи».

XVI.

Вечерняя заря.

Оберъ-лейтенантъ Реймерсъ попросилъ у полковника позволенія переговорить съ нимъ и откровенно признался ему во всемъ. Онъ говорилъ долго грустнымъ, безнадежнымъ голосомъ и не скрылъ ничего.

Въ сущности ему нечего было скрывать. Необдуманный поступокъ, имѣвшій для него такія тяжелыя послѣдствія, принадлежалъ къ числу тѣхъ грѣховъ, которые, по понятіямъ господствующимъ въ обществѣ, считаются вполнѣ простительными. Онъ только самъ могъ обвинять себя въ измѣнѣ Маріи Фалькенгеймъ, такъ какъ въ глубинѣ души уже считалъ себя обрученнымъ ей въ то время, когда легкомысленно увлекся мимолетнымъ порывомъ.

Дослушавъ Реймерса до конца, полковникъ долго сидѣлъ молча. Онъ опустилъ голову на руку и мрачно смотрѣлъ передъ собой. Во время всего тягостнаго признанія имя его дочери ни разу не упоминалось, но въ каждомъ словѣ, произнесенномъ молодымъ офицеромъ, сквозила печаль по горячо желанномъ, потерянномъ счастьѣ.

Всѣ чудныя мечты о будущемъ, построенныя повидимому на такомъ твердомъ основаніи, рухнули внезапно. Ему было невыносимо горько, когда онъ понялъ, что тѣ прелестныя картины, какія ему рисовало воображеніе, должны исчезнуть; кромѣ того, онъ зналъ, что это будетъ большимъ огорченіемъ для его дочери.

— Мой бѣдный другъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, прерывая тяжелое молчаніе,—очень бы мнѣ хотѣлось сказать вамъ что-нибудь утѣшительное! Упрекать васъ я не могу. Вы достаточно наказаны за минутное легкомысліе. Вы лишили себя большой доли человѣческаго счастья: какъ честный человѣкъ вы должны отказаться отъ права основать семью, вы сами это сказали и измѣнить этого нельзя. Что дѣлать! Будьте мужественны, постарайтесь перенести свое несчастье! Не падайте духомъ. Ищите утѣшенія въ своемъ прекрасномъ, великомъ призваніи! Призваніе у васъ есть, это несомнѣнно!

Голосъ, дрожавшій отъ внутренняго волненія, оборвался.

— Искренно благодарю васъ, г. полковникъ,—робко прошепталъ Реймерсъ.

Они снова нѣсколько минутъ молча просидѣли другъ противъ друга.

— Послѣ этого тяжелаго удара,—первый заговорилъ полковникъ не вполнѣ твердымъ голосомъ,—вы, вѣроятно, пожелаете, мой милый Реймерсъ, какъ можно скорѣе перемѣнить обстановку, уѣхать отсюда. Совѣтую вамъ нынче же зимой держать экзаменъ въ военную академію. Вы его выдержите, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Усиленныя занятія помѣшаютъ вамъ слишкомъ предаваться своимъ мыслямъ, а потомъ Берлинъ, лѣтняя командировка, перемѣна жизни, все это будетъ очень для васъ полезно.

Голосъ Фалькенгейма становился все тише и тише и, прикрывъ глаза рукою, на которую опирался, онъ продолжалъ еле слышнымъ шопотомъ: вамъ придется, понятно, нѣсколько удаляться отъ общества. На случай особенно настойчивыхъ разспросовъ надобно придумать какой-нибудь предлогъ. Можетъ быть, всего лучше будетъ сказать, что ваша старая легочная болѣзнь вернулась и вамъ приходится беречься. Согласны вы?

— Вы относитесь ко мнѣ, какъ самый добрый отецъ, г. полковникъ!—проговорилъ оберъ-лейтенантъ, рыдая.

Онъ всталъ и хотѣлъ молча удалиться.

Но Фалькенгеймъ вдругъ крѣпко обнялъ его. Пожилой, разсудительный мужчина не могъ удержаться отъ слезъ.

— Я давно люблю васъ, какъ сына, Реймерсъ,—сказалъ онъ.—То, о чемъ я мечталъ, не можетъ состояться, и мнѣ это больно, страшно больно. Не могу вамъ высказать до какой степени больно!

Реймерсъ вышелъ.

Полковникъ слѣдилъ за нимъ глазами, пока не опустились занавѣсы дверей.

Кто виноватъ въ томъ, что онъ уходитъ съ опущенной головой, глубоко несчастный, вмѣсто того, чтобы выйти изъ этой комнаты съ блестящими глазами, какъ признанный женихъ?

Кто виноватъ въ томъ, что счастье двухъ молодыхъ существъ разбито въ дребезги?

Въ безсильной злобѣ ударилъ онъ обоими кулаками по столу, около котораго сидѣлъ.

Онъ даже не зналъ противъ кого или противъ чего направить свой гнѣвъ. Это было что-то неопредѣленное, и повидимому, неизбѣжное, что-то противоестественное и въ то же время обыденное при современномъ строѣ общества.

Нѣсколько успокоившись, онъ принялся раздумывать. Какъ сообщитъ онъ Маріи эту печальную вѣсть? По разнымъ мелкимъ, еле замѣтнымъ признакамъ онъ убѣдился, что она любитъ несчастнаго молодого офицера. Между ними существовало невысказанное вза-

имное влеченіе, какъ будто тайная помолвка. Какъ объяснитъ онъ ей внезапную перемѣну въ обращеніи Реймерса? Приготовленіе къ экзамену въ военную академію, необходимость беречь здоровье, это не могло убить серьезнаго чувства. Надобно было придумать что-нибудь, чтобы заставило дочь разъ навсегда отказаться отъ ея зарождавшейся любви. Въ этомъ несчастномъ случаѣ необходимо было произвести хотя болѣзненную, но радикальную операцію.

Полковникъ придумалъ цѣлый планъ кампаніи. Исторія выходила довольно сложная, но все-таки не вполнѣ невѣроятная, а главное ничего лучшаго не приходило ему въ голову.

Среди многочисленныхъ родственниковъ у него былъ одинъ кузенъ Отто фонъ-Кревесмюленъ, владѣвшій маіоратомъ во Франконіи. Бѣдняга гораздо больше времени проводилъ въ Меранѣ и Каннѣ, чѣмъ на берегу краснаго Майна. Но несмотря на это, онъ женился, чтобы имѣть наслѣдника маіората. Съ своей невѣстой онъ познакомился на Ривьерѣ и къ несчастью молодая дѣвушка не ради одного только удовольствія проводила время на берегу Средиземнаго моря. У нихъ родилось двое мальчиковъ и вскорѣ послѣ этого Отто фонъ-Кревесмюленъ умеръ. Старшій мальчикъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ, а вдова и второй сынъ казались двумя еле тлѣющими огоньками, готовыми каждую минуту погаснуть подъ дуновеніемъ жизни.

Слѣдовало воспользоваться кузеномъ, чтобы сноснымъ образомъ доказать бѣдной Марихенъ необходимость забыть ея молодую любовь.

Кстати оказалось, что она вела переписку со своею франконскою родственницей.

— Что-то я такое хотѣлъ спросить у тебя, Марихенъ,—началъ полковникъ за ужиномъ,—ахъ, да, не получала ли ты послѣдное время извѣстій отъ тетки Кревесмюленъ?

— Нѣтъ, папа,—отвѣчала дѣвушка, я тебѣ читала ея послѣднее письмо.

— Я что-то совсѣмъ забылъ. Откуда она пишетъ?

— Кажется, изъ Канна, а можетъ быть изъ Санъ-Ремо.

— Опять съ юга?

— Да, опять. Письмо очень грустное. Кажется, ;тетя совсѣмъ потеряла надежду.

Желанный поводъ для начала объясненія былъ найденъ. Но вся такъ тонко придуманная исторія вдругъ показалась полковнику удивительно нелѣпой и жестокой. А все-таки нельзя пропустить удобный случай.

— Мнѣ ее душевно жаль,—проговорилъ онъ.

Собственный голосъ показался ему какимъ-то беззвучнымъ, надтреснутымъ, фальшивымъ. Но онъ продолжалъ говорить, самъ мучась своими словами и судорожно разстегивая воротникъ.

Со стороны Отто Кревесмюлена было прямо преступно жениться. Этимъ онъ создалъ цѣлую кучу горя и страданія. Гораздо было бы лучше и благороднѣе, если бы онъ отказался отъ счастья семейной жизни. Да и какое счастье дала ему женитьба? Скорѣе наоборотъ: несчастье!

Онъ остановился. Марихенъ задумчиво глядѣла на него.

Въ высокой столовой господствовала тишина. Полковнику казалось, что слова его раздаются словно трубный звукъ, и онъ понизилъ голосъ почти до шопота.

— Конечно, нужно много силы и самоотреченія, чтобы, полюбивъ, отказаться отъ счастья. Но вполнѣ честный человѣкъ найдетъ въ себѣ и то, и другое. Всякій пожалѣетъ его и всякій же будетъ уважать. Представь себѣ, Марихенъ, моя дорогая Марихенъ, одинъ изъ нашихъ лучшихъ друзей, оберъ-лейтенантъ Реймерсъ... находится точно въ такомъ же положеніи, какъ бѣдняга Отто фонъ-Кревесмюленъ, но онъ рѣшилъ отказаться отъ счастья, онъ благородный человѣкъ!

Фалькенгеймъ перевелъ духъ. Слава Богу! Роль палача окончена.

Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на Марихенъ. Лицо ея побѣлѣло, какъ скатерть. Онъ боялся обморока. Но нѣтъ, дѣвочка сдѣлала надъ собою усиліе.

Дрожащая рука ея опустилась на столъ выронивъ вилку, которая съ легкимъ звономъ упала на тарелку.

Тетушка Амалія, любившая покушать и послѣ своей болѣзни не отличавшаяся тактичностью, замѣтила, накладывая себѣ полную тарелку:

— Я это давно думала. Онъ такой длинный, худой, да и ѣлъ всегда мало.

— Впрочемъ,—прибавила она, усердно работая челюстями,—я читала одну исторію, въ которой они, несмотря на болѣзнь, все-таки поженились. И потомъ они, конечно, оба умерли въ одинъ и тотъ же часъ. Это очень интересная исторія. Только она написана не для молодыхъ дѣвушекъ, Марихенъ, иначе ты могла бы прочесть ее. Она, право, очень интересна.

Фалькенгеймъ отъ души желалъ, чтобы злосчастная тетка очутилась на другомъ концѣ свѣта.

Она не унималась.

— Ты вѣрно тоже хочешь заболѣть, Марихенъ? Ты ничего не ѣшь. Кушай же пожалуйста!

Наконецъ, тетушка насытилась. Она встала и поспѣшила къ своимъ книгамъ.

Полковникъ тихонько подошелъ къ дочери и нѣжно погладилъ ея чудные бѣлокурые волосы. Плечи Марихенъ начали вздрагивать, и она вдругъ бросилась къ нему на шею въ горькихъ слезахъ.

Отецъ недоумѣвалъ, какъ лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ. Ему казалось слишкомъ грубымъ коснуться опредѣленными словами печали дѣвушки. И вотъ онъ прибѣгнулъ къ тому средству, которымъ обыкновенно успокаивалъ Марію, когда она была еще дѣвочкой. Если у его сиротки, лишенной материнской ласки, случалось какое-нибудь горе, онъ бралъ ее на руки, даже когда она была уже подросткомъ школьницей, и принимался ходить съ ней взадъ и впередъ по комнатѣ, утѣшая и уговаривая ее, пока рыданія ея не прекращались.

Ей шелъ теперь двадцатый годъ, но старое средство подѣйствовало. Она покорно позволила ему взять себя на руки и прислонилась лицомъ къ щекѣ отца. У полковника самого слезы падали на бороду, а онъ только тихо шепталъ:

— Ничего, Марихенъ, поплачь! Поплачь, мой дорогой мальчикъ!

И какъ прежде успокаивались мелкія горести подростка, такъ и теперь смягчилось первое серьезное горе молодой женщины.

Полковникъ осторожно снесъ дочь въ ея комнату и положилъ на кушетку. Она застѣнчиво отвернулась отъ него и спрятала лицо въ подушку. Рука отца еще разъ ласково погладила ее по головѣ, и онъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

Въ этой болѣзни лучшимъ врачомъ было время: оно затянетъ и залечитъ рану.

Фалькенгеймъ простоялъ съ минуту у двери, прислушиваясь: Марихенъ продолжала плакать. Но самыя эти слезы отчасти успокоивали его. Припадокъ ея горя, былъ, правда, очень силенъ, но въ немъ проявилось все-таки нѣчто дѣтское. Удары, поражающіе насъ въ сердце, разбивающіе цѣлую жизнь, иначе принимаются, иначе переносятся. не со слезами, а въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Выраженіе такого горя онъ замѣтилъ въ безнадежномъ взглядѣ Реймерса, для своей же дочери онъ могъ надѣяться на выздоровленіе.

Во всякомъ случаѣ будетъ полезно перевезти Марихенъ въ другую обстановку.

Въ этомъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, онъ къ началу охотничьяго сезона былъ вытребованъ на охоту ко двору. За завтракомъ старый король спросилъ у него:

— Что, Фалькенгеймъ, какъ вы думаете? Длинный Фризенъ выходитъ изъ министерства и получаетъ нидерлаузиценскую бригаду, не хотите ли вмѣсто него поступить начальникомъ отдѣленія?

Полковникъ не сразу отвѣтилъ.

— Я знаю,—продолжалъ государь,— я знаю, что вы терпѣть не можете канцелярщины, хотя это такое мѣсто, за которое десять тысячъ человѣкъ готовы зубами схватиться.

— Простите, ваше величество, — воз-

разилъ Фалькенгеймъ,—я готовъ принять всякое мѣсто, на какое вашему величеству угодно будетъ назначить меня.

Король посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, ваше величество. Осмѣлюсь только просить, чтобы назначеніе было не на слишкомъ длинный срокъ.

— Ну, понятно, только до тѣхъ поръ пока вы получите мою артиллерійскую лейбъ-бригаду.

Король держалъ въ рукахъ серебряную кружечку съ хлѣбной водкой.

— Ваше здоровье, Фалькенгеймъ, сказалъ онъ.—До свиданья у меня во дворцѣ въ Берлинѣ.

Военный министръ имѣлъ, конечно, въ виду своего кандидата на мѣсто начальника отдѣленія. Все уже было подстроено, король почти далъ согласіе, и счастливому кандидату было подъ рукой сообщено, что онъ можетъ надѣяться. И вдругъ такой непріятный поворотъ. Но старый, добродушный король такъ рѣдко вмѣшивался лично въ назначенія, что въ этомъ случаѣ ему нельзя было противорѣчить, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ фактическихъ данныхъ противъ опредѣленія полковника фонъ-Фалькенгейма начальникомъ отдѣленія въ военномъ министерствѣ.

Приказъ о назначеніи его съ 1-го октября былъ напечатанъ въ еженедѣльной военной газетѣ.

Въ остерландскомъ полевомъ артиллерійскомъ полку навѣрно не было ни одного офицера, не говоря о полковникѣ Гюнцѣ и оберъ-лейтенантѣ Реймерсѣ, который бы не пожалѣлъ отъ всего сердца объ уходѣ Фалькенгейма.

Рѣчи на прощальномъ обѣдѣ въ казино выражали вполнѣ искреннія чувства и хотя не отличались краснорѣчіемъ, но произвели на всѣхъ такое впечатлѣніе, что общество пришло въ веселое настроеніе гораздо позже, чѣмъ обыкновенно. О томъ, чтобы это настроеніе все-таки явилось, заботился прежде всего самъ Фалькенгеймъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобы вѣшали носы. Солдатъ даже съ похоронъ товарища возвращается подъ звуки веселаго марша.

Печальное настроеніе офицеровъ скоро исчезло. Въ военномъ дѣлѣ уходъ изъ полка того или другого лица былъ обыденнымъ явленіемъ. Безъ этого передвиженія не было бы повышенія по службѣ. Если бы полковникъ не получилъ мѣста въ министерствѣ, онъ все равно года черезъ полтора, черезъ два былъ бы произведенъ въ бригадные и оставилъ бы полкъ.

Для офицеровъ было гораздо важнѣе знать, кто будетъ ихъ новымъ начальникомъ вмѣсто стараго.

Командиромъ полка былъ назначенъ маіоръ Мобринкъ, который до тѣхъ поръ командовалъ кавaллерійскою частью лейбъ-артиллерійскаго полка. Для остерландцевъ онъ былъ неизвѣстною величиною, такъ какъ принадлежалъ къ другому армейскому корпусу; но въ военныхъ кругахъ ходили слухи, что онъ не пользуется хорошею репутаціею.

И вотъ маленькій докторъ Фрёбенъ получилъ отъ одного товарища по военной школѣ, служившаго въ кавалерійскомъ отрядѣ, телеграмму слѣдующаго содержанія: «Смотри книгу псалмовъ № 521».

Подъ нумеромъ 521 въ книгѣ псалмовъ стоялъ переводъ хвалебной пѣсни св. Амвросія, начинавшейся такъ: «Тебѣ, Бога, хвалимъ, тебѣ, Бога благодаримъ». Въ сущности это была просто лейтенантская острота.

Гораздо важнѣе было письмо полученное капитаномъ фонъ-Вегштетеномъ отъ своего зятя, командира первой конной батареи. Письмо это точно также начиналось съ благодаренія Бога.

«Могу одно тебѣ сказать, — писалъ зять,—мы, оба командира конныхъ батарей съ колѣнопреклоненіемъ благодаримъ Господа Бога, что онъ избавилъ насъ отъ этого Мобринка. Я такъ радъ, что не могу вполнѣ сострадать тебѣ, который принужденъ будетъ служить подъ начальствомъ такого бича Божія. Впрочемъ, ты можешь быть спокоенъ, какъ и я былъ спокоенъ. Насъ онъ не тронетъ, зная, что мы люди со связями. Мобринкъ выбираетъ себѣ жертвъ без-

защитныхъ и на нихъ проявляетъ свое усердіе. Онъ считаетъ важнѣйшею задачею командира въ мирное время «очистить армію отъ неспособныхъ элементовъ». Говоря между нами: при этой чисткѣ его самого слѣдовало бы въ первую голову вышвырнуть вонъ. Знающіе люди разсказываютъ, что онъ съ самаго начала службы считалъ единственною цѣлью всякаго товарищества: подставить ножку ближайшему начальнику. Мы, конные, провожаемъ его искреннимъ желаніемъ никогда съ нимъ не встрѣчаться, развѣ когда онъ вмѣсто каски надѣнетъ цилиндръ.

«Кромѣ этой первой своей радости долженъ сообщить тебѣ и вторую: черезъ два дня послѣ прощальнаго обѣда, который мы давали своему любимому командиру, твоя сестра порадовала меня рожденіемъ здоровенькой дѣвчурки, такъ что у насъ теперь пара ребятъ. Если ты дашь свое супружеское разрѣшеніе, то мы намѣрены просить твою жену быть воспріемницей новорожденной. И мать и ребенокъ здоровы и т. д.

Вегштетенъ задумчиво сложилъ письмо и сунулъ его обратно въ конвертъ.

Чортъ возьми, какой должно быть непріятный человѣкъ этотъ Мобринкъ! Зять такъ обрадовался освобожденію отъ него, что даже о рожденіи племянницы сообщилъ уже на второмъ мѣстѣ.

Мобринкъ пріѣхалъ.

Онъ разсыпался въ любезностяхъ и нѣсколько разъ повторилъ какъ «онъ счастливъ, что можетъ опираясь на столь безукоризненныхъ помощниковъ посвятить свои слабыя силы полку, который такъ превосходно поставленъ».

Первая рѣчь, съ которой онъ обратился къ полку, была чѣмъ-то среднимъ между театральной декламаціей и проповѣдью. Она иллюстрировалась красивыми картинами и пышными фразами для прославленія царствующей династіи; христіанское смиреніе и упованіе на Божію помощь играли въ ней большую роль рядомъ съ злобными выходками противъ внутреннихъ враговъ, потрясающихъ основы трона и алтаря. Произнесенная пискливымъ, язвительнымъ голосомъ маіора, она производила удивительно комичное впечатлѣніе.

У бѣдныхъ артиллеристовъ затуманились головы, онѣмѣли колѣни и одеревенѣли шеи, такъ какъ они должны были выслушивать эту длинную поучительную рѣчь, стоя «смирно».

Послѣ этого маіоръ Мобринкъ попросилъ, чтобы ему представили офицеровъ полка.

Надобно отдать ему справедливость: онъ отлично умѣлъ соединять пользу съ дешевизной. Раньше чѣмъ пріѣхать въ полкъ, онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ офицерахъ и въ умѣ разсортировалъ ихъ.

Съ своимъ адъютантомъ Кауергофомъ онъ былъ повидимому задушевнымъ пріятелемъ. Дѣло въ томъ, что жена Кауергофа урожденная фонъ-Любенъ, была дочерью директора департамента личнаго состава въ военномъ министерствѣ.

Адъютантъ представлялъ ему офицеровъ по старшинству.

Прежде всего обоихъ маіоровъ. Лишке было сказано всего нѣсколько вѣжливо холодныхъ словъ, Шрадеръ удостоился болѣе любезнаго пріема,—этого весельчака приглашали на всѣ придворные балы, иногда даже принцессы благоволили танцовать съ нимъ, и онъ, говорятъ, разсказывалъ высокопоставленнымъ дамамъ такія исторіи, какихъ онѣ не слыхали ни отъ кого другого.

Затѣмъ къ строгому новому начальнику подошелъ штабсъ-капитанъ ф. Стукардъ. Онъ былъ принятъ весьма холодно. Стоило ли церемониться съ человѣкомъ, о которомъ его предшественникъ говорилъ, какъ о приговоренномъ къ смерти?

Стукардъ отошелъ въ сторону оскорбленный.

Трегеръ, Гропхузенъ и Гейшкель получили простое рукопожатіе, Гропхузенъ немного посильнѣе прочихъ, такъ какъ онъ былъ изъ дворянъ.

Кауергофъ продолжалъ представлять офицеровъ.

— Вотъ это, г. маіоръ, командиръ шестой батареи, капитанъ фонъ-Вегштетенъ.

Мобринкъ растянулъ ротъ въ сладкую улыбку.

У Вегштетена былъ дядюшка, настоящая знаменитость не по своимъ военнымъ заслугамъ, а по тому, что ему было 98 лѣтъ, онъ считался старѣйшимъ офицеромъ арміи и кромѣ того, былъ генералъ-адъютантомъ покойнаго государя. Въ сущности дядюшка Эренфридъ, изсохшій, какъ мумія, едва сидѣлъ на своемъ креслѣ съ колесами и уже много лѣтъ не могъ вести никакого разумнаго разговора. Этотъ почти столѣтній старикъ бросалъ особенный свѣтъ и на Вегштетена, командира батареи остерландскаго полка полевой артиллеріи.

Доживетъ ли мумія до ста лѣтъ или умретъ, во всякомъ случаѣ и при юбилеѣ, и при погребеніи служебныя заслуги всѣхъ Вегштетеновъ будутъ выставлены въ самомъ яркомъ освѣщеніи, это былъ такой фактъ, какого разумный человѣкъ, въ родѣ Мобринка, не могъ оставить безъ вниманія.

Маленькій Вегштетенъ скрылъ довольную улыбку подъ своими густыми рыжими усами.

Такого командира ему нечего бояться.

— Капитанъ Маделунгъ, командиръ четвертой батареи,—продолжалъ представлять Кауергофъ.

Мобринкъ пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Ахъ, вскричалъ онъ, одинъ изъ нашихъ славныхъ воиновъ, отличившихся въ китайскомъ походѣ! Какъ я радъ, какъ я радъ, что имѣю честь познакомиться съ вами.

— Но теперь васъ уже больше не тянетъ на востокъ, почтеннѣйшій г. капитанъ!—продолжалъ онъ шутливо грозя пальцемъ.—Я слышалъ, что вы недавно вступили въ счастливый бракъ.

Маделунгъ поклонился. Онъ незадолго до маневровъ женился на пожилой фрейлинѣ.

— И еще я слышалъ, мой почтеннѣйшій капитанъ, что мы съ вами сходимся во вкусахъ. Я знаю, какіе истинно христіанскіе порядки вы завели въ своемъ домѣ. Пожалуйста, смотрите на меня, какъ на искренняго сторонника вашихъ убѣжденій и вѣрьте, что мнѣ доставитъ величайшее удовольствіе поближе сойтись съ вами и съ вашей уважаемой супругой.

Маделунгъ подумалъ про себя: «Что за противный субъектъ. И какой пустомеля»!

Но громко онъ выразилъ свою искреннюю благодарность маіору за его любезное участіе. Необходимо пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, кто бы его ни предлагалъ. Заводить какіе-нибудь «христіанскіе порядки» у себя въ домѣ онъ и не думалъ. Это была затѣя его жены. Каждое утро и вечеръ она собирала на молитву и религіозныя чтенія всѣхъ домашнихъ: его, деньщика, конюха и горничную. Эти собранія продолжались цѣлый часъ и были не очень пріятны. Деньщикъ и горничная съ трудомъ сидѣли на стульяхъ отъ усталости, такъ какъ они, само собой разумѣется, должны были рано вставать и поздно ложиться, чтобы все содержать въ порядкѣ, какъ требовалъ капитанъ и барыня. А онъ, хозяинъ дома, сердился на страшную потерю времени, тѣмъ болѣе, что онъ ни мало не вѣрилъ тѣмъ проповѣдямъ, какія читала его жена.

Очередь представляться дошла до младшаго капитана полка—Гюнца.

Маіоръ Мобринкъ сложилъ губы въ привычную любезную улыбку и шутливо проговорилъ:

— Э, э, самый младшій капитанъ, а уже какой толстый.

Гюнцъ осмотрѣлъ свою фигуру. Ну, да, это правда, онъ не отличался стройностью, но гдѣ же видано, чтобы такія нелюбезныя замѣчанія дѣлали людямъ прямо въ лицо?

Ему очень хотѣлось отвѣтить: «Разъ я добросовѣстно исполняю и могу исполнять свою обязанность, какое вамъ дѣло, г. маіоръ, что мой животъ нѣсколько толще нормальнаго.

Маіоръ Шрадеръ не далъ ему говорить. Онъ, шутя, хлопнулъ его по животу и сказалъ:

— Да, что дѣлать, отростилъ себѣ животикъ, точно докторъ Лютеръ. Но это не мѣшаетъ ему стоять наравнѣ съ моими двумя отличнѣйшими батарейными командирами.

Мобринкъ обратился къ нему и от-

*

вѣчалъ слащавымъ голосомъ: — Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, любезный маіоръ. Мнѣ хорошо извѣстны заслуги г. капитана Гюнца.

При этомъ онъ указалъ на маленькій орденъ краснаго орла на груди Гюнца; на его собственной груди еще не красовалось ни одного ордена.

Гюнцъ поклонился. Шрадеръ положилъ ему руку на плечо и ласково кивнулъ: «Будь спокоенъ, — говорилъ онъ этимъ движеніемъ, — я тебя не выдамъ!»

Одно выяснилось при этомъ представленіи: новый командиръ не любилъ толстыхъ офицеровъ. Тонкій, какъ палка, капитанъ Трегеръ вздохнулъ свободнѣе. Теперь онъ могъ привести неопровержимый аргументъ противъ своей чванной супруги, которая постоянно подсмѣивалась надъ его несановитою фигурой. Среди батарейныхъ командировъ бываетъ во всякомъ полку козелъ отпущенія, у нихъ такимъ козломъ навѣрно будетъ толстый Гюнцъ.

Въ военныхъ кругахъ толковали, что остерландскій полкъ полевой артиллеріи подъ начальствомъ Фалькенгейна сдѣлался прямо-таки образцовымъ. Повидимому, было бы всего разумнѣе, если бы порядокъ службы сохранился прежній и при новомъ командирѣ. Но Мобринкъ боялся, что въ такомъ случаѣ его сочтутъ офицеромъ лишеннымъ иниціативы, не способнымъ къ энергичному образу дѣйствій.

Приказы по полку стали мало-помалу наполняться множествомъ его личныхъ распоряженій. Они по большей части основывались на прежнихъ указаніяхъ Фалькенгейна, но касались разныхъ мелочей и подробностей. Они съуживали и безъ того не большую самостоятельность батарейныхъ командировъ, главное же зло ихъ состояло въ томъ, что всѣ они имѣли цѣлью равномѣрную муштровку частей ради смотровъ. Обученіе солдатъ становилось при этомъ труднѣе и цѣлесообразное воспитаніе въ нихъ военныхъ качествъ отступало на задній планъ передъ подготовкой къ парадамъ.

Мобринкъ, повидимому, до тонкости изучилъ вкусы и желанія бригаднаго генерала. Онъ рѣшилъ, что на смотру его полка генералъ не найдетъ ни одной ошибки, и вотъ по цѣлымъ мѣсяцамъ всѣ самыя важныя работы откладывались въ сторону, и всѣ люди упражнялись надъ какимъ-нибудь пустякомъ, который нравился строгому бригадному.

— Господа, я знаю, что нашъ высокоуважаемый г. бригадный командиръ придаетъ этому значеніе,—говорилъ онъ обыкновенно на совѣщаніяхъ съ офицерами.

Когда же генералъ начиналъ склоняться къ противоположнымъ взглядамъ, Мобринкъ немедленно узнавалъ это.

Тогда онъ объявлялъ:

— Господа, до меня дошло, что генералъ, нашъ высокоуважаемый бригадный командиръ, смотритъ на этотъ предметъ иначе, чѣмъ раньше.

При этомъ онъ дѣлалъ необыкновенно лукавую физіономію, точно хотѣлъ сказать: «Смотрите, какой я умный и какъ я обо всемъ забочусь. Радуйтесь, что у васъ такой командиръ!»

Но при занятіяхъ въ батареяхъ господствовала нервная неувѣренность. Батарейные командиры, занятые разными мелочами, съ трудомъ успѣвали обучать солдатъ. Только такіе опытные и энергичные офицеры, какъ Вегштетенъ и Маделунгъ, могли удовлетворять одновременно требованіямъ и общаго военнаго обученія, и личныхъ вкусовъ полкового командира и бригаднаго генерала. Гропхузенъ велъ дѣло спустя рукава, на него опять нашелъ періодъ безшабашнаго кутежа; Трегеръ и Гейшкель совсѣмъ потеряли голову и не знали, что имъ дѣлать. При новомъ полковомъ командирѣ все пошло навыворотъ. Прежде они считались весьма порядочными батарейными командирами. Такой человѣкъ, какъ Фалькенгеймъ, говорилъ имъ это по нѣсколько разъ въ году.

Гюнцу вся эта исторія надоѣла.

Исполняя требованія Мобринка, можно было на смотру отличиться передъ бригаднымъ генераломъ, но только передъ тѣмъ, который случайно въ данное

время занималъ это мѣсто, а на что будетъ способна подобная батарея въ военное время—это извѣстно одному чорту. Онъ съ своей стороны не желаетъ болѣе принимать участія во всей этой ерундѣ. Его задача воспитать хорошихъ солдатъ для отечества и короля, а не для маіора Мобринка, не для генералъ-маіора Гаусперга.

Мобринкъ, который постоянно шмыгалъ по батареямъ и внезапно появлялся въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, очень скоро замѣтилъ, что въ пятой батареѣ занятія идутъ не по его предписанію.

Онъ вызвалъ Гюнца и спросилъ его по своему обыкновенію очень любезнымъ тономъ:

— Мой милѣйшій г. капитанъ, я недавно издалъ нѣсколько предписаній, они вамъ, вѣроятно, извѣстны, не такъ ли?

— Такъ точно, г. маіоръ,—отвѣчалъ Гюнцъ,—они мнѣ извѣстны.

— А почему же, позвольте васъ спросить, высокоуважаемый г. капитанъ, почему въ вашей батареѣ не исполняютъ этихъ предписаній?

— Извините, г. маіоръ, я исполнялъ эти предписанія, насколько они мнѣ казались совмѣстимыми съ интересами службы; но, по тщательной провѣркѣ ихъ, я считаю долгомъ почтительнѣйше доложить г. маіору, что эти предписанія находятся въ противорѣчіи съ однимъ параграфомъ высочайше утвержденныхъ правилъ обученія артиллеріи.

Маіоръ Мобринкъ закусилъ губу и поблѣднѣлъ. Неизвѣстно, вызывалась ли эта блѣдность справедливымъ негодованіемъ на то, что подчиненный осмѣлился противорѣчить ему или ужасомъ передъ обвиненіемъ въ томъ, что онъ нарушилъ высочайшую волю.

— Какъ такъ? — спросилъ онъ съ натянутой улыбкой. — О какомъ параграфѣ говорите вы, высокоуважаемый г. капитанъ Гюнцъ?

— О томъ параграфѣ, въ которомъ значится, что не слѣдуетъ для достиженія полной внѣшней симметріи дѣлать добавленія къ утвержденному уставу.

Мобринкъ чуть не подскочилъ на мѣстѣ.

— Да развѣ же я когда-нибудь осмѣливался дѣлать это? — вскричалъ онъ. — Развѣ я способенъ на такую дерзость! Я давалъ не болѣе, какъ легкія указанія, которыя считалъ полезными для гг. батарейныхъ командировъ въ ихъ собственныхъ интересахъ. Понятно, вы имѣете право не принимать тѣ изъ нихъ, съ которыми не согласны. Это просто указанія для руководства, а никакъ не обязательныя дополненія къ уставу.

Онъ даже пожалъ руку Гюнца.

— Вамъ дѣлаетъ большую честь, мой дорогой капитанъ, — сказалъ онъ въ заключеніе,—что вы не принимаете слѣпо моихъ предложеній. Это показываетъ, что вы самостоятельно разсуждаете, и мнѣ это очень нравится, г. капитанъ Гюнцъ.

Онъ еще разъ пожалъ руку Гюнцу и вышелъ.

Около штабной канцеляріи одинъ изъ ѣздовыхъ нѣсколько небрежно отдалъ ему честь. Онъ выругалъ его на весь дворъ. Затѣмъ посмотрѣлъ ближе: красные обода, красныя заклепки, значитъ пятая батарея, батарея Гюнца.

И онъ посадилъ бѣднаго солдатика подъ арестъ на три дня.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ капитанъ Гюнцъ состоялъ батарейнымъ командиромъ. Срокъ испытанія, который онъ себѣ назначилъ, миновалъ. Въ то же время онъ настолько разработалъ свой проектъ самооткатывающагося лафета, что считалъ возможнымъ представить его на испытаніе рейнской оружейной фабрикѣ.

Посовѣтовавшись съ Кларой онъ въ своемъ препроводительномъ письмѣ прибавилъ слѣдующія слова:

«Прошу васъ, высокоуважаемый г. коммерціи-совѣтникъ, подвергнуть мои работы самому тщательному испытанію. Въ случаѣ, если вы признаете мой проектъ удобоисполнимымъ, я позволю себѣ замѣтить, что весьма желалъ бы лично наблюдать за опытами практическаго примѣненія его».

Гюнцъ сидѣлъ надъ письмомъ и за-

думчиво смотрѣлъ на свою подпись: «Капитанъ Гюнцъ, батарейный командиръ остерландскаго № 80 полка полевой артиллеріи».

— Знаешь, Клерхенъ,—проговорилъ онъ,—мнѣ было страшно трудно написать это письмо.

Отвѣта на письмо долго не получалось. Клара находила, что неприлично долго. Но мужъ утѣшалъ ее:

— Неужели ты думаешь, что можно въ одну недѣлю основательно изучить то, надъ чѣмъ я работалъ нѣсколько лѣтъ?—говорилъ онъ.

Наконецъ, пришло письмо съ клеймомъ фабрики.

Гюнцъ въ эту минуту снималъ мундиръ и надѣвалъ домашнюю тужурку.

Онъ пробѣжалъ письмо и вполголоса прочелъ Кларѣ особенно интересныя мѣста: два инженера нашли проектъ необыкновенно удачнымъ, работы по нему, разумѣется, начнутся въ возможно непродолжительномъ времени.

Затѣмъ Гюнца приглашали занять мѣсто одного изъ руководителей фабрики. Сравнительно со скромнымъ жалованьемъ капитана второго разряда предлагаемое ему вознагражденіе, пятнадцать тысячъ марокъ въ годъ, было баснословно велико.

Клара была очень практичная особа и часто роптала на скудость офицерскаго жалованья, изъ котораго еще приходилось дѣлать разные обязательные служебные расходы, но тутъ даже она замѣтила:

— Господи, толстячокъ, да не слишкомъ ли это ужъ много!

Гюнцъ не слышалъ ея восхищенія. Онъ все еще снималъ свой мундиръ. Долго держалъ онъ его въ рукахъ и нѣжно гладилъ погоны. Наконецъ, онъ тщательно развѣсилъ его на спинкѣ стула.

— Я, понятно, соглашусь,—сказалъ онъ, указывая на письмо; онъ старался говорить спокойно, но въ голосѣ его слышалось сильное волненіе.—Надѣюсь, что на новомъ мѣстѣ я буду служить отечеству и королю лучше, чѣмъ въ моемъ миломъ, старомъ мундирѣ.

Клара молча пожала ему руку и тихонько вышла изъ комнаты. Она чувствовала, что при томъ настроеніи, въ какомъ находился мужъ, ему всего лучше остаться одному.

Рейнскій коммерціи совѣтникъ былъ повидимому, весьма вліятельный человѣкъ.

То, что при другихъ обстоятельствахъ, потребовало бы страшно много времени и канцелярской переписки, устроилось при его вмѣшательствѣ легко и быстро. Къ святой капитанъ Гюнцъ уже получилъ отставку.

На прощальномъ обѣдѣ маіоръ Мобринкъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ и то глубокое сожалѣніе, съ какимъ полкъ провожаетъ любимаго товарища и офицера, которому предстояла блестящая будущность, и пожеланія ему успѣха въ его новой полезной дѣятельности. Онъ говорилъ вполнѣ искренно. Кто знаетъ, можетъ быть, дослуживъ до подполковника или полковника придется выйти въ отставку и искать какого-нибудь мѣста на ружейнымъ заводѣ съ его огромными предпріятіями? Необходимо поддерживать хорошія отношенія съ однимъ изъ «руководителей дѣла».

Отъѣзжая отъ маленькой станціи гарнизоннаго городка, Гюнцъ оставилъ позади всѣ сентиментально-грустныя размышленія. Клара уже мечтала о вкусныхъ обѣдахъ, какіе ждали ихъ въ рейнско-вестфальскомъ промышленномъ округѣ. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ.

Изъ всѣхъ, съ кѣмъ ему пришлось прощаться, онъ любилъ одного только—Реймерса.

Изъ окна вагона видно было, какъ онъ стоитъ на маленькомъ дебаркадерѣ и слѣдитъ глазами за удаляющимся поѣздомъ. Исхудалое лицо съ печальными глазами мало-по-малу скрывалось изъ глазъ, наконецъ видна была только стройная, нѣсколько согнувшаяся фигура.

Гюнцъ взялъ платокъ и махнулъ имъ. Пріятель, вѣроятно, не замѣтилъ этого. Онъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ.

Поѣздъ завернулъ за выступъ ска-

лы, вагонъ слегка качнуло и маленькій вокзалъ исчезъ.

Гюнцъ со вздохомъ опустился на свое мѣсто въ углу. Онъ не могъ дать другу никакого утѣшенія, могъ сказать ему только одно: «работай!»

Маленькій докторъ фонъ-Фребенъ готовился, также какъ лейтенантъ Реймерсъ, къ экзамену въ военную академію.

— Что за бѣда! провалюсь, такъ провалюсь,—отвѣчалъ онъ тѣмъ, кто его дразнилъ, что ему ни за что не выдержать экзамена. Особенно когда онъ сравнивалъ свои познанія съ познаніями товарища Реймерса, намѣреніе держать экзаменъ представлялось ему невѣроятною дерзостью.

А этотъ Реймерсъ все еще учился съ неутомимымъ, почти лихорадочнымъ прилежаніемъ.

— Дорогой мой Реймерсъ,—говорилъ маленькій докторъ,—если вы будете все корпѣть надъ книгами, вамъ въ академіи нечего будетъ и дѣлать. Stop stop, my dear!

Вмѣстѣ съ товарищемъ бралъ онъ уроки русскаго языка. Этотъ языкъ казался ему чертовски труднымъ. Въ университетѣ онъ проглотилъ Демосѳена и Эсхила, даже не безъ успѣха разбиралъ Пандекты, доказательствомъ чего служилъ его докторскій дипломъ,—но этотъ русскій! Самыя буквы были какія-то странныя, похожія на греческія, а между тѣмъ совсѣмъ другія.

— Я брошу его!—со вздохомъ говорилъ Фребенъ. Грустно покачивая головой, просматривалъ онъ первыя страницы своей чистенькой грамматики и и съ удивленіемъ слушалъ, какъ бойко разговариваетъ Реймерсъ съ учителемъ.

— Николай Владиміровичъ,—сказалъ онъ,—отчего вы не прогоните оберъ-лейтенанта? Онъ, вѣдь уже все знаетъ.

— Plait il, monsieur le baron?—спросилъ учитель.

— Я говорю: вѣдь оберъ-лейтенантъ говоритъ какъ водопадъ? Comme une chute d'eau? N'est ce pas?

Русскій, старикъ съ длинною сѣдою бородою, дружески кивнулъ своему примѣрному ученику.

Изъ вѣжливости Реймерсъ слегка улыбнулся.

Успѣхи въ занятіяхъ нисколько не радовали его. Онъ продолжалъ работать далеко не съ тѣмъ сердечнымъ увлеченіемъ, которое одушевляло его раньше. Одно глубокое чувство долга, вошедшее ему въ плоть и кровь, заставляло его сидѣть за книгами. Въ душѣ онъ часто задавалъ самъ себѣ вопросъ: «Къ чему все это?»

Въ сущности, не смотря на несчастіе, случившееся съ нимъ, ничто не мѣшало ему сдѣлать блестящую карьеру на военномъ поприщѣ. Но онъ не могъ избавиться отъ смутнаго предчувствія, что всѣ его труды совершенно напрасны.

Конечно, ему было пріятно побѣдить трудности иностраннаго языка и, освоившись съ русскимъ, онъ сталъ изучать другой славянскій языкъ—польскій, но ему какъ-то не вѣрилось, что онъ когда-нибудь употребитъ въ дѣло пріобрѣтенныя познанія.

Иногда онъ чувствовалъ величайшее желаніе закрыть книги и забросить ихъ въ уголъ; ему представлялось высшимъ блаженствомъ все забыть, ничего не знать и ни о чемъ не заботиться.

Затѣмъ, послѣ періодовъ унылой подавленности, его снова охватывало прежнее одушевленіе, былое преклоненіе передъ превосходствомъ нѣмецкой арміи, и принадлежать къ которой онъ считалъ за величайшую честь. Съ увлеченіемъ перелистывалъ онъ страницы военной исторіи и мысленно сопровождалъ войска въ ихъ побѣдоносныхъ походахъ.

И вдругъ онъ останавливался.

Развѣ нынѣшнее войско, къ которому онъ принадлежалъ, это прежняя славная армія?

Чтобы оправдать свой выходъ въ отставку, Гюнцъ передалъ ему ту бумагу, которую написалъ когда-то, передъ дуэлью съ Ландсбергомъ. Въ ней ничего не пришлось вычеркнуть или прибавить.

«Прочти ее внимательно, мой дорогой,—сказалъ онъ при этомъ своимъ

задушевнымъ тономъ,—но помни, что все это субъективные взгляды одного человѣка, что ихъ не слѣдуетъ возводить въ общіе принципы.

Въ былое время Реймерсъ очень хотѣлъ, чтобы его другъ изложилъ ему письменно свои взгляды, для того, чтобы онъ могъ также письменно, пунктъ за пунктомъ опровергнуть ихъ, опровергнуть самымъ блестящимъ образомъ. Онъ прямо жаждалъ вступить въ полемику съ другомъ, какъ только тотъ ясно и обстоятельно изложитъ свои мнѣнія, такъ что будетъ къ чему привязаться, и онъ ни на минуту не сомнѣвался, что вполнѣ переубѣдитъ Гюнца своими доводами.

И вотъ теперь онъ держалъ въ рукахъ обстоятельное изложеніе взглядовъ Гюнца. Но куда дѣвался его прежній задоръ? Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія вести наступательный походъ, разрушать, брать штурмомъ одинъ за другимъ всѣ доводы противника точно форты непріятельской крѣпости. Да, конечно, можно во многомъ не соглашаться съ Гюнцемъ, но онъ чувствовалъ что долженъ ограничиться осторожной оборонительной тактикой, даже, пожалуй, вступить въ битву, но только для того, чтобы прикрыть отступленіе.

Онъ сравнивалъ разсужденія Гюнца съ тѣми отрывками изъ разговоровъ съ Фалькенгеймомъ, которые записалъ, когда былъ его адъютантомъ. Они сходились въ очень многомъ, и это сходство пугало его. Это были два совершенно различные человѣка, оба отличавшіеся яснымъ умомъ и основательнымъ знаніемъ данныхъ обстоятельствъ, оба съ такимъ прошлымъ, которое не допускало возможности пристрастныхъ сужденій. Одинъ опытный, блестяще одаренный начальникъ, тѣсно сроднившійся съ традиціями добраго стараго времени, иронизировалъ надъ недостатками современной системы, считая ихъ за погрѣшности отдѣльныхъ личностей и не сомнѣваясь въ совершенно здоровомъ состояніи цѣлаго; другой—превосходный офицеръ, несмотря на молодость, уже доказавшій свои недюжинныя способности, глядѣлъ трезво, непредубѣжденными глазами и видѣлъ, что основа зданія начинаетъ гнить, что вся система неизбѣжно должна рухнуть, если въ ней не будетъ произведена коренная реформа.

Неужели они оба правы? Одинъ со своимъ легкимъ безпокойствомъ, другой со своей тяжелой тревогой?

Реймерсъ не могъ признать сомнѣнія ихъ неосновательными. Самое большее могъ онъ возразить Гюнцу, что недостатки, на которые тотъ указывалъ, не настолько распространены, какъ онъ утверждаетъ.

Такъ напримѣръ, склонность къ внѣшнему блеску общее знаменіе времени и присуща не одной только Германіи.

Во Франціи на парадѣ отрядъ кавалеріи бросился въ атаку на трибуну, въ которой сидѣлъ президентъ съ русскимъ государемъ. Развѣ это не было еще болѣе театрально, чѣмъ тѣ невозможныя штуки, какія продѣлываютъ кавалеристы на нѣмецкихъ маневрахъ?

Но противъ этого утѣшенія невольно приходила въ голову старая, опытомъ доказанная истина, что побѣжденный народъ употребляетъ обыкновенно величайшія усилія, чтобы загладить сдѣланные промахи. Въ 1813 году Пруссія выказала безпримѣрный въ исторіи подъемъ патріотическихъ чувствъ; несомнѣнно и въ наше время французская нація, получившая такой тяжелый урокъ, ведетъ подобную же усиленную работу, особенно трогательную, благодаря ея многолѣтнему терпѣливому ожиданію.

Франція имѣетъ за себя еще и то преимущество, что часть французскаго народа, вслѣдствіе искусственно питаемаго озлобленія, мечтаетъ о войнѣ съ восточнымъ сосѣдомъ. Въ Германіи, напротивъ, никто не думаетъ объ «исконномъ» врагѣ 1870 г. Германія не имѣетъ никакого основанія питать къ нему враждебныя чувства, послѣ того, какъ ихъ столкновеніе окончилось такъ счастливо для нея. Она чувствуетъ, что тѣсно связана съ Франціей въ общемъ стремленіи двигать впередъ науку и искусство. Германія, такъ сказать, «осадила» Францію и теперь онѣ идутъ рука объ руку во главѣ цизилазаціи.

Германія хочетъ сохраненія міра.

Нельзя сказать, чтобы нѣмцы утратили свою воинственность; но, благодаря своей германской основательности и здравомыслію они глубоко сознаютъ необходимость и полезность мира. Послѣ того какъ опасность реванша съ запада до нѣкоторой степени исчезла, *всякая* война стала непопулярной въ Германіи, исключая, пожалуй, войны съ Англіей, которая, какъ морская, менѣе затронетъ массу населенія, и всѣ въ Германіи чувствуютъ, что военныя осложненія никогда не могутъ быть вызваны непосредственнымъ народнымъ настроеніемъ, что причиной ихъ всегда будутъ или династическіе интересы, или безтактность политическихъ заправилъ.

Реймерсъ видѣлъ въ этомъ отсутствіи военнаго энтузіазма отсутствіе патріотизма, которое Гюнцъ считалъ главнѣйшимъ недостаткомъ современной военной системы.

Онъ никогда не обращалъ большого вниманія на рейхстагъ и на политическія партіи—извѣстно, что офицеръ не долженъ принимать никакого участія въ политикѣ, поэтому онъ не могъ придавать вліянію революціонныхъ партій такое большое значеніе, какъ его пріятель.

И безъ того зло было достаточно велико. Войско, которое идетъ въ битву безъ одушевленія, можно заранѣе считать побѣжденнымъ.

А всѣ выводы, какіе можно было сдѣлать изъ соображеній и полковника, и Гюнца, приводили неизбѣжно къ подобному заключенію. Ему представлялось, что они стоятъ, какъ предостерегающіе темные столбы на томъ пути, по которому идетъ нѣмецкая армія, и у всѣхъ ихъ на протянутой рукѣ съ указательнымъ пальцемъ стоитъ зловѣщее слово—Іена.

Въ умѣ онъ представлялъ себѣ весь ходъ битвы. Армія Фридриха Великаго была на лицо и не отказалась ни отъ одной изъ своихъ старыхъ традицій. Старые славные полки ждали новыхъ лавровъ. Уроки несчастнаго похода въ Шампонь были легкомысленно забыты, и снова во главѣ арміи стоялъ герцогъ Брауншвейгскій, побѣжденный при Дальми, но побѣдоносно предводительствовавшій нелѣпымъ походомъ въ Голландію.

У пруссаковъ было пусто въ желудкѣ и холодно на сердцѣ. Они отправились въ походъ, потому что это приказалъ король и приказалъ въ самое неудобное для нихъ время. А противъ нихъ стояли французы. Во главѣ ихъ человѣкъ, унаслѣдовавшій геній Фридриха Великаго, подчиненные ему генералы столь же неспособны, какъ прусскіе, они дѣлаютъ одну тактическую ошибку за другою, но идутъ впередъ съ неразумныъ увлеченіемъ диллетантовъ, французскіе солдаты голодаютъ и мерзнутъ не меньше своихъ противниковъ, но ихъ питаетъ и грѣетъ недавняя слава итальянскихъ походовъ и Аустерлица, ихъ увлекаетъ одушевленіе бывшихъ воиновъ революціи, и они—удивительное противорѣчіе! — покорно идутъ за однимъ изъ самыхъ самовластныхъ деспотовъ.

При Ауерштетѣ и Четырнадцати Святыхъ дѣло шло такъ, какъ слѣдовало ожидать, а завершеніемъ бѣдствія явилась Іена.

Это зловѣщее слово преслѣдовало Реймерса словно привидѣніе. Оно вертѣлось въ умѣ его и когда онъ сидѣлъ за своими книгами; оно бросало темную тѣнь сомнѣнія среди веселыхъ солнечныхъ лучей освѣщавшихъ стройные ряды батарей на плацъ-парадѣ. Нигдѣ не могъ онъ избавиться отъ мучительной, страшной мысли.

Невольно тянуло его иногда въ Сиротскую улицу. Тамъ у Гюнца и у Фалькенгейма, среди этихъ здоровыхъ, разумныхъ людей, онъ, можетъ быть, нашелъ бы успокоеніе, но въ домѣ Гюнца поселился совѣтникъ главнаго таможеннаго управленія, квартиру Фалькенгейма занялъ маіоръ Мобринкъ, новый полковой командиръ. Молодые лейтенанты разсказывали, что онъ сидитъ въ виноградной бесѣдкѣ и подглядываетъ, не отправляется ли кто-нибудь въ Берлинъ безъ разрѣшенія и, понятно, въ штатскомъ платьѣ.

Старые друзья были далеко и когда Реймерсъ думалъ объ этомъ, онъ дол-

женъ былъ признаться самому себѣ, что это не особенно огорчаетъ его. Такъ было лучше. Сердечная связь между этими милыми людьми и имъ еще раньше постепенно и незамѣтно порвалась.

Мысль о Маріи Фалькенгеймъ всего менѣе тяготила его. Послѣ того, какъ онъ пережилъ первый острый періодъ горя, онъ, какъ это ни странно, вспоминалъ о ней не съ отчаяніемъ страсти, а скорѣй съ чувствомъ стыда. Молодая дѣвушка не представляла для него того непосредственно необходимаго условія жизни, по которому онъ тосковалъ. Это условіе лежало въ другой области.

Потому то онъ и былъ радъ что Фалькенгеймъ и Гюнцъ оставили полкъ. Пусть никто не видитъ, какъ путеводная звѣзда, за которой онъ шелъ столько лѣтъ, померкла и закатилась, пусть никто не видитъ, какое крушеніе терпитъ вся его жизнь.

Остерландскій полкъ полевой артиллеріи готовился выступить въ лагерь для упражненія въ стрѣльбѣ.

За нѣсколько дней до выступленія, Реймерсъ приказалъ деньщику принести свой дорожный сундукъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться, въ порядкѣ ли его вѣрный старый сундукъ, который до сихъ поръ всюду сопровождалъ его.

Сундукъ былъ совершенно хорошъ.

— Не прикажете ли сцарапать билетики? — спросилъ деньщикъ,—тогда можно будетъ немножко потереть его сапожнымъ лакомъ.

На сундукѣ было наклеено множество желѣзнодорожныхъ билетовъ и адресовъ гостинницъ; одно путешествіе въ Египетъ принесло цѣлый наборъ ихъ.

Реймерсъ стоялъ задумавшись.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что деньщикъ ждетъ его.

— Да, понятно,—сказалъ онъ,—возьмите сундукъ.

Онъ думалъ о своемъ возвращеніи изъ продолжительнаго отпуска на югъ.

Какую бодрость, какую силу ощущалъ онъ тогда во всѣхъ своихъ членахъ! Съ какою радостью вступилъ онъ на набережную гавани въ Гамбургѣ, на первый клочокъ нѣмецкой земли послѣ цѣлаго года, проведеннаго на чужбинѣ. Онъ готовъ былъ броситься на шею первому встрѣчному канониру своего полка, онъ не могъ дождаться дня, когда ему можно будетъ снова надѣть красивый мундиръ, казавшійся ему самымъ почетнымъ одѣяніемъ въ свѣтѣ, мундиръ, въ которомъ онъ опять пойдетъ на свою старую, милую, скучную службу.

Неужели за этимъ бодрымъ радостнымъ началомъ долженъ былъ послѣдовать такой печальный конецъ?

Онъ вспомнилъ, что уже тогда, въ первыя минуты радостнаго возвращенія, его испугало предчувствіе чего-то дурного, какой-то призракъ, который теперь превратился въ жестокую дѣйствительность.

Грустное предчувствіе охватило его во время визита къ больной г-жѣ фонъ-Гропхузенъ. Ему живо вспомнилась комната съ завѣшенными окнами, полутемная, мрачная, говорившая о какомъ-то безнадежномъ горѣ. Больная женщина лежала на кушеткѣ подъ картиной «Голубой мальчикъ». Прекрасными блѣдными руками натянула она одѣяло до самаго подбородка и долго глядѣла на него своими чудными, печальными глазами.

Ему вдругъ стало ясно, почему онъ могъ думать о Маріи Фальгенгеймъ лишь съ тихою покорностью, съ нѣжною грустью, которая казалась ему самому слишкомъ слабою данью настоящему, безвременно погибшему чувству, онъ никогда не переставалъ любить Анну Гропхузенъ.

Любовь къ ней все время горѣла въ немъ, какъ тотъ жертвенный пламень, на которомъ сжигаютъ благовонныя растенія, и который на время прикрываютъ, чтобы сберечь дорогія благовонія. Стоитъ пріоткрыть крышку и огонь снова вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ и посылаетъ свои синіе языки къ самому небу.

Что съ нимъ было?

Что за странное ослѣпленіе?

Почему пошелъ онъ по ложному пути? Если онъ былъ дуракомъ на яву, то страстное томленіе, наполнявшее его сны,

должно бы было вылечить его отъ этой глупости.

Страсть всецѣло овладѣла имъ. Въ душѣ его не оставалось мѣста ни для какихъ другихъ чувствъ. Восторженная любовь къ отечеству, къ арміи исчезла. Вся его психическая жизнь безраздѣльно сосредоточилась на этой любви, увлекавшей его съ силою бури.

Онъ жилъ исключительно мыслью объ Аннѣ Гропхузенъ.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ!

Это было въ началѣ прошлой зимы. На одномъ изъ первыхъ баловъ въ казино она явилась красивѣе всѣхъ дамъ. Лицо ея сіяло упоительною прелестью, черное съ блестками платье облекало блестящимъ покровомъ ея стройную фигуру и оставляло открытыми бѣлыя, нѣжныя руки и плечи. Она была несомнѣнно царицей красоты и всѣ признавали ея превосходство. Онъ сидѣлъ въ самой задней комнатѣ и мрачно глядѣлъ на пеструю толпу; она подошла къ нему, вся сіяя, словно вѣстникъ счастья, она сказала ему всего нѣсколько совершенно незначительныхъ словъ торопливымъ, взволнованнымъ голосомъ, но въ глазахъ ея онъ снова прочелъ то выраженіе беззавѣтной преданности, которое наполнило сердце его блаженствомъ тогда весной, когда они возвращались домой послѣ крокета

Онъ стоялъ передъ ней подъ бременемъ своего несчастія и не смѣлъ поднять на нее глаза.

Послѣ того бала г-жа фонъ-Гропхузенъ исчезла на всю зиму, говорили, что она уѣхала къ своимъ родителямъ. Гарнизонная сплетня передавала, что передъ отъѣздомъ у нея была страшная сцена съ мужемъ. Въ этомъ случаѣ даже дамы стояли на сторонѣ Анны. Гропхузенъ велъ все болѣе и болѣе разгульную жизнь. Надобно было ожидать, что онъ въ самомъ скоромъ времени будетъ преданъ суду чести за свои грязные скандалы.

Нѣсколько дней тому назадъ несчастная женщина вернулась домой, вѣроятно, для того, чтобы показать, что она не совсѣмъ разошлась съ мужемъ. Гропхузенъ долженъ былъ уѣхать вмѣстѣ съ прочими на упражненія въ стрѣльбѣ, такъ что жить съ нимъ ей все равно не приходилось. Но она никуда не выходила и до сихъ поръ никто не видалъ ее.

Реймерсъ мучился нетерпѣніемъ увидаться съ любимой женщиной. Онъ потерялъ слишкомъ много времени и не хотѣлъ больше медлить.

Но минутами на него находило страшное сомнѣніе, тупая апатія. Какъ могъ онъ желать сближенія съ Анной Гропхузенъ? Онъ, отверженный, отмѣченный печатью проклятія!

Тогда онъ начиналъ лгать самому себѣ и убѣждать себя, что хочетъ одного только, поговорить съ ней, поглядѣть на нее.

Онъ ломалъ себѣ голову, придумывая приличный предлогъ зайти къ ней, но ничего не могъ придумать.

Когда ему днемъ нужно было сходить куда-нибудь по дѣламъ, онъ непремѣнно устраивалъ такъ, чтобы пройти мимо дома Гропхузена. Утромъ окно въ комнатѣ Анны было всегда открыто. Вѣтеръ раздвигалъ блѣдно-розовыя шелковыя занавѣсы и Реймерсу казалось иногда, что онъ видитъ красивую раму англійской гравюры. Но въ комнатѣ рядомъ жалюзи оставались закрытыми до самаго поздняго утра; вѣроятно, тамъ она наслаждалась лишнимъ часомъ сна, забывая свое невысказанное горе.

Послѣ полудня картина мѣнялась. Блѣдно-розовыя занавѣсы были плотно сдвинуты, а въ комнатѣ рядомъ сквозь свѣтло-желтыя гардины можно было различить желтую стѣну и иногда изъ окна вывѣшивалось толстая голова шкуры бѣлаго мѣдвѣдя.

Наконецъ ночью красноватый лучъ сквозилъ между оборокъ занавѣсей и прорѣзалъ темное окно узкой комнаты, свѣтъ горѣлъ спокойнымъ пламенемъ и часто не погасалъ до самаго утра.

Реймерсъ по цѣлымъ часамъ ходилъ вокругъ дома въ надеждѣ увидѣть любимую женщину. Можетъ быть, она подойдетъ къ окну, чтобы подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ, чтобы

освѣжить горячій лобъ свѣжимъ вѣтеркомъ или чтобы усладить усталые отъ слезъ глаза видомъ звѣзднаго неба.

Но всѣ его ожиданія были напрасны.

Одинъ разъ ночью онъ увидѣлъ, какъ возвращается домой мужъ Анны, въ своемъ франтовскомъ сѣромъ гражданскомъ платьѣ, съ моднымъ пальто на рукѣ, напѣвая уличную шансонетку. Гропхузенъ громко зѣвнулъ, открывая дверь дома. Затѣмъ противоположный конецъ квартиры освѣтился, всего на минуту и усталый кутила погрузился въ сонъ.

Реймерсъ создавалъ самые нелѣпые планы, бѣшеная ревность овладѣвала имъ все болѣе и болѣе.

Не окажетъ ли онъ великую услугу своей возлюбленной, если освободитъ ее отъ мужа?

На примѣрѣ Гюнца и Ландсберга онъ видѣлъ, какъ легко вызвать дуэль. Съ Гропхузеномъ, у котораго былъ острый язычокъ, и который не могъ удержаться отъ колкихъ замѣчаній, это было даже въ тысячу разъ легче, чѣмъ со спокойнымъ, сдержаннымъ Гюнцемъ. Правда, Гропхузенъ былъ замѣчательно искусный стрѣлокъ, и хотя Реймерсъ въ своей безумной страсти ничего такъ не желалъ, какъ отдать жизнь за возлюбленную, но онъ понималъ, что при этомъ необходимо сдѣлать и противника, по крайней, мѣрѣ безопаснымъ.

У него былъ маленькій револьверъ, очень мѣткій, который онъ въ южной Африкѣ постоянно носилъ въ карманѣ куртки, на случай крайней надобности. Онъ принялся стрѣлять изъ него въ цѣль и радовался каждому выстрѣлу, который попадалъ въ середину кружка.

Иногда ему представлялось, что онъ пробилъ не центральную точку доски, а одинъ изъ темныхъ дерзкихъ глазъ Гропхузена.

Въ другой разъ дуэль представлялась ему слишкомъ невѣрнымъ средствомъ. Не проще ли и не вѣрнѣе ли подстеречь Гропхузена, когда онъ будетъ возвращаться со своихъ ночныхъ похожденій? Онъ прицѣлится и застрѣлитъ его: «Вотъ тебѣ плата за все, негодяй!» А вторую пулю онъ пуститъ въ себя.

Но при выступленіи полка въ лагерь капитанъ Гропхузенъ, командиръ второй батареи, не явился.

Маіоръ Лишке послалъ своего адъютанта въ домъ Гропхузена къ его супругѣ узнать, что съ нимъ. Адъютантъ привезъ отвѣтъ: вчера вечеромъ капитанъ Гропхузенъ по своему обыкновенію уѣхалъ въ Берлинъ и до сихъ поръ не возвращался.

Лишке проворчалъ: Этотъ гуляка, конечно, опоздалъ на утренній поѣздъ. Хоть бы телеграфировалъ.

Ждать Гропхузена, конечно, не стали. Оберъ-лейтенантъ Фроммельтъ принялъ командованіе батареей, и полкъ двинулся.

На первой остановкѣ исчезнувшій капитанъ опять-таки не явился, но тутъ получено было изъ Берлина объясненіе его отсутствія.

Клубъ, членомъ котораго состоялъ Гропхузенъ, закрытъ по распоряженію полиціи. Ходили слухи о безнравственныхъ и мошенническихъ продѣлкахъ которыя устраивались въ немъ.

Нѣкоторымъ членамъ его, въ томъ числѣ Гропхузену, удалось бѣжать, остальные были арестованы.

Послѣ этого отъ полка выпущено было объявленіе, въ которомъ сообщалось всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, что «ниже описанный капитанъ и батарейный командиръ остерландскаго № 80 полка полевой артиллеріи Артуръ Іостъ ф. Гропхузенъ обвиняется въ дезертирствѣ, а потому въ случаѣ поимки и проч.» Это, конечно, была пустая формальность, такъ какъ Гропхузенъ навѣрно давно улизнулъ за границу.

Оберъ-лейтенанту Фроммельту поручено было командованіе батареей, а такъ какъ лейтенантъ Вейсенгагенъ, второй офицеръ этой части полка, уѣхалъ впередъ для приготовленія бараковъ и конюшенъ въ лагеряхъ, то оберъ-лейтенантъ Реймерсъ былъ временно зачисленъ во вторую батарею.

Реймерсъ вздохнулъ свободнѣе, когда до него дошелъ слухъ объ исчезновеніи Гропхузена.

Точно пелена упала съ глазъ его и онъ увидѣлъ, на какой страшно опасный путь привела его страсть.

увеличивается, начиная съ поверхности почвы до извѣстной полосы атмосферы, которую Фламмаріонъ называетъ полосой *максимальной влажности* и высота которой измѣняется въ зависимости отъ суточныхъ и годовыхъ колебаній температуры. (Наиболѣе низкое положеніе этой полосы было констатировано французскимъ ученымъ на высотѣ 150 метровъ при полетѣ 10-го іюня 1867 г., наиболѣе высокое—на высотѣ 1.150 мтр. 15-го апрѣля 1862 г.). Начиная съ этой полосы влаж-

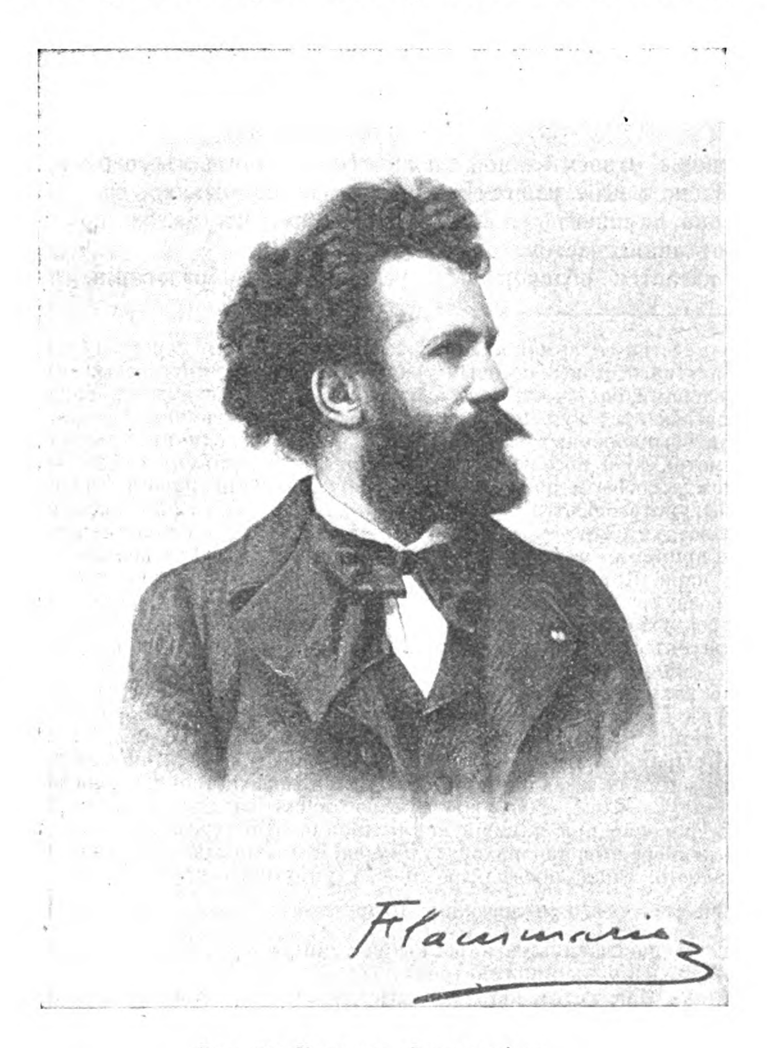


Рис. 74. Камиллъ Фламмаріонъ.

ность воздуха уменьшается по мѣрѣ поднятія въ верхніе слои атмосферы. Новѣйшія данныя, собранныя во время полетовъ нѣмецкихъ ученыхъ и главнымъ образомъ Зюринга, показываютъ, что атмосферная влажность измѣняется съ высотою значительно сильнѣе и быстрѣе, нежели температура, и что воздухъ, находящійся выше 8 километровъ надъ поверхностью земли, въ среднемъ можно признать совершенно свободнымъ отъ водяныхъ паровъ. На основаніи ряда наблюденій Зю-

рингъ вывелъ эмпирическую формулу, по которой можно вычислить давленіе водяныхъ паровъ *) для каждой данной высоты. Согласно этой формулѣ, если принять количество паровъ въ слоѣ воздуха, непосредственно прилегающемъ къ земной поверхности, за 100, пониженіе влажности съ высотою можетъ быть выражено въ слѣдующихъ цифрахъ:

	километровъ.								
на высотѣ:	1	2	3	4	5	6	7	8	
въ средн. содержится:	68%	41%	26%	17%	11%	5%	3%	1%	первоначальнаго количества паровъ.

Измѣненіе относительной влажности, по даннымъ того же Зюринга, идетъ далеко менѣе равномѣрно. Сначала понижаясь, въ области облаковъ она начинаетъ повышаться, а затѣмъ далѣе пониженіе ея уже не останавливается.

Что касается облаковъ **), условій ихъ образованія, структуры,

---

*) Количество содержащихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ измѣряется или высотою ртутнаго столба, который уравновѣшивается упругостью этихъ паровъ, другими словами, *давленіемъ паровъ*, или же вѣсомъ (въ граммахъ) водяного пара, содержащагося въ 1 куб. метрѣ воздуха—такъ называемая *абсолютная влажность*. При обыкновенныхъ температурахъ числовыя величины давленія паровъ (въ миллиметрахъ) и абсолютной влажности (въ граммахъ) по значенію очень близки между собою и потому выраженія: „давленія паровъ“ и „абсолютная влажность“ употребляются часто одно вмѣсто другого. При всякой данной температурѣ воздухъ можетъ содержать лишь опредѣленное максимальное количество пара, причемъ—чѣмъ выше температура воздуха, тѣмъ больше онъ можетъ вмѣстить пара. При максимальномъ для данной температуры количествѣ паровъ въ воздухѣ, послѣдніе называются *насыщенными*. При дальнѣйшемъ насыщеніи воздуха парами, или—что то же—при пониженіи его температуры излишекъ паровъ будетъ сгущаться въ росу. Максимальное количество пара для разныхъ температуръ находится изъ таблицъ составленныхъ эмпирически. Отношеніе даннаго количества пара, содержащагося въ воздухѣ при данной температурѣ къ максимальному количеству, какое бы онъ могъ содержать при этой температурѣ, называется *относительною влажностью*. Относительная влажность выражается, слѣдовательно, правильною дробью. Умножая эту дробь на 100, мы выразимъ ту же величину въ процентахъ абсолютной влажности. Какъ уже было упомянуто выше, измѣреніе влажности на воздушномъ шарѣ производится обыкновенно при помощи аспираціоннаго психрометра, изъ показаній котораго непосредственно находятъ сперва такъ называемую психрометрическую разность. Зная послѣднюю $(t - t')$, упругость пара (e) вычисляютъ по слѣдующей формулѣ, предложенной Шпрунгомъ: $e = e' - 0{,}5\,(t - t')\,\frac{b}{755}$, гдѣ e'—упругость насыщенныхъ паровъ при температурѣ t' и b—данное барометрическое давленіе въ миллиметрахъ.

**) Облака образуются, какъ извѣстно, вслѣдствіе охлажденія содержащихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ до температуры, при которой они становятся насыщенными (см. предыдущее примѣчаніе). Важную роль при этомъ процессѣ играютъ всегда присутствующія въ воздухѣ мельчайшія частицы пыли, такъ какъ выяснено, что въ воздухѣ, совершенно свободномъ отъ этихъ частицъ, сгущеніе паровъ происходитъ лишь при значительно низшей температурѣ, т.-е. когда пары уже перенасыщаютъ воздухъ. Охлаждаясь, пары воздуха превращаются въ мельчайшіе водяные шарики (по Ассману до 0,006 миллиметровъ въ діаметрѣ), а не въ водяные пузырьки, пустые внутри, какъ полагали раньше. Медленнымъ опусканіемъ этихъ шариковъ (вслѣдствіе сопротивленія воздуха водяной шарикъ съ діаметромъ въ 0,01 мм. можетъ падать лишь со скоростью 1 сантиметра въ секунду) въ связи съ постояннымъ возобновленіемъ ихъ и обуславливается пареніе облаковъ. При паденіи, водяные шарики соединяются въ капельки и капли, діаметръ которыхъ можетъ достигать 7 мм.; послѣднія—если онѣ не попада-

высоты, мощности ихъ слоевъ, формы и пр., то научное воздухоплаваніе является несомнѣнно лучшимъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ путемъ для всесторонняго изученія этихъ вопросовъ.

«Едва ли кто способенъ дать болѣе достовѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу,—говоритъ Линке, чѣмъ воздухоплаватель. Вооруженный фотографическимъ аппаратомъ и гигрометромъ, онъ имѣетъ возможность наблюдать и фотографировать облака и опредѣлять термическія и гигрометрическія отношенія соотвѣтствующихъ имъ слоевъ атмосферы. Конечно, кой-какія наблюденія надъ облаками возможны и съ поверхности земли, но отсюда доступна наблюденію лишь нижняя поверхность облаковъ. Болѣе точныя и полныя данныя относительно строенія и условій образованія облаковъ могутъ быть получены лишь путемъ измѣреній и наблюденій, произведенныхъ на мѣстѣ ихъ зарожденія. И не подлежитъ сомнѣнію, что аэростатическія наблюденія рано или поздно должны привести къ совершенно другой классификаціи облаковъ, въ основу которой будетъ положена не внѣшняя форма, но условія ихъ образованія и принадлежность къ опредѣленнымъ слоямъ атмосферы» *).

По формѣ облака дѣлятъ обыкновенно на слѣдующія три основныхъ группы **): 1) слоистыя облака (stratus) 2) кучевыя облака (cumulus), къ которымъ относятся слоисто-кучевыя, дождевыя и грозовыя, и 3) перистыя облака (cirrus), подраздѣляющіяся на перисто-слоистыя и перисто-кучевыя. Слоистыя облака, которыя имѣютъ видъ горизонтально стелющихся облачныхъ пеленъ, образуются обыкновенно при смѣшеніи двухъ воздушныхъ слоевъ, обладающихъ различною температурою и влажностью. Если такіе слои воздуха имѣютъ при этомъ различную скорость и направленіе движенія, то образовавшійся слой облаковъ приходитъ въ волнообразное движеніе, причемъ гигантскія облачныя волны съ необыкновенною правильностью вздымаются и опускаются иногда на сотни метровъ. Попадая въ эти волнующіяся облачныя массы, получившія названіе *волнообразныхъ облаковъ*, воздушный

ютъ въ болѣе сухой слой воздуха, и не испаряются снова,—падаютъ на землю въ видѣ дождя. Что касается снѣга, то процессъ образованія этого элемента пока еще окончательно не выясненъ. Съ одной стороны изслѣдованія Ассмана показали что облака, даже при охлажденіи воздуха значительно ниже нуля, не измѣняютъ своей капельной структуры, съ другой стороны, воздухо-плавателямъ приходилось наблюдать появленіе среди водяныхъ капелекъ облаковъ отдѣльныхъ мельчайшихъ ледяныхъ кристалловъ (гексагональныхъ иглъ), которые затѣмъ, быстро увеличиваясь и сростаясь между собою, превращались въ настоящіе снѣжные хлопья, покрывавшіе собою корзину аэростата. Согласно господствующему въ настоящее время взгляду, образованіе снѣга обусловливается непосредственнымъ превращеніемъ сгущеннаго пара въ ледяные кристаллы, которые при паденіи сростаются въ хлопья.

*) Linke. „Moderne Luftschiffahrt."

**) Принятая въ настоящее время классификація облаковъ Гильдебрандсона и Эберкромби (Abercromby) основана, впрочемъ, не столько на формѣ, сколько на относительной высотѣ облаковъ. По этой классификаціи облака дѣлятся на слѣдующія пять группъ: 1) высочайшія облака (перистыя, перисто-слоистыя и перисто-кучевыя), 2) средневысотныя (верхне-кучевыя и верхне-слоистыя, 3) низкія (слоисто-кучевыя и дождевыя тучи — nimbus), 4) облака восходящихъ токовъ воздуха (кучевыя и грозовыя—cumulo-nimbus) и 5) поднятый туманъ (слоистыя — stratus). Высота облаковъ первой категоріи (cirrus) достигаетъ въ среднемъ 9.000 метр. у наиболѣе же низкихъ (stratus) она не превосходитъ 1.000 м. Мощность облачныхъ слоевъ колеблется отъ нѣсколькихъ метровъ до 6—7 километровъ (у грозовыхъ облаковъ). Что касается скорости ихъ движенія, то она возрастаетъ съ высотою и у перистыхъ облаковъ можетъ достигать 40 метровъ въ секунду и даже болѣе.

*

шаръ начинаетъ слѣдовать за ихъ движеніемъ и тогда воздухоплаватель становится свидѣтелемъ единственнаго по своей красотѣ и грандіозности зрѣлища. «Едва успѣешь—говоритъ Линке, — взглянуть съ гребня такой волны въ глубину открывающихся съ обѣихъ сторонъ пропастей, какъ уже видишь себя заключеннымъ между колоссальными стѣнами этихъ пропастей. Абсолютная тишина царствуетъ при этомъ величественномъ зрѣлищѣ. Земля скрыта отъ взора наблюдателя, а съ высоты голубого неба улыбается солнце, глядя на вашу гигантскую качку. Поднявшись надъ этимъ волнующимся океаномъ облаковъ, вы видите, что параллельные ряды облачныхъ волнъ убѣгаютъ въ безконечную даль. Въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря воздушному теченію, идущему сверху, облачное дно долинъ, образующихся между двумя волнами, разсѣиваются, волнобразныя облака представляются наблюдателю съ

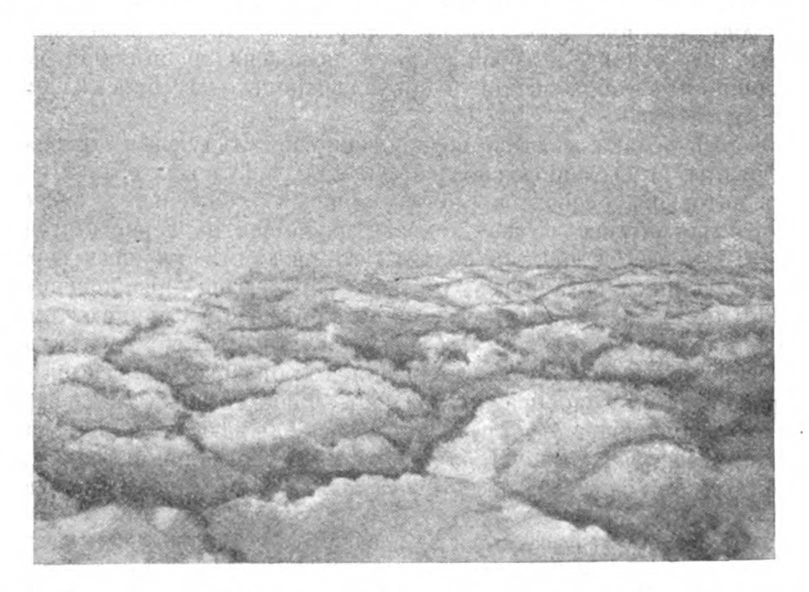


Рис. 75. Сомкнутый слой кучевыхъ облаковъ, по фотографіи съ воздушнаго шара, находящагося на 400 м. выше облаковъ.

поверхности земли въ видѣ параллельныхъ грядъ. Но нерѣдко бываетъ, что эти гряды подвергаются еще поперечнымъ волновымъ колебаніямъ, и тогда въ результатѣ этого двойного волнообразнаго движенія получаются облака, извѣстныя подъ названіемъ «барашковъ».

Кучевыя облака образуются при восходящихъ токахъ нагрѣтаго и влажнаго воздуха, который, вступая въ болѣе разрѣженные слои атмосферы, расширяется и вслѣдствіе этого испытываетъ сильное охлажденіе. Этой причинѣ обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ виды обширной группы кучевыхъ облаковъ. «Верхняя поверхность кучевыхъ облаковъ,—говоритъ Фламмаріонъ,—одутловатая, пузыристая, состоящая изъ бѣлыхъ, горъ, имѣющихъ видъ комьевъ только что расчесанной шерсти. Кажется, что у васъ передъ глазами огромныя массы ея (см. рис. 75). Эти облака ни влажнѣе, ни тяжелѣе воздуха; они образовались вслѣдствіе перемѣны вида водяныхъ паровъ, которые и подъ ними въ такомъ же количествѣ, какъ и въ нихъ самихъ, но только невидимы. Этотъ паръ становится видимымъ, когда воздухъ насыщенный

влагою, дѣлается холоднѣе. Разница въ температурѣ тѣмъ не менѣе едва замѣтна у основанія облака, но тепло увеличивается довольно быстро по мѣрѣ того какъ поднимаешься въ самомъ облакѣ».

Что касается перистыхъ облаковъ, то причины ихъ образованія остаются пока еще невыясненными, хотя строеніе ихъ извѣстно уже со времени поднятія французскихъ ученыхъ Барраля и Биксіо въ 1850 г. На высотѣ 7.000 метровъ ученые эти попали въ слой пери-

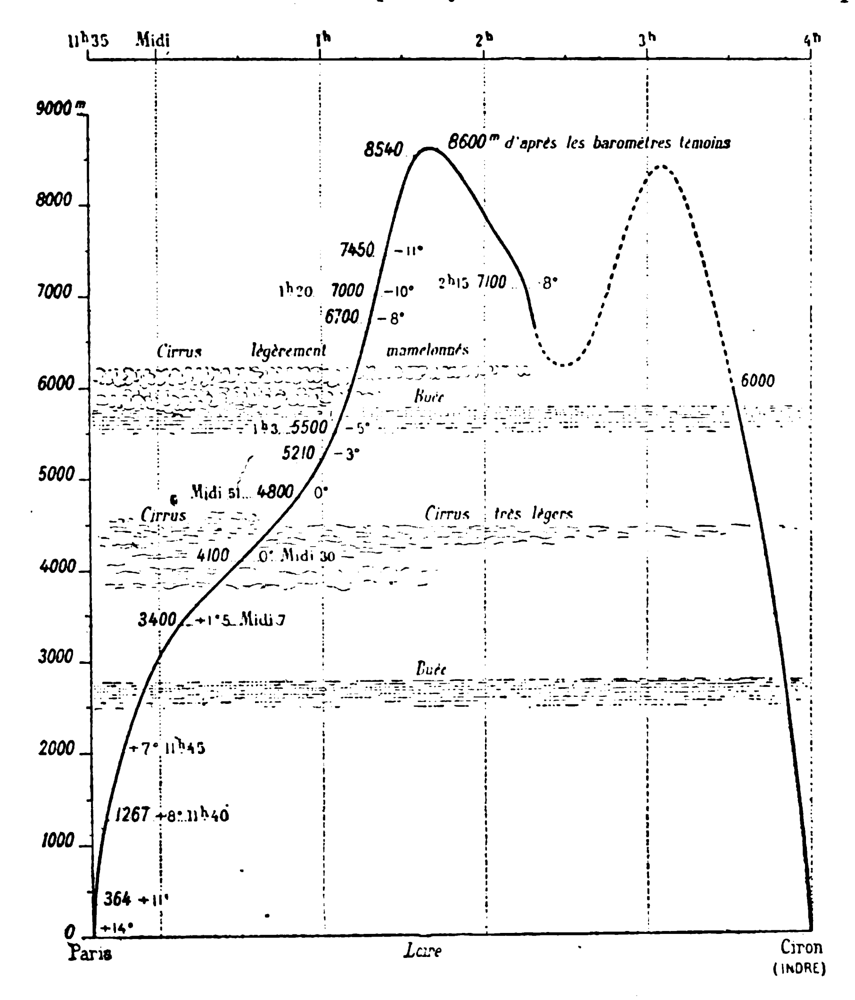


Рис. 76. Діаграмма пути „Зенита“ при полетѣ 15-го апрѣля 1875 г.

стыхъ облаковъ и констатировали, что они состоятъ изъ тонкихъ иглообразныхъ кристалловъ льда, причемъ температура внутри облака спустилась до 39°. Наблюденія, сдѣланныя при позднѣйшихъ научныхъ полетахъ, показали, что перистыя облака не всегда бываютъ видимы съ земной поверхности. Въ первый разъ это было замѣчено Тиссандье, во время его знаменатаго полета *) на «Зенитѣ», 15-го апрѣля 1875 г.

*) Ниже мы еще вернемся къ этому роковому полету, окончившемуся гибелью двухъ спутниковъ Тиссандье—Сивеля и Кроче-Спинелли.

Несмотря на то, что полетъ состоялся при совершенно ясномъ голубомъ небѣ, уже на высотѣ 4.500 метровъ воздухоплаватели встрѣтили на своемъ пути прозрачный опаловый туманъ, который скрылъ ихъ отъ взора наблюдателей, слѣдившихъ за ними съ земли. На высотѣ 4.500 метровъ вокругъ шара показались легкія перистыя облака. «Но наиболѣе интересную картину,—говоритъ Тиссандье,—представляла атмосфера на высотѣ 6.000 метровъ надъ уровнемъ моря и выше (см. прилагаемую діаграмму пути «Зенита»—рис. 76). «Зенитъ» плавалъ тамъ надъ настоящимъ циркомъ перистыхъ облаковъ, которыя принимали видъ снѣжныхъ массъ; эти облака имѣли форму длинныхъ протянутыхъ нитей, на поверхности которыхъ виднѣлись словно какія-то вздутія и бугорки совершенно гладкіе и одноцвѣтные. Надъ корзиной, далеко внизу, можно было различить землю—она казалась очень небольшой площадкой, похожей на дно громаднаго цилиндра, внутреннія стѣнки котораго составляли опаловый туманъ и лежащія надъ нимъ перистыя облака».

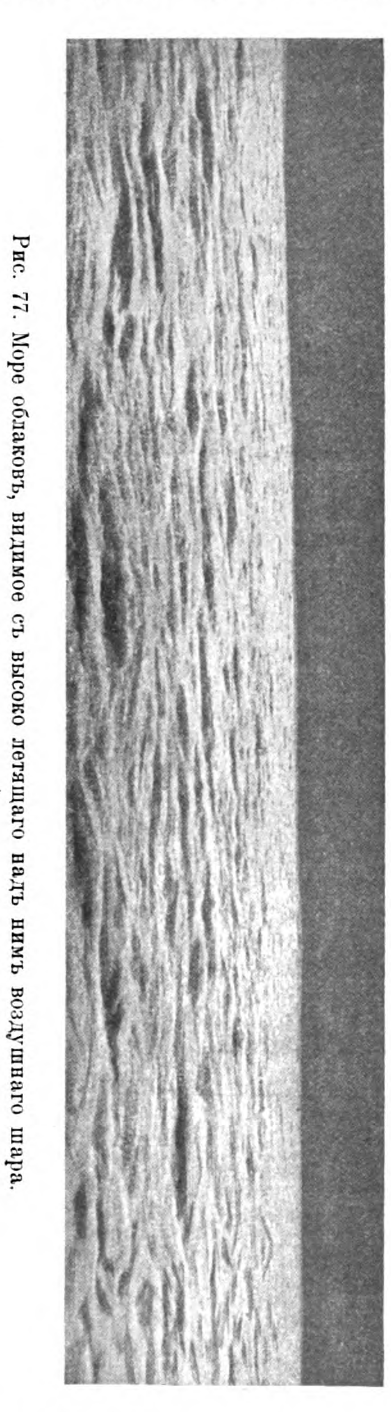


Рис. 77. Море облаковъ, видимое съ высоко летящаго надъ нимъ воздушнаго шара.

Интересно то особенное впечатлѣніе, которое испытываетъ воздухоплаватель, проходя черезъ облачные слои. Вотъ что говоритъ поэтому поводу Фламмаріонъ: «Выйдя изъ нижней сферы сѣрой, монотонной и скучной и поднимаясь въ облака, испытываешь чувство неопредѣленной радости, конечно вслѣдствіе того, что кругомъ незамѣтно разливается какой-то незнакомый намъ свѣтъ, который дѣлается все бѣлѣе и ярче, по мѣрѣ того, какъ поднимаешься внутри облаковъ. И когда наконецъ дойдя до верхняго уровня, увидишь передъ своими глазами необъятный океанъ облаковъ (см. рис. 77), то чувствуешь пріятное сознаніе, что летишь въ свѣтломъ небѣ, въ то время какъ земля остается въ тѣни. Обратное чувство испытываешь, спускаясь вновь подъ облака. Тогда душу наполняетъ тоска, словно падаешь съ неба въ обыденную темноту, подъ тяжелый потолокъ такъ часто покрывающій нашу землю»*).

*) Путешествія по воздуху стр. 342.

Какъ уже было упомянуто выше, одновременно съ уменьшеніемъ влажности, по мѣрѣ поднятія въ верхніе слои атмосферы наблюдается усиленіе солнечной радіаціи. Наблюденія надъ радіаціей на воздушномъ шарѣ имѣютъ значительное преимущество передъ горными наблюденіями, въ виду того, что горные массивы, въ особенности въ присутствіи снѣжнаго покрова, отражая солнечные лучи, усиливаютъ ихъ интенсивность, и вліяютъ, такимъ образомъ на правильность измѣреній. Наблюденія при полетахъ на воздушномъ шарѣ показываютъ, что на большихъ высотахъ интенсивность солнечной радіаціи достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ, на высотѣ 3—6.000 метровъ даже обыкновенные термометры нерѣдко обнаруживаютъ разницу между температурою въ тѣни и на солнцѣ въ 15°—20°, такъ что въ то время, когда ноги воздухоплавателя страдаютъ отъ сильнаго холода, его лицо, шея и руки, словомъ, части обращенныя на солнце, обжигаются солнечными лучами. Болѣе точныя измѣренія, при помощи актинометровъ *) обнаруживаютъ еще большую разницу между температурою воздуха и температурой солнечныхъ лучей. Абсолютныя **) актинометрическія измѣренія, производимыя параллельно на земной поверхноста и на воздушномъ шарѣ, показываютъ, что толща атмосферы въ 1.000 метровъ уже замѣтнымъ образомъ поглощаетъ лучистую теплоту солнца.

Для наблюденій надъ скоростью и направленіемъ вѣтра воздушный шаръ представляетъ еще болѣе благопріятныя условія, чѣмъ для наблюденія надъ другими метеорологическими элементами. Въ самомъ дѣлѣ, скорость и направленіе воздушныхъ теченій есть ни что иное, какъ скорость и направленіе аэростата, который ими уносится, и слѣдовательно задача наблюдателя сводится здѣсь лишь къ точному опредѣленію условій движенія аэростата. Мы уже видѣли, что для опредѣленія скорости и направленія полета воздушнаго шара достаточно лишь отмѣчать время его прохожденія надъ извѣстными пунктами земной поверхности, которые визируются съ аэростата при помощи свободно висящаго гайдъ-ропа, и затѣмъ опредѣлить разстояніе между этими пунктами по картѣ. Чѣмъ чаще будетъ производиться эта операція, другими словами, чѣмъ короче будетъ разстояніе между двумя смежными пунктами, тѣмъ точнѣе будетъ опредѣлена скорость полета.

Уже наблюденія надъ скоростью и направленіемъ вѣтра на поверхности земли ***) въ связи съ одновременными наблюденіями за движе-

---

*) Приборы, служащіе для измѣренія солнечной радіаціи, называются актинометрами. Для наблюденій на воздушномъ шарѣ употребляютъ весьма простой приборъ (антинометръ Араго-Деви), состоящій изъ термометра съ зачерненнымъ шарикомъ, помѣщеннаго въ безвоздушную стеклянную трубку.

**) Т.-е. такія, при которыхъ интенсивность радіаціи выражается въ абсолютныхъ тепловыхъ единицахъ, калоріяхъ. (См. объ этомъ: Поморцевъ „Изслѣдованіе атмосферы при помощи воздушныхъ шаровъ". Спб., 1897 г. стр. 109 и слѣд.

***) На поверхности земли скорость вѣтра измѣряется давленіемъ, которое онъ производитъ на какое-нибудь препятствіе. На этомъ и основано устройство анемометровъ (приборовъ для измѣренія скорости вѣтра). Существуетъ простое отношеніе между скоростью вѣтра и его давленіемъ: давленіе это пропорціонально квадрату скорости. Что касается опредѣленія видимой скорости и направленія движенія облаковъ, то существуетъ нѣсколько способовъ и приборовъ для такихъ опредѣленій. Одинъ изъ наиболѣе точныхъ способовъ, принадлежащій русскому метеорологу Поморцеву, описанъ имъ въ статьѣ: „Приборъ для опредѣленія направленій и угловыхъ скоростей движеній облаковъ". (см. „Воздухоплаваніе и изслѣдованіе атмосферы", выпускъ I, Спб. 1897 г.).

ніемъ облаковъ, показываютъ, что скорость воздушныхъ теченій и ихъ направленіе съ высотою измѣняются. Воздушно-шаровые полеты даютъ возможность сдѣлать болѣе точныя заключенія о ходѣ этихъ измѣненій. Они показываютъ, что въ нижнихъ слояхъ атмосферы (200—300 метровъ надъ поверхностью земли) скорость вѣтра возрастаетъ съ высотою обыкновенно очень быстро. Это объясняется тѣмъ, что движеніе воздушнаго слоя, непосредственно соприкасающагося съ землей, замедляется, вслѣдствіе тренія его о земную поверхность *). Выше указаннаго предѣла увеличеніе скорости вѣтра съ высотою идетъ уже равномѣрно. Исключеніе составляютъ лишь восточные вѣтры, при которыхъ наблюдается обыкновенно уменьшеніе скорости съ высотою и которые замедляются общимъ большимъ атмосфернымъ теченіемъ, идущимъ съ Запада. На основаніи своихъ наблюденій, произведенныхъ во время ряда научныхъ поднятій, Берсонъ даетъ слѣдующія цифры для увеличенія скорости вѣтра съ высотою:

среднія высоты въ километрахъ:	0	0,5	1,5	2,5	3,5	4,5	5,5
относительная скорость вѣтра:	1	1,8	2,0	2,2	2,5	3,1	4,5

Что касается абсолютной скорости вѣтра, то, какъ показываютъ полеты во время бурь, она можетъ достигать 200 километровъ въ часъ и даже болѣе. Какъ на примѣръ наибольшей скорости вѣтра, наблюдавшейся воздухоплавателями, можно указать на полетъ французскаго инженера Ролье, совершенный имъ во время франко-прусской войны изъ осажденнаго Парижа. 24-го ноября 1870 г. въ полночь Ролье поднялся въ сопровожденіи вольнаго стрѣлка Безье на воздушномъ шарѣ «Ville d'Orléans». На высотѣ 2.000 метровъ путешественники были подхвачены необычайно сильнымъ южнымъ вѣтромъ и вскорѣ очутились надъ Сѣвернымъ моремъ. Слыша подъ собою ревъ бушующихъ волнъ и не будучи въ состояніи опредѣлить въ ночной темнотѣ, поднимается ихъ аэростатъ или опускается **), они уже считали себя погибшими и даже выпустили почтовыхъ голубей съ извѣстіемъ о своей гибели, но въ это время аэростатъ попадаетъ въ полосу другого, не менѣе сильнаго воздушнаго теченія, которое понесло его къ берегамъ Норвегіи. Въ 1 часъ дня аэростатъ опустился въ 100 километрахъ отъ Христіаніи, на пустынной, покрытой снѣгомъ возвышенности Лифьельдъ, пройдя, такимъ образомъ, въ теченіе 13 часовъ разстояніе въ 1.500 километровъ, т.-е. несясь въ среднемъ со скоростью болѣе чѣмъ 100 километровъ въ часъ. Еще болѣе поразительный примѣръ скорости вѣтра наблюдался при несчастномъ полетѣ нѣмецкаго капитана фонъ-Зигефельдта, закончившемся гибелью этого замѣчательнаго воздухоплавателя. 1-го февраля 1902 г. Зигефельдтъ поднялся изъ Берлина на шарѣ «Берсонъ» въ компаніи съ докторомъ Линке. Вскорѣ поднялась буря и понесла аэростатъ на юго-западъ. Боясь попасть на французскую границу, гдѣ нѣмецкихъ воздухоплавателей могли

*) Степень замедленія зависитъ отъ рельефа и свойствъ поверхности, надъ которой дуетъ вѣтеръ. Одинъ и тотъ же вѣтеръ дуетъ сильнѣе надъ поверхностью моря, чѣмъ надъ сушей, и въ открытомъ мѣстѣ сильнѣе, чѣмъ въ городахъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, средняя годовая скорость вѣтра на уровнѣ крышъ домовъ (т.-е. на высотѣ приблизительно 20 метровъ) равняется 2,15 метр. въ секунду, тогда какъ на вершинѣ Эйфелевой башни эта скорость равняется уже 8,7 метра, т.-е. ровно въ 4 раза больше. (См. Angot. „Traité de météorologie", Paris, 1899 г., стр. 132).

**) Между прочимъ на помѣщенномъ выше рисункѣ 59 изображенъ именно этотъ моментъ полета Ролье.

ожидать непріятности при встрѣчѣ съ пограничными кордонами, они рѣшили спуститься, несмотря на очевидную опасность спуска при такихъ условіяхъ. Рѣшено было выпрыгнуть изъ корзины въ моментъ, когда шаръ будетъ почти касаться земли. Линке успѣлъ это сдѣлать, отдѣлавшись лишь вывихомъ руки, Зигефельдтъ же запутался въ веревкахъ и былъ убитъ во время страшнаго волоченія шара. Средняя скорость этого полета была опредѣлена въ 123 километра въ часъ, причемъ впродолженіи 75 минутъ аэростатъ летѣлъ со скоростью 200 километровъ въ часъ. «Но такъ какъ,—говоритъ Линке,—высота полета подвергалась сильнымъ колебаніямъ, причемъ скорость вѣтра съ высотою все увеличивалась, то не будетъ невѣроятнымъ предположить, что эта скорость достигала неслыханной цифры 270 километровъ въ часъ, т.-е. 75 метровъ въ секунду. Разумѣется, для пассажировъ аэростата эта скорость была совершенно неощутима» *).

Конечно, подобная скорость вѣтра составляетъ очень рѣдкое исключеніе. Обыкновенная же скорость горизонтальнаго перемѣщенія аэростата, а слѣдовательно и скорость вѣтра, колеблется для среднихъ высотъ отъ 40 до 60 километровъ въ часъ. Даже при совершенномъ отсутствіи вѣтра внизу, на извѣстной высотѣ всегда наблюдается нѣкоторое движеніе воздуха, хотя и здѣсь оно иногда можетъ падать до минимума, и наблюдались случаи, когда аэростатъ проходилъ въ день не болѣе 25-ти километровъ.

Вопросъ отъ измѣненіи направленій вѣтровъ въ зависимости отъ высоты представляетъ огромный практическій интересъ для воздухоплаванія, такъ какъ если бы удалось выяснить законность, которой подчинены эти измѣненія, то тѣмъ самымъ, до извѣстной степени, разрѣшался бы вопросъ объ управленіи полетомъ шара. Кое-что въ этомъ направленіи воздухоплаванію удалось сдѣлать уже и въ настоящее время. Такъ установлено, что въ области барометрическихъ максимумовъ вѣтеръ на извѣстной высотѣ мѣняетъ свое направленіе, отклоняясь вправо, причемъ отклоненія эти достигають иногда угла въ 100° относительно линіи вѣтра внизу, въ области же низшихъ давленій, наоборотъ, замѣчаются скорѣе отклоненія (болѣе слабыя) влѣво. Въ тѣхъ случаяхъ, когда барометрическій характеръ области является неопредѣленнымъ, не рѣдко наблюдается, въ особенности при полетахъ въ низкихъ областяхъ, что аэростатъ слѣдуетъ изобарамъ, т.-е. проходитъ черезъ мѣстности съ одинаковымъ барометрическимъ давленіемъ, причемъ описываетъ иногда пути, близкіе къ замкнутымъ кривымъ. Все это, конечно, еще слишкомъ далеко отъ рѣшенія вопроса, но уже и эти эмпирическія данныя позволяютъ до извѣстной степени пользоваться ими въ воздухоплавательной практикѣ, въ особенности при знаніи мѣстныхъ метеорологическихъ условій.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ относительно примѣненія воздухоплаванія къ изученію атмосфернаго электричества и земного магнетизма. Первыя наблюденія надъ атмосфернымъ элетричествомъ принадлежатъ, какъ извѣстно, Франклину, который воспользовался для этой цѣли воздушными змѣями. Но несмотря на то, что со времени знаменитыхъ опытовъ Франклина прошло уже болѣе полутораста лѣтъ, наши знанія относительно происхожденія и свойствъ атмосфернаго электричества съ тѣхъ поръ очень мало подвинулись впередъ, и явленія атмосфернаго электричества составляютъ одинъ изъ наименѣе

*) Linke. „Moderne Lüftschiffahrt", стр. 211.

разработанныхъ отдѣловъ современной метеорологіи. Воздушный шаръ является несомнѣнно лучшимъ средствомъ для наблюденія надъ атмосфернымъ элекричествомъ, въ особенности въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Наблюденія эти сводятся, главнымъ образомъ, къ измѣренію напряженія атмосфернаго электричества *) и электропроводности воздуха. Результаты новѣйшихъ измѣреній, произведенныхъ во время научныхъ полетовъ учеными разныхъ странъ **), приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно распредѣленія атмосфернаго электричества: Въ сухую погоду воздухъ заряженъ положительнымъ электричествомъ, т. е. обладаетъ болѣе высокимъ потенціаломъ, чѣмъ поверхность земли, и лишь въ области тумановъ и облаковъ обнаруживается иногда отрицательное электричество въ атмосферѣ. Величина разности потенціаловъ подвержена періодическимъ колебаніямъ въ зависимости отъ годовыхъ и суточныхъ измѣненій метеорологическихъ элементовъ. Въ возрастаніемъ высоты разность эта уменьшается (хотя и неправильно) и уже на относительно небольшихъ высотахъ (4 — 6 километровъ), повидимому, исчезаетъ. Все это приводитъ къ заключенію, что источникъ атмосфернаго электричества долженъ находиться внѣ земной поверхности.

Что касается наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, то они предпринимались еще во время первыхъ опытовъ научнаго воздухоплаванія Робертсономъ и академикомъ Захаровымъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Утвержденія Робертсона, что напряженіе земного магнитизма уменьшается пропорціонально съ возрастаніемъ высоты, вызвали горячій споръ среди ученыхъ того времени. Споръ этотъ, какъ извѣстно, разрѣшенъ былъ Гей-Люсакомъ и Біо, предпринявшимъ съ этой цѣлью свой знаменитый полетъ (20-го августа 1809 г.), причемъ ими б ла доказана несостоятельность утвержденій Робертсона. Съ тѣхъ поръ наблюденія надъ земнымъ магнитизмомъ при полетахъ на воздушномъ шарѣ не производились, но въ концѣ минувшаго столѣтія нѣмецкимъ ученымъ Эшенхагеномъ была сдѣлана попытка примѣнить магнитные приборы, къ оріентированію при полетахъ на воздушномъ шарѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда видъ на землю закрытъ облаками. Мы уже упоминали объ этой попыткѣ въ предыдущей главѣ.

Закончимъ нашъ обзоръ успѣховъ научнаго воздухоплаванія въ области изученія атмосферы оптическими и акустическими наблюденіями въ высокихъ слояхъ атмосферы. Интересно прежде всего измѣненіе перспективы, которое наблюдается при видѣ на землю съ большихъ высотъ. «Геометрическая форма земли,—говоритъ Фламмаріонъ,—кажется парадоксальной. Такъ какъ земля имѣетъ форму шара, то ка-

*) Эти измѣренія производятся при помощи такъ называемыхъ *коллекторовъ*. Коллекторъ, употребляемый обыкновенно при наблюденіяхъ на воздушномъ шарѣ, представляетъ собою наполненную водою воронку, черезъ отверстіе которой продѣтъ шнурокъ, оканчивающійся металлическимъ остріемъ. Вода изъ воронки стекаетъ по этому шнурку по каплямъ, причемъ въ точкѣ, гдѣ капля отрывается отъ острія, и обнаруживается напряженіе электричества, свойственное этой точкѣ. Пользуясь двумя такими коллекторами со шнурками различной длины, при помощи простого электроскопа можно опредѣлить разность напряженій между двумя точками, находящимися на различной высотѣ. Эта разность, если она отнесена къ единицѣ высоты, 1 метру, и будетъ то, что называется *разностью потенціаловъ*.

**) Ле-Кадэ во Франціи, Тума въ Австріи, Бёрнштейнъ и Башинъ въ Германіи, Поморцевъ въ Россіи и др.

залось бы, что при поднятіи надъ его поверхностью, выпуклость планеты должна становиться замѣтнѣе, но этого вовсе нѣтъ и даже, по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся, происходитъ совершенно обратное явленіе. Вмѣсто того, чтобы дѣлаться подъ нами все болѣе выпуклымъ,

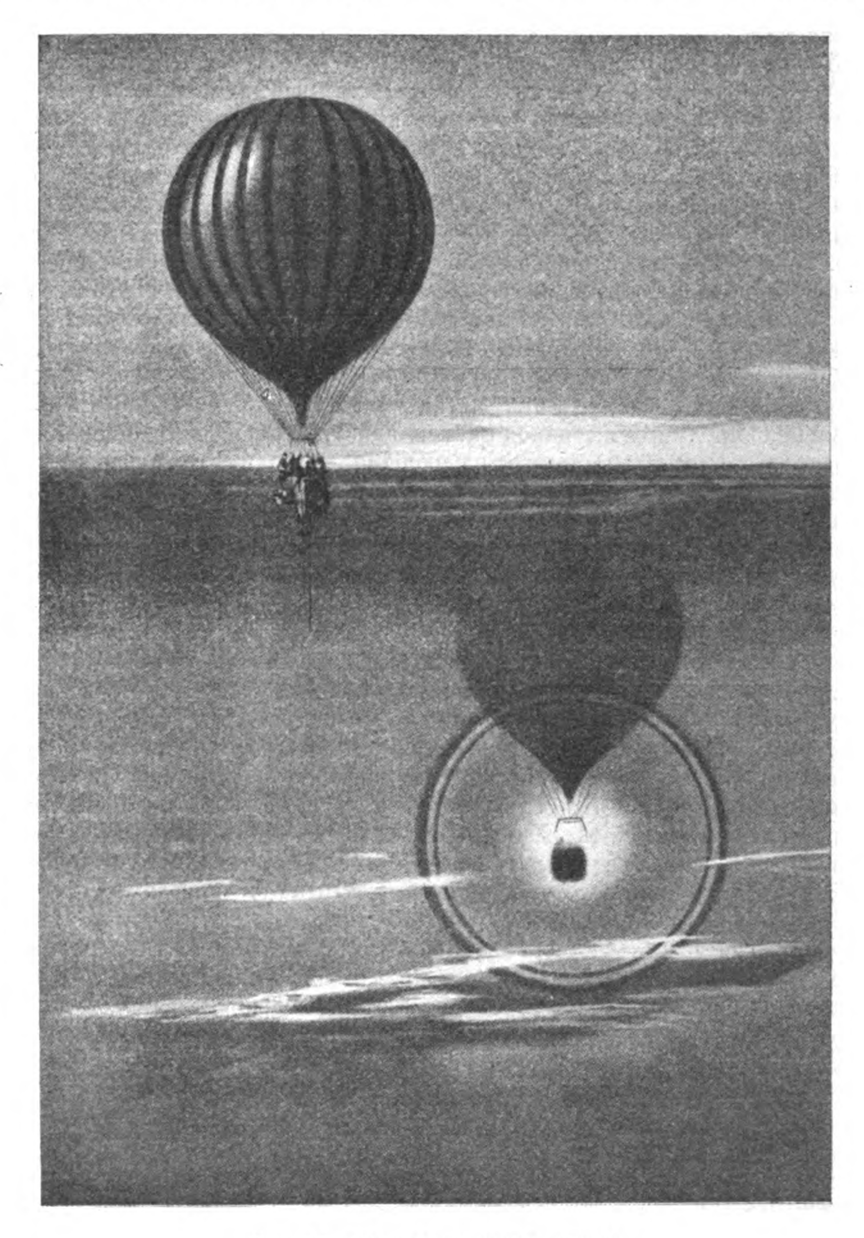


Рис. 78 Аэронавтическій ореолъ.

какъ этому учитъ теорія, земной шаръ сплющивается и углубляется, такъ что мы находимся между двумя вогнутыми поверхностями – небомъ и землей, сливающимися на нашемъ горизонтѣ; но двойная вогнутость

ихъ рѣзко обозначается какъ подъ нами такъ и надъ нами. Явленіе это объясняется закономъ перспективы, по которому горизонтъ остается всегда на высотѣ глаза *).

Одно изъ наиболѣе интересныхъ оптическихъ явленій, которыя приходится наблюдать воздухоплавателямъ, это—тѣнь аэростата, появляющаяся на землѣ и на облакахъ и движущаяся вмѣстѣ съ аэростатомъ. Она состоитъ изъ темнаго ядра, окруженнаго болѣе свѣтлой полутѣнью въ видѣ огромнаго ореола, который невооруженнымъ глазомъ на землѣ различается лишь въ томъ случаѣ, когда надъ поверхностью земли воздухъ содержитъ много влаги; на облакахъ же обыкновенно тѣнь и полутѣнь бываютъ очерчены необыкновенно ясно. Иногда тѣнь бываетъ окружена концентрическими радужными кругами (см. рис. 78), центръ которыхъ составляетъ челнокъ. Явленіе это, извѣстное подъ названіемъ «аэронавтичестаго ореола», аналогично съ такъ называемыми Брокенскими видѣніями или кругами Уллоу и объясняется, какъ и эти послѣдніе, разсѣяніемъ свѣта отъ водяныхъ капелекъ облаковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ слоемъ холоднаго воздуха движется теплое воздушное теченіе, воздухоплавателями нерѣдко наблюдается явленіе миража, причемъ обратныя изображенія предметовъ, находящихся внизу, бываютъ необыкновенно отчетливы. Интересны также наблюденія надъ цвѣтомъ неба въ высокихъ слояхъ атмосферы. Выше 3.000 метровъ небо, на зенитѣ, становится темнымъ и менѣе прозрачнымъ, нѣсколько ниже зенита цвѣтъ его кажется лазуревымъ, а на горизонтѣ блѣдно-голубымъ и даже бѣлымъ. Темнота неба на зенитѣ, по наблюденію Фламмаріона, обратно пропорціональна содержанію влажности въ атмосферѣ.

Акустическія наблюденія на воздушномъ шарѣ касаются законовъ распространенія звука въ вертикальномъ направленіи и вліянія на его распространеніе различныхъ атмосферическихъ условій. Чрезвычайно интересныя данныя къ этому вопросу были собраны впервые Глешеромъ и нѣсколько позднѣе Фламмаріономъ. Глешеръ первый обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что звукъ въ свободной атмосферѣ лучше распространяется снизу вверхъ, нежели обратно. Такъ шумъ большихъ городовъ, желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и морскихъ волнъ бываетъ слышенъ на высотѣ 2.000—3.000 метровъ. Звуки ружейныхъ выстрѣловъ и свистки локомотивовъ достигаютъ еще большихъ высотъ. Глешеру приходилось слышать свистки локомотивовъ на высотѣ 3.000 метровъ съ необыкновенной отчетливостью, не смотря на то, что при этомъ его отдѣлялъ отъ земли огромная толща облаковъ. Послѣднія не только не препятствуютъ распространенію звука, но, наоборотъ являются лучшими проводниками его, нежели чистый воздухъ **). Совсѣмъ обратное явленіе наблюдается, когда звуки бываютъ

*) Тиссандье и Фламмаріонъ. „Путешествіе по воздуху", стр. 221.

**) Интересный случай сообщаетъ по этому поводу Фламмаріонъ въ описаніи своихъ научныхъ полетовъ. Пролетая однажды надъ однимъ французскимъ городкомъ, отъ котораго его отдѣлялъ густой слой облаковъ, и находясь на высотѣ 1.400 метровъ, онъ вдругъ услышалъ звуки оркестра съ такой ясностью, какъ будто бы послѣдній игралъ всего въ нѣсколькихъ метрахъ отъ аэростата. „Сообщивъ объ этомъ фактѣ въ одномъ журналѣ—говоритъ Фламмаріонъ—я имѣлъ удовольствіе получить черезъ нѣсколько дней письмо отъ президента филармоническаго общества этого города, въ который онъ сообщалъ мнѣ, что названное общество находилось во дворѣ меріи и, увидавъ нашъ шаръ въ просвѣтъ неба между облаками, сыграло для насъ лучшую пьесу, въ надеждѣ, что она послужитъ мнѣ для моихъ опытовъ по акустикѣ. И дѣйствительно трудно было придумать что-нибудь болѣе удачное".

направлены сверху внизъ. Въ то время, какъ голосъ человѣка, находящагося на поверхности земли, слышенъ еще на высотѣ 1.000 метровъ, съ привязныхъ шаровъ съ высоты 200 приходится кричать въ рупоръ, чтобы быть услышаннымъ внизу.

Опыты надъ скоростью отраженнаго звука, производившіеся Фламмаріономъ, показываютъ, что лучшею отражательною поверхностью является поверхность спокойной воды.

Научное значеніе воздухоплаванія далеко не исчерпывается тѣми услугами, которыя оно оказываетъ метеорологіи. Полеты на воздушномъ шарѣ, открывая доступъ въ высокіе слои атмосферы, являются цѣннымъ орудіемъ изслѣдованія во многихъ отрасляхъ знанія. Къ числу важныхъ научныхъ вопросовъ, выясненію которыхъ много способствовало воздухоплаваніе, принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о физіологическомъ дѣйствіи низкихъ атмосферныхъ давленій. Уже первымъ воздухоплавателямъ были знакомы тѣ болѣзненныя явленія, которыя обыкновенно наблюдаются въ высокихъ слояхъ атмосферы и которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ «горной болѣзни». Въ теченіе очень долгаго времени въ наукѣ господствовалъ взглядъ, по которому горная болѣзнь объяснялась исключительно *механическимъ* дѣйствіемъ уменьшеннаго давленія. Извѣстно, что поверхность человѣческаго тѣла испытываетъ со стороны воздуха давленіе, которое на уровнѣ моря равно приблизительно 15.000 килограммовъ. На высотѣ уже 5.500 метровъ это давленіе, согласно показаніямъ барометра, уменьшается вдвое. Понятно, что столь значительное уменьшеніе давленія должно нарушать равновѣсіе между давленіемъ воздуха на внѣшнюю поверхность организма и давленіемъ его внутреннихъ жидкостей, вслѣдствіе чего послѣднія устремятся отъ центральныхъ частей къ периферіи. Этимъ, и объясняли, почему характерными симптомами горной болѣзни, одновременно съ затрудненнымъ дыханіемъ, являются сильные приливы крови къ головѣ, шумъ въ ушахъ, вздутіе венъ, а иногда кровоизліянія изъ горла и ушей. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія провѣркой этой теоріи занялся извѣстный французскій физіологъ Поль Бэръ, который доказалъ, что механическая теорія горной болѣзни ошибочна, несмотря на ея кажущуюся правдоподобность. Опираясь на рядъ строго научныхъ опытовъ, П. Бэръ пришелъ къ заключенію, что симптомы горной болѣзни являются результатомъ не непосредственнаго дѣйствія уменьшеннаго давленія, а недостаточнаго количества кислорода, которое заключается въ разрѣженномъ воздухѣ, и что если пользоваться искусственнымъ вдыханіемъ кислорода, то даже при очень низкомъ атмосферномъ давленіи симптомы болѣзни не должны появляться, а появившіеся должны исчезнуть. Свои заключенія П. Бэръ не побоялся провѣрить на самомъ себѣ, помѣщаясь подъ металлическій колоколъ, въ которомъ, припомощи воздушнаго насоса, давленіе доводилось до величины, отвѣчающей высотѣ 7.000 и даже 8.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Появлявшіеся при этомъ сильные приступы горной болѣзни быстро исчезали послѣ нѣсколькихъ вдыханій кислорода. Послѣ этого оставалось испытать дѣйствіе кислорода на большихъ высотахъ, гдѣ, одновременно съ рѣзкимъ измѣненіемъ давленія, организмъ испытываетъ еще вліяніе низкихъ температуръ. Выполненіе этой задачи охотно взяли на себя два молодыхъ французскихъ ученыхъ Сивель и Кроче Спинели. Захвативъ съ собою запасъ смѣси кислорода и атмосфернаго воздуха въ пропор-

ціи, выведенной изъ опытовъ П. Бэра, они рѣшили подняться на воздушномъ шарѣ въ возможно болѣе разрѣженные слои атмосферы. На высотѣ 7.000 метровъ воздухоплаватели почувствовали сильную слабость, а вслѣдъ за нею и другіе признаки горной болѣзни. Тогда при помощи каучуковыхъ трубокъ они стали вдыхать кислородъ и сразу почувствовали облегченіе. Дѣйствіе кислорода оказалось дѣйствительно чудеснымъ. «Это поднятіе, — говоритъ Тиссандье, — имѣло громадное значеніе съ физіологической точки зрѣнія, такъ какъ принесло новое подтвержденіе изысканіямъ П. Бэра и открыло путь для изслѣдованія высокихъ областей атмосферы».

И однако, несмотря на блестящіе результаты этого опыта, ровно черезъ годъ послѣ него, тѣ же Кроче-Спинелли и Сивель погибли отъ асфиксіи, на высотѣ 8.000 метр., во время подъема на «Зенитѣ» 15-го апрѣля 1875 г. Подъемъ этотъ, получившій столь печальную извѣстность, благодаря его трагическому финалу, былъ идеально обставленъ какъ съ научной, такъ и съ технической стороны. Въ очень обширную и тщательно разработанную программу наблюденій, которыя предполагалось производить во время подъема, входили также и наблюденія надъ физіологическимъ дѣйствіемъ высотъ, причемъ наблюдатели должны были слѣдить за измѣненіевъ ихъ пульса, температуры тѣла и числа вдыханій въ минуту. Три небольшихъ каучуковыхъ шара, наполненныхъ смѣсью воздуха съ 70% кислорода, обезпечивали воздухоплавателямъ безопасность пребыванія въ возможно болѣе высокихъ слояхъ атмосферъ. Чтобы ослабить ударъ при спускѣ, подъ корзиной аэростата былъ привязанъ толстый соломенный матрацъ; благодаря новому способу прикрѣпленія балластныхъ мѣшковъ, усилія, необходимыя при пользованіи балластомъ, сводились къ минимуму,—обстоятельство, чрезвычайно важное на большихъ высотахъ, гдѣ сравнительно ничтожная трата силъ вызываетъ обыкновенно чувство болѣзненной усталости. Снаряженный такимъ образомъ «Зенитъ» поднялся въ 11 ч. 32 м. утра съ газоваго завода, находящагося въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, Ла-Вильетъ, унося съ собою трехъ пассажировъ: Сивеля, Кроче-Спинелли и Гастона Тиссандье. Подъемъ шара происходилъ настолько быстро, что черезъ 25 минутъ послѣ отправленія «Зенитъ» уже находился на высотѣ 3.500 метровъ. Здѣсь подъемъ замедлился, а затѣмъ скорость его стала увеличиваться снова. Въ 1 ч. 20 м. пополудни «Зенитъ» находился на 7.000 метровъ. Все это время воздухоплаватели вели правильныя записи своихъ наблюденій, распредѣливъ ихъ между собою. О томъ, что происходило затѣмъ на «Зенитѣ», мы приводимъ разсказъ самого Тиссандье, единственнаго оставшагося въ живыхъ свидѣтеля этого рокового полета.

„На этой высотѣ (7.000 метр.) я продолжалъ вписывать въ свою записную книжечку уже почти машинально; выписываю дословно слѣдующія строки,—какъ я еще могъ ихъ написать, теперь и не помню, только написаны онѣ крайне неразборчиво, рукой, которая, повидимому, сильно тряслась отъ холода,—вотъ эти строки:

„Руки закоченѣли. Чувствую себя хорошо. На горизонтѣ туманъ и маленькія округленныя перистыя облака. Мы поднимаемся. Кроче тяжело дышитъ. Мы вдыхаемъ кислородъ. Сивель закрываетъ глаза, Кроче также закрываетъ глаза. Я опоражниваю аспираторъ. Температура —10°. 1 ч. 20 м. Давленіе—320. Сивель уснулъ... 1 ч. 25 м.; температура —11°; давленіе—300. Сивель бросаетъ балластъ. Сивель опять бросаетъ балластъ". (Послѣднія слова едва можно разобрать).

„Въ самомъ дѣлѣ, Сивель, словно застывшій на нѣсколько секундъ въ задумчивости и порой закрывавшій глаза, очевидно вдругъ вспомнилъ, что

онъ хотѣлъ подняться выше того предѣла, на которомъ теперь плавалъ „Зенитъ“. Онъ вскочилъ; его энергичное лицо вдругъ озарилось какимъ-то свѣтомъ; онъ повернулся ко мнѣ и спросилъ: „Какое давленіе?“—„300 (7.540 метр., приблизительно, надъ уровнемъ моря)“.—„У насъ еще много балласта; какъ по вашему, бросать?“ На это я отвѣтилъ: „Дѣлайте, что хотите“. Онъ повернулся къ Кроче-Спинелли и задалъ ему тотъ-же вопросъ. Кроче отвѣтилъ утвердительно энергичнымъ кивкомъ головы...

„Отрѣзавъ три мѣшка съ балластомъ, на высотѣ около 7.450 метр., т.-е. подъ давленіемъ 300 миллиметровъ (послѣдняя цифра, внесенная мною въ мою записную книжку), Сивель сѣлъ, насколько мнѣ помнится, на дно корзины, гдѣ уже сидѣлъ и я, облокотясь о ея бортъ. Вскорѣ меня охватила такая слабость, что я даже не могъ повернуть головы, чтобы посмотрѣть на своихъ товарищей. Хотѣлъ схватить трубку съ кислородомъ, но уже не могъ поднять руки. Однако, голова моя продолжала работать вполнѣ ясно. Я не переставалъ слѣдить за барометромъ, и попрежнему не сводилъ глазъ со стрѣлки, которая вскорѣ подошла къ цифрѣ 290, затѣмъ 280 и стала переходить за нее.

„Я хотѣлъ крикнуть: „мы на высотѣ 8.000 метровъ!“ Но языкъ мой былъ точно привязанъ. Вдругъ глаза мои закрылись, и я упалъ безъ чувствъ. Это было, приблизительно, 1 ч. 30 м. Въ 2 ч. 8 м. я на минуту пришелъ въ себя. Шаръ быстро спускался. У меня достало силъ перерѣзать веревку одного мѣшка съ балластомъ, чтобъ ослабить скорость спуска, и записать въ книжечкѣ слѣдующія строки; привожу ихъ дословно: „Мы спускаемся; температура—8°; я бросаю балластъ; давленіе—315. Мы спускаемся. Сивель и Кроче все еще безъ чувствъ на днѣ корзины. Спускаемся очень быстро“.

„Едва успѣлъ я написать эти строки, какъ меня охватила дрожь, и я снова упалъ въ изнеможеніи. Вѣтеръ дулъ сильно снизу вверхъ, т.-е. показывалъ, что мы очень быстро спускаемся. Черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ, что меня трясутъ за руку, и узналъ Кроче; онъ пришелъ въ себя. „Бросайте балластъ,—сказалъ онъ мнѣ,—мы спускаемся“. Но я могъ только съ трудомъ открыть глаза и даже не замѣтилъ, очнулся ли Сивель.

„Помню, что Кроче отцѣпилъ аспираторъ и бросилъ его за бортъ, затѣмъ также выбросилъ балластъ, одѣяла и еще что-то.

„Но все это помнится мнѣ крайне смутно, и на этомъ обрываются дальнѣйшія воспоминанія, потому что тутъ я опять впалъ въ забытье, и даже на этотъ разъ болѣе сильное, чѣмъ передъ тѣмъ: мнѣ казалось, что я засыпаю вѣчнымъ сномъ.

„Что произошло потомъ? Несомнѣнно, освобожденный отъ балласта шаръ, не потерявшій газа, благодаря своей непроницаемости, и относительно очень теплый, еще разъ поднялся въ высокія области.

„Въ 3 ч. 30 м. приблизительно я снова открылъ глаза. Я чувствовалъ головокруженіе, слабость, но въ то же время ко мнѣ возвращалось сознаніе. Шаръ спускался со страшной быстротой; корзина сильно раскачивалась и описывала большіе круги. Я на колѣняхъ протащился къ Сивелю и Кроче и, потянувъ ихъ за руки, крикнулъ:

„— Сивель! Кроче! проснитесь!

„Мои товарищи лежали на днѣ корзины, какъ-то странно скрючившись и уткнувшись головой подъ дорожныя одѣяла. Собравъ свои силы, я попытался приподнять друзей. Лицо Сивеля было черно, глазы мутны, ротъ открытъ и полонъ крови; у Кроче глаза были полуоткрыты и ротъ окровавленъ.

„Что тогда произошло со мной, я не могу теперь припомнить. Я чувствовалъ страшный вѣтеръ снизу. Мы находились въ это время еще на высотѣ 6.000 метровъ. Въ корзинѣ оставалось еще два мѣшка съ балластомъ, и я ихъ выбросилъ. Вскорѣ показалась земля; я хотѣлъ достать ножъ, чтобъ перерѣзать веревку якоря и не могъ его найти. Я словно обезумѣлъ и все продолжалъ звать: „Сивель! Сивель!..“

Аэростатъ опустился въ 4 часа пополудни недалеко отъ мѣстечка Сиронъ въ 250 километрахъ отъ Парижа, причемъ спускъ чуть было не окончился катастрофой и для самого Тиссандье. Изъ показаній барографа оказалось, что во время этого полета аэростатъ въ дважды поднимался на высоту болѣе чѣмъ 8.000 м., описавъ въ воздухѣ путь въ видѣ гигантской буквы М. (смотр. рис. 76). Минимальное показаніе барометра соотвѣтствовало высотѣ въ 8.600 метр.

Что было причиной гибели несчастныхъ воздухоплавателей? Самъ

Тиссандье приписываетъ ее, во-первыхъ, слишкомъ продолжительному пребыванію на огромной высотѣ, на которую «Зенитъ» поднимался два раза подрядъ, затѣмъ необычайной сухости воздуха, которая наблюдалась на этой высотѣ, и, наконецъ, индивидуальнымъ особенностямъ организацій своихъ погибшихъ друзей. «Надо думать, — говоритъ онъ, — что я обязанъ своимъ спасеніемъ исключительно моему лимфатическому и крайне нервному темпераменту, можетъ, быть также совершенному обмороку, т.-е. безусловной остановкѣ дыхательныхъ движеній». Большинство авторитетныхъ спеціалистовъ полагаютъ однако, что причина несчастія заключалась въ недостаточномъ запасѣ кислорода, который къ тому же воздухоплаватели начали вдыхать слишкомъ поздно (на высотѣ 7.000 метровъ). Какъ бы-то нибыло, послѣдующая практика высокихъ подъемовъ вполнѣ подтвердила теорію П. Бэра и показала, насколько благодѣтельно дѣйствіе вдыханій кислорода на большихъ высотахъ. До какихъ же однако предѣловъ высоты эти вдыханія гарантируютъ безопасный подъемъ воздухоплавателю? Этотъ интересный вопросъ былъ разсмотрѣнъ недавно вѣнскимъ врачемъ и воздухоплавателемъ Шреттеромъ въ его докладѣ, сдѣланномъ въ Берлинскомъ Воздухоплавательномъ Обществѣ *). «Такъ какъ кислородъ,— говоритъ Шреттеръ,—вдыхается при томъ же приблизительно давленіи, которое испытываетъ и окружающій воздухъ, то, основываясь на законѣ парціальнаго давленія, не трудно вычислить, что нормальное количество кислорода (тѣ 20% этого газа, которые вдыхаются нами на поверхности земли), можетъ быть доставлено организму еще на высотѣ 11 километровъ, путемъ вдыханія чистаго кислорода; на высотѣ 14 километровъ количество это уже не можетъ превышать 16%, а на высотѣ 18 километровъ оно составляетъ лишь 11%, т.-е. будетъ совершенно недостаточно для организма». Такимъ образомъ, существуетъ предѣлъ, который не можетъ быть перейденъ безнаказанно даже при вдыханіи чистаго кислорода, и предѣлъ этотъ (11 километровъ) уже почти былъ достигнутъ двумя нѣмецкими воздухоплавателями — Берсономъ и Зюрингомъ. Заключенія Шреттера подтверждаются и опытами надъ животными. Для того, чтобы перейти указанный предѣлъ, вдыханія кислорода должны совершаться подъ извѣстнымъ давленіемъ, что можетъ быть достигнуто при устройствѣ особыхъ скафандровъ или же герметически закрытыхъ помѣщеній въ корзинѣ аэростата, въ которыхъ бы находился воздухъ подъ давленіемъ. Проектъ такой корзины былъ, между прочимъ, представленъ докладчикомъ.

Интересные физіологическіе опыты были предприняты цюрихскимъ профессоромъ физіологіи Голе (Gaulé) въ 1901 г. Наблюденія надъ людьми и животными показываютъ, что на высокихъ горахъ количество красныхъ кровяныхъ шариковъ въ крови увеличивается. Причину этого явленія медики приписывали раньше дѣйствію лишь продолжительнаго пребыванія въ горахъ, но изслѣдованія доктора Гульеминетти (въ Монте-Карло) показали, что явленіе это наблюдается непосредственно при поднятіи на извѣстную высоту. Этотъ фактъ и рѣшилъ провѣрить Голе, поднявшись на воздушномъ шарѣ. Дѣйствительно, спустя лишь часъ послѣ начала подъема ему удалось конста-

---

*) Чрезвычайно интересный и обстоятельный докладъ Шреттера („Zür physiologie der Hochfahrten") напечатанъ въ январскомъ номерѣ нѣмецкаго аэронавтическаго журнала „Illustrierte aëronautlsche Mitteilungen" за текущій (1904) годъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.